Лю

ЦЫСИНЬ

ЗОЛОТОЙ ФОНД ФАНТАСТИКИ

МОРЕ СНОВИДЕНИЙ

О МУРАВЬЯХ И ДИНОЗАВРАХ.
ПЕСНЯ КИТА. УДЕРЖАТЬ НЕБО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сборник включает в себе ранее вышедшие произведения: "О муравьях и динозаврах", "Песня кита", "Удержать небо".

Лю Цысинь – лауреат премии Фонда Артура Кларка; «За влияние воображения на общество»; премии Sky Award «За особый взгляд»; Зал славы китайских премий «Галактика» и «Туманность» как лучший автор, так и за особый вклад в фантастику.

Этот сборник, включающий в себя множество рассказов и короткий роман, позволяет взглянуть на будущее и прошлое человечества сквозь призму неповторимой китайской культуры. Истории, в которых наука пытается найти ответы на глобальные философские вопросы бытия и переплетается с простыми человеческими жизнями.

«Инновационный и полный сострадания взгляд на то, как знания формируют и изменяют человечество. Лю основывает свои рассказы на современной китайской жизни и обществе, используя жанр научной фантастики для решения вопросов о месте человечества во Вселенной. Это обязательное чтение для всех поклонников твердой научной фантастики». – Publishers Weekly

«Всесторонний взгляд на творчество Лю, показывающий его работы как в стиле, знакомом читателям трилогии "ЗАДАЧИ ТРЕХ ТЕЛ", так и в других, возможно, более неожиданных стилях. Настоятельно рекомендуется». – Booklist

«Эти истории превосходно сочетают жесткую научную фантастику и мягкую эмоциональность. В произведениях Лю сохраняется спокойная, деловая стилистика, даже тогда, когда они передают изобретательную жестокость и красивые образы». – Shelf Awareness

«Это волшебство. Это машина времени; туннель, который позволяет вам вернуться назад во времени, чтобы увидеть, как выглядела китайская версия 1985, 2010, 2020 или 3000 года. Сборник дарит нам окно, из которого открывается вид на иной научно-фантастический пейзаж, отличный от того, что мы наблюдали десятилетиями». – NPR

«Лю Цысинь – автор вашего следующего любимого научно-фантастического романа». – Wired

«Обманчиво простая, но восхитительно умная книга, я просто обожаю ее». – Love Reading

«Чувство юмора Лю весьма заразительно». – Locus

«Из этой книги можно извлечь ценный урок, но Лю не собирается его вам навязывать. Если, закрыв книгу, у вас появятся

новые мысли, то только потому, что вы добровольно открыли свой разум». – At Boundary`s Edge

- Лю Цысинь
  -
  - О муравьях и динозаврах
    - Пролог
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Эпилог
  - Песня кита
    - Песня кита[4]
    - Конец микрокосмоса[5]
    - Нити[6]
    - Посыльный[7]
    - Судьба[8]
    - Бабочка[9]
    - Утром[19]
    - Слава и мечты[21]
    - Бремя воспоминаний[27]
    - Круг[29]
  - Удержать небо
    - Предисловие
    - Сельский учитель[36]
    - Переселенцы во времени[41]
    - 1 апреля 2018 года[44]
    - Пылающие недра[45]
    - Поворотный пункт[49]

        - Зеркало[51]
        - Ода «К радости»[56]
        - Заградительные помехи полного спектра[61]
        - Море сновидений[68]
        - Поэтическая туманность[70]
        - Мыслитель[72]
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37

- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72

Лю Цысинь
Море сновидений

Copyright © 2024 by 刘慈欣 (Liu Cixin)
Russian language translation rights authorized by FT Culture (Beijing) Co., Ltd
Co-published by Chongqing Publishing House Co., Ltd
All Rights Reserved

Copyright Acknowledgements

«The Cretaceous Past» (Of Ants and Dinosaurs)
Copyright © 2004 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«Whale Song»
Copyright © 1999 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«End of the Microcosmos»
Copyright © 1998 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«Fibers»
Copyright © 2001 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«The Messenger»
Copyright © 2000 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«Destiny»
Copyright © 2001 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«Butterfly»
Copyright © 1999 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«Heard It in the Morning»
Copyright © 2001 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«Glory and Dreams»
Copyright © 2003 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«Weight of Memories»
Copyright © 2010 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«The Circle»

Copyright © 2013 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«The Village Teacher»
Copyright © 2000 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«The Time Migration»
Copyright © 2014 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«2018-04-01»
Copyright © 2009 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«Fire in the Earth»
Copyright © 2020 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«Contraction»
Copyright © 1998 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«Mirror»
Copyright © 2004 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«Ode to Joy»
Copyright © 2005 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«Full Spectrum Barrage Jamming»
Copyright © 2001 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«Sea of Dreams»
Copyright © 2002 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«Cloud of Poems»
Copyright © 2003 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

«The Thinker»
Copyright © 2003 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

© А. Гришин, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

О муравьях и динозаврах
Роман

Пролог
Яркие искры

Если свести всю историю Земли к одному дню, то один час будет равняться двумстам миллионам лет, одна минута – 3,3 миллиона, а одна секунда – пятидесяти пяти тысячам лет. Жизнь появится уже в восемь или девять часов утра, а вот человеческая цивилизация возникнет только в последнюю десятую долю последней секунды дня. С тех пор, когда философы провели первые дебаты на ступенях древнегреческого храма, рабы заложили первый камень в основание Великой пирамиды, а Конфуций принял в освещенной свечами хижине с соломенной крышей своего первого ученика, до момента, когда вы перевернули первую страницу этой книги, прошла всего одна десятая часть века – часы успели тикнуть один раз.

Но как же шла жизнь на Земле за несколько часов до этой десятой доли секунды? Неужели прочие организмы только плавали, бегали, размножались и спали? Неужели они на протяжении миллиардов лет пребывали в неразумном состоянии? Неужели из всех бесчисленных ветвей древа жизни свет мысли украсил только нашу маленькую веточку? Это представляется маловероятным.

Но для семени разума вырасти в великую цивилизацию – нелегкий подвиг. Совершить его можно лишь при одновременном выполнении множества условий, а вероятность такого, пожалуй, меньше одной миллионной. Можно сказать, что зарождающийся интеллект подобен маленькому огоньку в чистом поле – его может погасить легкий ветерок любого направления. Если огоньку все же удастся поджечь окружающие травы, дорогу ему быстро преградит глинистая пустошь или ручеек, и нарождающееся пламя неизбежно угаснет. Но даже если ему повезет и он охватит большой участок леса, велика вероятность того, что вскоре пройдет сильный ливень и потушит его. Короче говоря, вероятность того, что пламя превратится в неодолимо пылающий пожар, очень мала. Так что не исключено, что на протяжении долгой истории эволюции разумные существа неоднократно зарождались, развивались до определенной степени и исчезали в бесконечной ночи древности, подобно огонькам светлячков.

Примерно за двадцать минут до полуночи – то есть до того, как вы раскрыли книгу, – на Земле зажглись два огонька разума. С точки зрения реальной истории этот двадцатиминутный период

ни в коем случае нельзя назвать коротким. Он соответствовал шестидесяти с лишним миллионам лет, и эта эпоха настолько далека от нас, что мы не в силах представить себе такой промежуток времени. Предки человечества появятся лишь через несколько десятков миллионов лет. Тогда не только людей не было, но даже континенты имели совсем иную форму, чем сегодня. На принятой геологической шкале этот временной отрезок входит в верхний меловой период и носит название маастрихтского яруса.

В то время Землю населяли животные, именуемые динозаврами. Существовало много видов динозавров, и большинство из них было очень большими. Самые тяжелые весили восемьдесят тонн – как восемьсот человек, – достигали в длину почти сорока метров, а в высоту – восемнадцати и могли бы заглядывать в окна шестого этажа. Они обитали на Земле уже около ста пятидесяти миллионов лет, то есть появились на Земле почти за четверть миллиарда лет до нынешнего дня.

По сравнению с несколькими сотнями тысяч лет, прожитых человечеством на Земле, сто пятьдесят миллионов – действительно очень долгий срок. За столь продолжительное время дождевые капли, падающие в одну и ту же точку, способны пробить Землю насквозь, а легкий ветерок, непрерывно обдувающий гору, напрочь сровнять ее. Вид, претерпевающий постоянную эволюцию на протяжении столь долгого времени, обязательно станет разумным, даже если вначале был совершенно глуп.

Именно это и случилось с динозаврами. Они выкорчевывали большие деревья, очищали стволы от ветвей и листьев и ротанговой лозой привязывали к их концам большие камни. Если камень был круглым или квадратным, получался огромный молот, способный одним ударом расплющить, скажем, нашу современную легковушку; из плоского камня – огромный топор, из заостренного – копье. При изготовлении копий динозавры оставляли на верхушках стволов несколько ветвей, служивших стабилизаторами полета. Эти копья, достигавшие в длину трех-четырех десятков метров, летали почти как наши ракеты!

Динозавры образовали примитивные племена и стали селиться в огромных пещерах, которые выкапывали сами. Они научились пользоваться огнем для освещения пещер и приготовления пищи, сохраняя тлеющие угли, оставленные ударами молнии. Вместо осветительных свечей они частенько использовали целые сосны в несколько человеческих обхватов! Головнями этих «свечек» они даже писали на стенах пещер простыми штрихами о том, сколько яиц было отложено вчера и

сколько детенышей динозавров вылупилось сегодня. Что еще важно – динозавры уже обладали зачаточным подобием языка. Для наших ушей их разговоры звучали бы как свист поездов.

Тогда же признаки зарождающегося интеллекта проявились и у другого вида обитателей Земли – муравьев. Как и динозавры, к тому времени они уже прошли длительный процесс эволюции. Они воздвигли города на всех континентах – где-то высокие муравейники, где-то подземные лабиринты. Масштабы муравьиного общества намного превосходили масштабы общества динозавров. Существовало много королевств с населением, превышающим сто миллионов; в этих обширных сообществах развивались сложные, жестко организованные структуры, функционировавшие в точном, машинном темпе. Муравьи общались друг с другом с помощью феромонов. Эти чрезвычайно сложные молекулы запаха могли передавать сложную информацию, которая наделила муравьев более развитым языком, нежели тот, что был у динозавров.

Хотя первые проблески разума появились на Земле практически одновременно сразу у двух видов – огромного и миниатюрного, каждому из них путь к цивилизации затрудняли серьезные недостатки и непреодолимые препятствия.

Главным недостатком динозавров было отсутствие рук, способных к точным мелким движениям. Их большие неуклюжие когти были бесподобны в бою – например, один их вид, Deinonychus, обладал острыми, похожими на сабли когтями, которые довольно успешно использовал, чтобы потрошить других динозавров. Они также могли изготавливать грубые орудия, но не были способны выполнять тонкие операции, мастерить сложные инструменты или изображать сложные письмена. А это является необходимым условием для развития цивилизации: только наличие универсальных рук может обеспечить самоподдерживающуюся связь между эволюцией мозга и деятельностью по выживанию.

Муравьи, в отличие от динозавров, могли выполнять невероятно тонкие операции и создавать сложные архитектурные сооружения – как надземные, так и подземные. Однако им существенно не хватало широты и разносторонности мышления. Когда критическая масса муравьев собиралась вместе, у этой общности проявлялся коллективный разум – строгий и негибкий, очень похожий на компьютерную программу. Руководствуясь этими «программами», которые разрабатывались в течение длительных отрезков времени, муравьиные колонии строили один сложный город за другим. Муравьиное общество походило на большой, точный механизм, в котором каждый отдельный

индивидуум был простым винтиком. Если один из этих винтиков отделялся от машины, его мышление оказывалось чрезвычайно поверхностным и механическим. А ведь творческое мышление, необходимое цивилизации, это прерогатива отдельных людей, например наших собратьев Ньютона и Эйнштейна. Простая избыточность коллективного разума не может породить возвышенное мышление, точно так же как сто миллионов нас, людей, думая изо всех сил, не смогли бы придумать три закона движения и теорию относительности.

При обычном ходе событий образовавшиеся сообщества муравьев и динозавров не могли бы продолжать эволюционировать. Как это случалось с бесчисленными видами до и после, пламя разума, вспыхнувшее в этих двух видах, должно было угаснуть в водах времени, проявившись лишь как два мимолетных проблеска света в долгой ночи истории Земли.

Но в один прекрасный день случилось нечто необычное.

Глава 1
Первое знакомство

Был самый обычный день завершающей части верхнего мелового периода. Мы не в состоянии установить точную дату, но это, несомненно, был самый обычный день, и Земля пребывала в покое.

Давайте-ка взглянем, что представлял собой мир в тот день. Тогда форма и положение континентов радикально отличались от нынешних. Антарктида и Австралия образовывали единое целое и превышали размером любой из континентов нашего времени, Индия была большим островом в море Тетис, а Европа и Азия – двумя отдельными массивами суши. Цивилизация динозавров развивалась преимущественно на двух суперконтинентах. Первый из них, Гондвана, несколько миллиардов лет назад был единственной сушей планеты Земля. С тех пор он успел распасться, и его площадь значительно уменьшилась, но все еще равнялась современным Африке и Южной Америке, вместе взятым. Второй, Лавразия, отделился от Гондваны и позже образовал Северную Америку.

В тот день на всех континентах каждое живое существо было занято привычным делом – выживанием. Обитатели этого нецивилизованного мира не знали, откуда пришли, и не беспокоились о том, куда идут. Когда солнце мелового периода стояло прямо над головой, а тени, отбрасываемые листьями саговников, съеживались до крошечных размеров, они были озабочены лишь поисками очередного обеда.

Один тираннозавр уже нашел чем перекусить. В тот момент он находился в центральной части Гондваны, на залитой солнцем полянке среди рощи саговых пальм. Его обед составляла большая жирная свежепойманная ящерица. Разодрав огромными когтями все еще дергавшуюся добычу пополам, он сунул ее заднюю половину в свою огромную пасть и принялся с наслаждением жевать. В эти минуты он был совершенно доволен и своей жизнью, и всем миром.

Примерно в метре от левой ноги тираннозавра находился маленький городок муравьев. В его подземной, бóльшей части обитало около тысячи муравьев. Тираннозавр в погоне за ящерицей устроил там ощутимое землетрясение, но, к счастью, не наступил прямо на город. Сейчас его жители выбрались на поверхность и разглядывали причину бедствия. Тираннозавр возвышался над ними как горный пик, пронзающий облака, и

заслонял более половины неба. Муравьям, стоявшим в тени горы, казалось, будто небо внезапно затянули тучи. Они видели, как высоко в этом небе часть ящерицы перешла из когтей тираннозавра в его пасть, намного превышавшую размером все их пещеры. Они слушали звук жевания, походивший на раскаты грома в вышине. Прежде не раз бывало, что такой гром сопровождался градом клочков мяса и обломков костей. Таких крошек с избытком хватало для еды всему муравейнику на целый день. Но этот тираннозавр держал пасть плотно закрытой, и с неба ничего не падало. Немного погодя он сунул в рот и вторую половину ящерицы. Снова загремел гром – и снова наземь не упало ни крошки съестного.

Завершив трапезу, тираннозавр отступил на два шага и, довольный, улегся в тени, чтобы вздремнуть. На глазах муравьев пик согнулся и превратился в не слишком дальний, но тоже довольно высокий горный хребет. Земля в очередной раз содрогнулась, и поляну опять озарило солнце. Муравьи качали головами и вздыхали. Сухой сезон в этом году затянулся, и с каждым днем жизнь становилась все труднее. Последние два дня они голодали.

Как раз в тот момент, когда удрученные муравьи повернули обратно к входу в город, поляну сотрясло еще одно землетрясение. Оглянувшись, они увидели, что горный хребет перекатывается с боку на бок. Вдруг тираннозавр засунул огромный коготь в пасть и принялся яростно ковырять в зубах. Они сразу же поняли, что тревожило его сон: мясо застряло между зубами и не на шутку раздражало.

И тут мэра муравьиного городка осенило. Он забрался на травинку и выпустил феромон в сторону собравшихся внизу сограждан. Все муравьи, до которых он долетел, понимали, что имеет в виду мэр, и передавали сообщение дальше. Волна возбуждения прокатилась по колонии, муравьи замахали усиками и во главе с мэром направились к тираннозавру, образовав на земле несколько черных ручейков. Сначала им казалось, что горизонт, ограниченный линией гор, находится невероятно далеко, что он хоть и видим, но недостижим. Затем тираннозавр беспокойно перекатился им навстречу, в одно мгновение сократив расстояние между собой и процессией муравьев. Огромная когтистая лапа упала с неба и с оглушительным грохотом прямо перед мэром. Сотрясение подбросило всю процессию над землей, а поднявшаяся пыль взметнулась перед муравьями, как грибовидное облако атомного взрыва.

Не дожидаясь, пока осядет пыль, муравьи поспешили за мэром влезть на коготь динозавра. Гигантская ладонь лежала

перпендикулярно земле, образуя неровный утес. Но муравьи всегда умели лазать, как мало кто другой, и отвес не стал для них препятствием. Они быстро взобрались на вершину утеса и оказались на предплечье динозавра. Для муравьев покрытое грубой кожей предплечье представляло собой плато, пересеченное оврагами. Петляя по ущельям, колонна неуклонно шествовала к конечной цели – пасти тираннозавра. Как раз в этот момент тираннозавр поднял лапу, чтобы снова поковырять в зубах. Муравьи, маршировавшие по ней, почувствовали, что почва под ногами накренилась, затем земное притяжение резко усилилось, и они вцепились кто во что мог, чтобы их не сбросило. Огромная голова тираннозавра занимала половину неба, а его медленное дыхание было подобно ветру, проносящемуся по небесам. А сверху на муравьев уставилась пара огромных глаз, и они задрожали от страха.

Заметив муравьев на своем предплечье, тираннозавр поднял другую руку, чтобы стряхнуть их. Огромная ладонь заслонила полуденное солнце, как грозовая туча, и на пересеченной равнине, куда успели добраться муравьи, сразу потемнело. Они в ужасе поднялись на задние пары лап и отчаянно размахивали усиками. Но мэр не потерял самообладание. Он картинно поднял переднюю лапу и указал на пасть динозавра. Все остальные в точности повторили его жест.

Тираннозавр сначала опешил, но через несколько секунд понял, что затеяли муравьи. Подумав еще немного, он опустил угрожающе занесенную лапу. Солнце вновь озарило предплечье, где собрались муравьи. А тираннозавр открыл пасть пошире и уперся когтем в расщелину между зубами, так что образовался очень даже удобный мост. Теперь уже муравьи засомневались, но мэр решительно направился по пальцу к временному мосту, и вся колонна устремилась за ним.

Первая группа муравьев быстро добралась до конца пальца. Остановившись на гладком коническом кончике когтя, они с благоговением заглядывали в пасть динозавра. Перед ними раскрылся ночной мир, где назревала гроза. Сильный, влажный ветер, пахнущий запекшейся кровью, обдувал их лица, из бесконечных темных глубин доносились раскаты грома. Когда глаза муравьев привыкли к полумраку, они смутно различили вдалеке большое пятно еще более плотной тьмы, границы которого постоянно меняли форму. Муравьи долго не могли сообразить, что это горло динозавра – именно оттуда прилетал грохочущий гром, рождавшийся в его желудке. Муравьи в испуге зажмурились, но затем пересилили себя, один за другим забрались на огромные зубы тираннозавра и поползли вниз по

гладким белым эмалевым скалам. И начали рвать застрявшую в широких щелях между зубами розовую плоть ящерицы своими мощными жвалами.

Время от времени кто-нибудь из муравьев отвлекался от старательного жевания и окидывал нервным взглядом два огромных зуба, уходивших ввысь по обе стороны от него. А оттуда, сверху, свешивался, поблескивая в косых лучах солнца, проникающих в пасть, еще один ряд зубов, и казалось, что эти два ряда могут сомкнуться в любой момент. Тираннозавр тем временем переместил палец на верхнюю челюсть, и непрерывный поток муравьев потек уже туда, чтобы очищать от мяса верхние зубы, зеркально отражая то, что происходило на нижней челюсти. В дюжине с лишним щелей между зубами динозавра суетилось более тысячи муравьев. Вскоре от застрявших клочьев мяса не осталось и следов.

Исчезло неудобство, так раздражавшее тираннозавра. Он еще не дошел в своей эволюции до выражения благодарности и поэтому просто медленно, с удовольствием, выдохнул. Внезапный ураган, пронесшийся по двум рядам зубов, сдул всех муравьев до единого. Они поплыли по воздуху облаком черной пыли и благодаря тому, что почти ничего не весили, благополучно приземлились примерно в метре от головы тираннозавра. Совершенно сытые, муравьи направились к входу в свой город. А тираннозавр перекатился в прохладную тень и погрузился в спокойный сон.

Вот и все.

Земля спокойно вращалась, солнце неторопливо сдвигалось к западу, заставляя удлиняться тени саговников, между которыми с новым оживлением порхали бабочки и жужжали мелкие летучие насекомые. Издали доносился приглушенный расстоянием грохот волн первобытного океана, разбивавшихся о берег Гондваны.

Никто даже подумать не мог, что в этот безмятежный час история Земли резко повернула в другом направлении.

Глава 2
Эпоха исследования организма динозавра

Через два дня после встречи с динозавром, в такой же душный полдень, жители муравьиного городка ощутили еще одно близкое землетрясение. Выскочив на поверхность, они сразу же увидели высокую фигуру и узнали того самого тираннозавра, с которым имели дело два дня назад. Тираннозавр присел на корточки, склонился мордой к самой земле и принялся ее рассматривать. Обнаружив поселение муравьев, он поднял лапу и указал на два ряда огромных зубов, торчащих из разинутой пасти. Муравьи сразу поняли динозавра, и все как один, вся тысяча, возбужденно замахали усиками. Тираннозавр положил переднюю конечность на землю и позволил муравьям забраться на нее. Сцена двухдневной давности повторилась в точности: муравьи стройными рядами прошествовали туда, где в зубах динозавра застряло мясо, наелись досыта, а динозавр избавился от раздражавшей его неприятности.

С тех пор тираннозавр стал регулярно посещать город муравьев, чтобы чистили ему зубы. Муравьи научились улавливать его шаги за тысячу метров и безошибочно отличать их от походки других ящеров. Они даже могли определить по звуку, в каком направлении двигался тираннозавр. Если он приближался к городу, муравьи нетерпеливо устремлялись на поверхность, зная, что обеспечены пищей на сегодня. Мало-помалу сотрудничество между гигантом и малютками становилось все более практичным и понятным.

В один прекрасный день земляные потолки муравьиного города вновь задрожали от приближающихся шагов, но совсем не так, как раньше: знакомый топот смешивался с незнакомыми вибрациями. Выбежав на поверхность, муравьи увидели, что их партнер привел с собой еще трех Tyrannosaurus rex и одного Tarbosaurus bataar! Все пять динозавров тыкали когтями себе в пасти и просили муравьев о помощи. Мэр с первого взгляда понял, что своим силами они не справятся, и поспешно отправил гонцов в несколько близлежащих городов. Вскоре из-за деревьев вышли и собрались на поляне три потока муравьев – всего более шести тысяч. Для того чтобы обслужить одного динозавра, требовалась тысяча муравьев – хотя, может быть, вернее было бы сказать, что для того, чтобы накормить их, хватило бы мяса, застрявшего в зубах одного хищника.

На следующий день динозавров оказалось восемь, через день

– уже десять; почти все – крупные хищники. Динозавры ломали и вытаптывали хрупкие саговники, отчего поляна быстро увеличивалась в размере, зато помогали доброй дюжине муравьиных городов решить вопрос питания.

Однако основа для сотрудничества между этими двумя видами ни в коем случае не была надежной. Во-первых, по сравнению с бесчисленными трудностями, с которыми сталкивались динозавры – голодом, когда добычи было мало, жаждой, когда вода в округе высыхала, травмами, полученными в схватках с себе подобными или динозаврами других видов, а также со множеством смертельных болезней, – застрявшее в зубах мясо было лишь очень мелкой неприятностью. Кое-кто из тех динозавров, которые приходили к муравьям, чтобы почистить зубы, делали это из любопытства или ради забавы. С другой стороны, когда закончится сухой сезон, пищи для муравьев снова станет в изобилии и им не нужно будет полагаться на столь неортодоксальный метод пропитания. Ужасные пиршества в пастях динозавров, так похожие на врата ада, не доставляли удовольствия большинству муравьев.

Важным шагом вперед в сотрудничестве между динозаврами и муравьями стало появление тарбозавра с кариесом. В тот день к муравьям, чтобы почистить зубы, пришли в общей сложности девять динозавров. Мясо из зубов у всех вычистили идеально, однако один из тарбозавров все еще был недоволен. Он высоко поднял одну переднюю лапу, чтобы муравьи, закончившие работу, не могли уйти, и настойчиво тыкал в зубы когтем другой. Мэр, возглавлявший эту колонну, вернул в пасть динозавра несколько десятков муравьев, и все они тщательно осмотрели те зубы, в которые тыкал указующий коготь. Они быстро обнаружили в гладких эмалевых стенках несколько полостей, по каждой из которых могли двигаться бок о бок два, а то и три муравья. Мэр первым нырнул в одну из этих ям; вслед за ним отправились еще несколько муравьев, и они внимательно осмотрели стены прохода. Зубы динозавра очень тверды, и те, кто был способен прокладывать туннели в подобном материале, бесспорно, не уступали по меньшей мере муравьям в искусстве копания.

Муравьи на ощупь продвигались вперед, и вдруг из ответвления прохода выскочил черный червь, в два раза больше муравья, и, щелкнув большими острыми жвалами, откусил мэру голову. И тут же, будто из ниоткуда, в туннель ворвалось еще несколько червей. Разорвав строй муравьев, они яростно атаковали. Муравьи к тому времени уже слишком устали и не могли защищаться; более половины перебили в одно мгновение.

Уцелевшие изо всех сил пытались прорваться через окружение, но, промчавшись мимо черных червей, они заблудились в лабиринте проходов. Из лабиринта выбрались только пять муравьев, один из которых нес голову мэра. Голова муравья сохраняет жизнь и сознание довольно долго после того, как ее отделят от тела. Поэтому, когда пять муравьев вынесли голову мэра из пасти динозавра, он, прежде чем умереть, сам рассказал тысяче муравьев, все еще стоящих на предплечье, что происходит в зубах, и отдал последнюю команду.

Вскоре крошечная армия из двухсот муравьев-солдат двинулась в пасть динозавра. Они очистили от врагов тот зуб, который начал обследовать мэр. Но хотя муравьи-солдаты были искусны в бою, черные черви во много раз превосходили их размерами. Зная структуру туннелей, черви успешно отразили атаку, убив не меньше дюжины муравьев-солдат, и заставили их отступить из туннеля. Боевой дух муравьиной армии начал падать, но тут прибыло подкрепление из другого города. Оно состояло из солдат другого типа – они были мельче, зато могли наносить разрушительные удары муравьиной кислотой. Вновь прибывшие ворвались в туннель, мгновенно развернулись, нацелили свои задние части на врага и выпустили мелкие струйки капель муравьиной кислоты.

Тела червей в одно мгновение превратились в обожженные черные массы, от них повалил темный дым. Вскоре прибыл еще один отряд подкрепления. Эти муравьи-солдаты также были довольно мелкими, но имели настолько ядовитые мандибулы, что даже после вроде бы безобидного укуса черный червяк дважды дергался и падал замертво.

В пасти тарбозавра разыгралась полномасштабная битва, армия муравьев наступала от зуба к зубу, истребляя черных червей. Из всех углублений эмали сочился едкий дым. Бригада рабочих муравьев вытаскивала из пасти тела черных червей и складывала на лист, который динозавр держал на ладони. Вскоре лист был доверху усеян мертвыми черными червями; над трупиками, сожженными кислотой, все еще вился дымок. Несколько других динозавров, собравшись вокруг тарбозавра, с изумлением наблюдали за происходящим. Полчаса спустя битва закончилась, и в зубах не осталось ни одного черного червя. В пасти тарбозавра стоял странный привкус муравьиной кислоты, но зубная боль, беспокоившая его на протяжении большей части жизни, исчезла. Он, взволнованно рыча, рассказывал о чуде всем присутствовавшим динозаврам.

Новость быстро распространилась по лесу, и количество динозавров, посещающих муравьев, внезапно резко возросло. Кто-

то из них все еще хотел просто почистить зубы, но большинство приходило за лечением от стоматологических заболеваний, поскольку кариес был распространен как среди плотоядных, так и среди травоядных животных. В самые оживленные дни на поляне собиралось до нескольких сотен динозавров, и, соответственно, количество муравьев, которые их обслуживали, также резко увеличилось. В отличие от динозавров, муравьи, однажды прибыв, редко возвращались обратно. Так на поляне постепенно вырос большой город с населением более миллиона муравьев; этот город, получивший название Костяной цитадели, стал первым на Земле местом, где муравьи и динозавры постоянно общались между собой. Каждый день по утоптанной почве шагали между потоками муравьев колоссальные динозавры. На поляне кипела шумная, процветающая жизнь.

Желающих полечить или почистить зубы становилось все больше, а между тем сухой сезон закончился. Муравьям больше не приходилось довольствоваться кусочками мяса, случайно застрявшими в зубах динозавров: пациенты теперь оплачивали их медицинские услуги свежими костями и мясом. Жителям Костяной цитадели больше не нужно было добывать пищу, и они превратились в профессиональных дантистов. Эта специализация повлекла за собой быстрый прогресс медицинской технологии муравьев.

В битвах за избавление динозавров от зубных червей муравьи часто путешествовали по полостям к корням зубов. На стыке зубов и десен они обнаружили толстые полупрозрачные трубки. Когда к этим трубкам прикасались во время боя, пасти динозавров сотрясали сильные землетрясения. Со временем муравьи догадались, что стимуляция этих трубок причиняла динозаврам боль – позже эти структуры назовут нервами. Но муравьи давно знали, что если грызть корни определенной травы с двумя листочками, то сначала начнут отниматься конечности, а потом и вовсе заснешь, иногда даже на несколько дней – и все это время муравей не чувствует боли, даже если ему оторвать ногу. Они попробовали смачивать каплями сока этой травы нервы в корнях зубов динозавров, и после этого прикосновение к ним уже не сопровождалось землетрясениями. У динозавров, страдавших от стоматологических заболеваний, часто гноились десны, но муравьи знали о другой траве, сок которой способствовал заживлению ран. Они наносили его на язвы, и те быстро закрывались. Внедрение этих двух методов, снимавших боль и уменьшавших воспаления, позволило муравьям излечивать динозавров не только от зубных червей, но и от других заболеваний, не связанных с этой зловредной живностью, –

зубной боли и периодонтита.

Однако подлинная революция в медицинских технологиях муравьев была связана с исследованием тела динозавра.

* * *

Муравьи были прирожденными исследователями. Причиной этого служило не любопытство – муравьи как раз не любопытны, – а инстинкт расширения своего жизненного пространства. Время от времени, уничтожая червей или поливая лекарством ряды зубов динозавра, они заглядывали в глубину его пасти. Этот темный, влажный мир далекого нутра гигантов пробуждал в муравьях невольную тягу к дальнейшему изучению, но чуждость среды и опасность предприятия снова и снова останавливали их.

Эпоху исследования тела динозавра открыла муравьиха по имени Даба[1] – первый в истории цивилизации мелового периода муравей, получивший собственное имя. После долгой подготовки Даба воспользовалась возможностью, предоставившейся вслед за истреблением зубного червя, и возглавила небольшую, из десяти солдат и десяти рабочих, экспедицию в глубины пасти тираннозавра. Борясь с экстремальной влажностью, экспедиция пересекла длинную узкую равнину языка, усеянную бесчисленными вкусовыми рецепторами, которые торчали, как белые валуны, образуя впечатляющее мегалитическое сооружение, уходившее в бесконечную темноту. Исследователи прокладывали себе путь между этими скользкими валунами. Когда динозавр открывал и закрывал пасть, свет из внешнего мира проникал сквозь щели между зубами, косо падал на равнину языка, мерцая, как молния, на горизонте, и от мегалитов вкусовых рецепторов ложились длинные колеблющиеся тени. Когда язык динозавра извивался, вся равнина поднималась и опускалась, как волны, и на мегалитах появлялась зыбкая рябь. Кошмарное зрелище повергло муравьев в ужас, но они продолжали движение. Иногда динозавр сглатывал, и с обеих сторон внезапно подступали вязкие паводки, мгновенно затапливавшие всю равнину. Муравьи цеплялись за вкусовые рецепторы, чтобы их не смыло, дожидались, пока вода отступит, и продолжали путь.

После продолжительного странствия они добрались до корня языка. Здесь далекий свет был намного слабее и едва освещал входы в две огромные пещеры. В одной пещере завывал свирепый шторм, менявший направление каждые две-три секунды. В другой пещере ветра не было, но из ее непостижимых глубин исходил

басовитый гул. Муравьи привыкли к этому звуку за время работы над зубами, но здесь он был намного громче и походил на раскаты грома. Позже они узнали, что эти громадные дыры были, соответственно, дыхательным горлом и пищеводом динозавра. Таинственный и ужасный шум нервировал муравьев больше, чем штормовой ветер, поэтому они решили проникнуть в дыхательные пути. Экспедиция во главе с Дабой осторожно спускалась по скользким стенам прохода. Когда ветер был попутным, они поспешно продвигались на несколько шагов вперед, а при встречном ветре двигаться было невозможно и оставалось лишь только распластаться и крепко держаться за стену.

Муравьи прошли не так уж далеко – их лапки хоть и слегка, но раздражали дыхательные пути. Динозавр кашлянул, чем положил конец первой экспедиции муравьев. Ураган невообразимой силы налетел из глубины туннеля, оторвал участников экспедиции от опоры и с молниеносной скоростью перенес их через равнину языка. Несколько муравьев разбились о громадные зубы, а остальных ветром выбросило изо рта.

Даба лишилась одной из своих средних ног, но, не дрогнув, быстро организовала вторую экспедицию. На этот раз ее целью была выбрана не глотка, а пищевод. Начало путешествия прошло гладко. Достигнув корня языка, муравьи проникли в пищевод и далеко проследовали по проходу. В темноте туннель казался бесконечным, а грохот из черной бездны становился все громче и громче.

В этот момент тираннозавр решил хлебнуть воды из ручья. Муравьи, спускавшиеся по пищеводу, услышали позади рев, который быстро делался громче и в конце концов заглушил привычный шум, доносившийся спереди. Стоило Дабе подать команду остановиться, чтобы выяснить, что происходит, как стена воды, заполнившая весь туннель, смыла всех муравьев вниз по пищеводу. Растерянная Даба бессильно неслась вместе с потоком и понимала только, что ее с огромной скоростью несет вниз, к желудку динозавра.

В конце концов ее с силой ударило, и она начала тонуть в чем-то липком. Она изо всех сил напрягала ноги в отчаянных попытках выбраться из густой трясины, но не могла даже пошевелиться. К ее счастью, сверху продолжала литься вода, разжижавшая слизь и поднимавшая наверх все, что успело в ней застрять. Когда течение утихло, Даба оказалась на поверхности.

Не теряя присутствия духа, она попробовала идти. Жижа под ногами была водянистой и податливой, но по ней плавало множество твердых обломков разных форм и размеров, по

которым можно было двигаться, переползая с одного на другой. Даба упорно пробиралась вперед, вытаскивая ноги из засасывающей трясины, и все же смогла достичь берега. Перед ней возвышалась мягкая стенка, покрытая ресничками, примерно с нее длиной, которые напоминали странный карликовый лес. Позднее она узнала, что это стенка желудка.

Даба начала карабкаться вверх по стенке желудка. Куда бы она ни двигалась, ближайшие реснички сворачивались, пытаясь схватить ее, но их движения были медленными, и ей без труда удавалось ускользнуть. К тому времени глаза Дабы привыкли к сумраку, царившему в этом мире. К своему удивлению, она обнаружила, что здесь все же не совсем темно. Снаружи сквозь кожу динозавра пробивался слабый свет, позволивший Дабе разглядеть четырех своих собратьев-муравьев, карабкающихся вверх по стенке желудка. Она поспешила присоединиться к ним. Немного оправившись от потрясения, пятеро муравьев стали внимательно рассматривать сверху то, что позже будет названо пищеварительным морем, – жижу, из которой выбрались.

Пищеварительное море представляло собой большую вязкую трясину. Его поверхность медленно пенилась, и время от времени большие пузыри лопались, производя знакомый грохочущий звук. Когда такой пузырь лопнул прямо под Дабой, она увидела, как короткий толстый предмет приподнялся над поверхностью моря и медленно накренился набок. Она узнала ногу ящерицы. Мгновение спустя на поверхность всплыл еще один массивный треугольный предмет. Пара больших белых глаз и большой рот выдавали в нем рыбью голову. Даба высмотрела в пищеварительном море еще немало частично переваренных предметов, в основном пережеванные останки и кости животных, а также несколько косточек диких фруктов.

В этот момент один из муравьев, оказавшийся рядом с Дабой, толкнул ее локтем и указал прямо под ноги. Она увидела, что из стены сочится прозрачная слизь. Эти выделения собирались в блестевшие в слабом свете ручейки, которые стекали через лес ресничек в бурлящее внизу море. Позже она узнала, что это желудочный сок, служащий для пищеварения. Этот сок уже покрыл нескольких муравьев целиком, у них покалывало по всему телу, и это ощущение быстро усиливалось до жжения, которое они ранее испытывали только после того, как недруги из собственной породы брызгали на них муравьиной кислотой.

– Нас переваривает! – выкрикнул один из муравьев. Даба удивилась не его сообщению, а тому, что в состоянии различать феромоны своих спутников в едкой смеси запахов, висевших в затхлом воздухе.

Он сказал чистую правду. Они уже начали перевариваться в содержимом желудка динозавра, и говоривший уже лишился усиков. Тут Даба заметила, что и от ее собственных усиков остались половинки.

– Нужно скорее выбираться отсюда! – воскликнула Даба.

– Каким образом? Мы очень уж далеко забрались. У нас просто сил не хватит, – сокрушенно ответил один.

– Нам не выбраться – ноги уже переварились, – подхватил другой. Даба лишь сейчас заметила, что и ее пять ног почти полностью растворились в желудочном соке. И у остальных четверых дела обстояли ничуть не лучше.

– Ох, если бы случился еще один потоп и нас вынесло наружу… – мечтательно протянул еще один муравей.

И тут Дабу осенило. Она посмотрела на одного из уцелевших спутников – муравья-солдата с внушительными мощными мандибулами – и объявила:

– А вот ты, тупица, как раз и сможешь устроить еще одно наводнение!

Тот в недоумении уставился на начальницу экспедиции.

– Кусай его! Грызи как можно больнее.

Боец постепенно сообразил, что от него требуется, яростно взялся за дело и быстро отгрыз несколько щетинок, оставив на стене глубокие ранки. По стенке желудка пробежала дрожь, и он тут же начал конвульсивно содрогаться. Муравьи изо всех сил вцепились в щетинки, чтобы их не сбросило вниз. Даба обратила внимание на то, что лес щетинок напрягся, а это значило, что динозавра сейчас вырвет. Действительно, желудок резко сжался, и поверхность пищеварительного моря взметнулась вверх, унося с собой муравьев. С этим потоком пятеро путешественников стремительно поднялись обратно по длинному пищеводу, пронеслись по равнине языка и, преодолев два ряда зубов, оказались в огромном внешнем мире, тяжело приземлившись в траву.

Когда же остатки отряда с великим трудом откопались из громадной лужи рвоты, их горячо приветствовало целое море муравьев – встречать великих исследователей собралась толпа в несколько сотен тысяч сородичей.

Так началась Эпоха исследования организма динозавра. Она была так же важна для цивилизации муравьев, как Эпоха великих географических открытий – для человечества.

Глава 3
Заря цивилизации

Повторяя новаторский подвиг Дабы, в глубины тел динозавров через пищевод погружалась одна экспедиция муравьев за другой. Они выяснили, что быстрее всего добраться до желудка можно, когда динозавр ест или пьет, – с потоком воды или массой пережеванной пищи.

Муравьи установили, что динозавр состоит по меньшей мере из двух систем: пищеварительной, которую исследовали уже неоднократно, и дыхательной, в которую пока что не удалось пробраться. Как только Даба оправилась от своих травм, пятиногий муравей с ненормально короткими усиками возглавил еще одну экспедицию: через трахею динозавра. На этот раз экспедиционный отряд состоял из муравьев помельче, и они держали между собой большие интервалы, чтобы свести к минимуму раздражение дыхательных путей динозавра и предотвратить катастрофический кашель.

Путешествие по дыхательным путям было очень тяжелым в сравнении со странствием через пищевод, так как не было ни еды, ни воды, с потоками которых можно было преодолеть значительную часть пути, зато почти все время приходилось бороться с ураганами. Выдержать эту экспедицию могли только самые сильные муравьи. Но великая исследовательница и ее команда снова одержали победу и впервые проникли в дыхательную систему динозавра.

В отличие от пищеварительной системы с ее влажной, удушливой застойной атмосферой, в дыхательной системе господствовали свирепые ветры и течения. В легких динозавра муравьи с благоговейным трепетом наблюдали, как в огромном трехмерном лабиринте, образованном воздушными мешочками, воздух растворяется в кровотоке. Зрелище реки крови, текущей из какого-то неведомого источника, заставило предположить, что внутри динозавров существуют и другие миры. Много позже они смогли подтвердить это предположение и узнать, что в организмах динозавров существует не только кровеносная, но и нервная и эндокринная системы.

На третьем этапе муравьи взялись за исследование черепов динозавров. Сначала они попытались проникнуть туда через ноздри, но раздражение внутренней поверхности заставило подопытного динозавра чихнуть. Случившийся порыв ветра оказался значительно резче, чем кашель, который доводилось

испытывать исследователям дыхательных путей. Муравьи вылетели из ноздрей, как пули из пистолета. Большинство участников экспедиции были разорваны в клочья. Более поздние исследователи черепа проникали через уши – с бóльшим успехом. Муравьи добирались до органов зрения и слуха динозавров и изучали эти тонкие системы. Они добрались даже до мозга, но не могли догадаться, для чего нужен этот орган; его назначение они поняли только через много лет.

Таким образом, муравьи получили детальное представление об анатомии динозавров, заложив тем самым фундамент для последующей медицинской революции.

Муравьям часто доводилось видеть больных динозавров: они походили на скелеты. Отяжелевшие веки с трудом поднимались и даже не могли полностью открыть тусклые глаза, движения были медленными и вялыми, они постоянно стонали от боли. Многие из них довольно быстро погибали. В тела этих больных динозавров экспедиции муравьев проникали чаще всего. Сравнивая их внутренние органы с аналогичными частями у здоровых динозавров, они легко определяли очаги поражения. Муравьи строили массу гипотез по поводу различных методов лечения внутренних заболеваний у динозавров, но не могли проверить на опыте ни одну из них. Лечение таких болезней стало бы грандиозным предприятием, но муравьи всегда проникали в тела динозавров без ведома последних. Пожалуй, любой динозавр, узнав, что муравьи намерены залезть ему в желудок или мозг, категорически запретил бы это, даже если бы ему объяснили, что его хотят вылечить.

Эпохальный прорыв был связан с гадрозавром по имени Алиджа – первым в истории цивилизации мелового периода динозавром, получившим собственное имя.

Алиджа однажды заявился в Костяную цитадель. Муравьям с первого взгляда на изможденную фигуру динозавра стало ясно, что он болен. Когда группа примерно из полутысячи муравьев вышла ему навстречу, чтобы приветствовать и предложить помощь точно так же, как и всем прочим пациентам-динозаврам, Алиджа открыл пасть и указал когтем внутрь. В этом жесте не было необходимости; динозавры приходили сюда только для того, чтобы чистить и лечить зубы. Но ведущий врач по имени Ави, которого позднее признают отцом муравьиной медицины внутренних органов, заметил, что Алиджа, в отличие от других динозавров, указывал не на зубы, а еще глубже, в горло. Затем динозавр указал на живот, поморщился, чтобы показать, что ему больно, и снова указал на горло. Его действия просто нельзя было истолковать двояко: он просил муравьев осмотреть его желудок.

Поэтому доктор Ави во главе команды из нескольких десятков муравьев отправился на первое в истории внутреннее обследование динозавра, добровольно согласившегося на это. Диагностическая бригада через пищевод добралась в желудок Алиджи и быстро обнаружила там повреждение в стенке. Однако в распоряжении доктора Ави имелось так мало кадровых и прочих ресурсов, что о серьезном, да еще и принципиально новом медицинском вмешательстве не могло быть и речи. Выбравшись из пасти динозавра, он потребовал срочной встречи с мэром Костяной цитадели.

Доктор Ави объяснил ситуацию и запросил ни много ни мало пятьдесят тысяч муравьев и, если брать на наши меры, около трех килограммов анестезирующих и противовоспалительных средств.

Мэр возмущенно замахала усиками:

– Доктор, ты, наверно, с ума сошел! У нас сегодня перегрузка по клиентуре! Если мы отдадим тебе столько муравьев, то без обслуживания останутся чуть ли не шестьдесят динозавров – не говоря о том, что лекарств, которые ты просишь, нам хватит на сотню пациентов. Этот гадрозавр болен! Он так слаб, что не сможет отыскать для нас ни мяса, ни костей. Как он расплатится за это невиданное лечение?

– Госпожа мэр, надо быть дальновиднее, – возразил доктор Ави. – Если наше вмешательство окажется успешным, мы, муравьи, не будем вынуждены ограничиваться только лечением зубов, но сможем справляться практически с любыми заболеваниями. Наши деловые связи с динозаврами расширятся в десятки, нет, в сотни раз!

Доводы Ави убедили мэра. Доктор получил и муравьев, и лекарства, и требовавшиеся полномочия. Быстро собрали пятьдесят тысяч муравьев и приготовили две кучи лекарств. Больной гадрозавр неподвижно распластался на земле, а ему в пасть стройными колоннами устремилась небольшая армия муравьев, каждый из которых тащил груз лекарств. А сотня с лишним гигантских динозавров замерла вокруг, с любопытством наблюдая за невиданной затеей.

– Этот идиот пустил целую кучу букашек прямо к себе в желудок! – пробурчал тарбозавр.

– Ну и что? Мы же каждый день запускаем их в рот, – рассудительно возразил тираннозавр.

– Зубы – одно дело, а желудок – совсем другое, – огрызнулся тарбозавр.

– Но если они действительно смогут вылечить его… – сказал коренастый стегозавр, повернув, насколько мог, массивную шею, чтобы лучше видеть.

– И ты ради этого пустил бы их к себе в желудок? А потом они станут забираться к нам в носы, в уши, в глаза? Да они и до мозгов доберутся! И что тогда? – Тарбозавр грозно оглянулся на травоядного стегозавра.

– Ну и что? Ты лучше представь себе, насколько легче станет жить, если любую болезнь можно будет вылечить, – мечтательно сказал тираннозавр, потирая подбородок.

– Да! Жить станет легче! Болеть – это ужасно… – загомонили динозавры.

На первом этапе операции больной участок желудка Алиджи обработали анестетиком. Это лекарство добывали из особых растений для использования во время стоматологических процедур. Его-то муравьи, под руководством доктора Ави, прежде всего потащили в желудок гадрозавра. После введения анестетика несколько тысяч рабочих муравьев начали срезать пораженные ткани. Это была сложная, тяжелая и длительная работа, так как вырезанное необходимо было извлечь наружу. Муравьи-носильщики образовали длинную непрерывную черную линию и передавали кусочки плоти от одного к другому. На земле, там, где кончалась эта цепь, начала расти кучка гнилой желудочной ткани. Когда же пораженная плоть была полностью удалена, муравьи завершили операцию, покрыв вырезанный участок противовоспалительным средством. Для этого в тело гадрозавра отправилось еще одно грандиозное шествие. Вся операция продолжалась три часа и завершилась к заходу солнца. Когда все муравьи покинули внутренности Алиджи, динозавр сообщил, что боль в животе прошла. Через несколько дней он полностью выздоровел.

Новость разлетелась по миру динозавров со скоростью лесного пожара. Количество обращающихся за лечением в Костяную цитадель выросло более чем в десять раз – одновременно все больше муравьев прибывало в город в поисках средств к существованию.

Благодаря такому сильному росту практики медицинские технологии муравьев развивались семимильными шагами. Получив возможность беспрепятственно проникать в тела динозавров, они научились лечить различные заболевания пищеварительной и дыхательной систем; позже их сфера деятельности расширилась, охватив заболевания кровеносной, зрительной, слуховой и нервной систем, для которых требовалось еще более совершенное мастерство. Постоянно разрабатывались новые лекарства, получаемые не только из растений, но и из животных, а также из неорганических минералов.

В то же время у муравьев быстро развивались

эндохирургические методы. Например, при проведении операции на пищеварительной системе больше не требовались продолжительные пешие переходы многочисленных колонн муравьев по пищеводу динозавра. Теперь они попадали в желудок методом «муравьиной лепешки»: примерно тысяча муравьев, плотно прижавшись друг к другу, образовывала во рту пациента шар диаметром десять-двадцать сантиметров, а затем динозавр запивал одну или несколько таких гранул водой, как будто проглатывал таблетку. Этот метод существенно повысил эффективность хирургического вмешательства.

Костяная цитадель продолжала расти. Некоторые динозавры, приходившие лечиться, оставались тут же. Они основали невдалеке от муравьиной метрополии собственный город. Поскольку эти динозавры строили свои дома из больших камней, муравьи назвали этот город Валунным. Костяная цитадель и Валунный город позже станут столицами Формиканской и Заурианской империй Гондваны.

Между тем некоторые из динозавров, уходивших после лечения, брали с собой группы муравьев и доставляли их в другие города и колонии динозавров по всей Гондване. Прибывая в эти далекие места, муравьи-переселенцы передали местным жителям медицинские знания Костяной цитадели. Таким образом, сотрудничество между динозаврами и муравьями постепенно распространялось по всей Гондване, став фундаментом союза этих двух столь несхожих между собой видов.

До тех пор такое сотрудничество между двумя доминирующими видами на Земле можно было классифицировать только как продвинутый симбиоз. Муравьи оказывали динозаврам медицинские услуги в обмен на еду, а динозавры обменивали еду на медицинскую помощь. Хотя этот обмен значительно эволюционировал с тех пор, как муравьи обглодали зубы первого динозавра, суть его оставалась неизменной.

Вообще-то, взаимовыгодные ассоциации такого рода между различными видами существовали на Земле издавна и сохраняются по сей день. Например, взаимоотношения очистительного симбиоза, похожие на те, что сложились между муравьями и динозаврами, установились среди морских организмов. Животные-чистильщики избавляют некоторых рыб от эктопаразитов, грибков и водорослей, от поврежденных тканей и остатков пищи, а сами при этом наедаются досыта. Они собираются на стационарных «станциях очистки», где и дожидаются прихода рыб-клиентов. Чистильщики и клиенты общаются между собой при помощи однозначно понимаемых

сигналов: например, когда креветка хочет подойти к большой рыбе, чтобы почистить ее, она прикасается к ней своими усиками.

Если рыба желает, чтобы ее почистили, она наклоняет тело, раздувает жабры и открывает рот, показывая тем самым свое согласие. Только получив этот дружелюбный ответ, креветка-чистильщик приступит к работе. В противном случае она рискует быть съеденной. Такое сотрудничество чрезвычайно важно для рыб. Если в регионе пропадают чистильщики, почти сразу же ухудшается состояние здоровья местных рыб, а потом и сокращается их численность.

Однако этот тип симбиотических отношений имеет свои ограничения. Симбионтов связывают друг с другом исключительно цели повышения качества существования, их взаимообмен ограничивается пищей и услугами, необходимыми для выживания. Но переход к цивилизации требует, чтобы симбионты обменивались чем-то более значимым, вступали в сотрудничество на более высоком уровне и могли создать союз, который являлся бы не просто симбиотическим, но и коэволюционным.

Именно на этой стадии в Валунном городе произошло нечто такое, что подняло союз динозавров и муравьев на новую высоту.

Глава 4
Письменность

Для динозавров записи на так называемых табличках значили столь же много, как для нас – записи на бумаге. Таблички существовали двух видов: стационарные и переносные. Стационарные, именовавшиеся в обиходе «слово-холм» и «слово-камень», представляли собой действительно или холм с более-менее ровным склоном, или обрыв, или большой валун с относительно гладкой стороной, где динозавры вырезали свои огромные письмена. Переносные таблички делались из самых разных материалов, но наиболее распространенными были дерево, камень и кожа. Деревянные таблички обычно представляли собой обрубок ствола, расколотый по длине, и вот на этом плоском сколе делали запись. Поскольку динозавры не были знакомы с металлом, у них не было пил, и, значит, они не умели делать доски. Чтобы раскалывать древесные стволы, они использовали массивные каменные клинья. Роль каменных табличек играли, как ясно из названия, камни – плоской формы и относительно мягкие, чтобы на них можно было выбивать надписи. Они бывали различных форм и размеров, но даже самые мелкие не уступали величиной круглому обеденному столу наших дней. Разнообразные кожаные таблички изготавливали из шкур и писали на них красками, сделанными из растений или минералов. Частенько приходилось использовать для одной записи много шкур.

Большие толстые пальцы динозавров не могли удерживать мелкие орудия для письма и резьбы и не обладали ловкостью, которая позволяла бы делать тонкие движения. Поэтому самые мелкие их знаки были размером с футбольный мяч. Так что таблички поневоле приходилось делать или выбирать очень большие, но сплошь и рядом даже на таких помещалось всего лишь по нескольку знаков.

Таблички обычно были общими для племени или селения динозавров и использовались для ведения простых записей о коллективной собственности, принадлежности к данному сообществу, рождениях, смертях, экономике производства. Племени из тысячи динозавров понадобилось бы от двадцати до тридцати больших деревьев только для того, чтобы вести реестр своих членов, а на протокол одного собрания – более ста шкур. На изготовление табличек уходила значительная часть ресурсов, сил и времени, которыми располагали динозавры, а если племена

или селения перемещались, что в эпоху, когда существование обеспечивала охота, происходило часто, транспортировка библиотек оказывалась самой трудоемкой частью переселения. По этой причине, хотя в обществе динозавров не одну тысячу лет существовал письменный язык, его культурное развитие шло мучительно медленно, а в последние несколько столетий и вовсе почти остановилось. Письменность динозавров оставалась чрезвычайно скудной. Располагая только простыми однозначными цифрами и несколькими пиктограммами, она сильно отставала от эволюции их речи. Недопустимо медленное развитие письменности стало самым большим препятствием для научного и культурного прогресса в мире динозавров, надолго задержавшим их общество в примитивном состоянии. Это был классический пример того, как неправильная форма руки может затормозить эволюцию вида.

В Валунном городе насчитывалось около сотни писцов, и одним из них был Кунда. В мире динозавров работа писца представляла собой нечто среднее между работой наших машинисток и печатников. Их главной обязанностью было копирование табличек вручную. Сейчас перед Кундой и еще двадцатью писцами громоздилась гора табличек – они делали копию реестра жителей Валунного города для сохранности. Большая часть реестра была записана на деревянных табличках. Сотни расщепленных древесных стволов были сложены в штабеля размером с холм, отчего рабочее место Кунды походило на наш современный лесосклад.

Кунда, зажав в левой лапе тупой каменный нож, а в правой – большой каменный молот, копировал пиктограммы с деревянной таблички длиной почти десять метров на две новые, покороче. Он занимался этой скучной, изматывающей работой целыми днями, но казалось, что стопка пустых колод перед ним ничуть не уменьшается. Отбросив каменные орудия, он потер усталые глаза, прислонился спиной к стопке табличек и тяжело вздохнул, испытывая глубокую подавленность из-за своей скучной жизни.

И тут на земле прямо перед ним появилась колонна из примерно тысячи муравьев; вероятно, они возвращались с операции. Вдруг Кунде пришла в голову неожиданная идея. Он встал, достал две полоски вяленого мяса светящейся ящерицы и помахал ими перед колонной. Такие ящерицы действительно испускали по ночам флуоресцентный свет, и муравьи очень любили их мясо.

Когда отряд подошел к динозавру, тот указал на табличку, которую копировал, затем на новую, где успел вырезать всего два с половиной символа, и показал жестами, чего хочет. Муравьи

поняли его сразу. Они заползли на гладкую белую поверхность деревянной таблички и начали жвалами выгрызать на дереве значки. Кунда, исполнившись самодовольного удовлетворения, снова откинулся на стопку табличек. Он понимал, что для выполнения задачи муравьям потребуется гораздо больше времени, чем ему, но терпения и упорства у них больше, чем у любого другого существа. Рано или поздно они сделают то, что нужно, а он тем временем сможет ненадолго расслабиться.

Кунда задремал. Во сне он видел себя командиром могучей армии из миллиона с лишним муравьев и воодушевленно наблюдал за их деятельностью. Армия захлестнула черным приливом сотни чистых табличек, но вскоре волна муравьев отступила. Таблички снова стали белыми, и теперь на каждой была вырезана строка аккуратных, упорядоченных символов…

Тут что-то защекотало ему лодыжку. Он вскинулся и увидел, что несколько муравьев кусают его левую лодыжку. Именно так они чаще всего привлекали к себе внимание динозавров. Видя, что он проснулся, муравьи, собравшиеся на его лодыжке, замахали усиками, указывая на планшет и давая понять, что работа выполнена. Кунда посмотрел на солнце и понял, что прошло очень мало времени. Затем он перевел взгляд на таблицу и чуть не лопнул от бешенства. Муравьи закончили наполовину написанный им знак совершенно правильно, в натуральном размере, а вот прочий вырезанный ими текст оказался во много раз мельче и казался тоненьким хвостиком при трех больших знаках! Такая работа не просто никуда не годилась – эти подлецы испортили всю заготовку!

Кунда отлично знал, что муравьи – большие хитрецы, и сейчас получил очередное доказательство этого. Он схватил веник и замахнулся было им, намереваясь покарать обманщиков, но тут его взгляд, чисто случайно, опять упал на испорченную, как он решил, табличку, и в голове вспыхнуло озарение: да, значки, вырезанные муравьями, были мелкими, но вполне читаемыми для глаз динозавров. Сам Кунда и его коллеги делали свои письмена такими крупными не для удобства чтения, а лишь потому, что никак не могли сделать их меньше. Ловкости пальцев не хватало. И он подумал, что, может быть, муравьи, отчаянно размахивающие перед ним усиками, пытаются объяснить ему именно это.

Кунда отбросил в сторону карающий веник; гневное выражение его лица сменилось улыбкой. Он аккуратно положил полоску вяленого мяса в середину толпы муравьев и искусительно помахал второй. Вернув таким образом к себе внимание муравьев, он нагнулся над табличкой, указал на три

больших значка и строчку мелких и, шевеля пальцами, попытался спросить, могут ли они вырезать значки еще мельче. Те не сразу сообразили, что он хочет от них, но все же додумались, энергично замахали усиками, выражая согласие, забрались на нетронутую часть таблички и принялись за работу. Вскоре была готова строка из значков еще меньшего размера, примерно таких же, как буквы, которыми напечатано название этой книги на титульном листе. Кунда отдал им оставшийся кусок мяса, поспешно отрубил каменным топором часть таблички с самой маленькой строкой и, зажав ее под мышкой, радостно помчался к префекту города.

Писцы считались у динозавров низким сословием, поэтому перед лестницей громадного каменного особняка, где размещалась приемная префекта и другие службы, его остановили стражники. Кунда, не вступая в объяснения, поднял перед собой обрезок деревянной таблички. Как только крупные, могучие динозавры-стражники присмотрелись к ноше Кунды, удивление на их лицах сменилось благоговейным восторгом, как будто им преподнесли священную реликвию. Налюбовавшись, они вновь перевели взгляды на Кунду, но теперь с таким видом, будто перед ними стоял великий мудрец, и без лишних слов пропустили его.

– Что это у тебя? Зубочистка? – осведомился префект, увидев Кунду.

– Нет, ваше префектство, это табличка.

– Шутить изволишь? На этой, с позволения сказать, табличке и ползнака не уместится!

– Однако на ней больше тридцати знаков. Можете убедиться сами. – Кунда протянул префекту дощечку.

Тот воззрился на нее с тем же благоговением, что и стражники.

– Думаю, что ты сделал это не сам, – сказал он Кунде после продолжительной паузы.

– Конечно нет, ваше префектство. Это муравьи!

Крохотная табличка пошла из лап в лапы по кругу муниципальных чиновников. Точно так же мы могли бы разглядывать, скажем, диковинную костяную фигурку. И между динозаврами, составлявшими правящий слой Валунного города, вспыхнуло оживленное обсуждение:

– Такие маленькие значки… Потрясающе!

– И притом прекрасно читаемые!

– Очень много наших предшественников пытались научиться писать вот так – мелко и аккуратно, – но ни у кого пока не получалось.

– Да, эти мелкие козявки обладают очень, очень полезными

способностями.

– Давно пора было бы догадаться, что муравьев можно использовать не только в медицинских целях!

– Только представьте себе, сколько материалов мы сэкономим!

– Да! А как просто будет перемещать записи! Посудите сами: я ведь смогу в одиночку унести весь реестр городского населения! А прежде для этого требовалась сотня носильщиков!

– По-моему, никто не обратил внимания на еще один аспект: теперь мы сможем использовать для записей другие материалы!

– Совершенно верно! Обойдемся без древесных стволов: пластины коры легче и удобнее для переноски.

– Да, кора и шкуры мелких ящеров будут обходиться гораздо дешевле.

Префект прервал гам энергичным взмахом лапы.

– Что ж, теперь муравьи будут вести для нас записи! Начнем мы с того, что соберем для этого дела армию, порядка миллиона. – Он ненадолго задумался, обвел взглядом помещение и в конце концов ткнул когтем в сторону Кунды: – А заниматься этим будешь ты!

Таким образом, сбылось сновидение Кунды, а Валунный город, да и весь мир динозавров стал тратить гораздо меньше древесины, камня и шкур. Но на фоне действительного влияния, которое оказало это событие на ход истории цивилизации мелового периода, экономия была мелочью.

Итак, динозавры при помощи муравьев научились делать записи мелким шрифтом и фиксировать огромные объемы информации. К тому же алфавит делался все сложнее и богаче. У динозавров появилась возможность полно и систематически сохранять все имеющиеся знания и опыт, используя письменные слова и математические уравнения. Более того, в письменном виде эту информацию можно было широко распространять, тогда как прежде ее необходимо было хранить в памяти и передавать из уст в уста. Это замечательное достижение дало новый импульс науке и культуре мелового периода, прервав ее продолжительный застой и положив начало головокружительному развитию цивилизации.

Между тем новые приложения для мелкой моторики, несравненно развитой у муравьев ввиду их очень малых размеров, обнаруживались во всех концах мира динозавров. Взять, к примеру, технологию измерения времени. Солнечные часы динозавры изобрели невесть когда, но поскольку в качестве гномона они использовали большой ствол дерева и рисовали вокруг него грубые часовые линии, смотреть время можно было

только там, где часы находились. Благодаря использованию мастерства муравьев солнечные часы удалось сделать меньше, а часовые линии – точнее, что позволило динозаврам носить их с собой. Позже динозавры изобрели песочные часы и водяные часы, и хотя они могли сами изготавливать сосуды – основную часть этих устройств, – только муравьи были в состоянии просверлить отверстия, через которые пересыпалось содержимое сосудов. А уж производство механических часов без муравьиного труда вообще было бы невозможно – ведь даже в «дедушкиных часах» высотой с динозавра содержалось множество мелких деталей, которые могли изготовить только муравьи.

Однако наиболее значимым вкладом помимо письменности, который муравьи своими умениями и навыками внесли в развитие цивилизации, стали научные эксперименты. Благодаря способности муравьев к тонкой работе теперь удавалось проводить точные измерения, прежде недоступные для динозавров, что позволило им перейти от качественных научных экспериментов к количественным. Экспериментальные исследования, которые когда-то считались невозможными, стали реальностью, и это привело науку мелового периода к быстрым успехам.

Муравьи стали практически неотъемлемой частью мира динозавров. Среди динозаврьей знати распространилась повальная мода всегда носить с собой миниатюрные муравьиные гнезда. Как правило, это были деревянные шары, где обитало несколько сотен муравьев. Если динозавру требовалось что-то написать, следовало расстелить на столе пласт коры или кусок пергамента из чьей-то шкуры и положить рядом муравьиное гнездо. Муравьи выбегали наружу и принимались выгрызать буквы, которые диктовал динозавр. Муравьи писали совсем не так, как делаем это мы, – они разбивались на мелкие группы и гравировали сразу много знаков, отчего их скорость написания многократно превосходила нашу. Естественно, карманные муравейники, вернее их обитатели, помогали выполнять очень много других дел, где требовались тонкие действия.

Что касается муравьев, то они получали от динозавров гораздо больше, чем прежние кости и куски мяса. Новое сложившееся партнерство дало муравьиному миру то, чего у них никогда прежде не было, – письменный язык. Впрочем, муравьи не скоро постигли эту концепцию и оставались без письменности еще долго после того, как стали делать записи для динозавров, ограничиваясь простым копированием знаков, нанесенных динозаврами на большие таблицы, на маленькие и в меньшем размере. Их производительность была невысока, поскольку они

могли копировать значки лишь последовательно и по одному. Но динозаврам позарез требовались муравьи, которые могли бы писать под диктовку, как секретари, а муравьи, осознавшие значение письменного языка для общества, жадно стремились учиться. Благодаря дружным усилиям обеих сторон муравьи быстро освоили алфавит динозавров и позаимствовали его для собственного использования.

Для цивилизации мелового периода главное значение появления у муравьев письменного языка, созданного прежде динозаврами, заключалось в том, что он стал мостом между столь не похожими мирами. Муравьи со временем научились понимать речь динозавров, а вот последние никак не могли понять язык муравьев, основанный на феромонах, – этого не позволяла их физиология. Поэтому между двумя мирами происходили только простые обмены. Но после того как муравьи овладели письменным языком, ситуация кардинально изменилась: муравьи теперь могли общаться с динозаврами посредством письменности. Чтобы облегчить это общение, они изобрели поразительный метод. Тысячи муравьев собирались на ровной, желательно прямоугольной площадке и выстраивались группами, образующими знаки и строки текста. Эта техника парадно-строевой композиции совершенствовалась с каждым днем. В конце концов муравьи наловчились настолько плавно переходить от одного построения-записки к другой, что смена строя-текста происходила практически незаметно, как на экране компьютера.

По мере развития общения между двумя мирами муравьи перенимали у динозавров все больше знаний и идей, и новые научные и культурные достижения стремительно распространялись в муравьином мире. Вот так был преодолен основной недостаток общества муравьев – слабость творческого мышления, – и их цивилизация вступила в эпоху быстрого развития. У динозавров и муравьев в их союзе были весьма несхожие роли: муравьи заменяли динозаврам ловкие пальцы, а те, в свою очередь, генерировали идеи для обоих народов. Сплав этих взаимодополняющих коллективных разумов на завершающем этапе мелового периода в конце концов породил впечатляющую ядерную реакцию. В сердце Гондваны взошло солнце цивилизации, разогнавшее продолжительную ночь эволюционной истории жизни на Земле.

Глава 5
Эпоха парового двигателя

Время шло своим чередом. Минула тысяча лет. Муравьи и динозавры создавали обширные империи, а вся Меловая цивилизация перешла на качественно новый этап.

В мире динозавров началась эпоха парового двигателя. Ящеры добывали самые разнообразные минералы, выплавляли и использовали многие металлы. Им не удалось приручить электричество – зато они создавали большие сложные машины, приводимые в действие энергией пара. Они построили в разных концах континента множество крупных городов, связанных между собой сетью ширококолейных железных дорог. Поезда, катавшиеся по этим путям, состояли из вагонов размером с наши пяти-шестиэтажные дома, и таскали их столь же громадные паровозы. Они сотрясали землю далеко в стороны от своего пути и испускали клубы пара, сливавшиеся с облаками на горизонте. Динозавры пользовались высотными воздушными шарами, покрывавшими тенью целые города, над которыми проплывали. Все океаны Земли бороздили построенные ими большие суда, приводимые в движение паровыми машинами или огромными парусами. Целые флотилии этих кораблей, похожие на плавучие горные хребты, несли гондванских динозавров и муравьев на другие континенты, распространяя модель цивилизации, базирующуюся на союзе этих столь несхожих видов, по всему позднемеловому миру.

По меркам самих муравьев, их империя была невообразимо громадна. Они давно уже не строили подземные муравейники, их города были разбросаны по всем континентам, как звезды по небу. Нам трудно осознать громадные размеры цивилизации динозавров, но столь же непросто поддается осмыслению микроскопичность и хрупкость цивилизации муравьев. Как правило, город муравьев занимал площадь с футбольное поле, но, изучив его через увеличительное стекло, можно было бы поразиться его сложности и размаху – в соответствующем масштабе, естественно. Дома, построенные муравьями, имели метр-два высоты и чрезвычайно запутанную планировку – настоящие трехмерные лабиринты. Поезда у них были не крупнее наших самых маленьких искусственных автомобильчиков, а грузовые воздушные шары, увлекаемые самым легким ветерком, походили на мыльные пузыри. Этим транспортным средствам были доступны только короткие расстояния. Если муравей решал

отправиться куда-нибудь далеко, необходимо было использовать для этого поезда, корабли и воздушные шары динозавров.

Между мирами динозавров и муравьев сложились тесные обоюдно выгодные взаимоотношения. В один прекрасный день динозавры изобрели технологию печати, позволявшую с помощью машин быстро воспроизводить на бумаге объемные тексты, а заодно и пишущие машинки, клавиши которых были размером с наши компьютерные экраны – под размер их пальцев. Но хотя в этом деле динозавры теперь обходились без помощи, в других областях способности муравьев к тонкой работе стали еще важнее. Да что говорить: даже печатные прессы и пишущие машинки никак нельзя было сделать без множества деталей, требовавших при изготовлении большой точности, доступной только муравьям. С появлением в мире динозавров настоящей, полномасштабной промышленности спрос на тончайшую работу многократно увеличился. Изготовление клапанов и манометров для паровых машин, компасов океанских лайнеров и тому подобное требовало участия искусников-муравьев. А уж медицина, с которой начался союз этих двух видов, практически полностью принадлежала муравьям, поскольку динозавры с их лапищами просто не в состоянии были научиться оперировать себе подобных.

Да, динозавры и муравьи полагались и опирались друг на друга, но при этом сохраняли независимость в собственных делах, что приводило к появлению все новых и более сложных экономических взаимоотношений. В мире имели хождение два вида бумажных денег: купюры размером с японскую циновку татами[2], которые использовали, естественно, динозавры, и крохотные прямоугольнички муравьев. Эти деньги были равноценными и обменивались один к одному.

В первом тысячелетии Меловой цивилизации отношения между мирами муравьев и динозавров были гармоничными и – в общем – обходились без трений. Эта гармония обеспечивалась в первую очередь взаимозависимостью и четким пониманием того, что распад союза повлечет за собой пагубный кризис у обеих сторон. Второй причиной было крайне низкое потребление ресурсов обществом муравьев. Они занимали мало места, их материальные потребности было легко удовлетворить. Большая часть территории Формиканской империи пересекалась с Заурианской территорией, но не накладывалась на нее, что позволяло динозаврам и муравьям сосуществовать, не вступая в заметную конкуренцию.

Однако резкие различия в физиологии и социальных структурах этих видов неизбежно проявились в форме

непреодолимой культурной пропасти между двумя цивилизациями. Из-за этого миры муравьев и динозавров так и не стали по-настоящему единым целым: по мере развития цивилизации межкультурный конфликт между ними становился неизбежным.

С ростом интеллекта у обеих рас стало развиваться осознание необъятности космоса, но научные методы изучения основополагающих законов вселенной все еще находились в зачаточном состоянии. Наука не давала немедленных и внятных ответов на вопросы, поэтому в обоих мирах родилась религия, развившаяся до пламенного фанатизма. Когда различия между муравьями и динозаврами нашли выражение в религии, латентный кризис начал переходить в открытое состояние и над цивилизацией мелового периода сгустились темные тучи.

В Валунном городе ежегодно проходила встреча правителей динозавров и муравьев. Суверены Зауринской и Формиканской империй обсуждали главные проблемы, стоявшие перед их мирами. Столицами государств все также были Валунный город и Костяная цитадель. На фоне величественного города гигантов-динозавров Костяная цитадель походила разве что на почтовую марку, скромно прилепленную на угол большого конверта, но статус обеих столиц неизменно оставался равным. Так что, когда Лассини, правительница Формиканской империи, прибыла в высоченный и просторный дворец императора зауроподов, ее встретили с величайшим почетом. Знатные и тем более верховные представители муравьев всегда являлись к динозаврам в сопровождении отряда солдат, именуемого разговорным корпусом. Его обязанности, как видно из названия, заключались в переводе в текстовый вид феромонных речей представителя муравьев. Численность корпуса зависела от ранга визитера; муравьиную королеву сопровождал самый большой эскорт – сто тысяч солдат.

Под звуки фанфар почетного караула динозавров стотысячная фаланга проследовала за королевой в зал. Черный квадрат площадью два метра медленно двигался по гладкому и блестящему, как зеркало, полу и остановился перед императором динозавров, вышедшим вперед, чтобы приветствовать королеву.

Император Урус заговорил первым:

– Хе-хе… Королева Лассини, это ведь вы шествуете перед фронтом этого черного квадрата? Как же долго мы не виделись? Год? – Урус нагнулся, долго смотрел на пол перед разговорным корпусом, потом покачал головой: – Помнится, в нашу прошлую встречу я видел вас, а вот сейчас никак не рассмотрю! Увы, старею, и зрение уже не то что прежде.

Черный квадрат распался и стремительно образовал несколько строчек крупных букв: «Вероятно, дело в цвете пола. Будь он из белого мрамора, вы отлично видели бы меня. Ее императорское величество Лассини, правительница Формиканской империи, выражает наилучшие пожелания его императорскому величеству Урусу».

Урус улыбнулся и кивнул:

– Хе-хе… И мои наилучшие пожелания вашему императорскому величеству. Полагаю, посол уведомил вас о том, какие вопросы мы хотели бы сегодня обсудить.

Глядя на возвышающуюся перед нею громаду динозавра, королева Лассини шевельнула усиками и высказала ответ в форме феромонов. Уловив химический сигнал, старшие командиры немедленно передали его своим подчиненным, стоявшим позади. Дисциплинированные солдаты двигались стремительно и четко, как детали хорошо отлаженного и смазанного механизма; в мгновение ока химическая реплика королевы выразилась в буквах: «Цель встречи – урегулировать религиозный диспут между нашими мирами. Эта проблема терзает нас с времени царствования вашего предшественника и теперь стала причиной худшего из кризисов, когда-либо затрагивавших союз муравьев и динозавров. Ваше величество, несомненно, понимает, что из-за него Земля стоит на грани катастрофы».

Урус снова кивнул:

– Совершенно верно, ваше величество. Я со своей стороны не сомневаюсь, что вы полностью сознаете, насколько трудно найти выход из этого кризиса. С чего вы предлагаете начать?

Королева на мгновение задумалась, а потом разговорный корпус с быстротой молнии перестроился на мраморном полу: «Предлагаю начать с того пункта, по которому мы с вами согласны».

– Отлично. Динозавры и муравьи согласны в том, что этот мир может иметь только одного бога.

«Совершенно верно».

Правители немного помолчали.

– Нужно договориться о том, как выглядит бог, – сказал Урус. – Мы спорили об этом тысячу раз, но придется опять вернуться к вопросу.

– Да, в этом суть конфликта и всего кризиса, – согласилась Лассини.

– Не может быть сомнений, что бог имеет облик динозавра, – сказал император динозавров. – Мы видим бога очами нашей веры, и в его образе воплощены все динозавры.

– Не может быть сомнений, что бог подобен муравью, – возразила муравьиная королева. – Мы также видим бога очами нашей веры, и в его образе воплощены все муравьи.

Урус улыбнулся и покачал головой:

– Королева Лассини, будь у вас хоть капля здравого смысла, мы разрешили бы проблему в один миг и без всякого труда. Неужели вы всерьез считаете, будто бог может быть такой козявкой, не больше пылинки, как вы? Да разве смог бы крохотный бог создать огромный мир, в котором мы с вами обитаем?

– Величина – это еще не сила, – не согласилась Лассини. – Рядом с горными хребтами и океанами вы, динозавры, тоже не больше пылинки.

– Но мы обладаем творческими способностями, чего нет у вас, – сказал Урус. – А общество муравьев – сложно сконструированная отлаженная машина, в которой любой муравей всего лишь крошечный винтик.

– Одними мыслями мир не создать. Подумайте сами: без наших умений чуть ли не все изобретения динозавров так и остались бы мечтами. Сотворение мира, несомненно, представляло собой чрезвычайно точно рассчитанное и скрупулезно осуществленное мероприятие. Его мог выполнить только бог-муравей.

Урус расхохотался.

– Что меня сильнее всего раздражает в вас, муравьях, это ущербное воображение. Похоже, ваши крохотные мозги годятся только для простейших арифметических действий. Вы и впрямь лишь крошечные винтики в машине! – Он нагнулся к самому полу и прошептал стоявшей перед ним муравьиной королеве: – Я вам все объясню. Когда бог создавал мир, ему вообще не нужно было ничего делать. Он просто придал форму своим мыслям, и – фу-ух! – эти мысли превратились в мир. Ха-ха-ха!

Он выпрямился и вновь зашелся в хохоте.

– Ваше величество, я пришла сюда не для того, чтобы спорить с вами о метафизике. Нам следует разрешить чрезмерно затянувшееся противоречие между нашими мирами.

Урус воздел когтистые лапы и воскликнул:

– Ну вот, мы с вами согласны еще в одном вопросе! Несомненно, мы должны раз и навсегда покончить с этим противоречием! Ваше величество, прошу вас, предложите свое решение.

Лассини ответила без малейшей заминки. И чтобы подчеркнуть решительность ее заявления, солдаты разговорного корпуса обвели надпись ровной, как по линейке начерченной

рамкой: «Заурианской империи надлежит немедленно разрушить все храмы, посвященные богу-динозавру».

Урсус и его министры озадаченно переглянулись, а потом дружно закатились хохотом:

– Ха-ха-ха! Такие мелкие козявки, а как громко сказано!

Лассини твердо продолжала:

– Муравьи приостанавливают все работы и поголовно покидают города динозавров. Мы не вернемся до тех пор, пока все храмы не будут разрушены в соответствии с нашим требованием.

– Я со своей стороны объявляю вам ультиматум Заурианской империи: Формиканская империя должна до конца недели разрушить все храмы, посвященные богу-муравью. По истечении этого срока имперская армия растопчет и сровняет с землей каждый муравьиный город, в котором останется храм бога-муравья, – провозгласил Урус.

– Это объявление войны? – спокойно спросила Лассини.

– Надеюсь, до этого не дойдет. Ведь для войск динозавров будет позором воевать с такой мелочью.

Муравьиная королева молча повернулась и направилась к выходу. Каре сопровождавших ее солдат расступалось перед нею и вновь смыкалось, пропустив повелительницу.

И тут же динозавры беспокойно встрепенулись. Обитатели карманных муравейников, висевших у них на поясах или лежавших на столах, покидали свои жилища и спешили присоединиться к строю, покидавшему дворец.

Печатная промышленность у динозавров давно была механизирована, но в быту очень многие из них все еще пользовались услугами муравьев для записи под диктовку. И почти все носили с собой маленькие муравейники-брелоки, как мы носим авторучки. Муравейники эти различались формой и размером и, случалось, представляли собой истинные произведения искусства. Динозавры считали их чуть ли не обязательным личным украшением и вдобавок индикатором богатства и общественного положения. Но муравьи, жившие в этих брелоках, не являлись личной собственностью динозавров. Те нанимали их в Формиканской империи, и сейчас муравьи немедленно откликнулись на призыв своей королевы. Сбегая по ножкам столов и по ногам динозавров, они вливались в уходившую фалангу.

– Вот те на! Как я буду составлять документы и готовить обзоры, если все они уйдут? – воскликнул один из министров-динозавров.

Урус махнул когтистой лапой.

– Они скоро вернутся и вновь примутся за работу, – уверенно сказал он. – Муравьиный мир без нас не выживет. Пф-ф-ф! Мы покажем этой мелочи, на чьей стороне бог и его силы.

Уже возле самой двери Лассини остановилась, повернулась, что-то сказала по-своему, и муравьи стремительно выстроились в строку текста: «Именно это Формиканская империя непременно покажет вам».

Глава 6
Оружие муравьев

Королева собрала в императорском дворце Костяной цитадели высший совет и проинформировала его о том, как прошли и чем закончились переговоры с правителем динозавров.

– Что? Мы будем воевать с динозаврами? Но ведь это же безумие! Они так велики, а мы так малы! – воскликнула министр-муравей.

– Империя прошла долгий путь. Только идиот может считать размер главным показателем силы! – заявила маршал Долира, главнокомандующая армией империи, и повернулась к королеве: – Будьте уверены, ваше величество: у армии хватит сил, чтобы справиться с этими неуклюжими громилами!

– Слова – это всего лишь слова, – сказала министр маршалу. – Я знаю, что вы лично вели армию в невесть сколько сражений и плавали на кораблях динозавров, чтобы воевать на других континентах. Но ведь все это были лишь стычки с нецивилизованными муравьиными племенами. Простите, но я сомневаюсь, что, если придется сражаться с животными, во много раз превосходящими нас размерами, любая из ваших дивизий сможет одолеть хотя бы ящерицу.

Королева склонила усики к маршалу:

– Да, Долира, мне нужны не пустые обещания, а детально разработанные стратегия и тактика. Так что скажи мне прямо: как, по твоему мнению, следует действовать имперской армии?

– Мы тысячу лет лечили динозавров и теперь до мельчайших подробностей знаем их анатомию. Отряды имперской армии будут проникать в тела динозавров и поражать их жизненно важные органы. В войне такого рода наши малые размеры – большое преимущество.

– И как вы намерены проникать в них? – спросила другая министр. – Когда они будут спать?

Маршал отрицательно помахала усиками:

– Нет, чтобы иметь моральное превосходство, мы не должны первыми начинать военные действия. Атаковать динозавров мы будем прямо на поле боя.

– Легко сказать, а как будет на деле? На поле боя динозавры будут начеку и к тому же бегать и скакать. Смогут ваши солдаты в таких условиях забраться в них? Даже если они будут стоять смирно и позволят зацепиться за ступню, сколько времени потребуется, чтобы добраться до носа или рта? Пока ваша армия

будет идти к цели, они превратят нашу столицу в глубокую яму!

Вместо того чтобы ответить по существу, маршал обвела взглядом всех участниц высшего совета и сказала:

– Дорогие подруги, наша прозорливая королева Лассини давно предвидела разрыв союза муравьев и динозавров. Еще на заре своего царствования она приказала готовить имперскую армию к войне. Мы провели серьезные исследования, разработали новое оружие и тактические методы для борьбы против динозавров. Давайте выйдем наружу, и мы покажем вам два самых многообещающих вида оружия.

Высший совет в полном составе отправился на плац, раскинувшийся позади дворца. Две дюжины солдат вытащили туда странное сооружение: маленькую – для всех, кроме муравьев, – рогатку, прочно прикрепленную к длинному лафету. Солдаты туго растянули эластичную ленту, в середине которой находился объемный карман, и зафиксировали ее крюком на механизме, расположенном на дальнем конце лафета. Затем они забрались в карман и, крепко вцепившись друг в дружку, образовали черное ядро, еще один солдат нажал рычажок, растянутая лента освободилась и, громко чавкнув, выбросила черное ядро метров на двадцать вперед и вверх. Достигнув верхней точки полета, ядро распалось, и две дюжины муравьев плавно полетели порознь, сверкая на солнце гладкими черными телами.

– Это оружие – Формиканская катапульта, и это ответ на первый вопрос из заданных, – объяснила маршал Долира.

– Пф-ф-ф… По мне, это больше похоже на бесполезную акробатику, – пренебрежительно бросила одна из министров.

– Стратегический принцип имперской армии – наступление, – сказала другая министр. – Прежде вы сами утверждали, что основная, даже единственная оперативная задача – атака, атака, атака. А теперь, похоже, вы сменили девиз на «оборона, оборона, оборона».

– Нет, стратегическая доктрина имперской армии остается наступательной, – ответила маршал.

– Но каким образом? Даже если такие штуки, что вы сейчас показали, будут действовать, мы определенно не сможем потащить их на штурм Валунного города. Им придется стоять здесь и ждать нападения динозавров на нашу столицу.

– Совершенно верно. Сейчас вы увидите оружие, которое мы сможем использовать для штурма городов динозавров. – Маршал взмахнула усиками.

Несколько солдат подтащили и сложили чуть поодаль желтые комочки, похожие на рисовые зерна. Один из солдат развернулся

и брызнул каплю муравьиной кислоты на зернышко. Через минуту оно вспыхнуло ярким белым пламенем, которое полыхало секунд десять.

– Это оружие называется зерно-мина. Оно представляет собой зажигательный заряд с часовым устройством, которое активируется муравьиной кислотой. Задержка воспламенения может составлять от нескольких секунд до нескольких часов. Как только муравьиная кислота проест оболочку, мина загорится и температуры огня хватит, чтобы воспламенить любой находящийся вблизи горючий материал.

Чиновники недоверчиво покачивали усиками.

– Это же детские игрушки! – воскликнула одна из министров. – Даже если такая штука вспыхнет прямо на голове императора динозавров, он пострадает не больше, чем от случайного ожога сигаретой! А вы утверждаете, что она сможет разрушить Валунный город?!

– Скоро сами увидите, на что способна эта штука! – уверенно заявила маршал.

Глава 7
Первая динозавро-муравьиная война

Ночью прошел сильный ливень, но к утру тучи разошлись, и оно выдалось ясным и солнечным. На небе не осталось ни облачка, воздух был свеж. В свете восходящего солнца все виделось очень четко, как будто природа тщательно подготовила сцену для битвы, которая должна была решить судьбу цивилизации мелового периода.

Битва развернулась на обширной равнине между Валунным городом и Костяной цитаделью. С поля боя обе столицы можно было лишь с трудом разглядеть вдали. Две тысячи воинов-динозавров построились фалангой лицом к Костяной цитадели. Муравьям, оставшимся в столице, они казались невероятно высокой стеной, неожиданно выросшей на горизонте. В отличие от прошлых сражений с себе подобными, динозавры не стали надевать доспехов и даже не взяли оружия. Им объяснили, что нужно будет всего-навсего, сохраняя строй, пройти маршем по Костяной цитадели. Десять миллионов муравьев, выступивших против динозавров, выстроились в несколько сотен каре, покрывших землю черными коврами.

Тишину нарушил тираннозавр, возглавлявший войско динозавров, генерал-майор Икста. Его голос раскатился над равниной, как близкий гром:

– Жалкие букашки! До срока императорского ультиматума осталось десять минут. Если вы пообещаете немедленно вернуться в Костяную цитадель, разрушить ваши еретические капища, а затем возобновить работу в Валунном городе, я дам вам дополнительное время. Если же нет, имперская армия начнет наступление! Взгляните на стоящих перед вами солдат: их две тысячи, и это всего лишь тысячная часть нашего непобедимого войска, но ее вполне хватит, чтобы уничтожить столицу Формиканской империи! Да наши дети строят из чурбачков игрушечные города куда больше, чем ваша так называемая цитадель! На нее даже воинам идти не обязательно – достаточно позвать малышей, они пописают, и ее смоет начисто! Ха-ха-ха!

Над полем предстоящей битвы вновь воцарилась тишина. Солнце мелового периода поднималось все выше, и десять минут вскоре истекли.

– В атаку! – скомандовал генерал Икста, и фаланга динозавров двинулась вперед. Дружная поступь двух тысяч динозавров сотрясала землю и волновала воду в лужицах,

оставшихся после дождя. Армия муравьев не двигалась с места.

– Королева Лассини и маршал Долира! Не знаю, где вы находитесь, да и знать не хочу, но если вы не прикажете вашей мелочи убраться с дороги, мы растопчем всех вас в грязь! Ха-ха-ха! – прогремел Икста, обращаясь к неподвижным черным каре муравьев.

В тот же миг Икста увидел, как по рядам муравьев пробежала странная рябь, и, присмотревшись, разглядел, что черные одеяла, застилавшие землю, ощетинились бесчисленным множеством непонятных сооружений, словно сквозь них внезапно проросла короткая трава. Это была вовсе не трава, а сто тысяч формиканских катапульт, но Икста, естественно, не имел никакого понятия о том, что это и для чего. У него мелькнула тень сомнения, но фаланга динозавров продолжала размеренное движение.

В следующий миг с армией муравьев приключилось еще одно неожиданное изменение: черные полотнища, устилавшие землю, вдруг рассыпались и превратились во множество шариков. Икста поневоле вспомнил о поразительной четкости движений муравьев из разговорного корпуса и даже подумал, что миллионы муравьев решили сказать что-то своим противникам, но в боевых порядках муравьев не последовало дальнейших изменений.

Фаланга динозавров неуклонно наступала, и вот уже до муравьиного фронта осталось каких-то десять метров. С такого расстояния Икста уже смог вполне ясно разглядеть катапульты. То, что он принял издали за странную траву, оказалось миниатюрными рогатками с туго натянутыми резинками и карманами, которые отряды муравьев чем-то заряжали! Затем раздались чуть слышные нежные звуки вроде стрекотания, с каким капли дождя падают на поверхность воды, и в воздух взлетела сотня тысяч ядер, состоявших из муравьев. Земля перед Икстой вновь обрела свой природный цвет, а крохотные ядрышки взлетали над первыми рядами наступающей фаланги и рассыпались. Оказалось, что каждое состояло из нескольких десятков муравьев, которые теперь падали вниз. Воздух вокруг динозавров оказался так густо насыщен муравьями, что стало невозможно даже дышать без риска вдохнуть несколько штук. Ящеры принялись отмахиваться, хлопать себя по головам и бокам, и фаланга сразу пришла в расстройство.

Иксте удалось смахнуть часть муравьев, осыпавших его голову и плечи, но многие благополучно скрылись в складках грубой шкуры генерала. Пока когтистые лапищи отряхивали и скребли туловище, несколько муравьев-солдат пересекали его лоб, направляясь к глазам. Для них это было все равно что

одолеть пустынное плато, пересеченное холмами и оврагами. К тому же плато непрерывно раскачивалось, так что муравьям приходилось тщательно цепляться за почву, чтобы не упасть. Когда же они добрались до края надбровной дуги, им открылось головокружительное зрелище.

Представьте себе, что вы стоите на вершине горы Тай[3], а она шествует куда-то на паре мощных ног. Что еще кошмарнее, подняв голову, вы увидите вокруг еще добрую тысячу таких же шагающих гор!

А прямо перед собой муравьи-десантники обнаружили правый глаз динозавра. Для них он походил на замерзший круглый пруд, слабо изогнутая поверхность которого не лежала горизонтально, как следовало бы воде, а довольно резко уходила вниз. Трое десантников осторожно двинулись по гладкой мембране. Третье веко динозавра было настолько скользким, что из-за малейшей неосторожности можно было бы сорваться и упасть. Отступив от края, муравьи принялись терзать влажный лед мощными хелицерами. Из глаза потекли слезы, покатившиеся по замерзшему пруду, словно прибывающая вода, и трех муравьев смыло с века.

Пока Икста протирал глаз, еще трое муравьев шмыгнули ему в ноздри. Преодолевая воющие ураганы, они ловко пробирались через волнующийся лес носовых волосков, умудряясь при этом не вызвать у великана чихания. Из носовой полости они проворно пробрались к тыльной стороне глазного яблока – этот путь был хорошо им знаком по множеству проведенных хирургических операций. Оттуда муравьи направились к мозгу по полупрозрачному зрительному нерву. Время от времени им преграждали дорогу тонкие мембраны, но они попросту прогрызали в них дырки и перебирались на другую сторону. Дыры были настолько малы, что тираннозавр ничего не чувствовал.

Довольно скоро три муравья добрались-таки до мозга, который, словно загадочное уникальное существо, мирно плавал в море цереброспинальной жидкости. После непродолжительных, но вдумчивых поисков они отыскали толстую артерию – главный путь снабжения мозга кровью. Через просвечивающую стенку они видели, как струился с негромким рокотом темно-красный поток. Как раз в этот момент мозг Иксты работал с повышенным напряжением, обрабатывая информацию с поля боя, поступающую по зрительным и слуховым нервам, и река крови снабжала его необходимой энергией и кислородом.

Три муравья были ассистентами нейрохирурга и невесть сколько раз бывали в подобных местах – они прочищали

тромбированные кровеносные сосуды и спасли жизнь множеству динозавров. Но сейчас у них была совершенно противоположная цель. Они со знанием дела принялись грызть мощными мандибулами стенку трубы. Как только три глубоких надреза почти сомкнулись в кольцо, муравьи поспешно удалились тем же путем, по которому пришли. Им совершенно не хотелось видеть результат своей работы: будучи специалистами, они точно знали, что произойдет дальше. Высокое давление заставит капельки крови просачиваться сквозь порезы на стенках артерии. Потом, как стекло, ломающееся по тонкому надрезу, сделанному алмазом, стенка лопнет, и кровь польется не столько по своей трубе, сколько из нее наружу, быстро окрашивая прозрачную цереброспинальную жидкость в алый цвет. А мозг, лишенный кровоснабжения, побледнеет и конвульсивно задергается.

Между тем Икста боролся с хаосом, воцарившимся в подчиненном ему войске, выкрикивал приказы и пытался восстановить разрушенный строй, но вдруг у него стало темнеть в глазах и все вокруг закружилось. Муравьи, успевшие добраться до носовой полости, ощутили невесомость, а потом мощное сотрясение. Их мир несколько раз перевернулся и замер на месте – они поняли, что динозавр упал. Потом ураган, струящийся сквозь его ноздри, стих, и отдаленные редкие удары сердца прекратились. Тираннозавр Икста, командующий армией Заурианской империи, погиб на поле боя от кровоизлияния в мозг.

А следом за ним стали падать и другие динозавры. Кто-то был убит точно так же, как их командир, но еще больше погибло от разрыва коронарных артерий или паралича, вызванного повреждением спинного мозга. Муравьи проникали в тела своих врагов через уши, носы и рты. Во время попытки наступления динозавры потеряли убитыми более трехсот солдат. Поле боя было усыпано массивными трупами и оглашалось стонами умирающих. Уцелевшие динозавры, совершенно деморализованные ужасающим развитием событий, удирали назад быстрее собственного рыка. Но многие из них несли в своих телах муравьев-солдат, которые продолжали атаку, и поэтому то тут, то там кто-то из беглецов обрушивался наземь.

Одновременно с отражением атаки на Костяную цитадель Формиканская империя начала другую стратегическую военную операцию. Подготовка к войне против муравьев практически не повлияла на повседневную жизнь столицы. Исход муравьев пока что не повлек за собой сколько-нибудь серьезные последствия: лишение тех услуг, которые издавна предоставляли динозаврам муравьи, воспринималось как всего лишь неудобство. Что

касается самой войны, то никто из динозавров не воспринимал ее всерьез. Все были уверены, что для могучей армии Зауриансой империи справиться со смешными микроскопическими букашками будет так же легко, как пошевелить когтистым пальцем. Численность отправленного войска – две тысячи динозавров! – воспринималась даже с некоторой неловкостью: разве требуется такая мощная сила, чтобы растоптать песочницу, смеха ради именуемую городом и столицей. Впрочем, это решение оправдывали тем, что император, несомненно, решил как следует устрашить непокорных муравьев демонстрацией силы.

В то утро день в столице империи начался как обычно. С автовокзала у восточных ворот города на улицы выехало более тысячи громадных автобусов. Меловая цивилизация той эпохи еще не дошла до переработки нефти и использования полученных фракций – и поезда, и автобусы динозавров мало отличались от локомотивов, приводились в движение огромными тяжеловесными паровыми машинами. В тот день улицы Валунного города были, как обычно, заполнены паром, сквозь который ползли в разные стороны бесчисленные автобусы размером с наши многоэтажные дома.

Этот день отличался от других тем, что во многих автобусах имелись группы необычных безбилетных пассажиров, тихонько прокравшихся туда под покровом ночи, – муравьев-солдат. В автобусе № 1, маршрут которого служил главной городской артерией, находилось больше всего безбилетников – целая дивизия из десяти тысяч муравьев! Они укрывались в самых разных неожиданных местах: под дверными порогами, в ящиках с инструментами, на рессорах и в угольном бункере. Да что там говорить, в такой громадной и сложной повозке спрятать дивизию армии Формиканской империи – как нечего делать.

Автобус № 1 десять минут пыхтел в облаках пара по гулким улицам и в конце концов прибыл на первую остановку. Вместе с пассажирами-динозаврами его покинула рота из двухсот муравьев. Они попросту рассыпались из-под порога на землю. Каждый держал в жвалах по зерно-мине. Покинув автобус, муравьи проворно скрылись в трещине тротуара. Их черные блестящие тела практически не выделялись на фоне мокрого асфальта, и шедшие по улице динозавры, да еще среди постоянно клубящегося пара, просто не могли их заметить. Динозавров было много, тени от их массивных фигур то и дело погружали землю в сумрак. Время от времени кто-нибудь из них наступал и прямо на трещину, по которой шел отряд, но она была достаточно глубока, и все обходилось благополучно. В конце концов муравьи

добрались до здания такой высоты, что даже верхняя половина входной двери пряталась в облаках, роль которых играли клубы вездесущего пара. Отряд просочился через щель под дверью и оказался в доме.

Все постройки динозавров были очень высоки, а уж для муравьев каждый такой дом представлял собой целый мир, и внутри они чувствовали себя практически так же, как под открытым небом. Здание, в которое они попали, служило складом, и муравьи ползли по широким ровным проходам между стеллажами со всякой всячиной. Этот мир был сумрачным, свет попадал туда только через маленькое окошко, расположенное под самым потолком. Муравьи скоро отыскали свою цель – штабель деревянных бочек. Динозавры еще не дошли до использования электричества, для освещения использовали масляные и керосиновые лампы. В бочках, возвышавшихся над отрядом муравьев, как раз содержался осветительный керосин. После быстрого поиска диверсанты обнаружили на полу маленькие влажные пятна, образовавшиеся там, где бочки чуть заметно подтекали. Туда-то они и поместили свои зерно-мины – больше сотни. Затем они дружно повернулись к минам задом и по команде лейтенанта брызнули на каждую капелькой муравьиной кислоты, которая сразу же начала разъедать оболочку, чтобы впоследствии запустить воспламенитель. Задержка была рассчитана на шесть часов – заряды должны были вспыхнуть в два часа пополудни.

Между тем на каждой остановке любого из тысячи автобусов, курсировавших по Валунному городу, тайно высаживался отряд муравьев, сразу же направлявшийся в одну из близлежащих построек. К полудню по всем уголкам города рассредоточилось около миллиона муравьиных диверсантов – сто дивизий армии Формиканской империи, – каждый из которых заложил по мине на доступные горючие поверхности. В правительственных учреждениях, торговых лавках, школах, библиотеках и жилых домах лежали зерно-мины, готовые воспламениться в два часа пополудни.

Правитель Заурианской империи Урус еще изволил почивать, но несколько офицеров, вовремя сориентировавшихся и успевших благополучно сбежать с поля боя, подняли его с постели. Император принимал нескольких правителей из Лавразии, они пировали всю ночь, вино лилось рекой, и лег он только под утро. Услышав о гибели генерала Иксты, а с ним и доброй половины отряда заурианской имперской армии, он в первый момент решил, что ему рассказывают небылицы, разъярился и уже собрался судить никчемных безумцев военным судом, но тут

обнаружилась мелочь, открывшая ему глаза на истинный масштаб угрозы, исходящей от муравьев.

Командир дворцовой стражи, стоявший рядом с высочайшим ложем, вдруг в испуге вскрикнул и взмахнул куском материи.

– Идиот, что ты делаешь с моей наволочкой?! – взревел Урус. Сегодня, похоже, его окружали только безумцы или злоумышленники, и он намеревался покарать их самым жестоким образом.

– В-ваше… ваше величество… Я только что разглядел… Посмотрите сами… – Стражник развернул перед императором злополучную наволочку, и оказалось, что она вся испещрена ровными рядами дырочек. Это было не что иное, как письмо, оставленное муравьями, пробравшимися в императорские покои, пока тот спал. Оно гласило: «Мы можем лишить вас жизни, когда пожелаем!»

Урус некоторое время разглядывал наволочку, и его пробрал мороз. Он огляделся по сторонам, будто ожидал увидеть привидение. Другие динозавры рухнули на колени и принялись рассматривать пол, но не увидели никаких признаков присутствия муравьев. О том, что они побывали здесь, свидетельствовала только наволочка с устрашающей надписью. Никто не мог предположить, что кроме угрозы муравьи оставили во дворце еще и тысячу своих зерно-мин. Желтые комочки, которые динозавры не могли разглядеть невооруженным глазом, были прицеплены к москитному пологу императорской кровати, ее ножкам, к дивану, ко многим предметам громоздкой деревянной мебели, спрятаны в гороподобных стопках документов… Муравьиная кислота медленно разъедала их оболочки, и, как и все остальные мины, они должны были вспыхнуть в два часа дня.

Военный министр Заурианской империи закончил тщетные поиски на полу, выпрямился во весь рост и обратился к императору:

– Ваше величество, осмелюсь напомнить, что я предостерегал вас. В войнах между разными видами большой размер, естественно, дает преимущество, но и у мелочи есть свои сильные стороны. Нам не следовало недооценивать муравьев.

Урус вздохнул:

– И что мы будем делать дальше?

– Не тревожьтесь, ваше величество. Генеральный штаб был готов к осложнениям. Обещаю вам, что имперская армия еще до исхода дня сровняет Костяную цитадель с землей!

Через три часа после разгрома первого наступления армия Заурианской империи предприняла второй штурм Костяной

цитадели. Атакующие силы также насчитывали две тысячи динозавров и наступали таким же строем фаланги, но на сей раз на голове у каждого воина был металлический шлем.

Муравьи, оборонявшие свою столицу, прибегли к прежней тактике. Их катапульты извергли навстречу наступающим сотни тысяч муравьев, которые дождем посыпались на головы и плечи динозавров. Однако на сей раз они оказались лишены возможности беспрепятственно проникать в тела гигантов. Металлические шлемы плотно облегали головы бойцов, их забрала состояли из сплошного листа толстого стекла, вентиляционные отверстия были затянуты частой металлической сеткой, и соединения не имели зазоров. Кроме того, они надежно крепились на шеях специальными шнурами. В общем, головы были защищены очень надежно.

Главнокомандующая Долира приземлилась на шлем одного из врагов и с отвращением посмотрела под ноги. Всего два месяца назад муравьи активно способствовали изготовлению этих шлемов. Они собственными лапами плели металлическую сетку, закрывающую вентиляционные отверстия. Динозавры уверяли, что они предназначены для пасечников и будут защищать их от пчел. А на самом деле, выходит, Заурианская империя давно уже тайно готовилась к войне.

После того как тактика воздушного налета провалилась, вторая линия обороны формиканской армии попыталась использовать против динозавров луки и стрелы. Полтора миллиона муравьев одновременно спустили тетивы. Навстречу фаланге динозавров, как песок, несомый порывом ветра, полетела туча крохотных стрел, но это оружие не смогло причинить никакого вреда громадным солдатам противника. Стрелы отскакивали от толстой жесткой кожи динозавров и сыпались наземь.

Динозавры шествовали сквозь муравьиное войско, оставляя на земле глубокие следы, в каждом из которых корчились, умирая, тысячи раздавленных муравьев. А те, кому посчастливилось не попасть под смертоносные ступни, могли лишь бессильно провожать взглядами гигантские тела, проносившиеся наверху в сторону Костяной цитадели.

Фаланга беспрепятственно достигла города, и динозавры принялись яростно пинать и топтать все, что там было. Большинство построек Костяной цитадели были динозаврам чуть выше, чем по щиколотку, и те одним пинком рушили целые кварталы. Маршал Долира и несколько солдат все еще метались по шлему тираннозавра, пытаясь найти путь к уязвимым отверстиям тела. Глядя с высоты, они видели только руины там,

где только что прошли динозавры. В некоторых домах все еще горели огоньки. Отсюда муравьи видели Костяную цитадель такой, какой она представлялась динозаврам, и воистину почувствовали, сколь мал и слаб их вид.

Тираннозавр решительно шагал к башне Имперского торгового центра. Трехметровый небоскреб был самым высоким зданием всей Формиканской империи, высшим достижением ее архитектуры, но доставал чудовищу лишь до бедра. Тираннозавр присел на корточки. Муравьи, суетившиеся у него на голове, ощутили непродолжительную невесомость, а потом над горизонтом шлема динозавра показалась вершина башни. Гигант некоторое время рассматривал ее, а потом протянул когтистую лапу, подцепил строение под фундамент и вырвал из земли. Выпрямившись, он принялся крутить ее перед глазами, как забавную игрушку. Муравьи с его головы тоже рассматривали башню. Они видели голубое небо и белые облака, отражающиеся в темно-синей глазури, покрывавшей башню, бесчисленные застекленные окна, сверкающие в солнечных лучах. Все они хорошо помнили, как в первый школьный день поднимались вереницей вслед за учительницей на вершину торгового центра, чтобы с высоты посмотреть на Костяную цитадель…

А тираннозавр крутил башню в лапах до тех пор, пока она не переломилась пополам. Он выругался и лениво, один за другим, отшвырнул обломки в сторону. Они пролетели по высокой дуге и рухнули посреди отдаленного района, разрушив при падении много других домов.

Под ногами двух тысяч динозавров, которые были настолько велики, что не помещались все вместе на территории Костяной цитадели, столица Формиканской империи за несколько минут превратилась в россыпь мелко раздробленного щебня. Над ней поднимались тучи желтой пыли. Солдаты динозавров разразились восторженными победными криками, которые, впрочем, замерли у них на губах, как только кто-то обернулся и указал в сторону Валунного города.

Над столицей Заурианской империи поднимались густые клубы черного дыма.

Урус в окружении телохранителей со всех ног бежал из дворца, где все сильнее сгущался дым, и лоб в лоб столкнулся с охваченным паникой министром внутренних дел.

– Ваше величество, это ужасно! Весь город охвачен огнем! – взвизгнул министр.

– Ну, и где твои пожарники? Пусть гасят!

– Ваше величество, я же говорю: весь город пылает. Пожарных вызвали, но они прежде всего кинулись тушить дворец.

– Кто устроил пожар? Муравьи?!

– А кто же еще? Нынче утром больше миллиона их пробралось в город.

– Ах проклятые, мерзкие твари! И как же они разжигали огонь?

– Вот этим, ваше величество. – Министр проворно открыл бумажный пакет. Урус довольно долго и пристально всматривался внутрь, но так ничего и не увидел, пока министр не подал ему увеличительное стекло. Сквозь него император рассмотрел несколько зерно-мин.

– Муниципальный патруль сегодня утром отобрал это у нескольких муравьев.

– Что это такое? Муравьиное дерьмо?

– Это нечто вроде миниатюрной зажигательной бомбы! Они активируют ее с помощью муравьиной кислоты, начало действия может быть отсрочено. Муравьи разложили больше миллиона таких штук по городу в разных огнеопасных местах, и не менее одной пятой из них разгорелось. Из этого расчета следует, что в Валунном городе сейчас полыхает двести тысяч очагов горения. Даже если попытаться созвать пожарных со всей империи, погасить такой пожар будет невозможно!

Урус, лишившись дара речи, уставился на стремящиеся к небу густые клубы черного дыма.

– Ваше величество, нам придется покинуть город. У нас просто нет иного выхода, – сказал полушепотом министр внутренних дел.

К ночи Валунный город являл собой огненное море. Пламя разлилось на половину ночного небосвода, породив над сердцем Гондваны обманную зарю. Все дороги, ведущие из города, были забиты спасающимися динозаврами и их громадными повозками, в глазах каждого динозавра отражались огонь и ужас. Император Урус и несколько его министров долго стояли на невысоком холме и глядели на гибнущий в пламени город.

– Приказываю наземным силам империи немедленно атаковать и стереть с лица земли все муравьиные города на континенте. Немедленно отправить быстроходные суда на другие континенты, передать этот приказ всем имперским наземным воинским силам и обязать безотлагательно начать кампанию. Мы нанесем муравьиному миру удар, от которого он не сможет оправиться!

Так началась и продолжалась война между муравьями и динозаврами. Она в считаные дни охватила всю Гондвану и менее чем за месяц распространилась по всем континентам, сделавшись самой первой в истории мировой войной. Она причиняла

жестокие страдания обеим сторонам. Города динозавров один за другим превращались в пепелища, а города муравьев становились гравийными площадками под тяжелыми ногами динозавров.

Муравьи не ограничивались уничтожением поселений врагов, они поджигали своими зерно-минами огромные пространства полей, лугов и лесов. Погасить миллионы одновременно загорающихся очагов было невозможно никакими силами. Лесные и степные пожары пылали на всех континентах, их густой дым заволакивал небо, порождая экологическое бедствие. Дым от горящих лесов, посевов и пастбищ накрыл весь мир и резко снизил яркость солнечного света, достигавшего поверхности Земли. Урожайность посевов резко снизилась, и динозавры, которым требовалось очень много пищи, начали голодать.

Муравьи не остановились на пожарах, они атаковали врагов со всех направлений. Их излюбленная тактика ударов изнутри наводила ужас на все общество динозавров. Те стали носить маски и не снимали их даже во сне, поскольку крохотные муравьи могли расхаживать по громадным домам ящеров, как им заблагорассудится.

Но и муравьи получали от динозавров серьезный урон. Почти все их города были уничтожены, пришлось вернуться к подземной жизни. Динозавры частенько находили и уничтожали их крупные поселения, кроме того, они стали широко использовать химическое оружие. Динозавры создали безвредный для себя, но смертоносный для муравьев токсин, который их не только убивал, но и резко суживал доступные им сферы деятельности. Важным обстоятельством оказалось отсутствие у муравьев средств передвижения на дальние расстояния. Прежде они пользовались для путешествий транспортными средствами динозавров и таким образом поддерживали контакты между всеми частями Формиканской империи; теперь же война лишила их такой возможности. Удаленные области империи остались без связи с метрополией и между собой, и Формиканская империя стала распадаться.

Война влекла за собой и еще более серьезные последствия: поскольку вся Меловая цивилизация зиждилась на союзе динозавров и муравьев, его распад оказал пагубное влияние на гражданское общество обоих миров. Социальный прогресс остановился, начали проявляться признаки упадка. Само существование Меловой цивилизации повисло на волоске.

И муравьи, и динозавры вкладывали в мировой конфликт все свои силы, но ни те ни другие не могли достичь абсолютного перевеса на поле боя. Началась затяжная война на измор. Постепенно главнокомандующие обеих враждующих сторон

пришли к адекватной оценке положения: в их противостоянии не будет победителей, это закончится гибелью всей великой Меловой цивилизации. На пятом году войны противники начали переговоры о мире, центральное место в которых заняла историческая встреча императора Заурианской империи и королевы Формиканской империи.

Она состоялась среди руин Валунного города, на том самом месте, где прежде стоял императорский дворец, где проходили традиционные ежегодные встречи правителей, на последней из которых случился тот самый раздор, повлекший начало войны. После пожара от некогда величественного дворца остались только стены, сквозь многочисленные трещины в которых можно было разглядеть закопченные остовы других разрушенных домов. За минувшие пять лет здесь разрослись сорная трава и ползучие лианы, было похоже, что окружающий лес вознамерился в скором времени поглотить остатки города. Солнце то скрывалось в дыму отдаленного лесного пожара, то выглядывало, играя на развалинах дворца светом и тенями.

– Не сказать, чтобы я хорошо видел, но мне сдается, что вы – не королева Лассини, – сказал Урус, всматриваясь в стоявшую перед ним правительницу муравьев.

– Она умерла. Мы, муравьи, живем не так долго, как вы. Я тоже Лассини – вторая королева, носящая это имя, – ответила королева Формиканской империи. Она привела с собой разговорный корпус из всего лишь десяти тысяч солдат, и Урусу пришлось нагнуться, чтобы прочесть ответ.

– Я думаю, пора положить конец этой войне, – сказал император Урус.

– Полностью согласна с вами, – ответила Лассини II.

– Если войну не закончить, – продолжал Урус, – муравьи вернутся к поеданию тухлого мяса звериных трупов и будут таскать жуков в свои крохотные подземные ямки.

– Если войну не закончить, динозавры снова будут скитаться по лесам, охотиться на своих соплеменников и поедать их сырыми, – ответила Лассини II.

– В таком случае, полагаю, у вашего величества имеется предложение насчет того, как ее завершить, – сказал Урус. – Мне кажется, нам следует начать с непосредственной причины, которая ее вызвала. Многие динозавры и, наверно, муравьи уже забыли, в чем было дело.

– Насколько помню я, разногласия возникли по поводу образа бога – муравей он или динозавр…

– Последние годы самые выдающиеся ученые Заурианской империи усиленно изучали этот вопрос и пришли к новому

выводу: бог не имеет сходства ни с муравьем, ни с динозавром. Более вероятно, что бог вообще не имеет облика, наподобие порыва ветра, солнечного луча или воздуха, окутывающего мир. Воплощения бога можно увидеть в каждой песчинке и в каждой капле воды.

– Мы, муравьи, не обладаем столь образным мышлением, как вы, динозавры, и в такие философские глубины мы проникаем лишь с большим трудом, но я склонна согласиться с этой гипотезой. Интуиция подсказывает мне, что бог и впрямь не имеет формы и муравьи склонились к недопустимому идолопоклонничеству.

– Точно так же ударилась в недопустимое идолопоклонничество и Заурианская империя. В таком случае, ваше величество, могу ли я сделать вывод, что у муравьев и динозавров один бог?

– Вполне можете, ваше величество.

Так завершилась Первая динозавро-муравьиная война. В ней не оказалось победителя и побежденного. Уже довольно скоро восстановился разрушенный войной союз. На руинах старых городов выросли новые, и Меловая цивилизация, долго балансировавшая на краю гибели, возродилась к новой жизни.

Глава 8
Информационная эра

Незаметно прошла еще тысяча лет. Меловая цивилизация миновала Электрическую и Атомную эры. Наступила эра Информации.

Города динозавров стали намного больше, чем были в Эпоху пара, их небоскребы вздымались на десять тысяч метров, а то и выше. С крыш открывались точно такие же виды, как и с высотных летательных аппаратов, облака, казалось, обнимали землю. Когда тучи особенно сгущались, обитателям верхних этажей, где днем всегда светило солнце, приходилось звонить по телефону швейцару и спрашивать, идет ли внизу дождь и нужно ли взять зонтик, чтобы не промокнуть по дороге с работы домой. Естественно, зонтики у них были огромные, вроде наших цирков шапито.

Автомобили динозавров давно уже работали на бензине, но все равно соответствовали размерам наших многоэтажных домов и при движении тяжело сотрясали землю. На смену дирижаблям пришли самолеты размером с наши океанские лайнеры. Звуки, которые сопровождали их полет, походили на непрерывную близкую грозу; по земле бежали громадные тени, как от туч. Динозавры даже вышли в ближний космос: вокруг земли вращались по геостационарным орбитам их спутники и космические корабли. Как и все прочие транспортные средства динозавров, они были огромными, и с Земли вполне можно было разглядеть их формы невооруженным глазом.

По сравнению с Эпохой пара численность динозавров возросла десятикратно. Поскольку они очень много ели, а все предметы, которые они использовали, были очень велики, то и ресурсы потреблялись в астрономических количествах. Для удовлетворения потребностей динозавров существовали неисчислимые сельскохозяйственные и промышленные предприятия, где работали машины, энергию которым поставляли атомные реакторы. Небо над ними постоянно закрывал густой дым. Один только объем материального производства делал систему обращения энергии, сырья и финансов настолько сложной, что ее невозможно было координировать без компьютеров. Так что все части мира динозавров связывала воедино обширная и очень затейливо устроенная компьютерная сеть. Сами компьютеры тоже были огромными: каждая клавиша клавиатуры была размером с экран нашего компьютера, а экран –

со стену комнаты.

Информационная эра началась и у муравьев. Энергию они получали совсем не из тех источников, что динозавры, – не сжигали нефть и уголь, а преобразовывали энергию ветра и солнца. Над муравьиными городами возвышались ветрогенераторы, схожие размером и формой с вертушками, какими любят играть наши дети, а на крышах глянцево сверкали черные солнечные панели. Еще одним важнейшим технологическим прорывом муравьев стала развитая биоинженерия, позволившая создать искусственные двигательные мышцы. Волокна таких мышц походили на связку проводов; смоченные питательным раствором, они начинали сокращаться и растягиваться с разной частотой, производя энергию. Именно эти искусственные мышцы приводили в движение автомобили и самолеты муравьев.

Были у муравьев и свои компьютеры – круглые гранулы размером с рисовое зернышко; они, в отличие от динозавров, не использовали интегральные схемы. Все вычисления производились путем сложных органо-химических реакций. У муравьиных компьютеров не было экранов – информация выводилась в форме феромонов. Эта сложная и тонкая система годилась только для самих муравьев, обладавших органами чувств, способными переводить запахи в словесное выражение, математические значения и образы. Эти крохотные химические компьютеры также были связаны в сеть, но не посредством оптических волноводов и электромагнитных волн, а все тех же феромонов, с помощью которых осуществлялся обмен информацией.

Структура муравьиного общества тех времен совершенно не походила на муравьиные колонии, которые мы видим сегодня, а имела большое сходство с человечеством. Производство эмбрионов основывалось на биотехнологии, и поэтому муравьиные королевы играли весьма незначительную роль в размножении вида и не имели того высокого общественного статуса, каким обладают в наши дни.

После завершения Первой динозавро-муравьиной войны между двумя мирами не возникало серьезных столкновений. Напротив, союз укреплялся, что способствовало неуклонному развитию Меловой цивилизации. В Информационную эру динозавры стали, как никогда прежде, зависеть от способностей муравьев производить тонкую работу. На каждом их промышленном предприятии работали полчища муравьев, которые изготовляли мельчайшие детали, производили тончайшие инструментальные действия, осуществляли ремонт и

уход за оборудованием и выполняли множество других действий, недоступных динозаврам. Еще одной важнейшей областью жизни общества динозавров, в котором муравьи играли незаменимую роль, оставалась медицина. Абсолютно все хирургические вмешательства осуществляли муравьи, которые забирались в глубины гигантского организма и проводили там необходимые манипуляции. К тому времени муравьи обзавелись сложными медицинскими техническими устройствами, среди которых были не только лазерные скальпели, но и миниатюрные субмарины, способные передвигаться по кровеносным сосудам динозавров и чистить их. Для межвидового общения муравьям уже не требовались переговорные армейские части. Существовали электронные устройства, переводившие феромонную речь муравьев в голосовую речь динозавров, и постепенно стремительные перестроения муравьиных масс, образовывавших каллиграфические письмена, отошли в область преданий.

Формиканская империя Гондваны постепенно подчинила своему влиянию и вывела на схожие уровни развития нецивилизованные племена муравьев на всех континентах. Образовалась Формиканская федерация, в которую входили все муравьи Земли.

А вот единая некогда Заурианская империя разделилась на две. Население Лавразии добилось независимости, и там образовалась Лавразийская республика динозавров. Тысячелетняя экспансия Гондванской империи привела в ее состав прото-Индию, прото-Антарктиду и прото-Австралию, тогда как Лавразийская республика распространилась на территории, которым в далеком будущем предстояло стать Азией и Европой. Основную часть населения Гондванской империи составляли Tyrannosaurus rex, а Лавразийской – Tarbosaurus bataar. В ходе многовековой территориальной экспансии на линиях соприкосновения двух наций тлела почти непрерывная война. На исходе Эры паровых машин многочисленные флоты обеих держав одновременно пересекли пролив Прототетис и напали друг на друга. В многочисленных яростных сражениях на просторных равнинах погибли миллионы динозавров, их трупы лежали как горные хребты, по земле текли реки крови. Позже, с наступлением Электрической эры, континенты еще не раз сотрясались от жестоких войн, после которых многие города динозавров приходилось строить заново.

Но когда динозавры овладели атомной энергией, войны прекратились на целых два столетия. Причиной этому стало ядерное сдерживание: обе державы накопили громадные арсеналы термоядерного оружия, которое в случае конфликта

гарантированно превратило бы Землю в безжизненную головешку. Лишь благодаря боязни обоюдного уничтожения планета продолжала балансировать на лезвии ножа.

Но время шло, и численность динозавров на планете достигла более чем впечатляющего уровня. Их поселения росли как грибы, сплошь и рядом сливаясь между собой, загрязнение окружающей среды усиливалось с каждым днем, и параллельно нарастала опасность ядерной войны. Между мирами динозавров и муравьев вновь произошел раскол, и над Меловой цивилизацией опять сгустились зловещие облака.

Глава 9
Встреча на высшем уровне

С Эры паровых машин ежегодные встречи правителей динозавров и муравьев проходили без осложнений. Более того, они считались наиболее важными дипломатическими событиями Мелового мира. На этих встречах правители обоих народов обсуждали состояние отношений между ними и искали пути решения важнейших проблем.

В этом году встреча должна была состояться в Мировом зале Гондванской империи – самом большом здании Меловой цивилизации. Он был настолько громаден, что внутри сложился собственный микроклимат. Под высоким куполом нередко образовывались облака, из которых мог пойти дождь и даже снег, температура в разных частях настолько различалась, что эта разница порождала порывы, а то и устойчивые ветры. Архитекторы, проектировавшие постройку, не предвидели подобных эффектов. Из-за странного микроклимата огромный зал оказался малопригодным для использования, поскольку внутри там было почти так же, как снаружи. Не раз прямо посреди него приходилось возводить временные постройки, потому что во время переговоров начинался дождь или снег. В этот раз в Мировом зале стояла ясная и теплая погода, и через сотню с лишним окон купола, каждое из которых сияло, как маленькое солнце, падали вниз яркие столбы света.

Две делегации динозавров: одна во главе с императором Гондваны, а вторая – с президентом Лавразийской республики – расположились вокруг большого круглого стола, находившегося в центре зала. Этот стол соответствовал по площади футбольному полю современных людей, но все равно терялся в необъятных просторах зала. Делегация муравьев, предводительствуемая Верховным консулом федерации Качикой, еще не заняла свое место. Самолет муравьев, похожий на изящное белое перо, еще только снижался к столу. Когда он поравнялся с краем, динозавры вдруг стали дуть на него. Самолетик стало болтать в воздухе, а динозавры закатились хохотом. Этой шутке было уже много лет, и она давно стала традиционной. Несколько муравьев даже вывалились наружу. Благодаря своей легкости они благополучно опустились на стол, и главным неудобством для них стала необходимость идти пешком к центру.

Остальные муравьи благополучно посадили самолет на хрустальную пластину посреди стола – традиционно отведенное

для них место на саммите. Сидевшие вокруг гиганты не видели их с такого расстояния, но специальная телекамера передавала изображение муравьев на большой экран, установленный сбоку от стола, на котором они, в многократно увеличенном виде, не просто равнялись размерами динозаврам, но казались даже массивнее и мощнее. Их отливающие металлическим блеском тела походили на идеальные военные машины.

Генеральный секретарь саммита, стегозавр с высоким костяным гребнем вдоль спины, объявил встречу открытой. С первым же его словом присутствовавшие посерьезнели, а как только он умолк, поднялись со своих мест и отсалютовали знамени Меловой цивилизации, торжественно поднимающемуся на флагштоке чуть поодаль. На знамени было изображено восходящее солнце, перед которым стояли динозавр, в облике которого причудливо сочетались признаки всех существующих рас этого народа, и равная ему ростом фигура муравья, сложенная из множества мелких представителей вида.

Затем собравшиеся без предисловий перешли к первому вопросу повестки дня: обсуждению основных глобальных кризисных точек. Первым выступала верховный консул Муравьиной федерации Качика. Она энергично шевелила усиками, а электронный переводчик преобразовывал ее феромоны в грубые звуки речи динозавров.

– Наша цивилизация балансирует на краю пропасти! – заявила Качика. – Большая промышленность мира динозавров убивает Землю! Экосистемы гибнут, атмосфера насыщена дымом и ядами, площадь лесов и степей стремительно сокращается. Антарктиду открыли последней, зато она первая оказалась совсем опустошенной. Остальные континенты, несомненно, ждет та же участь! А теперь эта хищническая эксплуатация распространилась и на океаны. Если рыболовство и загрязнение будут продолжаться такими же темпами, уже через полвека там не останется жизни. Но все это бледнеет перед угрозой ядерной войны. Да, сейчас у нас мир, но сохранять мир методами ядерного сдерживания все равно что идти по канату над морем адского пламени. Всеобщая ядерная война может разразиться в любой момент, а арсеналов оружия, накопленного обеими державами динозавров, хватит, чтобы сто раз уничтожить всю жизнь на Земле!

– Мы уже не раз слышали это! – рявкнул, недовольно поморщившись, огромный тарбозавр Додоми, президент Лавразийской республики.

– Причина всего – ваше безудержное потребление природных ресурсов, – продолжила Качика, указав на Додоми. – Того, что вы съедаете за один раз, хватило бы большому муравьиному городу

на целый день. Наш мир несправедлив!

– Послушайте, козявка, что ерунду-то пороть? – прогремел гондванский император тираннозавр Дадеус. – Мы такие, какие есть, – большие. Что ж нам теперь – голодать? Мы не можем выжить, не потребляя, а чтобы обеспечить потребление, необходимы промышленность и энергия.

– В таком случае лучше бы вам потреблять чистую возобновляемую энергию.

– Это, увы, невозможно: ветряных вертушек и солнечных панелек, которыми обходитесь вы, муравьи, не хватит даже для моих наручных часов. Общество динозавров энергоемкое, и с этим ничего не поделать. Нам приходится использовать каменный уголь и нефть. И атомную энергию, конечно. Так что загрязнение неизбежно.

– Но вы могли бы сократить энергопотребление, контролируя рост населения. Мировая численность динозавров превышает семь миллиардов. Ей уже некуда расти!

Дадеус резко мотнул головой:

– Размножение – это основной инстинкт живых существ, а рост и территориальная экспансия – движущая сила цивилизации. Многочисленность населения – залог безопасности страны. Впрочем, если Лавразия готова уничтожить часть яиц, то и Гондвана согласится на это – на строго паритетной основе.

– Но, ваше величество, в Гондване живет на четыреста миллионов динозавров больше, чем в Лавразии! – возмутился Додоми.

– Господин президент, так ведь население в Лавразии растет на три процента быстрее, чем в Гондване! – ответил Дадеус.

– Природа не допустит бесконтрольного размножения таких ненасытных чудовищ. Неужели для того, чтобы к вам вернулся здравый смысл, необходима настоящая катастрофа? – Качика требовательно указала одним усиком на Додоми, а другим на Дадеуса.

– Катастрофа, говорите? Род динозавров процветает уже десятки миллионов лет. Мы видели все возможные катастрофы! – рассмеялся Додоми.

– Совершенно верно! Вот если что-то случится, тогда и будем беспокоиться. У нас, динозавров, главный принцип: не мешать событиям идти своим чередом. Мы принимаем жизнь такой, какая она есть, и ничего не боимся, – поддержал его Дадеус и выразительно махнул лапой.

– Даже всеобщей ядерной войны? Никак не могу представить, какой выход откроется перед вами, когда конец мира все же случится.

– Хм… Тут, козявка, с вами нельзя не согласиться, – нехотя кивнул Дадеус. – Мы и сами от ядерного оружия не в восторге, но Лавразия столько его наделала, что нам просто деваться некуда: приходится делать свое. Если они уничтожат свое оружие, мы поступим так же.

– Ну-ну. – Додоми с ухмылкой ткнул когтем в сторону Дадеуса: – Ваше величество, к сожалению, практика пока не дала оснований для того, чтобы Гондванской империи можно было безоговорочно доверять.

– Так ведь без всяких разговоров ясно, что уничтожение ядерного оружия должна начать Лавразия. Ведь это вы его изобрели.

– Но именно Гондванская империя построила первые межконтинентальные ракеты…

Качика взмахнула усиками, и слова, загремевшие из динамиков, прервали начавшийся спор:

– Какая разница, кто и что сделал несколько веков назад? Мы должны думать о сегодняшнем дне.

– На сегодняшний день положение таково, что Лавразия напичкана ядерным оружием. Без него она не выдержала бы и одного сильного удара! – заявил Дадеус. – Взять хотя бы битву на равнине Велла в Антарктиде. Первый император Гондваны вывел два с половиной миллиона тираннозавров против пяти миллионов тарбозавров и обратил их в бегство. До сих пор на Южном полюсе возвышается памятник победе Гондваны – величественный курган, сложенный из скелетов лавразийцев!

– У вашего величества хорошая память. В таком случае вы, конечно, помните и Второе уничтожение Валунного города, верно? – не задержался с ответом Додоми. – Когда четыреста тысяч птеродактилей Лавразийских военно-воздушных сил пролетели над столицей Гондваны, снизились и прицельно сбросили свыше миллиона зажигательных бомб. К тому времени, когда лавразийские войска вошли в город, гондванцы отлично прожарились.

– Да, так оно и было! Вы, лавразийцы, просто трусы, способные только на подлые нападения по воздуху или применение дальнобойного оружия. Но вам никогда не хватает смелости драться лицом к лицу! Тьфу! Жалкие гнусные черви!

– В таком случае, ваше величество, почему бы нам не выяснить сейчас же, кто на самом деле гнусный червь?!

Додоми вскочил на стол и, выставив когти, помчался к Дадеусу. Император Гондваны так же проворно подпрыгнул и кинулся ему навстречу. Остальные динозавры не вмешивались, а лишь громко подбадривали своих вождей. Такие схватки были

обычным делом на любых, даже самых высоких переговорах. Муравьи тоже были к этому готовы и, как и в предыдущих случаях, проворно спрятались под хрустальную пластину, чтобы их ненароком не растоптали.

Сквозь толстую пластину из чистейшего хрусталя дерущиеся динозавры казались скачущими горами. Поверхность огромного несокрушимого стола ходила ходуном. Дадеус был массивнее и сильнее, зато Додоми проворнее.

– Прекратите драку! Вы с ума сошли?! – кричали муравьи из своего хрустального укрытия; их феромонные выкрики, превращенные электроникой в голоса и усиленные динамиками, гулко разносились по залу. Противники, действительно достойные друг друга, прекратили яростную схватку. Тяжело дыша, покрытые глубокими царапинами, они спустились со стола и вернулись на свои места, продолжая прожигать друг друга ненавидящими взглядами.

– Что ж, похоже, можно переходить к следующему пункту повестки дня, – сказал генеральный секретарь.

– Нет! – решительно возразила Качика. – На этой встрече мы не будем обсуждать никакие другие вопросы. Если проблема, от которой зависит само существование нашего мира, остается нерешенной, все остальные вопросы просто лишаются смысла.

– Но, госпожа верховный консул, вот уже десять с лишним лет все саммиты динозавров и муравьев открываются дискуссией о загрязнении окружающей среды и ядерном оружии, которые не дают ровно никакого результата. Это давно уже превратилось в стандартный ритуал, пустую трату времени и терпения участников.

– На сей раз будет по-другому. Умоляю, поверьте мне: на этом собрании мы обязаны решить самую важную из проблем, с которыми когда-либо сталкивалась земная цивилизация.

– Если вы настаиваете, прошу продолжать.

Качика несколько секунд молчала. Когда в зале воцарилась тишина, она торжественно произнесла:

– Сейчас я зачитаю Декларацию Муравьиной федерации номер 149.

> «*Во имя продолжения цивилизации на Земле Муравьиная федерация выдвигает к Гондванской империи и Лавразийской республике следующие требования. Первое: полностью прекратить размножение на ближайшие десять лет, чтобы достичь системного сокращения численности динозавров на планете, а по истечении этого срока – поддерживать уровень рождаемости ниже уровня*

смертности, обеспечивая устойчивое снижение численности динозавров. Этот режим должен сохраняться не менее века. Второе: немедленно закрыть треть предприятий тяжелой промышленности и на протяжении десяти лет, параллельно со снижением численности населения, постепенно ликвидировать еще треть промышленных предприятий. Таким образом удастся снизить загрязнение окружающей среды до уровня, при котором возможно ее естественное восстановление. Третье: немедленная и полная ликвидация ядерного оружия. Уничтожение должно проводиться под контролем Муравьиной федерации путем отправки всех ядерных боеголовок в космос при помощи межконтинентальных ракет».

Среди сидевших вокруг стола динозавров послышалось несколько сдавленных смешков. Додоми указал пальцем на хрустальную пластину.

– Муравьи уже невесть сколько раз зачитывали эту декларацию. Вам еще не надоело? Качика, вам следовало бы понимать хоть что-то о великой цивилизации динозавров. Не можете же вы всерьез рассчитывать, что мы примем эти абсурдные требования!

Качика утвердительно опустила усики.

– Естественно, мы знаем, что динозавры не примут эти требования.

– Оч-чень хорошо, – сказал генеральный секретарь, громыхая костными пластинами гребня. – Думаю, теперь мы все же перейдем к следующему пункту повестки дня, более реалистичному.

– Нет, прошу вас подождать еще минуту. Я не дочитала декларацию до конца.

«*Если же вышеперечисленные требования не будут удовлетворены, Муравьиная федерация примет меры, которые должны будут способствовать сохранению цивилизации на Земле*».

Динозавры озадаченно переглянулись.

«*Если мир динозавров не выразит немедленного согласия с требованиями, изложенными в настоящей декларации, все тридцать восемь миллиардов муравьев, работающих в Гондванской империи и Лавразийской республике, начнут забастовку*».

Воцарилась продолжительная тишина. Под куполом сформировались тонкие облачка, затянувшие местное небо полупрозрачным узорчатым покрывалом и начавшие причудливую игру света и теней на бескрайнем полу зала.

– Верховный консул Качика, вы, наверно, шутите, да? – прервал молчание Додоми.

– Декларация единогласно принята всеми тысячей ста сорока пятью государствами, входящими в Муравьиную федерацию. Наша решимость непоколебима.

– Консул, я уверен, что вы и ваши соплеменники-муравьи понимаете… – Дадеус осекся и потер левый глаз, вероятно, немного пострадавший в скоротечной схватке с Додоми. – Понимаете, что союзу динозавров и муравьев уже три тысячи лет и что на нем держится вся цивилизация Земли. За это время между нашими мирами даже случилась ожесточенная война, но и она не подорвала основ союза.

– Смертельная опасность грозит всей биосфере планеты, и у Муравьиной федерации не остается выбора.

– Не надо затевать ненужных игр. Вспомните об уроках Первой динозавро-муравьиной войны! – сказал Додоми. – Как только муравьи начнут забастовку, все промышленное производство мира динозавров немедленно встанет. Тяжело пострадают и многие другие отрасли, в первую очередь – медицина. За этим последует коллапс всей экономики мира динозавров, но в такой обстановке и миру муравьев не избежать коллапса. А уж как это скажется на всей планете, даже и предсказать невозможно!

– Причиной Первой динозавро-муравьиной войны стали разногласия в области религии. На сей раз муравьи разрывают союз ради спасения цивилизации на Земле. Федерация готова смело встретить любой кризис, который может возникнуть в дальнейшем.

– Мы чересчур разбаловали этих козявок! – рявкнул Дадеус и громко хлопнул лапой по столу.

– Нет, это мы разбаловали динозавров, – возразила Качика. – Если бы муравьи приняли меры раньше, мир динозавров не дорос бы до таких высот заносчивости и безумия.

В зале вновь все стихло, но на сей раз тишина была насыщена устрашающей энергией и как будто могла взорваться в любое мгновение. И снова ее нарушил Додоми. Он обвел взглядом присутствовавших и задумчиво сказал:

– О, мне кажется… Дайте-ка я поговорю с муравьями наедине.

Он снова вскочил на стол, присел на корточки перед

хрустальной пластиной, подцепил ее когтем и вынул из отведенной для нее впадины. Затем аккуратно поднял, слез со стола и направился в сторону от оставшихся на своих местах динозавров. Отойдя на изрядное расстояние, он вынул из кармана пиджака портативный прибор-переводчик и заговорил с Качикой напрямую:

– Госпожа верховный консул, декларацию Муравьиной федерации нельзя назвать необоснованной. Кризис земной цивилизации виден невооруженным глазом. Лавразийская республика тоже стремится к его разрешению, но мы пока что не смогли выбрать подходящий момент. Впрочем, кое-какие шаги можно предпринять прямо сейчас: пусть муравьи начнут забастовку, но только на территории Гондванской империи. Когда ее экономика обрушится и страна впадет в хаос, мы атакуем ее и полностью сокрушим. В таком состоянии империя утратит большую часть своего военного потенциала, и мы сможем одержать победу, не используя ядерное оружие. Оккупировав Гондвану, мы ликвидируем всю ее тяжелую промышленность, а уж о проблеме перенаселения можно будет надолго забыть: война уничтожит по меньшей мере треть динозавров Гондваны, а уцелевшие будут на сто лет лишены права производить потомство. По-моему, этот план целиком и полностью отвечает требованиям, выдвинутым в вашей декларации.

– Нет, господин президент, – ответила Качика с середины хрустальной пластины. Прочие муравьи, составлявшие представительную делегацию, закивали. – Это не изменит природы мира динозавров, и рано или поздно мы вернемся к нынешнему состоянию. Ваш план – это мировая война, а ведь никто не в состоянии сказать, какие последствия повлечет она за собой. Но самое главное заключается в том, что Муравьиная федерация всегда оказывала равные услуги всем динозаврам, независимо от их этнической или национальной принадлежности. Во всех концах мира динозавров мы выполняли одни и те же работы за равную оплату и никогда не принимали никакого участия в вашей политике и войнах. Этот принцип, которого мир муравьев придерживается с древнейших времен, служит залогом непоколебимой независимости Муравьиной федерации.

– Господин президент, прошу вас вернуть на место ложу муравьев, чтобы мы смогли продолжить заседание! – крикнул из-за стола генеральный секретарь.

Додоми покачал головой и тяжело вздохнул.

– Глупая мелочь! Отказались от возможности прямо повлиять на ход истории! – С этими словами он направился к столу переговоров.

Как только он вернул пластину на законное место, император Дадеус так же проворно прыгнул на стол и снова выковырял ее.

– Прошу прощения у всех присутствующих, но мне тоже необходимо накоротке перемолвиться словом с козявками.

С этими словами он точно так же, как Додоми, отошел далеко в сторону, чтобы никто больше их не слышал, и вынул собственный аппарат-переводчик.

– Ну, крошка верховный консул, думаю, мне точно известно, что говорил вам этот тип. Не верьте ему. О коварстве Додоми знает весь мир. Всех этих лавразийцев надо стереть с лица земли. Динозавры Гондваны еще сохранили представление о мирном сосуществовании с природой, кроме того, наш образ жизни направляется установками религии. А вот лавразийские динозавры – неисправимые диноцентристы и целиком, от рогов до кончика хвоста, преданы одной лишь технике. Они куда сильнее нас верят в могущество машин, промышленности и атомного оружия, этих подонков не переделаешь! Так что, букашки, устройте-ка вы забастовку в Лавразии. А еще лучше, сделайте так, чтобы у них там все ломалось и рушилось. Тогда Гондванская империя вторгнется туда и не оставит от этих выродков даже мокрого места! Козявки, вам предоставляется уникальная возможность совершить героическое деяние на благо цивилизации Земли!

Качика дословно повторила Гондванскому императору все, что только что сказала президенту Лавразии. Услышав ответ, Дадеус злобно отшвырнул пластину. Она с грохотом упала на пол, а через несколько секунд туда относительно плавно опустились и представители муравьиной делегации.

– Да что вы, поганые козявки, себе позволяете?! Как вы смеете смотреть сверху вниз на великую цивилизацию динозавров?! Зарубите себе на носу: Землей правим мы, а не вы! Вы вообще ничто, шевелящаяся пыль!

Качика поднялась во весь рост на полу зала и посмотрела на императора Гондваны. Он был настолько огромен, что даже не помещался целиком в ее поле зрения.

– Ваше величество, в такие моменты судить о могуществе цивилизации по размеру ее отдельных представителей – верх наивности. Полагаю, вы должны быть неплохо знакомы с историей Первой динозавро-муравьиной войны.

Прибор переводчик на сей раз оказался далеко, и Дадеус не услышал слов Качики и продолжал яростно реветь:

– Если у муравьишек хватит наглости начать забастовку, они будут жестоко наказаны! – Он повернулся и зашагал прочь.

Делегации Гондванской империи и Лавразийской республики

поднялись из-за стола и направились к выходу; некоторое время земля тряслась под их тяжелой поступью, подбрасывая разбросанных по залу муравьев вместе с пылью. Гигантские фигуры динозавров быстро скрылись из виду, оставив муравьев наедине с их собственным отражением в полированном камне пола. Эта идеально ровная равнина, озаренная белым светом множества солнц, сиявших в небе-куполе, простиралась в бесконечность – точно так же, как и неведомое будущее, которое пыталась представить себе Качика.

Глава 10
Забастовка

Император Дадеус лежал на диване в просторном голубом зале императорского дворца, находящегося посреди столицы Гондваны, прикрыв лапой левый глаз, и изредка постанывал от боли. Перед ним стояли несколько динозавров: министр внутренних дел Бабат, министр обороны маршал Лолога, министр науки доктор Ниникен и министр здравоохранения доктор Вивек.

– Ваше величество, – заговорил с почтительным поклоном доктор Вивек, – глаз, который вам повредил Додоми, воспалился. Необходима срочная операция, но мы не можем найти ни одного хирурга, который выполнил бы ее. Единственный вариант – пытаться сдержать воспаление антибиотиками. Если воспаление все же будет развиваться, вы можете утратить зрение на этом глазу.

– Не успел я содрать шкуру с этого подлеца Додоми!.. – пробормотал император сквозь стиснутые зубы. – И что, в стране совсем не осталось больниц с муравьями-врачами?

Вивек кивнул:

– Ни одной, ваше величество. Уже набралось много пациентов, так и не получивших запланированного лечения. Народ близок к панике.

– Полагаю, это не единственная причина паники, – буркнул император и повернулся к министру внутренних дел.

Бабат отвесил предписанный этикетом поклон:

– Вы, как всегда, правы, ваше величество. На данный момент две трети наших промышленных предприятий остановились, а несколько городов остались без электроэнергии. В Лавразийской республике положение ничуть не лучше.

– Техника и производственные линии, управляемые динозаврами, тоже остановились?

– Увы, да, ваше величество. Даже в таком производстве, как, например, автомобилестроение, невозможно собрать готовое изделие из одних крупных частей, которые изготавливают динозавры. Необходимы высокоточные мелкие детали, а их нет. Конвейеры встали. На другие отрасли, в частности химическую промышленность и энергетику, забастовка муравьев на первых порах не повлияла, но быстро начались перебои с текущим уходом за оборудованием и ремонтом, так что предприятия тоже стали останавливаться.

Император вновь вскипел от гнева:

– Мерзавец! Я ведь сразу после саммита приказал тебе срочно обучить всех динозавров-рабочих империи тонким операциям, чтобы они смогли заменить муравьев в этом деле.

– Ваше величество, вы требуете невозможного.

– Для великой Гондванской империи нет ничего невозможного! На протяжении своей долгой истории гондванцы сталкивались с куда более серьезными кризисами! В скольких кровавых битвах мы победили, невзирая на преимущество врагов? Сколько лесных пожаров, грозивших охватить весь континент, потушили? Сколько извержений вулканов, вызванных тектоническими сдвигами, пережили?

– Но, ваше величество, сейчас совсем другое дело.

– Чем же оно другое? Если приложить мозги и напрячься как следует, мы, динозавры, сможем сделать своими пальцами все, что захотим! И наш мир не поддастся на шантаж всякой противной мелочи!

– Позвольте, государь, продемонстрировать вам пример одной из таких трудностей… – Министр внутренних дел разжал лапу и положил на диван два красных кабеля. – Ваше величество, не сочтите за дерзость, но я осмелюсь попросить вас выполнить одну из самых частых ремонтных работ: соединить эти провода.

Пальцы императора Дадеуса были полуметровой длины, толще чайной чашки и заканчивались мощными острыми когтями. Провода казались ему такими же тонкими, какими мы восприняли бы два волоска. Он старательно прищурился и попытался зажать их когтями. Но, как он ни старался, провода раз за разом выскальзывали из-под полированной роговой поверхности конусообразных когтей, похожих на малокалиберные артиллерийские снаряды. О том, чтобы зачистить и скрутить вместе злосчастные провода, не могло быть и речи. Император злобно швырнул провода на пол.

– Ваше величество, даже если бы вам удалось срастить провода, с ремонтом техники вы все равно не справились бы. Наши пальцы просто не поместятся в проемы, рассчитанные под размеры муравьев.

Министр науки Ниникен тяжело вздохнул и произнес скорбным тоном:

– Еще восемьсот лет назад правивший тогда император распознал опасность, грозящую миру динозавров из-за того, что мы слишком полагаемся на муравьев во всех тонких работах. Он приложил массу усилий для поиска новых технологий и создания оборудования, которые освободили бы нас от этой зависимости. Но на протяжении последних двух столетий, в том числе и при

вашем царствовании, эти достижения мало-помалу позабылись. Мы, образно выражаясь, нежились на ложе, разостланном для нас муравьями, и забыли о том, что даже в эпоху безмятежного мира необходимо сохранять бдительность.

– Ни на чьем ложе я не нежился! – гневно перебил его император, воздев лапы. – Откровенно говоря, те же страхи, которые испытывал мой предок, постоянно наполняли мой сон кошмарами. – Он ткнул Ниникена в грудь толстым пальцем. – Но ты-то должен знать, что попытки добиться независимости от этих тварей были брошены, потому что не дали никакого результата. Точно так же обстояли дела и в Лавразийской республике!

– Совершенно верно, ваше величество, – кивнул министр внутренних дел и, указав на валявшиеся на полу провода, сказал Ниникену: – Доктор, вы не можете не знать, что динозавр без затруднений может срастить провода диаметром десять-пятнадцать сантиметров. Но с такими проводами, толщиной в молодое дерево, мы не смогли бы сделать ни сотовые телефоны, ни компьютеры. Для того чтобы мы могли сами обслуживать и ремонтировать всю технику, добрую половину нужно было бы делать чуть ли не в сто раз больше нынешних размеров. А может быть, и в несколько сотен раз! В таком случае наше потребление ресурсов тоже выросло бы, соответственно, на два порядка. О том, чтобы достичь экономии таким путем, не могло бы даже речи идти.

Министр науки кивнул, подтверждая эти слова.

– И что еще важнее, некоторые изделия просто не могут существовать в другом масштабе – например, оборудование для оптической и электромагнитной связи. Его размеры определяются длиной волн, в том числе световых, и поэтому элементы, предназначенные для их модуляции и обработки, просто не могут быть крупнее. Без мелких и микроскопических компонентов мы не могли бы даже представить себе компьютеры и их сети. Точно то же самое можно сказать о молекулярной биологии и генной инженерии.

– Наши внутренние органы относительно велики, – подхватил министр здравоохранения, – и поэтому врачи-динозавры способны проводить некоторые хирургические вмешательства. Но главное преимущество муравьиной хирургии состоит в том, что она неинвазивная. Их методы проще и эффективнее. Согласно историческим источникам, бывали случаи осуществления врачами-динозаврами инвазивных хирургических операций, но эти методики давно утрачены. Чтобы восстановить их, необходимо создать целый ряд других технологий, в частности общую анестезию и ушивание ран. Тут ведь еще дело в ожиданиях

пациентов и обычаях. Мы несколько тысяч лет пользовались специфическими медицинскими методиками муравьев, и для большинства динозавров неприемлема сама мысль о том, что для того, чтобы вылечить, его разрежут. Так что, по крайней мере в обозримом будущем, наша медицина не обойдется без муравьев.

– Союз динозавров и муравьев – это эволюционное событие с очень далеко идущими последствиями. Без этого союза на Земле просто не возникла бы цивилизация. Мы не имеем права позволить муравьям его разрушить, – подвел итог министр науки.

– Но какой же у нас имеется выход? – спросил император, растопырив когтистые пальцы.

– Ваше величество, – впервые заговорил министр обороны Лолога. – У Муравьиной федерации, несомненно, много преимуществ, но мы тоже обладаем кое-какими силами. И империя к ним прибегнет.

Император кивнул:

– Отлично. Значит, прикажите Генеральному штабу готовить планы кампании.

– Маршал, – министр внутренних дел придержал Лологу за локоть, когда тот уже собрался уходить. – Жизненно необходимо скоординировать эти планы с Лавразией.

– Да, да, – согласился император. – Мы должны действовать согласованно и в одном стиле, иначе Додоми прикинется добрым динозавром и переманит муравьев на свою сторону.

Глава 11
Вторая динозавро-муравьиная война

Костяная цитадель, обращенная в руины во время Первой динозавро-муравьиной войны и вскоре после нее отстроенная заново, стала крупнейшим городом муравьев на всей Земле, политическим, экономическим и культурным центром Муравьиной федерации на континенте Гондвана. Ее площадь соответствовала двум футбольным полям, и там обитало сто миллионов муравьев. Город заслуженно гордился своими небоскребами, среди которых первенствовала пятиметровая Федеральная торговая башня, самая высокая постройка муравьиного мира. Обычно на извилистых улицах города бурлили сплошные потоки куда-то вечно спешащих муравьев. Поскольку им не требовались лестницы, чтобы перебираться с этажа на этаж – они без малейших затруднений лазили по наружным стенам небоскребов, – эти потоки, случалось, поднимались до самых высоких шпилей. В небе города постоянно сверкали на солнце прозрачные крылышки деловито жужжащих дронов. Но больше всего впечатляло неисчислимое множество роторов ветряных электротурбин, венчавших все крыши, отчего город походил на роскошный цветник.

Однако сегодня в суетливом городе царило мертвенное спокойствие. Все жители города и муравьи, вернувшиеся из поселений динозавров, срочно эвакуировались. На восток от города текла широкая черная река из многих миллионов беженцев, а на западе, на необъятной для муравьев равнине, вырос металлический горный хребет – десять бульдозеров Гондванской империи, сомкнувших широкие ножи в почти сплошную линию. Империя поставила Муравьиной федерации ультиматум: если забастовщики в течение двадцати четырех часов не вернутся на свои рабочие места, бульдозеры сровняют Костяную цитадель с землей. Солнце уже снижалось к западному горизонту, и длинные тени железных гигантов легли на город.

Следующим утром, как только рассвело, началась Вторая динозавро-муравьиная война. Утренний ветерок развеял ночной туман, и восходящее солнце озарило поле боя, казавшееся муравьям непомерно громадным, а динозаврам – тесным чуть ли не до клаустрофобии. На западной границе Костяной цитадели могучим двадцатиметровым фронтом развернулась муравьиная артиллерия. В солнечных лучах сверкали сотни стволов, каждый размером с нашу хлопушку.

Во втором эшелоне оборонительных позиций стояло больше тысячи пусковых установок с управляемыми ракетами величиной с сигарету. Над городом курсировала флотилия самолетов Муравьиных военно-воздушных сил, подобно вороху листьев, подхваченных ветром.

Вдали динозавры-трактористы запустили моторы бульдозеров, земля и небо содрогнулись от мощного рева. Вибрация раскатилась по поверхности, и Костяная цитадель затряслась, как в землетрясении, в небоскребах задребезжали многочисленные оконные стекла. Позади линии бульдозеров стояло несколько солдат-динозавров. Муравьям они казались гороподобными гигантами. Офицер, по-видимому командовавший всей операцией, поднял мегафон и прокричал в сторону Костяной цитадели:

– Эй, жалкие козявки! Слушайте, что я вам скажу! Если вы немедленно не вернетесь к работе, я прикажу бульдозерам начать движение! От вашего, с позволения сказать, города ничего не останется! Хотя можно было бы и без бульдозеров обойтись. Я читал одну книжку про первую войну с вашим отребьем, так вот, там генерал хорошо сказал: «Наши дети строят из чурбачков игрушечные города куда больше, чем ваша так называемая цитадель! На нее даже воинам идти не обязательно – достаточно позвать наших малышей, они пописают, и ее смоет начисто!» Ха-ха-ха!

Со стороны Костяной цитадели не донеслось ни звука. Никто даже не стал напоминать дерзкому офицеру о том, какая судьба постигла генерала, начавшего Первую динозавро-муравьиную войну.

– Вперед! – скомандовал офицер, взмахнув лапой, и бульдозеры тронулись с места, постепенно наращивая скорость. А со стороны Костяной цитадели что-то негромко зашипело, как будто воздух выходил из баллона; этот звук полностью пропал за ревом бульдозеров. Над землей внезапно возникли и стремительно потянулись навстречу наступающим сотни тонких полосок, будто у города вдруг выросли волосы. Это были следы выхлопа двигателей многочисленных ракет муравьев. Словно хрупкая занавеска на миг отделила город от бульдозеров, а потом ракеты дождем обрушились на технику и следовавших за нею динозавров.

Офицер, только что кричавший в мегафон, ловко поймал одну из ракет лапой, и она взорвалась у него в кулаке, выпустив облачко дыма; динозавр вскрикнул от боли и отшвырнул осколки в сторону. Впрочем, когда он поднес лапу к глазам, чтобы осмотреть рану, оказалось, что у него лишь содран клочок кожи

на ладони. Тут же ему в туловище ударились и взорвались с негромкими хлопками еще несколько десятков ракет. Динозавр зашелся хохотом, хлопая себя по бокам.

– О-хо-хо! Ваши ракеты прямо как комарики! У меня все бока зачесались!

Тут заработала муравьиная артиллерия. Вся линия орудий одновременно дыхнула огнем, как будто кто-то поджег шнур фейерверка на подступах к Костяной цитадели. Снаряды посыпались на динозавров-солдат и на кабины бульдозеров, но и эти разрывы, тоже потонувшие в реве громадных моторов, не нанесли врагам никакого ущерба, если не считать щербинки в стеклах.

Менее чем в двух метрах перед бульдозерами неожиданно поднялся с земли и взмыл в небо, сверкая на солнце трепещущими крылышками, тонкими, как паутинка, огромный рой муравьиных самолетов. Они пролетели над высокими щитами бульдозеров и стали приземляться на их капоты. Обширные желтые равнины, трясущиеся как в лихорадке и оглушающие тяжелым рокотом спрятанных под ними мощных двигателей, упирались в отвесную прозрачную стену ветрового стекла, которая была столь высока, что муравьи даже не видели ее верха. В этой стене отражалось голубое небо и плывущие по нему белые облака, мешавшие разглядеть сидевшего в кабине тракториста-динозавра.

Посреди моторного капота тянулся ряд вентиляционных отверстий. Для муравьев это было все равно что пропасти, в которые они без всякого труда просочились и попали в обширное пространство, пугающее колоссальными трубами и вращающимися колесами. Они словно оказались во вселенной, составленной исключительно из стальных механизмов. Горячий воздух, густо насыщенный испарениями бензина, и невыносимый грохот потрясли муравьев до оцепенения.

Опомнившись, они увидели, что, как говорили командиры, перед ними находится быстро вращающийся монументальный вентилятор, создающий в подкапотном пространстве мощные вихри. Добираться к предписанной цели им предстояло по трубам, которые были для них все равно что шоссе, проложенное по изрядно пересеченной местности. Эти трубы то и дело изгибались и всячески путались, но муравьи как-никак были прирожденными специалистами по лабиринтам. Отряду, направленному на поиск свечей зажигания, не потребовалось много времени. Издали свечи походили на высокие пагоды. Но солдатам вовсе не нужно было подходить туда вплотную; более того, их предупредили, что электромагнитное поле, образующееся

там, вполне может убить муравья. Подключенные к вершинам свечей провода толщиной в длину тела муравья проходили совсем рядом с тем местом, где сейчас находились диверсанты. Те сняли со спин принесенные зерно-мины и разместили их где следовало – по три-четыре мины на каждый провод. Затем они повернули рукоятки взрывателей, установив указанный временной интервал, и поспешили покинуть мотор.

В отличие от миниатюрных зажигательных бомб, использовавшихся в ходе Первой динозавро-муравьиной войны, эти мины были специально предназначены для разрыва электропроводки. Последовала серия взрывов, не уступавших по громкости нашему фейерверку, но не слышных трактористам за звуком мотора, и четыре провода оказались аккуратно порваны. Болтающиеся концы задевали металлические части, рассыпая снопы ярких искр. Ну а в цилиндрах двигателя перестало воспламеняться топливо, и бульдозеры резко остановились. Несколько муравьев от толчка упали с труб.

Пока одни группы муравьев занимались проводами зажигания, другие отряды подбирались к топливопроводам. Они были гораздо толще проводов; сквозь прозрачные пластиковые стенки было видно, как по трубе течет топливо. Муравьи забрались на трубу и опоясали ее дюжиной хорошо закрепленных мин, включили замедленные взрыватели и поспешно ретировались, выполнив свою задачу.

Бульдозеры динозавров проползли около двухсот метров и вдруг почти одновременно остановились. Еще через две-три минуты из-под капотов шести бульдозеров вдруг ударило пламя, трактористы поспешно выскочили из кабин и бросились наутек. Впрочем, едва они успели немного отбежать, как четыре из горящих машин взорвались. Муравьям, которые наблюдали за происходившим с ближних подступов к Костяной цитадели, густой дым и ревущее пламя закрыли больше половины неба. Когда же взрывы утихли, трактористы четырех не загоревшихся бульдозеров вернулись к своим машинам. Превозмогая жар, исходящий от продолжавших гореть соседних бульдозеров, они открыли капоты, полезли проверять двигатели и быстро обнаружили неполадки. Один из динозавров по привычке вынул из кармана сигнализатор – испускающее феромоны устройство, с помощью которого динозавры вызывали ремонтные бригады муравьев. Он долго нажимал на кнопку вызова, потом наконец вспомнил, что муравьи больше с ним не работают, выругался и попытался самостоятельно срастить провода. Увы, как и у всех остальных динозавров, его пальцы были слишком велики, и он просто не мог подцепить провод. Одному из его товарищей

пришла в голову блестящая мысль вытащить провода палкой, и это даже удалось, но когтистые лапы не справлялись с работой. Как он ни старался, провода снова и снова выскальзывали из когтей. Так что трактористам пришлось ни с чем уйти от своих бульдозеров и беспомощно смотреть издали, как на них перекидывалось пламя от соседних машин.

Муравьи запрыгали от восторга, но маршал Жоли, командовавшая операцией из бронемашины, спокойно приказала немедленно отступать. Артиллерийские и ракетные части давно уже покинули свои позиции, и когда арьергардные отряды муравьев улетели в самолетах на запад, Костяная цитадель превратилась в город-призрак.

От зрелища горящих бульдозеров динозавры в первый миг устыдились, а потом пришли в бешенство.

– Ах вы жалкие ползуны! Вы на самом деле рассчитываете победить? Думаете, мы бульдозеры привели сюда для развлечения? Ну, смотрите, как мы разделаемся с вашим игрушечным городком!

Динозавры поспешно отступили, а еще через десять минут над городом появился низко летевший гондванский бомбардировщик. Когда его огромная тень накрыла город, он выбросил на него бомбу размером с резервуар нашего танкера-газовоза. Земля содрогнулась, грохот разнесся далеко по окрестности, и высоко в небо поднялся толстенный столб густой пыли. Когда пыль осела и дым рассеялся, на месте Костяной цитадели оказался глубокий кратер. В него сразу же хлынули подземные воды, и вскоре от крупнейшего из городов муравьиного мира действительно не осталось следа.

Практически одновременно динозавры уничтожили и Гринстед, главный город муравьев в Лавразии. Прекрасный муравьиный мегаполис сокрушили и превратили в болото мощными струями брандспойтов пожарных машин.

Глава 12
Медицинская делегация

Через день после разрушения Костяной цитадели в Валунный город прибыла группа муравьев-медиков и попросила аудиенции у императора Дадеуса. Ее лично возглавляла верховный консул Муравьиной федерации Качика.

– Демонстрация силы, убедительно осуществленная Гондванской империей, произвела неизгладимое впечатление на Муравьиную федерацию, – смиренно сказала Качика.

Дадеус не на шутку развеселился:

– Ну, вот, Качика, нашлась все же капля здравого смысла. Давно бы так! Вы, муравьишки, не в первый раз задираетесь с динозаврами, но теперь, в отличие от прошлых времен, вам нечего нам противопоставить. Поджечь наши города и леса вокруг вы не сможете, потому что пожарная сигнализация сразу сработает и установленные нами повсюду автоматические системы пожаротушения погасят любой огонь крупнее сигаретного окурка. Что касается варварской, немыслимо жестокой тактики забираться динозаврам в ноздри и другие отверстия, то мы еще в Первую динозавро-муравьиную войну более-менее научились предотвращать такие нападения.

– Совершенно верно, ваше величество. Мы явились сегодня к вам с просьбой немедленно прекратить все нападения на другие города Муравьиной федерации. Муравьи прекратят забастовку и возобновят все оставленные работы в империи. То же самое Муравьиная федерация сообщила Лавразийской республике. В настоящее время на всех континентах десятки миллиардов муравьев возвращаются в города динозавров.

Дадеус одобрительно кивал как заведенный:

– Вот-вот, так бы с самого начала! Распад союза динозавров и муравьев станет катастрофой для обеих сторон. Но, по крайней мере, этот инцидент заставил вас, муравьев, уяснить, кто в действительности правит на Земле!

Качика покорно опустила усики:

– Должна согласиться, что это действительно был очень впечатляющий урок. И для того чтобы подчеркнуть истинное почтение Муравьиной федерации к владыкам Земли, я привела с собою наших лучших медиков, которые приведут в порядок поврежденный глаз вашего величества.

Дадеус совсем размяк от удовольствия. Последние два дня больной глаз не на шутку отравлял ему жизнь, но врачи-

динозавры могли только прикладывать мази и повторять, что операция необходима, но она по силам лишь муравьям. Делегация с ходу взялась за дело. Часть муравьев занималась наружной поверхностью глазного яблока императора, а часть пробралась через ноздрю и работала с недоступными извне повреждениями.

– Ваше величество, первый этап операции предусматривает удаление инфицированных и отмерших тканей и ликвидацию заражения, – объясняла Качика. – На втором этапе область ранения будет восстановлена при помощи новейшего терапевтического агента – живой ткани, созданной биоинженерными методами. Таким образом ваш глаз будет излечен с полным сохранением зрения и внешнего вида.

Через два часа операция завершилась, и Качика с медицинской делегацией отбыла.

Почти сразу же в зал вошли министр внутренних дел Бабат и министр здравоохранения Вивек, за которыми несколько динозавров волокли какой-то большой и сложный с виду прибор. Министр здравоохранения пояснил:

– Ваше величество, это трехмерный сканер высокого разрешения, или, как его чаще называют для краткости, томограф.

– И для чего он вам понадобился? – осведомился Дадеус, подозрительно прищурив правый глаз – левый был закрыт повязкой.

– Для безопасности вашего величества необходимо провести тщательное сканирование головы, – решительно заявил министр внутренних дел.

– Так уж и необходимо? – усомнился император.

– Когда имеешь дело с этими пронырливыми мелкими тварями, никакая предосторожность не может быть лишней.

Эти слова убедили Дадеуса. Он встал на маленькую и неудобную для него платформу аппарата, и вокруг его головы медленно пополз тонкий лучик света. Процедура оказалась не столь уж быстрой, и император вышел из терпения:

– Вы совсем параноиками стали! Муравьи не посмеют ничего сделать мне. Если что-то такое выяснится, имперская армия в три дня уничтожит все их города. Муравьи, конечно, не в меру наглые, но они к тому же мыслят рациональнее всех прочих козявок. Их мышление работает как лучший компьютер. Они не станут разжигать вражду под действием эмоций.

Пока он говорил, обследование завершилось. Никаких ненормальностей в черепе императора обнаружено не было. Почти сразу же ему доложили, что муравьи возвращаются в

города динозавров и положение дел быстро нормализуется.

– Тем не менее, ваше величество, я не уверен, что все разрешилось. Знаю я этих муравьев, – полушепотом сказал министр внутренних дел.

Дадеус улыбнулся:

– Твоя бдительность похвальна. Оставайся начеку, но учти, что мы их начисто переиграли.

– Но теперь все высокопоставленные чиновники, ученые и служащие, занимающие важные посты, будут регулярно проходить томографическое сканирование. Если, конечно, ваше величество соизволит поддержать наше предложение.

– Ладно, ладно, поддерживаю. Но все равно считаю, что вы параноики.

Дадеус не мог знать, что накануне двадцать муравьев тайно пролезли в дворцовый госпиталь. С наступлением ночи они забрались в каждый из шести имевшихся там томографов и уничтожили везде всего по одной микросхеме – настолько маленькой, что динозавры даже не могли рассмотреть эту детальку. Аппараты после этого работали как ни в чем не бывало, вот только их чувствительность снизилась на двадцать процентов. И поэтому при обследовании императора сканер не заметил одну маленькую штучку, появившуюся в черепе Дадеуса, – очень маленькую, в десять раз меньше рисового зернышка, тщательно закрепленную на стенке мозговой артерии зерно-мину замедленного действия. Тысячу лет тому назад, во время Первой динозавро-муравьиной войны, солдаты-муравьи перегрызли такую же артерию в мозгу генерала Иксты, который тут же скончался от кровоизлияния в мозг на поле битвы перед Костяной цитаделью.

Для этой мины установили замедление в шестьсот шестьдесят часов. В те времена Земля вращалась быстрее, и в сутках было всего двадцать два часа. То есть мина в мозгу императора должна была взорваться через месяц.

Глава 13
Последняя война

– Что ж, придется признать: или мы уничтожим динозавров, или оба вида погибнут вместе, – констатировала верховный консул Качика, выступавшая с трибуны перед сенатом Муравьиной федерации.

– Я согласна с верховным консулом, – махнула с места усиками сенатор Бируби. – При сохранении нынешней тенденции у биосферы Земли только два пути: она погибнет либо от отравления выбросами промышленности динозавров, либо в результате ядерной войны между их великими державами, Гондваной и Лавразией!

Эти слова вызвали в сенате бурную реакцию:

– Хватит тянуть!

– Уничтожить динозавров и спасти цивилизацию!

– Пора принимать решительные меры!

– Тише, тише! Успокойтесь! – Жойя, министр науки Муравьиной федерации, решительно замахала усиками, призывая сенаторов к порядку. – Не забывайте, что симбиотические взаимоотношения между муравьями и динозаврами существуют уже более двух тысяч лет. Наш союз – основа земной цивилизации. И сможем ли мы, муравьи, самостоятельно продолжать свою цивилизацию, если он перестанет существовать? Вы все хорошо знаете, какие выгоды получают от сотрудничества с нами динозавры – они очевидны и конкретны. Мы же получаем от динозавров – помимо чисто материальных благ – нечто нематериальное, но совершенно бесценное: их идеи и научные знания, жизненно необходимые для нашей цивилизации.

– Доктор, я много думала над этой проблемой, – перебила ее Качика. – Действительно, на первых порах существования союза идеи и знания динозавров были насущно необходимы для муравьиного общества. Они сыграли роль импульса, который привел нашу цивилизацию в движение. Однако мы две тысячи лет учились у динозавров и накапливали знания, так что сейчас муравьи отнюдь не столь просты и машиноподобны, как в далеком прошлом. Теперь мы тоже способны и к научному мышлению, и к техническому конструированию, и к изобретательству. Никто не станет спорить, что во многих областях, в частности микромашиностроении и создании биокомпьютеров, мы опережаем динозавров. Так что без них наши технологии будут развиваться, как и прежде. Давно пора

отвыкнуть воспринимать их как источник идей!

– Нет, нет! – Доктор Жойя взволнованно затрепетала усиками. – Верховный консул Качика, вы перепутали технологию и науку! Да, муравьи стали великолепными инженерами, но мы никогда не станем учеными! Сама физиология наших мозгов лишает нас двух качеств, присущих динозаврам: любопытства и воображения.

Сенатор Бируби раздраженно тряхнула головой:

– Любопытство и воображение? Доктор, не говорите ерунды! Неужели вы всерьез считаете, что этим качествам следует завидовать? Ведь именно они делают динозавров такими невротиками, из-за этих качеств их настроение меняется столь резко и непредсказуемо. Из-за них они тратят уйму времени на пустые мечты.

– Но, сенатор, именно эти мечты и непредсказуемость делают возможными вдохновение и творчество. Они порождают теоретические исследования глубочайших законов вселенной, которые обеспечивают базу для технического прогресса. Без абстрактной теории изобретения и технологические усовершенствования все равно что пруд без источника, который неизбежно высохнет.

– Все поняли, что вы имеете в виду, – сказала Качика, нетерпеливо перебив доктора Жойю. – Но сейчас не время для нудных академических дискуссий. Доктор, перед муравьями сейчас стоит одна жизненно насущная дилемма: или мы уничтожаем динозавров, или погибаем вместе с ними!

Жойя ничего не сказала.

– Вы, ученые, много говорите, но мало делаете. Только бубните о теории, а как дойдет до дела, толку от вас – чуть! – добила ее Бируби и повернулась к Качике: – Госпожа верховный консул, следует ли из этого вывод, что Генеральный штаб Федерации уже разработал детальный план действий?

Качика кивнула:

– Так оно и есть, и маршал Жоли сейчас представит его нам.

На трибуну поднялась маршал Жоли, несколько дней назад командовавшая войсками муравьев во Второй битве при Костяной цитадели.

– Сейчас я покажу вам нечто новое. Маленькое изобретение, которое мы сделали самостоятельно, не полагаясь на наших учителей-динозавров.

По сигналу маршала двое муравьев вынесли две тонкие белые полоски, похожие на обрезки бумаги.

– Это разновидность самого традиционного муравьиного оружия – зерно-мины последней модели. Саперы Федерации

разработали эти мины для использования в Последней войне.

Она подала знак усиками, и на сцену вышли еще четверо муравьев, тащивших два обрезка проводов того сорта, который чаще всего использовался в технических устройствах динозавров: красный и зеленый. Закрепив провода на специальной раме, муравьи туго обмотали каждый посередине белыми полосками как изоляционной лентой. А через несколько секунд произошло нечто невероятное: полоски изменили цвет. Та, что на красном, стала красной, на зеленом – зеленой. Вскоре они стали неотличимы от проводов, к которым их прикрепили.

– Это новейшее оружие Федерации: хамелеонные зерно-мины. Стоит поместить их на место, и динозавры ни за что не смогут их найти!

Минуты через две зерно-мины взорвались с резким хлопком, и провода оказались порваны пополам.

– Когда придет время, Федерация развернет армию в сто миллионов муравьев. Часть этой армии уже вернулась к работе в мире динозавров, другая просачивается туда сейчас. Наша армия установит на провода технических средств динозавров двести миллионов хамелеонных зерно-мин! Мы дали этой кампании кодовое название «Операция «Отключение».

– О, поистине грандиозный план! – восхищенно воскликнула сенатор Бируби, опередив коллег, которые сразу же образовали восторженный хор.

– Параллельно развернется другая, столь же масштабная кампания. Федерация отправила еще одну армию, из двадцати миллионов муравьев, которые проникнут в черепа пяти миллионов динозавров и установят зерно-мины на их мозговых артериях. Это будут не случайные особи, а представители высшей элиты: правители государств, чиновники, ученые, ведущие специалисты техники. С устранением этих динозавров все их общество останется, фигурально выражаясь, без мозгов, поэтому мы назвали эту кампанию «Операция «Обезглавливание».

– Этот план представляется мне гораздо более трудным для осуществления, чем первый, – сказала Бируби. – Насколько я знаю, все заметные персоны общества динозавров периодически проверяются на медицинском томографе высокого разрешения. Эту практику ввела Гондванская империя, и Лавразийская республика сразу же ее подхватила. И сам император Дадеус подает личный пример в этом деле.

– Первую зерно-мину операции «Обезглавливание» уже заложили, – не скрывая самодовольства, сообщила Качика. – Она находится на мозговой артерии Дадеуса, и поместила ее туда та самая медицинская делегация, которую я привела к нему, чтобы

лечить глаз. После этого императора уже несколько раз обследовали томографами, и тем не менее мина благополучно стоит там, куда ее поместили.

– Вы хотите сказать, что мы разработали новую модель зерномины, которая не обнаруживается при томографическом исследовании? – удивилась доктор Жойя.

Качика покачала головой:

– Мы пытались, но безуспешно. Высокочувствительное томографическое сканирование – одно из высших совместных достижений муравьев и динозавров последних лет. Этот аппарат позволяет обнаружить и идентифицировать любые, самые мелкие отклонения от нормы в мозгу динозавра. Конечно, если бы зерномина находилась в какой-то другой части его тела, ее было бы не так легко найти. Но чтобы одной миной убить динозавра или, по крайней мере, лишить его сознания и способности соображать, необходимо серьезно повредить мозговую артерию. Динозавры отлично это знают и поэтому озаботились прежде всего обследованием мозга.

Жойя на некоторое время лишилась дара речи и лишь растерянно шевелила усиками.

– Прошу прощения, верховный консул, – сказала она после продолжительной паузы, – но я не представляю себе, как можно не заметить такую зерно-мину. Я ведь лично возглавляла работы муравьев по проекту и знаю, насколько это мощное средство.

Теперь самодовольством преисполнилась маршал Жоли:

– Мой дорогой доктор, вы всегда все усложняете. Мы просто отправили подразделение электронщиков в императорский госпиталь и немного испортили все шесть томографов. Отключение одной микросхемы снизило чувствительность прибора на двадцать процентов, что полностью исключает обнаружение нашей мины.

– А что потом? Неужели вы действительно планируете заминировать мозги пяти миллионов динозавров? Это не… – Жойя осеклась на полуслове. – Но ведь испортить все томографы мира динозавров просто невозможно!

– Ничуть! По сравнению с операциями «Отключение» и «Обезглавливание» это очень просто. Не забывайте, что на сегодня в мире динозавров имеется лишь четыреста тысяч таких приборов. И чтобы разобраться со всеми, потребуется не более пяти миллионов муравьев.

– Совершенно безумный план… – растерянно пробормотала феромонами главный ученый.

– Очень важная часть этой стратегии в том, что все взрывы произойдут одновременно! – продолжала Качика, принявшая

последние слова ученой за одобрение. – Двести миллионов мин в технических устройствах и пять миллионов в мозгах самых ценных динозавров взорвутся с разницей во времени не более секунды! Следовательно, ни одна часть мира динозавров не получит помощи от другой. Прежде всего полностью выйдет из строя информационная система. Почти сразу же начнут останавливаться их основные промышленные предприятия и транспорт. Поскольку диверсии равномерно накроют весь мир динозавров, они никоим образом не смогут в приемлемые сроки вернуть к действию ни одну из этих систем. А устранение пяти миллионов персон, занимающих среди них верховное положение, ввергнет общество в настоящий шок. Оно начнет стремительно тонуть, как корабль, у которого среди океана вдруг отвалилось днище! Всем известно, что города динозавров потребляют неимоверное количество ресурсов. Проведенное нами компьютерное моделирование развития событий показывает, что после обрушения информационной, промышленной и транспортной систем две трети динозавров, живущих в городах, менее чем за месяц умрут от голода и жажды. Уцелевшие разбредутся по сельской местности. Треть из них не более чем через год погибнет под ударами наших вооруженных сил, а также от голода и болезней. Оставшиеся быстро деградируют до состояния примитивного общества доиндустриальной эпохи и больше не будут представлять опасность для мира муравьев. Так мы станем истинными властителями Земли.

– Госпожа верховный консул, а не могли бы вы сказать нам, когда наступит этот великий момент? – спросила сенатор Бируби, чуть ли не подпрыгивая от возбуждения.

– Все зерно-мины были настроены так, чтобы взорваться в полночь, через месяц от сегодняшнего дня.

Муравьи зашлись восторженными криками. Жойя отчаянно размахивала усиками, пытаясь призвать собравшихся к порядку, но тщетно. Лишь отчаянным усилием ей удалось наконец обратить на себя внимание.

– Перестаньте! Вы что, все с ума сошли? – выкрикнула феромонами Жойя. – Мир динозавров необозримо велик и чрезвычайно сложен. Внезапное крушение этой системы повлечет за собой непредсказуемые последствия!

– Доктор, какие последствия вы можете нам назвать помимо краха мира динозавров и полной победы Муравьиной федерации? – спросила Качика.

– Я же говорю: последствия будут непредсказуемыми!

– Ну вот, яйцеголовая Жойя в своем репертуаре! – сердито бросила Бируби. – Она пугает, а нам не страшно. Надоели уже эти

ваши штуки!

Остальные сенаторы, раздраженные неуместным, на их взгляд, скептицизмом руководительницы муравьиной науки, тоже недовольно заворчали.

Жоли подошла к Жойе и похлопала ее передней ногой. Маршал никогда не была склонна к проявлению эмоций и сейчас не присоединилась к общему восторгу.

– Доктор, – сказала она, – я понимаю ваши тревоги. Больше того, я даже частично разделяю их. Но мне приходится быть реалисткой, и я считаю, что у Муравьиной федерации нет иного выхода. Вы, ученые, не можете предложить ничего лучшего. Что касается ужасных последствий, о которых вы предостерегаете, то я считаю наиболее вероятным из них утрату контроля над ядерными арсеналами динозавров. Это оружие способно полностью истребить жизнь на Земле. Но не стоит слишком волноваться на этот счет. Да, действительно, ядерные арсеналы обеих держав полностью контролируются динозаврами, и муравьев допускают лишь к работам по обслуживанию техники, да и то под строгим надзором. Но для нашего спецназа попасть внутрь систем управления этим оружием – детская игра! В ядерных системах мы установим вдвое больше зерно-мин, чем во всякой другой электронике. Когда подойдет назначенное время, системы атомного оружия не сработают, как и все остальное. Ни одна из боеголовок не взорвется.

Жойя вздохнула:

– Маршал, все гораздо сложнее. Главный вопрос в том, понимаем ли мы на самом деле мир динозавров.

На сей раз эти слова расслышали все и на мгновение стихли.

– Доктор, – сказала Качика, смерив министра взглядом, – во всех закоулках мира динозавров вот уже три тысячи лет живут муравьи! Откровенно говоря, ваши слова кажутся мне по меньшей мере странными.

Жойя скорбно пошевелила усиками:

– Все же нельзя забывать о том, что муравьи и динозавры это два очень сильно различающихся между собой вида и обитаем мы в несопоставимых, в общем-то, мирах. Интуиция подсказывает мне, что в мире динозавров имеются великие тайны, о которых мы не знаем ровным счетом ничего.

– Говорите конкретно! А если вы намерены и дальше ходить вокруг да около, нам лучше перейти к другим темам, – вспылила Бируби.

– Конкретно? Хорошо. Я прошу экстренно создать систему сбора разведывательных данных, – ответила Жойя. – Одновременно с установкой зерно-мин в мозгах динозавров

закреплять в ушной улитке микрофон-передатчик. Я возглавлю группу, которая будет собирать и анализировать полученную информацию, чтобы как можно скорее выяснить то, что оставалось для нас неизвестным.

– Подготовка к операции «Обезглавливание» завершится уже через полмесяца, – сказала Жоли. – Ваша группа просто захлебнется в информации, приходящей с пяти миллионов подслушивающих устройств. Даже если вы будете, что называется, в лепешку расшибаться, все равно мины взорвутся раньше, чем вы успеете проанализировать хотя бы малую часть информации.

Жойя опустила усики:

– Потому-то, маршал, я прошу сделать для мин замедление на два месяца, чтобы мы смогли проанализировать как можно больше. Я уверена, что нам удастся узнать нечто важное.

– Хватит! – повысила голос Качика. – Операция откладываться не будет. За месяц мы успеем поставить зерно-мины всюду где надо, и этот срок не будет растянут ни на секунду. Задержки только усугубят положение, поэтому мы должны действовать как можно быстрее. Кроме того, я не верю, что мы можем хоть чего-то не знать о мире динозавров!

Глава 14
Зерно-мины

Император Гондваны Дадеус в сопровождении министров внутренних дел и государственной безопасности направлялся в Башню связи Валунного города, являвшейся сердцем информационной сети державы. Здесь сосредоточивалась и обрабатывалась вся информация, которой столица обменивалась с империей. На материке было свыше сотни таких центров – узлов информационной сети.

Дадеус и министры вошли в просторный зал управления Башни связи, где сияло множество компьютерных экранов. Динозавры, работавшие за ними, тут же почтительно встали, увидев императора.

– Кто руководит сменой? – спросил министр внутренних дел. Двое динозавров вышли вперед и представились; один был дежурным инженером, а второй – начальником охраны.

– Что скажете о работающих здесь муравьях? – спросил министр.

– Они все взяли выходной сегодня, – ответил инженер.

Министр внутренних дел кивнул.

– Вы должны были получить циркуляр Министерства государственной безопасности о проведении тщательной проверки всех компьютеров и сетевого оборудования для предотвращения возможных диверсий со стороны муравьев. Такие проверки проводятся по всей империи, во всех учреждениях и на всех предприятиях. И они будут гораздо тщательнее и глубже, чем все, что делалось раньше. Его императорское величество соизволил прибыть, чтобы лично проверить вашу работу.

– Мы начали проверку в ту же минуту, как получили циркуляр. На сегодня основное оборудование проверено дважды, охранные меры усилены. Могу заверить ваше величество, что центр в безопасности, – заявил дежурный инженер.

– Покажи нам самую важную часть центра, – сказал Дадеус.

– В таком случае прошу ваше величество в серверную.

Инженер вопросительно взглянул на министра внутренних дел, дождался кивка и повел императора с его высокопоставленными сопровождающими в святую святых сетевого центра – серверный зал. По сторонам прохода тянулись стройные ряды закрытых шкафов. В белых корпусах негромко, как живые существа, гудели массивные компьютеры, стремительно обрабатывая неимоверные массивы информации, поступающей со

всего мира.

– Что вы предприняли для обеспечения безопасности этих устройств? – спросил министр внутренних дел.

– Муравьям, работающим в центре связи, категорически запрещено бывать в этом зале без специального разрешения. Все ремонтные работы проводятся под непрерывным наблюдением динозавров, – ответил начальник охраны и извлек из-за дверцы серверного шкафа увеличительное стекло. – Извольте видеть, ваше величество: с их помощью мы наблюдаем за работой муравьев. Все время, пока они находятся внутри сервера, динозавры с них глаз не сводят. – Он обвел зал широким жестом лапы, указывая, что такие стекла висят на двери каждого шкафа.

– Очень хорошо, – кивнул министр внутренних дел. – Ну а каким образом вы предотвращаете проникновение посторонних муравьев?

– Прежде всего мы герметично закрываем серверный зал, чтобы исключить их доступ.

– Пф-ф-ф! Герметично закрываете, говорите? Это же смешно! – вдруг взорвался почти все время молчавший министр государственной безопасности. – Видел я самое герметичное помещение всего нашего мира – сейф Имперского банка Гондваны, где хранится муравьиная валюта. Можете себе представить, как тщательно и плотно закрывается этот сейф? Оттуда натуральным образом можно выкачать воздух до состояния вакуума и снаружи никак не пробраться через бронированные гермодвери. Банкиры рассчитывали, что детекторы поступления газа защитят хранилище от дерзкой банды грабителей-муравьев, обчищавшей крупные банки. Предполагалось, что, как только те проделают отверстие в стене, газ пойдет в помещение и датчик поднимет тревогу. Но хранилище вычистили, а сигнал тревоги так и не поступил. Даже внимательно изучив место преступления, мы так и не узнали, каким образом муравьи пробрались внутрь. Я подозреваю, что они смонтировали на внешней стороне стены миниатюрную вакуумную камеру и сделали проход оттуда, а вычистив хранилище, заделали дыру, и воздух туда не пошел. Хитрости муравьев для нас просто непостижимы. К тому же крохотный размер дает им целый ряд преимуществ. Увы, никакие замки не обезопасят от них крупные здания в наших городах.

– А хотя бы сами серверы можно герметично закрыть, чтобы муравьи-диверсанты не смогли туда проникнуть? – спросил Дадеус.

– Тоже практически невозможно, ваше величество, – ответил министр госбезопасности. – Во-первых, без некоторых отверстий

они просто не будут работать: необходима подача воздуха для охлаждения, где-то должны проходить провода, и без дисководов, как ни крути, не обойтись. Кроме того, даже полная герметизация не гарантирует защиту от муравьев. Как вы знаете, они несравненные бурильщики. Это инстинкт, сохранившийся с тех пор, когда они обитали в подземных гнездах. У них есть крохотные, но очень эффективные инструменты, позволяющие делать отверстия в любых материалах. Так что единственная надежная защита – это двойная, тройная, в общем, непрерывная проверка. Нельзя ни на минуту терять бдительность! – Последнюю фразу министр адресовал инженеру и начальнику охраны.

– Так точно, господин министр! – дружно рявкнули сотрудники информационного центра.

Министр остановился перед одним из серверов и неожиданно приказал:

– Проверьте эту машину!

Начальник охраны вынул переговорное устройство, сказал несколько слов, и в зал поспешно вошли пятеро динозавров-инженеров с мощными фонарями, увеличительными стеклами и множеством разнообразных инструментов. Открыв дверцу, они приступили к тщательному осмотру компьютера изнутри. Работа оказалась непростой – детали и провода были собраны в тугие узлы, – но динозавры скрупулезно осматривали через лупы каждый сантиметр, как будто читали длинный рассказ, записанный на множестве свитков, или разбирались в затейливом лабиринте.

Через некоторое время – Дадеус и министры уже начали проявлять первые признаки нетерпения – один из инженеров воскликнул:

– О, я что-то нашел! Это же зерно-мина! – Он протянул увеличительное стекло императору: – Ваше величество, вот она, на зеленом проводе.

Император посмотрел сквозь лупу и одобрительно кивнул. Другой динозавр достал миниатюрный пылесос, похожий на авторучку, поднес кончик к проводу, нажал на кнопку, и желтая крошка исчезла в резервуаре.

– Отлично! – Министр госбезопасности похлопал по плечу инженера, обнаружившего закладку, и повернулся к Дадеусу: – Ваше величество, эту имитацию зерно-мины установили здесь по моему приказу, чтобы проверить эффективность мер контроля безопасности, принятых в информационном центре.

На императора все это не произвело особого впечатления.

– Хм-м, я все же не уверен. Ты сам сказал, что муравьи очень

мелкие и хитрые, и если всерьез решат устроить каверзу, им трудно помешать. Я, как и прежде, считаю, что на них действует только угроза адекватного воздаяния. А еще лучше – воздаяния сторицей. Мы как следует напугали Муравьиную федерацию, разрушив два ее крупнейших города, и напомнили, что их мир для нас все равно что детская песочница. Мы, динозавры, способны за какие-то один-два дня, не прилагая особых усилий, уничтожить все муравьиные города на Земле. При таких обстоятельствах они просто не осмелятся устраивать какие-то диверсии против нашего мира. Они чрезвычайно рациональны и действуют, руководствуясь бесстрастными, механистическими соображениями. Присущий им образ мышления просто не позволит предпринять что-нибудь излишне рискованное.

– Ваше величество безусловно правы, но, знаете ли, мне минувшей ночью приснился кошмар, в котором присутствовал другой возможный вариант.

– Тебе последнее время то и дело снятся кошмары.

– Дело в том, что интуиция говорит, прямо-таки кричит: нам грозит огромная опасность. Ваше величество, стратегия устрашения, которой придерживается империя, основана на предположении, что, если муравьи решатся уничтожить часть мира динозавров, мы нанесем сокрушительный ответный удар по муравьиному миру. Но что, если муравьи смогут одновременно поразить весь наш мир? Если у них получится такое, мы просто не сможем никак им ответить и, следовательно, уже не сможем еще раз напугать их.

Дадеус ненадолго задумался и мотнул головой:

– Вариант, который ты описываешь, крайне маловероятен даже теоретически. Такого не может быть, потому что не может быть никогда.

– Ваше величество, это оборотная сторона механистического устройства мышления муравьев: если хоть малейшая теоретическая возможность успеха существует, они пойдут на это действие. Со своей упрощенной способностью оценки мира они не увидят тут ничего безумного.

– Я все же думаю, что такое крайне маловероятно. К тому же империя принимает чрезвычайно строгие меры безопасности. Если муравьи затеют крупномасштабную операцию, мы незамедлительно узнаем об этом. Тревожиться сейчас надо не из-за муравьев, а из-за лавразийцев. Вот от них исходит реальная опасность, которая с каждым днем все усиливается!

Дадеуса слушали не только динозавры. В серверной присутствовали еще и двадцать муравьев-солдат, надежно спрятавшихся за материнской платой этого самого сервера. Пять

часов назад они проникли в Коммуникационную башню по наружной стороне водопроводной трубы, а потом через мелкие щели в полах пробрались в серверную и через вентиляционные отверстия – внутрь корпуса сервера. Министр госбезопасности был прав: муравьи могли без малейшего труда проникать в колоссальные, по их меркам, здания и технические средства.

Услышав приближение группы динозавров, муравьи поспешно спрятались за материнскую плату, которая превышала размером футбольный стадион Костяной цитадели. Почти сразу же дверь серверного шкафа открылась. Через щель в материнской плате они увидели увеличительное стекло, закрывшее все небо, а за ним гигантский глаз инженера, искаженный увеличением. Муравьи перепугались, но динозавр не заметил их. Больше того, обнаружив ложную зерно-мину, установленную одним из его соплеменников, он не заметил настоящей мины – полоски, которой муравьи обмотали провод совсем рядом с ней, она только-только успела слиться цветом с проводом и стала совершенно невидимой. А еще – доброй дюжины таких же зарядов, обмотанных вокруг проводов разного цвета и толщины.

На плате муравьи разметили также несколько мин-накладок. Они меняли цвет еще лучше, чем полоски, – разные их участки окрашивались по-разному и точно соответствовали тем частям печатной платы, поверх которых их наклеивали, так что обнаружить их было даже труднее, чем полоски на проводах. Эти мины отличались от прочих принципом действия: они не взрывались, а выпускали точно в назначенное время несколько капель крепкой кислоты, которая растворяла проводники, напечатанные на плате.

Естественно, муравьи слышали все разговоры от первого до последнего слова. Когда дверь шкафа закрылась, в сервере сразу же воцарилась ночь. Лишь индикатор электропитания одиноко сиял, как изумрудная луна. Ровное жужжание вентилятора, создававшего легкий ветерок, и мерное пощелкивание жесткого диска усугубляли обманчивое впечатление того мира, где муравьи сейчас находились.

– Знаете, а этот министр у динозавров – толковый, – сказал феромонами один из солдат. – Если наша Федерация поступит так, как он говорит, мы действительно сможем разрушить мир динозавров.

– Может быть, мы сейчас как раз этим и занимаемся, откуда ты знаешь? – ответил другой.

Солдаты не знали, хоть и догадывались, что их взвод – не единственный сейчас в Коммуникационной башне. В каждом сервере, в каждом электрощитке этажом ниже находилось по

отряду муравьев, занимавшихся примерно тем же, чем и они. Мысль о том, что сотни миллионов муравьев на всех континентах одновременно занимаются одним и тем же делом, мало кому могла прийти в голову.

В ту ночь министра внутренних дел Бабата мучил кошмар. Он видел во сне, что темная масса муравьев ползет через ноздри в глубь его тела и выходит изо рта длинной узкой лентой. Каждый выходивший муравей держал что-то в жвалах, и это было кусочками его внутренностей. Покинув пасть, они бросали эти кусочки и снова лезли в нос, образовав замкнутое кольцо. Бабата чувствовал, как внутри у него разрастается пустота…

Кошмар министра имел определенную связь с действительностью. В то самое время пара муравьев действительно пробиралась по его ноздре. Муравьи-солдаты забрались в его кровать еще днем, надежно спрятались под подушкой и дождались времени, подходящего для их плана. Сейчас, пролетая в воздухе приличные отрезки пути, всякий раз, когда динозавр вдыхал, они преодолевали его носовую полость, откуда перебрались в череп и с ловкостью профессионалов вышли к мозгу.

Один из муравьев, освещавший путь крохотным налобным фонариком, быстро нашел главную мозговую артерию. Второй прикрепил к ее прозрачной стенке желтую зерно-мину. Затем они покинули мозг и по другим извилистым путям, пролегавшим внутри черепа, добрались до уха. Сквозь полупрозрачную мембрану барабанной перепонки просачивался тусклый свет, а слабые наружные звуки, усиленные улиткой, превращались здесь в гулкий рокот. Двое муравьев начали устанавливать за барабанной перепонкой подслушивающее устройство.

А министра внутренних дел Гондванской империи динозавров продолжал терзать кошмар. Ему снилось, что муравьи вынули из него все внутренности и теперь заселяются в его утробу, намереваясь устроить там свой город… Он проснулся в холодном поту.

Двое муравьев торопливо возились в его внутреннем ухе, и вдруг мир зашатался, сила тяжести резко усилилась. Они сразу поняли, что динозавр проснулся и сел в постели. А затем полутемное помещение заполнилось ревом, оглушившим муравьев чуть ли не до потери сознания. Это был голос динозавра, дошедший сюда в основном как вибрация черепных костей.

– Стража! Стража!

Очень скоро ему ответил другой голос, донесшийся на сей раз снаружи. Барабанная перепонка вибрировала с такой силой,

что казалось, вот-вот лопнет.

– Господин министр, что случилось?

– Срочно томограф сюда! Мне необходимо обследование!

Муравьи тревожно переглянулись.

– Что делать будем? – спросил один. – Продырявим перепонку и уйдем через слуховой канал?

– Не выйдет. Они нас обнаружат. Давай-ка спрячемся в легких. Обычно они ограничиваются осмотром головы.

Оставив подслушивающее устройство, которое они все же успели установить, муравьи устремились в темноту. Достигнув носовой полости, они резко свернули и вскоре достигли дыхательного хода. Дождавшись, пока динозавр вдохнет, они подпрыгнули и полетели с ураганом по трахее прямо в легкие. В темноте отчетливо слышалось непрерывное журчание, какое бывает в лесу во время ливня: это происходил воздухообмен в альвеолярных мешочках. Снаружи доносился негромкий гул работающего томографа. Через несколько минут послышался новый голос. Звуки доходили до легкого сильно приглушенными, но муравьи тем не менее разобрали каждое слово.

– Господин министр, сканирование завершено. Никаких аномалий не обнаружено.

Муравьи, цеплявшиеся за стенку легкого, ощутили, как давление резко поднялось и тут же начало снижаться: это динозавр вздохнул с облегчением.

– Господин министр, вы уже третий раз за ночь требуете провести сканирование, и каждый раз ничего не обнаруживается. Мне кажется, вы чрезмерно волнуетесь.

– Чрезмерно?! Да что вы, дураки, понимаете! Целый день все талдычат об угрозе со стороны Лавразии, лихорадочно готовятся к ядерной войне! Похоже, только я один во всей империи еще способен трезво мыслить и понимаю, откуда исходит настоящая опасность!

– Но… ни одно из обследований, предпринятых за последние дни, не выявило никаких аномалий.

– А я думаю, исправны ли ваши аппараты?

– Господин министр, они определенно в полном порядке. Мы использовали все томографы императорского госпиталя. А вечером, согласно вашему указанию, привезли аппарат из крупной городской больницы. Результаты полностью совпадают.

Министр внутренних дел ничего не ответил, снова лег в постель и вскоре погрузился в тревожный сон. Муравьи благополучно выбрались из его легких и, оставшись незамеченными, сбежали по ножке кровати, пересекли обширное пространство пола до стены и покинули спальню.

Тем временем на всех континентах двадцать миллионов муравьев под покровом ночи забирались в черепа пяти миллионов динозавров и размещали смертоносные зерно-мины на мозговых артериях. Одновременно они установили подслушивающие устройства на барабанных перепонках миллиона динозавров, включая императора Дадеуса и президента Додоми. Через ретрансляторы, которыми была усеяна вся планета, в суперкомпьютер Главного командования Муравьиной федерации стекались мощные потоки информации, где ее старательно анализировал новый отдел, спешно организованный министром науки Жойей. Муравьям открывалась масса неведомых прежде тайн мира динозавров.

Глава 15
«Яркая Луна» и «Император моря»

Возглавлявшая Главное командование Муравьиной федерации верховный консул Качика и ее заместительница маршал Жоли держали под неусыпным контролем всю подготовку к уничтожению мира динозавров. Два больших экрана непрерывно демонстрировали ход развития операций «Отключение» и «Обезглавливание». В нижней строке экрана «Отключение» безостановочно сменялись цифры, отражающие количество установленных в запланированные места разнообразных мин, а выше располагалась карта мира. Континенты были плотно испещрены светящимися точками, кружками и стрелками, указывающими расположение мин и другие подробности операций. А на экране операции «Обезглавливание» цифровая строка указывала количество мин, заложенных в мозгах динозавров.

Как только число менялось, рядом высвечивались имя и должность очередного динозавра, получившего смертоносную мину.

– Похоже, что все идет строго по плану, – сказала маршал, обращаясь к Качике. И тут в помещение вошла министр науки Федерации доктор Жойя.

– Ах, доктор Жойя, уже неделю вас не видела, – с холодком сказала Качика. – Вы все так же погружены в анализ результатов подслушивания? Судя по мрачному виду, вы пришли, чтобы открыть нам какую-то потрясающую тайну.

Жойя утвердительно качнула усиками:

– Совершенно верно. Мне необходимо безотлагательно побеседовать с вами обеими.

– Мы очень заняты, так что прошу быть краткой.

– Я хотела бы, чтоб вы послушали запись вчерашних переговоров Дадеуса и Додоми на Гондвано-Лавразийском саммите.

– Какие еще тайны могут открыться на этом саммите? – недовольно бросила Качика. – И без того всем известно, что переговоры о взаимном ядерном разоружении в очередной раз провалились. Война между Гондваной и Лавразией неизбежна, а это лишний раз подтверждает правильность нашей стратегии. Мы обязаны уничтожить динозавров, прежде чем они развяжут ядерную войну, чтобы спасти Землю и все живое на ней.

– Это совершенно верный вывод из пресс-релиза. Но я хочу,

чтобы вы послушали, что правители говорили наедине друг с другом. В этом разговоре открылось нечто такое, чего мы прежде не знали о динозаврах.

Зазвучала запись.

> ДОДОМИ: Ваше величество, вы знаете, почему муравьи так быстро капитулировали и даже не высказали никаких претензий? Не может быть никаких сомнений в том, что таким образом они хотели всего лишь выиграть время. Муравьиная федерация готовит против мира динозавров какой-то очень серьезный удар.
>
> ДАДЕУС: Господин президент, вы что, действительно считаете, что я настолько туп, что не замечаю очевидного? Но на фоне принятого Лавразией решения связать «Яркую Луну» с таймером потери команды угроза со стороны муравьев… Да что там говорить, даже опасность применения вами ядерного оружия кажется чем-то маловажным.
>
> ДОДОМИ: Вынужден согласиться, что «Яркая Луна» и «Император моря» гораздо опаснее для цивилизации на Земле, чем все муравьиные происки и даже ядерная война. Так что давайте на этом и сосредоточимся, согласны? И не надо указывать пальцем на нас: мы ведь оба знаем, что отсчет «Императора моря» пошел раньше.

– Стоп, стоп, стоп! – Качика недовольно взмахнула усиками. – Доктор, я не понимаю, о чем они говорят.

Жойя приостановила воспроизведение.

– В этом диалоге две важнейшие единицы неизвестной нам информации: «Яркая Луна» и «Император моря», а также таймер потери команды.

– В разговорах лидеров держав динозавров то и дело встречаются непонятные кодовые названия. Что вас на этот раз так встревожило?

– Из этого разговора следует однозначный вывод: эти штуки представляют особую опасность и угрожают существованию всего мира.

– Если рассуждать логически, такого просто не может быть. Доктор, все, что может представлять реальную опасность для целого мира, необходимо очень долго готовить, монтировать и настраивать. Взять хотя бы межконтинентальные ракеты – чтобы истребить цивилизацию, их потребуется более десяти тысяч. Вы в состоянии представить себе такие пусковые мощности?! Тем более что столь крупная и сложная система не может удовлетворительно работать без нашего участия в строительстве

и техническом обслуживании. Проще говоря, если бы что-то подобное появилось, Муравьиная федерация гарантированно знала бы об этом. Кстати, обе державы динозавров не в состоянии без нас, самостоятельно, поддерживать в работоспособном состоянии свое ядерное оружие, так что нам о них известно все, что следует знать.

– Тут я с вами полностью согласна, консул. Никакое крупное сооружение скрыть от нас невозможно, а вот нечто более скромного размера – вполне получится. Если они смогут работать с таким устройством без помощи муравьев – например, с одиночной межконтинентальной ракетой и ее пусковой установкой, – она долго будет оставаться годной к применению, а мы не будем ничего знать о ней. Возможно, «Яркая Луна» и «Император моря» – оружие как раз такого рода.

– В таком случае нам и подавно не следует волноваться. Подобные мелкие отдельные установки вряд ли способны представлять угрозу для планеты. Как я уже сказала, чтобы уничтожить Землю, нужны многие тысячи единиц термоядерного оружия.

Жойя помолчала несколько секунд, а потом наклонилась к Качике так, что их усики скрестились, а глаза чуть ли не соприкоснулись.

– В том-то и суть вопроса, консул. Действительно ли атомные бомбы – самое мощное оружие, существующее на Земле?

– Доктор, да ведь это же всем известно!

Жойя отодвинулась и печально повесила усики.

– Совершенно верно: это всем известно, и в этом как раз и состоит фатальный недостаток нашего, муравьиного, мышления. Мы довольствуемся тем, что всем известно, тогда как динозавры постоянно глядят в новые, неисследованные области. Динозавры в своих астрономических обсерваториях обнаружили далекие звездные объекты, излучающие больше энергии, чем целые галактики, и назвали их квазарами. Рядом с ними энергия термоядерного синтеза казалась безобиднее светлячка, летающего в лесу. Они также установили, что материя, проваливающаяся в межзвездную черную дыру, излучает чрезвычайно сильную радиацию, также на много порядков превышающую ту, что образуется при слиянии ядер.

– Но объекты, о которых вы говорите, находятся за тысячи световых лет от нас. Они просто не имеют отношения к реальной жизни.

– В таком случае позвольте напомнить кое о чем, имеющем к реальной жизни самое прямое отношение: вы помните, как три года назад в ночном небе появилось новое солнце?

Конечно же, Качика и Жоли помнили об этом. Этот беспрецедентный случай произвел на всех глубокое впечатление. Действительно, холодной зимней ночью над Южным полушарием неожиданно вспыхнуло новое солнце. В тот же миг на ночной стороне Земли стало светло как днем. Свет был так ярок, что те, кто решался посмотреть на новое светило, временно лишались зрения. Оно начало меркнуть уже секунд через двадцать, но за это время его свет и тепло превратили холодную зимнюю ночь в знойный летний день. Воды от стремительно растаявшего снега затопили множество городов. Случившееся потрясло муравьиный мир. Но когда муравьи обратились к динозаврам, пытаясь выяснить, что случилось, их ученые так и не дали никакого ответа, и нелюбопытные от природы муравьи вскоре перестали думать об этом казусе.

– Единственное вменяемое объяснение мне тогда удалось получить в одной из наших обсерваторий. Астрономы сказали, что новое солнце вспыхнуло примерно на расстоянии одной астрономической единицы от Земли, то есть на примерно таком же удалении, какое отделяет нас от Солнца, но с другой стороны. Из оценки расстояния и силы потока излучения, попавшего на Землю, можно было сделать вывод и о силе свечения нового солнца. Если бы такая большая энергия была результатом ядерной реакции, космический объект должен был оказаться довольно большим. Но астрономические наблюдения никакого столь крупного объекта не выявили. Короче говоря, не исключено, что в Солнечной системе происходят высокоэнергетические процессы, которые гораздо сильнее термоядерного синтеза.

Качику эти слова не убедили.

– Доктор, и это тоже не имеет никакой связи с реальностью. Даже если такие процессы существуют, я ни за что не поверю, что динозавры смогли доставить их источники на Землю. Это совершенно невозможно. Вы не хуже меня знаете, какое большое расстояние – астрономическая единица. Космическая техника динозавров функционирует в основном на околоземной орбите. Вряд ли им под силу путешествия в столь дальний космос.

– Я тоже долго так думала, но… – Жойя не стала заканчивать фразу. – Давайте еще немного послушаем запись. – Она вновь включила воспроизведение.

ДАДЕУС: Мы ведем очень опасную игру, просто недопустимо опасную. Лавразия должна немедленно вывести «Яркую Луну» из режима «таймер потери команды» или по меньшей мере перевести ее под управление стандартного таймера. Как только вы это сделаете, Гондвана поступит аналогичным образом.

ДОДОМИ: Пусть Гондвана сначала остановит таймер «Императора моря»! Лавразия сразу же последует вашему примеру.

ДАДЕУС: Это же Лавразия первой активировала таймер «Яркой Луны»!

ДОДОМИ: Но, ваше величество, если бы три года назад, четвертого декабря, гондванский космический корабль не устроил эффектное представление в космосе, ни «Яркая Луна», ни «Император моря» вообще не возникли бы! Та штука летела бы себе своей дорогой и спокойно пролетела бы мимо Земли.

ДАДЕУС: Это был научный эксперимент…

ДОДОМИ: Ну, хватит! Сколько можно повторять эту бессмысленную ложь?! Именно Гондванская империя толкнула всю цивилизацию Земли на край пропасти. Вы просто преступники, и не вам выдвигать какие-то претензии в адрес Лавразии!

ДАДЕУС: Из этого следует, что Лавразийская республика не намерена первой идти на уступку?

ДОДОМИ: А как насчет Гондванской империи?

ДАДЕУС: Отлично! Значит, никому из нас вовсе дела нет до предстоящей гибели Земли?

ДОДОМИ: Если вам нет дела, то и мне тоже.

ДАДЕУС: Ха-ха-ха! Ну что ж, ну что ж… Нам, динозаврам, редко когда и до чего есть дело.

Жойя вновь остановила воспроизведение и повернулась к Качике и Жоли:

– Думаю, вы обратили внимание на дату, упомянутую в разговоре.

– Четвертого декабря, три года назад, – ответила Жоли. – Как раз тот день, когда вспыхнуло новое солнце.

– Совершенно верно. Весь разговор вращается вокруг этой оси. Не знаю, как вы, а у меня все щетинки встали дыбом.

– Было бы неплохо, министр, если бы вы более внятно объяснили ваши опасения, – с прежним холодком сказала Качика.

Жойя вздохнула:

– Если бы это было так просто… Чтобы раскрыть этот секрет, лучше всего было бы подключиться к военным компьютерным сетям динозавров, но, увы, наши компьютеры структурно несовместимы с ними. Поэтому, хотя мы легко можем физически проникать в корпуса любых их компьютеров, добраться до данных, используя наше программное обеспечение, не получится. В ином случае зачем было бы идти на столь сложные меры, как установка подслушивающих устройств в головах динозавров? Как бы там ни было, я не верю, что нам удастся раскрыть эту тайну за

время, имеющееся в нашем распоряжении.

– Хорошо, доктор, я предоставлю вам дополнительные штаты для обработки информации. Однако заранее предупреждаю: ничего из того, что вам удастся выяснить, никак не повлияет на планы тотальной войны, которую мы ведем против динозавров. В данный момент мои щетинки могут встать дыбом лишь по одной причине: от мысли, что истребить динозавров не удастся. Я считаю, что вы пребываете в заблуждении, которое может пойти во вред великому делу федерации.

Жойя молча повернулась и покинула зал. На следующий день она не вышла на работу.

Глава 16
Измена

Двое солдат-муравьев уходили из дворца императора Гондваны через щель под входными дверями. Эта пара была последней из трех тысяч муравьев, которые занимались установкой мин в компьютерных системах дворца и в черепах динозавров, занимавших руководящие посты. Затем им предстояло преодолеть несколько высоченных ступеней парадной лестницы. На первом же обрыве они заметили еще одного муравья, который карабкался им навстречу.

– Вот те на! Это же доктор Жойя! – удивленно сказал один из солдат другому.

– Министр науки федерации? Совершенно верно! Это она.

– Доктор Жойя! – Солдаты приветствовали выдающуюся ученую энергичным выбросом феромонов.

Посмотрев на них снизу вверх, Жойя, похоже, растерялась и чуть не метнулась в сторону, но тут же овладела собой.

– Доктор, что вы здесь делаете?

– Мне необходимо… э-э… проверить установку зерно-мин во дворце.

– Все закончено. Саперы уже ушли. – Солдат немного помолчал. – Столь высокопоставленным чиновникам незачем самолично лезть в такие дела. Это очень опасно!

– Мне… мне все же необходимо взглянуть своими глазами. Как вы понимаете, это вопрос высочайшей важности. – С этими словами она быстро поползла наверх и вскоре скрылась из виду.

– Тебе не кажется, что с ней что-то не так? – задумчиво произнес первый солдат, глядя ей вслед.

– Знаешь, кажется. Где твоя рация? Давай-ка быстренько сообщим об этом командиру.

Император Дадеус проводил совещание с главными силовыми министрами, и вдруг в кабинет вошел секретарь:

– Ваше величество, министр науки Муравьиной федерации просит срочной аудиенции.

– Пусть подождет. Я приму ее, когда мы закончим наши дела, – ответил Дадеус и лапой указал секретарю на дверь.

Тот вышел, но почти сразу же вернулся.

– Она говорит, что дело чрезвычайно важное и настаивает на немедленной встрече. И просит, чтобы в ней, если можно, участвовали министры внутренних дел и госбезопасности, а также начальник Генерального штаба имперской армии.

– Вот нахалка! Манеры этих букашек просто никуда не годятся! Пусть ждет или проваливает.

– Но она… – Секретарь взглянул на министров и почтительно склонился к монаршьему уху: – Она утверждает, что изменила своему государству.

Министр внутренних дел счел нужным вмешаться:

– Жойя – одна из важнейших фигур в их правящих кругах. Причем резко выделяется своим образом мыслей. Если она говорит правду, то действительно лучше выслушать ее незамедлительно.

– Ну ладно, тащи ее сюда, – приказал Дадеус и указал на свой широкий стол, за которым сидели участники совещания.

– Я пришла к вам, чтобы спасти Землю, – сказала Жойя и, выпрямившись во весь рост, обвела взглядом громады динозавров, возвышавшиеся вокруг. Прибор без задержки перевел ее феромонную речь на язык динозавров и воспроизвел через спрятанные где-то динамики.

Дадеус скептически ухмыльнулся:

– Хм, какие громкие слова! Земле, на мой взгляд, ничего не грозит.

– Вскоре вы измените свое мнение, ваше величество. Но прежде я попрошу вас ответить на один вопрос: что такое «Яркая Луна» и «Император моря»?

Динозавры сразу насторожились и переглянулись. Последовала продолжительная пауза, и в конце концов Дадеус спросил:

– А почему вы решили, что мы скажем это вам?

– Ваше величество, если это то, о чем я думаю, то я раскрою вам секрет наивысшей важности, напрямую связанный с выживанием мира динозавров. Это будет вполне эквивалентный обмен.

– А если это окажется не то? – угрюмо спросил Дадеус.

– Тогда я не раскрою вам секрет. Хотите – убейте меня или держите взаперти, чтобы сохранить свою тайну. В любом случае вы ничего не потеряете.

Дадеус молчал еще несколько секунд, а потом кивнул коллеге Жойи, министру науки империи, сидевшему за столом слева от него:

– Расскажи ей.

* * *

В Ставке Главного командования Муравьиной федерации

маршал Жоли положила телефонную трубку и с мрачным видом повернулась к верховному консулу Качике:

– Жойя обнаружилась. Двое солдат из двести четырнадцатой дивизии встретили ее, возвращаясь с минирования. Она входила во дворец императора Гондваны. Похоже, мы не зря подозревали ее. Она предала нас.

– Ах, гнусная изменница! Представляю, что она рассказала динозаврам. Но мы ведь можем сами это услышать – ведь подслушивающие устройства внедрили всем динозаврам, обитающим во дворце, да?

– Жойя испортила ретранслятор, обслуживающий дворец. Туда уже отправили ремонтную бригаду, но пока еще они доберутся…

– В любом случае я уверена, что она пошла туда, чтобы выдать военные планы федерации.

– Наверняка. А это значит, что вся наша операция оказалась под угрозой!

– Насколько выполнены планы постановки мин?

– Операция «Разъединение» – на девяносто два процента. «Обезглавливание» – на девяносто процентов.

– Возможно ли взорвать мины раньше запланированного времени?

– Конечно. Все зерно-мины могут взорваться или по установленному таймеру, или по сигналу. Сеть ретрансляторов по всему миру динозавров уже смонтирована, так что мы можем в считаные секунды взорвать все заложенные мины. Верховный консул, нельзя терять ни минуты! Отдавайте приказ!

Качика повернулась к огромному экрану, на котором демонстрировалась карта мира, некоторое время смотрела на континенты, переливавшиеся разноцветными огнями, а потом сказала:

– Что ж, пора открыть новую страницу истории Земли. Взрывайте!

* * *

– В чем же дело, доктор? Вы откроете нам обещанный секрет? – спросил Дадеус.

Жойя вздрогнула, как будто ее отвлекли от глубоких раздумий.

– Это… это ужасно! Какие же вы все чудовища! Впрочем, мы, муравьи, ничуть не лучше… Немедленно звоните верховному консулу Муравьиной федерации!

– Вы так и не ответили…

– Ваше величество, мы еще успеем раскрыть тайны! Они уже знают, что я здесь, и могут в любую секунду перейти к действию. Судьба мира динозавров висит на волоске – а с нею и судьба всей планеты! Прошу, поверьте мне. Звоните!

– Ладно. – Император динозавров снял трубку с телефонного аппарата, стоявшего перед ним на столе. Жойя с замирающим сердцем смотрела, как он по одной нажимал огромные кнопки могучим когтистым пальцем. Затем из трубки, зажатой в лапе, послышались длинные гудки, а потом они смолкли – это значило, что Качика взяла свою трубку размером с четверть рисового зернышка.

– Слушаю. Кто это говорит? – прозвучал голос высшей чиновницы Муравьиной федерации.

– Верховный консул Качика? Это император Дадеус. Только что…

И тут Жойя услышала щелчок, который, как ни странно, донесся не из одного места, а со всех сторон, как будто на всех стенах были развешаны часы и их стрелки передвинулись одновременно. Она знала – это могло быть только одновременным взрывом всех зерно-мин, установленных в черепах динозавров. Все гиганты, находившиеся в комнате, оцепенели. Затем Дадеус выронил из лапы телефонную трубку, и она с грохотом рухнула на стол, чуть не придавив Жойю. Гигантская столешница закачалась. Живые горы, окружавшие его, вдруг исчезли, и горизонт сделался обескураживающе пустым. Жойя подползла к телефонной трубке. Оттуда все еще раздавался голос Качики:

– Алло, это Качика. В чем дело? Алло!

Ее голос заставлял колебаться огромную мембрану, и из-за звуковых волн Жойя чувствовала себя так, будто в ее тело вонзаются бесчисленные иглы.

– Верховный консул, это я, Жойя! – крикнула она. Но зерно-мины уже вывели из строя практически всю дворцовую электронику, связанный с ней аппарат-переводчик уже не работал, и ее феромоны больше не преобразовывались в звук. Жойя умолкла. Она опоздала.

Вскоре в зале погасли все лампы. Снаружи смеркалось, и императорский кабинет погрузился в полумрак. Жойя направилась к краю стола, чтобы выбраться к ближайшему окну, но пока она ползла, доносившийся оттуда гул уличного движения стал быстро стихать и сменился устрашающей тишиной, как будто динозавры вдруг замерли перед гибелью своего мира.

К тому времени, когда Жойя переползла со столешницы на

ножку стола, в кабинет стали долетать звуки начавшейся паники. Сначала послышался громкий топот и крики. Жойя почти наверняка знала, что это происходит снаружи – никто из динозавров, обитавших во дворце, не должен был уцелеть: всем им муравьи-диверсанты установили в мозгах зерно-мины. Затем раздались звуки полицейской сирены, возникшие где-то неподалеку, но постепенно они удалялись. Находясь уже на полпути к окну, Жойя всем телом ощутила первые отдаленные раскаты взрывов.

Преодолев большое расстояние, она наконец-то выбралась на окно. Перед нею расстилался Валунный город, погруженный в тревожную мглу. Жойя видела тонкие столбы дыма, поднимавшиеся к темному небу. Постепенно таких столбов становилось все больше, в их основании начинало пробиваться мерцающее пламя. Городской горизонт то проявлялся, то вновь сливался с темнотой. Все время зажигались новые огни, их тускло-алый свет вливался в окно и заставлял тени плясать на потолке высоко над Жойей.

Глава 17
Крайнее средство сдерживания

– Мы это совершили! – восторженно выкрикнула маршал Жоли, глядя на покрасневшую разом карту мира. – Мир динозавров рухнул! Их информационные системы полностью выведены из строя. Все города полностью лишены энергоснабжения, все дороги заблокированы транспортом, обездвиженным из-за сработавших зерно-мин. Повсюду начались пожары, огонь быстро распространяется. Операция «Обезглавливание» нейтрализовала свыше четырех миллионов лидеров мира динозавров, в том числе руководство Гондванской империи и Лавразийской республики. Обе великие державы динозавров потрясены до основания и стремительно сваливаются в хаос.

– Это только начало! – подхватила Качика. – Во всех городах динозавров уже не хватает воды; прожорливое население скоро изведет все запасы продовольствия. Вот это и станет переломным моментом. Динозавры массово устремятся прочь из городов, но без автомобилей, да еще и при заблокированных дорогах, они не смогут вовремя и тем более планомерно эвакуироваться. Безудержные аппетиты скоро приведут их к голоду, а потом они начнут умирать, так и не найдя пищи. Вообще-то, высокотехнологичное общество динозавров перестанет существовать еще до того, как они покинут свои города. Прямо сейчас, пока мы разговариваем, мир динозавров регрессирует до примитивного сельскохозяйственного состояния.

– В каком состоянии находятся их системы атомного оружия? – спросил кто-то из муравьев.

– Насколько нам известно, все атомное оружие динозавров и средства его доставки, включая межконтинентальные ракеты и стратегические бомбардировщики, благодаря нашим зерно-минам превратились в кучи металла. Так что никаких атомных взрывов и радиоактивного загрязнения быть не может, – ответила Жоли.

– Замечательно! Вот уж поистине молниеносная война. И теперь нам остается только ждать, пока мир динозавров разрушит сам себя! – радостно сказала Качика.

Тут кто-то из секретарей доложил, что доктор Жойя вернулась и требует срочной встречи с Качикой и Жоли. Когда совершенно измученная руководительница муравьиной науки вошла в командный пункт, Качика сразу гневно напустилась на нее:

– Доктор, вы предали великое дело Муравьиной федерации в самый критический момент. Вас ждет строгое следствие, суд и, несомненно, суровый приговор!

– Вот когда услышите то, что знаю я, сами будете решать, кому из нас идти под суд! – с необычной для нее резкостью ответила Жойя.

– Зачем вам понадобилась встреча с императором Гондваны? – спросила Жоли

– Чтобы узнать, что такое эти «Яркая Луна» и «Император моря».

Слова министра науки сразу заметно охладили вскипевшие страсти. Качика, Жоли и остальные присутствовавшие уставились на Жойю. Та, прежде чем начать, обвела всех взглядом и спросила:

– Кто-нибудь имеет представление о том, что такое антиматерия?

Сначала все промолчали, и Качика, выждав немного, ответила:

– Мне известно очень мало. Вроде бы это выдуманное динозаврами-физиками гипотетическое вещество, у которого все элементарные частицы имеют электрический заряд, противоположный тому, что в реально существующей материи нашего мира. То есть электрон антиматерии заряжен положительно, а протон – отрицательно. Своего рода квантовое зеркало материи нашего мира.

– Это не гипотеза. Динозавры многолетними космологическими наблюдениями точно установили, что антиматерия существует, – сказала Жойя. – И все же я уверена, что кто-нибудь знает что-то еще.

– Вы правы, – ответила Жоли. – Я слышала, что, если антиматерия вступает в контакт с материей нашего мира, вся масса обоих веществ превращается в энергию.

– Этот процесс называется аннигиляцией, – сказала Жойя, кивнув усиками. – Когда взрывается атомная боеголовка, которую мы считаем самым разрушительным оружием, в энергию превращается только один процент ее массы, а вот при соединении материи и антиматерии – все сто процентов! Так что уже нельзя сомневаться в том, что существует оружие посильнее ядерного – и намного. В случае аннигиляции мощность взрыва на единицу массы на два, если не на три порядка больше, чем у ядерной бомбы!

– Но какое отношение все это имеет к «Яркой Луне», «Императору моря» и к нам?

– Подождите, я еще не закончила. Вы помните, как три года

назад над Южным полушарием вспыхнуло новое солнце? Астрономы динозавров установили, что вспышку произвело маленькое небесное тело, вошедшее в Солнечную систему по кометной траектории. Сам объект – всего лишь летящая в космосе скала не более тридцати километров диаметром. Но необыкновенно яркая вспышка, возникшая на его пути, пробудила у динозавров сильное любопытство. Они запустили туда космические зонды, и оказалось, что это тело состоит из антиматерии! Проходя сквозь пояс астероидов, оно столкнулось с метеороидом. Произошла аннигиляция эквивалентных количеств вещества и антивещества, при которой выделилось невероятное количество энергии и произошла та самая вспышка. И гондванцы, и лавразийцы пришли к одному и тому же выводу о причинах и ходе события: аннигиляция проделала большую впадину в антикомете и выбросила в космос множество обломков антивещества. Динозаврьи астрономы выследили несколько этих кусков, это оказалось совсем не трудно. В поясе астероидов почти непрерывно происходили случаи аннигиляции солнечного ветра и частиц антивещества, создавая сияние, которое делалось тем ярче, чем ближе к солнцу подходила комета. Событие совпало с разгаром гонки вооружения между Гондваной и Лавразией, и обе великие державы динозавров осенила безумная идея: собрать куски антивещества, доставить на Землю и создать из него сверхоружие, куда более мощное, чем атомное, для устрашения противника…

– Погодите, – сказала Качика, перебивая Жойю. – Тут что-то не сходится. Если антиматерия и материя при контакте аннигилируют, то как же можно их собрать, доставить на Землю и хранить?

– Астрономы динозавров установили, что прилетевшее из межзвездного пространства тело в значительной степени состоит из антижелеза, – ответила Жойя. – Такими же были и выбитые первым взрывом осколки. Антижелезо, как и обычное, подвластно действию магнитного поля, а это и есть возможное решение проблемы хранения. Динозавры смогли сделать вакуумную камеру, в которой под действием сильного магнитного поля антивещество преспокойно находилось в центре емкости, не касаясь ее стен, – таким образом его можно собирать, перевозить и хранить. Конечно, на первых порах идея оставалась чисто теоретической, ведь собирать в такой контейнер антивещество, а потом тащить его на Землю – безумная и чрезвычайно опасная затея. Но у динозавров безумие заложено в самой натуре, отсюда и их стремление к глобальной гегемонии, превозмогающее все прочие соображения… В общем, они очень скоро перевели эту

теорию в практику.

Первый шаг навстречу всеобщей гибели сделала Гондванская империя, сконструировав и построив сферическую магнитную гермокамеру. Эта сфера разделялась на половины, связанные механическими манипуляторами с космическим кораблем. Корабль очень медленно двигался. Половины с величайшей осторожностью сближались, замыкая внутри осколок антивещества. Затем включался электрический ток, передающийся по сверхпроводникам и образующий сильное магнитное поле, которое удерживало добычу в центре камеры. А потом космический корабль вернулся на Землю.

Если бы Лавразийская республика знала о плане гондванцев заблаговременно, она, несомненно, вывела бы в космос военные корабли, чтобы перехватить транспорт с антивеществом по пути. Но до них информация дошла слишком поздно. Гондванский корабль со смертоносным грузом уже вошел в земную атмосферу. Здесь даже успешная атака завершилась бы немедленной аннигиляцией антивещества в воздухе. Масса антивещества составляла сорок пять тонн, следовательно, при аннигиляции девяносто тонн превратились бы в чистую энергию, что полностью погубило бы жизнь на Земле. Естественно, лавразийцы не захотели гибнуть сами ради того, чтобы истребить гондванцев; им оставалось беспомощно следить, как тот опустился в океан.

Дальше безумие развивалось по восходящей. Как только корабль приводнился, капсулу с антивеществом подняли на грузовое судно под названием «Император моря». Это же название динозавры присвоили и добытому куску антивещества, находившемуся в трюме. Судно не вернулось в Гондвану, а нахально отправилось в Лавразию и пришвартовалось в крупнейшем порту республики! Лавразийцы не осмелились предпринять ничего против этого носителя разрушения; они, напротив, спешили убраться с его пути. «Император моря» вошел в практически опустевшую гавань, бросил там якорь, и команда вернулась в Гондвану на вертолете, оставив пустое судно посреди порта, практически в городе. Динозавры Лавразии относились к «Императору моря» с благоговейным ужасом, словно к злому божеству, и не смели никаким образом нарушить его покой, так как знали, что Гондванская империя может в любую секунду отключить электромагниты, которые держат кусок антижелеза на весу, оно упадет, соприкоснется со стенкой – и произойдет жуткая аннигиляция. Если это случится, погибнет весь мир, но первой, безусловно, в огне новоявленного наземного солнца обратится в пепел Лавразия. Это был поистине чернейший день в истории республики. Зато Гондванская империя, крепко взявшая под

уздцы всю жизнь на Земле, совершенно обнаглела, стала выдвигать все новые и новые территориальные требования к Лавразии и потребовала, чтобы она уничтожила свой ядерный арсенал.

Но империя недолго наслаждалась своим преимуществом. Ровно через месяц после того, как завершилась гондванская операция «Император моря», Лавразия дала строго симметричный ответ. Используя точно такую же технологию, она добыла в космосе еще один кусок антиматерии, доставила ее на Землю и дала империи попробовать, каково на вкус ее лекарство. Свою капсулу они погрузили на судно «Яркая Луна» и отправили в крупнейший порт Гондваны. Таким образом, равновесие в мире динозавров восстановилось. Оно держалось только на обоюдоострых крайних средствах сдерживания, толкнувших Землю на край гибели.

Чтобы не допустить всемирной паники, обе стороны держали и «Императора моря», и «Яркую Луну» в строжайшем секрете. Тех, кто знал об этих планах досконально, можно перечислить по пальцам. Империя и республика не жалели денег на поддержание оборудования в безотказном состоянии, все системы состоят из легко заменяемых частей. Поскольку системы существуют в единственном экземпляре и сконструированы специальным образом, динозавры могли обслуживать их без нашей помощи. В результате до нынешнего дня Муравьиная федерация ничего не знала обо всей этой истории.

Все слушали Жойю, затаив дыхание, и настроение постепенно менялось от опьянения победой до ужаса неизбежной гибели.

– Это даже не безумие – это полный распад нравственности! – воскликнула Качика. – Стратегия крайних средств сдерживания, предусматривающая уничтожение всего мира, теряет всякий политический и военный смысл. Это просто извращение!

– Доктор, вот и результат тех самых любознательности, воображения и творческого начала, которые так восхищали вас в динозаврах, – ехидно заметила маршал Жоли.

– Давайте не будем отвлекаться. Миру грозит страшная опасность, – сказала Жойя.

– По крайней мере, мы знаем, что эта опасность все еще остается теоретической, – сказала Качика. – Два куска антиматерии благополучно висят в своих магнитных колыбельках внутри контейнеров.

Жоли согласно качнула усиками:

– Очень верно подмечено. Команда на подрыв антиматерии может быть отдана только динозаврами наивысшего ранга, а все они гарантированно устранены. Следовательно, ее никто и

никогда не отдаст. Покуда мир динозавров пребывает в хаосе и панике, никаких проблем быть не может. Порядок проведения подобных операций аналогичен запуску ракет с ядерными боеголовками. Приказ на пуск и подрыв боевой части должен пройти целую серию сложных взаимосвязанных процедур и технических средств контроля с многочисленными ключами. Малейшее отклонение от процедуры остановит систему.

Качика вновь повернулась к Жойе:

– Как долго может поддерживаться магнитное поле в контейнерах с антивеществом?

– Очень долго, – ответила Жойя. – Магнитное поле продуцируется циркулирующими токами в сверхпроводниках, крайне слабо подверженных коррозии. Кроме того, и «Император моря», и «Яркая Луна» снабжены атомными батареями, рассчитанными на очень продолжительный срок действия, так что системы могут восполнять израсходованную энергию без внешних источников. Как мне сказали динозавры, сдерживающие магнитные поля просуществуют не менее двадцати лет.

– В таком случае наш порядок действий совершенно ясен, – твердо сказала Качика. – Мы должны незамедлительно отыскать «Яркую Луну» и «Императора моря» и окружить контейнеры барьерами, не пропускающими электромагнитное излучение, чтобы исключить опасность того, что какой-нибудь радиосигнал все же приведет к подрыву хотя бы одного из них.

– А потом нужно подумать о том, как отправить эти шары обратно в космос. Да, это будет трудно, но время пока что терпит. Имея в своем распоряжении космические корабли и ракеты-носители, оставшиеся после динозавров, мы справимся с этой задачей, – подхватила Жоли. Остальные муравьи явно ощутили прилив надежды и тут же принялись обсуждать гипотетические подробности предстоящей работы.

– Если мы выберем план, предложенный консулом, Земля точно обречена! – неожиданно для всех сказала Жойя.

Муравьи умолкли и недоумевающе уставились на Жойю.

– Я имею в виду таймер потери команды, который несколько раз упоминался в разговоре Додоми и Дадеуса, – пояснила Жойя. – На первых порах обе державы динозавров контролировали «Императора моря» и «Яркую Луну» именно так, как только что сказала маршал: с пультами управления на собственной территории наготове, чтобы при нападении на страну по сигналу взорвать заряд антивещества, заложенный во вражеском порту. Однако довольно быстро они сообразили, что у этого метода есть серьезный недостаток. Представим себе такую гипотетическую ситуацию: Лавразия внезапно наносит

конвенциональный ядерный удар по Гондване – при новом положении вещей атомное оружие, безусловно, следует отнести к числу конвенциональных вооружений. Ракеты стремительно доставляют боеголовки в самые разные уголки Гондваны, и самый сильный удар, конечно же, приходится на командные пункты. Не успев ответить, империя стремительно погружается в хаос – то самое состояние, в каком она пребывает сейчас. При таком развитии событий «Императора моря» просто не удается взорвать. Если к тому же Лавразия сумеет оградить его от радиоизлучения – например, создать сильные помехи и таким образом воспрепятствовать прохождению сигнала на подрыв, – агрессия будет иметь все шансы на успех.

Чтобы избежать непоправимого ущерба в случае внезапной массированной атаки врага, обе державы динозавров практически одновременно перевели «Императора моря» и «Яркую Луну» в иной режим – так называемый таймер потери команды. И теперь для того, чтобы запустить аннигиляцию антиматерии, ни тем ни другим не нужно передавать специальный сигнал на подрыв. Ровно наоборот: передаваемый сигнал запрещает подрыв. На обоих контейнерах идет обратный счет отключения магнитного поля, и в рабочем режиме их держат только сигналы, поступающие по радио с определенной периодичностью и переводящие этот счет на исходное значение. Эти сигналы посылали лично лавразийский президент и гондванский император. То есть если правитель одной из сторон погибнет в результате упреждающего удара и сигнал не поступит вовремя, то электропитание контейнера отключится – и произойдет аннигиляция. При таком режиме упреждающий удар со стороны любого из противников будет форменным самоубийством, поскольку единственным условием выживания твоей страны станет благополучие врагов. Но этот же режим повысил опасность, угрожающую Земле. Таймер потери команды – это самый безумный или, как метко сказала консул, самый извращенный элемент стратегии обоюдного сдерживания.

На командном пункте снова воцарилась мертвая тишина, которую нарушила Качика. Частое колебание уровня феромонов ее беззвучной речи выдавало сильное волнение.

– То есть если говорить прямо, то и «Император моря», и «Яркая Луна» в данный момент ждут сигнала на продолжение безопасного хранения антивещества?

Жойя согласно кивнула усиками:

– Обе установки ждут сигналов, которые к ним вряд ли поступят.

– Вы имеете в виду, что передающие станции Гондваны

и Лавразии уничтожены нашими зерно-минами? – спросила Жоли.

– Да, именно об этом я и говорю. Дадеус сказал мне, где находятся и гондванский, и лавразийский пульты. Вернувшись, я прежде всего отыскала их позиции на карте операции «Разъединение». Не имея представления о том, для чего предназначены эти аппараты, мы поставили туда не так уж много мин – тридцать пять в гондванскую и тридцать шесть в лавразийскую с расчетом на в общей сложности шестьдесят один проводник. Вроде бы и немного, но хватило, чтобы полностью вывести из строя передатчики обеих станций.

– Сколько времени продолжается отсчет на подрыв?

– Шестьдесят шесть часов, то есть меньше трех суток. Оба таймера обратного отсчета запущены почти одновременно, а сигнал, после которого цикл отсчета повторяется, обычно посылают примерно через двадцать два часа после его начала. Текущий отсчет начат двадцать часов назад, у нас остается еще почти двое суток.

– Но почему отсчет такой продолжительный? – спросила Качика. – Естественнее было бы – один или два часа. Если бы одна из сторон нанесла уничтожающий удар сразу после начала отсчета, у нее была бы уйма времени для того, чтобы погрузить антивещество на ракету и выбросить его в космос.

– Гермосфера с антивеществом накрепко вмонтирована в судно, – ответила Жойя. – Любая попытка разделить их приведет все к тому же отключению магнитного поля и немедленной аннигиляции. Возможно, продолжительные усилия, скрупулезная работа и позволят снять емкость с судна, погрузить на ракету и выкинуть в космос, но двух-трех дней для этого явно не хватит. Дадеус старательно и многословно объяснил мне, почему отсчет столь длительный. Если же в двух словах, то динозавры при всей своей опрометчивости все же сообразили, что от их действий напрямую зависит само существование Земли, и постарались соблюсти хотя бы минимальную осторожность. Если сигнал обновления по каким-то причинам не удастся подать в положенное время, относительно долгий отсчет позволит разобраться с ситуацией. Вообще-то, непредвиденные обстоятельства динозавры прежде всего связывали с возможными диверсиями с нашей, муравьев, стороны – и их страхи полностью оправдались.

– Знай мы точное содержание прерывающего сигнала, можно было бы сделать собственный передатчик и продолжать цикл прерывания отсчетов «Императора моря» и «Яркой Луны».

– Но мы этого не знаем и не можем узнать! Динозавры

сказали мне только, что сигнал представляет собой длительный сложный код, который к тому же каждый раз меняется. А алгоритмы формирования кода хранятся в компьютерах передающих станций. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из выживших динозавров знал, как все это работает.

– Значит, сигналы можно отправить только с передающих станций?

– Насколько я понимаю, да.

– Что ж, в таком случае мы всего лишь должны незамедлительно отремонтировать эту аппаратуру.

Глава 18
Битва за передающую станцию

Гондванская станция, предназначенная для передачи прерывающего сигнала на хранилище антивещества, располагалась на неброском, запущенном с виду клочке земли в предместье Валунного города и представляла собой маленький, по меркам динозавров, домик с целой рощей антенн на крыше. Непосвященный решил бы, что тут, вероятнее всего, какой-то объект метеорологической службы.

Охранялось здание слабо – всего одним взводом динозавров – прежде всего для того, чтобы соплеменники не заходили туда, где им совершенно нечего делать. О лавразийских шпионах и диверсантах-муравьях здесь вряд ли думали. Лавразийцы свою станцию охраняли гораздо серьезнее. Более того, Лавразия уже предъявила Гондване кучу нот с требованием ужесточить режим охраны этого важнейшего объекта. Помимо охранников было пятеро динозавров дежурной технической смены: инженер, трое операторов и монтер. Никто из них, как и охранники, не имел ни малейшего понятия о назначении аппаратуры.

В зале управления находился большой экран, на котором отражались цифры шестидесятишестичасового отсчета. Впрочем, они никогда еще не переходили ниже сорока четырех часов. Каждый раз при приближении к этой черте на другом, в остальное время пустом, экране появлялось лицо императора Дадеуса, который неизменно повторял одну и ту же короткую фразу: «Приказываю передать сигнал».

Дежурный оператор вскакивал, вытягивался во весь рост и отвечал: «Слушаюсь, ваше величество!» – после чего немедленно передвигал мышкой курсор на экране и щелкал по изображенной кнопке с надписью «Передача». И сразу же на главном экране появлялись надписи:

> «ПРЕРЫВАЮЩИЙ СИГНАЛ ОТПРАВЛЕН. ПРЕРЫВАНИЕ ОТСЧЕТА ПОДТВЕРЖДЕНО. ОТСЧЕТ ВОЗОБНОВЛЕН СНАЧАЛА».

В окне экрана вновь возникало число «66:00:00», от которого начинали отниматься секунды, минуты и часы. Император наблюдал за началом этого процесса со своего персонального экрана. Увидев появление начальной надписи, он вздыхал, не скрывая облегчения, и исчезал на сутки.

На протяжении двух лет этот цикл повторялся с точностью

хорошо отлаженного часового механизма. Где бы император ни находился – хоть у себя во дворце, хоть в поездке по стране, хоть даже в Лавразии с государственным визитом, – он ежедневно, с отклонением не больше нескольких минут, связывался с передающей станцией. А дежурному персоналу оставалось только чесать в затылке: если императору нужно, чтобы сигнал передавали каждый день, ему достаточно было бы приказать. Вовсе незачем самолично появляться на экране – операторам было строго-настрого приказано ни в коем случае не передавать этот загадочный сигнал без прямого приказа императора. Да и операторы здесь, в общем-то, не были нужны: с этой задачей наилучшим образом справлялся бы и автоматический таймер. Для технического персонала этот шестидесятишестичасовой отсчет представлял полнейшую загадку.

Они знали только одно: ежедневно передаваемый сигнал чрезвычайно важен. Об этом говорил и напряженный взгляд императора, и то, что он продолжал следить через камеру за вторым экраном и обрывал связь, только убедившись, что отсчет возобновлен. Но никто из этих рядовых динозавров не мог даже подумать о том, что каждый раз этот сигнал на один день оттягивает гибель Земли.

Сегодня их размеренное существование нарушилось из-за того, что передатчик сигнала вышел из строя. Этого просто не могло случиться: на станции использовалось самое лучшее оборудование, к тому же все системы были продублированы. Так что поломка, выведшая из строя всю эту систему повышенной надежности, не могла быть случайной.

Дежурный инженер и помощники-техники тут же кинулись искать корень проблемы и обнаружили, что оборвано несколько проводов – тонких, соединить которые могут только муравьи. Инженер стал звонить начальству, чтобы оно немедленно прислало муравьиную ремонтную бригаду, но телефонная линия наглухо отключилась. А техники тем временем находили все новые и новые обрывы проводников. Между тем время, когда император неизменно отдавал приказ об отправке сигнала, быстро приближалось. Динозавры пытались соединить оборванные провода, но не могли удержать их своими громадными когтями. Техническая бригада была близка к отчаянию. Впрочем, они не сомневались, что испорченная связь скоро восстановится и император, как обычно, появится на своем экране, когда отсчет на другом табло окажется около сорокачетырехчасовой отметки – ведь на протяжении двух последних лет этот ритуал был столь же нерушимым, как восход солнца. Но в этот день солнце взошло, а император не появился.

Впервые цифры на табло перешли значение «44:00:00» и стали уменьшаться дальше.

Немного позже динозаврам пришло в головы, что на помощь муравьев рассчитывать не стоит, так как только они могли испортить аппаратуру. Около станции начали появляться первые динозавры, в панике бегущие из Валунного города. Именно от них охранники станции узнали о происходящей катастрофе. Муравьи своими зерно-минами вывели из строя всю технику Гондванской империи, практически парализовав мир динозавров.

Но персонал передающей станции составляли чрезвычайно добросовестные и ответственные динозавры. Они изо всех сил старались починить провода. Задача была непосильной: большая часть проводов была расположена так, что динозавры просто не могли до них дотянуться, а доступные раз за разом злостно выскальзывали из неуклюжих когтистых пальцев и не желали скручиваться.

– Проклятые муравьи! – прорычал один из техников, потирая усталые глаза.

И тут глаза инженера сами собой широко распахнулись от изумления. Он увидел прямо перед собой кучку муравьев. Немного, вряд ли больше сотни, они быстро направлялись к нему по белой поверхности операторского пульта. Предводительница на ходу кричала динозаврам:

– Эй, мы пришли помочь вам починить аппаратуру! Сейчас мы соединим провода! Мы…

Динозавры даже не подумали включить переводчики феромонной речи в звуки своего языка и попросту не могли понять, что говорила начальница муравьев. Хотя даже если бы и поняли, то не поверили бы. В этот момент ими уже полностью владела всепобеждающая злость. Инженер-динозавр взревел и принялся хлопать лапищами по пульту, бормоча при этом сквозь зубы:

– Я вам покажу, как зерно-мины закладывать! Я вам покажу, как нашу аппаратуру ломать! – И уже через несколько секунд белая поверхность оказалась заляпана множеством неопрятных бурых пятнышек – следами раздавленных муравьев.

– Верховный консул, – сообщал по рации единственный уцелевший из этой партии муравей, – докладываю, что динозавры сигнальной станции напали на нашу бригаду. Нас размазали по пульту!

Качика пряталась за невысокой травинкой метрах в пятидесяти от здания. Рядом с нею находился почти весь штаб главного командования Муравьиной федерации.

– Пошлите большой отряд!

– Смотрите! Муравьи! – заорал динозавр-часовой, стоявший перед входной дверью станции. На крик выскочили еще несколько солдат и лейтенант, командовавший караулом. Они увидели, что по ступенькам, покрывая их, как черное шелковое покрывало, медленно приближалась масса муравьев – тысячи четыре, если не пять, на первый взгляд. Несколько муравьев бежали впереди общего потока и потрясали усиками, как будто пытались что-то сказать охранникам.

– Метлу! – приказал лейтенант. Один из солдат моментально притащил большую метлу, лейтенант схватил ее и самолично махнул несколько раз по ступеням. Муравьи полетели по воздуху, как пыль.

– Консул, мы должны найти способ связаться с персоналом этой станции и объяснить динозаврам наши намерения, – сказала Жойя.

– Но каким образом? Они не слышат нас и даже не включают свои аппараты-переводчики.

– Может быть, попробовать позвонить по телефону? – предложил кто-то из муравьев.

– Мы уже пробовали, но у них обрушилась вся система связи. Мы не можем войти туда из своей телефонной сети, а значит, и связаться с ними!

– Вы все должны хорошо знать о древнем искусстве муравьев, – вмешалась маршал Жоли. – В стародавние времена, еще до Эпохи паровых машин, наши предки общались с динозаврами, выстраивая крупные отряды в буквы их алфавита, в целые слова и фразы.

Качика вздохнула:

– Что вспоминать былое? Это искусство давно утеряно.

– Нет. Гвардейская часть, которая в данный момент нас сопровождает, хорошо натренирована изображать буквы и слова. Когда я организовала эту подготовку, хотела, чтобы солдаты прониклись духом славной истории и памятью предков муравьиного мира. Я рассчитывала порадовать вас редким зрелищем на традиционном военном параде этого года, но, похоже, от этой тренировки будет и практическая польза.

– Сколько войск рядом с нами сейчас?

– Две пехотные дивизии. Около ста пятидесяти тысяч муравьев.

– И сколько букв они могут изобразить?

– Это зависит от размера шрифта. Таких, чтобы динозавры смогли прочитать с высоты своего роста и на некотором отдалении, – не более дюжины.

– Хорошо. – Качика задумалась на мгновение. – Пишите: «Мы

пришли, чтобы починить ваш передатчик и спасти мир».

– Это ничего не объясняет, – пробормотала Жойя.

– А что мы еще можем? И без того фраза слишком длинная. Но попробовать мы обязаны. Это лучше, чем ничего!

* * *

– Муравьи возвращаются! Ух, как их много на этот раз!

С крыльца передающей станции охранники смотрели на приближающееся к зданию огромное каре муравьев. Построение имело в размерах примерно три на четыре метра и колебалось в соответствии с неровностями почвы, словно черный флаг под ветром.

– Они что, напасть собираются?

– Не похоже. Очень уж строй странный.

Когда правильный прямоугольник из муравьев еще немного приблизился, один из солдат, отличавшийся особенно острым зрением, воскликнул:

– Ой, что это? Это же буквы!

Другой динозавр прочитал вслух, запинаясь:

– «Мы пришли, чтобы починить ваш передатчик и спасти мир».

– Я слышал, что в древние времена муравьи общались с нашими предками именно таким образом, а теперь вижу собственными глазами! – удивился кто-то из охранников.

– Чушь! – рявкнул лейтенант, взмахнув лапой. – Они не обманут нас этими штучками! Ну-ка, живо тащите ведра с кипятком из титана!

– Лейтенант, а не стоит ли сначала попытаться поговорить с ними? – вкрадчивым тоном осведомился сержант. – Вдруг они и впрямь хотят отремонтировать приборы? А то ведь наши технари уже по потолку бегают от отчаяния.

Тут динозавры-охранники загомонили наперебой:

– Что-то странное. Как передатчик может спасти мир?

– Чей мир? Наш или их?

– Наверно, сигналы, которые мы передавали, очень важные.

– Еще бы не важные, если сам император каждый день приказывает его передавать!

– Дурачье! – загремел лейтенант. – Вы и теперь собираетесь им верить? Только наша доверчивость позволила им уничтожить империю! Они самые зловредные, самые вероломные твари, какие только есть на Земле. Но больше они нас не одурачат! Живо ведра с кипятком сюда!

Динозаврам потребовалось немного времени, чтобы принести пять больших ведер, в которых вода только что не бурлила. Выстроившись в шеренгу, они направились к каре муравьев и по команде выплеснули на них кипяток. Поднялось густое облако пара. Ровные черные строчки сразу смыло, почти половина муравьев сварилась заживо.

– Да, на переговоры динозавры не идут, – сказала Качика, глядя на поднимавшийся поодаль пар. – Что ж, остается одно: захватить станцию силой. Тогда мы сможем починить оборудование и самостоятельно отправить прерывающий сигнал.

– Муравьи силой захватят охраняемый объект динозавров?! – Жоли посмотрела на Качику так, будто перед нею оказался кто-то совершенно незнакомый. – Такого безумия военная тактика не предусматривала.

– Но другого выхода у нас нет. Тем более что мир и без того совершенно безумен. Дом относительно маленький и находится на отшибе, значит, подкрепление к охране придет не так уж скоро. Если мы соберем все доступные силы, то, возможно, нам удастся захватить все, что там есть!

* * *

– Ой, что там, вдали? Не иначе, муравьиные машинки!

Услышав возглас часового, лейтенант взялся за бинокль. В некотором отдалении он увидел длинную колонну черных движущихся предметов и, присмотревшись, убедился в том, что часовой не ошибся.

Средства передвижения у муравьев были по большей части очень малы, но для военного применения создали огромные машины повышенной проходимости. Некоторые из них достигали величины наших детских педальных машинок, то есть для муравьев они были поистине гигантскими, как для людей – морские суда на десять тысяч тонн и больше. У муравьиных вездеходов не было колес, они шагали на шести механических ногах, имитируя движения муравьев, что позволяло им без труда и довольно быстро двигаться даже по сильно пересеченной местности. Каждая такая машина могла перевозить несколько сотен тысяч муравьев.

– Огонь по машинам! – приказал лейтенант. Солдаты-динозавры стали расстреливать колонну из ручного пулемета. Пули выбивали из земли фонтанчики пыли. У головного шагохода оторвало одну из передних ног, и он повалился на бок, продолжая дергаться и размахивать остальными пятью. Из проема

в борту посыпались черные шары размером с мячи, которыми люди играют в футбол. Но состояли эти шары из муравьев! Ударившись о землю, шары очень быстро исчезали, как кусок сахара растворяется в воде. Охранники подбили еще два шагохода, но пули, пробившие борта, почти не причинили вреда муравьям, которые такими же черными шарами выкатились из обездвиженных машин.

– Была бы у нас пушка! – вздохнул один из охранников.

– Да и ручные гранаты сгодились бы, – подхватил другой.

– Лучше всего – огнемет!

– Хватит болтать! Пересчитайте их машины! – Лейтенант опустил бинокль и напряженно уставился вперед.

– О, бог динозавров, их тут две, если не три сотни!

– Поспорить готов, что они собрали сюда эти машинки со всей Гондваны.

– А это значит, что муравьев здесь не меньше сотни миллионов! – подытожил лейтенант. – Сомнений быть не может: муравьи штурмуют сигнальную станцию.

– Лейтенант, давайте сбегаем туда и растопчем этих железных пауков!

– Не поможет. От пулемета и ружей тоже толку нет, сами видите.

– У нас есть бензин для резервного электрогенератора. Может, пожечь их?

Лейтенант покачал головой:

– Бензина на всех не хватит. К тому же наша задача не муравьев истреблять, а защищать станцию. Так что…

– Верховный консул, маршал! Докладываю: наша авиаразведка заметила, что динозавры роют вокруг станции две кольцевые траншеи. Во внешнюю они подводят воду из ближнего ручья. Еще они прикатили несколько больших бочек бензина и льют его во внутреннюю траншею, хотя даже еще не замкнули их.

– Начинайте немедленную атаку!

Плотная черная масса муравьев со всей доступной им скоростью двигалась вперед, как тень от неспешно проплывающего облака. Это зрелище нагнало страху даже на громадных динозавров. Достигнув первой траншеи, авангард, почти не снижая скорости, спустился и полез прямо в воду.

Следующие поползли по телам товарищей и продвинулись немного дальше. Вскоре по поверхности воды пролегла широкая черная лента, неуклонно удлинявшаяся к внутреннему берегу. Солдаты-динозавры поспешно надевали на головы шлемы, надежно препятствующие проникать в их тела через уши. Они пытались забросать муравьев землей из внутренней траншеи,

которую поспешно завершали, швыряли лопату за лопатой в неотвратимо надвигавшуюся лавину, лили на нее кипяток ведрами, но их усилия были тщетными. Вскоре вся поверхность воды покрылась черной пленкой, муравьи выбирались на берег и черным потопом растекались дальше по земле. Динозаврам ничего не оставалось, кроме как отступить за вторую траншею и поджечь бензин. Вокруг передающей станции «Императора моря» возникло огненное кольцо.

Достигнув этой преграды, муравьи полезли поверх друг дружки, образуя живую насыпь. Динозавры стреляли в нее, но пули пролетали беззвучно, как будто вязли в растущей черной горе. Камни, которые они кидали от отчаяния, тоже не причиняли ей видимого вреда – они пробивали заметные глазу дыры, которые тут же затягивались как ни в чем не бывало. Насыпь становилась все выше, вот она уже превысила два метра и начала медленно клониться вперед. По передней стенке живого вала побежали язычки пламени, она почернела, воздух наполнился едким дымом. Обугленные тельца муравьев сыпались вниз, в бушевавший в траншее огонь, отчего он окрашивался в странный зеленый цвет. Но погибших товарищей тут же сменяли новые и новые толпы муравьев, и насыпь оставалась непоколебимой. А потом с ее вершины покатились черные шары. Некоторые из них гибли в огне, но большая часть перелетала через траншею. За время полета через огненный ад внешние слои шаров чернели и обугливались, но муравьи, даже погибнув, цепко держались друг за дружку, защищая своих товарищей, находившихся внутри. Буквально за несколько секунд внутри огненного кольца оказалось свыше тысячи шаров. Они сразу же раскрывались, и мириады муравьев потоком устремлялись к ступеням крыльца передающей станции.

И тут нервы динозавров-охранников не выдержали. Как ни старался лейтенант остановить подчиненных, они ринулись во входную дверь и дальше – в задние помещения здания, где пока что не было муравьев. А те вливались в первый этаж и поспешно поднимались по лестнице на второй, где находился зал управления. Другие карабкались по наружным стенам и забирались в окна, окрасив черным всю нижнюю половину дома.

В зале оставалось шестеро динозавров – лейтенант, командовавший разбежавшимся караулом, дежурный инженер, техник и три оператора. Они, цепенея от ужаса, смотрели на муравьев, ползущих через дверь, окна и любые щели. Им казалось, будто дом тонет в море муравьев и это море безудержно вливается со всех сторон. Посмотрев в окна, они убедились, что такое представление очень близко к истине. Вокруг, насколько

хватал глаз, земля была черна от муравьев, и дом станции был уединенным островом в этом море. Муравьям потребовалось совсем немного времени, чтобы заполнить почти весь пол зала, оставив лишь круг около операторского пульта, где и помещалось шестеро динозавров. Лишь тогда дежурный инженер дрожащей лапой включил переводчик и сразу же услышал голос:

– Я верховный консул Муравьиной федерации. Сейчас просто нет времени для того, чтобы подробно объяснить вам, что происходит. Скажу только одно: если ваша станция не передаст регулярный сигнал в течение десяти минут, Земля погибнет.

Инженер обвел очумелым взглядом окружающую его черную массу муравьев, потом сверился с индикатором направления и в конце концов увидел троих муравьев посреди операторского пульта. Говорил кто-то из них. Динозавр помотал головой:

– Передатчик испорчен.

– Наши специалисты уже соединили все проводники и восстановили аппаратуру. Прошу вас немедленно начать передачу!

Инженер снова помотал головой:

– У нас нет электропитания.

– У вас нет резервного генератора?

– Есть, но мы включили его, как только отключилась электросеть, и бензин в баке кончился. А весь запасной мы вылили в траншею и сожгли.

– Неужели весь?

Лейтенант вздохнул:

– До капельки. Мы же думали только о том, как бы не пустить вас сюда. И даже выкачали все, что оставалось в баке генератора.

– Тогда идите и зачерпните, что осталось в траншее.

Лейтенант посмотрел в окно. Пламя над траншеей практически погасло. Не говоря ни слова, он открыл стенной шкаф и вынул оттуда маленькое металлическое ведерко. Муравьи расступились, освобождая ему дорогу к двери. На пороге динозавр обернулся:

– Что, мир правда погибнет через десять минут?

– Да, если не будет отправлен сигнал! – четко и внятно прозвучал через динамик переводчика голос Качики.

Лейтенант быстро сбежал по ступенькам. Вскоре он вернулся и поставил ведро на пол. Качика, Жоли и Жойя подползли к краю пульта и посмотрели сверху вниз. Бензина в ведре не было, только немного резко пахнущей нефтью грязи, смешанной с обожженными трупиками муравьев.

– Весь бензин в траншее сгорел.

Качика посмотрела в окно. Лейтенант сказал правду – пламя

там совсем погасло. Она повернулась к Жоли:

– Сколько еще времени осталось до конца отсчета?

Жоли, не отрывавшая взгляда от табло, ответила сразу:

– Пять минут и тридцать секунд, консул.

– Мне только что доложили по телефону. Наши силы в Лавразии разбиты. Охрана динозавров отстояла контрольный пункт и уничтожила все войска, которые наступали на него. Отправить прерывающий сигнал на «Яркую Луну» невозможно. Она взорвется через пять минут.

– Как и «Император моря», – ровным тоном отозвалась Жоли. – Все пропало.

Динозавры не понимали, о чем говорили предводительницы муравьев, хотя прибор исправно переводил все их слова.

– Бензин можно раздобыть где-нибудь поблизости, – предложил инженер. – До деревни пять километров. На шоссе сплошная пробка, но мы и пешком минут за двадцать обернемся, если поспешим.

Качика чуть заметно пошевелила усиками:

– Спешить уже некуда. Так что просто идите все. Идите, куда хотите.

Все шестеро динозавров цепочкой направились к выходу. Инженер, шедший последним, задержался и задал тот же вопрос, что и лейтенант, почти слово в слово:

– Что, мир правда погибнет через пять минут?

Будь у инженера увеличительное стекло и знай он мимику муравьев, он мог бы сказать, что верховный консул Муравьиной федерации ухмыльнулась.

– Все на свете так или иначе обречено на гибель.

– Ух ты! Впервые слышу от муравья глубокую философскую максиму! – ответил инженер и сбежал по лестнице.

Качика быстро подошла к краю операторского пульта и с его высоты обратилась к темной массе солдат-муравьев, покрывавшей пол:

– Немедленно передайте мой приказ по армии: все подразделения, находящиеся в районе станции, должны срочно укрыться в подвале. Войска более дальнего базирования должны использовать любые щели и другие укрытия, куда можно спрятаться. Правительство Муравьиной федерации издает последнее постановление: наступил конец света! Спасайся кто может!

– Консул, маршал, нужно скорее спуститься в подвал, – сказала Жойя.

– Нет. Вы, доктор, как можно скорее бегите в укрытие. Мы виновны в самой ужасной ошибке, какую только знала

цивилизация. Мы не имеем права жить, – ровным тоном ответила Качика.

– Да, доктор, – подхватила Жоли. – Все складывается против вас, но я все же надеюсь, что вам удастся сохранить от цивилизации хоть что-то.

Жойя прикоснулась усиками к усикам Качики и Жоли – в мире муравьев это был знак наивысшего почета. Затем она повернулась, быстро спустилась по ножке стола и влилась в поток муравьев, вытекающий из зала.

* * *

Войска вскоре удалились, и в зале воцарилась полная тишина. Качика направилась к окну, возле которого находился пульт. Жоли последовала за ней. Когда муравьи взобрались на подоконник, им предстало незабываемое зрелище. Ночь уже близилась к концу; высоко в небе висел полумесяц. И вдруг, в единый миг, его форма изменилась. Затененная область просветлела, слилась яркостью с полумесяцем, а потом весь диск вспыхнул, как дуга электросварки. Подлунный мир, в том числе масса муравьев, все еще остававшихся на поверхности Земли, высветился до малейших подробностей.

– Что это? Неужели Солнце вдруг сделалось ярче? – недоуменно спросила Жоли.

– Нет, маршал, это всего лишь рождение нового солнца. Луна отразила его свет. А Солнце появилось в Лавразии и сейчас, пока мы говорим, сжигает континент.

– Значит, сейчас вспыхнет и солнце Гондваны.

– Вот и оно.

На западе вспыхнул яркий свет, тут же заливший все перед собой. Перед тем как испариться в неимоверном зное, двое муравьев успели увидеть, как на западном горизонте стремительно взошло новое солнце, занявшее собой полнеба. Земля сразу вспыхнула. Поскольку побережье, где произошел взрыв, отделяли от столицы несколько тысяч километров, ударная волна дошла сюда лишь через несколько минут, но к тому времени весь город пылал.

Так прошел последний день мелового периода.

Эпилог
Затянувшаяся ночь

Наступившая зима продолжалась три тысячи лет.

В один прекрасный день, выдавшийся в Центральной Гондване теплее, чем обычно, полуденной порой, двое муравьев выбрались на поверхность из своего глубокого подземного гнезда. В зените тусклого, затянутого дымкой солнца расплывчатым пятном висело негреющее солнце, землю покрывал толстый слой снега и льда, сквозь который тут и там торчали резко выделяющиеся на белом фоне черные скалы. Белыми были и далекие горы, ограничивающие горизонт.

Один из муравьев повернулся и окинул взглядом колоссальный скелет. Похожие лежали повсюду, но их трудно было разглядеть издали, так как белые кости сливались со снегом. А с того места, где находились муравьи, кости были очень хорошо видны на фоне неба.

– Говорят, этих зверей называли динозаврами, – сказал первый муравей.

Второй тоже повернулся и посмотрел на скелет.

– Ты слышал легенду об Эпохе чудес, которую рассказывали минувшей ночью?

– Да. В ней говорится, что много тысяч лет назад у муравьев был Золотой век.

– Да, и что муравьи тогда жили в больших городах на поверхности, а не в подземных гнездах, и царицы не только яйца откладывали, но еще чем-то занимались. Похоже, и впрямь была чудесная эпоха!

– В легендах говорится, что все чудеса муравьи и динозавры создавали вместе. Дескать, у динозавров были неловкие лапы, и муравьи делали для них всю тонкую работу. А муравьям не хватало воображения, и все технологии выдумывали динозавры.

– И вместе они создали множество огромных машин и большие города… Эти народы были богоравными!

– А ты понял хоть что-нибудь насчет конца света?

– Плохо, очень уж все это сложно было. Вроде бы сначала динозавры стали воевать между собой, а потом и муравьи против динозавров… – Муравей помолчал, собираясь с мыслями. – А потом на Земле появилось сразу два новых солнца.

Первый муравей поежился на холодном ветру:

– Бр-р-р… Сейчас новое солнце было бы очень кстати.

– Ты не понял! Новые солнца оказались ужасными. Они

сожгли все, что было на поверхности!

– Тогда почему сейчас так холодно?

– Это тоже трудно понять, но мне представляется так: некоторое время после того, как эти два солнца вспыхнули и погасли, на Земле и впрямь было очень жарко. Говорят, что поблизости от тех мест, где они находились, почва расплавилась до большой глубины. А вода из океанов испарилась. Пар летал, летал над землей, потом сконцентрировался и пролился дождем, и на всей планете произошли потопы. Ну а пыль, поднятая взрывом, повисла в атмосфере, закрыла путь солнечным лучам, и на земле стало гораздо холоднее, чем до вспышки двух страшных солнц, – как сейчас. Динозавры были очень большими, не вынесли голода, жажды и холода, и все померли, а часть муравьев спаслась, зарывшись в землю.

– Неужели мы, муравьи, не можем повторить Эпоху чудес?

– Сказитель ночью объяснял, что не получится. У нас мозги слишком маленькие, и мы можем думать, только собравшись в группу. Так что до этих чудесных технологий мы не додумаемся, а все, что было, забылось начисто.

– Да… Я слышал от другого сказителя, что еще не так давно некоторые муравьи умели читать. Теперь уже не умеет никто. Поэтому мы даже не можем узнать из старинных книг, что и как было.

– Мы деградируем. Если ничего не изменится, скоро мы превратимся в простых козявок, озабоченных только постройкой гнезд и добычей пищи.

– И что в этом плохого? В такие тяжелые времена мудрость – это печаль, а неразумие – благо.

– Верно…

Наступила продолжительная пауза.

– Интересно, наступит ли снова время, когда в мире опять будет тепло и какие-нибудь другие животные создадут новую Эпоху чудес?

– Вполне возможно. Я думаю, что такие животные должны обладать сразу и большим мозгом, и ловкими руками.

– Согласен. Еще оно должно быть не таким большим, как динозавры. Очень уж много они ели, а таким прожорливым животным трудно жить.

– Но нельзя, чтобы они были такими же маленькими, как мы, иначе им тоже не хватит размеров мозга для полноценного мышления.

– Неужели когда-нибудь может появиться такое замечательное существо?

– Я думаю, что обязательно появится. Ведь все когда-нибудь

происходит, а Земля пребывает вовеки. Всему свое время.

Песня кита
Рассказы

Песня кита [4]

Дядя Уорнер стоял на носу своей яхты и созерцал спокойную гладь Атлантического океана. Он редко углублялся в размышления и предпочитал руководствоваться инстинктами, а не следовать продуманным схемам.

Но теперь игра сделалась сложнее.

СМИ представляли дядю Уорнера настоящим демоном, но, глядя на него, в это трудно было поверить. Он походил, скорее, на Санта-Клауса. Те, кто умудрялся не заметить его острый взгляд, обращали внимание прежде всего на дерзкую, но в то же время милую улыбку, не сходящую с лица. Он никогда не держал при себе оружия, если не считать изящного ножа, который носил в нагрудном кармане. Им он чистил фрукты и убивал людей.

И то и другое – с неизменной улыбкой.

Помимо восьмидесяти человек команды, помощников и двух смуглых южноамериканских девушек на трехтысячетонной суперяхте дяди Уорнера имелся груз – двадцать пять тонн чистого героина – вся продукция его перерабатывающей фабрики, спрятанной далеко в джунглях Южной Америки, за два года. Пару месяцев назад Национальная армия Колумбии окружила эту фабрику и попыталась захватить товар. В бою погибли его младший брат и более тридцати работников.

Дяде Уорнеру было очень важно продать эту партию, потому что он нуждался в деньгах на строительство нового завода – на этот раз где-нибудь в Боливии или даже в Золотом треугольнике Юго-Восточной Азии. Он должен был обеспечить дальнейшее выживание наркоимперии, над созданием которой так старательно трудился. Уже целый месяц он скитался по морям, но так и не доставил на берега США ни грамма товара. О том, чтобы протащить груз через таможни, не могло быть и речи. С тех пор как там начали использовать нейтринные детекторы, прятать наркотики стало невозможно. Год назад попробовали перевозить героин в пустотелых стальных прутках, но и это вскрылось.

Затем дядя Уорнер придумал гениальный план: около 50 кг товара загружали на легкий самолет, обычно дешевую «Цессну», и прилетали на территорию США через Майами. Достигнув берега, пилот пристегивал к себе контейнер с товаром и выпрыгивал с парашютом. Самолет при этом погибал, но 50 килограммов героина все равно приносили изрядную прибыль. Какое-то время этот метод успешно использовался, но затем американцы оборудовали спутники и наземные радары системы воздушного наблюдения способностью обнаруживать и даже отслеживать

пилотов, прыгающих с парашютом. С тех пор от храбрости гонцов дяди Уорнера уже не было толку – спрыгнув, они обнаруживали, что на земле их уже поджидает полиция.

Затем дядя Уорнер попытался использовать для доставки товара на берег маленькие лодки, но результаты оказались еще плачевнее: все быстроходные катера береговой охраны также оснастили нейтринными детекторами. Стоило лодке дяди Уорнера оказаться на расстоянии трех километров от патруля, сканирование мгновенно выявляло наркотики на борту. Дядя Уорнер даже думал о том, чтобы воспользоваться подводными мини-лодками, но американцы уже давно усовершенствовали свою сеть подводного наблюдения, созданную еще во время холодной войны. Подводные лодки обнаруживали на большом расстоянии от берега.

Дядя Уорнер исчерпал свою фантазию. Он возненавидел ученых – ведь все его неприятности происходили из-за их выдумок. С другой стороны, ученые, наверно, могли бы помочь ему справиться с трудностями. Это направление он поручил сыну, учившемуся в США. О деньгах можно было не беспокоиться.

В то утро Уорнер-младший перебрался на борт яхты с другого судна и сказал отцу, что нашел человека, который им нужен.

– Он гений. Я познакомился с ним в Калифорнийском технологическом институте.

Уорнер-старший презрительно сморщил нос.

– Хм. Ты впустую проболтался в этом самом институте три года, а гениальности в тебе что-то не заметно. Вряд ли таланты там на самом деле стадами бегают?

– Отец, он действительно гений.

Уорнер-старший повернулся и сел в кресло перед установленным посреди носовой палубы столиком, достал свой знаменитый нож и начал чистить ананас. Молоденькие креолки встали за его спиной и принялись в четыре руки разминать мясистые плечи. Человек, которого привел Уорнер-младший, стоял чуть поодаль и смотрел на океан. Теперь он подошел. Он был немыслимо тощ, его шея походила на гвоздь, и даже не верилось, что она может держать на весу непропорционально огромную голову. Весь его облик выглядел гротескным.

– Дейв Хопкинс, – представил его Уорнер-младший. – Доктор философии по морской биологии.

– Ты, значит, вызвался помочь нам? – осведомился Уорнер-старший со своей санта-клаусовской улыбкой.

– Да, я могу помочь вам доставлять грузы на берег, – тусклым голосом ответил Хопкинс.

– И что же ты для этого используешь?

– Китов.

Уорнер-младший подал знак, и несколько его людей притащили на бак странную штуку – подводный аппарат, сделанный из какого-то прозрачного пластика с обтекаемой кабиной высотой в метр и длиной в два, примерно как салон микролитражного автомобиля. Там помещались два кресла, перед которыми находилась простая приборная панель с небольшим экраном, а сзади пустое место, определенно предназначенное для груза.

– Капсула может взять двух человек и около тонны груза, – сказал Хопкинс.

– И как ты в ней преодолеешь под водой пятьсот километров до побережья Майами?

– В пасти кита.

Уорнер-старший расхохотался: сначала резко, почти визгливо, а потом все басовитей. Таким смехом он выражал все: веселье, страх, сомнение, отчаяние, боязнь, горе… и каждый раз только сам знал, почему смеется.

– Какой умный мальчик! И сколько же я должен заплатить рыбе, чтобы она притащила нас в нужное место?

– Киты – не рыбы. Это морские млекопитающие с дыхательными отверстиями. Деньги можете платить мне. Я уже установил в мозг кита микрокомпьютерное биоорганическое устройство, которое может принимать входящие сигналы и преобразовывать их в его мозговые волны. С помощью этого прибора можно управлять поведением кита.

Хопкинс достал из кармана коробочку, похожую на пульт дистанционного управления телевизора.

Уорнер-старший еще сильнее зашелся в хохоте:

– Ха-ха-ха… Этот мальчишка, наверно, посмотрел фильм про Пиноккио, ха-ха… А-ха-ха… – Он даже захрипел, сложился вдвое и уронил ананас на палубу. – Ха-ха… кукла, ах, Пиноккио… и старик, которых проглотила рыба… ха-ха…

– Отец, послушай, план действительно многообещающий! – попытался урезонить его Уорнер-младший.

– А-ха-ха… Пиноккио и старик долго сидели в рыбьем брюхе. Может быть, и сейчас там сидят! Ха-ха-ха… и жгут свечи… Ха-ха-ха…

Вдруг Уорнер-старший перестал смеяться; его дикий хохот внезапно прекратился, как будто погас свет – хотя улыбка Санты осталась. Он, не оборачиваясь, спросил одну из стоявших позади девушек:

– Что происходит с Пиноккио, когда он врет?

– У него нос вытягивается, – ответила девушка.

Уорнер-старший встал и, держа в одной руке нож, которым он чистил ананас, другой взял Хопкинса за подбородок и приподнял его голову так, чтобы все окружающие видели его нос. Девушки во все глаза смотрели на происходившее.

– Ну что, вытянулся у него нос? – все с той же улыбкой спросил он.

– Да, да, дядя Уорнер, – подобострастным хором, сладкими, как сахар, голосами ответили они. Можно было подумать, что им больше всего на свете нравится смотреть, как их патрон своими руками убивает людей.

– Что ж, вылечим его, – сказал Уорнер-старший. Сын дернулся было остановить его, но не успел. Молниеносное движение, и нож Уорнера-старшего отсек Хопкинсу кончик носа. Из раны хлынула кровь, но Хопкинс остался, как и прежде, невозмутимым. Даже после того, как Уорнер-старший отпустил его подбородок, Хопкинс так и продолжал стоять с неподвижно опущенными руками, словно не замечая, что кровь течет из раны, будто нос вовсе не был частью его лица.

– Суньте этого гения в его банку и бросьте в океан. – Уорнер-старший махнул рукой. Девушки послушно втолкнули Хопкинса в прозрачный подводный аппарат. Затем Уорнер-старший поднял с палубы пульт и передал его Хопкинсу через люк с таким умильным видом, как будто и впрямь был Санта-Клаусом и вручал подарок ребенку.

– Держи. Зови свою драгоценную рыбу. Ха-ха-ха…

Он продолжал заливаться хохотом, но когда прозрачная капсула с громким плеском упала в воду, улыбка исчезла, и лицо его приобрело не свойственную ему строгость.

– Немного раньше или позже, но тут он и утонет, – сказал он сыну.

Капсула беспомощно болталась на волнах спокойного океана и казалась хрупкой, как упавший на воду мыльный пузырь.

Вдруг обе девушки разом вскрикнули. В паре сотен метров от яхты вода вдруг вздулась горбом, и этот горб с поразительной скоростью устремился к судну. В стороны разошлись косые волны, а между ними вырос черный холм.

– Синий кит, сорок восемь метров длиной. Хопкинс назвал его Посейдоном в честь древнегреческого бога морей, – сказал Уорнер-младший в ухо отцу.

В дюжине метров от прозрачной капсулы холм вновь ушел под воду, зато немного дальше черным парусом взвился колоссальный хвост. Кит замедлил движение, поднял огромную голову рядом с капсулой и, разинув гигантскую пасть, втянул в себя капсулу, как рыбка в аквариуме – хлебную крошку. После

этого кит повернулся к суперяхте. Живая гора торжественно приближалась, вздымая волны, разбивавшиеся о борт яхты, и издавая рокочущий клич. Даже такой, казалось бы, бесчувственный человек, как Уорнер-старший, не мог не испытать момента благоговения перед таким зрелищем. Ему явился бог, воплощение мощи океана, олицетворение силы природы.

Кит обошел яхту кругом, затем развернулся и как будто атаковал судно – его массивная голова прорвала поверхность воды совсем рядом с бортом. Люди, находившиеся на палубе, ясно видели ракушки, прилипшие к грубой, бугристой коже кита. Лишь в этот момент они по-настоящему осознали, насколько он огромен.

Кит разинул пасть и выплюнул крошечный подводный аппарат. Капсула описала дугу над бортом и грохнулась на палубу. Открылся люк, и оттуда появился Хопкинс. На его рубашке расплылось огромное пятно крови, натекшей из отрезанного носа, в остальном же он был невредим.

– Быстро доктора сюда! Вы что, не видите? Пиноккио ранен! – взревел Уорнер-старший, как будто был совершенно непричастен к этому ранению.

– Меня зовут Дейв Хопкинс, – строго поправил его ученый.

– А я зову тебя Пиноккио, – возразил Уорнер, снова расплываясь в улыбке Санта-Клауса.

Через несколько часов спустя Уорнер и Хопкинс забрались в капсулу. За спинками сиденья находилась тонна героина, упакованного в водонепроницаемые пакеты. Уорнер решил пойти сам. Он нуждался в риске, чтобы взбадривать застоявшуюся в венах кровь, а сейчас ему предстояло, без сомнения, самое вдохновляющее путешествие из всех, которые доводилось совершать. Моряки спустили капсулу с палубы на воду на тросах, и судно отошло.

Освещенная заходящим солнцем капсула покачивалась на поверхности воды, два пассажира подскакивали на сиденьях. Хопкинс нажал кнопку на пульте дистанционного управления и вызвал кита. Почти сразу же откуда-то, явно с приличного расстояния, донесся низкий, приглушенный звук. Он становился все громче и громче, и вскоре на поверхности показалась раззявленная пасть синего кита. Она быстро надвинулась, и подводный аппарат засосало в черную бездну. Свет отступил, сузился до тонкой щели, и полностью погас. Титанические челюсти, громко чавкнув, сомкнулись. Воцарилась темнота. Затем люди ощутили невесомость, будто спускались в скоростном лифте. Кит нырнул, уходя в более глубокие воды, где он был менее заметен.

– Как умно ты придумал, Пиноккио! Ха-ха-ха… – Уорнер в темноте снова разразился хриплым смехом, то ли выражая, то ли маскируя ужас.

– Давайте зажжем свечи, сэр, – предложил Хопкинс счастливым, непринужденным голосом. Здесь были его владения. Когда Уорнер понял это, ему стало еще страшнее. Но тут зажегся потолочный светильник, залив каюту тусклым ультрамариновым светом.

За прозрачной оболочкой капсулы Уорнер прежде всего увидел снаружи частокол из белых пластин, каждая высотой с человека, широченных там, где они прикреплялись к потолку, и сужающихся чуть ли не до волосяной толщины снизу. Он сразу сообразил, что это китовый ус. А лежала капсула на какой-то мягкой, чуть колеблющейся подстилке. Сверху нависал сводчатый потолок, по длине которого проходила мощная балка. И подстилка, и потолочная балка тянулись к огромной черной дыре, очертания которой непрерывно, хотя и не очень заметно, менялись. Снова раздался маниакальный смех Уорнера. Это была глотка кита. Сейчас он и Хопкинс, окутанные влажной дымкой, в которой рассеивался голубой свет, казалось, находились в мифическом гроте.

Хопкинс взял пульт дистанционного управления и начал «рулить» китом. На дисплее, отображавшем морскую карту Багамских островов и акватории, прилегающей к Майами, пролегла линия – маршрут к месту назначения.

– Путешествие началось. Посейдон плавает быстро. Будем на месте примерно через пять часов, – сказал Хопкинс.

– Мы не задохнемся? – спросил Уорнер, изо всех сил стараясь скрыть тревогу.

– Конечно нет. Я же говорил вам, что у китов есть дыхательные отверстия. Они дышат кислородом, как и мы. Вокруг нас более чем достаточно воздуха. Он проходит через фильтры и после этого вполне пригоден для дыхания.

– Пиноккио, да ты настоящий дьявол! Как ты до всего этого додумался? Для начала расскажи, как тебе удалось всобачить провода и компьютеры в мозги этого громилы?

– В одиночку с такой работой не справиться. Для начала животное необходимо усыпить, а снотворного ему потребовалось полтонны. Посейдон принадлежал Военно-морскому флоту США; я курировал многомиллиардный военный исследовательский проект, в котором этот кит как раз и появился. Во время холодной войны его использовали для переброски шпионов и групп спецназа к берегам стран Варшавского договора. Я курировал и другие проекты по вживлению устройств в мозг дельфинов и акул

– например, чтобы их можно было начинять взрывчаткой и использовать в качестве торпед. Я очень много сделал для своей страны, но, как только начались сокращения бюджета, меня вышвырнули вон. Покидая исследовательскую лабораторию, я прихватил Посейдона с собой. За последние несколько лет мы вместе переплыли семь морей…

– А скажи-ка, Пиноккио, нет ли у тебя каких-нибудь… хм-м… этических сомнений по поводу использования твоего кита для такого рода деятельности? Конечно, уверен, тебе кажется смешным, что я взялся рассуждать об этике, но у меня на заводе нет-нет да попадались химики и инженеры, у которых возникали подобные опасения.

– У меня ничего подобного нет, сэр. То, что человечество вовлекает невинных тварей в свои мерзкие войны, само по себе величайший грех. Я посвятил себя своей стране и ее вооруженным силам; моя квалификация позволяла достичь целей, которые я перед собой ставил. Но поскольку общество не дает мне того, чего я хочу, приходится брать самому.

– Ха-ха-ха… Да уж, лучше брать самому, чем ждать, пока дадут! Ха-ха-ха… – Уорнер снова расхохотался, но вдруг резко смолк. – Эй, что это за звук?

– Это Посейдон выбрасывает фонтан. Он дышит. Капсула оборудована высокочувствительным сонаром, усиливающим наружные звуки. Вот, слушайте.

Сквозь плеск волн пробилось какое-то жужжание. Звук быстро усиливался, потом начал затихать и вскоре совсем пропал.

– Танкер на десять тысяч тонн.

Вдруг тьму перед ними прорезала щель. Она стремительно расширилась, и в китовую пасть полилась вода, захлестнувшая капсулу. Хопкинс нажал кнопку. Вместо карты на экране появилась паутина зубчатых линий – мозговые волны Посейдона.

– О, Посейдону подвернулся косяк рыбы. Ему пора перекусить.

Кит широко разинул пасть, и глазам пассажиров предстала непроглядная тьма океанской бездны. Рыбы, ослепительно сверкая чешуйчатыми боками, устремились на свет и, постукивая по прозрачной оболочке капсулы, плыли в глотку Посейдона. Они считали, что попали в коралловую пещеру, и совершенно не догадывались, какая участь их ждет.

Сквозь плеск донесся рокот. Частая решетка китового уса прикоснулась к нижней челюсти, но сквозь нее можно было разглядеть, что губы Посейдона все еще приоткрыты. Мощный поток отбросил рыб назад, прижал к частоколу уса. Кит под огромным давлением выбрасывал морскую воду из пасти и

оставлял внутри только еду. Уорнер изумленно смотрел, как вода мчалась мимо капсулы. Вскоре ее в пасти не осталось, и только рыбы бешено бились перед непроницаемым для них забором. Мягкая подстилка под капсулой вдруг начала волнообразно изгибаться, и рыба поползла по ней назад. Уорнер не сразу сообразил, что происходит, а когда до него дошло, он похолодел от ужаса.

– Не волнуйтесь. Посейдон нас не проглотит, – сказал Хопкинс, понимая причину испуга Уорнера. – Он точно так же отделит капсулу от пищи, как мы отделяем шелуху, когда едим семечки подсолнечника. Капсула, конечно, мешает ему есть, но он давно привык. Иногда, если попадается большой косяк рыбы, он может на время выплюнуть ее перед едой, а потом снова подобрать.

Уорнер облегченно вздохнул. Ему хотелось рассмеяться, но у него не хватило сил, и он лишь смотрел, не скрывая изумления, как рыба, словно по конвейеру, текла мимо абсолютно неподвижного подводного аппарата в черную бездну позади них. Как только две или три тонны рыбы исчезли в глотке синего кита, раздался грохот, похожий на оползень.

От потрясения Уорнер надолго лишился дара речи. Но Хопкинс вскоре вернул его к действительности.

– А вот это вы когда-нибудь слышали? – Он прибавил громкости на динамике сонара.

Уорнер услышал басовитые раскаты и растерянно посмотрел на Хопкинса.

– Посейдон поет. Это песня кита.

Постепенно Уорнер уловил в прерывистых завываниях ритм и даже мелодию.

– Что он делает? Подманивает самку?

– Пожалуй, что нет. Морские биологи давно ломают головы, но до сих пор так и не разобрались, зачем и с какой целью кит поет и что эта песня значит.

– Может быть, она не значит вовсе ничего?

– Совсем наоборот. У нее есть значение, но людям пока не под силу его постичь. Исследователи считают, что это нечто вроде музыкального языка, который может передавать и выражать куда больше информации, чем любой человеческий.

Песня кита – это пение души океана. В ней древняя молния поражает первобытное море, в океанском хаосе вспыхивает искра жизни. В песне кита жизнь открывает любопытные и полные благоговения глаза, впервые ступая на чешуйчатых ногах из моря на континенты, все еще изобилующие вулканами, нахлынувший холод безвозвратно губит империю динозавров… Незаметно

пролетает время, и все перемены, которые знал мир, проходят в мгновение ока. Мудрость подобна травинкам, прорастающим с наступлением тепла на голой, ободранной прошедшим ледником земле. В песне кита цивилизации, подобно призракам, возникают на каждом континенте, а Атлантида рушится в море в результате грандиозного катаклизма… Морские войны, одна за другой, окрашивают океан в красный цвет крови, бесчисленные империи возвышаются и рушатся, и каждая – как струйка дыма, проплывающая перед глазами…

Колоссальный синий кит погрузился в неизмеримые глубины памяти, чтобы спеть песню жизни, и совершенно не замечал крохотное, незаметное зло, прячущееся в его пасти.

В полночь Посейдон оказался у побережья Майами и остановился в паре сотен метров от берега, чтобы не сесть на мель. Все прошло на удивление гладко. Ярко светила луна; Уорнер и Хопкинс отчетливо видели пальмовые рощи и восемь человек в гидрокостюмах, поджидающих их на берегу. Встречавшие быстро перевезли на берег тонну товара и не только с готовностью заплатили запрошенную Уорнером очень высокую цену, но даже пообещали в будущем покупать весь товар, который он сможет поставить. Они были поражены тем, что маленькое прозрачное подводное судно смогло преодолеть строго охраняемую линию морской обороны. Поначалу они даже не могли поверить, что Уорнер и Хопкинс живые люди, и были склонны считать их призраками – Хопкинс заранее приказал Посейдону отплыть за пределы видимости.

Через полтора часа, дав американцам время отъехать подальше, Хопкинс снова вызвал Посейдона. Погрузив на место товара два «дипломата», набитых долларами, они с Уорнером направились в обратный путь.

– Пиноккио, это великолепно! – восторгался Уорнер. – Весь сегодняшний заработок – твой, а то, что заработаем потом, будем делить. Пиноккио, ты теперь богатый! Ха-ха-ха… У нас запас в двадцать с чем-то тонн, значит, нужно сделать двадцать с чем-то ходок.

– Может быть, столько рейсов и не понадобится. Если немного переделать аппарат, можно будет возить по две, а то и по три тонны.

– Ха-ха-ха… Пиноккио, это блеск!

На обратном пути, проходившем все так же под водой, Уорнер спокойно заснул. Через некоторое время Хопкинс разбудил его. Взглянув на маленький экран с картой и обозначенным на ней маршрутом, он понял, что они уже проделали две трети пути. Вроде бы все было в порядке.

– Слушайте.

Он услышал доносившийся с поверхности шум судового двигателя. В нынешнем путешествии эти звуки слышались постоянно. Он взглянул на Хопкинса, не понимая, в чем дело, но, послушав еще немного, понял, что этот шум звучал не так, как все, что он слышал раньше. Его громкость оставалась неизменной.

Судно следовало за китом, держась на неизменном расстоянии.

– И давно он идет за нами? – спросил Уорнер.

– Около получаса. Я несколько раз менял направление.

– Да что же это такое? Ведь патруль береговой охраны не может обнаружить кита!

– А если и обнаружит, то что? Кит не перевозит никаких наркотиков.

– К тому же, если бы они хотели перехватить нас, это легче было бы сделать в Майами. Зачем ждать столько времени? – Уорнер озадаченно уставился на карту. Они уже миновали Флоридский пролив и направлялись в сторону Кубы.

– Посейдону пора вздохнуть. Делать нечего, придется всплыть хотя бы на несколько секунд. – Хопкинс взял пульт. Уорнер кивнул, Хопкинс нажал на кнопку. Кит устремился вверх так быстро, что пассажиров придавило перегрузкой, и, разогнав волны, вырвался на поверхность.

Из сонара донесся резкий приглушенный звук. Капсулу тряхнуло. Звук повторился, кит дернулся сильнее, и капсула в его пасти перекатилась на бок, несколько раз ударилась о решетку из усов, подлетела вверх и так шлепнулась на язык, что в конструкции что-то треснуло и Уорнер с Хопкинсом чуть не лишились сознания.

– Корабль стреляет в нас! – изумленно воскликнул Хопкинс. Он делал все возможное, чтобы успокоить кита с помощью пульта ДУ, подавал нейтральные команды, но тот игнорировал все сигналы и продолжал бессмысленно метаться по поверхности океана.

Все громадное тело кита била дрожь – дрожь от нестерпимой боли.

– Нужно выбираться наружу, пока не поздно! – крикнул Уорнер.

Хопкинс отдал команду выплюнуть капсулу. На этот раз кит подчинился. Подводный аппарат стремительно вылетел из пасти и шлепнулся в воду. Над Атлантикой уже поднялось солнце, и Хопкинс с Уорнером зажмурились от яркого света. Но почти сразу они почувствовали, что ноги у них в воде. От ударов,

которые капсула получила, болтаясь в китовой пасти, корпус треснул, и внутрь хлынула морская вода. Аппарат был искорежен; даже собрав все свои силы, они не смогли открыть люк, чтобы выбраться. Тогда они попробовали затыкать дыры всем, что нашлось в капсуле, даже пачками банкнот из «дипломатов», но тщетно – вода продолжала прибывать, и ее уже набралось по грудь.

Но пока аппарат еще держался на поверхности, Хопкинс все же увидел напавшее на них судно. Оно оказалось довольно большим, и на носу у него стояла какая-то странная пушка. На его глазах из ствола полыхнуло огнем, оттуда вылетел гарпун и воткнулся в спину кита, продолжавшего рваться вперед.

Посейдон из последних сил рассекал волны; за ним тянулся широкий красный след.

Разбитый подводный аппарат тонул в бескрайних волнах алой крови кита.

– Но кто же все-таки убил нас? – спросил Уорнер, которому вода уже дошла до подбородка.

– Китобои, – ответил Хопкинс.

Уорнер расхохотался в последний раз.

– Мерзавцы! – кипятился Хопкинс, перемежая свою речь куда более грубыми ругательствами. – Уже пять лет, как международным договором охота на китов полностью запрещена!

Уорнер заходился в хохоте:

– Ха-ха-ха… вот бессовестные… ха-ха-ха… общество не дает им того, что они хотят… ха-ха-ха… им приходится брать самим…

Когда капсула уже заполнилась водой, в последние секунды сознания и жизни Хопкинс и Уорнер услышали, что Посейдон снова запел торжественную песню. Последняя песня завершающейся жизни понеслась через кровавую Атлантику, все шире и дальше, чтобы остаться эхом вечности.

Конец микрокосмоса [5]

Сегодня вечером человечество намерено попытаться расщепить кварк.

Знаменательное событие произойдет в восточном ядерном центре Лоб-Нор. Сам центр выглядит просто элегантным белым зданием, одиноко стоящим в пустыне, однако в тоннеле глубоко под песком похоронен огромный ускоритель окружностью в 150 км. Неподалеку находится специально построенная атомная электростанция мощностью 1000 мегаватт, которая снабжает его энергией. Но для сегодняшнего эксперимента даже этого будет мало, и к ускорителю временно подключат северо-западную сеть.

Сегодня ускоритель разгонит частицы до 1020 гигаэлектронвольт. Энергия такого порядка высвободилась в ходе Большого взрыва, когда образовалась материя, – сегодня она позволит расколоть мельчайшую из всех известных человечеству частиц и получить ответы на глубочайшие загадки физического мира.

В пункте управления ядерным центром находится лишь несколько человек, среди них двое самых авторитетных на всей Земле физиков-теоретиков, исповедующих совершенно несхожие взгляды на устройство глубинных основ материи. Американец Херман Джонс уверен, что кварк, наименьшая из возможных частиц, не делится ни при каких условиях. Китаец Дин И, напротив, считает, что предела для деления материи не существует. Рядом с ними – главный инженер, отвечающий за работу оборудования, и несколько журналистов. Остальной персонал разбросан по множеству служебных помещений глубоко под землей, а присутствующие в главном пункте управления могут лишь следить за данными, которые будут поступать в ходе эксперимента. Ко всеобщему удивлению, здесь находится и старый пастух-казах по имени Дилшат из деревни, расположенной посреди кольца ускорителя. Вчера физики попробовали мясо барашка, которого он зажарил целиком, и настояли на том, чтобы старика пригласили почетным гостем. Они аргументировали это тем, что момент истины физиков будет моментом истины для всего человечества, а значит, при этом должен присутствовать и кто-нибудь, ничего не смыслящий в физике.

Ускоритель начинает работу. На большом экране монитора кривая мощности, как проснувшийся земляной червь, неуклонно лезет вверх к красной линии, обозначающей расчетный уровень энергии, необходимый для расщепления кварка.

– Почему нет прямой трансляции? – возмущается Дин И и указывает в угол комнаты: телевизор показывает переполненный стадион, по полю которого мечутся футболисты. Ученый одет в синий рабочий костюм; в таком виде он и уехал из Пекина. На первый взгляд он вовсе не отличается от какого-нибудь пожилого рабочего.

– Доктор Дин, мы, к сожалению, не центр мира. Если нам после окончания эксперимента уделят тридцать секунд эфирного времени в новостях, будет уже хорошо, – отвечает главный инженер.

– Невежество. Невообразимое невежество, – ворчит Дин И, возмущенно мотая головой.

– Но, увы, такова правда жизни, – сказал Джонс. Он, с неопрятными длинными волосами и фляжкой с чем-то крепким, которую носит в кармане и время от времени достает, чтобы отхлебнуть, еще менее похож на всемирное светило науки. – К несчастью, я не отношусь к числу невежественных, и мне куда труднее жить, чем им. – Он демонстрирует лист бумаги. – Господа, вот моя предсмертная записка к будущему самоубийству.

Остальные растерянно поворачиваются к нему.

– Когда этот эксперимент закончится, в мире физики больше не останется тайн, через час мы дойдем до конца поля науки! Я приехал сюда, чтобы приветствовать это достижение. Ах, физика, ты безжалостная госпожа! Но если твоя жизнь закончится, то зачем мне продолжать свою?

– То же самое говорили в эпоху Ньютона, Эйнштейна, Макса Борна и Стивена Хокинга, – возражает Дин И. – Но поле физики, как вы выразились, не закончилось тогда и не закончится сегодня. Вскоре вы сами это увидите: расколов кварк, мы спустимся еще на одну ступеньку бесконечной лестницы. И я буду сегодня праздновать рождение нового мира!

– Доктор Дин, вы лишь следуете взглядам Мао Цзэдуна. Он еще в 1950-х годах утверждал, что материя бесконечно делима, – саркастически бросает Джонс.

– Вы оба слишком далеко зашли в своих умственных построениях, – говорит главный инженер, прерывая начинающуюся перепалку. – Вывод о том, что Земля круглая, можно сделать исходя из различий в проекциях Солнца в колодцах Египта и Греции, можно даже рассчитать диаметр Земли, но люди осознали шарообразность Земли только после путешествия Магеллана. До него все вы, физики, сидели на дне колодца. А сегодня нам предстоит совершить настоящее путешествие вокруг Земли по микрокосмосу!

График энергетического потенциала продолжает ползти к красной линии. Внешний мир, кажется, улавливает невиданную энергетическую бурю, бушующую в недрах пустыни: под вой волков где-то вдалеке из тамарисковой рощи взлетает испуганная стая птиц и проносится по ночному небу. Наконец линия энергетического потенциала пересекает красную черту. Частицы в ускорителе приобрели энергию, необходимую для расщепления кварка; такого еще не случалось в истории человечества. Компьютер разгоняет заряженные частицы по 150-километровому кольцу ускорителя до почти световой скорости и отправляет по выходному контуру к мишени, которая при бомбардировке такой колоссальной энергией взрывается бурей атомного излучения. За этой бурей бдительно наблюдают бесчисленные датчики; они способны с первого взгляда различить в ливне несколько капель дождя, хоть немного отличающихся по цвету от других. А суперкомпьютер по сочетаниям цветов определяет, попала ли частица в кварк и даже был ли этот кварк расщеплен.

Заряженные частицы продолжают вырабатываться и бомбардировать мишень. Вероятность столкновения ускоренной частицы с кварком ничтожна – никто из кучки взволнованных людей не знает, как долго придется ждать.

– Ах, друзья издалека, – говорит старый Дилшат, нарушая молчание. – Я видел самое начало этой стройки, дюжину лет назад. Тогда на площадке трудилось более десяти тысяч человек, возвышались горы стали и бетона и лежали сотни колец высотой в несколько этажей. Мне сказали, что это электромагниты. Но я до сих пор не понимаю: ведь за те же деньги, с теми же материалами, с той же рабочей силой можно было бы орошать пустыню и выращивать здесь виноград и хамийские дыни. Однако вы делаете нечто такое, чего никто не понимает.

– Шейх Дилшат, мы разгадываем одну из тайн физического мира. Это важнее всего на свете! – ответил Дин И.

– Я мало образован, но знаю, что вы все получили самое лучшее образование из возможных и пытаетесь отыскать мельчайшую песчинку из всех, какие только есть на свете.

Все собравшиеся пришли в восторг от того, насколько четко старый казахский пастух изложил суть физики элементарных частиц.

– Превосходно! – восклицает Джонс, как только умолкает переводчик. – Он верит, – он указывает на Дин И, – что песчинку можно делить на части. А я считаю, что меньше этой песчинки уже ничего не может быть и, как сильно ее ни колоти, она не расколется. Как вы думаете, сэр, кто прав?

Старый Дилшат слушает слова переводчика и качает головой:

– Не знаю. И даже ты не знаешь. Разве способен обычный человек предугадать исход всего этого?

– То есть вы предпочитаете агностицизм, – констатирует Дин И.

Взгляд поблекших от возраста глаз старого пастуха словно обращен в себя.

– Мир поистине непостижим. Еще в молодости я водил отары овец через бескрайнюю пустыню Гоби в поисках свежих пастбищ. Много-много ночей я провел, лежа в пустыне и глядя на небо, полное звезд. Они так густо рассыпаны по небосводу и сверкают, как драгоценные камни, как жемчуга в черных женских волосах… Когда ночь только начинается, пески Гоби под спиной все еще теплые и ветер вздыхает голосом пустыни. В такие моменты мир похож на младенца, погруженного в глубокий сон. Тут не нужны уши, достаточно прислушаться сердцем, и сможешь услышать единственный звук, заполняющий пространство между небом и землей. Это звук Аллаха. Только Аллах может знать, каков будет исход всего творения.

В этот момент раздается резкий звонок, извещающий о том, что частица ударила в кварк. Все оборачиваются к экрану, чтобы увидеть письмена Судного дня. Настало время получить ответ на вопрос, поставленный не менее трех тысяч лет тому назад.

Экран заполняют цифры и символы, понятные только посвященным. Оба физика мгновенно понимают: что-то не так – и растерянно качают головами.

Результат не говорит однозначно о том, что кварк раскололся, но и не позволяет считать, что он остался целым. Данные эксперимента непонятны.

Вдруг Дилшат резко вскрикивает. Из всех, кто находится в комнате, только он один смотрит не на экран монитора, а в окно.

– Во имя всего святого, что там происходит? Вы только посмотрите!

– Шейх Дилшат, не отвлекайте нас, пожалуйста! – рявкает главный инженер, но следующие слова старика все же заставляют всех оглянуться.

– Что… что случилось с небом?!

В окно льется неяркий свет. Ночное небо стало белоснежным. Люди покидают главный пункт управления и спешат наружу, где купол небосвода над бескрайней Гоби, некогда темно-синий, засиял мягким белым свечением, словно молочное море, как будто мир заключен в яичную скорлупу. Как только глаза людей привыкают к новому освещению, они обнаруживают в белом небе черные точки, и внимательное изучение этих точек приводит их на грань безумия.

– Во имя Аллаха пречистого и всемилостивого, это же звезды! – выкрикивает Дилшат то, о чем другие все еще боятся сказать: Вселенная вывернулась наизнанку.

Несмотря на глубокое потрясение, кто-то замечает, что телевизор в комнате все еще транслирует футбольный матч. Вернувшись, они видят, что им не мерещится: в тысяче миль оттуда, где они находятся, футбольный стадион тоже залит белым светом. Десятки тысяч зрителей на трибунах задирают головы и с тревогой смотрят вверх.

Главный инженер первым берет себя в руки.

– Когда это случилось? – спрашивает он.

– В тот самый момент, когда зазвенел звонок, – отвечает Дилшат.

Все снова умолкают и оборачиваются к Джонсу и Дин И в надежде, что самые именитые из всех физиков, какие только появлялись со времен Эйнштейна, смогут объяснить кошмар, в котором они оказались.

Но физики уже не смотрят на небо – напротив, повесили головы и погрузились в раздумья. Дин И первым вновь поднимает взгляд к пустой белой Вселенной и медленно, шумно вздыхает:

– А ведь мы должны были это предвидеть…

Джонс тоже поднимает голову и смотрит в глаза Дин И:

– Да, определенно, это проявилась переменная уравнения суперсимметрии!

– О чем вы говорите?! – кричит главный инженер.

– Если пользоваться вашей метафорой, мы завершили кругосветное путешествие, – заявляет, улыбаясь, Дин И.

– Вы хотите сказать, что это произошло из-за эксперимента?!

– Да, конечно, – отвечает Джонс, успевший приложиться к своей фляжке. – Как Магеллан узнал, что Земля круглая?

– К… круглая? – вразнобой повторяют все остальные, не отрывая от физиков ошеломленных взглядов.

– Земля круглая. Если отправиться с любой точки на ее поверхности и неуклонно двигаться по прямой, вы вернетесь туда, откуда начали, – объясняет Джонс. – Теперь мы знаем форму Вселенной. Это все равно что мы бы шли по прямой в микрокосмос и достигли конца, который, как оказалось, выходит в макрокосмос. Ускоритель пронзил мельчайший строительный блок физики, и энергия воздействовала на самый крупный строительный блок, вывернув наизнанку всю Вселенную.

– Так что, доктор Джонс, вам все еще есть ради чего жить. Физика не подошла к концу, – говорит Дин И, – она только началась, подобно тому, как географическая наука возникла только после того, как была определена форма Земли. Мы оба

заблуждались. Если бы меня попросили выбрать краткую формулировку, лучше всего описывающую то, что произошло, я воспользовался бы словами шейха Дилшата. Хоть я не верю в Аллаха, тайны Вселенной намного превосходят возможности нашего постижения.

Припоминаю… Был в прошлом веке такой писатель-фантаст Артур Кларк. Он как-то высказал в одном из рассказов идею о вывернутой Вселенной. Но кому могло прийти в голову, что такое случится на самом деле?

– Что теперь делать? – спрашивает главный инженер.

– Да ничего. Меня вполне устраивает жизнь в вывернутой Вселенной. Не находите, что она так же прекрасна, как и прежняя? – Джонс допивает остатки спиртного из фляжки и, уже немного опьяневший, вскидывает руки, раскрывая объятия новой Вселенной.

– Но погодите… – Главный инженер тычет пальцем в сторону телевизора. Там видно, что возбуждение и паника, охватившие зрителей на стадионе, уже переросли в массовую истерию. Наверняка и во всем мире творится что-то подобное.

– Продолжать бомбардировать мишень, – говорит главному инженеру Дин И, глядя краем глаза на экран компьютера, где видно, что он продолжает анализировать результаты первого цикла эксперимента, временно приостановив поток частиц.

– Вы с ума сошли? Кто знает, что произойдет при следующем столкновении частицы с кварком? Что, если Вселенная схлопнется или, напротив, взорвется?!

– Ничего подобного не случится. Мы только что получили подтверждение теории суперсимметрии и теперь знаем, что произойдет потом, – говорит Джонс.

Ускоритель возобновляет бомбардировку мишени частицами сверхвысокой энергии. Присутствующие ждут, когда в атомной буре вновь появится несколько разноцветных капель.

Минута… две минуты… десять…

По экрану тянется кривая и бегут строки данных.

Ничего не происходит.

По телевизору видно, что зрители на стадионе утратили рассудок и в свете чисто белого неба колотят и топчут друг друга. Изображение мигает, потом исчезает, и экран заполняется «снегом». Внезапное изменение мироздания оказалось не по силам разуму; человечество попросту не вынесло потрясения. Весь мир пребывает на пути к неизбежному безумию.

Без всякого предупреждения Вселенная возвращается к изначальному состоянию: над головой снова иссиня-черное небо, испещренное мерцающими звездами.

– Вы свершили то, что было под силу одному Аллаху! – говорит старый Дилшат, стоящий со всеми остальными на барханах Гоби под пьянящим космосом.

– Да, неустанное познание принципов физики дало нам богоравные силы. Такие, о которых никто из нас не мог и мечтать, – отвечает Джонс.

– Тем не менее мы всего лишь люди. Кто знает, что случится в будущем, – говорит Дин И.

Старый Дилшат медленно преклоняет колени перед небесами:

– О Аллах…

В ночном небе мерцают яркие звезды, и Вселенную заполняет не доступная слуху мелодия.

Нити [6]

– Эй, вы попали не на свою нить!

Такими были первые слова, которые я услышал, угодив в этот мир. Я заканчивал обычный патрульный полет над Атлантическим океаном на «F-18», уже предвкушал, как совершу посадку на авианосце «Рузвельт», и вдруг оказался неведомо где. Я дал форсаж, но истребитель как повис неподвижно в прозрачном куполе, так и висел там, будто мой самолет удерживало на месте какое-то невидимое силовое поле. А в небе виднелась большая желтая планета, частично прикрытая полосой тени, которую отбрасывало тонкое, как лист бумаги, кольцо. Я не из тех дураков, что не верят своим глазам, если видят что-то странное, и не подумал, будто уснул за штурвалом. Я сразу понял, что это реальность. Разум и хладнокровие всегда были моими сильными качествами, которые и вывели меня на первое место в нашей эскадрилье «F-18».

– Пожалуйста, зайдите в регистратуру и отметьте случайное появление, – продолжал голос в шлемофоне. – Но, конечно, сначала вы должны выйти из своего самолета.

Я посмотрел вниз. Самолет висел на высоте около пятидесяти метров.

– Не бойтесь, прыгайте. Сила тяжести здесь совсем невелика.

Так оно и оказалось. Я открыл фонарь кабины и поднялся, но обычное движение ног подбросило меня в воздух: я вылетел из кабины, как будто катапультировался, и плавно опустился на поверхность. Там я увидел нескольких человек, лениво расхаживающих по сверкающему стеклу. Самым необычным было то, что в них вообще не было ничего необычного. Судя по внешнему виду и одежде, эти люди определенно не привлекли бы к себе внимания, скажем, в Нью-Йорке – но тут сама нормальность казалась чем угодно, только не собой. А потом я увидел регистратуру, о которой шла речь. Рядом с ней уже находилось три человека, не считая работавшего за стойкой. Возможно, они оказались здесь также случайно. Я подошел.

– Ваше имя, пожалуйста, – обратился ко мне тощий, очень темнокожий регистратор, похожий на всех работников гражданских служб на Земле. – Если не понимаете язык, на котором здесь говорят, возьмите устройство-переводчик. – Он указал рукой на груду странных приборчиков на соседнем столе. – Но, думаю, вы обойдетесь и так, потому что наши нити расположены по соседству.

– Дэвид… Скотт, – медленно ответил я, а потом спросил: –

Что это за место?

– Это межнитевая пересадочная станция. Не беспокойтесь, люди сплошь и рядом попадают не на те нити. Какая у вас профессия?

Я ткнул пальцем в желтую планету с кольцом:

– А это что такое?

Регистратор поднял голову и посмотрел мне в лицо с типичным выражением человека, которому давно осточертело то, что приходится видеть ежедневно.

– Земля, конечно.

– Да какая же это Земля? – воскликнул я в изумлении, но тут же подумал и о другой возможности. – А какая дата?

– Вы имеете в виду, сегодня? Двадцатое января две тысячи первого года. Так какая у вас профессия, сэр?

– Точно?

– Что? Ах, вы о дате… Конечно точно. Ведь сегодня инаугурация нового президента Соединенных Штатов.

Услышав знакомые слова, я чуть успокоился. Эти ребята и впрямь с Земли.

– Как, как можно было выбрать президентом этого болвана Гора? – требовательно спросил один из трех, находившихся рядом со мною по эту сторону стойки, одетый в просторную коричневую ветровку.

– Вы ошибаетесь, президентом выбрали Буша, – сказал я ему.

Но он настаивал, что выбрали Гора. Мы заспорили.

– Слушайте, какая разница? – вмешался в наш спор еще один мужчина, одетый в традиционный китайский китель со стоячим воротником.

– Их нити очень близки, – объяснил ему регистратор и снова обратился ко мне: – Сэр, и все же, какая у вас профессия?

– Кому какое дело до моей профессии? Я хочу понять, где нахожусь! Это совершенно точно не Земля – Земля не может быть желтой!

– Он дело говорит! Земля совсем другого цвета. Вы нас, наверно, за идиотов держите! – рявкнул мужчина в ветровке.

Регистратор только устало покачал головой:

– Это я слышу чуть ли не от всех, кто приходит сюда через «червоточины» пространства-времени.

Я тут же ощутил нечто вроде родственного чувства к парню в ветровке и спросил его:

– Так вы тоже попали не в ту нить? – Впрочем, я сам толком не понимал, о чем веду речь.

Он кивнул:

– Как и эти двое.

– Летели на самолете?

– Нет, – ответил он, покачав головой. – Каким-то образом оказался здесь во время утренней пробежки. А эти угодили сюда каждый по-своему, но по сути – одинаково. Куда-то направлялись, вдруг все вокруг изменилось, и мы здесь.

Я кивнул, пытаясь сообразить, что к чему.

– Значит, вы поняли, что я имел в виду, когда сказал, что эта планета не может быть Землей.

Все трое одновременно закивали. Я строго взглянул на регистратора.

– Не пытайтесь делать из нас дураков – Земля не может быть такого цвета! – повторил парень в ветровке.

Я снова кивнул.

– Любой идиот знает, что Земля из космоса видится густо багровой!

Тут я совсем обалдел. А человек в китайском кителе спросил желчным тоном:

– Вы, наверно, дальтонизмом страдаете, да?

– А может быть, он идиот, – подхватил я, кивнув.

А «китайский китель» продолжал:

– Всем известно, что цвет Земли определяется совокупностью качеств атмосферы и океана. И под их воздействием цвет может быть только… – Я продолжал согласно кивать. «Китайский китель» кивнул мне в ответ. – Серым.

– Да вы все с ума посходили! – впервые раскрыла рот единственная женщина, присутствовавшая в нашем обществе, особа в меру пышного, очень соблазнительного сложения. Судя по манере держаться, она сознавала это. Не будь я так растерян из-за всего, что стряслось, подумал бы о том, как подкатить к ней. – Все знают, что Земля розовая! И небо розовое, и океан. Неужели даже песню не слышали: «Я такая милая, я такая сладкая: глазки – голубые облака и лицо – розовое небо…»

– Ваша профессия, сэр? – в очередной раз спросил регистратор из-за стойки.

Тут я не выдержал и, обернувшись к нему, заорал:

– Слушай, парень, да плевать на мою чертову профессию! Ты лучше скажи, куда я попал. Это не Земля! Даже если допустить, что Земля может быть желтой, то что за кольцо вокруг нее?

И мы, все четверо попавших не на свою нить, снова заговорили о том, что нас волновало. Мы сошлись на том, что у Земли нет ни одного кольца, а кольца есть только у Сатурна и Нептуна.

– Зато у Земли три луны, – сказала привлекательная дамочка.

– Откуда? У Земли одна луна! – гаркнул я на нее.

– Какими скучными были бы свидания, – возразила она. – А так идешь под ручку по пляжу, а в небе висят три луны, а рядом, навевая романтическое настроение, плывут все шесть теней…

– По-моему, это нисколько не романтическое, а просто кошмарное зрелище, – возразил «китайский китель». – И оно невозможно, поскольку у Земли вообще нет лун.

– В таком случае, – ответила женщина, – ваши свидания жутко скучные.

– Помилуйте, что вы такое говорите?! Разве может быть скучно влюбленным, когда они сидят на берегу и смотрят, как из-за горизонта встает Юпитер?

Я в полной растерянности уставился на него:

– Постойте, постойте… Так прямо и встает и влюбленные любуются?..

– Вы что, слепой? – ехидно вопросил он.

– Я пилот, и зрение у меня лучше, чем у любого из вас.

– Тогда вы просто не могли не увидеть звезду! Что вы на меня уставились? Подозреваю, вы не знаете, что энергетический уровень Юпитера был настолько велик, что восемьдесят или девяносто миллионов лет назад его гравитация вызвала ядерную реакцию и он стал звездой. Видимо, вы не знаете и того, что именно по этой причине вымерли динозавры? Вы вообще учились хоть где-нибудь? Но даже если вам не пришлось ходить в школу, вы не могли не видеть серебристый утренний свет восходящего Юпитера! Неужели вы не видели даже великолепные световые сумеречные феерии, которые случаются, когда Юпитер и Солнце заходят одновременно? Боже мой, да вы безнадежны!

Мне показалось, что я попал в дурдом. Чтобы отвлечься от этой безумной беседы, я снова повернулся к регистратору:

– Вы только что спрашивали о моей профессии. Так вот, я пилот Военно-воздушных сил США.

– О, – воскликнула женщина, – американец?!

Я кивнул.

– В таком случае вы, наверно, гладиатор! Я с первого взгляда заметила, что вы парень непростой! Меня зовут Вауани, я индианка. Давайте дружить!

– Гладиаторы? Но какое отношения они имеют к Соединенным Штатам Америки? – спросил я, совсем опешив.

– Я слышала, что ваш конгресс собирается запретить гладиаторов и колизеи, но ведь закон еще не принят, так ведь? А Буш-младший кровь любит не меньше, чем его папаша, и когда придет к власти, то, наверно, прикроет эту затею. Думаете, я ничего не знаю? Я даже была на гладиаторских играх во время Олимпиады в Атланте, но, такая жалость, на билет у меня не

хватило. Я кое-как устроилась сзади и посмотрела одну схватку. Ничего интересного: парни сцепились между собой и оба потеряли ножи. Крови я вообще не видела.

– Вы уверены, что рассказываете не о Древнем Риме?

– Древний Рим? Ха! Тогда жили одни слабаки, а настоящих мужчин вовсе не было. Тогда самым страшным наказанием для преступников было смотреть, как режут курицу. И они, поголовно, в обморок падали. – Она прижалась ко мне теплым боком. – Вы не можете не быть гладиатором.

Я не знал, что сказать на это и какую рожу скорчить, и поэтому повернулся к регистратору:

– Что еще?

Тот повернулся ко мне и кивнул:

– Отлично. Вам, всем десяти, нужно держаться вместе. Так может получиться быстрее.

Я, Вауани, «коричневая ветровка» и «китайский китель», как по команде, оглянулись.

– Но ведь нас только пятеро.

– Как – пятеро? – Регистратор, кажется, растерялся. – Вас четверо и я – вот и десять.

– Вот ведь идиоты собрались, – возмутился «китайский китель». – Вам, может быть, и ни к чему, но я вас просвещу: десять идет после дада!

Настала моя очередь разбираться в числах:

– Что такое дада?

– Сколько у вас пальцев на руках и ногах? Двадцать! Отрежьте один, и останется дада цифр.

Я опять закивал:

– Значит, дада это девятнадцать, и у вас двадцатеричная система счисления. А у него, – я показал на регистратора, – пятеричная.

– Вы наверняка гладиатор… – мурлыкнула Вауани и провела пальцем по моей щеке. Приятное ощущение.

«Китайский китель» смерил регистратора снисходительным взглядом.

– Совершенно дурацкая система счисления – иметь две руки и две ноги и использовать для счета лишь четверть своих пальцев.

– Сами вы дурак, – вызверился в ответ регистратор. – На пальцах одной руки считать куда быстрее и проще. А разуваться и перебирать потные пальцы на ногах вовсе ни к чему.

– Скажите, у вас есть специальные системы для машинных вычислений? – спросил я. – Проще говоря, для компьютеров – если вы, ребята, ими пользуетесь.

Тут страсти снова улеглись – выяснилось, что для этого все

пользуются двоичными системами.

– Какая еще, кроме двоичной? – заявил «коричневая ветровка». – Иначе до вычислительной техники просто не додумались бы! Потому что есть только два состояния: горошина или попадает в прорезь бамбуковой планки, или же этого не происходит.

Я опять растерялся:

– Горошина? Прорезь?

– Похоже, вы и впрямь нигде не учились! Ведь всем известно, что компьютер изобрел Вэнь-ван из династии Чжоу.

– Вэнь-ван? Император – мистик и некромант?

– Но-но, потише! Нельзя так непочтительно отзываться о создателе кибернетики.

– Компьютер… Вы, наверно, имеете в виду китайский абак?

– Не знаю, что имеете в виду вы, а я – вычислительное устройство. Если вы не знаете, немного расскажу. Они размером с футбольное поле, их делают из сосновых досок и бамбуковых планок, а в качестве счетных единиц используются маленькие желтые горошины. Чтобы привести устройство в движение, нужна сотня быков! Зато какие маленькие и изящные процессоры – размером всего с небольшой дом. Бамбуковые интегральные схемы изготавливают самые лучшие мастера!

– Но как вы их программируете?

– Постарайтесь хотя бы правильно произносить слова! Вы хотите узнать, как перфорируют бамбуковые планки? Археологам удалось откопать бронзовое сверло императора Вэня, оно хранится в пекинском Национальном дворцовом музее. Версия 3.2 императорской системы И-Цзин содержит более миллиона строк кода, размещенных на тысяче с лишним километрах перфорированных бамбуковых планок…

– Вы наверняка гладиатор, – промурлыкала Вауани и на мгновение прижалась ко мне.

– Может быть, все же закончим регистрацию? – нетерпеливо спросил человек за стойкой. – А потом я попытаюсь еще раз объяснить все это.

Я поднял голову, посмотрел на желтую Землю, опоясанную кольцом, и сказал:

– Похоже, я понимаю. Образование у меня неплохое, и о квантовой механике я кое-что знаю.

– Я тоже, – сказал тип в китайском кителе. – Судя по всему, квантовая теория множественной вселенной верна.

«Коричневая ветровка», похоже, самый образованный из всех нас, медленно кивнул.

– Когда квантовая система делает выбор, Вселенная

разделяется на две или больше, чтобы охватить все возможности для этого выбора. В итоге получается великое множество параллельных вселенных. Это результат квантовых мультисостояний во вселенском масштабе.

– Мы называем каждую параллельную вселенную нитью, – сообщил регистратор. – Множественная вселенная – это пучок нитей, и вы все собрались с соседних. Поэтому ваши миры более-менее схожи.

– Мы хотя бы понимаем друг друга без переводчиков. – Я едва успел закрыть рот, как Вауани опровергла мои слова. По крайней мере, частично.

– Какие странности вы тут рассказываете! – Она была, определенно, не очень образованной, но зато самой симпатичной. Я думаю, что это слово должно было иметь какой-то смысл в ее мире. Она в очередной раз подошла ко мне и прижалась теплым боком. – Вы действительно гладиатор.

– Ваш мир соединяет нити? – спросил я регистратора.

Тот кивнул:

– Да. Они появляются во время перемещений со скоростью, превышающей световую. «Червоточины» очень малы и быстро исчезают, но возникают снова и снова. Особенно если сверхсветовые перемещения осуществляются в ваших нитях. В таком случае количество «червоточин» быстро нарастает и все больше людей ошибается дверью.

– И что же нам теперь делать?

– Никто из вас не имеет права и возможности остаться в нашей нити. Как только мы закончим регистрацию, вам придется вернуться туда, откуда вы вышли.

– Я хочу, чтобы гладиатор вернулся со мной на мою нить, – сказала Вауани.

– Если он того захочет, мы, безусловно, ему поможем. Главное, чтобы он не остался на нашей нити, – регистратор указал на желтую Землю.

– Я хочу вернуться на свою родную нить, – сказал я.

– Какого цвета ваша Земля?

– Голубая, со множеством белых облаков.

– Какой ужас! Пошли со мною на розовую Землю, – проворковала Вауани и для убедительности поманила меня рукой.

– Ну, может, это и круто, но я хочу вернуться на свою родную нить, – холодно ответил я.

Мы поспешно завершили регистрацию.

– Можно я возьму что-нибудь на память? – спросила Вауани.

– Возьмите межнитевую линзу. По одной каждому. –

Регистратор показал на стеклянный столик рядом с собой, где лежало несколько таких же стеклянных шаров. – Если вы сейчас соедините их контакты, то, вернувшись на свою нить, сможете видеть изображения со связанной нити.

– Если мой мир связан с миром гладиатора, значит, я смогу видеть его нить даже из дома?! – в счастливом изумлении воскликнула Вауани.

– Не только эту, но и другие связанные нити.

Я плохо понял, что говорил регистратор, но все же взял шарик и прикоснулся встроенной в него пластинкой к такой же пластинке на шарике Вауани. Что-то пискнуло, сообщая, что связь установлена. Потом я подпрыгнул, забрался в «F-18» и несколько минут искал, куда пристроить шар. Едва я успел это сделать, как межнитевая пересадочная станция и желтая Земля исчезли. Я снова оказался над Атлантикой, видел голубое небо и то самое море, к которому привык. После посадки на «Рузвельт» диспетчер сообщил, что я нисколько не задержался: радиоконтакт не прерывался ни на мгновение.

Но у меня сохранился шар, неопровержимо доказывающий, что я действительно побывал на другой нити. Не без труда, но я смог незаметно утащить его с самолета. А в тот же вечер, когда «Рузвельт» пришел в Бостон, я принес его в свою комнату в офицерской казарме. Достав его из сумки, я сразу увидел в нем четкое изображение. Вауани беззаботно шла куда-то у подножия сверкающей, словно хрусталь, горы, над которой развернулось розовое небо с голубыми облаками. Когда я повернул шар в руках, он показал мне другую картинку. То же розовое небо с голубыми облаками, но рядом с Вауани был кто-то еще. Мужчина в летной форме американских ВВС.

Я.

На самом деле все объяснялось очень просто: когда я отказался принять предложение Вауани, Вселенная разделилась на две, и сейчас я видел нить иной вероятности.

Межнитевую линзу я хранил всю жизнь. Я наблюдал, как на розовой Земле развивалась любовь Вауани и моего двойника, как они жили отшельниками на хрустальной горе, как они старились, как у них родился целый выводок розовых детей.

Но и на той нити, куда Вауани вернулась одна, она не забыла меня. Через тридцать лет после того, как мы побывали в перепутанных нитях, я увидел в шаре, как она прогуливалась по пляжу с каким-то стариком, держа его под руку. Три луны отбрасывали на песок шесть теней. И в этот самый миг Вауани посмотрела на меня из своего шара. Ее глаза больше не казались голубыми облаками, а лицо вряд ли можно было сравнить с

розовым небом. Но ее улыбка была такой же обольстительной, как и прежде. Я отчетливо услышал, как она сказала: «Вы действительно гладиатор!»

Посыльный [7]

Старик лишь вчера заметил слушателя, стоявшего внизу. В последние дни у него было очень плохое настроение, и он почти не выглядывал в окно – только когда играл на скрипке. Он пытался отгородиться от остального мира с помощью штор и музыки, но это было невозможно.

Много лет назад, по другую сторону Атлантики, укачивая в узкой мансардной комнате лежавшего в коляске младенца или просматривая неинтересные заявки в шумном патентном бюро, он постоянно пребывал мыслями в прекрасном мире. Там он мчался со скоростью света; теперь же он пребывал в неподвижности в тихом, уединенном маленьком городке под названием Принстон. Умение отрешиться от внешнего мира, присущее ему в молодые годы, покинуло его. Мир постоянно смущал и тревожил его. Особое беспокойство вызывали у него два вопроса; один из них – квантовая теория, созданная Максом Планком, ставшая навязчивой идеей для многих молодых физиков, и прежде всего принцип неопределенности, входивший в эту теорию. «Бог не играет в кости», – часто говорил он себе в эти дни. Вторую половину жизни он посвятил созданию Единой теории поля, но не добился никаких успехов. Ему удалось лишь чисто математическое построение, совершенно не связанное с физикой. А еще его очень беспокоила атомная бомба. Прошло много времени после Хиросимы и Нагасаки, давно закончилась война, но его боль, ноющая, как старый ушиб, теперь разыгралась с неистовой силой. Такая маленькая, простая формула, он же соотнес массу с энергией, только и всего. По правде говоря, до того как построили и запустили реактор Ферми, старик думал, что превращение массы в энергию на атомном уровне возможно лишь в самой необузданной людской фантазии. В последнее время Хелен Дукас прилагала все свои силы, пытаясь утешить его. Но она не понимала, что его волновали не собственные достоинство, ошибки, честь или позор – его тревоги касались более важных вещей. Недавно во сне он услышал страшный грохот, похожий на потоп или извержение вулкана. Другой ночью его разбудил шум, но выяснилось, что это всего лишь похрапывает маленький щенок, спящий в патио. Больше шум не нарушал его сны. Ему снились пустынные земли, заходящее солнце, отражающееся в тающем снегу. Он пытался бежать из пустоши, но она была настолько велика, что казалась безграничной. Позже он увидел океан, над ним опять – заходящее солнце, заливающее море кроваво-красным светом, и понял: весь

мир это пустошь, покрытая тающим снегом. И снова он проснулся в испуге. На сей раз в его сознании, как темный риф во время отлива, проявился вопрос:

А есть ли вообще у человечества будущее?

Этот вопрос жег его, как бушующее пламя, причиняя почти невыносимую боль.

Человек, стоявший внизу, был молод. На нем была стильная нейлоновая куртка. Старик понял, что тот слушает его скрипку. Еще три дня подряд, как только старик начинал вечером музицировать, этот человек приходил и молча стоял в угасающем сиянии принстонского заката. Около девяти часов вечера старик откладывал скрипку, и слушатель медленно уходил. Может быть, он был студентом Принстонского университета или просто кем-то из слушателей лекций старика. Старик давным-давно устал от бесчисленных поклонников, подхалимов всех мастей, от королей до домохозяек. Но этот незнакомец на тротуаре, этот друг, заинтересовавшийся его музыкальным талантом, дал ему своеобразное утешение. На четвертый день старик только начал играть, как пошел дождь. Он выглянул в окно и увидел, что молодой человек стоит под единственным имеющимся поблизости укрытием: китайским зонтичным деревом. Дождь усилился, и его струи свободно пробивали редкую осеннюю листву. Старик опустил скрипку, чтобы дать возможность слушателю уйти. Но молодой человек, похоже, понимал, что концерту еще не время заканчиваться, и стоял не двигаясь на прежнем месте; его промокшая куртка блестела в свете уличного фонаря. Старик отложил свою скрипку, нетвердой походкой спустился по лестнице, вышел на улицу, заполненную дождем и туманом, и, наконец, предстал перед молодым незнакомцем.

– Если вы… э-ээ… хотите послушать, то почему бы вам не зайти в дом?

Не дожидаясь ответа, старик повернулся и вошел в дом. Посетитель остался стоять на том же месте, уставившись застывшим взглядом куда-то вдаль, как будто произошедшее было сном. Наверху возобновилась музыка, и слушатель, словно в трансе, вошел в парадную дверь. Он поднялся наверх, словно влекомый духом музыки. Дверь в комнату старика была приоткрыта. Посетитель вошел внутрь. Старик стоял лицом к окну и играл, глядя на дождь. Он не повернул головы, но почувствовал, что молодой человек находится в комнате. Он чувствовал себя немного виноватым перед своей аудиторией, этим человеком, которого так увлек голос его скрипки, – играл он не очень хорошо. Например, в выбранном на сегодня любимом рондо Моцарта он часто фальшивил. Случалось и забывать ноты –

тогда он восполнял пробел, руководствуясь воображением. Играл он на все той же дешевой скрипке, которая была его верным другом, но обладала отнюдь не идеальным голосом. Тем не менее молодой слушатель был спокоен и казался довольным. Они вдвоем погрузились в несовершенное, но все же впечатляющее звучание инструмента.

Шла ничем не примечательная ночь середины XX века. «Железный занавес» разделял Восток и Запад. Будущее человечества, недавно попавшее под ядерную тень, походило на тусклый, туманный, дождливый осенний вечер. В эту ночь из маленького домика в Принстоне, штат Нью-Джерси, звучало под дождем рондо Моцарта.

Время, казалось, текло быстрее, чем обычно. Скоро пробило девять часов. Старик перестал играть, поднял голову и увидел, как его гость поклонился и повернулся, чтобы уйти.

– Э-э… придете слушать завтра? – спросил старик.

Молодой человек стоял у двери, спиной к нему, и ответил, не поворачиваясь:

– К сожалению, нет. Завтра, профессор, у вас будет посетитель. – Он открыл дверь, добавил, как будто вспомнив: – Хотя, возможно. Ваш гость уйдет в десять минут девятого. Вы будете играть, если придется начать немного позже?

Старик рассеянно кивнул, плохо понимая подтекст этих слов.

– Ну, отлично. В таком случае я приду. Спасибо.

Дождь продолжал лить весь следующий день, и вечером действительно пришел гость – израильский посол. Старик всей душой любил эту отдаленную, новорожденную страну – там были его соплеменники – и пожертвовал на ее становление все деньги, полученные от продажи своих рукописей. Но на этот раз посол пришел по совсем другому делу. Старик не знал, смеяться ему или плакать. Ему предложили стать президентом Израиля! Он решительно отказался. Проводив посла на дождливую улицу, он извлек из кармана часы как раз перед тем, как тот сел в машину, и в свете уличного фонаря разглядел, что стрелки показывают десять минут девятого. В памяти всплыла реплика вчерашнего любителя музыки.

– Э-э… скажите, ваш визит… кто-нибудь знал, что вы собираетесь ко мне?

– Не беспокойтесь, профессор, это строжайший секрет. Никто не мог знать.

Но тот молодой человек откуда-то знал об этом, и ведь он знал кое-что еще… И старик задал очень странный вопрос:

– Но вы собирались уйти именно в это время, в десять минут девятого?

– Простите… Откровенно говоря, нет. Я надеялся на продолжительную беседу с вами, но раз вы отрицательно ответили на самое главное предложение, решил не обременять вас лишними разговорами. Мы понимаем вас, профессор.

Старик вернулся наверх, все еще ощущая растерянность, но забыл о ней, как только достал скрипку. И едва зазвучала музыка, как явился тот же молодой человек.

На сей раз концерт продолжался до десяти вечера, и, завершив его, старик повторил вчерашнее приглашение:

– Вы придете завтра слушать музыку? – И добавил, немного помолчав: – Мне было бы приятно.

– Ну, завтра я смогу снова слушать вас на улице.

– Мне кажется, завтра тоже будет дождь. Все небо в тучах.

– Вы правы, дождь будет, но к тому времени, когда вы захотите играть, он прекратится. А послезавтра я позволю себе снова зайти в ваш дом – дождь не закончится до одиннадцати утра следующего дня.

Старик засмеялся и подумал, что его молодой гость весьма забавен, но, глядя ему вслед, вдруг почувствовал, что это было сказано совсем не в шутку.

Ощущение оказалось верным. В следующие несколько дней погода точно соответствовала предсказанию незнакомца. Вечером дождя действительно не было, и он слушал музыку, стоя на тротуаре. На следующий день в это время лил дождь, и он поднялся в комнату к старику. А ровно в одиннадцать утра следующего дня дождь в Принстоне прекратился.

Вечером первого сухого дня после продолжительной непогоды молодой человек не остался слушать на улице, а вновь поднялся в комнату. У него была с собою небольшая скрипка. Не говоря ни слова, он обеими руками преподнес ее старику.

– Нет, пожалуйста, не надо. Мне не нужна другая скрипка, – отмахнулся старик. Ему часто предлагали в подарок другие скрипки, в том числе знаменитые и ценные, итальянские, принадлежавшие известным музыкантам, но он всегда вежливо отказывался, понимая, что не с его мастерством играть на таких великолепных инструментах.

– Это лишь на время; потом вы вернете ее мне. К сожалению, профессор, я не могу оставить вам этот инструмент.

Старик взял скрипку. На первый взгляд она казалась самой обычной. Вот только, как ни странно, у нее как будто не было струн; однако потом он все-таки рассмотрел их – они оказались тонкими, как паутинки. Старик не решался прикоснуться к ним, опасаясь порвать. Он поднял глаза на посетителя, тот улыбнулся, кивнул, и старик легонько нажал пальцем на струны. Они не

порвались, более того, при прикосновении они ощущались невероятно прочными. Он взял смычок и бесцельно провел им по одной струне – и звук, который она издала, показался ему похожим на вскрик самой природы.

Это был голос Солнца, и ничто иное не могло так звучать.

Старик заиграл свое любимое рондо и сразу же слился в единое целое с безграничным космосом. Он видел световые волны, медленно распространяющиеся в пространстве, подобно туману, гонимому утренним бризом; волнообразные гравитационные волны обширной пространственно-временной мембраны и бесчисленные звезды, плавающие на ней подобно сверкающим каплям росы; через мембрану проносился мощный поток энергии, вызывающий сказочные вторичные радуги.

Когда старик очнулся от погружения в музыку, молодого гостя уже не было в доме.

Старик просто влюбился в эту скрипку. Он играл на ней ежедневно до глубокой ночи. Дукас и врач порознь и вместе уговаривали его поберечь здоровье, но оба знали, что всякий раз, когда начинает звучать музыка, кровь старика наполняется неведомой ему прежде жизненной силой.

Непонятный гость должен был вернуться.

Через десять дней он уже меньше играл на загадочной скрипке и порой даже возвращался к старому другу, скрипке, на которой играл много лет. Он начал опасаться, что, если слишком нагружать тонкие струны-паутинки, они могут стираться или даже лопнуть. Но он не мог устоять перед звуками, которые исходили из этого инструмента: старик был словно околдован. Он все чаще думал о том, что рано или поздно молодой гость вернется и придется расстаться со скрипкой, и поэтому снова стал играть на ней ночи напролет, как вначале. Каждый раз, под утро, неохотно прекращая играть, он внимательно осматривал струны. С возрастом его зрение ослабло, и Дукас по его просьбе принесла увеличительное стекло, но даже с его помощью старик не видел на струнах никаких признаков износа. Их глянцевая, сверкающая поверхность была полупрозрачной, как у драгоценного камня, а в темноте струны даже чуть заметно светились голубым.

Прошло еще десять дней.

У старика уже вошло в привычку осматривать скрипку перед тем, как лечь спать. Этой ночью ему показалось, что струны выглядят как-то не так. Он взял лупу, внимательно всмотрелся в них и понял, что его подозрения подтвердились. Вообще-то, подозрения зародились у него уже несколько дней назад, но лишь сегодня изменения зашли настолько далеко, что их удалось заметить.

Струны разбухли от частого использования.

На следующий вечер он только-только поднял смычок, как в комнату неожиданно вошел молодой гость.

– Вы пришли за скрипкой, да? – с тревогой в голосе спросил старик.

Гость кивнул.

– Э-э… может быть, вы все-таки оставите ее мне?

– Полностью исключено. Прошу простить меня, профессор, но это невозможно. Мне нельзя ничего оставлять.

Старик на мгновение задумался над сказанным и начал понимать. Взяв скрипку двумя руками, он протянул ее гостю.

– Она не из этого времени, да?

Молодой человек покачал головой и шагнул к окну, за которым через небо протянулся сверкающий бесчисленными звездами Млечный Путь. Он черным силуэтом вырисовывался на этом величественном фоне.

Старик понимал все больше и больше. Он припомнил загадочный талант гостя к предсказаниям. Все оказалось очень просто: гость не предсказывал. Он вспоминал.

– Я посыльный. Мы, в нашем времени, неожиданно увидели, что вы очень сильно встревожены, и меня прислали к вам.

– И вы принесли мне эту скрипку, – без удивления сказал старик. На протяжении всей жизни он воспринимал космос как одно большое чудо. Именно благодаря этому он превзошел других и первым заглянул в глубочайшую тайну Вселенной.

– Нет, скрипка – лишь доказательство того, что я из будущего.

– Доказательство?

– В вашу нынешнюю эпоху человечество научилось превращать массу в энергию. У вас уже есть атомная бомба и скоро появится термоядерная бомба. Мы, в нашу эпоху, умеем превращать энергию в массу. Вы же заметили, – он указал на скрипку, – что струны стали толще. Нарастание массы происходит за счет звуковой энергии, которая вырабатывалась, когда вы играли.

Старик удивленно покачал головой.

– Я знаю, мои слова идут вразрез с вашими теоретическими положениями. Во-первых, ваша теория запрещает мне обратное перемещение во времени. Во-вторых, согласно вашей формуле, приращение массы струн, которое вы наблюдали, должно потребовать колоссального расхода энергии.

Старик некоторое время молчал, потом снисходительно улыбнулся.

– Теория дает ответы лишь на малую часть имеющихся

вопросов, да и те можно толковать по-разному. А уж белых и серых пятен осталось… – Он вздохнул: – И древо моей жизни пожухло. Ладно, малыш… Что вы принесли мне сегодня?

– Две новости.

– И что же говорит первая?

– У человечества есть будущее.

Старик опустился в кресло. На лице его было написано облегчение. Он сейчас походил на всех тех стариков, которым наконец-то удается осуществить главное и давно лелеемое желание всей жизни. Ему стало по-настоящему хорошо. Он почувствовал, что теперь действительно можно отдохнуть.

– Полагаю, дитя мое, что, поскольку вы здесь и говорите это, мне надлежало это узнать.

– После атомной бомбардировки Японии ядерное оружие больше не применялось в военных целях. К концу 1990-х годов большинство стран подпишет международное соглашение о запрете испытаний и распространения ядерного оружия. Еще через пять лет будет уничтожена последняя боеголовка. А мне предстоит родиться еще через двести лет.

Молодой человек взял скрипку, за которой пришел.

– Мне пора идти. Чтобы слушать вашу музыку, я отложил много других путешествий. А мне нужно посетить три эпохи и повидаться с пятью людьми, среди которых создатель Единой теории поля. Увы, он жил через сто с лишним лет после вас.

Он не упомянул лишь о том, что визиты великим людям наносит почти непосредственно перед их смертью, чтобы тем самым, насколько можно, уменьшить неизбежное воздействие на будущее.

– А какую же вторую новость вы припасли для меня?

Молодой человек уже взялся за ручку и открыл дверь. На эти слова он обернулся с виноватой улыбкой:

– Профессор, Бог все же играет в кости.

Старик смотрел в окно, как гость вышел из его дома. В поздний час на улице больше никого не было. Молодой человек начал раздеваться; вероятно, он не хотел брать с собой одежду этой эпохи. Под снятым обнаружился облегающий костюм, флуоресцирующий в тусклом свете, – вероятно, одежда его эпохи. Старик ожидал, что последует яркая белая вспышка, но он ошибся. Посыльный, как назвал себя гость, быстро поднялся в воздух под довольно острым углом и через несколько секунд исчез среди ярких звезд ночного неба. Его скорость была постоянной, безо всякого ускорения. Очевидно, он вовсе не поднимался. Земля вращалась, а он оставался статичным, сохраняя покой в этом пространстве-времени. Старик

предполагал, что посыльный мог использовать в качестве отправной точки свои абсолютные пространственно-временные координаты; можно сказать, что он стоит на берегу длинной реки, наблюдая за стремительно текущим временем, и если захочет, отправляется куда ему заблагорассудится, хоть вверх, хоть вниз по течению.

Альберт Эйнштейн еще немного постоял в полной тишине, потом медленно обернулся и снова взял свою старую скрипку.

Судьба [8]

Мы обнаружили астероид на расстоянии в 1 800 000 километров от Земли.

Неправильный овоид диаметром около десяти километров медленно вращался, отчего многочисленные грани его поверхности то и дело вспыхивали, как подмигивающие глаза. Наш бортовой компьютер рассчитал, что его орбита упрется в Землю через восемнадцать суток. Космической скале предстояло рухнуть около Мексиканского залива.

Наблюдательная сеть Земли должна была заметить астероид еще год назад, но в новостях о нем не сказали ни слова. Мы связались с Землей, но после ожидаемой пятисекундной задержки в наших наушниках по-прежнему было тихо. Мы попытались еще несколько раз, но так и не получили ответа. Можно было подумать, что человечество пребывает в коллективном шоке, а ведь мы обменялись парой слов с Землей всего десять минут назад. Радиомолчание поразило нас больше, чем обнаружение астероида.

Двадцать дней назад мы с Эммой взяли напрокат этот кораблик, чтобы провести медовый месяц в космическом круизе. Кораблик был старый, с традиционной двигательной установкой. В эпоху прыжковых полетов в пространстве-времени наш медлительный, как улитка, катер старого образца навевал романтичные и сентиментальные чувства. Мы обогнули по орбитам спутник Земли Спейс-Сити, затем Луну, а после этого пролетели более миллиона километров по более отдаленной части Солнечной системы. Путешествие шло гладко, идиллически, как в старой пасторальной песенке, но накануне нашего возвращения события приняли неожиданный оборот.

Астероид находился всего в пятидесяти километрах от носа нашего корабля и виднелся на темном фоне космоса отчетливо и реально, как музейный экспонат на черной шелковой подушке. Я был уверен, что это не ночной кошмар.

– Нужно что-то делать, – сказал я.

Как обычно, я призвал к действию, а Эмма тут же взялась разрабатывать детали.

– Нужно выстрелить в него двигателем и сбить с курса.

Компьютерная симуляция подтвердила, что это осуществимо, но проделать операцию следовало в течение 24 минут. А когда планетоид минует этот участок своей траектории, предпринимать что-то будет поздно.

Времени для сомнений и колебаний не осталось. Мы отошли

от астероида на безопасное расстояние в 100 километров и отдали приказ компьютеру. От хвостовой части корпуса отделился двигатель. Мы наблюдали в иллюминатор, как цилиндр извергнул голубое пламя и направился к скале. Почти сразу пламя превратилось в маленькую сияющую звездочку. Мы затаив дыхание наблюдали, как она соприкоснулась с массивным валуном, парящим в космосе. Сначала коротко вспыхнуло, а в следующий миг из астероида вырвался огромный огненный шар, который быстро расширялся, как будто внезапно вспыхнуло новое солнце, и пламя рвануло к нам. И когда казалось, что ад поглотит наш корабль, расширение замедлилось, пламя стало уменьшаться, а затем погасло. Перед нами вновь был астероид, и на его поверхности мы отчетливо видели след от взрыва двигателя – кратер диаметром не менее трех тысяч метров. Из астероида вылетали бесчисленные светящиеся точки – куски раскаленного вещества, выброшенного взрывом; один из них пронесся совсем рядом с кораблем. Компьютер определял новую траекторию астероида, и мы нервно ждали.

– Изменение траектории небесного тела осуществлено успешно. Оно не столкнется с Землей, а станет ее спутником на орбите с удалением 58 037 километров, – сообщил компьютер.

Мы с Эммой обнялись, донельзя счастливые тем, что наши действия увенчались успехом.

– Как ты думаешь, прокатчики взыщут с нас стоимость погубленного двигателя? – полушутя спросила Эмма.

– Неужели они осмелятся предъявлять претензии спасителям человечества? Кроме того, этот планетоид теперь является нашей полной собственностью. Добыча полезных ископаемых принесет нам миллиарды!

Счастливые и донельзя гордые тем, что спасли мир от гибели, мы запустили оставшийся двигатель и направились домой. По пути мы снова и снова вызывали Землю и все так же не получали ответов на наши сигналы. Естественно, мы снова встревожились и чем дальше, тем сильнее волновались, безуспешно пытаясь представить, что же там могло случиться.

Один двигатель не мог обеспечить хорошую скорость. Астероид быстро улетел от нас в сторону Земли и пропал из виду. Эмма, следившая за его движением по экрану, вдруг закричала:

– Земля! Боже мой! Посмотри на Землю!

Я посмотрел в иллюминатор, но с такого расстояния Земля представлялась лишь блестящим голубым шаром не больше бильярдного. Эмма ткнула пальцем в увеличенное изображение на экране. Я вгляделся в него и опешил: с континентами что-то было не так. Они изменились, их очертания совершенно не

походили на те, что я знал с детства.

Мы обратились за помощью к компьютеру, и тот объяснил:

– Вы видите форму и распределение континентов конца мелового периода, в частности суперконтинент Гондвану.

– Что? Меловой период? А как… сколько лет назад он был?!

– Около 65 миллионов лет назад. Но ваш вопрос поставлен некорректно. Многие признаки указывают на то, что меловой период не «был», а есть сейчас.

Компьютер не ошибся. Мы поняли, почему на Земле стоит радиомолчание – человечество еще не существует.

В современную нам эпоху люди путешествуют между звездами, поскольку овладели технологией пространственно-временных скачков. Но с каждым таким прыжком образуется «червоточина», которая затем дрейфует в околоземном пространстве. И если корабль межпланетного назначения случайно наткнется на одну из них, его может в мгновение ока забросить на десятки тысяч световых лет от дома, а может перенести далеко вперед или назад во времени. Усовершенствование межзвездных кораблей позволило уйти от части опасностей, связанных с «червоточинами», и теперь они изменяли местоположение корабля только во времени; перемещения в пространстве не переходило. Вернуться через такую «червоточину» в нужное время было значительно легче. Если случайно угодил в такую, нужно всего лишь точно проследить свой маршрут и вернуться в обратную сторону точно в то мгновение, когда тебя унесло.

Вот и мы прошли сквозь такую временную дыру, сами того не заметив.

Такое случалось не раз, и корабли, перемещенные во времени, всегда благополучно возвращались. Среди них был корабль для добычи полезных ископаемых, оказавшийся в кембрийском периоде. Его космонавты увидели светящуюся темно-красным блеском Землю, еще не имеющую океанов, зато изобилующую реками и озерами раскаленной магмы.

А корабли, прыгнувшие вперед, никогда не возвращались, что породило в обществе оптимизм по части будущего.

Правительства государств Земли уделяли очень много внимания случайным прыжкам в прошлое. Для таких случаев был разработан строгий регламент – попавшие в «червоточину» должны были немедленно вернуться. Если же вернуться не удавалось из-за дрейфа дыры – вероятность этого была очень низка, но все же существовала, – следовало отлететь подальше от Земли и самоуничтожиться, чтобы исключить изменение земной истории.

– Боже! – воскликнула Эмма. – Что мы наделали!

У меня тоже стало погано на душе. Из спасителей мы превратились даже не в преступников, а в дьяволов.

– Не волнуйся, милая, – с деланой бодростью заявил я, – не каждое мелкое вмешательство влечет за собой «эффект бабочки».

– Мелкое вмешательство? Вряд ли наш поступок можно так назвать. – Она что-то вспомнила и обратилась к компьютеру: – Это действительно меловой период?

Компьютер ответил утвердительно. Мы оба понимали, что это значит. Мы отвели от Земли тот самый астероид, который погубил динозавров.

Мы долго молчали, а потом Эмма сказала:

– Давай возвращаться.

Мы быстро развернули корабль и направились обратным курсом по прежней траектории.

– И куда мы возвращаемся? – спросил я. – Прямиком под суд?

– Это был бы идеальный вариант. Если человечество все еще существует, пусть даже вместе с судьями, то и казнь будет не так уж страшна.

Я улыбнулся и покачал головой:

– Эмма, ты напрасно так тревожишься. Сама подумай – почему люди так преуспели по сравнению с другим видами? Почему не муравьи? Или дельфины, или другие животные? У них есть общественное устройство, есть разум… но по уровню цивилизации они нам и в подметки не годятся. А ведь возможности для эволюции были справедливо и беспристрастно выданы всем видам.

– И почему же?

– Потому что человечество – это квинтэссенция всего живого, его пламенный дух. Космос выбрал нас. Посмотри, как далеко продвинулась наша цивилизация! Я уверен, что все обойдется, и у меня есть все основания для этой уверенности! Возможно, мир, в который мы вернемся, будет немного отличаться от того, который мы покинули, но человеческая цивилизация будет существовать!

Эмма тоже позволила себе слабо улыбнуться.

– Я и забыла, что ты веришь в теорию избранности человечества. – И добавила, перекрестившись: – Могу лишь надеяться на то, что ты прав.

* * *

Когда проходишь через «червоточину», кажется, будто космос исчезает и вновь появляется. Происходит это очень быстро –

пространство моргнуло, и все. Поэтому неудивительно, что мы не заметили первого прохождения. Как только мы выскочили в свое время, радиомолчание сменилось бурей электромагнитных сигналов, но первая радость почти сразу же сменилась разочарованием. Сигналы передавали только какое-то странное чириканье и уханье. Ни мы сами, ни компьютер не могли истолковать значение этих звуков. Мы буквально криком кричали, вызывая Землю, но не получали ответа. Конечно же, мы рассмотрели планету на экране, увидели привычные очертания континентов и с облегчением перевели дух. Если мы и породили «эффект бабочки», то, по крайней мере, не перемешали землю и небо.

Наш крохотный кораблик тащился на оставшемся двигателе. Когда через двое суток мы вышли на околоземную орбиту, у нас едва-едва хватало горючего для приземления. Мы плюхнулись в Тихий океан недалеко от Австралии, и корабль почти сразу же начал тонуть. Нам пришлось перебраться на спасательный плотик, и нас понесло течением. Солнце еще не взошло. Я смотрел по сторонам, и океан вроде бы был все тем же океаном, а небо – тем же небом. Казалось, что мир совершенно не изменился.

Всего через полчаса мы заметили невдалеке большое судно, зажгли сигнальный фальшфейер. Корабль изменил курс и направился к нам.

– Человечество! – взвизгнула Эмма, заливаясь слезами восторга. – Оно и вправду еще существует!

– А ведь я так и говорил, скажешь, нет? Человечество – это душа всего живого. Мы предназначены для безграничного развития цивилизации.

– Но этот мир не тот, из которого мы улетали, – снова испугалась она. – Посмотри на этот корабль. Такое впечатление, что люди еще не вступили в технологическую эпоху.

Корабль казался архаичным и совсем не походил на суда нашего, современного, мира. Но это не означало, что этот мир был технологически отсталым. Я заметил, что на корабле не было парусов, и задумался о том, какая сила могла приводить его в движение.

Судно вскоре подошло к нам и остановилось. С высокого борта опустили веревочную лестницу. Мы с Эммой забрались наверх. Команда состояла из темнокожих людей – я не понял, к какой расе они относились, – одетых в грубые зеленовато-серые одежды. Я заговорил с ними, но никто не ответил, лишь один из них жестом предложил нам следовать за ним.

По длинной, узкой, несколько раз изгибающейся лестнице мы

поднялись на вершину расположенной посреди судна башенки, откуда отлично была видна вся палуба, от носа до кормы. Там провожатый подвел нас к крепко сложенному седобородому мужчине и что-то нам сказал. Я не понял ни слова, в отличие от висевшего у меня на груди компьютера, который сообщил мне:

– Язык похож на древнюю латынь, с некоторыми отличиями. Фразу можно перевести как: «Это наш капитан».

Потом с нами заговорил уже сам капитан, а компьютер переводил.

– Что это вас на плоту в середину моря занесло? Ишь, смельчаки! Не боялись, что вас сожрут?

– Сожрут? – повторил я. Компьютер переводил то, что я говорил шепотом, и усиливал звук. – Кто?

Капитан показал на океан. Уже рассвело, и золотой солнечный свет пронизал легкую дымку тумана, висевшую над морем. Безмятежная до сей минуты вода вдруг заволновалась, и на поверхности появилось ужасающее чудовище. Потом второе, и не успел я, что называется, глазом моргнуть, как вокруг судна плескалась уже целая стая. Тут-то мы с Эммой наконец поняли, какое следствие повлек за собой опрометчивый поступок, который мы совершили 65 миллионов лет назад.

Динозавры не вымерли.

Один из них направился к судну и остановился почти вплотную. Его громадное тело возвышалось над бортом, как ужасающий горный пик, накрывая нас тенью. Я видел черные перекрещивающиеся и извивающиеся, словно виноградные лозы, кровеносные сосуды под серой, на вид нежной, как шелк, кожей, и усики-антенны, торчащие над высоко поднятой головой. Потом мощная шея динозавра склонилась вперед, огромная голова повисла над нами; с головы и шеи на палубу лилась вода. Неимоверно большие глаза пристально уставились на нас. Под этим мрачным холодным взглядом у нас кровь застыла в жилах. Эмма, дрожа всем телом, прижалась ко мне.

– Не бойтесь, – сказал капитан. – Они никого не трогают. Это же зоопарк.

И впрямь, динозавр некоторое время рассматривал нас, а потом повернулся и поплыл прочь, подняв такую волну, что судно закачалось. Мы увидели на полпути до горизонта еще одно судно, такое же как наше. К нему плыли два динозавра.

– Вы приручили динозавров? – восхитилась Эмма. – Поразительно!

Я тоже слегка обалдел:

– Мы думали, что динозавры будут представлять угрозу для эволюции человечества. А теперь видим, что благодаря им

человеческая цивилизация только укрепилась.

Эмма кивнула:

– Совершенно верно. Как рабочий скот они, конечно, намного сильнее, чем быки или лошади. Думаю, они без особых усилий могут передвинуть даже не слишком большую гору! Дорогой, ты был прав! Человечество – это душа всего живого. И с сегодняшнего утра я тоже верная последовательница теории избранности человечества!

Компьютер переводил наши слова, а капитан смотрел на нас с явно озадаченным видом.

– Это зоопарк, – сказал он. – Здесь они не делают людям ничего плохого.

В этот момент я сделал еще одно удивительное открытие: разглядел на горизонте ряд каких-то колонн, даже с такого расстояния поражающих своими размерами. Примерно посередине высоты этих сооружений проплывала облачная гряда, а вершины торчали высоко над ней. Я подумал, что примерно так же должны муравьи взирать на сосновый бор, и спросил капитана, что это такое.

– Здания, – неопределенно ответил капитан. – Прибрежный квартал небоскребов.

– Боже! – воскликнула Эмма. – И какой же они высоты?

– Примерно в десять тысяч раз выше вашего роста.

– Дома под двадцать тысяч метров высотой! – поразился я. – Там должно быть несколько тысяч этажей.

– Несколько сотен, – поправил меня капитан, покачав головой.

– Этажи по сотне метров! – воскликнула Эмма. – Грандиозные дворцы!

– Грандиозная цивилизация, – сказал я. – Грандиозная человеческая цивилизация!

– Эти здания построены для туристов, – сказал капитан.

– Туристов? – повторил я. – Ах да, вы уже сказали, что это зоопарк, но… туристы? Вы все определенно не туристы.

– Еще рано, – сказала Эмма. – Может быть, зоопарк еще закрыт?

Капитан опять изумленно уставился на нас, а потом повернулся к плавающим поодаль динозаврам. Это сбило нас с толку и заставило вновь вернуться к тем подспудным сомнениям, на которые уже навело на нас неторопливое, словно заторможенное, и бесхитростное поведение людей, с которыми мы только что встретились.

Тут со стороны плотной группы динозавров донеслись хоровые завывания. Эти звуки были нам знакомы: мы слышали их

по радио, когда возвращались из космоса на Землю. Я задержал взгляд на двадцатикилометровых зданиях, торчавших на горизонте, и откровение поразило мой разум, как удар грома. Стоявшая рядом со мною Эмма испуганно вскрикнула и упала на палубу как подкошенная.

Несомненно, она подумала о том же, о чем и я.

Мироздание вовсе не отдает предпочтение людскому роду. В прежней временной линии люди создали на Земле великолепную цивилизацию, но это было разовым и случайным явлением. Мы же, люди, в своем высокомерии приняли случайность за необходимость. Ну а природа вновь подбросила монетку, и эволюции выпал другой путь, на котором последние стали первыми.

Мы действительно находились в зоопарке, но туристами здесь были не люди, а динозавры.

У меня подогнулись ноги, и я сел на палубу рядом с Эммой. Мир потемнел, перед глазами легла непроглядная бездна. Мы услышали, как компьютер переводит слова капитана:

– У вас обоих вид такой… экзотичный, что ли. Я думаю, вам стоит остаться с нами. Вас утвердят декоративными людьми.

– Декоративными людьми?.. – тупо повторил я. В поле моего зрения вновь сфокусировался мир с его предметами и колоссальным городом на горизонте.

– Нет, – пробормотала Эмма, – я хочу на берег…

– С ума сошла? – осведомился капитан. – На берегу живут только пищевые люди.

– Пи… пищевые люди?..

– Пища для них. В этот город ежедневно доставляют несколько тысяч пищевых людей! Декоративные люди, которых не едят, содержатся только в зоопарке. Все только и мечтают о таком счастье.

Мир внезапно превратился в зловещий мрачный мясной склад. Мы пребывали в полном отчаянии, нами овладела безысходность. Я был готов отказаться от надежды на выживание, уже начал прикидывать, как покончить с жизнью, но тут Эмма указала на небо и закричала:

– Смотри!

Нам предстало сияющее небесное тело. Еще мгновение назад оно пряталось в сиянии утреннего солнца, но теперь мы отчетливо видели его. Оно мчалось по орбите так быстро, что его движение было хорошо заметно даже без ориентиров. Присмотревшись получше, я увидел, что это не просто светящаяся точка света, а массивный предмет.

– Звезда-Демон, – пояснил капитан. – Туристы говорят, что их

ученые изучают ее. Якобы она когда-то должна была удариться в Землю, но их Спаситель страшным взрывом оттолкнул ее с курса. Туристы считают, что, попади она в землю, все бы вымерли. И от этого спасительного взрыва на поверхности Звезды-Демона будто бы остался кратер. Вон, посмотрите… – Капитан ткнул рукой в сторону далекого города. – Самая высокая башня – это собор. Там туристы поклоняются Спасителю.

– Вы знаете, откуда мы? – спросил я, не удержавшись.

Капитан покачал головой. Это было ему не интересно. Похоже, любопытство присуще только высшим видам. А эти люди, видимо, были лишены его, наподобие муравьев или, скажем, пчел.

– Эволюцией управляет бессердечный рок, – сказал я Эмме, самому себе и, может быть, даже остальным находящимся здесь людям, которые просто не в состоянии были меня понять. – Черствый и бесчувственный. Безразличный. Человечеству когда-то довелось полной мерой зачерпнуть удачи. Нам повезло, но мы даже не подозревали об этом. А теперь… что ж, мы пока не муравьи и не пчелы. У нас остаются возможности, и мы должны воспользоваться ими, а не безропотно покоряться судьбе.

– Ты прав, – поддержала меня Эмма. – Однажды мы, пусть даже не желая того, уже изменили историю. Почему бы не изменить ее еще раз?

Я посмотрел на упирающийся в небо собор, потом на группу плещущихся в воде динозавров и спросил капитана:

– Эти… туристы… Они действительно поклоняются своему Спасителю, да?

Капитан кивнул:

– Они совершенно точно считают Спасителя высшим существом.

Мы с Эммой были подключены к компьютеру через модули, имплантированные в сетчатку, и сейчас запросили состояние файлов полета корабля со всеми деталями изменения курса полета, состоявшегося 65 миллионов лет назад, числовыми параметрами и изображениями. Все было записано.

– Вы можете разговаривать на их языке? – обратилась Эмма к капитану. Тот кивнул.

– Отлично, – сказал я. – В таком случае скажите им, что мы и есть те самые Спасители, которые спасли Землю от Звезды-Демона. И скажите, что у нас имеются неопровержимые доказательства.

Капитан и его матросы воззрились на нас совершенно ошалелыми глазами.

– Побыстрее, если вас не затруднит! Когда-нибудь я расскажу

вам другую историю человечества, но сейчас передайте, пожалуйста, туристам наше сообщение. Не откладывайте!

Капитан сложил ладони рупором, повернулся в сторону динозавров и взвыл. По сравнению с их ревом его голос звучал слабо и тонко. Даже в голове не укладывалось, что он говорил на том же языке, что и гиганты.

Но толпа динозавров тут же прекратила игры. Сначала они разом повернули головы в нашу сторону, а потом все, как один, поплыли к судну.

Бабочка [9]

Изучать хаос начали в 1960-х годах, когда ученые осознали, что довольно простые математические уравнения позволяют моделировать системы, столь же неупорядоченные, как бурный водопад. Незаметные различия в исходных данных способны обернуться огромными расхождениями в результатах – подобный феномен называют «сильной зависимостью от начальных условий». Применительно к погоде это выливается в «эффект бабочки»: сегодняшнее трепетание крыльев мотылька в Пекине через месяц может вызвать ураган в Нью-Йорке. …Сильную зависимость от начальных условий нельзя назвать абсолютно новым понятием. Она давно отражена в фольклоре:

Не было гвоздя – подкова пропала,
Не было подковы – лошадь захромала,
Лошадь захромала – командир убит,
Конница разбита, армия бежит,
Враг вступает в город, пленных не щадя,
Оттого что в кузнице не было гвоздя[10].

Джеймс Глик. Хаос: Создание новой науки[11]

23 марта, Белград

Четырехлетнюю Катю, спавшую в палате на пятом этаже детской больницы, разбудил грохот бомбежки. Она выглянула в окно, но в темноте ничего не было видно. Куда громче и страшнее, чем глухие взрывы, звучали торопливые шаги в коридоре, которые, как ей показалось, сотрясали все здание.

Елена, мать Кати, подхватила дочку на руки и выбежала из палаты. Они влились в толпу, спешившую к лестнице в подвал. Александр, отец Кати, и его русский друг, которого все называли по фамилии – Резник, вышли из соседней двери, но поспешно направились вверх по лестнице, навстречу потоку пациентов и медиков. Елена не заметила их. Весь последний год она была занята исключительно заботами о Кате. Девочка тяжело страдала от уремии, и Елена отдала ей почку для пересадки. Сегодня Катю должны были выписать из больницы, и радость за дочку отодвинула у матери на второй план даже страх от начала войны.

У Александра мысли были обращены в совсем другую

сторону. С этой минуты ему предстояло посвятить всего себя войне. Он стоял рядом с Резником на крыше больницы и рассматривал разгоравшиеся тут и там пожары. Небо над их головами было усеяно бриллиантовыми трассами зенитных снарядов.

– Вспомнил анекдот, – сказал Александр. – В одной семье была красивая, но очень упрямая дочь. Вдруг рядом с их домом построили военные казармы. Солдаты, они и есть солдаты, что с них взять, и они постоянно заигрывали с девушкой, а отец, естественно, с ума сходил от беспокойства. Вдруг кто-то сказал ему, что его дочь беременна! Услышав новость, он с облегчением вздохнул и сказал: «Слава богу, наконец-то случилось».

– Анекдот совсем не в русском духе, – сказал Резник.

– Я долго его не понимал, но теперь до меня дошло. Когда что-то, чего давно боишься, случается, то и впрямь испытываешь нечто вроде облегчения.

– Александр, ты не Бог.

– Ну, об этом мне напомнили и паразиты из Министерства обороны, – сухо ответил тот.

– То есть ты все-таки ходил в правительство? И там не поверили, что ты можешь находить атмосферные метеочувствительные точки?

– А ты сам поверил?

– Сначала нет, но как только понял, как работает твоя математическая модель, поверил.

– Там никто не стал проверять модель. Они просто не поверили мне.

– Но ты же не выступаешь против партии.

– Я вообще не выступаю! И не касаюсь политики. Возможно, дело в том, что я говорил во время гражданской войны.

Пока они разговаривали, взрывы прекратились, зато разгорелись отдаленные пожары, их тускло-красные отблески подсвечивали два самых высоких здания города, возвышавшиеся на противоположных берегах Савы. Башня Ушче в Новом Белграде, где располагалась штаб-квартира Социалистической партии Сербии, отчетливо выделялась на фоне пламени, а напротив, через реку, чернела громада отеля «Палас», контуры которой трудно было разглядеть в темноте, и поэтому она казалась странным отражением первого здания.

– Рассуждая теоретически, твоя модель может работать, но ты, возможно, упустил из виду одну немаловажную деталь, – задумчиво произнес Резник. – Чтобы рассчитать одну метеочувствительную точку и механизм ее активации, даже самым мощным компьютерам Югославии потребуется самое

меньшее месяц.

– Я учел. И именно поэтому обратился к тебе. Я хотел бы воспользоваться твоим компьютером в Дубне.

– А почему ты решил, что я пойду тебе навстречу?

– Я лишь надеюсь на это. Но ведь твой дед был военным советником у Тито и получил ранение в битве на Сутьеске…

– Весомый аргумент. Ну а где я возьму исходные данные о состоянии атмосферы по всему шарику?

– Они имеются в открытом доступе. Хотя бы из сети Всемирной метеорологической организации. Они получают данные в режиме реального времени со всех спутников, а также чуть ли не со всех действующих метеопунктов на суше и на море. Однако это огромный объем данных, и по телефонной линии он не пройдет. Понадобится выделенный кабель со скоростью передачи не менее миллиона бит в секунду.

– Такой у меня есть.

Александр вручил Резнику небольшой портфель с номерным замком.

– Тут все, что может понадобиться, но самое важное – компакт-диск. Я записал там все программы для моделирования атмосферы, около шестисот мегабайт – почти весь объем диска. Это некомпилированный исходный код на языке Си, так что твоя машина-монстр должна без осложнений его прочесть и запустить, – объяснил он. – Там также лежит спутниковый телефон, подключенный к модифицированному GPS-приемнику. С их помощью можно увидеть мое точное местоположение в любом уголке Земли.

Резник взял портфель.

– Прямо сейчас я уеду в Румынию, а оттуда прямиком в Москву на самолете. Если не случится каких-нибудь непредвиденных задержек, то завтра же я позвоню тебе по твоему спутниковому телефону, и обсудим подробности работы с твоей мифической метеочувствительной точкой. Но сомневаюсь, что эффект удастся усилить, как ты предполагаешь. Управление стихиями лучше оставить Богу.

* * *

Резник ушел. Александр забрал жену и дочь, и они поехали домой. У впадения Савы в Дунай он остановил машину, все трое вышли и долго молча смотрели на черную гладкую воду. Затянувшееся молчание прервал Александр:

– Я когда-то предупреждал, что, если начнется война, мне

придется уйти из дома.

– Папа, ты боишься бомб? – спросила Катя. – Возьми меня с собой. Я их тоже боюсь. Они такие шумные!

– Нет, милая, я буду искать способ сделать так, чтобы бомбы вовсе не падали на нашу землю. Папе придется поехать очень далеко, в такие места, куда нельзя взять Катю. Честно говоря, папа и сам не знает, куда поедет.

– А как ты помешаешь бомбам падать? Найдешь сильную армию, чтобы она нас защищала?

– Армия не понадобится, Катюша. Папе нужно всего лишь в нужное время попасть в нужное место, которое находится где-то на Земле, и сделать там простое дело, например вылить ведро горячей воды или закурить сигару. Всю Югославию накроет тучами и туманом, и люди, которые бросают бомбы, не смогут найти цель!

– Зачем ты рассказываешь ей это? – вмешалась Елена.

– Почему бы и нет? Все равно в это никто не верит, в том числе и ты.

– В прошлом году ты отправился в Австралию и включил на берегу промышленный вентилятор, уверяя, что таким образом вызовешь дождь в засушливой Эфиопии…

– Причиной неудачи стали не ошибки в моей теории или математической модели. У меня, к сожалению, не было достаточно быстрого компьютера, поэтому, пока я рассчитывал место нужной точки, она уже сместилась под влиянием атмосферных флуктуаций!

– Александр, ты живешь в мире грез! Но я не собираюсь изгонять тебя оттуда. Я ведь вышла за тебя прежде всего потому, что ты увлек меня этими самыми мечтами… – В ее голосе прозвучала затаенная грусть. Она родилась и выросла в боснийской мусульманской семье. Когда она пять лет назад бежала из осажденного Сараева и вышла замуж за своего однокурсника по институту, серба, отец и брат, фанатичные националисты, готовы были расстрелять ее из автоматов.

Александр отвез жену с дочерью домой и, не задерживаясь, отправился на машине к румынской границе. Поездка выдалась нелегкой. На шоссе оказалось множество заграждений с блокпостами, движение то и дело прерывалось военными колоннами и одиночными грузовиками, так что границу он пересек только на следующий день около полудня. Зато дальше его ничего не задерживало, и уже к закату он прибыл в бухарестский международный аэропорт Отопень.

25 марта, Дубна

В ста тридцати километрах к северу от Москвы, среди лугов, находится небольшой, густо засаженный соснами городок, который, как ни странно, не затронул упадок столицы. Течение времени здесь остановилось, о чем свидетельствуют часто попадающиеся бюсты Ленина. Шоссе, ведущее в город, проходит через туннель под каналом Москва—Волга, въезд в который все еще украшен лозунгом советских времен «Слава труду!», написанным огромными буквами. Здесь живет шестьдесят тысяч человек, и почти все они ученые. Город называется Дубна и является исследовательским центром по атомным технологиям и ядерному оружию еще со времен Советского Союза.

В центре города стоит недавно построенное здание, разительно контрастирующее своим элегантным, даже авангардным внешним видом с окружающей архитектурой в советском стиле. На втором этаже здания расположен изолированный компьютерный зал, оснащенный, как ни странно, суперкомпьютером «Крей» американского производства. Машина не самой новой модели, но не так давно она входила в список оборудования, строго запрещенного к экспорту в Восточный блок стран не существующего ныне СЭВа. Четыре года назад Россия, Соединенные Штаты, Великобритания, Германия и Франция совместно создали исследовательский центр высоких технологий. Западные страны надеялись, что щедрое финансирование и хорошие условия для исследований помогут отвлечь российских ученых от работы в странах, не одобряемых Западом. В первую очередь это касалось физиков-ядерщиков, которые в нынешних условиях вряд ли могли где-то еще рассчитывать на заработок больше жалкой сотни долларов США в месяц. Ну а Россия делилась бы с Западом плодами от проводимых здесь работ. В Дубне находился филиал более крупного центра, но Россия не имела своих суперкомпьютеров, что сильно затрудняло исследования. Чтобы исправить положение, американцы доставили туда «Крей». За работой огромного компьютера следили американские инженеры; они же должны были контролировать любое программное обеспечение, которое туда запускали.

Если бы компьютер мог чувствовать, он, несомненно, томился бы от скуки. Поселившись здесь три года назад, он по большей части простаивал, лишь периодически устраивая самодиагностику. Горстка аспирантов с нескольких кафедр электроники Московского государственного университета время от времени вводила через терминал этажом ниже вычислительные программы, но эти программы он мог бы легко обрабатывать во сне – если бы когда-нибудь спал.

Поздно вечером 25 марта суперкомпьютер «Крей» получил с сетевого терминала программу, написанную на языке Си, а потом команду провести компиляцию. Программа оказалась огромной, самой большой из всех, с которыми компьютеру случалось работать за последние годы, но размер не произвел на него впечатления. Раньше он видел программы, содержащие более десяти миллионов строк кода, правда, во время выполнения обнаруживалось, что большая часть кода представляет собой механизированные циклы и преобразования пикселей, предназначенные для создания маловразумительных моделей трехмерной анимации. Компьютер запустил компилятор и рассеянно начал переводить код Си, строку за строкой, в единицы и нули своего родного языка, отправляя невообразимо длинную строку чисел во внешнее хранилище. Закончив компиляцию, он сразу же получил команду на выполнение. Компьютер немедленно засосал массу единиц и нулей, которые выплюнул всего несколько мгновений назад, обратно в оперативную память и, ухватив тонкую нить из запутанного клубка кода, начал выполнять программу.

И тут суперкомпьютер «Крей» непроизвольно резко вздохнул и содрогнулся. В одно мгновение программа породила более миллиона матриц высокого порядка, три миллиона обыкновенных дифференциальных уравнений и восемь миллионов уравнений в частных производных. Маленькие математические монстры широко разинули свои жадные пасти и ждали исходных данных. Вскоре по отдельному каналу со скоростью 10 Мбит/с потекли данные. Компьютер с трудом различал элементы этого потока – группа за группой параметров давления, температуры и влажности. Исходные данные, подобно раскаленной лаве, хлынули в море матриц и уравнений, чтобы довести все до кипения. Каждый из тысячи с лишним процессоров суперкомпьютера вышел на максимальную производительность. Вздымая чудовищные мутные волны данных, по огромному электронному миру его памяти пронесся тайфун логических операций.

Шторм продолжался сорок минут, которые компьютеру показались столетиями. Наконец, доведя свою мощь до предела, он все же обуздал бушующий в нем мир. Тайфун слабел, волны постепенно уменьшались, а потом буря полностью прекратилась, и необъятное море начало кристаллизоваться и съеживаться. В конце концов оно сконденсировалось в крошечное ядро данных, которое непрерывно мерцало в безграничной пустоте оперативной памяти компьютера. Затем семечко лопнуло, отослав несколько строк данных на экран терминала,

находившегося на первом этаже.

Резник, сидевший перед экраном, взял спутниковый телефон:

– Первая чувствительная точка обнаружена. Она дрейфует в области с координатами от двадцати двух до двадцати пяти градусов северной широты и от тринадцати до пятнадцати градусов западной долготы. Активирующее воздействие: резко охладить чувствительную точку. Где это? Минуточку… О! Александр, тебе нужно мчаться в Африку!

27 марта, Мавритания

Пока вертолет низко летел над выжженной солнцем пустыней, Александру казалось, что он вот-вот задохнется в этой изнуряющей жаре. Чернокожий пилот, однако, ее как будто не замечал и непринужденно болтал всю дорогу. Необычный белый пассажир сразу возбудил в нем любопытство. Сойдя с авиалайнера в международном аэропорту Нуакшота, тот прежде всего нанял легкий вертолет. Затем купил в ресторане рядом с терминалом переносную холодильную камеру и положил туда большой кусок льда. Вместе с камерой он загрузил в вертолет еще и тяжелую кувалду. Точно указать пункт назначения пассажир не смог и просто велел вести вертолет в пустыню по тому направлению, которое указывал. Во время полета он все время прижимал к уху большой телефон странного вида, подключенный к чему-то вроде игровой приставки. Пилот видел подобное устройство, когда работал с геологами, занимавшимися поиском меди, и знал, что это GPS-приемник.

– Скажите, друг, вы приехали из Каира? – спросил пилот на чересчур правильном, будто из учебника, французском языке. Ему приходилось все время кричать, чтобы его было слышно сквозь грохот мотора.

– Я прилетел в Каир с Балкан и там пересел на другой самолет, – ответил Александр, не слушая толком, что ему говорят.

– Прошу прощения! С Балкан? Там сейчас идет война, не так ли?

– Можно сказать и так.

Резник, голос которого доносился по телефону с расстояния в шесть тысяч километров, сказал, что нужная точка четко видна. До нее пять километров, положение стабилизировалось, и она медленно дрейфует.

– Американцы бросают туда много бомб и даже «Томагавки», не так ли? – Пилот издал звук, довольно похожий на вой

пролетающей над головой ракеты и воскликнул: «Ба-бах!». – Скажите, друг, вам известно, сколько стоит «Томагавк»?

– Думаю, что около полумиллиона долларов США.

«Александр, внимание! Осталось всего три тысячи пятьсот метров».

– Ого! Белые люди очень экстравагантно себя ведут. На эти деньги можно было бы распахать плантацию или устроить водохранилище. Можно было бы накормить много людей, не так ли?

«Александр, три тысячи метров!»

– Зачем Америка воюет? – продолжал пилот. – Вы не знаете? Я слышал, что Милошевич убил четыре тысячи человек в каком-то месте под названием Косово…

«Александр, две тысячи метров. Опять переместилась налево!»

– Возьмите левее! – рявкнул Александр.

– Что? Левее? Ладно. Так?

Александр повторил вопрос по телефону.

«Слишком сильно влево».

– Слишком сильно влево.

– Сказали бы точно, куда нужно, – проворчал пилот. – Так нормально?

– Резник, так нормально? – негромко спросил Александр в трубку.

«Прямо, не отклоняясь. Полтора километра».

– Отлично, так и держите. Спасибо, дружище.

– Да не за что. Вы хорошо платите. Итак, я говорил о том, что он убил четыре тысячи человек. Но если помните, два года назад в Африке тоже убивали людей…

«Тысяча метров».

– …в Руанде.

«Пятьсот метров!»

– …убили пятьсот тысяч человек…

«Сто метров!»

– …и никому дела не было…

«Александр, ты точно над метеочувствительной точкой!»

– Садимся здесь! – перебил пилота Александр.

– …вы, думаю, уже забыли об этом… что? Садимся? Здесь? Понял. Надеюсь, посадочные лыжи не увязнут в песке… Ладно, прибыли. Подождите немного, не выходите сразу, чтобы глаза песком не засыпало.

С помощью пилота Александр вынул из кабины холодильную камеру, вытряхнул оттуда куб льда, который уже начал подтаивать, и бросил его на песок. Вокруг, над пустыней, стояло

переливающееся знойное марево.

– Постарайтесь не обжечься, – усмехнулся пилот, когда Александр воздел кувалду над куском льда.

«Взмахну крылышком бабочки ради моей исстрадавшейся страны», – беззвучно прошептал он, застыв на мгновение с полузакрытыми глазами, и обрушил тяжелый молот на лед. Кусок разлетелся на сверкающие осколки, которые, едва соприкоснувшись с раскаленным песком, таяли, как невесомые грезы. Прохладный бодрящий ветерок чуть повеял и рассеялся в знойном воздухе.

– Помилуйте, друг мой, что вы делаете? – спросил пилот, ошалело наблюдавший за его действиями.

– Можно сказать, ритуал. Тотемический обряд, вроде ваших танцев с огнем, – сказал Александр и со смехом отер пот со лба.

– Ритуал и какое-то тайное заклинание – вы о чем-то молили своего бога?

– О дожде и тумане, дожде и тумане, которые прикрыли бы мою далекую родину.

29 марта, Белград

В эту ночь Кате спалось лучше, чем когда-либо за последние недели, несмотря даже на то, что накануне новая почка начала отторгаться и поднялась температура. Мать попросила соседку, работавшую медсестрой, сделать инъекцию иммунодепрессанта, привезенного из больницы, и Кате стало немного лучше. Но, что гораздо важнее, в ту ночь почти не было бомбежки, лишь несколько отдельных взрывов где-то вдалеке, так что жильцам их многоквартирного дома не пришлось в полночь бежать в подвал и дожидаться там рассвета. На следующий день Катя узнала, почему так получилось.

Утром Катя проснулась поздно, уже в девятом часу, но на улице все еще было темно. Выйдя на балкон, она увидела, что все небо затянуто тяжелыми темными тучами. А внизу между деревьями разливался туман.

– Боже мой! – вырвалось у Елены, когда она тоже увидела это зрелище.

– Мама, это папа сделал?

– Наверно, нет. Но если тучи продержатся еще несколько недель… то, возможно, окажется, что это и впрямь его работа.

– А где папа сейчас?

– Не знаю. Он у нас бабочка – порхает по миру то туда, то сюда.

– Таких некрасивых бабочек не бывает! – заявила Катя. – И вообще, я не люблю, когда тучи.

29 марта, директива по объединенным военно-воздушным силам № 1362

Отправлено из: Оперативный штаб ЭЙРКОМ[12]

Полный текст разослан: АФСАУТ, СЕТАФ[13] и главнокомандующему 6-м флотом США.

Разведывательное донесение M441 из источников EAM и NM[14] оказалось ошибочным (см. Базу данных полевых условий «ASD119», метеорологический раздел) и было исправлено в разведывательном донесении M483.

Боевые директивы № 1351, 1353 и 1357 настоящим изменяются следующим образом.

Следующий раздел доведен до всех передовых операционных баз в Италии (Комизо, Авиано, Казерма-Эдерле, Ла-Маддалена, Сигонелла, Бриндизи) и Греции (Суда-Бей, Ираклион, Афины, Неа-Макри).

Также передан: Средиземноморская авианосная ударная группа.

Отменить все удары B-3[15], назначенные боевыми директивами № 1351 и № 1357 по группам целей GH56, IIT773, NT4412, BBH091145, LO88, 1123RRT и 691HJ (перечислены под ‘TAG471’ в базе данных целей).

Продолжать удары B-3, назначенные боевой директивой № 1353 по группам целей PA851 и SSF67 (см. упомянутый список).

Удары A-2[16], назначенные боевыми директивами № 1351, 1353 и 1357, остаются в силе.

Следующий раздел доведен: База ВВС Авиано.

Увеличить количество наблюдательных полетов на малой высоте для оценки AF 3 последствий продолжающихся ударов B-3.

СТРОГО СЕКРЕТНО

Количество копий: 0

29 марта, Дубна

– Александр, Александр! Слушай, сформировалась вторая метеочувствительная точка между двадцатью девятью градусами и тридцатью градусами северной широты и ста тридцати тремя и ста тридцати четырьмя градусами западной долготы. Движется

быстро, но стабилизируется. Механизм активации: сильно взболтать воду. Да, знаешь, это в открытом море.

31 марта, неподалеку от западного берега острова Рюкю

Сколько хватало глаз, поверхность Восточно-Китайского моря была гладкой, как голубой шелк. Лишь мчавшееся полным ходом маленькое рыбацкое суденышко оставляло на ней длинную пенящуюся борозду.

На кормовой палубе рыбак-окинавец, с выдубленной почти дочерна от постоянного пребывания на солнце кожей деловито заворачивал пачки тротила в водонепроницаемую бумагу. Его столь же просоленный напарник как раз начал присоединять электрический капсюль-детонатор, вложенный в связку взрывчатки, к длинному проводу, подключенному к детонатору. Александр стоял в стороне и наблюдал за происходящим. Рыбаки болтали во время работы. Из уважения к Александру они говорили по-английски, хоть с сильным акцентом, но свободно. Как и во всем остальном мире, темой их дискуссии были войны.

– Я думаю, для нас это хорошая новость, – сказал один из японцев. – Прецедент. Если в будущем возникнет проблема с Северной Кореей или Тайванем, наши «Сейберхоки» и американский авианосец как подойдут и как зададут им. Красота!

– Сраные американкашки, терпеть их не могу! Как бы мне хотелось выкинуть их всех с Окинавы вместе с их воющими самолетами!

– Головой бы подумал, дурак! Если тут не будет военной базы, кто будет покупать нашу рыбу? И самое главное, ты же японец! Должен понимать, что лучше для Японии.

– Ну, как бы это проще объяснить… Ивата-кун, мы с тобой разные. Ты с семьей приехал сюда десять лет назад, а мой род живет на Окинаве уже невесть сколько поколений. Когда-то здесь было независимое царство, так что и ты, и американцы здесь чужие.

– Хироси-кун, ты бы сам себя послушал. Губернатор Ота – поганая сволочь, и ты не первый человек, которому он вдувает в уши всякие гадости… О, мистер, готово.

Александр взял плотно упакованную взрывчатку, прошел на самую корму, приложил спутниковый телефон к уху и ждал.

– Мистер, если вы хотите добыть рыбу этой штукой, то лучше бы нам перейти в другое место!

– Я не хочу добывать рыбу, мне нужно только взволновать

воду, – ответил Александр.

– Деньги ваши, так что делайте как хотите, конечно. Последнее время на Окинаву приезжает все больше и больше чудаков вроде вас.

«Александр, Александр! Ты на метеочувствительной точке! Создавай возмущение!»

Александр опустил сверток в море.

– Осторожнее! Смотрите, чтобы провод не намотался на винт! – крикнул один из рыбаков, глядя на провод, который быстро разматывался и уходил через транец. Александр положил палец на кнопку детонатора.

«Взмахну крылышком бабочки ради моей исстрадавшейся страны…»

Из-под поверхности донесся глухой прерывистый рев, и в тридцати метрах от кормы поднялся, сверкая на солнце белыми брызгами, огромный столб воды. Он тут же рухнул обратно в море, поверхность некоторое время кипела и пенилась, но вскоре все успокоилось.

– Я же говорил, что вы тут ничего не поймаете, – пробормотал один из рыбаков, окинув привычным взором безмятежную гладь.

1 апреля, Белград

– Мама, тучи не уходят уже три дня! Их, конечно, папа сделал! – воскликнула Катя, глядя в окно.

Двое предыдущих суток небо было затянуто плотной, но светлой облачностью, а сегодня тучи потемнели, обрели стальной цвет и низко нависли над городом. Из них падал моросящий дождь, непрерывно поливавший стоявшие на страже над Савой белую башню и черный дворец.

Елена покачала головой:

– Я думаю, это Бог о нас заботится.

1 апреля, воздушное пространство над Югославией. Эскадрилья «F-117»

ПЕРЕДОВОЙ ПУНКТ БОЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ: «Черный красавчик», «Черный красавчик», вы летите над целью.

«F-117»: «Циклоп», «Циклоп», видимость цели нулевая. Я над облаками, высота четыре тысячи пятьсот.

ППБУ: Я лечу под облаками, высота тысяча восемьсот. Только

что опробовал лазерный целеуказатель. Точно зафиксировать цель для атаки не удается. Слишком густой туман.

«F-117»: «Циклоп», попробуйте телевизионное наведение.

ППБУ: Пробую телевизионное наведение… «Черный красавчик», точно зафиксировать цель для атаки не удается. Чтобы атаковать, вам придется выйти ниже облачного слоя. Облака начинаются в двух тысячах метров над целью.

«F-117»: Готов приступить к атаке. «Циклоп», фиксируйте результат удара.

ППБУ: «Черный красавчик», снижение запрещаю! Под облаками активно работает зенитная артиллерия, наблюдаю излучение радара «Тамара»[17] с земли!

«F-117»: «Циклоп», я снижаюсь. Мы не можем снова вернуться ни с чем!

ППБУ: «Черный красавчик», приказываю набрать высоту! Забыли Боевой устав? Майор Грант, вы хотите под трибунал?

* * *

Грант снова взял штурвал на себя и отклонил вправо. Угловатое тело «F-117» начало лениво приподнимать нос, а потом вошло в крутой восходящий вираж и, пронизывая толщу облаков, устремилось в сторону Италии. Грант пробурчал себе под нос, взглянув на панель управления крылатыми ракетами Мк.12 с лазерным наведением:

«Черт возьми, получается, что я зря подписал своим именем эти милые бомбочки, перед тем как вылететь из Италии…»

1 апреля, директива по Объединенным военно-воздушным силам № 1694

Отправлено из: Оперативный штаб ЭЙРКОМ.

Полный текст разослан: АФСАУТ, СЕТАФ и главнокомандующему 6-м флотом США.

Разведывательные донесения M769 и M770 из источников EAM и NM снова оказалось ошибочным (см. Базу данных полевых условий «ASD119», метеорологический раздел). Рейтинг надежности разведданных вышеупомянутых источников был снижен с T1 до T3.

В боевые директивы от № 1691 до № 1690 настоящим вносятся поправки в соответствии с оценкой воздушного ущерба после удара ND224 и данными наземной разведки от S24.

Следующий раздел доведен до всех передовых операционных баз в Италии (Комизо, Авиано, Казерма-Эдерле, Ла-Маддалена, Сигонелла, Бриндизи) и Греции (Суда-Бей, Ираклион, Афины, Неа-Макри).

Также передан: Средиземноморская авианосная ударная группа.

Отменить все удары B-3, назначенные боевой директивой № 1681 и всеми последующими директивами по группам целей TA67 – TA71, 110LK, TU81, GH1632, SPT4418, MH703 и BR45 – BR67 (перечислены под 'TAG471' в базе данных целей).

СТРОГО СЕКРЕТНО

Количество копий: 0

2 апреля, Дубна

– Александр, третья метеочувствительная точка. Регион в пределах координат семьдесят шесть – семьдесят семь градусов южной широты и девяносто два – девяносто три градуса восточной долготы. Механизм активации – резкое повышение температуры в чувствительной точке.

Тебе, дружище, придется отправиться в Антарктиду. Сначала в чилийский городок Пуэрто-Наталес. Не пытайся нанять там судно, все равно не успеешь. Там живет один мой друг, аргентинец, участвовавший в последнем исследовании озонового слоя Антарктики, человек очень ловкий. У него есть собственный самолет, и он сможет доставить тебя прямо на Землю Мэри Бэрд, к метеочувствительной точке. Может быть, у него там даже есть что-то вроде базы. Возможно, добраться до точки тебе удастся не сразу, и за это время эффект от предыдущего воздействия может угаснуть. Тогда небо над страной расчистится на два-три дня. Но не переживай – антарктическая точка очень стабильная. Она дрейфует в небольших пределах и благодаря морозу может существовать очень долго. А что самое главное, ее можно использовать неоднократно! Так что ты можешь остаться там – условия, естественно, будут далеки от курортных – и обеспечить полмесяца туч и тумана на Балканах!

4 апреля, Белград

– Мама, солнышко! – взвизгнула Катя, глядя с балкона в голубое небо.

Елена не смогла сдержать вздох.

– Александр, ты все-таки не настоящий мессия.

И тут же раскатисто загремело, где-то неподалеку посыпалось битое стекло. И снова грохот, и с потолка полетела побелка.

– Катюша, надо быстрее идти в подвал!

– Нет! – заплакала девочка. – Я люблю солнышко!

6 апреля, Антарктида, Земля Мэри Бэрд

– До чего же чистый и тихий мир! Я остался бы здесь навсегда! – воскликнул Александр.

Они летели на высоте двух тысяч метров; подернутое дымкой солнце, стоявшее низко над горизонтом, окрашивало бескрайнюю ледяную равнину под ними в чарующе нежный, голубоватый цвет.

Пилот, подтянутый крепкий аргентинец по имени Альфонсо, скосил на него взгляд и сказал:

– Скоро этой чистоте придет конец. Туризм в Антарктике стремительно развивается. На первых порах он ограничивался Южными Шетландскими островами, но теперь двинулся на материк. Морские круизы и обзорные полеты стали уже массовым явлением. Моя туристическая компания процветает, и мне никогда не придется разводить скот или ловить рыбу, как это делали наши родители.

– Но ведь туризмом дело не ограничивается – разве ваше правительство не объявило, что собирается разрешить иммиграцию на антарктический материк?

– А почему бы и нет? В конце концов, Аргентина намного ближе к Антарктиде, чем любая другая страна! Рано или поздно мир пустит кровь этой земле и изувечит ее так же, как и Балканы.

В следующее мгновение в трубке спутникового телефона прозвучал голос Резника:

«Александр, у нас небольшая проблема. Американцы закрыли доступ в компьютерный зал «Крея».

– Думаешь, они обнаружили нашу работу?

«Нет, до этого не дошло. Я сказал им, что мы заняты моделированием атмосферных процессов, что, в общем-то, чистая правда. Сам понимаешь, отношения с Западом у нас нынче натянутые, и это не могло не сказаться на вычислительном центре. Но ты будь наготове – я скоро все улажу».

Самолет пробежал по снежному полю и остановился неподалеку от небольшого домика, сложенного из теплоизоляционных плит и стоящего на четырех высоких столбах, чтобы постройку не заметало снегом.

– Это построила английская экспедиция, а я обновил и

ремонтирую понемногу время от времени, – сказал Альфонсо. – Продуктов и горючего тут хватит самое меньшее на месяц.

7 апреля, Белград

У Кати опять началось отторжение пересаженной почки. Снова поднялась температура, девочка то и дело хныкала во сне. Лекарство, которое дали им в больнице при выписке, закончилось, и нужно было ехать через весь город за следующей порцией.

День снова оказался солнечным.

– Мама, расскажи мне сказку перед тем, как уйдешь. – Катя встала в кровати и взяла мать за руку.

– Деточка, мама уже рассказала тебе все сказки, которые знала. Я расскажу тебе еще одну. Но Катюша уже большая девочка, так что я расскажу ее тебе и сразу уйду.

Нет, Катюша, это было не давным-давно, а всего лишь за три года до того, как ты родилась. Страна, в которой мы жили, была гораздо больше, чем сейчас. Она тянулась вдоль всего восточного побережья Адриатического моря. В той стране сербы, хорваты, словенцы, македонцы, черногорцы и боснийцы были одной большой семьей. Они жили в мире и относились друг другу как братья и сестры…

– Даже албанцы в Косове?

– Да, даже албанцы. А управлял страной сильный и мудрый человек по имени Тито. Мы были сильными и гордыми, и культура наша была богатой и разнообразной. Нас уважал весь мир…

Елена посмотрела отсутствующим взглядом на квадрат голубого неба за окном; в уголках ее глаз выступили слезы.

– А что случилось потом? – спросила Катя.

Елена поднялась:

– Деточка, пока меня не будет, оставайся дома и отдыхай. Если начнут падать бомбы, иди к дяде Летничу, в соседнюю квартиру. Не забудь тепло одеться перед тем, как идти в подвал, а то от холода и сырости еще сильнее разболеешься. – Она взяла сумку и направилась к двери.

– А что случилось со страной? – спросила Катя, глядя ей в спину.

В машине не было бензина, и Елене пришлось взять такси, ловить которое пришлось дольше, чем обычно. Поездка прошла относительно спокойно. На улицах было очень мало машин и пешеходов, зато хорошо просматривались столбы дыма.

Добравшись до места, она узнала, что из-за бомбежки больница лишилась электроснабжения. Медсестры стояли около кувезов, в которых лежали новорожденные пациенты, и вручную подавали туда кислород из баллонов. Лекарства были на исходе, но несколько доз необходимого Кате иммунодепрессанта все же нашли.

Получив лекарство, Елена сразу же помчалась домой. На сей раз она прождала такси еще дольше, чем утром, не поймала и поехала на почти пустом автобусе. Увидев из окна Дунай, Елена вздохнула с облегчением: почти половина пути позади. Над городом раскинулось бескрайнее чистое небо, и город лежал под ним, как мишень, нарисованная на поверхности Земли.

– Нет, Александр, ты не мессия, – чуть слышно пробормотала Елена.

Автобус въехал на пустой мост через Дунай и быстро достиг середины. Прохладный речной ветерок продувал салон насквозь, и Елена не чувствовала запаха порохового дыма. Если бы не дым, поднимавшийся тут и там поодаль, город казался бы в ярком солнечном свете совсем спокойным, даже безмятежнее, чем раньше.

Тогда-то Елена и увидела ее.

Увидела вдали, низко над землей. В первый миг показалось, что это черная крошка, глянцево вспыхивающая на фоне голубого неба; когда она приблизилась, Елена рассмотрела продолговатую форму. Она приближалась неотвратимо. Елена раньше и подумать не могла, что она летит так медленно, а она будто искала что-то. Она снизилась над рекой, сделав в воздухе изящную дугу. Елене пришлось приподняться, чтобы смотреть, как она мчалась над речной гладью. Она уже настолько приблизилась, что Елена отчетливо разглядела ее гладкие, безобидные с виду очертания. Она не походила на хищную акулу, как уверяли газеты, скорее, она смахивала на бесхитростного безобидного дельфина, выпрыгнувшего из дунайских волн.

Ракета «Томагавк» ударила в мост, и он обрушился в Дунай. Через несколько дней перевернутый автобус вытащили из воды. Там обнаружилось несколько искалеченных трупов пассажиров. Одна молодая женщина и в смерти крепко прижимала к груди сумочку, в которой лежали две коробки с ампулами. Видно было, что она старалась сберечь свою ношу – половина ампул уцелела. На коробках шариковой ручкой были написаны врачебные предписания. Начальник спасателей, расчищавших реку, сказал, что это наверняка какое-то редкое лекарство.

7 апреля, Земля Мэри Бэрд, Антарктида

– Я научу тебя танцевать танго! – воскликнул Альфонсо, и они с Александром закружились по снегу. Александр будто попал на другую планету. На снежной равнине, пребывавшей в сумеречном свете, который в это время года окутывал снежную равнину, он забыл о течении времени, забыл даже о войне.

– Ты танцуешь вполне прилично, но это не настоящее аргентинское танго.

– Мне никак не удается правильно поворачивать голову.

– Это потому, что ты не понимаешь значения движений. Когда танец только появился, аргентинские пастухи просто танцевали и головами не крутили. А потом уже вокруг танцующих стали собираться зрители, такие же пастухи. Парни, конечно, завидовали тем, у кого в паре оказывались красивые девушки, и попросту кидали в них камни. Вот с тех самых пор у танцоров просто не было выхода, кроме как все время быть настороже и крутить головой во все стороны.

Александр рассмеялся было, но смех непроизвольно сменился вздохом.

– Да, в нашем мире иначе нельзя.

10 апреля, Дубна

– Александр, дело хуже, чем я думал. Западные страны прервали всякое научное сотрудничество с нами, американцы собираются демонтировать и вывезти «Крей». Я пытаюсь получить доступ к другому компьютеру. В Дубне есть центр имитации ядерных взрывных процессов. Это военная организация, и у нее есть свой суперкомпьютер. Он нашего производства и не такой быстродействующий, как «Крей», но твою задачу потянет. Только для этого мне придется довести идею до начальства, а ему – обратиться к своему начальству. Подожди еще пару дней! Пусть мы не в состоянии сейчас вести расчеты, но я уверен, что метеочувствительный пункт все еще в Антарктиде!

13 апреля, Белград

В полутемном подвале, почти непрерывно сотрясавшемся от гремевших наверху разрывов, Катя с трудом хватала ртом воздух.

Соседи сделали все возможное, чтобы спасти девочку. Два дня назад дядя Летнич отправил сына искать для нее лекарство, тот обежал все крупные больницы в городе – безуспешно. Запасы препарата иссякли, и, поскольку его поставляли из Западной

Европы, нельзя было даже надеяться, что оно появится в обозримом будущем.

И от Катиной матери не было ни слуху ни духу.

В минуты просветления Катя плакала и звала маму, но в бредовых видениях ей являлся отец. Он превращался в громадную бабочку с крыльями в два футбольных поля размером. Бабочка непрерывно размахивала крыльями, разгоняла тучи и туман, и над Белградом и Дунаем светило яркое солнце.

– Люблю солнышко… – бормотала Катя.

17 апреля, Дубна

– Александр, ничего не вышло. Я не смог получить доступ к суперкомпьютеру. Да, я поднимал этот вопрос на самом высоком уровне по своим каналам в Академии наук, но… Нет, нет и нет. Мне не говорили, что не верят, и не говорили, что верят. Впрочем, это уже неважно. Меня уволили. Вышвырнули академика, как паршивую собаку… Почему, спрашиваешь? Потому что я по собственной инициативе занялся этим делом. Да, власти разрешили добровольцам отправиться в Югославию, а то, чем занимался я, – совсем другое… Я тоже не знаю. Это политики, и мы никогда не сможем понять, как работают их мозги, точно так же, как они никогда не поймут нас… Не будь наивным. Поверь, это абсолютно невозможно. Во всем мире найдется лишь несколько компьютеров, которые смогут в приемлемые сроки выполнить такие сложные вычисления…

Ты вернешься домой? Нет, нет, не надо. Как же… просто слов не нахожу. Прости, мой друг, но Кати три дня назад не стало. Развилось отторжение и… и все. Елена восемь дней назад отправилась за лекарством для нее и так и не вернулась. Никто ничего не знает до сих пор… Я не знаю. Я с большим трудом дозвонился тебе домой. Соседи услышали звонок и рассказали мне. Александр, послушай, мой друг, приезжай в Москву! Жить будешь у меня. По крайней мере, твоя программа в целости и сохранности, а ведь она может изменить мир!

Алло! Алло! Александр!

…

14 апреля, Земля Мэри Бэрд, Антарктида

– Альфонсо, возвращайся в Аргентину. Я хочу побыть здесь один.

Они стояли перед хижиной. Александр печально улыбнулся:

– Спасибо тебе за все, что ты сделал. Совершенно искренне: большое спасибо.

– Резник говорил, что ты из Греции, но я вижу, что это не так, – сказал Альфонсо, пристально глядя на Александра. – Ты из Югославии. Не знаю, зачем ты сюда приехал, но наверняка это как-то связано с войной.

– Было связано, но теперь это уже совсем не важно.

– Я понял это по твоему лицу, когда ты слушал новости. Такое выражение лиц я часто видел много лет назад, на Мальвинских островах. Тогда я был солдатом и дрался героически. Не хвастаюсь, я был смельчаком; все мы, аргентинцы, были смельчаками. Отваги и старания у нас было хоть отбавляй, а вот с suerte[18] оказалось куда хуже… В подробностях помню, как мы сдавались. На островах в тот день была очень пасмурно – тучи, дождь, холод… Хорошо хоть англичане не стали нас унижать до конца и оставили оружие. – Альфонсо встряхнул головой. – Ладно, друг. Я вернусь через несколько дней. Не отходи далеко от хижины – в это время года здесь часто бывают метели.

Александр провожал взглядом самолет Альфонсо, пока тот не исчез в белом антарктическом небе, а потом повернулся и вошел в хижину. Через несколько минут он вышел оттуда с ведром.

Обратно в хижину он так и не вернулся.

С ведром в руке Александр зашагал, не зная куда, по бескрайней снежной равнине. Он сам не знал, сколько времени минуло до того, как он остановился.

«Механизм активации – резкое повышение температуры в чувствительной точке».

Он снял с ведра крышку и непослушным замерзшим пальцем крутанул колесико зажигалки.

«Взмахну крылышком бабочки ради моей исстрадавшейся страны».

Он поджег налитый в ведро бензин, сел на снег и уставился на взметнувшееся пламя. Это был самый обычный огонь. Он не смог бы оказать влияния на метеочувствительную точку и не принес бы на его родину тучи и туман.

Не было гвоздя – подкова пропала,
Не было подковы – лошадь захромала,
Лошадь захромала – командир убит,
Конница разбита, армия бежит,
Враг вступает в город, пленных не щадя,
Оттого что в кузнице не было гвоздя.

10 июля, штаб АФСАУТ, Италия

Когда все завершилось, возобновили традиционные субботние танцы, и мужчины наконец-то смогли снять осточертевшую полевую форму, которую носили на протяжении трех долгих месяцев, чтобы нарядиться в наглаженные, хрустящие парадные мундиры. В ренессансном зале, под мягким светом огромной хрустальной люстры, мерцали золотые звезды генералов и серебряные звезды старших офицеров. Среди этих звезд пестрели, как цветы на клумбе, дамы из итальянского высшего общества, которые не только радовали глаз очаровательной внешностью, но были весьма начитанны и могли бойко поддержать любой разговор. Их присутствие усиливало действие искрящегося вина, лившегося рекой, и создавало поистине опьяняющее настроение. Все поздравляли себя с тем, что судьба даровала возможность участвовать в такой славной и романтической экспедиции.

Генерала Уэсли Кларка, появившегося в сопровождении своего штаба, зал встретил аплодисментами, которые были больше, чем признанием его достойной службы во время войны. Генерал Кларк был высок ростом, строен, в своей утонченности походил на ученого, внешне представлял собой чуть ли не полную противоположность генералу Шварцкопфу, командовавшему Объединенными силами во время Войны в Заливе, и пользовался огромной популярностью у дам.

После двух вальсов зазвучала кадриль. Этот танец был популярен в Пентагоне, но из местных дам почти никто не знал па, и младшие офицеры с большим энтузиазмом начали обучать партнерш. Генерал Кларк решил подышать свежим воздухом. Он вышел через боковую дверь и направился к пруду, окруженному шпалерами виноградных лоз. Следом за генералом из зала выскользнула еще одна фигура и последовала за ним на почтительном расстоянии. Генерал шел по тропинке через безлюдный сад к кромке воды и, казалось, был совершенно очарован прекрасным вечерним пейзажем.

Вдруг он сказал:

– Слушаю вас, полковник Уайт.

Уайт никак не ожидал, что генерал обладает столь развитым шестым чувством. Он поспешно шагнул вперед, отдал честь и попытался сострить:

– Вы все еще узнаете меня, сэр.

Генерал Кларк так и стоял к нему спиной.

– Полковник, работа оперативного отдела и ваша конкретно произвела на меня хорошее впечатление. Вы все заслуживаете благодарности.

– Генерал, прошу извинить, что обращаюсь к вам в личное время, не по уставу, но мне очень важно обсудить с вами один вопрос. Он… довольно личный. Боюсь, если сейчас упущу возможность, другой уже не будет.

– Прошу вас, говорите.

– На протяжении нескольких первых дней кампании часть метеорологических данных из зоны боевой работы была… не очень надежна.

– Лучше сказать, просто – явно ошибочна, – поправил генерал. – Нам пришлось четыре дня сидеть сложа руки из-за дождей и туманов. Имея точный прогноз, мы отложили бы нанесение первого удара.

Солнце зашло совсем недавно, и горы вдалеке вырисовывались черными силуэтами на фоне затянувшихся сумерек. Озеро было зеркально спокойным, над водой плыла песня гондольера… Момент был неподходящим для дискуссий подобного рода, но полковник знал, что это и впрямь единственная возможность для него, и продолжил:

– Но некоторые заинтересованные не упустили этого факта из виду. Сенатский комитет по вооруженным силам хочет выяснить, как Метеорологическое агентство ВВС расходовало свой бюджет в два миллиарда долларов за последние три года. Уже сформирован подкомитет по расследованию, предстоят слушания. Похоже, из этого хотят устроить большое шоу.

– Полковник, мне не хотелось бы, чтобы из мухи делали слона, но когда что-то идет не так, кому-то приходится нести ответственность.

Уайт чувствовал, что обливается потом.

– Сэр, это несправедливо. Всем известно, что метеорологическое прогнозирование основывается на вероятностной статистике. Атмосфера – сложная хаотическая система, и предсказать ее поведение практически невозможно…

– Полковник, если я правильно помню, вы отвечаете за распознавание целей и не имеете никакого отношения к метеорологии.

– Да, сэр, вы совершенно правы, но… за метеорологическое обеспечение зоны боевой работы на Балканах отвечала полковник Кэтрин Дейви из метеорологической службы Европейского командования ВВС… – Он замялся и все же добавил: – Вы видели ее, сэр, она часто заходила в оперативный отдел.

– Да, помню, она защищала диссертацию в Массачусетском университете. – Кларк вдруг резко повернулся к собеседнику: – Очень рослая, оливковая кожа, стройные ноги – классический тип средиземноморской красавицы.

– Так точно, сэр, я… – заблеял было Уайт, но генерал перебил его:

– Полковник, насколько я помню, вы сказали, что у вас личный вопрос.

Уайт промолчал.

Генерал Кларк сурово посмотрел на него.

– Полковник, я помню не только ваше имя, но также и то, что вы женаты. И знаю, что женаты вы не на полковнике Дейви.

– Так точно, генерал, но… мы же не в Америке.

Генерал Кларк чуть не расхохотался, но сдержал себя. Ему очень не хотелось портить вульгарными звуками тихую прелесть этого места.

Комментарий автора

События, описанные в этой истории, находятся за гранью возможного не из-за ограниченности человеческих способностей, а из-за запрета, установленного фундаментальными закономерностями физики и математики. Однако одна из прелестей научной фантастики заключается в том, что в ней можно изменить законы природы и показать, как Вселенная могла бы функционировать в изменившихся условиях.

Утром [19]

Учитель сказал: «Если утром познаешь правильный путь, вечером можно умереть»[20].

Конфуций. Беседы и суждения. 4.8

Эйнштейновский экватор

– Мне нужно признаться вам кое в чем важном, – сказал Дин И жене и дочери. – Моя голова почти полностью занята физикой. Для вас обеих мне удалось сохранить лишь маленький уголок. Больно говорить такое, но я ничего не могу с этим поделать.

– Ты уже говорил это, – ответила его жена Фан Линь. – Раз двести.

– Ага! – подхватила их десятилетняя дочь Вэньвэнь. – Может, и не двести, но сто раз точно.

– Но вы ни разу не поняли моих слов по-настоящему, ни ты, ни ты, – сказал Дин И, покачав головой. – Вы совершенно не знаете физику.

– Вот и отлично, – со смехом откликнулась Фан Линь. – Мне достаточно того, что ты не увлечен другой женщиной. А до прочего мне дела нет.

Этот разговор происходил, когда они втроем ехали в маленькой закрытой капсуле, которая со скоростью всего пятьсот километров в час мчалась по стальной трубе диаметром пять метров. Длина трубы составляла почти 30 000 километров, и она опоясывала всю планету по сорок пятой параллели северной широты.

Тележка была самоходной, но сквозь ее прозрачное днище, борта и крышу не было видно ничего похожего на двигатель. А впереди и позади тянулась прямая на вид, словно по струнке вытянутая стальная труба. Тележка летела внутри ее, как пуля в стволе винтовки, хотя у этой винтовки не было ни спускового крючка, ни приклада. Впереди труба остро, как игла, сходилась в какой-то бесконечно далекой неподвижной точке. Если бы не змеившиеся вдоль стенки трубы, скользящие мимо, подобно бурным водным потокам, движение не ощущалось бы вообще. Когда тележка изредка останавливалась, становилось видно, что на стенах через равные промежутки выпирают какие-то обручи, а

между ними расположено бесчисленное множество каких-то устройств. На полной скорости все это сливалось в размытую пелену, в которой было совершенно невозможно рассмотреть какие-либо подробности. Дин И пояснил жене и дочери, что эти обручи составляли электрическую обмотку, которая с применением сверхпроводимости создавала сильнейшее магнитное поле, а непрерывно тянувшаяся за бортом тележки тонкая труба представляла собой канал для разгона частиц.

Они ехали внутри самого большого в истории человечества ускорителя элементарных частиц, который опоясывал планету и поэтому получил название «Эйнштейновский экватор». Физики были уверены, что с его помощью осуществят сокровенную мечту всех великих ученых – создадут великую единую теорию Вселенной.

Капсула предназначалась для того, чтобы перевозить технический персонал, занимающийся обслуживанием и ремонтом оборудования ускорителя, но сегодня Дин И воспользовался ею, чтобы устроить своей семье кругосветное путешествие. Он давно уже обещал жене и дочери, но те совершенно не верили, что обещанное когда-нибудь исполнится. В этом путешествии они на протяжении шестидесяти часов не видели ничего, кроме прямой стальной трубы. Но Фан Линь и Вэньвэнь и это устроило – они были счастливы, что семья в кои-то веки проведет вместе сравнительно продолжительное время.

К тому же поездка получилась вовсе не скучной. Время от времени Дин И указывал на стенки трубы и говорил Вэньвэнь:

– Сейчас мы проезжаем Монголию – видишь степи с буйной травой? Смотри, стада овец… Сейчас на юге останется Япония – мы проезжаем мимо самой северной ее оконечности. А на севере солнце освещает заснеженные вершины Кунашира; это уже Россия. Теперь мы находимся глубоко на дне Тихого океана. Здесь так темно, что просто ничего нельзя увидеть. Хотя постой, все же есть несколько бликов темно-красного света. Ах да, теперь хорошо видно, что на дне океана находится вулкан. Вытекающая из него магма остывает так быстро, что едва успевает засветиться багровым заревом – и тут же гаснет, словно огоньки перебегают по большому костру на дне океана. Вэньвэнь, вот так рождаются новые континенты! – И так далее.

Позже они миновали Соединенные Штаты, проскользнули через Атлантический океан и Францию на европейский материк, проехали мимо Италии, оставили на юге Балканы и оказались в России, откуда через Каспийское море попали в Азию, проехали Казахстан и вернулись в Китай. Это был уже заключительный этап путешествия, возвращение к отправной точке

Эйнштейновского экватора в пустыне Такла-Макан, во Всемирный центр ядерных исследований, где и находился главный центр управления ускорителем частиц.

Когда Дин И и его семья вышли из здания центра, на улице было темно. Под звездами в тишине раскинулась пустыня, казавшаяся бескрайней. Мир был прост, но в то же время непостижимо сложен.

– Ну, вот, – сказал Дин И жене с дочерью, и в его голосе почему-то звучало волнение. – Мы, три фундаментальные частицы, завершили эксперимент с ускорителем на Эйнштейновском экваторе.

– Папа, а сколько времени требуется настоящим частицам, чтобы так же пролететь по большой трубе, как мы сейчас? – Вэньвэнь повернулась и указала на трубу ускорителя, тянущуюся от центра управления до горизонта на восток и запад.

– Завтра ускоритель впервые заработает с самыми тяжелыми частицами, каждая из которых получит толчок с силой ядерного взрыва, – ответил Дин И. – Они разгонятся почти до скорости света. При такой скорости каждой из запущенных частиц потребуется всего лишь десятая доля секунды, чтобы пройти круг, на который мы потратили более двух суток.

– Только не воображай, что ты выполнил обещание, которое давал нам, – вмешалась его жена Фан Линь. – Это никак нельзя назвать кругосветным путешествием!

– Мама права, – согласилась Вэньвэнь. – Папа, когда у тебя снова появится время, ты должен провезти нас снаружи этой трубы, чтобы мы увидели все, о чем ты рассказывал, когда ехали. Вот это будет настоящее кругосветное путешествие!

– О, в этом нет никакой необходимости, – ответил дочери Дин И, сделал паузу и продолжил с чувством: – Для человека, обладающего воображением, такого путешествия более чем достаточно. Ты ведь на самом деле видела все то, что находилось за стенами трубы – только в воображении! Запомни: истинную красоту видишь не глазами, а только воображением. Это совсем не то, что океаны, или цветы, или леса – у нее нет цвета и формы. Ты можешь мысленно объять всю Вселенную, забавляться с ней, как с игрушкой. Но только с помощью воображения. И математики. Только так можно увидеть эту красоту.

* * *

Дин И не поехал домой с женой и дочерью. Проводив их, он вернулся в центр управления. Ночью там оставалось всего

несколько дежурных, и сейчас, когда завершились строительство и двухлетняя отладка аппаратуры, в здании и во всей округе стояла полная тишина.

Дин И поднялся на верхний этаж и вышел на крышу. Оттуда он смотрел на трубу ускорителя, которая как будто отмеряла сегмент земного шара, и ему казалось, что звезды – это глаза и все эти глаза пристально разглядывают проложенную по Земле линию.

Немного постояв там, Дин И спустился в свой кабинет, лег на диван и уснул. То, что он увидел, не могло присниться никому, кроме физика.

Он сидел в тележке в начальной точке Эйнштейновского экватора. Вот она тронулась с места, и Дин И почувствовал неимоверную мощность ускорителя. Он несся вдоль 45-й параллели, оборот за оборотом, как шарик в колесе рулетки. Когда он разогнался до околосветовой скорости света, масса его тела резко увеличилась и оно превратилось в твердый кусок металла. Он осознал, что в теле содержится сила, способная создавать миры, и исполнился наслаждением бога-творца. На последнем витке его увлекло на боковую дорогу и унесло в незнакомое место, где была лишь пустота. Он увидел цвет пустоты: ни черный, ни белый, но поистине бесцветный, хотя и не прозрачный. Здесь само пространство и время ожидали сотворения, осуществить которое предстояло ему. Дин И увидел перед собой маленькую черную точку. Она стремительно увеличилась, и он смог разглядеть, что это еще одна капсула, а внутри еще один Дин И. Собственной персоной. Капсулы сблизились и столкнулись со скоростью света, затем исчезли, оставив только безразмерную сингулярность посреди пустоты. Это семя всего сущего взорвалось, превратившись в быстро расширяющийся высокоэнергетический огненный шар. Красный свет постепенно угасал, растекался, превращаясь из пылающей точки в бесконечную Вселенную, энергия охлаждалась в небе, как снег. Сначала возникло тонкое облако туманностей, а затем образовались неподвижные звезды, их скопления, галактики. В этой новой Вселенной Дин И обладал квантованным «я». Он мог за мгновение перепрыгивать с одного конца Вселенной на другой. Вернее, даже не перепрыгивать, а скорее существовать во всех точках Вселенной одновременно. Он был подобен безграничному туману, пропитывающему космос. Внутри тела разгоралась серебряная пустыня неподвижных звезд; он был везде, даже когда его не было нигде. Он знал, что все его существование всего лишь иллюзия вероятности, его дух, имеющий бесконечное количество воплощений, появляющийся в бытие и исчезающий из него,

просматривающий всю Вселенную в поисках самого себя, конденсирующегося в плотное тело. Видение появилось уже во время его поисков. Оно воплотилось в образе пары глаз, парящих в космосе за серебряной завесой звездных скоплений. Глаза были наделены красотой и длинными ресницами Фан Линь и живым духом Вэньвэнь. Эти глаза вглядывались в бескрайнюю даль, но так и не смогли уловить квантованное «я» Дин И. Волновая функция дрожала, как ветерок над безмятежным озером, но не могла достичь бытия. И как раз в тот момент, когда Дин И готов был распроститься с надеждой, бесконечная россыпь звезд все же начала сливаться воедино. Закружились и стали разбухать туманности; затем все стихло. Звезды Вселенной образовали единый глаз, глаз шириной в миллиард световых лет, похожий на узор из алмазной пыли, рассыпанной по бархату. Он уставился на Дин И – и в следующий миг волновая функция схлопнулась, как видеозапись фейерверка, прокрученная задом наперед.

Квантованное существование Дин И наконец материализовалось в какой-то крошечной, незначительной точке Вселенной. Он открыл глаза и вернулся к реальности.

Его тряс за плечо главный инженер центра управления, а вокруг стояло еще несколько физиков и инженеров. Все смотрели на него так, будто на диване лежал не Дин И, а какое-то ужасное чудовище.

– Что случилось? Неужели я проспал? – Дин И взглянул в окно и увидел, что, хотя небо и просветлело, солнце еще не взошло.

– Нет, – ответил главный инженер. – Но случилось… нечто непонятное.

Лишь тогда Дин И понял, что причиной всеобщего изумления является не он, а нечто иное. Главный инженер повел его к окну. Но Дин И едва успел сделать два шага, как кто-то цепко взял его за локоть и остановил. Обернувшись, Дин И увидел, что это Мацуда Сейити, японский физик, недавно награжденный Нобелевской премией.

– Доктор Дин, – сказал Мацуда, – вы сейчас увидите нечто такое, что может чрезмерно сильно повлиять на неподготовленного человека… Я не стал бы придавать слишком большого значения конкретике. Несомненно, в данную минуту мы все видим сон или галлюцинируем. – Мацуда был очень бледен; Дин И ощущал, что пальцы, держащие его за локоть, дрожат.

– Но я сам только что видел сон… – пробормотал Дин И. – Что случилось?

Все так и стояли с растерянными лицами, и никто не ответил на его вопрос. Главный инженер снова подтолкнул Дин И к окну.

Он выглянул и действительно усомнился в своем рассудке. Реальность, явившаяся его взгляду, оказалась еще более странной, чем недавнее сновидение.

В предутренних сумерках он увидел там, где еще вчера находилась хорошо знакомая снаружи и изнутри труба ускорителя, разрезавшая пустыню пополам, протянулась лента зеленой травы. Да-да, зеленой травы, от восточного до западного горизонта.

– А теперь посмотрите на пункт управления! – воскликнул главный инженер. Дин И пошел за ним и получил еще одно сильнейшее потрясение: в просторном помещении ничего не было! Все оборудование исчезло без следа. Зато там тоже выросла трава – прямо из антистатического покрытия пола.

Дин И как безумный выбежал из центра управления, обогнул здание, выскочил на полосу травы и уставился на восток, туда, где она исчезала из вида и где вот-вот должно было взойти солнце. В холодном утреннем воздухе пустыни из его рта вырывались облачка пара.

– А что с остальными частями ускорителя? – срывающимся голосом спросил он у главного инженера.

– Они полностью исчезли – все, что было над землей, под землей и на дне океана.

– И превратились в траву?

– Э-э… Насколько я знаю, нет. Трава лишь в той части, где ускоритель проходил по пустыне. В других местах просто ничего не осталось. На земной поверхности и морском дне остались только опорные сооружения, а под землей – пустой туннель.

Дин И наклонился и сорвал травинку. Она показалась бы ничем не примечательной в любом другом месте, но не здесь, поскольку совершенно не походила на суккуленты или тамариски, приспособленные к засушливым условиям пустыни, а, напротив, хрустела от сочности. Ее просто переполняла влага. Такое растение могло расти только на юге, в ровном теплом климате и при большом количестве осадков. Дин И размял травинку пальцами; кожа окрасилась зеленью. Разлился слабый чистый травяной запах. Дин И долго смотрел на руки. Затем наконец сказал:

– Это действительно похоже на сон.

Но ему ответил голос с востока:

– Нет, это действительность!

Вакуумный распад

В конце заросшей зеленой травой дороги из-за горизонта вылезла уже половина солнечного диска, его свет бил прямо в глаза. По траве к людям приближался незнакомец – как будто прямо из солнца. Сначала был виден лишь силуэт, контуры которого размывались ярким светом, из-за чего фигура казалась нереальной. Но когда он подошел ближе, все увидели, что это мужчина, одетый в черные брюки и белую рубашку, но без галстука. Он еще приблизился, и стало видно его лицо со смешанными азиатскими и европейскими чертами; в этом регионе такие лица встречались не так уж редко, но никто бы не спутал этого человека с местным жителем. Его черты были как будто слишком правильными, лицо казалось не настоящим, а словно нарисованным для иллюстрации типичного человека на каком-нибудь уличном стенде. Когда же он подошел еще ближе, стало ясно, что он вообще не от мира сего. Потому что он не шел. Его ноги висели неподвижно, как две авторучки, а подошвы ботинок проплывали, не касаясь травы. На расстоянии двух или трех метров от группы людей он остановился.

– Приветствую всех. Я принял эту внешнюю форму, чтобы нам было удобнее общаться. Я старался, как мог, изобразить человеческую фигуру и искренне надеюсь, что результат вас устроит. – Человек говорил по-английски, и его голос, как и лицо, ощущался совершенно стандартным и не имел каких-либо заметных особенностей.

– Кто вы такой? – спросил кто-то.

– Я инспектор по предотвращению опасных ситуаций в этой Вселенной.

Этой Вселенной. Физики сразу выхватили два главных слова из всего, что было сказано.

– Вы имеете какое-то отношение к исчезновению ускорителя? – спросил главный инженер.

– Да. Минувшей ночью я испарил вашу аппаратуру, поскольку намеченный вами эксперимент необходимо было предотвратить. Для возмещения я посеял эту траву, которая быстро растет в пустыне.

– Но… почему?

– Ваш ускоритель, если вывести его на максимальную мощность, способен разогнать частицы до энергии в десять в двадцатой степени гигаэлектрон-вольт, что сопоставимо с Большим взрывом. А это могло повлечь за собой гибель всей Вселенной.

– Каким образом?

– Через вакуумный распад.

Услышав ответ, главный инженер повернулся и посмотрел на

физиков, стоявших рядом с ним. Они молчали, лишь нахмурили брови, обдумывая сказанное.

– Вам требуется более подробное объяснение? – спросил инспектор по опасностям.

– Не нужно, в этом нет необходимости, – сказал Дин И, слегка покачав головой. Физики ожидали, что инспектор по опасностям обратится к каким-либо концепциям, слишком сложным для понимания людьми, но, к их удивлению, он сослался на идею, высказанную еще в 1980-х годах. Просто в то время большинство сочло, что это лишь очередная умозрительная гипотеза, не имеющая никакого отношения к реальности. И, как обычно бывает с подобными идеями, ее почти забыли.

Концепция вакуумного распада впервые была обнародована в 1980 году в статье Сидни Коулмана и Фрэнка Де Луччиа в журнале «Theoretical Physics» под названием «Гравитационные эффекты и их связь с вакуумным распадом». Еще раньше Пол Дирак предположил, что в нашей Вселенной то, что принято называть вакуумом, может быть «ложным вакуумом», где в якобы пустом пространстве в невообразимо коротких временных масштабах возникают и исчезают фантомоподобные виртуальные частицы. В каждой из бесчисленных точек быстрее мгновения ока свершаются драмы созидания и разрушения, а значит, то, что мы именуем вакуумом, на самом деле является кипящим морем частиц. Из этого следовало, что вакуум на самом деле имеет некий энергетический уровень. Коулман и Де Луччиа сделали весомый вклад в эту гипотезу, предположив, что определенные высокоэнергетические процессы могут приводить к другому вакуумному состоянию, находящемуся вне уровня энергии нынешнего универсального вакуума. Таким образом, можно получить «истинный вакуум» нулевого энергетического уровня. Сначала такой вакуум может быть ограничен объемом размером всего в один атом, но стоит ему возникнуть, как вакуум с более высокой энергией, соседствующий с вакуумом более низкого уровня, опустится до его уровня и так далее; в этом процессе объем низкоэнергетического вакуума будет быстро расширяться сферически. Скорость расширения сферы через короткое время достигнет световой, и все протоны и нейтроны в объеме сферы мгновенно распадутся. И вся материя в мире испарится.

– Расширяясь со скоростью света, сфера вакуума с нулевой энергией за 0,03 секунды уничтожит Землю. Через пять часов исчезнет Солнечная система. Еще через четыре года погибнет ближайшая звездная система, а через сто тысяч лет – вся галактика Млечный Путь… Ничто не может остановить расширение сферы, поэтому через некоторое время от Вселенной

ничего не останется, – сказал инспектор, и его слова почти точно совпали с мыслями физиков. Неужели он еще и мысли читает? Инспектор по опасностям распахнул руки, будто для объятия.

– Если рассматривать нашу Вселенную как широкое море, то мы – рыбы в нем. Бескрайнее море, окружающее нас, настолько прозрачно, что мы забываем о его существовании. Но я должен вам сказать: это не морская вода. Это жидкий динамит. Одна-единственная искра может породить ад, который уничтожит все. Моя работа как ответственного за ликвидацию опасностей, которые угрожают Вселенной, заключается в том, чтобы гасить все потенциальные искры.

– Могу поручиться, что это нелегко, – сказал Дин И. – Как-никак радиус нашей Вселенной – двадцать миллиардов световых лет, а это наверняка большое расстояние даже для такой высокоразвитой цивилизации, как ваша.

Инспектор по опасностям улыбнулся – впервые после своего появления, – и эта улыбка тоже не имела никаких индивидуальных особенностей.

– Это не так сложно, как вы думаете. Вы ведь уже понимаете, что наша нынешняя Вселенная – это всего лишь тлеющие угли Большого взрыва. Звезды и галактики – не более чем рассеянный пепел, в котором все еще сохраняется некоторое количество тепла. Видите ли, у этой Вселенной низкая базовая энергия, а звездные системы с высокой энергией, которые вы видите сейчас, существовали только в далеком прошлом. В современной естественной Вселенной даже процессы с самой высокой энергией, например выброс больших масс в черные дыры, на много порядков меньше, чем при Большом взрыве. В нынешней Вселенной единственный шанс для энергетического процесса на уровне Большого взрыва исходит от разумных цивилизаций, азартно исследующих высшие тайны мироздания. Концентрируя большое количество энергии, они способны создать такой уровень мощности в микрокосмических точках. Следовательно, нам остается только внимательно наблюдать за всеми цивилизованными мирами во Вселенной.

– И давно ли вы наблюдаете за землянами? – спросил Мацуда. – Наверно, с тех пор как Макс Планк опубликовал свои работы?

Инспектор покачал головой.

– Значит, со времен Ньютона? Тоже нет? Но ведь не с эпохи Аристотеля!

– Вы не угадали, – ответил инспектор. – Вселенская система агентств по предотвращению опасных ситуаций работает по-другому. Повсюду, где появляется жизнь, мы расставляем

множество датчиков. Когда та или иная цивилизация достигает возможности осуществить энергетический процесс, сопоставимый с мощностью Большого взрыва, датчики передают сигнал. Тогда инспектор, в данном случае я, лично отправляется и выясняет, как обстоят дела. Но мы вмешиваемся лишь в тех случаях, когда цивилизация действительно намерена осуществить действия с энергиями масштаба Большого взрыва.

Над головой инспектора появился черный квадрат со стороной порядка двух метров. Не просто черный, а такой глубокой черноты, что казался дырой, уводящей прочь из реальности. Через несколько секунд в черноте проявились немного размытые очертания голубого шара. Инспектор указал рукой на квадрат и пояснил:

– Такое изображение поступает с датчиков, установленных на вашей планете.

– И когда же эти датчики появились здесь? – спросил кто-то.

– Согласно принятой у вас геологической хронологии, в каменноугольном периоде Палеозойской эры.

– Палео… что?

– Да ведь это было триста миллионов лет назад! – раздались удивленные голоса.

– Не может быть, чтоб так давно! – с благоговейным недоверием воскликнул главный инженер.

– Давно, говорите? Вообще-то, даже слишком поздно! Знаете, впервые попав на Землю во время вашего каменноугольного периода, мы увидели суперконтинент Гондвану, в первобытных болотах и лесах которого ползали большие и маленькие земноводные. И уже тогда нас, по вашему выражению, от тревоги бросило в холодный пот. Земля, несомненно, обладала большим потенциалом для возникновения технологической цивилизации, и датчики следовало бы установить еще в силурийском или даже в ордовикском периоде.

Изображение планеты увеличилось, заполнив собой весь квадрат; по шару поползли, перемещаясь, континенты. Смотревшим во все глаза учеными показалось, что они сами проводят инспекцию мира, перспективного в плане развития разума.

А инспектор по вселенской безопасности продолжал:

– Сейчас вы увидите материалы, снятые в плейстоценовую эпоху, 370 тысяч лет назад, то есть практически вчера.

Передвижение частей суши по сфере прекратилось, и на середине экрана появилась Африка, находившаяся на ночной стороне планеты и похожая на чернильно-черную заплатку на фоне более светлых океанов. Что-то зацепило внимание датчика,

изображение стало увеличиваться, и Африка предстала уже в более детализированном виде, быстро заполняя экран, как будто наблюдатель стремительно приближался к поверхности планеты. Чернота сменилась резкими цветовыми контрастами, где белым выделялись пятна снега, скопившегося с четвертого ледникового периода, а более темные участки оставались расплывчатыми и неясными, и можно было только догадываться, что это – леса или разбросанные по равнинам скалы. Между тем изображение в поле объектива продолжало увеличиваться, пока экран не заполнила заснеженная равнина, полностью окрасив квадрат дисплея в один цвет, серовато-белый с темно-синим отливом, каким бывает снег на земле ночью. Затем стало можно разглядеть на заснеженной равнине черные пятна, быстро превращающиеся в человеческие фигуры. А потом стало видно, что все люди очень сутулые, а плечи у них прикрыты длинными шкурами, развевающимися на ветру. Изображение снова сместилось, и экран заполнило обращенное к небу лицо человека. При слабом отсвете уже ушедшего за горизонт солнца невозможно было разглядеть черты лица, но все же удалось различить сильно выступающие надбровные дуги, выпирающие скулы и длинные тонкие губы. А объектив продолжал увеличивать изображение, пока не стало казаться, что дальше уже некуда. На экране теперь была лишь пара глубоко посаженных глаз, зрачки которых, сливающиеся с темными радужками, были усыпаны серебристыми светящимися точками. Это были звезды, отражавшиеся в глазах первобытного человека.

Изображение застыло, и прозвучал резкий сигнал тревоги. Инспектор пояснил, что это системное предупреждение.

– О чем же она предупреждала? – спросил, не понимая, главный инженер.

– Порог для предупреждения был достигнут, когда этот абориген посмотрел на звездное небо, ибо таким образом он проявил любопытство по поводу Вселенной. К тому времени в разных точках произошло уже девять таких критически важных событий, это десятое, то есть набралось количество проявлений, после которых системное предупреждение включается автоматически.

– Но, если я не ошибаюсь, вы только что сказали, что датчик выдает предупреждение, только когда появляется цивилизация, способная генерировать уровни мощности, сопоставимые с теми, что были при сотворении Вселенной.

– То, что вы сейчас видите, как раз и есть именно такая цивилизация.

Все уставились на него в полном недоумении.

Губы инспектора растянулись в безэмоциональной улыбке.

– Неужели так трудно понять? Как только жизнь обретает разум, способный осознать существование тайн Вселенной, до попыток разгадать эти тайны остается лишь один шаг. – Видя, что его все же не понимают, он добавил: – Например, жизни на этой планете потребовалось четыреста миллионов лет, чтобы впервые осознать, что тайны Вселенной существуют. С тех пор прошло всего четыреста тысяч лет, а вы уже построили свой Эйнштейновский экватор, и самая ускоренная фаза этого развития заняла менее пятисот лет. Можно сказать, что в ту минуту, когда первобытный человек взглянул на Вселенную, он увидел сокровище. А на протяжении того периода, который вы отводите для человеческой цивилизации, он всего лишь наклонялся, чтобы поднять находку.

Дин И медленно кивнул, начиная понимать:

– Когда вы так все поворачиваете, получается, что тот парень, что засмотрелся на звезды, был величайшим из людей.

– Именно по этой причине я прибыл в ваш мир и установил наблюдение за развитием вашей цивилизации, – продолжил инспектор, не отвечая на эту реплику. – Так же и вы могли бы смотреть на ребенка, играющего с огнем. Освещенная огнем костра окружающая Вселенная завораживает ребенка. Но ведь ребенок может не уследить за пламенем. Тогда Вселенной грозит опасность сгореть дотла.

Дин И глубоко задумался. А потом поднял глаза и задал вопрос, который станет самым важным в истории науки человечества:

– То есть вы хотите сказать, что мы так и не сможем построить великую единую теорию Вселенной? И никогда не проникнем в высшие тайны природы? – При этих словах все ученые вопросительно уставились на инспектора Вселенской безопасности, словно души, ожидающие окончательного приговора у входа в загробное царство.

– Жизнь мудрецов полна трагедий, и это только одна из них, – высокопарно ответил тот.

– И как же высокоразвитые цивилизации, такие как ваша, смиряются с этим? – дрожащим голосом спросил Мацуда.

– О, мы поистине удачливые дети Вселенной – у нас есть единая теория.

В сердцах успевших отчаяться ученых снова вспыхнули искры надежды.

Дин И вдруг подумал о другой ужасной возможности.

– Вы имеете в виду… что вакуумный распад уже где-то случался?

Инспектор покачал головой:

– Для получения единой теории мы использовали другой метод, о котором сейчас нельзя говорить, хотя со временем я смогу в подробностях объяснить его вам.

– Но можем ли мы повторить ваш путь исследования?

Инспектор снова покачал головой:

– Нет, время этого метода прошло, и повторить его не в состоянии ни одна цивилизация во Вселенной.

– Что ж, в таком случае раскройте нам, людям, единую теорию Вселенной!

И опять инспектор покачал головой.

– Умоляем! Это очень важно для нас… нет, для нас это самое важное, это все! – Дин И метнулся вперед и хотел обнять инспектора, но его руки прошли сквозь фигуру, не ощутив ровным счетом ничего.

– Директива о защите знаний категорически запрещает это.

– Директива о защите знаний?

– Это наиглавнейшее правило, касающееся взаимоотношений цивилизованных миров во Вселенной: более развитым цивилизациям запрещается передавать знания цивилизации более низкого уровня. Мы называем такое поведение сливом знаний. Цивилизации более низкого уровня могут получить знания только путем самостоятельных исследований.

– Но это же нерационально! – с раздражением воскликнул Дин И. – Лучше бы вы объяснили единую теорию всем цивилизациям, стремящимся к глубочайшим тайнам Вселенной, чтобы они не пытались добраться до них с помощью экспериментов с высокими энергиями. Ведь тогда Вселенной будет угрожать куда меньше опасностей!

– Ваш подход слишком упрощен. Единая теория описывает только одну, эту Вселенную. Но, создав теорию, вы узнаете, что существует бесчисленное множество других Вселенных, и тогда будете стремиться к трансединой теории, позволяющей постичь их все. Кроме того, великая единая теория откроет вам знания для создания технологий, с помощью которых можно генерировать процессы с еще более высокой энергией. Обладатели этих технологий обязательно применили бы их, чтобы попытаться проложить туннель через барьеры между различными Вселенными. Но в вакуумных энергиях Вселенных существуют различия, и такие действия тоже привели бы к распаду вакуума, одновременно уничтожив обе вселенные, а может быть, и больше. Слив знаний также оказал бы прямое негативное влияние и вызвал бы катастрофы в низшей цивилизации по причинам, которые вы в настоящее время понять

не можете. Следовательно, Директиву о защите знаний нельзя нарушать никогда и ни при каких условиях. То, что в этой директиве называется знанием, подразумевает не только глубокие тайны Вселенной, но также относится ко всему, что вам в настоящее время неизвестно. Это касается знаний любого уровня. Допустим, что люди до сих пор не знают трех законов Ньютона или математического анализа, – я точно так же не имел бы права открыть вам эти знания.

Ученые замолчали. Им показалось, будто солнце, только-только полностью поднявшееся из-за горизонта, вдруг кануло во тьму. Вселенная в одно мгновение предстала для них грандиозной трагедией, глубину которой они не смогли осознать сразу, но ей предстояло сопровождать их всю оставшуюся жизнь. И эта жизнь не только превратится в пытку, но попросту утратит всякий смысл.

Ошеломленный Мацуда сел на траву и произнес фразу, которая позднее войдет в историю:

– Стоит ли моему сердцу биться и дальше, если Вселенную все равно невозможно познать?

Эти слова точно передали чувства всех находившихся здесь физиков, которые стояли с буквально остекленевшими глазами. Казалось, им хотелось плакать, но никому не удавалось выдавить ни слезинки. Пауза затянулась, но в конце концов молчание прервал Дин И:

– Придумал! Я нашел способ узнать великую единую теорию без нарушения Директивы о защите знаний.

– Давайте послушаем ваше предложение, – сказал, кивнув, инспектор.

– Вы открываете мне главную тайну Вселенной, а потом уничтожаете меня.

– Я дам вам три дня на размышления, – без удивления или малейшего колебания ответил инспектор по предотвращению опасных ситуаций.

– Вы хотите сказать, что согласны?! – радостно воскликнул Дин И.

Инспектор утвердительно кивнул.

Алтарь истины

Как правильно назвать огромное полусферическое тело пятидесяти метров в диаметре, обращенное плоской поверхностью вверх и опирающееся на закругленную часть, издалека похожее на перевернутый вверх ногами бархан?

Инспектор по предотвращению опасных ситуаций во Вселенной соорудил эту полусферу, каким-то образом устроив огромный торнадо посреди пустыни. Вихрь поднял высоченный столб песка, который собрался в такую неестественную фигуру. Никто не знал, что сделал пришелец, чтобы придать огромной массе песка такую точную форму и такую прочность, что она не рассыпалась и удерживалась в этом неустойчивом положении, невзирая даже на то, что порывы ветра, проносившиеся над пустыней, ощутимо покачивали ее. Инспектор пояснил, что в его мире в древности такое полушарие служило алтарем. Когда-то, почти на заре цивилизации, ученые собирались на таких алтарях, чтобы обсуждать тайны Вселенной. Из-за неустойчивости перевернутой полусферы ученые должны были для каждого точно определять место на алтаре, иначе он наклонялся и собравшиеся соскальзывали с него. Инспектор не стал углубляться в объяснения насчет значений, скрывающихся за этой формой, но люди предположили, что она могла символизировать неуравновешенное и нестабильное состояние Вселенной.

С одной стороны к верхней грани полусферы подходил длинный пандус, также созданный из песка. В родном мире инспектора в таких постройках не было необходимости, поскольку еще до обретения всемогущества прозрачные представители его расы имели две пары крыльев и могли просто взлетать на алтарь. Так что пандус инспектор построил специально для людей. Около трехсот ученых решили подняться на алтарь истины и отдать жизни в обмен на глубочайшие тайны Вселенной.

Тремя днями ранее, почти сразу после того, как Дин И высказал свое предложение и инспектор по вселенской безопасности согласился с ним, мир потрясли и привели в отчаяние другие события: в течение всего лишь одного дня с такой же просьбой обратилось еще несколько сотен человек. Помимо тех, кто участвовал в первой беседе с инспектором, этого хотели другие ученые со всего мира. Сначала только физики, но позже и те, кто не был непосредственно связан с физикой и космологией, – математики, биологи и светила прочих естественных наук, а также экономисты, историки и другие ученые, занимавшиеся науками, вроде бы не имеющими отношения к природе. Все эти люди, стремившиеся обменять свои жизни на познание истины, занимали самые высшие позиции в своих областях; половина из них была лауреатами Нобелевских премий. Желанием возлечь на алтарь истины воспылали чуть ли не все лучшие научные умы человечества.

Алтарь истины уже находился не в пустыне – трава, которую

инспектор вселенской безопасности посеял три дня назад, когда уничтожил ускоритель, быстро разрослась, полоса стала вдвое шире, и один ее неровный край теперь почти доходил до точки опоры алтаря. На этом газоне собралось более десяти тысяч человек: помимо ученых, намеревавшихся расстаться с жизнью, и неизбежных репортеров из средств массовой информации по всему миру здесь были также семьи и друзья ученых. Два дня и две ночи близкие непрерывно умоляли ученых образумиться. Сейчас все они были измучены, их сердца разрывались от боли, но никто не смирился до последней минуты. Им помогали в этом представители чуть ли не всех правительств мира, в том числе более десяти глав государств, прилагавших все силы, чтобы удержать научную элиту своих стран от необратимого шага.

– Как тебе взбрело в голову притащить сюда ребенка? – испуганно спросил Дин И у Фан Линь. Вэньвэнь сидела рядом с ними на траве и занималась игрушкой, не имея не малейшего представления о том, что должно произойти. Среди множества мрачных, подавленных лиц только она одна радовалась жизни.

– Я хочу, чтобы она видела, как ты умрешь, – холодно сказала Фан Линь, уставившись остановившимся взглядом куда-то вдаль. Ее лицо побледнело и осунулось.

– Ты думаешь, что ее присутствие меня остановит?

– Нисколько не рассчитываю на это. Надеюсь лишь, что таким образом помешаю дочери стать похожей на тебя.

– Можешь казнить меня, но ребенок…

– Никто тебя не казнит, и уж перед нами-то не прикидывайся, будто идешь на смерть не добровольно. Мы знаем, что ради своей главной мечты ты готов на что угодно!

Дин И посмотрел в глаза жены и сказал:

– Линь, если ты сейчас говоришь то, что на самом деле думаешь, значит, ты наконец-то поняла меня по-настоящему.

– Я ничего не понимаю, и в сердце у меня ничего не осталось. Кроме ненависти.

– У тебя есть все основания ненавидеть меня.

– Я ненавижу физику!

– Но если бы не физика, люди все еще оставались бы примитивными безмозглыми животными, скитались бы по лесам и ютились в пещерах.

– Ну, вряд ли их жизнь была менее счастливой, чем моя!

– Но я-то счастлив. И мне хотелось бы, чтоб ты разделила это счастье со мной.

– Пусть его делит с тобой твое дитя, которое сейчас собственными глазами увидит, как отец по собственной воле навсегда покидает ее. По крайней мере, потом, когда вырастет,

будет держаться подальше от твоей физики. Какая же это гнусная отрава!

– Линь, видимо, называя физику отравой, ты хочешь показать, что глубоко проникла в нее. Послушай, за последние два дня ты действительно кое-что узнала. Но если бы ты приложила эти усилия раньше, у нас сейчас было бы меньше предметов для спора.

Тем временем на алтаре главы государств беседовали с инспектором по предотвращению опасных ситуаций во Вселенной, пытаясь уговорить его отказаться выполнить просьбу великих ученых.

– Сэр… вы позволите так обращаться к вам? – начал президент Соединенных Штатов. – Здесь собрались все лучшие ученые нашего мира. Не может быть, чтобы вы действительно желали уничтожить науку на нашей планете.

– Дело обстоит не столь ужасно, как вам кажется, – ответил инспектор. – Очень скоро сформируется новое поколение научной элиты и, согласно основному инстинкту разумной жизни, возьмется за разгадывание тайн Вселенной.

– Но ведь мы тоже разумная жизнь, как и вы. Как же вы можете убивать своих сотоварищей, ученых? Это очень жестоко!

– Таково их собственное решение. Они вправе распоряжаться своими жизнями. И, конечно, могут, если считают нужным, обменять их на то, что считают более высоким и важным.

– Об этом нам можно и не напоминать! – воскликнул президент России. – Мы, люди, давно привыкли обменивать свои жизни на нечто более высокое. Именно так жертвовало собой более двадцати миллионов жителей наших стран во время войн прошлого века. Но в данном случае лишение жизни этих ученых ничего не даст обществу! Лишь сами эти люди получат вожделенные знания и десять минут жизни, на протяжении которых смогут ими наслаждаться! Они стали рабами своего стремления к абсолютной истине. Вы ведь понимаете, что это так?

– Насколько я понимаю, они – единственные по-настоящему разумные живые существа в этой звездной системе.

Главы стран недоуменно переглянулись и, вновь повернувшись к инспектору вселенской безопасности, попросили пояснить его последнее высказывание.

Тот воздел руки, будто хотел обнять небосвод:

– Ради того, чтобы хотя бы мельком увидеть красоту вселенской гармонии, жизнь – совсем незначительная цена.

– Но ведь, увидев эту красоту, они проживут лишь десять минут!

– Ради наивысшей красоты можно отдать жизнь даже без отсрочки в десять минут.

Главы мировых держав снова переглянулись, криво и горестно усмехаясь.

– С развитием цивилизации таких людей будет постепенно становиться все больше и больше, – продолжал инспектор, указывая на ученых, собравшихся перед алтарем. – В конце концов, когда человечеству не нужно будет решать проблемы существования, когда любовь исчезнет, потому что индивидуализация уступит место единению, когда искусство окончательно угаснет, достигнув последних вершин изысканности и эзотеричности, единственной опорой для цивилизации станет стремление к исключительной красоте Вселенной. Тогда основными ценностями мира станут именно те, к которым эти люди стремятся сейчас.

Государственные деятели умолкли было, пытаясь постичь смысл сказанного вселенским инспектором, и вдруг президент Соединенных Штатов расхохотался:

– Ха-ха-ха! Сэр, вы нас всех кину… обвели все человечество вокруг пальца!

Теперь растерялся пришелец:

– Я не понимаю…

– Человечество не настолько глупо, как вам кажется, – сказал премьер-министр Японии. – Даже ребенок мог бы указать на логические противоречия в вашей софистике!

Эти слова еще сильнее озадачили инспектора:

– Я не вижу никаких противоречий в том, что только что сказал.

Американский президент наконец-то отсмеялся и вернулся к разговору:

– Через триллион лет нашу Вселенную будет населять бесчисленное множество высокоразвитых цивилизаций. Что ж, если все пойдет так, как вы говорите, и стремление к установлению окончательной истины станет основной ценностью всей Вселенной, то к тому времени все цивилизации Вселенной неизбежно придут к соглашению о том, что необходимо создать трансединую теорию, которая будет описывать все вселенные. Неужели они так же дружно решат не бояться того, что в ходе этих экспериментов уничтожат все сущее, включая себя? Не могли бы вы рассказать нам, как это будет?!

Вселенский инспектор долго молчал и разглядывал глав земных государств тяжелым взглядом, от которого по коже бежали мурашки. В конце концов кто-то из них начал что-то понимать:

– Погодите. Вы хотите сказать…

Но инспектор вскинул руку, останавливая его, подошел к краю алтаря истины и произнес громким и почему-то радостным голосом:

– Вы все, конечно, хотите знать, как мы получили великую единую теорию. Что ж, я могу рассказать вам об этом.

Давным-давно, как вы говорите, в незапамятные времена, наша Вселенная была намного меньше, чем сегодня, но намного горячее. Неподвижные звезды еще не появились – было вещество, которое конденсировалось из энергии и собиралось в туманности, пронизанные красным свечением космоса. В это время появилась жизнь, ее разновидность, образовавшаяся из тонких облаков материи, связанных силовыми полями; тела этих существ выглядели как смерчи в космосе. Жизнь в тех туманностях развивалась стремительно, подобно вспышке, и быстро породила развитую цивилизацию, которая распространилась по всей Вселенной. Когда собственное стремление цивилизации туманностей к высшим истинам Вселенной достигло своего пика, все миры Вселенной согласились провести эксперименты с энергиями уровня Большого взрыва, чтобы исследовать великую единую теорию, невзирая даже на опасность вакуумного распада.

Методы управления материей, которыми пользовались живые туманности, не имели ничего общего с теми, что применяют нынешние формы жизни. Поскольку материи как таковой остро не хватало, они превращали свои собственные тела во что хотели. После того как было принято окончательное решение, часть обитателей некоторых миров стали быстро превращаться в детали ускорителя. Когда соединилось более миллиона таких тел-деталей, получился ускоритель частиц, способный достичь энергетических уровней, сопровождавших сотворение Вселенной. Когда ускоритель заработал, среди темно-красных туманностей вспыхнуло кольцо ослепительного голубого света.

Они полностью осознавали опасность этого эксперимента. Фиксируя его результаты, они передавали данные с помощью гравитационной волны, направленной наружу, – это была единственная форма, которая могла пронести информацию через событие вакуумного распада.

Ускоритель некоторое время проработал, и вакуумный распад действительно начался. Низкоэнергетическая вакуумная сфера расширялась со скоростью света и в мгновение ока увеличилась с атомарных размеров до астрономических, испарив и полностью уничтожив все внутри. В конце концов скорость расширения вакуумной сферы обогнала расширение самой Вселенной, и по прошествии должного времени та погибла.

На протяжении долгого времени во Вселенной не было вообще ничего. Постепенно испарившаяся материя вновь начала конденсироваться. Снова образовались туманности, но Вселенная оставалась безжизненной. И лишь после того, как появились неподвижные звезды и планеты, во Вселенной наконец снова проросла жизнь. В те ранние времена гравитационная волна, посланная убившей себя цивилизацией туманностей, еще продолжала активно колебаться. После появления твердой материи колебания начали быстро затухать, но незадолго до того, как сигнал полностью заглох, самая ранняя цивилизация, появившаяся во Вселенной, не только перехватила его, но и сумела расшифровать информацию. На основе этих древних экспериментальных данных новая цивилизация получила великую единую теорию. В частности, стало известно, что самые важные данные для построения модели были получены в последнюю десятитысячную долю секунды до распада вакуума

Давайте вернемся к Вселенной разумных туманностей. Даже в то время, когда вакуумная сфера расширялась и уничтожала Вселенную, миры за пределами сферы, вернее за горизонтом событий сферы, не могли ощутить надвигающуюся катастрофу. Таким образом, вплоть до момента образования вакуума эти миры были полностью сосредоточены на получении данных со своего ускорителя. Через одну десятитысячную секунды после того, как набралось достаточно информации для построения великой единой модели, вакуумная сфера все уничтожила. Однако скорость мышления разумных туманностей была настолько высока, что даже одна десятитысячная секунды была для них относительно большим временем. Следовательно, у них была возможность вывести модель великого объединения в последний момент своего существования. Конечно, это могло всего лишь послужить самоутешением: скорее всего, они ничего не выводили. Это означает, что цивилизация туманностей разорвала ткань Вселенной, но сама погибла до того, как увидела ее высшую красоту. Пожалуй, их следует уважать еще больше – ведь нам известно, что они знали о том, насколько эксперимент опасен, еще до его начала, и все же не только пожертвовали собой, но и сохранили полученные данные о величайших тайнах Вселенной для цивилизаций далекого будущего.

Теперь-то вы не можете не понять, что главная цель цивилизации – познание сокровеннейших тайн Вселенной.

После рассказа инспектора вселенской безопасности все надолго умолкли и погрузились в раздумья. Независимо от того, согласились земляне с его заключительной фразой или нет, можно было не сомневаться, что он оказал непреходящее влияние

на образ мыслей и культуру человечества.

Молчание нарушил американский президент:

– Вы нарисовали мрачную перспективу для цивилизации! Неужели все надежды и тяжкие труды человечества в неизмеримо отдаленном будущем завершатся тем, что оно, как мотылек, устремится в пламя?

– Мотылек определенно не считает, что там темно. И уж короткий период света ему гарантирован.

– Человечество категорически не приемлет такой взгляд на жизнь!

– Это вполне объяснимо. В нашей Вселенной, возрожденной после вакуумного распада, цивилизации все еще пребывают на ранних стадиях, и у каждой свои пути, преследующие разные цели. Для большинства миров стремление к окончательной истине не обладает высшим смыслом. Идти на риск уничтожения Вселенной ради своего стремления к познанию было бы несправедливо по отношению к большинству жизней. Даже в моем собственном мире, конечно, не все соплеменники согласны пожертвовать всем. Поэтому мы сами не стали продолжать высокоэнергетические эксперименты с трансединой моделью и создали систему их предотвращения по всей Вселенной. Но мы верим, что с развитием цивилизации наступит день, когда все миры Вселенной придут к согласию относительно конечной цели своего существования. И уже сейчас в вашей зарождающейся цивилизации имеются люди, согласные с этой точкой зрения.

Впрочем, время идет. Если никто из вас не решил обменять жизнь на истину, то попрошу вас спуститься вниз и уступить место тем, кто этого желает.

Главы государств спустились по пандусу с алтаря истины и, встретившись с направляющимися им навстречу учеными, предприняли последнюю попытку переубедить их.

– Послушайте, – сказал президент Франции, – как вы смотрите на то, чтобы еще немного отложить необратимые поступки? Пойдемте со мной! Вы ведь испытали еще далеко не все радости жизни! Отдохните. Послушаем, как поют птицы в сумерках. Будем смотреть на серебряную луну и слушать старую знакомую музыку. Будем пить вино и думать о тех, кого любим… Да-да, вы обнаружите, что абсолютная истина не так важна, как вам показалось сгоряча. В жизни больше красоты, чем в гармонии Вселенной!

– Вся жизнь руководствуется разумом, – холодно ответил один из физиков. – Но вам этого не понять.

Президент Франции хотел сказать что-то еще, но его перебил потерявший терпение американский коллега:

– Бросьте! Не мечите бисер перед свиньями! Неужели вы не видите, что перед нами люди без чести и совести? Что это сборище мошенников и лжецов? Они постоянно орали, что проводят исследования на благо всего человечества, когда на самом деле просто обирали общество, чтобы удовлетворить свою собственную извращенную тягу к какой-то таинственной красоте. Это абсолютно то же самое, что тратить казенные деньги на проституток!

Дин И шагнул вперед, хлопнул президента по плечу и сказал со смехом:

– Что ж, господин президент, как бы там ни было, у науки свой путь. Вы бы лучше порадовались, что теперь хоть кто-то сможет досконально постичь ее фундаментальное назначение и смысл.

Мацуда, стоявший в стороне, добавил:

– Мы давно придерживались именно этой точки зрения и говорили об этом во всеуслышание, просто нам никто никогда не верил.

Обмен

Обмен жизней на познание истины начался.

На алтарь поднялась по длинному пандусу первая группа из восьми математиков. Воздух над песками пустыни был неподвижен, словно сама природа затаила дыхание. Стояла полная тишина. Только что взошедшее солнце отбрасывало на песок длинные тени от людских фигур, и, кроме этих теней, в застывшем мире не двигалось больше ничего.

Математики всходили на алтарь и исчезали из виду тех, кто стоял внизу, – те же застыли и старались даже не дышать. Потом в могильной тишине прозвучал кристально ясный голос инспектора вселенской безопасности:

– Прошу задать ваш вопрос.

Ему сразу ответил голос одного из математиков:

– Мы хотели бы узнать неограниченные доказательства теорем Ферма и Гольдбаха.

– Хорошо. Но сами доказательства очень длинны, и вы успеете ознакомиться лишь с ключевыми положениями. Остальное можно предоставить в письменном виде.

Способ, каким инспектор передал эти знания ученым, навсегда останется загадкой для человечества. На снимках, сделанных с самолета дальнего наблюдения, можно разглядеть, что все ученые стояли, задрав головы к небу, хотя вроде бы в том

направлении, куда они смотрели, ничего не было. Большинство считало, что пришелец непосредственно вводил информацию в их головы при помощи неких телепатических волн. На самом деле все было значительно проще: инспектор проецировал информацию в пространство. Для стоявших на алтаре истины все небо превращалось в экран, но начертанную на нем информацию не мог разглядеть никто иной, кроме них.

Через час кто-то нарушил молчание:

– Мы закончили.

– У вас десять минут, – последовал спокойный, даже торжественный ответ.

С алтаря истины донеслись неразборчивые отзвуки многолюдной сумбурной беседы. Стоявшие внизу могли разобрать лишь короткие обрывки фраз, было ясно, что люди там, наверху, очень обрадованны и взволнованны. Их голоса звучали так, будто они год, а то и больше бродили по подземным лабиринтам, совсем отчаялись и неожиданно вышли в открывающуюся на свет пещеру.

– …принципиально новый подход…

– …да как же…

– …смутно догадывались…

– Боже! На самом деле…

Когда десять минут почти истекли, на алтаре истины прозвучал еще чей-то ясный голос:

– Пожалуйста, примите самую искреннюю благодарность от всех нас.

На алтаре вспыхнул и почти сразу же погас ослепительный свет. Проморгавшись, стоявшие внизу увидели, как с алтаря поднялись и легко поплыли вверх, трепеща и постепенно угасая на лету, восемь шаров ионизированного пламени. Из ярко-желтых они сделались нежно-оранжевыми, потом красными и в конце концов один за другим исчезли в голубом небе. Все это проходило в полной тишине. С самолета наблюдения было видно, что на алтаре остался только инспектор, стоящий в центре.

– Приглашаю следующую группу! – громко провозгласил он.

Почти десять тысяч человек снова уставились на алтарь, а по пандусу двинулась следующая группа, из одиннадцати человек.

– Прошу задать ваш вопрос.

– Мы палеонтологи. Нас интересует истинная причина вымирания динозавров.

Они точно так же, как математики, уставились в небо. Но им потребовалось заметно меньше времени. Вскоре кто-то из них сказал инспектору:

– Все ясно! Благодарим вас.

– У вас еще десять минут.

– Ну вот, все кусочки сложились…

– Такое мне в голову не пришло бы даже в самых необузданных фантазиях.

– …Вы только подумайте!

Затем снова вспыхнул и угас ослепительный свет. Одиннадцать огненных шаров устремились ввысь и быстро растаяли в небе над пустыней.

Ученые, группа за группой, восходили на алтарь истины, меняли свои жизни на сокровенные знания, исчезали в ослепительных вспышках и уплывали к небу огненными шарами.

Все происходило спокойно и строго. Провожавшим удавалось обойтись без душераздирающих сцен и плача по тем, кого они теряли навсегда. А люди, по всему миру наблюдавшие за происходившим по телевидению, с благоговейным ужасом смотрели, как некоторые из их собратьев-людей проходили величайшее в истории человечества духовное крещение.

Никто не замечал времени. Солнце уже спрятало нижний край за западным горизонтом, и сумерки окрасили алтарь трепещущим золотом. В этот час восхождение к алтарю начали физики. Их группа была самой многочисленной, в ней насчитывалось восемьдесят шесть человек. Но как только первые вступили на пандус, тишину, едва ли не впервые за день, нарушил детский голос.

– Папа! – Вэньвэнь, заливаясь слезами, вырвалась из толпы, пробежала по пандусу и, расталкивая взрослых, повисла на ноге отца. – Папа, я не хочу, чтобы ты превратился в огненный шар, улетел и погас!

Дин И легонько приобнял дочь.

– Вэньвэнь, – сказал он, – постарайся вспомнить и расскажи папе: какой был самый плохой день в твоей жизни?

Девочка размазала слезы по лицу, задумалась на несколько секунд и сказала:

– Я росла здесь, в пустыне, и… и очень-очень хотела побывать в зоопарке. Однажды ты, папа, поехал на юг, в большой город, и взял меня с собой. Там ты привел меня в зоопарк, но, как только мы вошли, твой телефон зазвонил и ты сказал, что у тебя что-то случилось на работе и надо срочно вернуться. Детям без взрослых в зоопарк нельзя, и я тоже ушла. А больше ты меня туда не повел. Пока мы летели обратно, я всю дорогу плакала.

– Знаешь, дитя мое, – ответил Дин И, – ты обязательно побываешь в зоопарке. Мама сможет отвезти тебя. А у папы все не так. Он тоже находится у входа в большой зоопарк, а там внутри есть таинственные вещи, которые папа всегда мечтал увидеть. Но

если папа не пойдет туда сейчас, то другого шанса у него не будет уже никогда.

Вэньвэнь уставилась на отца полными слез глазами, а потом кивнула:

– Если так… то иди… папа.

Фан Линь подошла и взяла дочку из рук Дин И, злобно взглянула на алтарь истины, нависающий над ними, и сказала:

– Вэньвэнь, твой папа – худший отец на свете, но он действительно очень хочет в этот зоопарк.

Дин И опустил голову и сказал, глядя в землю:

– Да, Вэньвэнь, папа очень хочет туда.

Фан Линь в последний раз устремила горящий взгляд на Дин И.

– Ты и в самом деле элементарная частица – совершенно холодный. Что ж, иди. Приступай к своему последнему эксперименту. Но запомни: я никогда не позволю твоей дочери стать физиком!

Многочисленная группа собралась было продолжить путь, но другой возглас, на сей раз не детский, а женский, заставил ее снова остановиться:

– Мацуда-сан, если ты уйдешь туда, я умру прямо здесь, перед тобой!

Миниатюрная молодая японка стояла на траве около входа на пандус и прижимала к виску дуло маленького серебристого пистолета.

Мацуда вышел из толпы коллег и приблизился к женщине.

– Мотоко, – сказал он, глядя ей в глаза, – ты помнишь то холодное утро в Саппоро? Ты сказала, что хочешь проверить, действительно ли я люблю тебя или нет. Ты спросила меня, как я поступлю, если ты попадешь в огонь и твое лицо останется изуродованным. Я ответил, что в любом случае останусь с тобой на всю жизнь. Но тебя мои слова разочаровали и расстроили. Ты сказала, что если бы я на самом деле любил тебя, то должен был пообещать, что ослеплю себя, чтобы навсегда сохранить в сердце прекрасную Мотоко.

Рука, которой женщина держала пистолет, не пошевелилась, но темные глаза наполнились слезами.

А Мацуда Сейити продолжал:

– Так что, милая, ты очень хорошо понимаешь значение красоты для человеческой жизни. А сейчас я получил возможность увидеть наивысшую красоту Вселенной. И не могу упустить ее.

– Если ты сделаешь хоть один шаг, я выстрелю!

– Прощай, Мотоко, – негромко сказал Мацуда Сейити,

улыбнулся и, присоединившись к остальным физикам, направился вместе с ними по пандусу. Ни короткий кашель пистолета, ни всплеск крови и мозгового вещества из пробитого пулей насквозь черепа, ни мягкий шлепок, с которым труп упал наземь, не заставили Мацуду оглянуться.

Толпа физиков вышла на круглую поверхность алтаря истины. Стоявший в центре инспектор вселенской безопасности тепло улыбнулся, приветствуя их. Солнце ушло за горизонт, и последний свет сумерек погас. Песок пустыни и пересекавший ее травяной пояс сделались одинаково темно-серыми. Алтарь истины, казалось, нависал над бесконечными черными глубинами космоса, напоминая всем о темной ночи той эпохи, что предшествовала сотворению Вселенной, когда не было еще ни одной звезды. Инспектор взмахнул рукой, и физики увидели, как в далеких черных глубинах появилась золотая звезда. Сначала она была настолько мала, что ее с трудом можно было разглядеть, но постепенно превратилась в яркую точку, а потом и в нечто, имеющее поверхность и форму. Оказалось, что это быстро приближающаяся спиральная галактика. Она стремительно росла; стали видны бурлящие струи газа и туманности. Когда же расстояние еще сократилось, физики разглядели, что все звезды в этой галактике не что иное, как числа и символы, а волны и материальные объекты сложились в одно идеально выстроенное уравнение.

Перед физиками неторопливо, торжественно разворачивалась вожделенная великая единая теория Вселенной.

Когда с алтаря истины взмыли в черное небо восемьдесят шесть огненных шаров, Фан Линь опустила взгляд к траве под ногами. Но тут же услышала тоненький голосок дочери:

– Мама, а который из них наш папа?

Последним на алтарь истины явился Стивен Хокинг. Электрическое инвалидное кресло долго, медленно ползло по пандусу и походило на большого тяжелого жука, забирающегося на дерево. В нем неподвижно возлежало парализованное, оплывшее, как воск сгоревшей свечи, кажущееся бескостным тело ученого.

В конце концов кресло выехало на диск алтаря, где все так же стоял в центре инспектор. К тому времени померкли последние отблески заката, индиговое небо заполнилось звездами, а песок пустыни и разрезавшая его травяная полоса сделались неразличимыми.

– Ваш вопрос, доктор Хокинг, – сказал инспектор точно таким же тоном, каким обращался к большим и малым группам ученых, прошедших перед ним за этот день. Однако, слушая

механический голос встроенного в кресло динамика, он улыбался Хокингу своей неестественной улыбкой.

– Какая цель у Вселенной?

На небе не появилось никаких сигналов, знаменующих ответ. С лица вселенского инспектора исчезла улыбка, зато какое-то мимолетное выражение – не отчаяние ли? – мелькнуло в глазах.

– Сэр?.. – вопросительно произнес Хокинг.

Молчание. Небо все так же темно. Лишь случайные клочки облаков, проплывая в вышине, мимолетно затмевали пылающие звездные системы Вселенной.

– Прошу прощения… сэр… – сказал Хокинг.

– Профессор Хокинг, выход у вас за спиной, – сказал инспектор.

– Это ваш ответ?

Инспектор покачал головой.

– Я говорю, что вы можете возвращаться обратно.

– То есть вы не знаете?

На сей раз инспектор утвердительно кивнул:

– Не знаю. – В этот момент он не только больше, чем прежде, походил на человека, но казался личностью, обладающей полной индивидуальностью, поскольку на его лицо легла темная тень печали. Любой, кто увидел бы его тогда, не усомнился бы в том, что он настоящий человек.

И, возможно, даже слишком человечный.

– Откуда мне знать-то?.. – пробормотал инспектор.

Эпилог

Однажды ночью, пятнадцать лет спустя, посреди заросшей пышной травой равнины, которая когда-то была пустыней Такла-Макан, беседовали мать и дочь. Матери было за сорок, но на висках у нее давно появились седые пряди, а в потускневших глазах нельзя было разглядеть почти ничего, кроме тревоги и усталости. В расширившихся в темноте зрачках стройной и хрупкой дочери мерцал отблеск звездного света.

Мать сидела на мягкой сочной траве и тоскливо смотрела на далекий горизонт.

– Вэньвэнь, сначала ты поступила на физический факультет, где учился твой отец, а теперь собираешься специализироваться по квантовой гравитации. Я же никогда не пыталась препятствовать тебе. Если хочешь, можешь стать теоретиком, можешь полностью посвятить себя этому направлению, но, Вэньвэнь, все же послушай мать. Пожалуйста, дорогая, я ведь не

многого прошу. Не переходи черту!

– Мама, ты только представь себе, – ответила Вэньвэнь, не отрывая взгляда от сияющего Млечного Пути, – что двадцать миллиардов лет назад все началось с микроскопической точки! Вселенная перешла черту давным-давно.

Фан Линь вскочила, как подброшенная, и схватила дочь за плечи:

– Дитя мое, только не это!

Вэньвэнь ничего не ответила. Она стояла все так же неподвижно и смотрела на звезды.

– Вэньвэнь, ты слышишь свою маму? Что с тобой? – Фан Линь встряхнула дочь, но звезды полностью поглотили внимание Вэньвэнь. Она не ответила на вопрос, а, напротив, спросила сама:

– Мама, какая цель у Вселенной?

– Ах… нет! – У Фан Линь подкосились ноги; она осела на траву и закрыла лицо руками. – Деточка, только не это!

Вэньвэнь наконец оторвала взгляд от россыпи звезд, села рядом с матерью, обняла ее за плечи и спросила тихим, даже робким голосом:

– Мама, а у человечества какая цель?

Этот вопрос остудил пылающее сердце Фан Линь, как будто его осыпало снегом. Она повернулась, взглянула дочери в глаза, а потом задумчиво посмотрела вдаль. Точно так же она смотрела в ту сторону пятнадцать лет назад – туда, где возвышался алтарь истины, а еще за несколько дней до того пустыню и всю планету пересекал Эйнштейновский экватор.

Пробежал легкий порыв ветерка, и мягкое травяное море всколыхнулось, будто людское море, колышущееся под звездной бесконечностью и негромко воспевающее Вселенную.

– Не знаю. Откуда мне знать-то? – пробормотала Фан Линь.

Слава и мечты [21]

Олимпийские игры откладываются

Восточное небо уже окрасилось ярким багрянцем рассвета. Но на земле, в Республике Западной Азии, все еще лежал мрак, как будто отступающая ночь залила все черной жижей.

Мистер Грант выехал на небольшом грузовике, заполненном мусором, через главные ворота станции гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций. Все коренные жители Западной Азии, работавшие на базе, уехали, и уже несколько дней он вывозил мусор сам. Но это было в последний раз. Уже завтра оставшейся группе сотрудников ООН также предстояло уехать. По всей вероятности, буквально через несколько дней война должна была снова обрушиться на эту страну.

Грант остановил грузовик около ближайшей помойки, вылез из кабины и вынул из кузова мешок. Когда он потянулся за вторым мешком, его рука на несколько секунд замерла в воздухе. В этом мертвом месте все же нашлось что-то живое – маленькая черная точка на горизонте перемещалась и подпрыгивала, как будто отказывалась присоединиться к темному фону этой земли. Так мог бы метаться солнечный зайчик, плохо различимый на ярком солнечном фоне.

Внезапный звук заставил Гранта оглядеться по сторонам. Он увидел, что к мешку для мусора, который он только что поставил, приближаются несколько черных теней – будто камни на земле ожили и пришли в движение. Это были завсегдатаи свалки, которых все, да и они сами, для краткости именовали не иначе как падальщиками. Они являлись сюда ежедневно, мужчины и женщины, молодые и старые. Блокада продолжалась уже семнадцать лет, и голод все сильнее и сильнее душил страну.

Грант снова поднял голову. Теперь он уже видел, что точка, которую он приметил, это бегущий человек. На фоне неба, которое все же было немного светлее земли, точка теперь походила на жука, пританцовывающего перед огнем.

В этот момент у падальщиков произошла небольшая заминка. Один из них увидел половину сосиски, молниеносным движением сунул ее в рот, быстро разжевал и проглотил с блаженным видом, а остальные равнодушно, даже без зависти, уставились на него и даже на несколько секунд забыли о своем занятии. Впрочем, они тут же опомнились и вновь углубились в содержимое разодранного мешка. Для их затуманенных голодом мозгов

объедки среди прочего мусора сияли ярче восходящего солнца.

Грант снова поднял голову. Бегущий человек еще приблизился, и уже было видно, что это женщина. Очень худая молодая женщина. Гранту пришло в голову третье сравнение: молоденький саженец дерева, покачивающийся на утреннем ветерке. Когда же она приблизилась настолько, что стало слышно ее тяжелое дыхание, он с изумлением понял, что не слышит ее шагов. Ей оставалось пробежать до помойки совсем немного, как вдруг она оступилась и шлепнулась на землю. Оказалось, что это очень молодая девушка, чуть ли не подросток с иссиня-черной кожей, одетая в старый байкерский жилет и затертые беговые шорты. Что-то в ее глазах привлекло внимание Гранта. Они странно выделялись на исхудалом личике, делая девушку похожей на какого-то ночного зверька. В них блестел свет, какого не было в апатичных взглядах прочих падальщиков, как будто они зажглись от предрассветного зарева, и в этом свете смешивались страсть, страдание и страх. Бытие этой девушки сконцентрировалось в глазах, и поэтому ее маленькое изможденные лицо и тело воспринимались как веточка с увядающим листком, сохранившаяся на сорванном фрукте. Она дышала тяжело, шумно, и звук ее дыхания походил на отдаленные порывы ветра. Бледные губы растрескались. Один из падальщиков обратился к ней на западноазиатском языке, который Грант немного понимал. Эту реплику он понял примерно так:

– Цинни, ты опять опоздала. Никто не станет делиться с тобой жратвой, и не надейся!

Девушка по имени Цинни как будто силой заставила себя опустить взгляд на мусорный мешок; можно было подумать, что ее внимание притягивает что-то очень далекое. Но как только она принялась вместе с остальными разбрасывать мусор в поисках чего-нибудь съедобного, стало видно, насколько она голодна. Почти все успели разобрать, но ей все же повезло – подвернулась открытая банка с остатками рыбных консервов. Девушка схватила вываренные косточки и торопливо разжевала. Проглотив это подобие еды одним глотком, она попыталась выпрямиться и возобновить поиски, но потеряла сознание. Грант подошел к ней и поднял. Ее тело, покрытое потом, оказалось невероятно легким: можно было подумать, что он держит в руках сверток одежды.

– Это от голода. С ней такое уже бывало, – сказал кто-то на безукоризненном английском языке.

Грант осторожно положил Цинни наземь, открыл кабину, вынул бутылку с молоком, присел на корточки и принялся поить девушку. Она узнала вкус молока, даже несмотря на то, что была

без чувств, и принялась жадно глотать.

– Где быть ты дом? – спросил Грант на ломаном западноазиатском языке с жутким акцентом, как только увидел, что она приходит в себя.

– Она немая.

– Она далеко отсюда живет? – обратился Грант к тому из падальщиков, который говорил по-английски, мужчине в очках и с клочковатой бородой.

– Нет, она из лагеря беженцев неподалеку, но каждое утро бегает до реки и обратно.

– До реки! Но ведь это… это же больше десяти километров. Она что, ненормальная?

– Нет, это она тренируется. – Увидев недоумение Гранта, падальщик пояснил: – Она спортсменка, одна из сильнейших бегуний Республики Западной Азии на марафонскую дистанцию.

– А-а… Но, насколько я помню, в стране уже много лет не проводились спортивные соревнования.

– Как бы там ни было, о ней все говорят так.

Цинни уже очнулась, взяла у Гранта бутылку и выпила молоко до дна. Грант, все так же сидя на корточках, вздохнул и покачал головой:

– Да, да… Куда ни попадешь, всюду найдутся люди, живущие в мире своей мечты.

– Я тоже когда-то был таким, – ответил падальщик.

– Вы прекрасно говорите по-английски.

– Одно время я был профессором английской литературы в Западно-Азиатском государственном университете. Семнадцать лет санкций и блокады отучили нас мечтать. В конце концов все мы, кто-то раньше, кто-то немного позже, становимся такими, – он указал на продолжавших копошиться в мусоре падальщиков. Обморок Цинни не вызвал ни у кого из них никаких эмоций. – Лично я мечтаю только о том, что смогу урвать спиртного, которое вы бросите, уезжая, и напьюсь.

Грант с сочувствием посмотрел на Цинни:

– Она же так погубит себя.

– А что поделать? – пожал плечами профессор английской литературы. – Через два-три дня возобновятся военные действия, вы все уедете, гуманитарная помощь прекратится, дороги перекроют. Мы все умрем – если не под бомбами, так от голода.

– Но я думаю, что война быстро закончится, ведь народ Западной Азии давно устал от нее. В стране и так уже полный беспорядок.

– Совершенно верно. Нам не нужно ничего, кроме еды. И жизни. – Профессор указал на молодого парня с грязными,

сбившимися в колтуны волосами, который продолжал старательно перебирать мусор. – Он, например, дезертир из армии.

И тут Цинни, все еще безвольно полулежавшая, опираясь на Гранта, подняла тонкую руку и указала на базу ООН – несколько теснящихся друг к другу белых сборных домиков, – неподалеку от которой они находились, а потом сделала несколько выразительных жестов обеими руками.

– Похоже, она хочет, чтобы вы отвели ее к себе, – сказал профессор.

– Она слышит? – спросил Грант. Увидев, что профессор кивнул, он повернулся к Цинни и, помогая себе жестами одной руки, стал объяснять на ломаном западноазиатском: – Ты нельзя. Ты нельзя туда войти. Я дать тебе еще еды. Завтра. Ты не ходить. Завтра мы уехать.

Цинни стала что-то писать пальцем на песке по-западноазиатски. Профессор прочитал и перевел Гранту:

– Она хочет посмотреть у вас по телевизору церемонию открытия Олимпийских игр. – Он досадливо покачал головой: – Бедное дитя. И ведь ей никак не объяснить, что впустую тратит силы. Она неисправима.

– Олимпийские игры отложили на один день, – сказал Грант.

– Из-за войны?

– Как, вы не знали? – Грант удивленно огляделся по сторонам.

– Ну, какое нам дело до Олимпийских игр. – Профессор опять пожал плечами.

Тут они оба оглянулись, услышав резкий звук автомобильного мотора. По дороге к ним медленно приближался старомодный автобус, какой вряд ли можно было бы увидеть где-либо еще, кроме Западной Азии. Машина остановилась около помойки, дверь открылась, оттуда выскочил мужчина лет пятидесяти с густой проседью в черных волосах и крикнул:

– Цинни здесь? Я ищу Цинни Видья!

Цинни попыталась встать, но ноги у нее подкосились, и она снова опустилась на землю. Незнакомец шагнул вперед и увидел ее.

– Деточка, что с тобой? Ты помнишь меня?

Цинни кивнула.

– Кто вы такой и откуда взялись? – резко спросил профессор.

– Я директор Национального агентства по спорту, моя фамилия Клэр, – ответил тот и поднял Цинни на руки.

– В стране все еще существует спорт? – спросил Грант, не сдержав удивления.

Клэр поставил Цинни на ноги и, бережно поддерживая ее, посмотрел на выглянувшее из-за горизонта солнце и ответил, медленно, отрывисто цедя слова:

– Сэр, в Республике Западной Азии есть все. Или скоро будет! – С этими словами он помог Цинни забраться в автобус.

Глядя на Цинни, которая не по возрасту тяжело, словно глубокая старуха, раскинулась на потертом сиденье, Клэр вспомнил, как впервые увидел эту юную женщину год назад.

В тот знаменательный вечер он как раз выходил из старого трехэтажного дома, который занимало Агентство по спорту. Он безвылазно просидел на месте весь рабочий день и чувствовал себя одуревшим. Когда Клэр устало открыл дверь своей старой «Волги» и начал садиться, кто-то сзади схватил его за руку. Он оглянулся и увидел Цинни. Она была очень взволнована и выразительными жестами показывала, что хочет сесть к нему в машину. Он очень удивился, но девушка смотрела так искренне, что нельзя было ей не поверить. Поэтому он открыл вторую дверь, усадил ее рядом с собой и поехал туда, куда она указывала пальцем.

– Ты… наша, местная? – спросил Клэр. Вопрос был отнюдь не пустой, потому что он, как старый тренер, с первого взгляда узнавал людей, долго и серьезно занимавшихся спортом. Тренировки накладывали на них не только физический, но и духовный отпечаток. Хотя Цинни была одета в мешковатый балахон по старинному обычаю Западной Азии, Клэр наметанным глазом сразу увидел под ним спортсменку. Вот только ему с трудом верилось, что после десяти с лишним лет нищеты и голода в стране остался кто-нибудь, искренне желающий заниматься спортом.

Цинни кивнула.

Следуя указаниям Цинни, они скоро приехали на столичный стадион. Когда они вышли из машины, Цинни нацарапала на земле фразу: «Посмотрите, пожалуйста, как я бегу марафон». Подойдя к стартовой линии беговой дорожки, Цинни сняла балахон и осталась в беговом топике и шортах, которые будет носить и впредь. Клэр дал отмашку, она сорвалась с места и понеслась по кругу легкими четкими шагами. Очень скоро Клэр увидел, что у девушки редкий талант к стайерскому бегу, но от этого у него лишь болезненно защемило сердце.

Западноазиатская национальная спортивная арена, рассчитанная на восемьдесят тысяч зрителей, лежала в руинах. На покрытой толстым слоем пыли беговой дорожке росли сорняки, а на западном конце овала в крыше трибуны зияла большая брешь, оставшаяся после авиационной бомбежки

несколько лет назад. В брешь пробивались лучи заходящего солнца, лежащие кроваво-красными полосами на противоположной трибуне.

Предвоенный период был золотым веком спорта в Западной Азии, но конфликт семнадцатилетней давности и последовавшие за ним блокады и санкции сделали спорт в этой стране излишней роскошью. Государственные расходы на спорт сократились настолько, что лишь несколько спортсменов могли в пропагандистских целях участвовать в международных соревнованиях. Но в последние годы, когда ситуация в стране ухудшалась день ото дня, правительство отменило даже это скромное финансирование, оставив спортсменов на произвол судьбы. Штат Национального агентства по спорту насчитывал сегодня всего четыре человека, и даже их могли уволить в любой момент.

Вечерняя заря меркла на западе, а с востока уже светила луна. Цинни пробегала круг за кругом, то входя в тени, то появляясь в полосе желтого лунного света, ее легкие шаги отдавались эхом среди огромных руин, напоминавших римский Колизей. Клэр подумал, что эта девушка похожа на сновидение о былых славных днях, заставляющее время течь вспять в залитых лунным светом руинах. В его сердце прорезался легкий след чувства, которое, как он думал, давно покинуло его, потом заполнило до краев, и неожиданно по лицу заструились слезы.

Сто пятьдесят кругов по дорожке стадиона Цинни завершила, когда луна высоко поднялась и ее свет залил половину арены. Она не стала прохаживаться для «заминки», как принято у бегунов, а просто остановилась в нескольких шагах от финишной черты и смотрела на Клэра. В лунном свете она казалась статуей работы искуснейшего скульптора.

– Два часа шестнадцать минут тридцать секунд. Введем поправку на условия дорожки, прибавим три минуты… Все равно получился национальный рекорд.

Цинни улыбнулась. Большинству марафонцев свойственна скупость мимики, внешне похожая на равнодушие, причиной которой служит привычка постоянно рассчитывать и экономить расход энергии на тренировках и соревнованиях. Но оказалось, что у Цинни трогательная улыбка. И эта улыбка вонзилась ему в сердце, как нож. Он стоял в оцепенении, превратившись в еще одну статую на беговой дорожке, пока его не вернул к реальности звук тяжелого дыхания Цинни. Тогда он снова застегнул ремешок часов на запястье и тихо сказал:

– Дитя, ты родилась в неудачное время.

Цинни кивнула.

Клэр наклонился, поднял с земли балахон, который девушка сбросила перед забегом, и подал его Цинни.

– Я отвезу тебя домой. Уже поздно, и твои родители будут волноваться.

Цинни сделала жест отрицания, и Клэр понял ее. У нее не было ни родителей, ни дома. Она зажала под мышкой скомканную одежду, повернулась и быстро скрылась в тенях полуразрушенного стадиона.

Автобус полз к окраине города, расслабленное вялое тело Цинни безвольно раскачивалось, когда автобус потряхивало на кочках. От усталости и слабости ее клонило в сон. Но она резко пробудилась, услышав за спиной:

– Салих, но как же ты угодил в тюрьму?

Цинни обернулась, чтобы взглянуть на человека, которого назвали Салихом. Она сразу узнала его, хотя лишь с трудом можно было поверить, что этот жалкий заморыш был когда-то самым прославленным спортсменом Республики Западная Азия, звездой первой величины. Алек Салих был одним из трех спортсменов, завоевавших медали для Западной Азии на международных соревнованиях во время блокады. Четыре года назад он даже стал чемпионом мира по стрельбе из лука среди мужчин, что сделало его национальным героем. Цинни до сих пор отчетливо помнила, как величественно он выглядел, проезжая в автомобиле с откидным верхом по центральному бульвару столицы. Сейчас позади нее сидел изможденный, кожа да кости, мужчина неопределенного возраста с изуродованным шрамами бледным лицом, одетый в грязную тюремную робу. Он заметно дрожал, но, скорее, от нервного напряжения, потому что утро никак нельзя было назвать прохладным.

– Он был телохранителем в частной корпорации, – ответил Клэр за Салиха. – Там хорошо знали, как он умеет стрелять.

– Я не хотел умереть от голода, – пробормотал Салих.

– И все же чуть не умер от голода. Нынче свободные горожане с трудом находят жалкое пропитание, а уж в тюрьме-то каково? Люди мрут как мухи от голода и болезней. Так что ты, похоже, ничего не выиграл.

– Господин директор, если бы вы не забрали меня оттуда, я точно умер бы. Но почему вы вдруг обо мне вспомнили? Куда мы едем?

– Мы едем в аэропорт, а вот зачем, я и сам не знаю. Я получил приказ отыскать и собрать всех наших сильнейших спортсменов последних лет.

Автобус остановился, и вошла целая группа новых

пассажиров. Все они, как и большинство прочих жителей Западной Азии, одеты были в тряпье, но отличались неестественной худобой, которая наряду с желтушным оттенком кожи говорила о том, что они давно и постоянно голодали. Многие вдобавок то и дело кашляли. На всех лицах отчетливо расписалась покорность судьбе. От остальных они отличались очень высоким ростом, из-за которого, впрочем, казались еще немощнее. По салону они все двигались, согнувшись в поясе, как креветки, давно вынутые из воды. Цинни узнала их: это были баскетболисты из сборной страны.

– Привет, парни, – бодро поздоровался Клэр. – Как дела?

– Вы, господин директор, сначала нас накормите, а потом спрашивайте.

– Точно! Большому начальству никогда не приходится голодать так, как нам. Вы ведь даже сейчас питаетесь за счет спорта. А как питаемся мы? Раз в день, и то лишь голод перебить ненадолго.

– Ага! Но и этого скоро не будет. Гуманитарку уже перестали поставлять!

– Не переживайте. Погодите немного – как только возобновится война, на черном рынке вновь появится человечина…

Баскетболисты наперебой жаловались на судьбу, не обращая внимания, слушают их или нет, а Цинни рассматривала их, но не могла узнать того, которого больше всего хотела увидеть. Вместо нее напрашивающийся вопрос задал Клэр:

– А где Мурад? – Да, среди великанов отсутствовал Гэри Мурад, которого называли западноазиатским Майклом Джорданом.

– Он умер. Уже с полгода прошло.

Клэр вроде бы не удивился:

– Вот как… А Инсия?

Это имя Цинни вспомнила, хоть и не без труда, – молодая звезда женской баскетбольной сборной. Жена Мурада.

– Они умерли вместе.

– Боже мой! Как же это случилось?

– Вы бы лучше спросили, как мир стал таким сволочным. Они ведь, как и все мы, ничего не умели, кроме как гонять мячик, и, как и все мы, голодали несколько последних лет. А уж ребенок был им совсем ни к чему, но он родился, и все полетело кувырком. А потом их пособие урезали вдвое. Ребенок прожил всего три месяца, затем умер, как сказали врачи, от неправильного питания – на самом деле от голода. Когда умер ребенок, они всю ночь проплакали, а потом все стихло. Они даже

еду приготовили, сели вдвоем и все съели. Впервые за много лет наелись досыта. Вы же знаете, сколько все мы раньше ели! Оказалось, что они съели весь свой месячный паек. А утром к ним заглянул кто-то из соседей и увидел, что они мертвы. Они добавили в пищу какой-то яд и умерли во сне.

После этого рассказа все затихли и молчали до тех пор, пока автобус не остановился в очередной раз. Вошел один человек – роскошная женщина с волосами, выкрашенными в огненно-рыжий цвет, с густыми тенями на веках и ярко-красной помадой на губах.

– Ух ты! – воскликнул кто-то. – Хоть кто-то не голодал!

Женщина была одета броско, но вульгарно; ее наряд не оставлял никакого места воображению. Всем своим обликом она резко отличалась от изможденных и оборванных прочих пассажиров автобуса.

– Эй, похоже, она не только хорошо питается, но и вообще живет неплохо! – раздался чей-то голос.

– Может быть, и нет. Нынче и в столице почти так же голодно, как и по всей стране. Кроме того, в районе красных фонарей благополучие долгим не бывает.

– Эй, эй, вы это бросьте! – громко возразила дама, улыбнувшись во весь рот. – Я обслуживаю миротворческие силы ООН.

Весь автобус расхохотался, но окрик Клэра тут же перебил смех.

– Райли, – рявкнул он, – держись достойно!

– Ах, дядя Клэр, червям, которые заводятся в трупах, безразлично, достойными были эти люди при жизни или недостойными! – высокопарно ответила дама и, махнув рукой, опустилась на сиденье рядом с Цинни.

Цинни уставилась на нее округлившимися глазами. Господи, неужели это Райли Уэнделл? Красавица, выигравшая бронзу по гимнастике? Пленительный яркий цветок западноазиатского спорта?

Заключительная часть поездки проходила в молчании. Через двадцать минут автобус прибыл на стоянку перед аэропортом. Там стояли еще два автобуса, также доставившие спортсменов, в недавнем прошлом входивших в сборную страны. Помимо баскетбольной команды приехали футболисты и представители еще одиннадцати видов спорта.

На взлетной полосе стоял «Боинг» – несмотря на то что небо Республики Западной Азии давно объявили закрытым, сюда каким-то образом прилетел и сел большой и роскошный авиалайнер. Клэр повел спортсменов к самолету. Несколько

иностранцев в костюмах и кожаных ботинках вышли из двери им навстречу и встали на верхней площадке трапа. Один из них жестом остановил всю толпу перед трапом и заговорил. Спортсмены узнали его с первого взгляда: это был президент Международного олимпийского комитета. Но по-настоящему их потрясли его слова, которые переводил Клэр:

– Друзья мои, по поручению всего международного сообщества я прибыл в Республику Западной Азии, чтобы пригласить вас принять участие в двадцать девятых Олимпийских играх!

Пекин

Итак, они в Пекине!

Когда автобус доставил команду в город, Цинни вздохнула. Когда-то этот далекий город не имел для нее, бедной, голодающей девушки из Западной Азии, никакого значения, но после предыдущей Олимпиады, четыре года назад, Цинни стала воспринимать Пекин как землю обетованную. Она мало что знала о Китае – лишь то, что почерпнула из старого фильма о боевых искусствах, снятого в мрачных черно-белых тонах. В ее воображении Пекин рисовался древним и безмолвным городом. Ей никак не удавалось связать свое представление о нем с грандиозным величием Олимпийских игр. Ей много раз снились игры, снился ей и Пекин, но они никогда не соединялись. В одних сновидениях она, как птица, проносилась над огромными толпами на олимпийских площадках; в других бродила по лабиринту хутунов[22] и вокруг старой городской стены, которая, как она считала, обязательно должна быть в Пекине, искала олимпийский стадион и не могла найти.

Цинни широко раскрытыми глазами смотрела в окна автобуса, отыскивая взглядом хутуны и городские стены, которые выстроила в воображении, но вместо них увидела множество небоскребов – совершенно новых и очень высоких. Лес зданий, сверкающих белизной под солнцем, как игрушки, только что вынутые из коробки, как гигантские растения, выросшие за ночь и нежно льнущие к небесам. Лишь теперь Цинни удалось связать Пекин с Олимпийскими играми.

Волнение от вступления в новый мир было подобно солнцу, пробивающемуся сквозь разрывы в облаках и ласкающему лучами света сердце Цинни. Но свет почти сразу же опять заслонили темные тучи.

Мировые СМИ трубили о каких-то великих ожиданиях и надеждах западноазиатских спортсменов, а те на самом деле вовсе не радовались неожиданно выпавшей возможности участвовать в Олимпийских играх. За десять лет жители многострадальной страны вообще отвыкли надеяться на что бы то ни было; напротив, они были обескуражены. К добру ли, к худу ли обернулись дела, но первым их побуждением было укрыться в раковину и попытаться обезопасить себя. У них не возникло никаких вопросов – даже такого вроде бы напрашивающегося: как их могли ввести в программу Олимпийских игр без прохождения отборочного цикла? Они тихонько, крадучись, поднялись в самолет, разместились по креслам и затаив дыхание стали настороженно ждать дальнейшего развития событий.

Цинни вошла в громадный, почти пустой салон и села у окна. Со своего места она видела, как президент МОК увел Клэра и других чиновников, входивших в делегацию Западной Азии, за перегородку, отделявшую салон первого класса от остальной части самолета. Более часа оттуда не доносилось ни звука. Спортсмены терпеливо ждали. Наконец Клэр вышел и стал молча сверять присутствовавших со списком, который держал в руке. Все глаза были устремлены на его лицо, хранившее нарочитое спокойствие. Видя эту безмятежность, Цинни поняла: что-то не так. Вскоре ее пристальный взгляд уловил еще одну несообразность: завершив проверку, Клэр шагнул к входу в салон первого класса, но замер, простоял несколько секунд с протянутой рукой, глядя куда-то в пространство, как будто внезапно ослеп, и лишь потом взялся за ручку двери. Да, повторила про себя Цинни, что-то не так.

Что-то не так по-крупному.

Вскоре после того, как спортсмены расселись по местам, им подали еду, и все наелись досыта, съев по две, а кто и по три порции. Китайские стюардессы и стюарды явно удивлялись тому, как много способны съесть эти пассажиры.

Когда самолет оторвался от земли, Цинни прильнула к иллюминатору, но ее родина почти сразу же скрылась под облаками, которые почти не расходились на всем протяжении полета. Как будто планете было что прятать.

После приземления в Пекине спортсмены еще два часа ждали в самолете, потом им выдали форменную одежду Западно-Азиатской делегации, они переоделись и спустились по трапу. В здании аэровокзала их ослепили вспышки бесчисленных фотокамер. Зал был полон репортеров, окруживших делегацию, как голодные волки – отару овец. Но вся эта стая держалась метрах в двух от делегации, остававшейся в свободном кругу и

как будто окруженной невидимой силовой стеной. Цинни, да и всех прочих западноазиатских спортсменов больше нервировало то, что никто из репортеров не лез к ним с вопросами. Тишину в зале прилета нарушали только щелчки затворов фотокамер и шарканье множества подошв. Когда спортсмены подошли к выходу, раздался характерный грохот, и, оказавшись снаружи, они увидели, что в небо взмыли три вертолета – непонятно, то ли с прессой, то ли военные. Для их группы подали два автобуса, зато сопровождала дюжина полицейских машин и множество полицейских мотоциклистов. Выехав из аэропорта на шоссе, ведущее к городу, Цинни и все остальные увидели еще одну странность, которая потрясла их еще сильнее: на дороге не было никаких машин, кроме их кортежа.

Все это что-то значило…

В Олимпийскую деревню их привезли, когда уже начало смеркаться. Тут неясные опасения, мучившие западноазиатских спортсменов, превратились в ужас: Олимпийская деревня была совершенно пустынна. Дома, предназначенные для размещения спортивных делегаций, стояли темными; свет горел лишь в том из них, перед которым остановились автобусы. Посреди площади, окруженной домами, стояло кольцо из множества высоких флагштоков, но ни на одном из них не было национальных флагов, они походили на рощу, сбросившую листву на зиму. Вокруг квартала городские огни озаряли половину ночного неба, оттуда слабо доносились звуки уличного движения и других проявлений жизни мегаполиса, и от этого тишина в Олимпийской деревне делалась еще жутче. Цинни бросило в озноб – это место показалось ей похожим на могильный склеп.

В просторном вестибюле Клэр, как глава делегации, кратко проинструктировал спортсменов:

– Располагайтесь в отведенных для вас комнатах. Через час туда подадут обед. Ночью никуда не выходите. Все вы должны отдохнуть как следует, а завтра в девять утра мы будем представлять Республику Западной Азии на церемонии открытия двадцать девятых Олимпийских игр.

Цинни поднималась в лифте вместе с Клэром и Салихом. Там Салих, понизив голос, спросил у директора:

– Вы так и не хотите сказать нам правду. Нас что, включили в «Окно к миру»?

– Завтра все будет ясно. А сейчас всем необходимо, по крайней мере, выспаться в человеческих условиях.

Цинни окинула взглядом грандиозную олимпийскую спортивную арену, и на несколько мгновений радостное возбуждение пересилило ее тревогу и страх. Что бы ни случилось в ближайшие несколько дней, она все же вступила на священное поле своей спортивной мечты. Чего еще можно желать в жизни?!

Но страх перед будущим отодвинулся совсем ненадолго. Все, что происходило с ней за последние два дня, сильнее и сильнее смахивало на странное мрачное сновидение. Рано утром делегацию Западной Азии погрузили в автобусы и повезли из Олимпийской деревни на Олимпийский стадион. По сторонам широкой улицы толпился народ, но Цинни, как ни смотрела, так и не увидела ни у кого флажков или воздушных шариков. Никто не приветствовал спортсменов, никто даже не улыбался. Более того, все эти многотысячные толпы стояли молча и мрачно рассматривали автобусы. У Цинни, как и вчера, начался нервный озноб. Она думала, что все это похоже на похороны.

У входа на Олимпийский стадион, конечно, места было предостаточно. Две плотные шеренги полицейских выстроились и замерли по стойке смирно, встречая приближающиеся автобусы. Машины остановились у восточных ворот стадиона, спортсмены вышли из автобусов, и Клэр сразу приказал им построиться в четыре шеренги. Цинни, стоявшая в первом ряду фаланги, внимательно прислушивалась, но со стадиона не доносилось ни звука. Во всем гигантском сооружении царила тишина. Клэр извлек из машины широкий флаг Республики Западная Азия, подозвал Салиха и еще двоих самых известных спортсменов взять флаг за углы. Пока он оглядывался, выбирая четвертого, Райли, стоявшая в первом ряду, шагнула вперед и взяла у главы делегации последний угол. Но Клэр покачал головой, забрал флаг у Райли и передал другой спортсменке – похоже, первой, попавшейся ему на глаза. Райли покраснела от публичного оскорбления, несколько секунд прожигала глазами руководителя, но в конце концов вернулась в строй. Четверо спортсменов развернули флаг, и пекинский ветерок пустил по нему частые волны. Клэр, стоявший рядом с флагом, провозгласил громким, официальным голосом:

– Дети Западной Азии! Подтянитесь! Держитесь бодрее! Сегодня мы представляем свою тяжело страдающую родину на главной спортивной арене двадцать девятых Олимпийских игр!

Следом за флагом спортсмены Республики Западной Азии колонной двинулись вперед и вскоре достигли широких ворот восточного входа на стадион. Потом они прошли по длинному туннелю. Цинни шла в первом ряду и хорошо видела, как приближался дальний портал туннеля. Ее сердце отчаянно

колотилось – ей представлялось, что за теми воротами лежит другой мир и другое время, где ждут совсем иные жизнь и судьба.

Цинни старательно настраивалась на что-то неожиданное, и все же, когда перед нею раскрылся простор огромной арены, она оцепенела. Она застыла бы на месте, если бы ее не подтолкнули шедшие позади. В голове мутилось, и она нашла спасение в том, что продолжала, как и все двое последних суток, уверять себя, что это лишь дурной сон. И то, что она увидела сейчас, лишь укрепило ее в этом убеждении.

Стадион, на который они вышли, был совершенно пуст.

Было ровно девять утра, и солнце уже залило половину стадиона. Гигантская чаша, куда вступили спортсмены, была словно отрезана от мира, и из всех звуков там существовало только гулкое эхо шагов. Как только первое потрясение прошло, Цинни увидела какое-то движение по другую сторону арены. Это была еще одна группа спортсменов, которые, как и представители Западной Азии, вошли на стадион стройной колонной по четыре, перед которой несли государственный флаг; в ярком солнечном свете Цинни хорошо видела на нем звезды и полосы. Пройдя немного, американцы вдруг разразились ликующими криками: они шли твердым шагом, держа равнение в шеренгах, головы колыхались в четком ритме, как у римских легионеров, движущихся к полю боя.

Колонны прошли по сторонам от центральной линии, остановились и повернулись лицом друг к другу. Их разделяло несколько десятков метров. В этом промежутке, в центральном круге, стояло небольшое возвышение с эмблемой президента МОК. Спортсмены разом притихли, будто время остановилось.

От боковой трибуны по специально уложенному поверх зеленого поля настилу направился один-единственный человек. Его мерные шаги эхом разносились в пустой чаше стадиона, как отсчет тревожного метронома. Это оказался не президент Международного олимпийского комитета, как можно было ожидать, а Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, пожилой, тощий, будто высушенный, бразилец. Он прошествовал к возвышению, остановился и так же неторопливо обвел взглядом две шеренги спортсменов. Постояв так с полминуты, он наконец заговорил. Благодаря мощной акустической системе, его голос звучал так, будто вещало само небо.

– В двадцать девятых Олимпийских играх будут участвовать только две команды – Соединенных Штатов Америки и Республики Западная Азия. Игры пройдут вместо войны между этими двумя странами.

В случае победы Америки Западная Азия должна будет выполнить все требования ультиматума, разоружить армию и полностью демилитаризоваться. Республика будет разделена на три самостоятельных страны, а все члены ее нынешнего правительства предстанут перед международным судом за военные преступления.

В случае выигрыша Республики Западной Азии война прекратится. США и все их союзники отступят с позиций, занятых для запланированного наступления на Западную Азию. Организация Объединенных Наций отменит все экономические санкции против республики и вновь примет ее в международное сообщество.

Генеральный секретарь ООН повернулся к сборной Западной Азии:

– Вряд ли можно сомневаться в том, что сборная команда Западной Азии проиграет эти Олимпийские игры. Прошу вас учесть следующее: если начнется война, Республика Западной Азии наверняка потерпит поражение, но в этом случае обе воюющие стороны – и ваша страна в особенности! – будут платить кровью.

Возможно, вы решите, что эти Олимпийские игры затеяны лишь для того, чтобы замаскировать принуждение Западной Азии к капитуляции. Но это не совсем так. Если ваша команда отстанет от американцев не более чем на одну золотую медаль, то, несмотря на общее поражение Республики Западной Азии, итоговый результат окажется уже другим – страна не будет разделена, сохранит вооруженные силы и нынешнее правительство продолжит свою работу. Западной Азии придется уничтожить свое химическое и биологическое оружие, но с нее будет востребована только треть контрибуций, заявленных в ультиматуме. Конечно, такое очень маловероятно, и все же любая золотая медаль западноазиатских спортсменов даст проигравшей стороне некоторые права и привилегии. Чтобы уговорить правительства обеих воюющих сторон на эти условия, которые скрупулезно зафиксированы в договоре, потребовались продолжительные и напряженные дипломатические усилия. К тому же нельзя утверждать, что у Западной Азии нет никаких шансов на победу. Например, Алек Салих и Райли Уэнделл несомненные фавориты в стрельбе из лука и гимнастике.

Генеральный секретарь ООН перевел взгляд с команды Западной Азии на летнее небо над Пекином.

– Организация Объединенных Наций впервые осуществляет на практике инициативу «Окно к миру». Это выдающийся эксперимент из числа тех мер, которые в этом тысячелетии

помогут человечеству научиться жить без войн!

Названием «Окно к миру» мы обязаны глубокоуважаемому Биллу Гейтсу[23]. Еще в самом начале века мистер Гейтс решил, что научные и производственные достижения «Microsoft» и богатство этой компании должны еще сильнее влиять на обстановку в мире. Исходя из этого, он организовал разработку чрезвычайно объемного и сложного программного обеспечения. В результате был создан виртуальный программный пакет для использования на суперкомпьютере, который позволил бы, опираясь на всеобъемлющую базу данных о военных стратегии, тактике, технологии и конкретном состоянии вооруженных сил, экономики и народонаселения стран мира, осуществлять компьютерную имитацию военных действий, которая заменила бы реальные вооруженные конфликты. Программу назвали «Окно к миру». Как известно, попытка оказалась неудачной. Во-первых, современные программные технологии все еще не достигают уровня сложности, необходимого для полного моделирования современной войны. Но вторая, более важная причина провала инициативы заключалась в том, что при нынешнем состоянии международных отношений трудно рассчитывать на предоставление достоверных исходных данных для моделирования, а уж на согласие конфликтующих сторон принять результаты расчетов – тем более. И все же, хотя надежды на дальнейшее развитие программы и широкомасштабные инвестиции в нее не оправдались, семена идеи, посеянные мистером Гейтсом, дали всходы и быстро проросли. Он положил начало принципиально новому взгляду на войны: вряд ли человечество сможет отказаться от войн в достаточно обозримом будущем, но, по крайней мере, мы могли бы перевести их в безопасную форму, не нацеленную против жизни. И вот, с одобрения международного сообщества, Организация Объединенных Наций запускает программу «Окно к миру» в новой форме. Для социологии, для международной политики – для всего человечества – это событие такого же масштаба, что и посадка «Аполлона» на Луну. За последние пять лет ценный вклад в этот план внесли многие ученые в области политологии, социологии, права, этики, естественных наук, военного дела и многих других областей знания из практически всех стран.

Суть программы «Окно к миру» состоит в поисках заменителей войны. Эти заменители обязаны удовлетворять двум условиям: во-первых, они должны с достаточной точностью отражать совокупные сильные стороны страны, во-вторых – имитировать конфликт в соответствии с правилами, согласованными всеми участвующими странами, а также

международным сообществом. Разработчики программы подумали об Олимпийских играх. Соревнования по отдельным видам спорта, например футбольные первенства, не имеют тесной связи с политической, экономической и военной мощью страны. Зато комплексные, многоплановые состязания Олимпийских игр могут более точно отражать преимущества и недостатки любого государства. Кроме того, поскольку Олимпийские игры являются одним из старейших соревнований в истории, для них уже существуют правила, согласованные всем человечеством. Олимпийские игры по сей день являются самым масштабным и почитаемым всеми мероприятием. Это делает их идеальным инструментом для имитации боевых действий.

Ни великие философы Древней Греции, ни барон де Кубертен, возродивший в двадцатом веке Олимпийские игры, в самых смелых мечтах не могли представить себе, что созданные ими спортивные соревнования когда-нибудь обретут столь великое значение для человечества. Да и никто из вас прежде, когда вы были всего лишь спортсменами, наверняка не думал, что на ваши плечи ляжет столь тяжкий груз ответственности. Но ход истории привел вас сюда. И я прошу: не сдавайтесь! События ближайших дней войдут в число важнейших за всю историю человечества, а вы, как первопроходцы программы «Окно к миру», будете навеки вписаны в летопись нашей цивилизации.

Пока выступал Генеральный секретарь ООН, на беговой дорожке появились и направились к стоявшему посреди поля возвышению еще два человека. Президента МОК все спортсмены узнали сразу, а второй, к их удивлению, был одет в отглаженную военную форму, сверкавшую знаками различия. Он нес в руке пылающий факел, освещавший погоны с четырьмя звездами. Поднявшись на платформу, он негромко сказал в микрофон:

– Я генерал Джордж Уэст из морской пехоты Соединенных Штатов. Я возглавляю Западное военное командование Соединенных Штатов. Через пять минут срок ультиматума истекает. Если бы Организация Объединенных Наций и Международный олимпийский комитет не начали проведение инициативы «Окно к миру», я через пять минут отдал бы приказ о нанесении первой волны воздушных ударов по Республике Западной Азии. Но сегодня обстоятельства изменились, и я вместо начала бомбардировок зажгу олимпийский огонь.

Генерал склонил непокрытую голову перед флагом с пятью кольцами, который за время его короткой речи успели поднять на флагштоке, повернулся и направился к длинной лестнице, ведущей к чаше олимпийского огня. Он шел уверенной походкой солдата, с идеально прямой спиной, держа факел строго

вертикально. На верхних ступенях он уже казался стоявшим внизу спортсменам всего лишь черным пятнышком. Добравшись без остановки до верха, генерал Уэст высоко поднял факел, показав его всему миру, а потом четким уверенным движением поднес его к чаше. Олимпийский огонь вспыхнул.

Спортсмены услышали, как пламя взревело, устремляясь к небу. Не было ни фанфар, ни приветственных криков – ведь не было и зрителей, – и в мертвой тишине извечное пламя гудело, как ветер, овевающий небесный свод.

Олимпиада двух стран

После церемонии начались соревнования. В первый день наибольшее внимание привлек мужской баскетбол, где собранная в последнюю минуту команда Республики Западная Азия встретилась с американской «Командой мечты». На состязаниях, в отличие от церемонии открытия, трибуны были полны зрителей. Правда, большинство из них составляли журналисты, и не столько спортивные обозреватели, сколько военные корреспонденты, прибывшие вслед за спортсменами с западноазиатского фронта. В отличие от прошлых Олимпийских игр, здесь никто не аплодировал, не улюлюкал, вообще не шумел. Толпа не безумствовала; люди даже не разговаривали. Игра шла в тишине. Только мяч гулко колотился о настил да взвизгивали то и дело подошвы кед. К перерыву никто уже не смотрел на табло. Баскетбольные кудесники американской «Команды мечты» легко, как вороны в полете, перемещались по площадке. Они словно танцевали под изящную музыку, неслышную никому, кроме них самих. Их соперники воспринимались как нечто вроде мусора, разбросанного по площадке. Танцоры из «Команды мечты», казалось, даже не замечали их присутствия, а обтекали их, как вода. В перерыве пожилой тренер западноазиатской команды, размахивая узловатым кулаком отощавшей руки, говорил, преодолевая хриплый кашель:

– Ребятки, держитесь! – убеждал он уже практически сломленных духовно и физически игроков. – Нельзя выглядеть жалкими!

Но, несмотря на призывы тренера, они выглядели именно жалкими. После второй четверти у многих зрителей не хватило духу наблюдать за разгромом, и они стали покидать трибуны. А когда прозвучал сигнал к началу заключительного периода, несравненные чернокожие танцоры из «Команды мечты» покинули площадку, а игроки из Западной Азии застыли на

месте, словно морской мусор, оставшийся на песке после отлива. Простояв довольно долго в неподвижности, центровой, казалось, осознал случившееся. Он упал на землю и зарыдал. Другой игрок вбежал в зону штрафного броска, сухими губами сплевывая стоявшую во рту желчь.

В дальнейших соревнованиях спортсмены Республики Западной Азии, как и предсказал Генеральный секретарь ООН, неизменно проигрывали, но никто не ожидал, что все поражения окажутся настолько разгромными. Хотя объяснение этого было очень простым. Когда началась блокада Западной Азии, спортсмены страны еще довольно долго сохраняли физические кондиции, но когда положение усугубилось, правительству стало не до них, и поддержка даже коммерческих спортивных клубов, которую нехотя, но оказывали, прекратилась. Клубы закрылись, и спортсмены на три, а кто и на четыре года остались безо всяких тренировок. Хуже того, они не знали ничего, кроме спорта, и не обладали никакими навыками, которые могли бы помочь им выживать в этих условиях, и поэтому вскоре оказались беднейшими из бедных в своей нищей стране. Они голодали, страдали от болезней и не имели даже самых примитивных условий для поддержания спортивной формы.

Так, в атмосфере общей подавленности, прошла половина Олимпиады. К тому времени зрители, невзирая даже на то, что большинство среди них составляли американцы, желали западноазиатам хоть какого-то успеха, а проще говоря, надеялись на чудо. Не то чтобы на это не оставалось надежды – еще не выступали Райли и Салих. И весь мир затаив дыхание ждал, когда подойдет их очередь.

Увы, когда наконец начались соревнования по гимнастике, Райли разочаровала весь мир. Ее техника по-прежнему оставалась блестящей, но силы и энергии уже не хватало. Она допустила много ошибок, даже дважды упала с бревна, которое всегда было ее самым сильным видом спорта. Она была совершенно не готова по-настоящему конкурировать с гибкими ангелами из сборной США. Сидя в зале, Цинни услышала разговор Райли с тренером перед началом заключительного вида.

– Ты все-таки решила исполнить перелет Камань Линь? – спросил тренер. – Ты ведь и раньше делала его не лучшим образом, да и вообще, брусья – не самая сильная из твоих специальностей.

– На этот раз исполню как следует, – холодно ответила Райли.

– Не валяй дурака! Кроме того, даже если ты выиграешь брусья, это не поможет преодолеть отставание.

– Но хотя бы сокращу отрыв от американок.

– И что с того? Послушай меня, просто сделай ту комбинацию элементов, которую я тебе составил. Просто доведи ее до конца, с выразительным финалом – и хватит. Зачем тебе бессмысленно рисковать здоровьем, а то и жизнью?

Райли опять холодно улыбнулась:

– А что вы так уж тревожитесь о моей жизни? Лично мне, если откровенно, на нее плевать.

Выступление началось. Цинни обратила внимание на то, как Райли преобразилась, подойдя к разновысоким брусьям. До того ее что-то придерживало, словно невидимая цепь, но сейчас помеха исчезла. Она выступала не ради великой миссии, не ради победы, а для того, чтобы изжить душевную боль. Она летала между брусьями, и ее движения становились все отчаяннее. На тихих до этой минуты трибунах послышались вскрики. Те из зрителей, кто что-то понимал в гимнастике, встали с мест и в испуге смотрели на происходившее. Ангелочки из команды США, как одна, побледнели и явно успокаивали друг дружку: они-то хорошо понимали, что эта женщина из Западной Азии рискует жизнью ради победы. К тому времени, когда программа дошла до перелета, Райли совсем обезумела. Она взлетела вверх, повернулась в воздухе на 180 градусов, потянулась в полете к нижнему брусу – и промахнулась. Ее голова воткнулась в лежащий на полу мат под углом сорок пять градусов. Цинни, сидевшая в первом ряду, явственно услышала, как хрустнули позвонки.

Клэр торопливо подошел к носилкам. В руках он держал флаг Западной Азии – тот самый флаг, который не позволил Райли взять на открытии Олимпиады. Сейчас он вложил уголок ей в руку. Райли вцепилась в него мертвой хваткой, вероятно, не понимая даже, что держит. Ее потускневшие глаза смотрели в небо, бледное лицо искажала гримаса невыносимой боли, изо рта сочилась кровь, падая каплями на пол и на флаг.

– Вот об этом мы не подумали, – сказал президент МОК репортерам. – Когда спортсмены превращаются в воинов, спорт может стать кровавым.

Вообще-то, надежды, которые возлагали на Райли, были порождены лишь отзвуками давней шумихи в СМИ. Ее вряд ли можно было отнести к числу великих спортсменок, и даже в лучшие свои времена она уступала тем американкам, с которыми пыталась соперничать сейчас. Салих – совсем иное дело! Он стал чемпионом мира заслуженно, и, в отличие от других спортивных специальностей, искусство лучника не так уж сильно зависело от постоянных тренировок. А также он показывал блестящие

результаты еще и в траншейной стендовой стрельбе из ружья и даже установил мировой рекорд по дубль-трапу[24] на Олимпийских играх 1996 года в Атланте и завоевал бронзовую медаль спорта на играх 2000 года в Сиднее. Правда, потом он уже не блистал в этом виде спорта, но в стрельбе из лука оставался все так же силен. Конечно, американские лучники всегда входили в число лучших в мире, но главный его соперник, Джеймс Графф, четыре года назад отстал от Салиха на чемпионате мира по стрельбе из лука, получив лишь бронзу. Итак, сегодня Республика Западная Азия всерьез наделась на золото. Это состязание должно было стать кульминацией не только завершающего дня, но и всей Олимпиады.

Салих шел к площадке для стрельбы из лука под овации товарищей по команде, выстроившихся по обеим сторонам его пути. В тот момент он был для них богом. Фотографы и телеоператоры демонстрировали его шествие всему миру. Любой, кто только что включил бы телевизор впервые за последнюю неделю, неизбежно подумал бы, что Западная Азия уже выиграла Олимпийские игры. Далеко, на другом конце Азиатского континента, тридцать миллионов граждан Республики Западной Азии собрались перед своими телевизорами и радиоприемниками, уверенные, что этот герой наконец-то принесет им хоть какое-то утешение. Сам Салих оставался молчаливым и бесстрастным.

У входа на площадку к Салиху из толпы пробился Клэр.

– Ты, конечно, понимаешь, насколько важно твое выступление, – серьезно и даже торжественно сказал он. – Если тебе удастся выиграть хотя бы одно золото, это пойдет на благо народу Западной Азии.

Салих кивнул и ответил холодным тоном:

– Конечно, понимаю. Поэтому я буду выступать – но при одном условии. Мне нужно пять миллионов долларов США.

Слова Салиха, как ведро холодной воды, погасили энтузиазм окружающих. Все недоуменно уставились на него.

– Салих, ты с ума сошел?! – прошипел Клэр.

– Нет, я в совершенно здравом рассудке. Подумайте сами: в сравнении с пользой, которую я могу принести стране, мое требование весьма скромное. Мне всего лишь нужны деньги, чтобы уехать оттуда в конце концов и спокойно прожить те годы, что мне остались.

– Сначала выиграй золото! А потом страна подумает, как тебя наградить.

– Господин Клэр, неужели вы всерьез считаете, что я могу доверять государству, которое не сегодня завтра исчезнет? Нет

уж. Я хочу получить деньги сейчас, а в ином случае отказываюсь выступать. Посудите сами: если я выиграю, то получу всемирную славу, это верно, но ведь если проиграю, тоже стану героем. Как же – сверг тиранию! Этот результат на Западе оценили бы даже дороже.

Салих и Клэр несколько секунд смотрели в глаза друг другу. Чиновник сдался первым:

– Ладно. Подожди немного.

Он протолкался через толпу, отошел немного в сторону, вынул из кармана сотовый телефон и набрал номер.

– Салих, ты предатель родины! – выкрикнул кто-то из команды Западной Азии.

– Мой отец погиб за Западную Азию в войне, которую мы проиграли семнадцать лет назад. Мне было восемь! Государство от щедрот выделило матери помощь – аж тысячу двести долларов, даже не американских, а западноазиатских, и те сразу сожрала инфляция. Нам с матерью их хватило на две недели! – Салих сорвал с плеч флаг Западной Азии, который кто-то из команды накинул ему на плечи, когда он вышел из раздевалки. – Родина? Что такое родина? Если это кусок хлеба, то какой величины? Если это одежда, то хорошо ли она греет? Если это дом, то способен ли он защитить нас от ветра и дождя? Все, у кого были деньги, давным-давно покинули страну – сбежали от войны! Только такие нищие дураки, как мы, остались и умираем, пока правительство сочиняет свои патриотические сказки.

Тут и Клэр завершил телефонный разговор и, опять протолкнувшись через толпу, вернулся к Салиху.

– Я спросил. Салих, ты выполняешь свой долг гражданина Западной Азии, и правительство не считает возможным платить за это деньги.

– Ну что ж… – пожал плечами Салих и вложил флаг в руки Клэру.

– Я разговаривал с самим президентом. Он сказал, что если страну некому защищать, кроме наемников, то ей и существовать дальше незачем.

Салих молча повернулся и пошел прочь. Взбудораженные репортеры плотным роем кинулись за ним.

Делегация Западной Азии сгрудилась вокруг Клэра, так и стоявшего с флагом в руках. Все молчали, будто исполняли какой-то священный обряд. Через некоторое время с площадки для стрельбы из лука донесся характерный стук. Джеймс Графф стрелял по мишени, одерживая самую легкую победу в истории Олимпийских игр. Эти звуки постепенно заставили спортсменов из Западной Азии вернуться к реальности. И все, словно

сговорившись, взглянули на одного человека. И репортеры, только что сопровождавшие Салиха, тоже бегом вернулись назад и сфокусировали объективы фото- и телекамер на том же человеке.

Цинни Видья предстояло участвовать в завершающем событии Олимпийских игр – женском марафоне.

Репортеры знали, что Цинни немая, так что никто не лез к ней с вопросами. Они просто переговаривались вполголоса, как будто обсуждали зверька, которого никогда раньше не видели. Худенькая чернокожая девушка из Западной Азии смотрела испуганными распахнутыми глазами на всех этих равнодушных людей и поблескивающие линзы объективов, дрожа всем телом, как лань, загнанная в тупик сворой гончих. К счастью, Клэр вытащил ее из этой толпы и усадил в машину, направлявшуюся на арену стадиона.

Через несколько минут они оказались в гигантской чаше, где вечером должна была состояться церемония закрытия Олимпийских игр. Сейчас здесь предстояло стартовать, а потом завершиться марафонскому забегу. Как только Цинни и глава делегации вышли из машины, их окружила новая толпа репортеров. Цинни совсем перепугалась и прижалась к Клэру. Тот с немалыми усилиями вывел ее из кольца беснующихся представителей СМИ и привел в раздевалку, надежно защищенную от шума и треволнений, от которых она чуть не падала с ног.

Клэр налил воду в стакан и подал Цинни, которая начала приходить в себя. Вытянув другую руку со сжатым кулаком, он раскрыл ее ладонью вверх. Цинни увидела белую таблетку, несколько секунд смотрела на нее, а потом подняла взгляд на Клэра и отрицательно покачала головой.

– Бери! – непререкаемым тоном велел Клэр и добавил уже мягче: – Не бойся. Поверь, это пригодится.

Цинни еще постояла в задумчивости, но все же взяла таблетку и сунула в рот. Она оказалась кислой до горечи, и пришлось поскорее запить ее. Через несколько секунд дверь тихонько отворилась. Клэр резко обернулся, чтобы посмотреть, кто осмелился зайти в помещение, куда строго запрещено появляться любым посторонним, и настолько оторопел от изумления, что не сразу поверил собственным глазам.

Это был генерал Уэст, тот самый, который зажег олимпийский огонь на церемонии открытия. Командир полумиллионной армии, готовой нанести удар по Республике Западной Азии. Сейчас он был не в форме, а в черном гражданском костюме и держал в руках картонную коробку.

– Выйдите, пожалуйста, – потребовал Клэр, окинув генерала негодующим взглядом.

– Мне необходимо поговорить с Цинни.

– Она не может говорить и к тому же не понимает английского языка.

– В таком случае вы переведете мои слова. Благодарю, – генерал слегка поклонился Клэру. В его голосе звучала интонация, свойственная большим командирам, которая не позволяет отказаться от их просьб, больше похожим на приказы, даже людям никоим образом не подчиненным ему.

– Повторяю, выйдите, пожалуйста! – повысил голос Клэр и повернулся к нему лицом, загородив собой Цинни.

Генерал ничего не ответил на это. Он сильной рукой легко отодвинул Клэра, опустился на колено перед Цинни, поставил коробку на пол и снял кроссовку с ее ноги.

– Что вы делаете? – воскликнул Клэр.

Генерал выпрямился и сунул кроссовку ему под нос.

– Тренер, – презрительно выговорил он. – Вы ведь купили это в пекинском спортивном магазине, да? А теперь подумайте, каково будет бежать марафон в новой обуви, да еще и не лучшего качества и не подогнанной по ноге! Она и полдистанции не пробежит, как собьет ноги до кровавых мозолей. – Он снова наклонился, снял с Цинни вторую кроссовку и небрежно швырнул обе в угол. Потом открыл коробку, достал оттуда пару снежно-белых беговых туфель и вручил их Цинни. – Возьми, детка, это лично от меня. Сделаны по твоей мерке в мастерской «Найк». Там делают лучшую в мире беговую обувь.

Тут Клэр вспомнил, как три дня назад два человека, представившись экспертами от фирмы «Найк», заходили к Цинни в ее комнату в Олимпийской деревне и обследовали ее ноги с помощью трехмерного сканера. Он с первого взгляда понял, что это и впрямь беговые туфли наивысшего класса; пара таких, сделанных по индивидуальной мерке, стоила бы в США никак не меньше десяти тысяч долларов.

Генерал снова встал на колени и принялся надевать туфли на ноги Цинни.

– Марафон – увлекательное состязание. Мне тоже нравится. Знаете, когда-то, еще молодым лейтенантом, я победил в легкоатлетическом чемпионате военно-морских сил. Правда, не в марафоне. Я выступал в триатлоне «железный человек» – плавание на две с половиной мили, сто двенадцать миль на велосипеде по шоссе и марафонский забег. – Он закончил шнуровать туфли и улыбнулся Цинни, давая понять, что ей следует попробовать новую обувь. Та послушно сделала

несколько шагов. Туфли оказались легкими, мягкими и чрезвычайно гибкими. Они сидели на ноге так, словно были частью тела.

Генерал поднялся и повернулся к выходу. Клэр проводил его до двери.

– Спасибо.

Генерал остановился, но не повернулся.

– По правде говоря, я с самого начала думал, что чуда следует ждать от Цинни, а не от Салиха.

– Я вас не понимаю, – ответил Клэр. – Да, Цинни лучшая в Западной Азии. Но в мировом рейтинге она не входит даже в двадцатку. Она не конкурентка для Эммы.

Генерал открыл дверь и, уже выходя, сказал:

– Меня пугает ее взгляд.

Марафон

СМИ уже назвали XXIX Олимпийские игры безмолвной Олимпиадой. Выйдя на арену, где не было ни души во время церемонии открытия, Цинни увидела, что сейчас она полна людей. Все сто тысяч мест были заполнены, но на стадионе стояла гробовая тишина. Нет молчания тяжелее, чем молчание стотысячной толпы. Цинни было очень тяжело в этой обстановке, а после эффектного появления Эммы она совсем упала духом.

Ни у кого в мире не оставалось сомнений в полном разгроме Республики Западной Азии в этом спортивном состязании, имитирующем войну. Выходка Салиха окончательно сломила спортсменов. Команда разделилась на группировки – точно так же, как вскоре предстояло разделиться стране. Кое-кто из чиновников делегации, у кого имелись деньги и связи, уже скрылся в неизвестном направлении, спортсмены, которым было совершенно некуда идти, закрылись в отведенных им комнатах Олимпийской деревни, готовые принять любой, даже наихудший оборот событий. Ни у кого из них не хватило решимости пойти смотреть заключительный вид программы или участвовать в церемонии закрытия. Рядом с Цинни к старту шел один только Клэр. Взглядам сотни тысяч пар глаз она предстала крошечной и одинокой, как заброшенный на колоссальную арену сухой листик, который может унести прочь любой порыв ветерка.

Совсем не так обстояло дело с ее соперницей Эммой Фрэнсис, которую восторженными криками провожала на старт вся делегация. Ее тренерская группа состояла из пяти человек, среди которых был всемирно известный специалист по спортивной

медицине, а отдельная медицинская группа состояла из шести врачей и экспертов по питанию. Одеждой и обувью звезды занимались три специально назначенных человека. Эмма была почти богиней. Еще в 1980-х годах никто не сомневался в том, что она будет бить рекорды. Из всех видов спорта женщины способны превзойти мужчин только в стрельбе из лука, шахматах и марафонском беге, результаты которых не зависят напрямую от физической силы. Давние предсказания блистательной будущности для Эммы сбылись три года назад на Чикагском международном марафоне, где она установила новый мировой рекорд. Тогда некоторые из спортивных комментаторов с кислыми минами совершенно серьезно утверждали, что женщины в этом виде спорта имели преимущество перед мужчинами, поскольку во время их забега встречный ветер был слабее, и, дескать, если бы Скотт, чемпион того года среди мужчин, бежал одновременно с женщинами, он наверняка обогнал бы Эмму. Этот миф, сочиненный для утешения мужского самолюбия, был развеян на Олимпийских играх 2004 года в Афинах, где мужчины и женщины соревновались вместе, – Эмма опередила Скотта более чем на пятьсот метров. Кроме того, она впервые в истории пробежала марафон быстрее двух часов[25], что сделало ее звездой века и принесло почетное прозвище Легконогая лань.

Для Цинни эта молодая чернокожая женщина всегда значила едва ли не больше, чем солнце. Из своего жалкого имущества Цинни больше всего дорожила старым потрепанным альбомом, куда вложила более сотни фотографий Эммы, вырезанных из старых газет и журналов. Рядом со своими верхними нарами в лагере беженцев она прилепила к стене большую цветную фотографию Эммы из календаря. Цинни видела этот календарь на прилавке в конце года, но купить, конечно, не смогла – денег не было. К счастью, она заметила, как вожделенный календарь купил какой-то прохожий и пошла за ним. Он оказался хозяином магазина и повесил новый календарь рядом с кассой. Фотография Эммы находилась на странице за март. Цинни, преодолевая нетерпение, ждала три месяца и регулярно бегала в магазин. Если ей случалось улучить минутку, когда никого не было, она приподнимала страницы и любовалась портретом Эммы. В первый день апреля, когда хозяин оторвал и выбросил эту страницу, Цинни наконец-то завладела ею. Это был самый счастливый день ее жизни. Теперь, стоя на стартовой линии, Цинни украдкой разглядывала своего кумира, находившегося всего в нескольких шагах от нее. В этот момент Цинни не видела ни арену, ни толпу – одну только Эмму. У Цинни появилось ощущение, будто ту окружает некая аура, и внутри ее Эмма

дышала другим воздухом, купалась в другом, потустороннем солнечном свете. Ее тела не могла коснуться ни одна пылинка из обыденного мира.

К действительности ее вернул Клэр, легонько прикоснувшийся к плечу.

– Не бойся, – полушепотом сказал он. – Она вовсе не настолько уверена в себе, как кажется. Я внимательно следил за ней и могу точно сказать: ей страшно.

Цинни посмотрела на него широко раскрывшимися глазами. Клэр понял значение этого взгляда.

– Да, она состязалась с сильнейшими бегунами-мужчинами и побеждала их, но что из того? Тогда для нее главным соперником было время, а сейчас будет такой забег, который она просто не имеет права проиграть. – Он искоса взглянул на Эмму и продолжил, еще сильнее понизив голос: – Она наверняка захочет повести забег. На старте возьмет максимальный темп и попытается оторваться от тебя на первых десяти-двенадцати километрах. А ты просто зацепись и держись за ней. Пусть она устанет лидировать. Помни: первые двенадцать километров ты просто тянешься за ней. Так ты выиграешь у нее первую тактическую схватку!

Цинни испуганно замотала головой.

– Деточка, поверь, тебе это по силам. Таблетка поддержит тебя. Ее не обнаружит никакой допинг-контроль, но она даст тебе силу ядерного реактора. Неужели ты еще не чувствуешь ее? Ты уже смело можешь считать себя чемпионкой!

Именно в этот момент Цинни почувствовала единственное в своем роде возбуждение, разрядить которое можно было только в беге. Она снова посмотрела на Эмму, которая как раз закончила разминку. Такой интенсивности и профессионализма Цинни никогда еще не видела. Теперь они стояли плечом к плечу у стартовой линии. Эмма с гордо поднятой головой смотрела вперед и ни разу не взглянула на Цинни, будто той вообще не существовало.

Наконец-то громыхнул стартовый пистолет. Цинни и Эмма легкими ровными шагами сорвались с места и побежали по дорожке. При их приближении зрители на трибунах вставали, и девушек сопровождала людская волна, вздымавшаяся до края чаши. Это движение отдавалось гулом, похожим на отдаленный гром. Других звуков не было: публика смотрела молча.

Раньше Цинни во время бега каждый раз погружалась в состояние некой умиротворенности, как будто бег позволял ей хоть ненадолго покинуть этот холодный, жестокий мир и перейти в собственное время и пространство, туда, где она могла бы быть

счастлива. Но сегодня ее сердце было полно тревоги. Она всей душой желала, чтобы все закончилось как можно скорее и она вернулась бы в мир вне спорта. Ведь было же место, куда ей необходимо было попасть, была вещь, в которой она отчаянно нуждалась. Медицинский препарат под названием GMH-6.

Уже спустились сумерки. Она бежала по коридорам больницы, где остро пахло лекарствами, хотя, как она знала, их в больницах почти не осталось. Оставленные почти без присмотра пациенты лежали в коридорах вдоль стен. Она слышала их негромкие стоны, пробегая мимо, и они тут же стихали за спиной. Ее мать лежала в палате в самом конце коридора. Ни в коридоре, ни в палате не горел свет. На фоне грязных простыней кожа матери казалась устрашающе бледной. Эта бледность свидетельствовала о приближении смерти. Белую кожу покрывали пятна выступающей крови, которую медсестре давно уже было лень вытирать. Вокруг кровати образовалось красное кольцо, вдоль контура тела по простыне расплылся красный ореол. Этой странной болезнью в последнее время заразилось много людей. По некоторым данным, ее причиной был обедненный уран, содержащийся в бомбах. Только что доктор сказал Цинни, что ее мать спасти невозможно. Даже если бы в больнице имелось нужное лекарство, оно продлило бы ее жизнь всего на несколько дней. Цинни яростно жестикулировала перед доктором, спрашивая, где сейчас можно его достать. Доктор, хоть и не без усилий, все же понял ее. Лекарство недавно привезли врачи из агентства ООН по оказанию гуманитарной помощи. Возможно, что-то еще осталось у них на базе на окраине города? Цинни достала из сумки лист бумаги и авторучку и протянула в обеих руках доктору. Ее большие глаза пылали тревогой и страхом за мать. Доктор вздохнул. Лекарство было новым, экспериментальным, только-только разработанным в Западной Европе; у него даже не было утвержденного названия, только код изобретателя, можно сказать, кличка. «Забудь о нем, дитя, – почему-то все, хоть вслух, хоть про себя, обращались к Цинни, как к маленькой, – эти лекарства не для бедняков вроде тебя и твоей матери. И вообще, какая разница, от чего умереть – от голода или от болезни? Ладно-ладно, уже пишу…»

Цинни выбежала из главного входа больницы. До чего же огромные здесь двери! Ах, над ними пылает олимпийский огонь, яркий, как Небесное пламя. Она вспомнила, что три дня назад прошла через эти двери, следуя за национальным флагом. Ну, и где же делегация ее родины? Сейчас ее вел вперед не флаг страны, а Эмма, та самая, что уже много лет служит светочем ее душе. Как и предполагал Клэр, покинув стадион, Эмма сразу же

взвинтила темп и понеслась вперед легко, как черное перо, подхваченное неощутимым для Цинни ветром. Казалось, будто ее длинные стройные ноги не отталкиваются от земли, а лишь легонько касаются ее, а бегунья стремительно летит над землей. Цинни пришлось изрядно напрячься, чтобы не отстать от нее. Она должна зацепиться за соперницу и держаться. Ее ноги – колеса, инструменты, которые спасут жизнь матери. Это что, большой бульвар столицы? И когда же он стал таким широким? По сторонам стоят красивые высокие здания, тянутся зеленые газоны и никаких воронок. На тротуарах стоят толпы людей, и все они чистые, не искалеченные. С первого взгляда видно, что едят досыта. Она хотела остановить такси, но оказалось, что их нет на улицах. Кто-то говорил, что, когда бывают воздушные налеты, все машины спешат убраться с улиц. Похоже, единственной машиной был судейский автомобиль сопровождения, который ехал перед Эммой, указывая дорогу. Цинни то видела его, то он исчезал из виду. То и дело ей на глаза попадались нависавшие над дорогой телекамеры, нацеленные на нее. Где-то глубоко сидела мысль, что такси ей поймать не удастся, потому что… да, она давно уже пробежала подходящее место. Она уже добежала до миссии ООН, находившейся в маленьком белом домике, и дала врачам лист бумаги с написанным на нем названием препарата. «О нет, – сказал один из врачей, кое-как объяснявшийся на западноазиатском, – это лекарство не из гуманитарного списка. Его, правда, можно купить, но тебе оно не по карману. И мне тоже». Так что, Эмма, ради чего ты бежишь? Если бы мне удалось достать то лекарство, мать… нужно просто бежать. Мы должны быстрее вернуться к матери. Чтобы она смогла еще раз увидеть меня, чтобы я смогла еще раз увидеть ее. Как только Цинни подумала об этом, в сердце у нее снова пламенем вспыхнула тревога, она, сама того не заметив, прибавила шагу, подтянулась к Эмме и почти поравнялась с ней. «Нет, пусть она бежит первой и устает!» – вспомнила Цинни слова Клэра, притормозила и отстала на несколько шагов. Эмма почувствовала ее маневр и сразу же начала ускоряться. За спиной уже пять километров, но она так и не получила приличного отрыва от этой никчемной, жалкой девчонки из Западной Азии. Эмма почувствовала досаду. Легконогая лань была наделена яростью, без которой не бывает больших спортсменов, и сейчас эта ярость черным пламенем полыхала перед Цинни. Но и та прибавила скорость, сохраняя прежнее расстояние от Эммы. Ей необходимо было держаться, и хорошо бы, чтоб Эмма держала темп немного повыше. Она соскучилась по матери… Эй, что-то не так. Не туда! Эмма, куда ты бежишь?! Куда нас занесет этой дорогой, Эмма? Что это за

здоровенная игла протыкает небо там, вдали? Телевизионная вышка? Телевизионную вышку в столице Западной Азии уже давным-давно сровняли с землей бомбами с самолетов, это она точно знала. Но это неважно, а важно держаться за Эммой, светочем ее души. Ведь она знает, что матери уже нет на этом свете.

Грязная от пыли, прилипшей к потному телу, Цинни толкнула дверь палаты и увидела безжизненное тело своей матери, с головой накрытое простыней. Двое мужчин как раз хотели поднять его и унести, но Цинни встала перед ними, страшная, как дикий зверь, и преградила путь. Им пришлось уступить. Тот же врач, что написал ей название лекарства, сказал: «Ладно, девочка. Так и быть, посиди этот вечер здесь, с матерью. Все, что положено, сделаем завтра, а потом тебе придется уйти. Я знаю, тебе некуда, но это больница, дитя мое. Сейчас всем очень тяжело». Потом Цинни тихо сидела рядом с телом матери и глядела на капли крови, проступившие сквозь застиранную, когда-то белую материю. Через некоторое время в окно проник бледный, лишенный блеска свет луны, в котором пятна крови сделались черными. Чуть позже лунный свет переместился на стену. Кто-то вошел и включил свет, но Цинни не видела, кто это был. Она лишь почувствовала, что этот кто-то подошел и взял ее за руку. Твердые пальцы сжали ее запястье и на мгновение застыли неподвижно. Она услышала мужской голос:

– …Пятьдесят два удара в минуту. – Незнакомец осторожно опустил ее руку и продолжил: – Незадолго до того, как начало темнеть, я был на крыше и увидел, как ты бежишь сюда. Мне сказали, что ты была на базе гуманитарной помощи. Автомобилей сегодня в городе не было, значит, ты бежала всю дорогу, да? И назад тоже добиралась бегом. В целом примерно двадцать километров. На все про все у тебя ушло приблизительно час десять минут, включая то время, которое ты провела в агентстве. А сейчас твой пульс всего пятьдесят два удара в минуту. Цинни, я давно заметил тебя, но сегодня ты снова продемонстрировала свой талант. Неужели ты не помнишь меня? Я Стурм Ока, тренер по легкой атлетике. Я несколько раз вел уроки физкультуры у тебя в классе. В этой четверти ты не ходила в школу. Наверно, из-за болезни матери, да? Чуть ли не в ту же минуту, когда скончалась твоя мать, у меня родился внук. Здесь, в этой же больнице. Да, Цинни, такова жизнь. Кто-то уходит, и кто-то приходит; вечное движение. Ты хочешь стать такой же, как твоя мать, – всю свою жизнь маяться в бедности лишь для того, чтобы покинуть землю в страданиях?

Последние слова поразила Цинни, и она наконец очнулась от

своего транса и посмотрела на Оку. Она сразу узнала этого опрятного, худощавого мужчину средних лет и медленно покачала головой.

– Очень хорошо, дитя мое. Твоя жизнь может сложиться иначе. Не исключено, что тебе доведется стоять на верхней ступеньке пьедестала почета Олимпийских игр и весь мир будет восхищаться тобой. И в твою честь поднимут флаг нашей многострадальной родины. – Лицо Цинни оставалось бесстрастным, но она слушала внимательно. – Главное – готова ли ты переносить страдания и хватит ли у тебя упорства? – Цинни кивнула. – Я знаю, что ты терпишь страдания чуть ли не всю жизнь, но я говорю о страданиях иного рода. Дитя мое, тех страданий, которые я имею в виду, нормальные люди не могут вынести. Ты уверена, что тебе это по силам? – Цинни встала и кивнула еще увереннее. – Хорошо. Цинни, пошли со мной.

Эмма бежала с неизменной скоростью, ее движения были точными и размеренными, как программа в бесконечном цикле или действия машины, работающей на высоких оборотах. Цинни хотела бы тоже превратиться в машину, но у нее не получалось. Она стала думать о том, куда ей надо добежать, но не могла сообразить, и ей стало страшно. А потом она наконец поняла. Она бежит следом за Легконогой ланью. Она сознавала, что таинственный наркотик действует, она чувствовала, как он разжигает огонь в крови, придавая ей безграничную энергию. Дорога повернула на 90 градусов, и она побежала по самой широкой дороге в мире – бульвару Чанъань. Вообще-то, ей следовало быть еще шире, потому что с двух сторон тянулась бесконечная, бескрайняя пустыня. Цинни много лет ежедневно совершала тренировочные пробежки не короче двадцати километров, и ей больше всего нравились дороги за городом. В слабом прозрачном свете рассвета бескрайние пустыни казались ей гладкими и нежными, темно-сине-зеленая дорога полосой туши уходила к горизонту. Мир казался чрезвычайно простым. В нем была только она. Казалось, что солнце, поднимающееся над дальним концом дороги, предназначалось только для нее. Тренировки были тяжелыми, но в те дни Цинни все еще жила счастливой жизнью. Любому, кто оказывался рядом, обязательно хотелось посмотреть на нее еще раз. И они, к своему удивлению, обнаруживали, что лицо этой немой девушки на самом деле выглядит вполне упитанным и румяным. По сравнению с другими девушками она, конечно, не была красавицей, но чем-то задевала людские сердца. Сама Цинни удивлялась тому, что в их голодающей стране кто-то может есть досыта. Ока поселил Цинни в одном из пустующих учительских общежитий. Он лично следил

за тем, чтобы она хорошо питалась, и каждый день передавал ей еду. Она получала вдоволь не только хлеб, картофель и другие основные продукты питания, что само по себе выходило за пределы ее мечтаний, но и такие питательные продукты, как сыр, говядину, баранину и яйца – их можно было купить только на черном рынке. Продавались они буквально на вес золота. Цинни не могла понять, откуда Оки берет столько денег. Его месячной зарплаты тренера вряд ли хватало, чтобы самому сытно питаться хотя бы неделю. Цинни много раз спрашивала его, но он всегда прикидывался, будто не понимает.

На другом конце континента находится Республика Западной Азии, которой со дня на день предстоит распасться на несколько частей. Правительство парализовано, поговаривают, что те чиновники, которых могут объявить военными преступниками, уже начинают разбегаться из страны. Ну а простые жители молча ждут, что же будет дальше. Те немногие, кто все еще продолжал смотреть Олимпийские игры, заинтересовались женским марафонским забегом, стали рассказывать о нем, и постепенно народ начал возвращаться к телевизорам, у кого они были, или радиоприемникам.

Дорога была очень широкой – Цинни трудно было поверить, что такие бывают. Она, вообще-то, знала, что бежит по самой большой в мире площади. Слева возвышалась мощная стена в уникальном восточном стиле, за которой, как Цинни тоже знала, находится императорский дворец. По правую руку раскинулся сквер, посреди которого развевался национальный флаг, древний и юный, как и эта огромная страна. Цинни с малых лет думала, что здесь правят короли или императоры, но ей объяснили, что это республика, как и у них. И больше того, народ здесь страдал сильнее и дольше, чем ее соплеменники. Цинни только-только успела подумать об этом, как на глаза попалась ярко-красная таблица. Показалась, мелькнула и осталась позади. На ней было написано «21 километр». Половина марафонской дистанции пройдена. Цинни все так же держалась в нескольких шагах за Эммой. И вдруг Эмма оглянулась; Цинни отметила про себя, что та впервые за весь забег прямо посмотрела на соперницу. Она поймала ее взгляд – в нем не было ни высокомерия, ни презрения – только изумление. Еще Цинни успела заметить страх. И воскликнула про себя: «Эмма, светоч моей души, чего ты боишься? Я должна следовать за тобой!» Цинни должна убежать, хоть даже и не знает куда. Она должна сбежать от родственников господина Оки. От тех, которые явились вместе с ним в ее жилище. Жена мистера Оки с младенцем на руках. И трое братьев этого младенца. И еще несколько родственников, которых она не

знала. Они указывали на нее пальцами и гневно допытывались у Оки, где он взял эту никчемную девчонку и зачем. Ока сказал, что это будущая звезда марафона. А они разъярились еще пуще и называли Оку мерзавцем и всякими другими нехорошими словами. Кому нужен этот марафон, когда люди ежедневно умирают от голода?! Да, всем давно известно, что у него в голове не все дома и он живет в мечтах, но как же он мог продать старинный Коран с золотыми буквицами? Это же была бесценная семейная реликвия! Вся семья давно голодает, но никому не пришло в голову продать это сокровище, и вдруг ты, ни у кого не спросясь, продал его и на эти деньги устроил царскую жизнь нищей немой побирушке. А молока для родного внука не купил! Ты что, не слышал ни разу, как он плачет ночами? А немного позже кто-то пустил сплетню, что Ока был любовником Вьенны, матери Цинни, что Цинни родилась от этой связи и даже документы об этом есть. Сначала все сочли, что это глупость, потому что как раз за несколько лет до рождения Цинни и после того Вьенна жила в городе далеко на севере, и об этом-то документы сохранились. А Ока в это время служил в морской пехоте, участвовал в первой западноазиатской войне и даже был ранен. Но клевета не стихала, а, напротив, ширилась, и вскоре заговорили, что, дескать, Ока и не воевал вовсе, а все его документы о службе в армии и ранении поддельные и что на самом деле в годы первой войны он отсиживался на севере, с Вьенной.

К тридцатому километру Цинни держалась все на таком же расстоянии за Эммой. Состязание непрерывно транслировали по телевидению, и оно заинтересовало весь мир. В небе висели два вертолета с телекамерами. В Республике Западной Азии люди сгрудились перед телевизорами и вокруг радиоприемников и затаив дыхание следили за заключительным этапом олимпийской программы.

Как раз в этот момент, от нехватки кислорода, весь мир перед глазами Цинни съежился в туманный комок. Сердце у нее в груди билось с силой бомбовых ударов, разрыв за разрывом. От каждого вдоха грудную клетку пронзало болью. Вместо асфальта лежала пухлая неровная вата, на которую невозможно было твердо поставить ногу. Она поняла, что действие таблетки закончилось. В гуще черного тумана вырисовывалось множество золотых звездочек, сложившихся в образ. В образ олимпийского огня. «Мой огонь догорает, – думала Цинни. – Гаснет. Генерал Уэст зажег его, улыбнувшись по-отечески. Цинни, если ты не хочешь, чтобы он погас, ты сама должна загореться. Ты можешь загореться? Зажгите меня!» – крикнула Цинни. Генерал

наклонился, вытянул перед собой руку с факелом. Цинни почувствовала, что вспыхнула – взревел огонь, повеяло раскаленным воздухом…

В тот вечер Цинни собрала свои скудные пожитки и пришла в комнату Оки в учительском общежитии. Из дома его выставили уже несколько дней назад. Цинни жестами объяснила, что уходит. Учитель, молила она, вернитесь домой. Купите внуку молока.

Ока покачал головой, которая за последние дни стала совсем белой.

– Цинни, ты же знаешь, что это наше с тобой общее дело. Ну зачем тебе уходить? Может быть, ты решила, что у меня не было причин помогать тебе? Могла так решить? Могла. Ну так я тебе признаюсь: это не сплетни, а чистая правда. Я твой отец. И всего лишь хочу оправдаться за свое преступление. Искупить грех.

Цинни и до того не то чтобы совсем не верила слухам, но все же старалась воспринимать их скептически. Нет, она не кинулась со слезами в объятия вновь обретенному отцу. Слишком многим она была обязана матери и собственным усилиям. Так что слова тренера она восприняла с внешним спокойствием. И все равно это был счастливейший миг ее жизни. Она наконец-то обрела отца.

И тут Цинни услышала негромкий женский плач. Это плакала на бегу Эмма. По щекам ее текли слезы, она хныкала и бормотала что-то. Цинни очень плохо знала английский язык – она окончила всего шесть классов школы, да и те с перерывами, но все же разобрала те несколько слов, которые твердила себе под нос Эмма: «Боже… что мне делать?.. Скажи… Что делать?..» В первое мгновение Цинни чуть ли не пожалела Эмму. Светоч моей души, беги дальше! Что я без тебя? Я не знаю предназначения. Ну а Эмма получила ответ из наушника, вложенного в правое ухо. Она обращалась не к Богу, а к своему тренеру по крохотной рации. «Не бойся. Мы видим, что Цинни выбивается из сил. Она уже на пределе, а у тебя хороший запас. Успокойся. Знаешь, Эмма, сбавь немного, пропусти ее вперед».

Когда Эмма замедлила бег, Цинни в первые секунды обрадовалась и, едва почувствовав, что соперница следует за ней по пятам, осознала: настал момент истины. У Цинни имелось три варианта дальнейших действий. Первый – тоже сбавить темп, дать Эмме поравняться с собой и продолжать бежать нога в ногу. Это пойдет на пользу Эмме, даст ей физический и психологический отдых. Второй – лидировать в прежнем темпе. Это тоже даст Эмме возможность восстановиться психологически, в чем она нуждается сейчас больше всего. В общем, первый и второй варианты позволят Эмме восстановить несравненный боевой дух, который сделал ее звездой первой величины в

марафоне, а финишный спурт Цинни наверняка проиграет. Так что надежду на победу оставляет только третий вариант: прибавить скорость и оставить противницу позади. Цинни настолько устала, что ей было страшно даже подумать о том, чтобы прибавить ходу, и все же она выбрала именно этот вариант. Она начала ускоряться. Даже для самых опытных бегунов на длинные дистанции продолжительное лидерство является тяжелым психологическим грузом. Именно поэтому в марафонских забегах, как правило, участники разбиваются на несколько групп, поддерживающих постоянную скорость. Если кто-то из такой группы предпринимает ускорение, но не может достаточно далеко выйти вперед, он оказывается всего лишь в роли ведущего и задает темп для кого-то из преследователей, который впоследствии вырвет победу. А ведь у Цинни вовсе не было соревновательного опыта – разворачивающаяся перед ней дорога не заканчивалась финишем, и соперником Цинни был лишь теплый летний ветер. Она была подобна пловцу, следующему в океане за лодочкой. Вдруг эта лодочка исчезает, и она остается одна среди бескрайних волн. Ей было необходимо немедленно найти какое-то предназначение или цель, куда можно было бы устремить душу. И она нашла ее. Она хотела добраться к отцу.

Ока отправил Цинни к безработному тренеру по кроссовому бегу, чтобы она хоть немного потренировалась под непосредственным руководством. Через пять дней Цинни узнала, что ее отец умер. Она опрометью кинулась обратно, однако успела лишь получить урну с прахом Стурма Оки. Цинни видела в последнее время, что он слабел с каждым днем, но не могла предположить, что он сдавал кровь за деньги, чтобы оплатить ее тренировки. А вскоре после того, как Цинни по его настоянию пошла заниматься с другим тренером, он прямо на уроке в школе упал и больше не поднялся. Так же как и в день смерти матери, Цинни молча сидела в своей комнатушке, и тусклый лунный свет падал из окна на грубый сосуд с прахом ее отца. Но вскоре дверь шумно распахнулась, и в комнату вломилась толпа родственников Оки во главе с его женой. Все стали орать на Цинни, требуя, чтобы она призналась, что он оставил ей, и принялись переворачивать все, что попадалось на глаза. Следом за ними вбежал престарелый директор школы, пытавшийся убедить их не шуметь и не буйствовать. Тут кто-то обнаружил под подушкой новенькую футболку, купленную Окой для ученицы, и нащупал подшитый потайной карман. Его тут же грубо разорвали и обнаружили конверт, содержимое которого определенно предназначалось Цинни. Ока, судя по всему, хорошо знал, что

долго не протянет. Директор школы выхватил конверт и заявил, что если Цинни родная дочь учителя Оки, то письмо является ее наследством. Жена Оки снова разоралась, схватила урну с прахом и начала в бешенстве трясти. Внутри что-то брякало. «Обручальное кольцо!» – взвизгнула она, сдернула крышку и высыпала белый пепел на стол. Цинни с плачем кинулась вперед, но ее грубо отшвырнули. Она отлетела в угол и упала, а родственники Оки принялись рыться в кучке праха. Цинни вскочила, снова кинулась к столу, и ее снова оттолкнули. Тут кто-то нащупал кусочек металла, но тут же с руганью бросил его на пол, до крови разрезав ладонь. По измазанной пеплом коже хлынула кровь. Директор школы бережно поднял странную находку. Это оказался маленький кусочек металла в форме листа водяного каштана с острыми, как бритва, уголками. «Это осколок ручной гранаты», – сказал он. «Боже, неужели Ока и в самом деле воевал на юге?!» – воскликнул кто-то. Некоторое время все растерянно молчали, но потом до родственников покойного дошло, что это значит. «Цинни, Ока тебе не отец, и ты ему не дочь! У тебя нет никакого права на его наследство!»

Директор школы сказал: «Ну-ка, посмотрим, что господин Ока оставил нам», открыл конверт и вынул оттуда лист бумаги. Потом он добрых три минуты, под пристальными взглядами собравшихся, изучал его и в конце концов торжественно сказал: «О, богатое наследство». Тут вдова Оки вырвала у него бумагу, и он, уже не глядя на написанное, закончил: «Жаль только, что воспользоваться им не сможет никто, кроме Цинни». Родственники долго читали и перечитывали содержание бумаги. В конце концов вдова Оки взглянула на Цинни с неожиданным смущением и сунула ей листок. Там было всего лишь несколько слов, написанных явно из последних сил, авторучкой, которая несколько раз прорвала бумагу, человеком, который был ее учителем, ее тренером и хотел стать ей отцом, невзирая даже на то, что в действительности не был им.

Слава и мечты

Около трех километров Цинни бежала изо всех сил, но так и не смогла оторваться от Эммы. Избавившись от бремени лидерства, Эмма успокоилась и опять превратилась из усталой растерявшейся девчонки в несравненную звезду марафона. Легконогая лань разбудила свою уснувшую было энергию и перешла в контрнаступление. Резко ускорившись, она обогнала Цинни, и вскоре разрыв между ними стал больше, чем в первой

половине дистанции. Глядя на постепенно отдаляющийся контур Эммы, Цинни понимала, что все кончено. Появилась отметка тридцать пятого километра, осталось семь километров. Это расстояние казалось Цинни непреодолимым. У нее было ощущение, будто она увязла в густом сиропе и уже не бежит, а еле-еле идет. И едва она успела об этом подумать, как увидела в толпе кучку знакомых лиц из команды Западной Азии. Соплеменники все же пришли поболеть за нее. Она не могла расслышать их голосов, но по движениям губ угадала, что они скандировали:

– Цин-ни, дер-жись!

Цинни увидела Клэра. Он изо всех сил размахивал обеими руками. В одной он держал маленький аптечный пузырек. Именно из него он достал таблетку, которая дала Цинни столько сил. Это был всего лишь витамин С.

Теперь Цинни видела, что в толпах, тянущихся по обе стороны трассы, буквально все, целый лес рук, указывают куда-то налево от нее на огромный экран, установленный на стене дома. Цинни пришлось поднять голову и взглянуть туда. Она узнала место, которое показывало телевидение, – Площадь героев в столице Западной Азии. Оттуда каждое утро начинались ее тренировки. Сейчас площадь кишела народом. Камера показала людей крупным планом, и она разглядела, что губы у всех движутся одинаково. Сотни тысяч ее земляков выкрикивали в унисон:

– Цин-ни, дер-жись!

И тут на Цинни обрушился хор голосов зрителей, растянувшихся по обеим сторонам трассы забега. Бесчисленное множество китайцев за считаные минуты выучили два коротких слова. Молчание, которому была подчинена Олимпиада, наконец-то оказалось сломлено, и все дружно скандировали:

– Цин-ни, дер-жись!

Черный туман опять заволок глаза Цинни. Из него выступил генерал Уэст. Факел, который он держал в руке, уже не горел.

– Цинни, – сказал он, – твое пламя погасло, потому что отдала ему всю себя. Ты выгорела дотла.

Впереди появилось и приблизилось несколько красных огоньков. Ока высоко поднял горящий факел.

– Нет, деточка. У тебя еще есть чему гореть. Вспомни о том наследстве, которое я тебе оставил!

Уэст усмехнулся и покачал головой:

– Хватит гореть, Цинни. Ты же не Жанна д’Арк. Все потеряно, ты сожгла себя. Тебе не победить.

Ока взмахнул факелом; пламя победно загудело.

– Нет, дитя мое. Благодаря тебе разделенная родина сможет воссоединиться. Твой огонь не должен погаснуть!

Цинни миновала Оку, мысленно воскликнув: «Огня!» Ока с факелом в руке подался вперед, огонь взревел: «вву-у-ух!» – и в нем с хрустальной чистотой засияли слава и мечты.

Эмму, пересекшую финишную линию, все сто тысяч зрителей на стадионе встретили молчанием. Одновременно пекинское небо заволокли тучи, засверкали молнии, оглушительно загремел близкий гром. Молнии дважды подряд ударили в громоотвод, поднимавшийся над чашей, где горел огонь, разбросав ужасающие пламенные шары. Через десять минут на стадион, тяжело ступая, вбежала Цинни. Она пересекла финишную черту и упала. Сто тысяч человек поднялись на ноги; весь мир смотрел через телекамеры на хрупкое тело, распростертое на беговой дорожке. Мертвую тишину нарушал лишь гул мечущегося под хлесткими порывами бури олимпийского пламени. Служители, которые принесли олимпийский флаг с пятью кольцами и флаг Республики Западной Азии, чтобы накрыть безжизненное тело Цинни, с изумлением увидели, что она умерла, улыбаясь.

Она все же воплотила в жизнь свои мечты и обрела славу.

Страна, решившая держаться

– Эта великая Олимпиада знаменует собой начало новой эры. «Окно в мир» поможет человечеству наконец-то отрешиться от варварства и стать по-настоящему цивилизованным. Этические стандарты человечества будут соответствовать его технологическому развитию. Мы долго, очень долго ждали этого дня, но все же он наступил! Отныне спортивные достижения страны будут считаться важнейшим показателем развития нации, а спортивные соревнования наивысшего уровня будут возведены в качество универсальной основы и примера для спортивного совершенствования всех людей мира. Поэтому все страны могут перевести те колоссальные деньги, которые тратят на подготовку и ведение войн, на улучшение здоровья своих народов, что приведет к оздоровлению социальных отношений внутри и вовне наших цивилизаций и к новой эре международных отношений. До идеального общества, которое объединит человечество, еще далеко, но сегодняшний день сияет зарей этого славного будущего!

Эту речь президент МОК произнес на борту авиалайнера, направляющегося в Республику Западная Азия. Комитет в почти полном составе отправился праздновать первый успех программы

«Окно к миру». Вместе с ними летела возвращаюшаяся из Пекина сборная команда Западной Азии и несколько представителей команды США. Американцы получили не только олимпийское золото, но и Медали свободы[26] от своего президента, и сейчас с наслаждением купались в лучах собственной славы.

Президент МОК продолжил, обращаясь к американцам:

– Вы теперь самые знаменитые герои военных действий, каких только знала история. Не сомневаюсь в том, что народ Западной Азии, страдания которого наконец-то прекратятся, встретит вас как освободителей! – Он повернулся к спортсменам из Западной Азии: – А вы вовсе не проиграли, потому что на этой Олимпиаде не было побежденных. Вы все победили варварство человекоубийственной войны, своими спортивными подвигами вы завоевали мир для мира.

Недавние соперники пожимали руки и объяснялись во взаимном уважении – сначала сквозь зубы, но вскоре начали искренне обниматься. Многие растроганно прослезились.

Тогда-то в салон вышел командир корабля и объявил с мрачным видом:

– Уважаемые пассажиры! Западная Азия объявлена бесполетной зоной. Поэтому мы должны либо приземлиться в одной из соседних стран, либо вернуться в Пекин. Прошу вас решать поскорее.

Все недоуменно уставились на него, не зная, что сказать.

– Только что началось полномасштабное военное наступление на Республику Западной Азии. Бомбардировочная авиация поднялась в воздух.

Все долго молчали, и лишь потом до них начало доходить.

– Вы обманули нас!!! – закричали западноазиатские спортсмены, с ненавистью тыча пальцами в американцев. Клэр поспешно встал и поднял руки:

– Успокойтесь! Я думаю, что они здесь ни при чем. Всех обманули наши с вами земляки.

– Да, – поддержал его командир самолета. – В новостях говорят, что войска, намеревавшиеся войти в город для поддержания порядка, согласно договору программы «Окна в мир», столкнулись с яростным сопротивлением.

– Но… но ведь армия Западной Азии распущена, – пробормотал президент МОК. – Они сдали все тяжелое вооружение!

– Зато все стрелковое оружие досталось населению. И если бы сейчас с домов вдруг ветром снесло крыши, стало бы видно, что в каждом окне сидит по стрелку.

– Да что же это такое?! – По щекам президента МОК текли

слезы. Он схватил Клэра за грудки и отчаянно кричал: – Ваша столица сгорит в огне! По улицам польются реки крови ваших соплеменников! Матери лишатся детей, дети – отцов. Те, кому удастся выжить, будут искать хоть что-то съедобное по помойкам… А в результате вы все равно будете разгромлены. Другого результата просто не может быть!

– Значит – судьба. – Клэр криво улыбнулся президенту МОК и повернулся к спортсменам: – Именно это я предсказывал с самого начала. «Окна к миру» – всего лишь нежизнеспособная идеалистическая фантазия. Спортивные состязания не могут заменить собой войну. Точно так же, как вино не может заменить кровь. – Он подошел к иллюминатору и посмотрел наружу. – Что касается Республики Западной Азии, она точно такая же, как наша Цинни. Она хочет держаться до конца.

* * *

Когда Алек Салих смог наконец добраться на родину, война бушевала уже неделю с лишним.

После завершения церемонии закрытия Олимпиады, проходившей под грохот страшной грозы, Салих не сразу ушел под трибуну, а долго еще стоял и смотрел на то место, где упала Цинни. В конце концов он чуть слышно пробормотал: «Лучше я вернусь домой».

Война за столицу входила в заключительную стадию. Город был разрушен более чем наполовину. Основные боевые действия вроде бы закончились, но воевать все еще продолжали и здесь, и в провинции. Оттуда в город потоком шли подкрепления, состоявшие из самых разных людей. На некоторых была потрепанная армейская форма, но большинство было обычными гражданскими, раздобывшими себе оружие. Салих попросил у офицера автомат. Тот узнал его и сказал с улыбкой:

– Ого! Знаешь, вряд ли у нас хватит денег нанять спасителя.

– Какой там спаситель. Простой солдат, – ответил Салих, тоже улыбнувшись, взял оружие и присоединился к нестройному хору, распевавшему гимн страны. А потом вышел в освещенный пляшущим пламенем пожаров город, где земля содрогалась в конвульсиях войны.

Бремя воспоминаний [27]

Мать: Деточка, ты слышишь меня?

Плод: Где я?

Мать: О, прекрасно! Ты можешь меня слышать. Я твоя мать.

Плод: Мама! Я что, действительно у тебя в животе? Я плаваю в воде…

Мать: Это называется ами… ани… амниотическая жидкость. Трудное слово, согласна. Я сама выучила его только сегодня.

Плод: Что это за звук? Как будто гром все время гремит где-то вдали.

Мать: Это бьется мое сердце. Ведь ты же находишься во мне, помнишь?

Плод: Мне здесь нравится. Я хочу остаться здесь навсегда.

Мать: Ха! Не получится. Тебе придется родиться.

Плод: Нет! Я боюсь того, что там.

Мать: Ох… давай поговорим об этом позже.

Плод: Мама, что это за веревка, приделанная к моему животу?

Мать: Это пуповина. Без нее нельзя жить, пока находишься внутри матери.

Плод: Хм-м-м-м… Мама, а разве ты была когда-нибудь там же, где я сейчас нахожусь?

Мать: Была! До того как родилась, я тоже находилась внутри своей матери. Только я не помню, как там было, и ты тоже не будешь помнить. Деточка, у тебя там темно, внутри мамы? Ты что-нибудь видишь?

Плод: Снаружи пробивается слабый свет. Красновато-оранжевое сияние такого же цвета, каким бывает небо в деревне Ситао, когда солнце садится за гору.

Мать: Ты помнишь Ситао? Да ведь я там родилась! В таком случае ты, наверно, помнишь, как выглядит твоя мама?

Плод: Да, я помню, как ты выглядишь. Я даже знаю, как ты выглядела в детстве. Мама, ты помнишь, как впервые в жизни увидела себя?

Мать: О, этого я не помню. Наверно, в зеркале… У твоего деда было старое зеркало, разбитое на три части, которые он сложил вместе…

Плод: А вот и нет, мама, нет. Ты впервые увидела свое отражение в воде.

Мать: Ха-ха-ха… Вот не подумала бы. Ситао находится в Ганьсю, а это в пустыне Гоби. Нам всегда не хватало воды, а в воздухе постоянно висела пыль, которую поднимал ветер.

Плод: Совершенно верно. Мои дедушка или бабушка каждый день ходили за водой по нескольку километров. Однажды, когда тебе только-только исполнилось пять лет, ты пошла с бабушкой к колодцу. Когда вы возвращались назад, солнце стояло в зените и жара была невыносимой. Ты страдала от жажды, но не решалась спросить у бабушки разрешения напиться из ведра, потому что боялась, что она станет бранить тебя за то, что ты не догадалась напиться у колодца. Но у колодца толпилось так много народу, что маленькая девочка просто не смогла бы пробиться к воде. Год был засушливый, многие колодцы пересохли. В этом колодце воды было много, но туда ходили жители трех ближних деревень… В общем, когда бабушка на обратном пути остановилась отдохнуть, ты наклонилась над ведром, чтобы вдохнуть хотя бы запах прохладной воды, ощутить обожженной кожей лица ее влажное испарение…

Мать: Да, деточка, теперь вспомнила!

Плод: …и ты увидела свое отражение в воде: лицо, покрытое коркой пыли, испещренной полосками от пота, похожими на промоины, которые остаются в лессовой почве после дождя… Вот это первое воспоминание о том, как ты увидела себя.

Мать: Но как же получается, что ты помнишь мое прошлое лучше, чем я сама?

Плод: Ты все помнишь, мама, только не можешь вызвать эти воспоминания. Но в моем сознании все твои воспоминания ясные и четкие; четкие настолько, будто все случилось только вчера.

Мать: Я даже не знаю, что сказать…

Плод: Мама, я чувствую, что рядом с тобой кто-то находится.

Мать: О да, Это доктор Ин. Она изобрела ту самую машину, с помощью которой мы можем разговаривать с тобой, хотя ты сам еще не способен разговаривать, так как плаваешь в амниотической жидкости.

Плод: Я знаю ее! Она немного старше тебя. На лице у нее очки, и ходит она в длинном белом халате.

Мать: Доктор Ин – выдающийся, мудрейший человек. Ученая!

Доктор Ин: Привет!

Плод: Привет… Э-э-э… Как я понимаю, вы изучаете мозг?

Доктор Ин: Совершенно верно. Я нейрофизиолог – мы стараемся разобраться в том, как мозг образует мысли и формирует воспоминания. В человеческом мозге больше нейронов, чем звезд в Млечном Пути, благодаря этому он способен хранить колоссальные объемы информации. Но, судя по всему, возможности мозга используются лишь на незначительную часть. Я изучаю как раз те части мозга, которые вроде бы ничего не делают. Мы выяснили, что в областях, которые долго считали

пустыми, содержится очень много информации, но лишь совсем недавно установили, что это информация, переходящая от наших предков. Дитя, ты понимаешь, что я говорю?

Плод: Кое-что понимаю. Я знаю, что вы много раз объясняли это маме. То, что поняла она, понимаю и я.

Доктор Ин: Вообще-то, наследственная память – очень распространенное явление у самых разных живых существ. Взять хотя бы поведенческие модели, которые принято называть инстинктами: например, умение паука плести сети или пчел – строить соты. Это же унаследованная память в самом чистом проявлении. Обнаруженная недавно наследственная память людей устроена еще сложнее, чем у прочих видов. Информации настолько много, что она не в состоянии поместиться в генетическом коде и поэтому фиксируется в ДНК на атомном уровне, через их квантовые состояния. Наши исследования непосредственно связаны с квантовой биологией…

Мать: Доктор Ин, это слишком сложно для моего малыша.

Доктор Ин: Прошу прощения. Я лишь хотела объяснить твоему младенцу, что ему очень повезло по сравнению с другими детьми! Хотя все люди обладают наследственной памятью, она неизменно лежит невостребованной в тайных закоулках мозга. Никто раньше просто не знал о ее существовании.

Мать: Доктор, вы, наверное, забыли, что я окончила только начальную школу. Вы бы попроще объясняли…

Плод: После окончания школы ты несколько лет работала в полях, а потом уехала из дома искать другую работу.

Мать: Да, деточка, так все и было. У меня уже не было сил оставаться в Ситао; даже вода там сделалась для меня горькой. Я хотела другой жизни.

Плод: Ты побывала в нескольких городах и занималась там всякой работой, которую обычно делают приезжие из деревни: мыла посуду в ресторанах, ухаживала за детьми в чьих-то семьях, делала картонные коробки на бумажной фабрике, была кухаркой у строителей. Иногда, когда дела шли совсем плохо, ты рылась в мусоре, искала что-нибудь такое, что можно было бы продать…

Мать: Ах ты мой милый! Рассказывай дальше. И что же случилось потом?

Плод: Ты ведь уже знаешь все, о чем я говорю!

Мать: Все равно рассказывай. Маме очень нравится слушать тебя.

Плод: Так ты мыкалась до тех пор, пока в прошлом году тебя не взяли уборщицей в лабораторию доктора Ин.

Мать: Доктор Ин с самого начала очень тепло относилась ко мне. Если она приходила раньше обычного, когда я еще мыла

полы в коридоре, то обычно останавливалась, говорила со мной, расспрашивала о жизни. А однажды позвала меня к себе в кабинет.

Плод: Она спросила тебя: «Где ты хотела бы появиться на свет, если бы тебе выпал случай родиться заново?»

Мать: Я ответила: «Здесь, конечно. Я хотела бы родиться в большом городе и жить нормальной горожанкой».

Плод: Доктор Ин некоторое время с улыбкой рассматривала тебя, а ты не могла понять, чему она улыбается. Потом она сказала: «Я могла бы исполнить твою мечту, если у тебя хватит смелости».

Мать: Я сначала решила, что она шутит, но она объяснила мне все эти штуки с наследственной памятью.

Доктор Ин: Я объяснила твоей матери, что мы разработали методику перестройки генов в оплодотворенной яйцеклетке, в результате чего активизируется спящая наследственная память. Если наши расчеты оправдаются, то следующее поколение сможет достичь куда большего, чем предшественники, поскольку сможет опираться на их опыт.

Мать: Я тогда совершенно остолбенела и спросила доктора Ин: «Вы хотите, чтобы я родила такого ребенка?»

Доктор Ин: Я покачала головой и ответила твоей матери: «Нет, ты не родишь ребенка, ты родишь…»

Плод: …самое себя. Так вы сказали.

Мать: Я долго-долго размышляла над этими словами и в конце концов поняла: если другой мозг хранит те же самые воспоминания, что и твой, то получается копия твоей личности, верно? Но я не могла представить себе такого младенца.

Доктор Ин: Я объяснила ей, что это будет не младенец, а взрослый в теле младенца. Такие дети будут уметь говорить, как только появятся на свет, и даже более того – как мы сейчас видим, даже до появления на свет. Они смогут ходить, достигать других этапов своего развития гораздо раньше, чем обычные дети. Благодаря опыту и знаниям взрослых людей они опередят своих сверстников в развитии лет на двадцать с лишним. Конечно, мы не можем с уверенностью пообещать, что они будут обладать особенными дарованиями, но их потомки определенно будут, потому что наследственной памяти предстоит накапливаться из поколения в поколение. И через несколько поколений она станет основой для настоящих чудес! Человеческая цивилизация совершит качественный скачок, а тебя, как первую из матерей, участвующих в этом эпохальном мероприятии, впишут в историю золотыми буквами.

Мать: Вот так, сынок, ты и появился у меня.

Плод: Но мы не знаем, кто мой отец.

Доктор Ин: По техническим причинам нам пришлось прибегнуть к экстракорпоральному оплодотворению. Донор спермы категорически требовал не раскрывать его личность, и твоя мать согласилась на это. На самом деле, малыш, совсем не важно, кто он. Вклад отца в твою жизнь можно считать не таким существенным, как у отцов других детей, потому что воспоминания ты унаследовал от матери. Существует способ пробудить воспоминания обоих родителей, но в твоем случае решили ограничиться матерью. Мы просто не представляем себе, что будет, если в одном мозгу пробудить воспоминания сразу двух людей.

Мать (с тяжелым вздохом): Вы пока не знаете, что будет, если пробудить одни только мои воспоминания.

Доктор Ин (после продолжительной паузы): Ты права. Не знаем.

Мать: Доктор Ин, позвольте спросить. Я все никак не могла решиться… Вы ведь тоже молоды, и детей у вас нет… Почему вы не сделали для самой себя такого младенца?

Плод: Тетя Ин, мама думает, что вы большая эгоистка.

Мать: Не говори так, деточка.

Доктор Ин: Нет-нет, твой ребенок прав, и вопрос ты задала верный. Я действительно эгоистка. В начале исследования я думала о том, чтобы завести собственного ребенка с пробужденной наследственной памятью, но что-то меня остановило. Нас смущало то, что эта память существует только в недоступном виде. Какой смысл фиксировать эти воспоминания, если их невозможно использовать? Дополнительные исследования показали: это нечто вроде аппендикса, рудимент, сохранившийся в ходе эволюции. Дальним предкам современных людей наследственная память определенно была доступна, но к нашей эпохе она ушла в тайники мозга. Мы не в состоянии объяснить, почему эволюция решила отказаться от столь выгодного для вида свойства. Возможно, так получилось потому, что в наследственной памяти есть что-то опасное.

Мать: Не подумайте, доктор Ин, у меня и в мыслях нет осуждать вас за осторожность, ведь я добровольно участвую в этом эксперименте. Я хочу родиться во второй раз.

Доктор Ин: Но этого не случится. Теперь мы знаем, что ты беременна не собой, а ребенком – ребенком с твоими воспоминаниями.

Плод: Я согласен. Мама, я не ты, но я чувствую, что все мои воспоминания пришли из твоего мозга. Я по-настоящему помню только воду вокруг меня, стук твоего сердца и слабый красновато-

оранжевый свет, пробивающийся снаружи.

Доктор Ин: Мы допустили серьезную ошибку, решив, что, продублировав память, продублируем и человека. Личность складывается помимо памяти из множества элементов, которые невозможно повторить. Личностные воспоминания – все равно что книга, которую разные читатели воспринимают по-разному. Просто страшно представить себе, как не родившийся еще ребенок воспримет такую мрачную, тяжелую книгу.

Мать: О, это верно! Мне нравится этот город, но город, каким он предстает в моих воспоминаниях, может напугать моего малютку.

Плод: Город действительно страшный! И все там, снаружи, страшное. Мама, я не хочу рождаться!

Мать: Ну, что такое ты говоришь? Конечно, ты родишься.

Плод: Нет, мама! Помнишь то зимнее утро в Ситао, когда бабушка и дедушка долго бранили тебя?

Мать: Конечно, помню. Родители разбудили меня до восхода солнца, чтобы я пошла помогать им чистить овечий загон. А мне так не хотелось вставать! Было еще темно, и ветер резал кожу, как ножом. Еще и снег срывался с неба. А я лежала в кровати, закутавшись в одеяло, и мне было так тепло… Мне всегда хотелось поспать подольше.

Плод: Не просто подольше. Ты хотела вечно спать, завернувшись в теплое одеяло.

Мать (немного помолчав): Да, ты прав…

Плод: Я не выйду отсюда! Никогда!

Доктор Ин: Уверяю тебя, дитя, окружающий мир отнюдь не вечная ночь, где бушуют зимние бури. Обязательно – и часто! – выпадают дни, когда светит яркое солнце и дует приятный теплый ветерок. Да, жизнь нелегка, но в ней все же много радости и счастья.

Мать: Доктор Ин права! Твоя мама помнит много счастливых моментов. Например, день, когда я покинула дом. Я вышла из Ситао… Только-только встало солнце, прохладный ветерок обвевал мое лицо, птицы распевали на все голоса. Я чувствовала себя птицей, вырвавшейся из клетки… А когда я в городе получила первую зарплату! Я пошла в супермаркет, и раскрывшиеся безграничные возможности наполняли меня блаженством. Ты, конечно, чувствуешь мою радость, деточка?

Плод: Мама, я отчетливо помню оба эти случая, и они просто жуткие! Покинув деревню, ты прошла пешком по трудной тропе тридцать километров через горы до шоссе, чтобы сесть на автобус в ближайший город. В кармане у тебя было всего шестнадцать юаней, и ты даже не представляла себе, как жить, когда эти

деньги кончатся. Ведь было совершенно неизвестно, как тебя встретит тот далекий мир! А тот супермаркет? Посетители метались в нем, как муравьи в муравейнике, и теснили друг друга. Столько незнакомых людей, так страшно…

Доктор Ин (после продолжительной паузы): Теперь я понимаю, почему эволюция отменила включение наследственной памяти у людей. С тех пор как в нашем сознании развилось такое свойство, как эмоциональная чувствительность, неосведомленность о мире в момент рождения играет роль мягкой упаковки, защищающей нас от суровой действительности мира. Мы же сорвали с твоего младенца эту оболочку, и он оказался преждевременно открыт недоброжелательству стихий.

Плод: Тетя Ин, что это за веревка, приделанная к моему животу?

Доктор Ин: Ты ведь уже задавал матери этот вопрос. Это твоя пуповина. До самого рождения ты получаешь через нее кислород и питательные вещества. Она обеспечивает твою жизнь.

Весеннее утро через два года

Доктор Ин и молодая мать стояли рядом посреди кладбища; мать держала на руках младенца.

– Доктор Ин, вам уже удалось отыскать хоть что-нибудь из того, что вы исследуете?

– Ты имеешь в виду что-то из того, что помимо воспоминаний составляет сущность человека? – Доктор Ин медленно покачала головой: – Конечно нет. И очень сомневаюсь, что наука вообще способна это найти.

Только-только поднявшееся над горизонтом солнце проложило на земле длинные тени от надгробных памятников. Оборвавшиеся давно или недавно бесчисленные жизни снова озарились мягким оранжевым светом.

– «Где зарождение любви? В мозгу ли, в сердце ли, в крови?»[28] – пробормотала доктор Ин.

– Что вы сказали? – Мать растерянно взглянула на нее.

– Это Шекспир когда-то написал. – Доктор Ин протянула руки, и мать передала ей младенца.

Это был не тот ребенок, у которого пробудили наследственную память. Молодая мать вышла замуж за одного из ученых лаборатории, и это было их дитя.

Плод же, унаследовавший воспоминания матери, через несколько часов после того разговора разорвал свою пуповину. Ко времени, когда дежурный акушер понял, что случилось,

нерожденный младенец был бесповоротно мертв. А потом все поражались тому, что в этих крошечных ручках хватило силы, чтобы совершить такое.

Сейчас две женщины стояли перед могилой самого младшего из всех самоубийц в истории человеческой расы.

Доктор Ин пытливо рассматривала младенца, которого держала на руках, как будто наблюдала за экспериментом. А дитя уделяло ей отнюдь не больше внимания, чем всему прочему, что попадало в поле его зрения. Малыш размахивал ручками и пытался ловить проплывавшие в воздухе пушинки цветущего тополя. Блестящие черные глаза взирали с радостным удивлением на мир, который был пышным цветком, огромной прекрасной игрушкой. Крохотный мальчик был совершенно не подготовлен к лежавшей перед ним длинной и трудной дороге жизни, а значит, был готов ко всему.

Две женщины неторопливо прошли по дорожке среди надгробий. У выхода с кладбища мать забрала ребенка у доктора Ин.

– Нам пора по своим делам, – сказала она. Ее глаза сияли тревогой и любовью.

Круг [29]

Синьян, столица царства Цинь, 227 г. до н. э.[30]

Цзин Кэ медленно развернул на длинном низком столе шелковый свиток карты.

Сидевший по другую сторону стола Ин Чжэн, владыка царства Цинь, удовлетворенно вздохнул, глядя на появлявшиеся перед ним горы и реки, принадлежавшие врагу. Цзин Кэ представлял здесь царство Янь, готовое сдаться на милость победителя. Глядя на искусные изображения полей, дорог, городов и военных лагерей, нетрудно было ощущать себя властелином всего этого. А реальная земля была столь необъятна, что перед ее громадностью он порой чувствовал себя бессильным.

Цзин Кэ развернул свиток до конца. Ярко блеснул острый кинжал. В этот миг в Большом зале все застыли и, казалось, даже воздух окаменел.

Все министры вана, стоявшие на приемах не ближе чем в тридцати чи[31] от него, были безоружны. Вооруженная стража располагалась еще дальше – за ступенями, ведущими в зал. Все эти меры были рассчитаны на обеспечение безопасности вана, но сейчас лишь облегчили задачу убийцы.

Но владыка Чжэн сохранял спокойствие. На кинжал он взглянул лишь мельком и тут же обратил мрачный и острый взгляд на Цзин Кэ. Правитель царства Цинь был очень внимательным и осторожным человеком. Он сразу же заметил, что оружие обращено рукоятью к нему, а острием – к убийце.

Цзин Кэ поднял кинжал, и все, находившиеся в зале, ахнули. Кроме Чжэна – тот сдержал вздох облегчения. Он-то сразу увидел, что посол держит кинжал пальцами за острие и подает ему вперед рукоятью.

– Ваше величество, прошу вас убить меня этим оружием, своей рукой. – Цзин Кэ низко поклонился, держа кинжал над головой. – Наследный принц Дань царства Янь приказал мне убить вас, когда вы окажете мне честь личного приема, и я не мог возразить своему господину. Но безмерное восхищение вами не позволяет мне выполнить это повеление.

Правитель Чжэн не шелохнулся.

– Ваше величество, вовсе не обязательно наносить сильный удар. Клинок вымазан ядом. Чтобы оборвать жизнь недостойного, вашему величеству будет достаточно сделать небольшой порез на его теле.

Чжэн сидел все в той же позе, лишь мановением руки остановил стражей, вбежавших в зал.

– Моему величеству вовсе незачем убивать вас, чтобы чувствовать себя в безопасности. Из ваших слов понятно, что у вас не душа убийцы.

Цзин Кэ молниеносным движением перехватил кинжал за рукоять. Острие оружия было направлено ему в грудь, как будто он намеревался покончить с собой.

– Вы ученый человек, – холодно продолжал Чжэн. – Ваша смерть будет пустой растратой полезного имущества. Я предпочел бы употребить ваши знания и умения на пользу моей армии. Если вы настоятельно желаете умереть, дозволяю осуществить это лишь после того, как вы сделаете для меня что-нибудь заслуживающее внимания. – Он пошевелил пальцами, разрешая Цзин Кэ удалиться. Несостоявшийся убийца из побежденного царства Янь аккуратно положил кинжал на стол и, продолжая кланяться, спиной вперед покинул Большой зал.

Владыка Чжэн поднялся и направился к другому выходу из Большого зала. Небо за окнами казалось нежным и хрупким, как сновидение, смутно запомнившееся с ночи.

– Цзин Кэ, – обратился он к убийце, который все еще продолжал пятиться по лестнице, – часто ли луна появляется на небе днем?

Белый халат убийцы сверкал на солнце, как яркое пламя.

– Видеть на небе одновременно солнце и луну случается отнюдь не редко. Согласно лунному календарю, с четвертого по двенадцатый день каждого месяца луну можно видеть в дневном небе в разное время дня, если, конечно, погода позволяет.

Чжэн кивнул и чуть слышно пробормотал:

– О, не такое уж редкое зрелище.

Через два года владыка Чжэн призвал Цзин Кэ на аудиенцию.

Оказавшись у входа во дворец, он увидел, что вооруженные стражи выводят из Большого зала троих сановников с сорванными регалиями и выбритыми головами. Двое с окровавленными лицами шли между стражами, а третий был настолько перепуган, что не мог идти. Двое воинов тащили его под руки, а он продолжал стенать, умоляя владыку Чжэна сохранить ему жизнь. Цзин Кэ уловил несколько раз повторяющееся слово «лекарство». Судя по всему, этих троих ждала смертная казнь.

Чжэн был в превосходном настроении, как будто ничего не произошло. Указав на лестницу, по которой только что выволокли троих приговоренных, он сказал:

– Флот Сюй Фу так и не вернулся из Восточного моря. Кто-то должен был понести за это ответственность.

Цзин Кэ знал, что Сюй Фу, маг и гадатель, клялся, что

способен добраться до лежащих в Восточном море островов, где находятся три магических горы, и привезти оттуда эликсир вечной жизни. Ван Чжэн снарядил для него огромный флот, погрузил на корабли три тысячи юношей и девушек и неисчислимые сокровища, которые предназначались в дар бессмертным, хранившим тайну вечной жизни. Три года назад флот отбыл в плавание, и с тех пор от него не было ни слуху ни духу.

Чжэн тут же отмахнулся от неприятной темы.

– Я слышал, что за последние годы вы изобрели немало чудес. Лук, который вы придумали, бьет вдвое дальше, чем те, что были прежде, боевые колесницы с хитрыми подвесными креплениями на осях едут быстро и плавно даже по неровной почве, на мосты, построенные под вашим надзором, ушло вдвое меньше материалов, чем на те, что строили до вас, а получились они даже крепче. Я доволен вами. Как вы додумались до всего этого?

– Ваше величество, когда следуешь указаниям неба, нет ничего невозможного.

– То же самое говорил и Сюй Фу.

– Ваше величество, позвольте мне сказать прямо. Сюй Фу всего лишь мошенник. Постоянные бестолковые медитации не открывают путь к постижению мироустройства. Такие, как он, вовсе не способны постичь изречения неба.

– И на каком же языке вещает небо?

– На языке математики. Числа и формы – вот те письмена, которыми небо пишет обращения к миру.

Чжэн задумчиво кивнул:

– Интересно… И чем же вы заняты сейчас?

– Я стараюсь понять как можно больше посланий небес, чтобы принести пользу вашему величеству.

– Есть успехи?

– Да, кое-что есть. Временами я просто чувствую, что стою прямо перед дверью сокровищницы, полной тайн Вселенной.

– И как же небеса рассказывают вам свои тайны? Ведь вы, боши[32], только что сказали мне, что язык небес состоит из чисел и форм.

– С помощью круга.

Заметив, что владыка Чжэн потерял нить его рассуждений, Цзин Кэ испросил – и получил – позволение воспользоваться кисточкой и тушью. На низком столике расстелили кусок белого шелка, и он изобразил круг. Он не пользовался ни циркулем, ни какими-либо еще приспособлениями, но круг получился идеальным.

– Ваше величество, случалось ли вам видеть в природе идеальные круги помимо тех, что созданы руками человека?

Владыка задумался на мгновение:

– Крайне редко. Разве что, когда мы с соколом рассматривали друг друга, я обратил внимание, что у него совершенно круглые глаза.

– Да, ваше величество, как всегда, правы. Я могу привести еще несколько примеров: яйца, которые откладывают некоторые водные существа, плоскость пересечения капли росы и листа. Но я тщательно измерил все это и так и не нашел идеального круга. То же самое относится и к кругу, который я нарисовал здесь: хоть он и выглядит вполне правильным, но содержит ошибки и неточности, незаметные глазу. На самом деле это овал, а не идеальный круг. Я долго искал идеальный круг и наконец понял, что в нижнем мире такого не существует, а найти его можно лишь в небесах, что над нами.

– Вот как?

– Ваше величество, не соизволите ли вы выйти со мной из дворца?

Владыка царства Цинь в сопровождении Цзин Кэ вышел на площадь. Стоял чудесный ясный день из тех, когда на небе можно одновременно видеть и солнце, и луну.

– И солнце, и луна являют собой совершенные круги, – сказал Цзин Кэ, указав вверх. – Невозможные на земле идеалы небо поместило на свой свод и сделало их самыми заметными для любого, кто обратит туда взор. Причем не один, а два образца. Смысл сего не может быть яснее: тайны небес спрятаны в круге.

– Но ведь круг – простейшая из фигур. Все другие, не считая прямой линии, явно сложнее. – Правитель повернулся и вошел во дворец.

– За видимой простотой скрываются глубочайшие загадки, – ответил Цзин Кэ, следуя за императором.

Когда они вернулись в зал и Чжэн уселся около того же столика, Цзин Кэ начертил кистью на шелке прямоугольник.

– Соизвольте взглянуть на эту фигуру, ваше величество. Ее длинная сторона – четыре цуня[33], а короткая – два. Небо говорит и через эту фигуру.

– И что же оно говорит?

– Небо говорит, что стороны прямоугольника относятся друг к другу как один к двум.

– Ты смеешься надо мной?

– Нет, ваше величество, я не осмелюсь на такую дерзость. Это всего лишь пример простого послания. Соизвольте взглянуть на эту фигуру, – Цзин Кэ изобразил другой прямоугольник. – На сей

раз длинная сторона равна девяти цуням, а короткая – семи. В эту фигуру небеса заложили гораздо более сложное содержание.

– Откуда же это видно? Фигура столь же проста, как и первая.

– Позвольте возразить, ваше величество. Отношение между длинной и короткой сторонами этого прямоугольника выражается числом 1,285714285714285714… Последовательность цифр 285714 повторяется в нем бесконечно. Из этого следует, что значение можно сколько угодно уточнять, но так и не достигнуть окончательной точности. Это послание тоже простое, но из него можно извлечь гораздо больше смысла.

– Интересно… – бросил правитель.

– А теперь прошу дозволения показать вам самую загадочную фигуру из всех, какими одарило нас небо: круг. – Цзин Кэ провел через центр ранее нарисованного круга прямую линию. – Установлено, что отношение длины окружности к длине диаметра круга выражается бесконечным числом, начинающимся с 3,1415926. И последовательность цифр в нем никогда не повторяется.

– Никогда?

– Никогда, ваше величество. Соизвольте представить себе кусок шелка размером со все, что существует под небом. Допустим, что цифры числа, выражающего это соотношение, можно было бы записать мельчайшими значками величиной с мушиную головку каждый и писать строчку отсюда до края земли, а потом начинать строчку за строчкой сначала. Продолжая таким образом, можно было бы заполнить всю ткань целиком, и числам все равно не было бы конца, а первая цепочка из восьми цифр все равно не повторилась бы ни разу. Ваше величество, в этой бесконечной цепи чисел заключены тайны Вселенной.

Выражение лица Чжэна не изменилось, но Цзин Кэ заметил, как блеснули его глаза.

– Пусть вам известно это столь необычное число. Но каким же образом вы будете читать в нем послание, которое якобы прислало вам небо?

– Для этого есть много способов. Например, используя числа как координаты, можно превратить их в новые формы и картины.

– Что же покажут эти картины?

– Я не знаю. Возможно, это будет иллюстрация к одной из высоких загадок Вселенной. Или, может быть, повесть, а то и целая книга. Но главное в том, что сначала необходимо получить достаточно длинную строку цифр. Мне представляется, что значение ряда начнет приоткрываться не раньше, чем будут рассчитаны десятки, а может быть, даже сотни тысяч символов. На сегодняшний день я рассчитал лишь около сотни знаков, что

не раскрывает никаких потаенных смыслов.

– Сотню? Только и всего?

– Ваше величество, даже на это мне потребовалось более десяти лет трудов. Чтобы вычислить отношение окружности к диаметру, нужно совершить приближения, вписав в окружность один многоугольник и описав вокруг нее второй. Чем больше сторон у многоугольников, тем точнее вычисления и тем больше цифр можно получить. Но сложность вычислений быстро возрастает, и дело идет чем дальше, тем медленнее.

Чжэн не сводил глаз с круга, пересеченного прямой линией.

– Значит, вы рассчитываете отыскать через это число секрет вечной жизни?

– Совершенно верно, ваше величество, – взволнованно ответил Цзин Кэ. – Жизнь и смерть – основные законы, дарованные миру небом. Следовательно, в этом послании должны содержаться великие тайны жизни и смерти, в том числе и секрет вечной жизни.

– Поэтому вы должны рассчитать это отношение. Я выделю вам двоих помощников, чтобы вы немедленно рассчитали до десяти тысяч знаков. А через пять лет представите мне сто тысяч знаков.

– Это… это невозможно!

Чжэн взмахнул рукой и широким рукавом сбросил со стола и шелк, на котором чертил ученый, и тушь с кисточкой.

– В таком случае дам столько людей, сколько вам нужно. – Он холодно взглянул Цзин Кэ в глаза и добавил: – Но вы должны выполнить работу в срок.

Через пять дней владыка Чжэн снова вызвал Цзин Кэ. На сей раз не в синьянский дворец; ученый встретил правителя на дороге, по которой тот в сопровождении свиты прогуливался, любуясь окрестностями.

Чжен с ходу спросил Цзин Кэ, как продвигается работа.

Тот поклонился и ответил:

– Ваше величество, я собрал по вашему царству всех математиков, способных выполнять такие вычисления. Их оказалось лишь восемь. Имею покорнейше доложить вашему величеству, что даже если все мы, вдевятером, полностью посвятим свои жизни этой работе, то все равно не сможем вычислить более трех тысяч знаков. А за два года получится не более трехсот знаков.

Чжэн кивнул и, жестом приказав Цзин Кэ следовать за ним, направился по дорожке. Вскоре они подошли к гранитному обелиску высотой около двадцати чи. За пропущенный сквозь сделанное наверху отверстие толстый канат обелиск был

подвешен к мощной деревянной платформе, как громадный маятник, и его гладкое основание находилось на высоте человеческого роста от земли. На отшлифованных гранях не было никаких надписей.

Чжэн указал на сооружение и сказал:

– Смотрите, боши. Если вы завершите вычисления к сроку, этот камень станет монументом в вашу честь. Я повелю опустить его на землю и покрыть грани записями о ваших многочисленных достижениях. Но если вы не справитесь, он же будет памятником вашего позора. В этом случае его тоже опустят на землю, но, прежде чем перережут веревку, вы сядете под ним. Так что обелиск станет вашим надгробием.

Цзин Кэ поднял голову и обвел взглядом огромный висящий камень, который заполнял все поле зрения. На фоне несущихся по небу облаков его темная масса производила угнетающее впечатление.

Цзин Кэ повернулся к правителю:

– Ваше величество однажды уже соизволили сохранить мою жизнь, и даже если мне удастся завершить расчеты к нужному сроку, это все равно не искупит вину, что лежит на мне за то, что я согласился покуситься на вашу священную жизнь. Я не боюсь смерти, но покорнейше прошу дать мне еще пять дней на раздумья. Если я так и не смогу придумать, как справиться с этой работой, то с готовностью сяду под обелиск.

Через четыре дня Цзин Кэ попросил аудиенции и сразу же был допущен к циньскому вану. Чжэн не видел сейчас дела важнее, чем расчет соотношения длины и диаметра окружности.

– По вашему лицу я вижу, что у вас есть какой-то план, – благосклонно улыбнувшись, сказал он.

Цзин Кэ не сразу ответил на вопрос повелителя:

– Ваше величество, вы соблаговолили сказать, что дадите столько людей, сколько мне нужно. Не изволили ли вы с тех пор изменить свое решение?

– Нет, не изменил.

– Мне требуется три миллиона солдат из армии вашего величества.

Озвученное количество не изумило владыку. Он лишь чуть заметно приподнял брови.

– И какие же солдаты вам нужны?

– Любые солдаты, которых полководцы вашего величества смогут быстро прислать.

– Полагаю, вы понимаете, что большинство солдат моей армии неграмотны и умеют считать лишь по пальцам. За два года вы точно не сможете научить их сложной математике,

необходимой для ваших вычислений.

– Ваше величество, любого солдата, если он способен соображать, я смогу научить всему, что нужно, за час. Соблаговолите приказать привести сюда троих солдат, чтобы я смог показать, как это делается.

– Троих? А хватит? Я легко могу сейчас же дать тебе и три тысячи.

– Мне хватит троих.

Чжэн махнул рукой, и рядом с ним тут же появились три солдата. Они были очень молоды и, как и все воины армии Цинь, двигались, как механизмы, и сразу выполняли приказы, ни на миг не задумываясь о них.

– Я не знаю ваших имен, – сказал Цзин Кэ. – Вы двое будете заниматься вводом чисел. Тебя, – он хлопнул по плечу одного, – я буду называть «Ввод-один», а тебя, – он прикоснулся ко второму, – «Ввод-два». А ты, – он указал на третьего, – будешь «Вывод». – Он расставил солдат по местам. – Встаньте треугольником. Вывод будет вершиной, а Ввод-один и Ввод-два образуют основание.

– Проще было бы приказать им построиться атакующим клином, – сказал Чжэн и снова с улыбкой взглянул на Цзин Кэ.

А тот извлек из рукава шесть маленьких флажков – три белых и три черных – и раздал каждому по два разноцветных флажка.

– Белый означает ноль, черный означает единицу. Поняли? Теперь слушайте меня. Вывод, повернись и смотри на Ввод-один и Ввод-два. Если они оба поднимут черные флажки, ты тоже поднимешь черный. Если будут два белых или белый и черный – поднимаешь белый.

Цзин Кэ еще раз повторил указание, чтобы солдаты наверняка запомнили его. А потом начал выкрикивать приказы:

– Начали! Ввод-один и Ввод-два, поднимайте флажки, какие захотите. Так… Подняли! Так… Подняли! Подняли!

Ввод-один и Ввод-два трижды поднимали флажки. В первый раз черный и черный, во второй белый и черный, в третий – черный и белый. Вывод действовал совершенно правильно – один раз поднял черный флажок и два раза – белый.

– Отлично. Ваше величество, эти солдаты очень умные.

– С этим справился бы даже последний дурачок. Расскажите-ка, для чего все это нужно. – Чжэн и не пытался сделать вид, будто понимает, что ему показывали.

– Эти трое солдат – часть вычислительной системы, которой я дал название «Ворота И». Если в ворота входят две единицы, то выходит из них единица. Если среди входящих чисел есть ноль – ноль и один, один и ноль или ноль и ноль, из ворот выходит

ноль, – Цзин Кэ сделал паузу, чтобы правитель мог усвоить информацию, и снова повернулся к солдатам:

– Теперь будем делать по-другому. Ты, Вывод, поднимешь черный флаг, если увидишь черный флаг у кого-нибудь из Вводов. Могут быть такие сочетания: черный-черный, белый-черный, черный-белый. Если видишь белый-белый, то поднимаешь белый флаг. Понял? Молодец, умный парень. Ты замок и управляешь воротами. Трудись как следует и будешь награжден. Теперь начнем. Подняли! Хорошо, еще раз подняли! Еще подняли! Отлично! Ваше величество, сейчас вы видели «Ворота ИЛИ». Если среди двух вводов есть единица, то и в выводе будет единица.

Цзин Кэ изобразил с помощью троих солдат то, что назвал «Воротами НЕ-И», затем «Ворота НЕ-ИЛИ», «Ворота Исключающее НЕ-Н», «Ворота Исключающее НЕ-ИЛИ» и «Ворота трех состояний». В завершение он, используя только двоих солдат, показал самые простые «Ворота НЕТ» – Вывод всегда поднимал флаг не того цвета, который показывал Ввод.

Цзин Кэ поклонился императору:

– Ваше величество изволили увидеть все элементы вычислительной системы. Ни от кого из трех миллионов солдат не потребуется больше навыков, чем от этих троих.

– Но как же вы намереваетесь выполнять сложные вычисления при помощи таких простеньких детских игр? – с откровенным недоверием спросил Чжэн.

– Великий владыка, все сложное во Вселенной составлено из простейших частичек. С другой стороны, громадное множество простых частиц, если собрать их в надлежащем порядке, могут образовать чрезвычайно сложное сооружение. Три миллиона солдат – это миллион таких вот ворот, и их можно объединить в особое построение, способное проводить любые сложные вычисления. Я называю свое изобретение вычислительным построением.

– И все же я так и не понимаю, как именно вы собираетесь считать.

– Точный процесс сложен. Если ваше величество продолжит проявлять интерес, я могу подробно объяснить позже. На данный момент достаточно знать, что работа вычислительной системы основана на новом методе осмысления и записи чисел. В этом методе необходимы только две цифры, ноль и единица, соответствующие белому и черному флагам. Зато ноль и единицу можно использовать для представления любого числа, и это позволяет вычислительному построению с помощью множества простых компонентов, действующих одновременно, проводить вычисления с очень высокой скоростью.

– Три миллиона – это почти вся моя армия, но вы получите этих солдат. – Владыка Чжэн неожиданно вздохнул: – Поспешите. Я чувствую приближение старости.

Прошел год.

Стоял еще один чудесный ясный день из тех, когда на небе можно одновременно видеть и солнце, и луну. Властелин царства Цинь и Цзин Кэ стояли на высокой каменной трибуне. Ниже их в несколько рядов расположились многочисленные министры. А вокруг выстроилось в громадное каре со стороной почти в двенадцать ли[34] три миллиона воинов. Озаренный неярким утренним солнцем строй походил на терракотовую армию, расставленную на гигантском ковре. Но стайка птичек, снизившаяся было над неподвижными фигурами, сразу уловила окружавшую их ауру смерти и поспешно умчалась прочь.

– Ваше величество, ваша армия поистине не имеет себе равных, – сказал Цзин Кэ. – За столь короткое время все солдаты успешно прошли столь сложную подготовку!

Чжен положил руку на эфес длинного меча.

– Какой сложной ни была бы задача всего войска, каждый солдат в отдельности выполняет лишь очень простые действия. А уж по сравнению с военной подготовкой, которую все они прошли, это совсем пустяки.

– А теперь, ваше величество, соблаговолите отдать приказ! – произнес Цзин Кэ дрожащим от волнения голосом.

Правитель кивнул. Один из стражей подбежал к нему, взялся за эфес меча и сделал два шага назад. Бронзовый меч, который циньский ван носил на поясе, был таким длинным, что Чжэн не мог вынуть его из ножен без помощи. Страж опустился на колени и на двух руках поднес меч правителю. Тот воздел клинок к небесам и выкрикнул:

– Вычислительное построение!

Тут же загремели боевые барабаны, в четырех огромных медных чашах по углам помоста с ревом вспыхнуло пламя. Офицеры, цепью стоявшие вокруг возвышения лицом к солдатам, пропели в унисон:

– Вычислительное построение!

Строй зашевелился, начал переливаться разными цветами и стал расползаться. Появились сложные и детализированные контурные узоры, которые постепенно распространились на всю массу людей. Через десять минут компактный квадрат расширился; вычислительное построение имело сторону уже в тридцать пять ли.

Цзин Кэ обвел жестом строй, уходивший почти до горизонта, и начал объяснять:

– Ваше величество, это формирование мы назвали «Цинь-один». Соблаговолите взглянуть: в середине находится центральное подразделение обработки, основной вычислительный компонент, состоящий из лучших отрядов вашей армии. На этом чертеже вы можете найти подразделения суммирования, кратковременного хранения и переменной памяти. Часть позиции вокруг – подразделение долговременной памяти. Выстроив его, мы обнаружили, что солдат все же не хватает. Но, к счастью, именно в этой части работа самая простая, и поэтому мы обучили солдат использовать больше цветных флагов. Теперь каждый из них может сделать то, на что первоначально требовалось двадцать человек. Это позволило нам увеличить объем памяти, чтобы соответствовать минимальным требованиям для выполнения процедуры расчета отношения длины окружности и ее диаметра. Соизвольте также обратить внимание на открытый проход через весь строй и на легкую кавалерию, ожидающую приказов в начале прохода: это главная линия связи системы, по которой передаются сообщения между всеми ее составляющими.

Двое воинов принесли огромный свиток длиной в рост человека и начали разворачивать его перед правителем. Когда они приблизились к концу свитка, все вокруг затаили дыхание, вспомнив о том, что случилось несколько лет назад. Но оружия, о котором подумали приближенные вана, в свитке не оказалось. На длинном и широком куске тонкого шелка было начертано множество символов, каждый размером с голову мухи. Все было написано так плотно, что изумляло едва ли не сильнее, чем Вычислительное построение, заполнившее весь окоем.

– Ваше величество, здесь записан порядок действий, который я разработал для расчета. Соблаговолите взглянуть сюда. – Цзин Кэ указал на Вычислительное построение. – Все эти солдаты, замершие в ожидании, составляют то, что я назвал техникой. А на этом полотнище записано то, чему я дал название «программа», но вернее было бы назвать эти записи душой Вычислительного построения. Связь между «техникой» и «программой» примерно та же, что между цитрой гуцинь и свитком, на котором записаны ноты.

– Хорошо, – кивнул правитель. – Начинайте.

Цзин Кэ воздел руки над головой и торжественно провозгласил:

– По приказу священного властителя – приступить! Самопроверка системы!

Сигнальщики, стоявшие вполоборота к трибуне чуть поодаль, повторили приказ взмахами флажков. В мгновение ока каре из

трех миллионов человек словно превратилось в озеро, а взмахи флажков казались рябью, пробегающей по воде.

– Самопроверка закончена! Начать установочную последовательность! Загрузить методику вычислений!

Кавалеристы помчались по главной линии связи, пролегающей через все Вычислительное построение. Широкий проход сразу превратился в бурную реку, которая постепенно делилась на многочисленные тонкие протоки, проникавшие во все модульные подразделения. Вскоре рябь от черных и белых флагов превратилась во вздымающиеся волны, пробегающие по всему громадному каре. Наибольшее движение наблюдалось в центральном подразделении обработки данных: там царила суматоха, как в муравейнике, куда попала искра.

Однако волнение вдруг начало утихать и вскоре совсем остановилось, как будто огонь догорел. Из центрального подразделения обработки торможение стремительно распространялось во все стороны, как лед, намерзший вокруг камня в стоячей воде. В конце концов вычислительная система остановилась, и лишь несколько разрозненных компонентов безжизненно подергивались, застряв в бесконечных циклах.

– Системный сбой! – выкрикнул командир сигнальщиков.

Причину неисправности вскоре выяснили: ошибка случилась в одних из ворот кратковременного хранения данных в центральном подразделении обработки данных.

– Запустить систему вновь! – уверенно приказал Цзин Кэ.

– Погодите, – прервал его Чжэн, стиснув рукоять меча. – Замените негодные ворота, а солдат, из которых они состояли, обезглавьте. Впредь так будет караться любая неумелость.

Несколько всадников с мечами наголо промчались по узким проходам внутри каре. Трое несчастных были убиты на месте; на их место встали другие солдаты. С возвышения были хорошо видны три лужи крови среди центрального подразделения обработки данных.

Цзин Кэ отдал приказ начать заново. На сей раз все шло гладко. Через десять минут в расчет соотношения длины окружности и ее диаметра включились все солдаты. Вплоть до самого горизонта рябили черные пятна и белые блики. Вычислительное построение приступило к продолжительной работе.

– Поистине интересно, – отметил Чжэн, указывая на развернутое перед ним зрелище. – Каждый делает нечто донельзя примитивное, а все вместе разгадывают сложнейшую загадку.

– Ваше несравненное величество, это разгадывание никак не связано с умением мыслить. Это всего лишь бездумная работа

живой машины. Каждый из этих ничтожных – не более чем ноль. Лишь в тех случаях, когда перед этим скопищем нулей становится великий человек, такой как вы, оно обретает значение, – ответил Цзин Кэ с подобострастной улыбкой.

– Сколько времени потребуется, чтобы рассчитать отношение до десяти тысяч знаков? – спросил Чжэн.

– Около десяти месяцев. Может быть, удастся даже быстрее, если все пойдет хорошо.

Из свиты вышел вперед полководец Ван Цзянь[35].

– Ваше величество, осмелюсь высказать опасение. По всем канонам военного искусства считается, что даже в ходе обычных военных операций крайне опасно сосредоточивать так много наших сил на открытой местности, как мы поступили сейчас. Более того, эти три миллиона солдат безоружны, у них нет ничего, кроме сигнальных флажков. Вычислительное построение не предназначено для боя и окажется беззащитным перед возможным врагом. Даже при самых благоприятных условиях, чтобы провести организованный отход такого количества людей, да еще столь плотно собранных, потребовался бы чуть ли не целый день. А если на них нападут, отступить просто не удастся. Ваше величество, в глазах наших врагов это Вычислительное построение будет выглядеть как мясо, выложенное на разделочную доску.

Правитель молча взглянул на Цзин Кэ. Тот поклонился и сказал:

– Ваше величество, полководец Ван совершенно прав. Осмелюсь посоветовать вашему величеству еще раз подумать, стоит ли проводить эти вычисления.

Потом Цзин Кэ сделал нечто такое, на что никто и никогда не решался: он поднял голову и посмотрел прямо в глаза Чжэну. Циньский правитель сразу понял, что хотел сказать этим ученый: все ваши достижения пока что лишь нули; значение они получат лишь в том случае, если вы поставите перед ними единицу – собственную вечную жизнь.

– Генерал Ван, вы излишне волнуетесь, – властелин Чжэн презрительно тряхнул рукавами. – Государства Хань, Вэй, Чжао и Чу приведены к полной покорности. Остались лишь царства Янь и Ци, безрассудные правители которых уже совершенно истощили свои народы. Они не представляют никакой опасности и вот-вот развалятся сами. При нынешнем положении вещей за время, которое займут вычисления, они вполне могут по собственной воле сдаться великому царству Цинь. Естественно, я заранее подумал о том, что тревожит моего славного полководца. Повелеваю ему расставить посты в разумном отдалении от

Вычислительного построения и отрядить разведчиков, чтобы те неусыпно следили за всеми движениями войск в Янь и Ци. Так мы обеспечим свою безопасность. – Он воздел свой длиннющий меч к небесам и провозгласил: – Вычисления должны быть доведены до конца. Такова моя воля!

Вычислительное построение бесперебойно работало целый месяц, и результаты оказались даже лучше, чем ожидал изобретатель. Было получено более двух тысяч знаков отношения длины окружности к ее диаметру, солдаты приноровились к работе, а Цзин Кэ совершенствовал устройство живого вычислительного механизма, так что в будущем он должен был производить расчеты еще быстрее.

Утро сорок четвертого дня с начала расчетов выдалось туманным. Он скрыл Вычислительное построение от глаз наблюдавших с возвышения, да и солдаты видели не далее чем за пять человек от себя.

Но изобретатель предусмотрел и такие условия, так что вычисления продолжались бесперебойно. В тумане гулко разносились выкрикиваемые приказы и топот копыт коней рассыльных, разъезжавших по главной линии связи.

Однако солдаты, находившиеся на севере Вычислительного построения, вдруг услышали и другие звуки. Поначалу они были очень слабыми и казались призрачными, но постепенно усиливались и вскоре превратились в непрерывный глухой рокот, похожий на гром, доносившийся из сердцевины туманной мглы.

Это гремели копыта многих тысяч лошадей. С севера на Вычислительное построение надвигалось могучее конное войско под знаменем царства Янь. Всадники двигались неторопливо, выдерживая строй. Они точно знали, что у них полно времени.

Разгоняться для атаки всадники начали не более чем за ли от края Вычислительного построения и ворвались в строй прежде, чем солдаты Цинь успели как следует рассмотреть врагов. В первом натиске они просто стоптали копытами лошадей десятки тысяч циньских солдат.

Затем началась даже не битва, а просто избиение. Яньские командиры знали, что не встретят значимого сопротивления, и поэтому конники шли не с обычным кавалерийским оружием – длинными копьями и алебардами, – а вооружились лишь мечами и кистенями. Несколько сотен тысяч яньской тяжелой кавалерии надвинулись смертоносной тучей, и там, где она проходила, на земле оставался ковер из трупов циньских солдат.

Чтобы не всполошить раньше времени срединную область Вычислительного построения, нападавшие убивали молча, будто были механизмами, а не людьми. Но все же крики умирающих

под ударами оружия или под копытами коней далеко разносились в густом тумане.

Увы, за полтора месяца циньских солдат под угрозой смерти приучили не отвлекаться вообще ни на что и оставаться бездумными деталями вычислительной машины, способными лишь на несколько простейших движений. Из-за этой выработанной сосредоточенности, молчания атакующих и густого тумана, скрывавшего все уже за несколько шагов, бóльшая часть Вычислительного построения просто не знала, что его северный край уже гибнет. Смертоносная туча медленно, но неуклонно проедала строй, превращая его в груды трупов, разбросанных по пропитанной кровью земле, но оставшаяся часть продолжала подсчеты, невзирая на то, что в системе появлялось все больше и больше ошибок.

Шедшие вслед за кавалерией сто с лишним тысяч лучников одновременно подняли луки и выпустили поверх голов всадников стрелы, которые как ливень обрушились уже значительно ближе к центру Вычислительного построения, и почти каждая стрела нашла свою жертву.

Лишь после этого Вычислительное построение начало рассыпаться. Одновременно по нему стала распространяться весть о нападении, сразу ввергнувшая эту в высшей степени упорядоченную структуру в полный хаос. Конные гонцы, разносившие приказы по живой машине, помчались было к центру, чтобы сообщить о внезапной атаке, но к тому времени разбегающиеся солдаты уже заполнили проход между рядами, выполнявший роль центральной линии связи, и запаниковавшие курьеры сами безжалостно топтали конскими копытами своих соратников.

Враг атаковал только с севера. Восточная, южная и западная стороны Вычислительного построения начали отступать. Увы, без информации о том, что где происходит, и с утраченной связью командования с подразделениями отступление происходило беспорядочно и очень медленно. Вычислительное построение, утратившее смысл существования, напоминало каплю густой туши, упавшую в воду, которая не растворяется тут же, а долго выпускает из себя постепенно удлиняющиеся тонкие темные струйки.

Те циньские солдаты, что бежали на восток, неожиданно уперлись в стройную стену армии царства Ци. Но ее командиры не стали с ходу атаковать деморализованных беглецов, а выстроили непробиваемую дугу из пехоты и кавалерии, чтобы циньцы сами вбежали в мешок, который можно будет быстро завязать и истребить всех, кто попал туда.

Итак, открытой оставалась лишь юго-западная сторона. Туда и устремились остатки циньской армии, не имевшие возможности драться. Сотни тысяч безоружных солдат мутным потоком хлынули с равнины, на которой полтора месяца занимались неизвестно чем. Но вскоре они и там столкнулись с врагами. Ими оказались не дисциплинированные войска китайских царств, а орды всадников-хунну. Они налетели на несчастных циньцев, как волки на отару овец.

Избиение продолжалось до полудня. Потом западный ветер разогнал туман и равнину озарило стоявшее в зените солнце.

Тут и там армии Янь, Ци и Хунну объединяли усилия, умело окружали группы циньских солдат и истребляли их. Конники всех трех армий продолжали атаку на не успевшую рассеяться сердцевину Вычислительного построения, бросая раненых и немногочисленных уцелевших на растерзание пехоте. Издали прилетали камни, выпущенные катапультами, а следом за пехотой шли стада волов, подгоняемых факелами, которые втаптывали останки убитых в землю.

К вечеру над обширным полем, усыпанном трупами, между которыми текли реки крови, звучали только печальные звуки воинских сигнальных труб. Остатки циньской армии загнали в три неумолимо суживающихся кольца.

Безоблачной ночью полная луна бесстрастно плыла над полем бойни, заливая спокойным холодным текучим светом горы трупов и озера крови. Избиение продолжалось всю ночь и на следующий день.

Армия империи Цинь была полностью истреблена.

Через месяц объединенные силы Янь, Ци и Хунну вошли в Синьян и взяли в плен правителя Чжэна. Циньская империя прекратила свое существование.

Для казни Чжэна выбрали очередной день, когда на небе находились вместе солнце и луна, проплывавшая в ясной лазури, как снежинка.

Обелиск, ранее предназначавшийся для Цзин Кэ, висел на прежнем месте. Государь уничтоженного царства Цинь сидел под ним и ждал, когда яньский палач перерубит веревку из воловьих ремней.

Из толпы наблюдавших за казнью вышел Цзин Кэ, одетый во все белое. Он остановился перед Чжэном и низко поклонился:

– Ваше величество…

– Все это время вы неизменно оставались убийцей, подосланным из царства Янь, – сказал Чжэн, не глядя на него.

– Да. Но мне было недостаточно убить вас, я считал необходимым уничтожить и вашу армию. Если бы несколько лет

назад мне удалось убить вас, Цинь все равно осталась бы могущественной державой. Ее армия, возглавляемая непревзойденными стратегами и испытанными в победоносных боях ветеранами, продолжала бы угрожать Янь и рано или поздно завоевала бы ее.

Чжэн решил задать последний в жизни вопрос:

– Как вам удалось скрытно подвести вплотную к моей армии такое множество войск?

– Весь год, пока шла подготовка Вычислительного построения, царства Янь и Ци копали туннели по много ли длиной и такой ширины и высоты, что там могли ехать всадники на конях. Выстроить туннели, по которым ваши враги незаметно для дальних дозоров могли бы добраться до беззащитного Вычислительного построения и застать вас врасплох, придумал я.

Чжэн кивнул, закрыл глаза и молча ждал смерти. Распорядитель казни выкрикнул приказ, и палач, зажав в зубах нож, полез по хлипкой лесенке на помост.

Государь Чжэн услышал шорох рядом с собой. Он открыл глаза и увидел, что рядом с ним сел Цзин Кэ.

– Ваше величество, мы умрем вместе. Когда этот камень упадет, он станет памятником нам обоим. Ваши кровь и плоть смешаются с моими. Возможно, от этого у вас на душе станет хоть немного легче.

– И зачем вам это понадобилось? – холодно спросил Чжэн.

– Нет-нет, я вовсе не хочу умирать. Но государь Янь приказал казнить меня.

Губы Чжэна на мгновение изогнулись в почти неуловимой улыбке.

– Вы так много сделали для царства Янь, что ваше имя неминуемо стало бы превыше правителя страны. Он заблаговременно пресек ваши возможные амбиции. Этого следовало ожидать.

– Это лишь одна из причин, причем не главная. Я также посоветовал владыке Янь создать собственное Вычислительное построение. Вот это и явилось весомым основанием для моей казни.

Чжэн повернул голову к Цзин Кэ. В его глазах читалось неподдельное удивление.

– Хотите верьте, хотите нет – мне все равно. Мой совет был направлен на усиление Янь. Да, чистая правда, что создание Вычислительного построения было главной частью моего стратегического плана уничтожения царства Цинь. Я воспользовался вашим стремлением к вечной жизни, но при этом сделал действительно грандиозное изобретение. Это построение

и в самом деле обладает невообразимой вычислительной мощностью, позволяющей нам по-настоящему овладеть языком математики и узреть великие тайны Вселенной. Оно могло бы открыть для человечества новую эру.

Палач забрался наконец на помост, лежащий поверх высоченной конструкции, и, ожидая сигнала, замер с ножом в руке перед блоком, по которому проходил толстенный канат.

Сидевший поодаль под ярким балдахином владыка Янь махнул рукой. Распорядитель начал выкрикивать короткий приговор.

И тут Цзин Кэ широко раскрыл глаза, как будто пробудился ото сна.

– Понял! Для Вычислительного построения вовсе не обязательно использовать войска или вообще людей. Все эти ворота – И, НЕТ, ИЛИ, НЕ-И, НЕ-ИЛИ и так далее, могут быть механическими устройствами. Их можно сделать очень маленькими, и, собранные вместе, они образуют механическое Вычислительное построение! Нет, его нужно назвать не Вычислительным построением, а вычислительной машиной! Государь! Погодите! Выслушайте меня! – крикнул он правителю Янь. – Вычислительная машина! Вычислительная машина!

Палач закончил резать канат.

– Вычислительная машина! – с последним в жизни выдохом крикнул Цзин Кэ.

Гигантский камень устремился вниз, и в миг, когда его широкая тень заслонила весь мир, обманутый государь Чжэн почувствовал лишь конец своей жизни. А в глазах Цзин Кэ погас слабый лучик света, предвещавший начало новой эры.

Удержать небо
Рассказы

Предисловие

Большинство рассказов, вошедших в этот сборник, было опубликовано более десяти лет назад. В то время научная фантастика прозябала в Китае в весьма маргинальном положении. У этого жанра было мало читателей, и он не пользовался сколько-нибудь заметным интересом публики. В Китае научная фантастика воспринимается как нечто иностранное; ее фундаментальные элементы никогда не были частью китайской культуры. На протяжении долгой истории Китая жизнь текла стабильно, мало меняясь от поколения к поколению, поэтому люди подсознательно верят, что жизнь всегда будет такой, как сегодня. Исторически сложилось, что сам термин «будущее» употреблялся в основном в буддийских текстах, которые тоже пришли из других стран; люди редко думали о будущем или обращали на него внимание в своей повседневной жизни.

Но в последние годы ситуация кардинально изменилась. Китай вступил в процесс быстрой модернизации, и каждый день вокруг происходят ошеломляющие перемены. Будущее внезапно предстало перед нами в ярких деталях и обрело огромную притягательность. Древний Китай внезапно превратился в нацию с чрезвычайно острым чувством будущего. Неудивительно, что при таких обстоятельствах публика уделяет научной фантастике беспрецедентное внимание.

В Европе и США мне чаще всего задают вопрос: «Что делает китайскую научную фантастику китайской?» Со своей стороны я никогда сознательно не пытался подчеркнуто «китаизировать» свою научную фантастику. Рассказы, включенные в этот сборник, затрагивают множество научно-фантастических тем, имеющих одну общую черту: все, о чем говорится в книге – проблемы, кризисы, научные открытия и технические изобретения, – влияет на человечество в целом, и разбираться со всем этим народы должны вместе. Действительно, когда читаешь или создаешь научную фантастику, восприятие автоматически смещается от идей, связанных с этнической принадлежностью и нацией, к более высокой идее единого человечества; с этой точки зрения человечество естественным образом становится коллективной единицей, а не собранием различных частей, разделенных этнической принадлежностью и нацией. Это чувство все равно останется хоть у читателя, хоть у писателя, даже если в научно-фантастическом произведении излагается явно тривиальная, обыденная или индивидуальная история. Я считаю это одной из

самых ценных черт жанра научной фантастики.

В Китае растет новое поколение, образ мышления которого кардинально меняется по сравнению с родителями и предками. Эти люди постепенно отворачивают взгляды от реальности своего непосредственного окружения и обыденности жизни и обращаются к далекому звездному небу и будущему. Они все больше и больше начинают ощущать себя членами человечества, а не просто китайцами. Они также начинают интересоваться теми важнейшими вопросами, над которыми редко задумывались их предки: откуда взялись люди и Вселенная и что их ждет в дальнейшем. Это изменение в мышлении глубоко повлияет на будущее не только Китая, но даже всего человечества. Научно-фантастические рассказы из этой книги являются ярким отражением этого нового образа мышления.

Но тем не менее я китаец, и, намеренно или нет, этим рассказам неизбежно будет присущ сильный китайский колорит, слагающийся из культуры, истории и нынешней реальности Китая.

Создавая научную фантастику, я всегда изо всех сил стараюсь представить и описать отношения между Великим и Малым.

«Малое» в данном случае относится к человеческой малости. Как индивидуумы мы действительно малы, да и коллективно взятое человечество тоже мало. Представьте себе концерт, на котором присутствовало бы все человечество. Какое помещение ему понадобится? Не настолько большое, как я себе представил сначала, – хватит места размером примерно с шанхайский район Пудун. А вот вам еще один извращенный мысленный эксперимент: если сделать из всего человечества фрикадельку, ее диаметр окажется меньше километра.

«Великое» относится, конечно, ко Вселенной. Каждому человеку присуще глубокое ощущение ее огромности. Самый далекий свет, который мы видим, был послан более десяти миллиардов лет назад. Если уменьшить Солнечную систему до размеров обеденной тарелки, диаметр соответственно уменьшившегося Млечного Пути все равно составил бы сто тысяч километров.

В своей научной фантастике я ставлю перед собой непростую задачу: представить отношения между Маленькими людьми и Великой Вселенной – не в метафизическом философском смысле, но и не в психологическом, когда некто смотрит на звездное небо и испытывает такие чувства и пафос, что у него меняются взгляды на человеческую жизнь и Вселенную. Такие взаимоотношения между людьми и Вселенной – предмет не научной фантастики, а реализма. Я же, работая над научной

фантастикой, стремлюсь представить прямую, осязаемую связь между людьми и Вселенной. В таком ракурсе эволюция и метаморфозы Вселенной неотделимы от человеческой жизни и человеческой судьбы.

Это очень трудная работа и самая большая из тех проблем, с которыми я сталкиваюсь, когда пишу научную фантастику. Здравый смысл подсказывает нам, что таких отношений не существует. Расширяется или сжимается Вселенная, превратилась ли в сверхновую звезда, находящаяся в десяти миллиардах световых лет от нас, – все это никак не связано с обыденными, незначительными событиями моей жизни. И все же я твердо верю, что между человечеством и Вселенной существует взаимосвязь. Родившись, Вселенная была меньше атома, и все в ней было перемешано в единое целое; таким образом сложилась естественная связь между малыми частями Вселенной и ее великой целостностью. И хотя Вселенная расширилась до своих нынешних размеров, эта связь все еще существует, и если мы не способны увидеть ее сейчас, это не значит, что нам не удастся сделать этого в будущем. Я усердно стараюсь представить себе всевозможные варианты отношений между людьми и Вселенной и превратить свои представления в захватывающую фантастику. Часть результатов моих трудов содержится в этом сборнике, что должно быть понятно по его названию.

Спасибо вам всем!

Сельский учитель [36]

Этот рассказ немного отличается от моих более ранних работ. Не стоит искать в нем очень уж глубокого содержания. Я стремился прежде всего создать настроение. Пусть начало рассказа не вводит вас в заблуждение – это не то, чем кажется. Конечно, не мне рассуждать о качестве собственного произведения, но уверен, что оно окажется одним из самых выразительных и неожиданных явлений научной фантастики современного Китая.

Лю Цысинь

Он знал, что следующий, завтрашний, урок станет для него последним.

Печень опять резануло болью, да так сильно, что он чуть не потерял сознание. У него не было сил на то, чтобы выбраться из постели; он смог лишь с огромными усилиями подтянуться к окошку над своим ложем, сквозь бумагу которого просвечивал лунный свет. Окошко казалось дверью в иной мир, где все сияет серебристым светом, напоминающим диораму, выстланную серебряным искусственным снегом, который не обжигает стужей. Он поднял дрожащую голову, посмотрел через дыру в бумаге, и фантазия о серебряном мире сразу рассеялась. Перед собой, вдалеке, он видел ту самую деревню, где провел всю жизнь.

Деревня безмятежно дремала в лунном свете и выглядела так, будто люди покинули ее уже добрую сотню лет назад. Домики с плоскими крышами были почти не видны из-за окружавших их груд земли. В лунном свете все цвета были приглушены, и казалось, будто деревня и вся округа растворяются в холмах, на которых расположены. Ясно виднелось лишь старое рожковое дерево, на корявых ветвях которого лепилось несколько черных вороньих гнезд, похожих на неопрятные пятна черной туши на серебряной бумаге.

В деревенской жизни есть свои периоды подъемов и затишья. К первым относится, например, сбор урожая. Молодые мужчины и женщины, толпами уезжавшие в поисках работы, возвращались на

это время, наполняя деревню жизнью и веселым смехом. На крышах блестели кукурузные початки, дети кувыркались в кучах стеблей на гумне. Еще одним веселым событием был праздник весны, когда гумно освещали газовыми светильниками и украшали красными фонариками. Жители деревни собирались там, чтобы показать друг дружке бумажные кораблики на счастье и станцевать танцы львов. Теперь от львов остались только грохочущие деревянные каркасы с полностью облезшими головами. У деревни не было денег, чтобы купить новые шлейфы для голов, поэтому в качестве тел львов использовались простыни, что кое-как сходило. Но как только праздник весны заканчивался, вся местная молодежь снова разъезжалась по дальним краям, где имелась работа, и деревня опять погружалась в оцепенение. Каждый день в сумерках, когда из труб домов поднимались тонкие струйки дыма, то один, то два пожилых жителя деревни с морщинистыми, как ядра грецких орехов, лицами стояли, глядя на дорогу, ведущую за горы, пока последний луч сумеречного света не зацеплялся за рожковое дерево, чтобы вскоре исчезнуть. Тогда деревенские выключали свет и рано ложились спать. Электричество стоило дорого – 1,8 юаня за киловатт-час.

Где-то в деревне негромко взлаивала и поскуливала собака: должно быть, во сне. Он смотрел через разодранную бумагу на желтую землю вокруг деревни, похожую в лунном свете на безмятежную водную гладь. О, если бы это и впрямь была вода… Шел уже пятый подряд год засухи, и воду для полива приходилось таскать на поля ведрами. Он подумал о полях, и его взгляд переместился вдаль, туда, где на склонах гор приткнулись эти самые поля, в лунном свете походившие на следы прошедшего мимо великана. Крохотные, разбросанные тут и там клочки земли – на каменистой почве этих горных мест росли только виноградники и кустарники. В этой местности очень трудно было использовать сельскохозяйственную технику – да что там, даже волы не справлялись со сплошными косогорами, так что обрабатывать землю приходилось исключительно вручную. В прошлом году заезжий представитель завода сельхозмашин предлагал мотоблок – нечто вроде маленького трактора, которым управляешь, держа его за две длинные ручки, но деревенские подумали и не стали его покупать. Много ли зерна вырастишь с этой машинкой? Возделывание земли здесь было кропотливой работой, сродни скорее шитью, нежели земледелию в обычном смысле этого слова; если урожая хватало семье на весь год, это считалось большим успехом. А в засушливые периоды, такие как сейчас, урожай не окупал даже зерно для следующего посева.

Трактор за 5000 юаней да дизельное топливо по два юаня за литр… Приезжие просто не понимают, насколько трудно жить здесь, в горах.

Мимо окна прошло несколько небольших силуэтов. Они собрались в кружок на пригорке между двумя полями и заговорщицки пригнулись друг к другу. Он знал, что это его ученики – если они оказывались рядом, он мог определить их присутствие, даже не видя их. Эта интуиция развивалась у него всю жизнь и сейчас, на пороге кончины, сделалась особенно острой.

Он сумел даже узнать ребятишек в лунном свете. Прежде всего Лю Баочжу и Го Цуйхуа. Они были родом из этой деревни, и им вовсе не обязательно было жить в школе, но все же он поселил их здесь. Отец Лю Баочжу десять лет назад заплатил выкуп за невесту из Сычуаня, она приехала и родила Баочжу. Пять лет спустя, когда Баочжу немного подрос, отношения между супругами разладились, и жена сбежала обратно в Сычуань, прихватив все деньги семьи. После этого отец Баочжу сбился с пути. Он начал играть в азартные игры, совсем как старые деревенские холостяки, и вскоре потерял все, кроме четырех стен и кровати. Потом он начал пить. Каждый вечер он продавал жареный сладкий картофель по восемьдесят фыней за килограмм и напивался на эти деньги до бесчувствия. Он озлился и колотил сына всякий раз, как только тот попадался под руку, а дважды в неделю и вовсе бил смертным боем. Однажды ночью, всего месяц назад, он чуть не забил своего сына до смерти шпажкой для жарки бататов. Трудно поверить, но Го Цуйхуа жилось еще хуже. Ее отец нашел себе невесту с солидными связями, что здесь большая редкость, и очень гордился этим. На этом все хорошее кончилось, и сразу после свадьбы стало очевидно, что мать Цуйхуа сумасшедшая. На свадьбе никто этого не заметил – скорее всего, ей тогда дали какое-то сильное успокоительное лекарство. Да и с какой стати женщина из респектабельных кругов стала бы смолоду хоронить себя в деревне, да еще такой, как эта, настолько бедной, что даже птицы брезгуют гадить, пролетая над ней? Тем не менее Цуйхуа родилась и выросла, а ее матери становилось все хуже и хуже. Днем она нападала на людей с кухонными ножами, а ночью то и дело пыталась поджечь дом. Бóльшую часть времени она смеялась неизвестно чему, издавая при этом жуткие, достойные упыря звуки, от которых у неосведомленного человека волосы встали бы дыбом.

Остальные дети были из других деревень, ближайшая из которых находилась по меньшей мере в тридцати ли[37] от горной дороги, так что им волей-неволей приходилось жить в школе. Так

они и жили целую четверть, от каникул до каникул, в деревне, где не имелось никаких развлечений и удобств. Школьники привозили из дома постельные принадлежности и по мешку пшеницы или риса, из которых сами готовили себе еду на большой школьной плите. Зимними вечерами они собирались у плиты и смотрели, как в кастрюле пузырится и багровеет готовящееся зерно, а их лица освещало соломенно-оранжевое пламя. Это было самое умилительное зрелище, которое он когда-либо видел. Он заберет его с собой в следующий мир.

На пригорке, в кругу ребятишек, вспыхнули огоньки, похожие с этого расстояния на небесные звезды. Даже в эту лунную ночь они горели ярко. Дети жгли самодельные ритуальные бумажные деньги и благовония, и отсвет костерка окрашивал их лица в красный цвет на фоне серебристо-серой ночи. Это снова напомнило ему сцену у плиты. И тут же в памяти всплыл еще один эпизод. Он вел вечерний урок, и вдруг в школе погас свет – то ли проводка испортилась, то ли не смогли вовремя оплатить электричество (что бывало чаще). Он зажег свечу, чтобы осветить ею написанное на доске. «Видно?» – спросил он, и дети, как всегда, ответили: «Не очень». Действительно, в полумраке разобрать надписи было трудно, но так уж получилось, что и без того было пропущено много занятий, которые необходимо было наверстывать, так что без дополнительных вечерних уроков нельзя было обойтись. Он зажег вторую свечу. «Темно!» – кричали школьники, и он зажег третью свечу. Света все равно не хватало, и он отлично понимал это, но ученики успокоились. Они знали: учитель не зажжет больше ни одной свечи, как бы они ни кричали. Просто не может позволить себе этого. Он смотрел сверху вниз на их лица, освещенные неровным светом свечей, на лица детей, отрицающих темноту всеми фибрами своих душ.

Дети и свет огня, дети и свет огня. Перед его мысленным взором всегда дети и свет огня, всегда дети в ночи, при свете огня. Этот образ навеки впечатался в его сознание, невзирая даже на то, что он никогда не придавал ему особого значения.

Он знал, что дети жгут благовония и ритуальные деньги ради него, как делали много раз прежде, но на сей раз у него не было сил бранить их за суеверие. Он всю жизнь старался зажечь в детских сердцах пламя знаний и культуры, но отдавал себе отчет в том, что среди тумана невежества и суеверия, окутывающего эту затерянную в горах деревню, это даже не пламя, а робкий огонек, вроде огоньков трех свечей в классе тем памятным темным вечером. За несколько месяцев до того случая несколько деревенских жителей заявились в школу, намереваясь разобрать стропила и без того ветхого спального помещения, чтобы

подновить храм у входа в деревню. Он спросил, где же спать детям, если их жилье останется без крыши, на что они ответили, что дети преспокойно могут жить в классе.

– В классе? Его же ветер продувает насквозь. Дети не смогут спать там зимой!

– А нам какое дело? Они не местные.

Он схватил кол, бросился на них и прогнал, отделавшись двумя сломанными в драке ребрами. Другой местный житель, более добросердечный, не только помог ему прийти в себя, но и проводил в ближайший город, где была больница, – больше сорока ли по горной дороге.

Обрабатывая травмы, врач обнаружил у него рак пищевода. Эта болезнь была весьма распространена в здешних местах, и диагностировать ее было нетрудно. Врач сказал, что пациенту повезло – рак у него пока не сильно развился, еще не дал метастазов и вполне поддавался хирургическому лечению; рак пищевода на ранней стадии эффективно удаляется при помощи операции. Так что, можно сказать, сломанные ребра спасли ему жизнь.

Тогда он отправился в центр провинции, где имелась онкологическая клиника, и спросил, сколько может стоить такая операция. Врач ответил, что, учитывая его положение, его вполне могут положить в благотворительное отделение, что существенно сократит предстоящие расходы. И получится не так уж и много – около 20 000 юаней. Учитывая то, что он приехал из дальней глуши, врач подробно объяснил, как будет проходить операция и последующее лечение. Учитель молча слушал, а потом спросил:

– А сколько я проживу без операции?

Врач довольно долго смотрел на него с деланым равнодушием и наконец сказал:

– Месяцев шесть, вряд ли дольше.

Учитель вздохнул с неожиданным облегчением, совсем введя врача в недоумение.

Он все же успеет довести выпускной класс до конца.

Он никак не мог заплатить 20 000 юаней. Конечно, возможность скопить хоть что-то у него была. Зарплаты у сельских учителей отнюдь не высокие, но он проработал много лет, никогда не был женат и не имел никаких иных финансовых обязательств. Но все заработанное он тратил на детей – своих учеников. Он никогда не считал, скольким детям он оплатил обучение, сколько всяких мелких и крупных непредвиденных расходов было у него в связи со школьниками. Сейчас он учил за свой счет Лю Баочжу и Го Цуйхуа, а кроме того, частенько случалось так, что, заглядывая в большой школьный котел, он

видел там невразумительное варево даже без растительного масла, так что приходилось срочно покупать для детей мясо и сало. У него, правда, оставалось немного денег, но их было в десять раз меньше, чем требовалось на лечение.

Он в одиночестве брел по широкому городскому проспекту к железнодорожному вокзалу. Уже стемнело, и полосы и пятна неоновых надписей залили город переливающимся разноцветным светом, ошеломляя непривычного к такому зрелищу приезжего. Ночью городские многоэтажные здания представлялись рядами новомодных ламп, возносившихся прямо к облакам. И поминутно сменялись обрывки музыки, то буйной, то нежной.

Оказавшись в этом чуждом городском мире, он начал неторопливо разбирать свою короткую жизнь. Он спокойно, философски признавал, что собственный жизненный путь выпадает каждому и что свой он выбрал двадцать лет назад, когда, закончив педагогическое училище, решил вернуться в деревню. Вообще-то, его судьбу предопределил другой деревенский учитель. Он сам вырос в этой самой школе. Еще ребенком он лишился отца и матери, и школа заменила ему дом. Учитель относился к нему как к сыну, так что хоть он и жил небогато, но не мог пожаловаться на недостаток любви. Однажды учитель решил взять его с собой на зимние каникулы в свою деревню. Она находилась вдали от школы, снега в тот год выпало много, и пробираться по горной дороге было трудно. Лишь за полночь они увидели впереди огни родной деревни учителя. И тут, оглянувшись, они заметили невдалеке, позади, четыре зеленых огонька – глаза пары волков. В те годы волков в горах водилось много, и даже вокруг школы то и дело обнаруживались кучки волчьего помета. Однажды он схулиганил – взял такую беловато-серую кучку, поджег ее и бросил в класс. Помещение наполнилось едким вонючим дымом, учитель пришел в ярость. А сейчас, увидев неторопливо приближавшихся волков, учитель отломил с ближайшего дерева толстую ветку и с яростным криком бросился навстречу волкам. А мальчик, лишившись от страха всякого соображения, со всех ног помчался в деревню. Он боялся, что волки не станут связываться с учителем и кинутся в погоню за ним, боялся, что натолкнется на бегу на еще одного волка, но благополучно добежал до домов. Несколько мужчин схватили охотничьи ружья и бросились туда, где остался учитель, и мальчик пошел с ними. Учителя нашли в луже крови и обрывках одежды и тела с отъеденными рукой и половиной ноги. Его понесли в городскую больницу, но он скончался по дороге. Мальчик видел его глаза в свете факелов. Волчьи зубы вырвали кусок щеки учителя, он не мог говорить, но глаза его выражали

настойчивую мольбу, которую мальчик понял и запомнил.

Окончив педагогическое училище, он отказался от заманчивого предложения работать в городском управлении. Он вернулся прямиком в ту горную деревню, в ту школу, которую погибший учитель умолял его спасти, хотя у него не было здесь ни родни, ни друзей. Вернувшись, он узнал, что школа уже несколько лет не работает, поскольку там нет учителя.

Незадолго до того Министерство образования ввело новую практику замены сельских учителей, живших и работавших на деньги сельской общины, учителями, получавшими государственное пособие. Старые учителя тоже могли получить такой статус, нужно было лишь сдать экзамены. Он сдал их, получил соответствующий диплом и был доволен, что подтвердил свои знания и будет теперь получать государственную зарплату. Большинство сотоварищей по профессии радовались куда сильнее. Ему же было безразлично, откуда пойдет его зарплата – от сельской общины или от государства, он всего лишь хотел обучать детей, которые выйдут в мир, окончив его начальную школу. И неважно, покинут ли они горы или останутся здесь, – их жизнь все равно будет чем-то отличаться от жизни тех детей, которые никогда не ходили в школу.

Эти горы были одним из самых бедных районов страны. Но даже хуже бедности было безразличие местных жителей к условиям своего существования. Он крепко запомнил, как много лет назад, когда вместо общей нормы выработки на всю деревню были введены раздельные нормы на каждое домохозяйство, жители деревни разделили между собой поля, а потом и весь инвентарь. В деревне имелся трактор, и жители никак не могли достичь согласия по поводу того, как разложить на всех оплату горючего и, что еще хуже, как распределить время его работы в индивидуальных хозяйствах. И они не придумали ничего лучше, кроме как разделить трактор в самом буквальном смысле – развинтили на детали: один забрал руль, другой – колесо и т. д. А всего два месяца назад какой-то завод привез в качестве поддержки для бедных погружной насос и, учитывая дороговизну электричества, дизельный генератор для него и большой запас солярки. Едва благодетели покинули деревню, как жители деревни продали и насос, и генератор всего за 250 юаней. Выручки хватило на два хороших обеда для каждого – такого они не видали много лет. Был еще случай, когда кожевенный фабрикант купил в деревне участок земли, чтобы построить кожевенный завод; как у деревенских оказалась земля на продажу, наверно, никто никогда не узнает. Как только предприятие заработало, щелочь и селитра потекли в реку и

просочились в колодезную воду. У людей, которые пили оттуда, тела усыпало красными фурункулами – но никто не обращал на это внимания! Они были просто счастливы, что земля продана по хорошей цене. Это была деревня старых, ни на что не годных холостяков-бездельников, которые не желали тратить силы на крестьянский труд и проводили целые дни в пьянстве и азартных играх, в которых проигрывали друг другу свои жалкие деньги и скудное имущество, чтобы когда-нибудь возместить проигрыш столь же жалким выигрышем. При этом им вполне хватало хитрости понимать: оставаясь нищими, они и впредь будут ежегодно получать дотации, выделяемые окружными властями для помощи бедным. Пусть деньги небольшие, но все равно больше, чем они могли бы заработать, возделывая свои крошечные поля, состоящие из камней и пыли. Они могли мириться с такой жизнью, потому что были необразованны. Бесплодная земля деревни и ядовитая вода приводили в уныние, а вот тусклые глаза жителей деревни по-настоящему порождали отчаяние.

Он устал от долгой ходьбы и сел на скамейку на тротуаре передохнуть. Перед ним находился большой шикарный ресторан с фасадом из сплошного стекла, сквозь которое свет роскошных люстр озарял улицу. Ресторан походил на гигантский аквариум, а разодетые посетители – на стайку пестрых рыбок. За столиком у окна сидел тучный мужчина. Его волосы и лицо были густо умащены каким-то кремом, отчего он походил на раскрашенную восковую статую. По обеим сторонам от него сидели две высокие, скудно одетые (или, может быть, лучше сказать: полураздетые?) молодые женщины. Толстяк повернулся к одной из них и сказал что-то такое, что заставило одну залиться хохотом, и он сам тоже расхохотался. Вторая женщина скорчила недовольную гримасу и вдруг вскинула кулачки, намереваясь стукнуть мужчину. Удивительно было видеть таких высоченных женщин. Пожалуй, Сюсю во весь рост была бы им по пояс… Он вздохнул: как ни старался он избегать этих мыслей, но снова и снова вспоминает о Сюсю.

Сюсю, единственная из девушек, не поспешила выйти замуж за кого-нибудь из дальних мест, чтобы покинуть горную местность. Возможно, она боялась мира за пределами деревни, потому что никогда не бывала там. Возможно, для этого была какая-то иная причина. Они тесно общались более двух лет, и вроде бы все складывалось вполне благополучно – ее семья просила довольно скромный, всего лишь 1500 юаней, выкуп «за родовые боли»[38]. Но тут неожиданно вернулось несколько деревенских парней, которым удалось что-то заработать в

дальних краях. Один из них, примерно ровесник учителя, оказался толковым, несмотря на неграмотность. В городе он нашел работу трубочиста – ходил по домам, чистил вытяжки на кухнях и за год заработал кучу денег. Два года назад он на месяц приехал в деревню и за это время сумел очаровать Сюсю. Ее родные делали вид, будто не замечали ее новой симпатии. Облепленная шелухой от дынных семечек, корявая стена их дома была сплошь исчерчена записями о том, кому и сколько задолжал ее отец за минувшие годы. Сюсю не ходила в школу, но с детства питала слабость к людям, которые умели читать. Именно этим ее учитель и привлек. Но ловкий трубочист подарил ей флакон дешевых духов и позолоченное ожерелье, и этого вполне хватило, чтобы завоевать ее расположение. «От умения читать еда на столе не появится», – сказала она ему. Он знал, что это не совсем так, но действительно его работа могла обеспечить только плохую еду, особенно по сравнению с тем, что мог предложить ей бывший односельчанин, сделавшийся горожанином. Ему нечего было ей ответить. Сюсю вышла за дверь, оставив после себя только запах духов, от которого у него засвербело в носу.

Через год после женитьбы Сюсю умерла в родах. Он до сих пор помнил, как акушерка секунду подержала ржавые щипцы над огнем, прежде чем ввести их в роженицу. Кровь Сюсю до краев наполнила подставленный медный таз. Она умерла по дороге в городскую больницу. Муж потратил на свадьбу 30 000 юаней; такой роскоши деревня еще не видела. Почему он не захотел потратить еще немного, чтобы Сюсю смогла родить в больнице? Он выяснил, сколько стоили бы такие роды – всего двести-триста юаней. Но в деревне свои порядки, и ни одна местная жительница никогда не рожала в больнице. Никто не винил молодого мужа. Все воздевали руки к небу и твердили, что такова ее судьба. Позже он услышал, что Сюсю еще повезло по сравнению с участью матери ее мужа. У той тоже случились трудные роды. Акушерка сказала его отцу, что должен родиться мальчик, и тот решил спасти младенца. Роженицу посадили на спину осла и водили его по кругу, чтобы «раскрутить» ребенка. Очевидцы рассказывали, что в пыли образовалось кольцо из ее крови.

Он тяжело вздохнул, в очередной раз ощутив беспросветность и безнадежность деревенской жизни.

А вот у детей надежда все еще оставалась, невзирая даже на то, что зимой им приходилось сидеть в холодном классе и при свете свечи всматриваться в написанное на доске. Он и был свечой. Он будет гореть душой и телом ради этих детей так долго, как сможет, с таким пылом, на какой способен.

Он поднялся с неудобного сиденья, прошел еще немного и

свернул в книжный магазин. У города все-таки имеются достоинства – даже книжные магазины здесь работают допоздна. Он потратил все имевшиеся деньги на книги для скудной школьной библиотечки, оставив лишь на билет. Глубокой ночью, навьюченный двумя тяжелыми связками книг, он сел в поезд и отправился домой.

* * *

В центре Млечного Пути, за пятьдесят тысяч световых лет от Земли, близилась к завершению межзвездная война, длившаяся двадцать тысяч лет.

На фоне сияющих звезд был отчетливо виден как будто вырезанный ножницами беззвездный квадрат со сторонами по 6000 миль, выделявшийся чернотой даже в черноте космоса – пустота внутри пустоты. В этом квадрате начали появляться какие-то предметы. Все они были разной формы; общим был их размер – с земную Луну – и ослепительно серебристый цвет. Их становилось все больше, и, появляясь, они сразу собирались в правильную кубическую фигуру. Куб постепенно рос над черным квадратом, как мозаичная панель, вставленная в вечную стену самой Вселенной; основой ее служила полная бархатная чернота квадрата, а плитками – светящиеся серебряные объекты. Они были подобны космической симфонии, обретшей физическую форму. Постепенно черный квадрат вновь растворился в пространстве, и среди звезд остался зловеще плавать кубический массив из серебристых небесных тел.

Межзвездный флот Галактической федерации углеродной жизни завершил первое искривление пространства-времени на своем пути.

Высший архонт Углеродной федерации смотрел с флагманского корабля на металлический, серебряный пейзаж. Замысловатая сеть путей змеилась, словно схема, выгравированная на бесконечно широкой серебристой печатной плате. Время от времени на поверхности появлялись каплевидные машины; они стремительно, так, что в глазах расплывалось, проносились по путям и через несколько секунд бесшумно исчезали в портах, которые внезапно раскрывались, чтобы принять их, и тут же закрывались без следа. За время путешествия через искривленное пространство флот густо облепила космическая пыль, и сейчас она висела над ландшафтом облаками, которые, ионизируясь, слабо светились красным.

Высший архонт славился невозмутимостью. Его обычно окружала безмятежно спокойная лазурная умственная аура, которая воспринималась чуть ли не как символ его личности. Однако в этот момент в его ауре появились следы того желтого света, каким пылали ауры тех, кто сейчас находился рядом с ним.

– Ну, наконец-то всё. – Умственная аура Высшего архонта завибрировала, передавая сообщение сенатору и адмиралу флота, которые стояли по сторонам от него.

– Да, все кончено. Война тянулась слишком долго – настолько долго, что мы забыли, как она началась, – ответил сенатор.

Флоту теперь предстояло двигаться немного медленнее скорости света. Одновременно включились субсветовые двигатели кораблей, и вокруг флагмана засияли тысячи голубых солнц. Серебряная плата под ними отражала пламя двигателей, как немыслимо громадное, поистине бескрайнее зеркало, и каждое голубое солнце находило в нем свое отражение.

Начало войны запечатлелось в давних, древних воспоминаниях, которые не сгорели в пламени сражений, а, напротив, сохранились у всех и каждого. Эта память передавалась через сотни поколений, но для триллионов жителей Углеродной федерации событие оставалось совершенно свежим и было накрепко впечатано в их сердца и сознание.

Двадцать тысяч лет назад Империя кремниевой жизни с периферии галактики предприняла широкомасштабное нападение на Углеродную федерацию. Пять миллионов боевых кораблей империи атаковали звезды на фронте протяженностью десять тысяч световых лет. Каждый корабль выкачивал из звезды энергию, чтобы открыть червоточину сквозь пространство-время, и переходил через нее к следующей звезде, где все повторялось. Открытие червоточины забирало значительную часть энергии звезды, из-за чего ее излучение смещалось в красную область спектра. После того как корабль совершал прыжок, свет звезды постепенно возвращался к своему прежнему состоянию. Совокупный эффект от таких действий миллионов кораблей был ужасающим. На краю галактики возникла красная полоса, удлинявшаяся к ее центру; это явление оставалось невидимым для обсерваторий, ведущих наблюдение в световом диапазоне, но гиперпространственные мониторы сразу заметили его. Полоса, образуемая красными звездами – кровавый прилив шириной в 10 000 световых лет, – разворачивалась от границ Углеродной империи.

Первой планетой Углеродной федерации, попавшей под удар Кремниевой империи, оказалась Зеленоморье, симпатичная планетка, вращавшаяся вокруг двойной звезды. На ней вовсе не

было суши, только океан, по которому плавали леса мягких длинных растений, похожих на лозы или лианы. В этих лесах жили, ловко плавая между растениями, совершенно безобидные миловидные обитатели Зеленоморья, создавшие буквально райскую цивилизацию. И вдруг небо планеты прорезали десятки тысяч световых лучей, исторгаемых лазерами флота Кремниевой империи, которые начали нагревать океан. Очень быстро планета превратилась в бурлящий котел, и вся ее жизнь, включая пять миллиардов разумных жителей, погибла в страшных мучениях в кипящей воде. Довольно скоро вся вода испарилась, и прекрасная еще совсем недавно планета Зеленоморье превратилась в серый ад, окутанный густым водяным паром.

В галактике практически не осталось мест, не затронутых войной. Шла разрушительная битва на выживание между двумя цивилизациями, основой жизни одной из которых служил углерод, а другой – кремний. Враги не ожидали, что она растянется на двадцать тысяч галактических лет!

Никто, кроме историков, не помнил, сколько битв состоялось между флотами в миллион и даже больше кораблей. Крупнейшей из них считалась битва во Втором рукаве, состоявшаяся, как ясно из названия, во втором спиральном рукаве галактики Млечный Путь. С обеих сторон в ней участвовало свыше десяти миллионов боевых кораблей. Исторические хроники свидетельствуют, что в обширной зоне боев образовалось более двух тысяч сверхновых, вспыхнувших в черной бездне, как неимоверный фейерверк. В результате весь рукав заполнился сверхмощной радиацией, в которой плавали, как призраки, скопления черных дыр. К концу сражения оба флота погибли почти полностью. С тех пор минуло пятнадцать тысяч лет, и история сражения могла бы восприниматься как античный миф, если бы не существовала та самая область, где оно проходило. Космические корабли старались не входить туда, поскольку этот район стал самым страшным во всей галактике, и не только из-за радиации и множества черных дыр. Во время боя целые эскадры кораблей обоих немыслимо громадных флотов то и дело совершали тактические маневры в форме пространственно-временных скачков на короткие дистанции. Утверждалось, что в ближнем бою некоторые межзвездные истребители совершали считавшиеся практически невозможными из-за мизерности расстояния прыжки всего на несколько миль! В результате колоссальная область пространства оказалась сплошь пробита дырами, а точнее говоря – истрепана в лохмотья. Любой корабль, которому выпало бы несчастье оказаться здесь, почти неминуемо влетел бы на участок искаженного пространства, после чего его судьба оказалась бы

незавидной: он мог бы, например, превратиться в длинный тонкий металлический стержень или размазаться в лист площадью в миллионы квадратных миль и толщиной в несколько атомов, который жесткое излучение немедленно разодрало бы на мельчайшие кусочки. Впрочем, чаще корабль, угодивший в такую ловушку искаженного пространства-времени, молодел до состояния разрозненных деталей перед началом сборки или, напротив, мгновенно старел и превращался в изъеденную коррозией дряхлую оболочку, а все внутри нее рассыпалось в пыль. Живое существо, находившееся на борту, мгновенно превратилось бы в зародыш или, напротив, в груду ветхих костей…

А вот решающая битва отнюдь не относилась к области мифологии. Она произошла всего год назад. Кремниевая империя сконцентрировала остатки своих сил, полтора миллиона кораблей, в глубоком космосе между первым и вторым спиральными рукавами галактики. Свое расположение они окружили барьером из антиматерии, расположив его сферой радиусом в тысячу световых лет. Первая идущая в атаку эскадра Углеродной федерации совершила скачок прямо к барьеру и с разгона вошла в него. Барьер был очень тонок, но тем не менее смертоносен для кораблей, которые мгновенно объяло пламя. Оставляя за собой длинные огненные хвосты, переходящие в флуоресцентные полосы, обреченные корабли отважно устремились к своей цели. Лавина из тридцати с лишним тысяч искрящихся звезд, несущаяся выбранным курсом, стала самым величественным, самым трагическим образом в истории Углеродно-кремниевой войны. Поток быстро редел, и в непосредственной близости от боевого построения Кремниевого флота аннигиляция прикончила всех атакующих, ни один из них не долетел до врага. Однако своим самопожертвованием они открыли туннель для остальных сил атакующего флота. В результате сражения последний флот Кремниевой империи вынужден был отступить в самый отдаленный уголок Млечного Пути – в оконечность первого спирального рукава.

И сейчас флот Углеродной федерации готовился приступить к завершающему шагу войны – созданию в рукаве изолирующего пояса шириной в пятьсот световых лет. Для этого нужно было уничтожить практически все звезды в этой полосе. Это лишило бы Кремниевую империю возможности совершать межзвездные прыжки. А ведь только этот метод позволял боевым кораблям предпринимать быстрые дальние рейды, причем предельная дальность прыжка составляла всего двести световых лет. После создания пояса могучим кораблям Кремниевой империи, чтобы

попасть в центр галактики, придется преодолевать дистанцию в пятьсот световых лет на субсветовой скорости. Фактически Кремниевая империя окажется запертой в самой дальней части спирального рукава и больше не будет представлять серьезной угрозы для цивилизаций на основе углеродной жизни, сгруппированных в центре галактики.

Умственная аура сенатора завибрировала; он обращался к Высшему архонту.

– Сенат единодушно выдвинул требование: прежде чем приступить к уничтожению звезд, необходимо создать экран, обеспечивающий защиту жизни на уровне живого существа.

– Я понимаю обеспокоенность Сената, – ответил Высший архонт. – На протяжении этой чрезмерно длительной войны пролилось столько крови самых разных форм жизни, что ею можно было бы наполнить океаны многих тысяч планет. Теперь, когда война практически завершилась, прежде всего надлежит восстановить в галактике уважение к жизни – не только к жизни на основе соединений углерода, но в равной степени к кремниевой жизни. Именно поэтому Федерация остановилась в шаге от полного истребления кремниевой цивилизации. Увы, Кремниевой империи чужды подобные соображения. У ее обитателей врожденное пристрастие к войне и завоеваниям. Так было всегда, даже задолго до Углеродно-кремниевой войны. Воинственность впечатана в каждый их ген, в каждую цепочку генетического кода, это фактически единственный смысл существования империи. Цивилизация жизни на кремниевой основе далеко опережает нас в хранении и обработке информации. Даже здесь, в дальнем закоулке первого спирального рукава, она быстро восстановится и перейдет к дальнейшему развитию. Потому-то нам жизненно необходимо создать как можно скорее изолирующий пояс между федерацией и империей. При таких обстоятельствах обследовать каждую из сотен миллионов звезд на предмет наличия жизни просто невозможно. Пусть даже первый спиральный рукав – это самый пустынный участок галактики, но здесь, несомненно, немало звезд с обитаемыми планетами, находящимися в пределах прыжковой досягаемости одна от другой. Корабли средних размеров вполне способны пересечь пояс, опираясь на них, а ведь любой боевой рейдер Кремниевой империи, достигнув пространства федерации, может причинить там очень серьезный ущерб. Поэтому мы можем пойти лишь на создание жизнезащитных экранов цивилизационного уровня. Нам придется пожертвовать примитивными формами жизни в поясе, чтобы сохранить в остальной галактике развитые и такие же

примитивные формы жизни. Я уже представлял Сенату эти соображения.

– Да, почтенный, Сенат принял во внимание ваши соображения. Их подробно объяснили и вы сами, и Комитет обороны федерации. И заявление Сената – лишь пожелание, а не постановление. И все же звезды в поясе, на которых жизненные формы достигли уровня 3В и выше, необходимо защитить.

– В этом можете не сомневаться, – ответил Верховный архонт, и его аура полыхнула алым светом безусловной искренности. – Мы проведем цивилизационные тесты на всех планетных системах пояса самым тщательным образом!

Аура адмирала завибрировала впервые за все время беседы.

– Думаю, вам не о чем беспокоиться, – передал он. – Первый спиральный рукав – самая пустынная и безжизненная область галактики. Здесь просто не может быть цивилизаций даже уровня 3Б, а уж высших ступеней тем более.

– Надеюсь, что вы правы, – в один голос ответили Высший архонт и сенатор. Их ауры завибрировали в точно совпадающем резонансе и выбросили в небо над металлической почвой строго идентичные всплески плазмы.

Флот приступил ко второму скачку, направляясь с практически бесконечной скоростью в сторону первого спирального рукава галактики.

* * *

Стоял поздний вечер. Дети собрались при свете свечи у смертного одра своего учителя.

– Учитель, вам надо отдохнуть. Этот урок вы вполне можете провести завтра, – сказал один из мальчиков.

Он заставил себя улыбнуться, скрывая боль.

– Завтра будет завтрашний урок.

«Если доживу до завтра», – мысленно добавил он. Правда, интуиция подсказывала, что эта ночь станет для него последней.

Он сделал слабый жест, и один из детей положил ему на грудь, поверх одеяла, маленькую черную доску. Так он и проводил уроки весь последний месяц. Другой ученик подал коротенький, стершийся от длительного употребления кусочек мела; учитель неловко взял его и с большим трудом поднес кончик мела к доске. Его пронзил сильный приступ резкой боли. Рука затряслась так, что мелок ударялся о доску, оставляя на ней белые точки. После возвращения из города он ни разу не был у врачей. Печень начала болеть два месяца назад – рак добрался до

нее. Боль стремительно усиливалась, и когда она стала невыносимой, учитель полез под подушку за болеутоляющим – простыми, продающимися без рецепта таблетками в пластиковом блистере. Они были бесполезны при мучениях, вызванных раком на последней стадии, но все же вроде бы оказывали некоторый эффект плацебо. Существовал недорогой демерол, но, во-первых, его разрешали употреблять только в больничных условиях, и во-вторых, если бы даже удалось добыть его и доставить в деревню, тут все равно не нашлось бы никого, кто смог бы сделать укол. Как обычно, он выдавил из оболочки две таблетки. Потом подумал, извлек еще двенадцать – все, что оставалось, – и проглотил разом. Все равно больше не понадобятся. После этого он вернулся к уроку и начал было записывать на доске то, что запланировал на сегодня, но снова пришлось прерваться – теперь из-за кашля. Он отвернулся, и кто-то из детей поспешно поднес к его рту миску. Учитель сплюнул туда полный рот красно-черной крови и откинулся на подушку, чтобы перевести дыхание.

Несколько ребятишек громко всхлипывали.

Учитель отказался от попыток писать на доске. По его знаку дети убрали ее. И он заговорил слабым голосом, почти шепотом:

– Как и те уроки, которые были у вас вчера и позавчера, сегодняшний вообще-то должен был предназначаться для учеников не начальной, а средней школы. В вашей программе такого нет. Вряд ли кому-то из вас выпадет возможность продолжить обучение в средней школе, поэтому я решил дать вам попробовать на вкус, что такое более глубокое погружение в сущность предмета. Вчера мы с вами читали «Записки сумасшедшего» Лу Синя. Наверняка вы мало что поняли, но я хотел бы, чтобы вы несколько раз перечитали этот рассказ, а еще лучше будет, если вы выучите его наизусть. Вы поймете его, когда повзрослеете. Лу Синь был замечательным человеком. Его книги следует прочитать каждому китайцу. Уверен, что все вы рано или поздно это сделаете.

Он умолк и лежал, глядя на мерцающее пламя свечи и пытаясь отдышаться. На память ему пришел другой отрывок из Лу Синя – не из «Записок сумасшедшего». Этого текста не было в хрестоматии, имевшейся в школе, он попался в одном из принадлежавших лично ему замусоленных разрозненных томов «Избранных сочинений». С тех пор – а прошло уже немало лет – он не забыл ни единого слова.

«…Представь себе, что в железной камере нет ни окон, ни дверей, в камере, которую невозможно сломать, люди спят крепким сном. Их много. Они скоро погибнут, но расстанутся с жизнью в забытьи. Так стоит ли поднимать шум, чтобы немногие,

самые чуткие, проснулись и испытали все муки неизбежного конца?

– Но ведь некоторые уже проснулись – значит, появилась надежда сломать камеру»[39].

Собрав последние силы, он продолжил урок:

– Сегодня мы проведем урок по физике из программы средней школы. Возможно, вы даже не знаете, что такое физика. Это наука о том, как, по каким принципам устроен вещественный мир – немыслимо обширная и глубокая область знания.

Мы будем говорить о трех законах Ньютона. Ньютон – знаменитый английский ученый, живший очень давно. Он установил три важнейших правила, которым подчиняется все на Земле и в небесах, от Солнца и Луны, которые находятся высоко над нашими головами, до воды и воздуха нашей родной планеты. Нет ничего такого, что было бы неподвластно трем законам Ньютона. Зная их, мы можем с точностью до секунды рассчитать, когда случится солнечное затмение; в нашей деревне старики говорят об этом явлении: «Собака съела солнце». Знание трех законов Ньютона позволяет людям летать на Луну.

Первый закон гласит: «Всякое тело будет находиться в состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения до тех пор, пока к нему не будет приложена сила, которая заставит его изменить это состояние».

Дети, не отрываясь смотрели на него, никто даже не шевелился.

– Это значит, что, если взять большой жернов с мельницы, поставить его на ребро и толкнуть хорошенько, он должен покатиться прямо до горизонта. Что ты смеешься, Баочжу? Ты прав, такого не может случиться. Потому что сила, именуемая *трением*, заставит жернов остановиться. На свете нет ничего такого, что не испытывало бы трения.

Это верно, подумал он, нет ничего на свете, что не испытывало бы трения, в частности его жизнь. Он не принадлежал ни к одному из семейств исконных жителей деревни, о чем прямо говорила его фамилия, и поэтому его слово не имело здесь веса. А ведь он был еще и страшно упрям! За много лет, прожитых здесь, он умудрился так или иначе оскорбить практически всех деревенских. Он по многу раз заходил в каждый дом, уговаривая родителей отдать детей в школу, ему случалось отрывать ребятишек от работы, которой они с малолетства занимались вместе с отцами, обещая оплачивать их учебу за свой счет, – и всегда выполнял эти обещания. Все это отнюдь не вызывало у деревенских симпатии к нему. Ну а главная причина состояла в том, что его

представления о том, как следует жить, очень сильно отличались от их представлений. Он постоянно говорил что-то, в чем они не видели смысла, и это их злило. Незадолго до того, как обнаружилась его болезнь, он съездил в город и выпросил в управлении образования денег на ремонт школы. Деревенские жители изъяли часть переведенных денег, чтобы нанять на два дня оперную труппу, которая должна была бы развлекать их во время предстоящих праздников. Он ужасно разозлился, снова поехал в город и привез оттуда главу округа, который заставил деревенских вернуть деньги. А ведь они уже построили сцену для певцов. Ремонт в школе удалось сделать, но отношения с местными жителями он испортил окончательно. Прежде всего деревенский электрик, племянник старосты, отключил школу от электросети. Потом школе перестали давать кукурузные стебли, которыми он всегда топил печи и кухонную плиту, и ему пришлось забросить огород и подолгу собирать хворост в горах, вместо того чтобы заниматься с детьми. Потом он пострадал, спасая крышу спального помещения. Непрерывное, неослабевающее трение измотало его тело и душу, он больше не мог двигаться по прямой с постоянной скоростью. Пришло время остановиться.

Возможно, в месте, куда ему предстоит попасть, трения не существует, а напротив, сплошная тишь да гладь. Но ему-то что делать в таком месте? Его сердце все равно останется в этом мире с его неумолимым трением и вездесущей пылью, в начальной школе, которой он отдал всю свою жизнь. Как только его не станет, двое других учителей сразу же уедут, и школа со скрипом остановится в своем движении, как деревенская мельница. Он ощутил глубокую скорбь – ему не суждено обрести покой ни в этом мире, ни в следующем.

– Второй закон Ньютона немного сложнее, поэтому мы оставим его напоследок. А третий закон звучит так: если на тело действует с какой-то силой другое тело, то на это другое тело действует точно такая же сила, но в противоположном направлении.

Ученики долго молчали.

– Вы поняли? Кто сможет объяснить, что я сказал?

С места поднялся Чжао Лабао, лучший ученик.

– Я вроде понял, но смысла не уловил. Вот сегодня утром я подрался с Ли Цюаньгуем, и он угодил мне кулаком в лицо. У, вон, щека опухла! Нет, силы тут неравные!

Учитель с трудом перевел дыхание и объяснил:

– Больно тебе потому, что твоя щека мягче, чем кулак Цюаньгуя. А силы и от кулака к щеке, и от щеки к кулаку были

приложены одинаковые.

Он хотел подкрепить свои слова жестом, но не смог поднять руку с постели. Казалось, что руки и ноги у него стали тяжелыми, как железо, и совсем скоро его тело отяжелеет настолько, что проломит топчан и погрузится в землю.

Совсем скоро.

* * *

Номер цели: 1033715.

Абсолютное притяжение: 3,5.

Стадия эволюции: верхняя часть главной последовательности.

Обнаружены две планеты; средний радиус орбит 1,3 и 4,7 единицы расстояния.

Жизнь обнаружена на планете 1.

Докладывал корабль «Красный 69012».

Сто тысяч боевых кораблей межзвездного флота Углеродной федерации растянулись ровной цепью длиной десять тысяч световых лет, чтобы приступить к созданию изолирующего пояса. Первым этапом должно было стать пробное уничтожение пяти тысяч звезд. Лишь у 137 из них имелись планеты, и на одной из них была обнаружена жизнь.

– Первый спиральный рукав – действительно пустынная область, – вздохнул Верховный архонт. Его аура завибрировала, призывая голографическую проекцию, которая перекрыла участок палубы на мостике флагмана и звезды над головой. Теперь казалось, будто архонт, адмирал и сенатор плавают в беспредельной пустоте. Затем архонт включил показ информации, присланной разведчиками, и среди пустоты повис шар, сияющий голубым пламенем. Аура Верховного архонта ввела в поле зрения белый квадрат; он сразу же изменил форму, переместился и закрыл изображение звезды, отчего пространство снова погрузилось в почти полную тьму, где выделялась лишь маленькая желтая светящаяся точка. Изображение тут же сфокусировалось, и желтая точка переместилась на передний план, заняв половину пустоты и залив всех троих отраженным оранжевым сиянием.

Планета обладала густой неспокойной атмосферой, похожей на оранжевый океан. Движение газа отражалось чрезвычайно сложным, непрерывно меняющимся узором линий. Изображение планеты продолжало расти, пока не заслонило собой всю Вселенную; наблюдателей поглотил ее оранжевый газообразный

океан. Зонд провел их сквозь плотные облака туда, где туман был не столь густым, что позволило увидеть формы жизни на планете.

В верхних слоях атмосферы плавала стая животных эллипсоидной формы. Их тела покрывали очень приятные на вид калейдоскопические узоры, мгновенно менявшиеся с набора полос на точки и так далее; вероятно, это был своеобразный визуальный язык. Каждый эллипсоид имел длинный хвост, на кончике которого то и дело возникала яркая вспышка, пробегавшая по всей длине хвоста и заполнявшая баллон рассеянным свечением.

«Начинайте четырехмерное сканирование», – прозвучал голос командира «Красного 69012».

По «воздушным шарам» с невероятной скоростью пробежался чрезвычайно тонкий луч. Несмотря на толщину всего в несколько атомов, внутренняя часть луча имела на одно пространственное измерение больше, нежели обычное пространство. Данные сканирования поступили на корабль, где главный корабельный компьютер так же быстро виртуально препарировал существа-шары на сотни миллиардов тонких ломтиков. Каждый срез представлял собой поперечное сечение толщиной в атом, где с почти идеальной точностью, вплоть до состояния каждого кварка, отражалось все содержимое шара.

– Приступайте к сборке зеркала данных!

Корабельный компьютер перебрал сотни миллиардов изображений срезов, находившихся в памяти, и объединил их в первоначальном порядке. Вскоре в обширной цифровой вселенной компьютера появился полый вытянутый воздушный шар – идеальная копия формы жизни, обнаруженной на планете.

– Начать цивилизационный тест на уровень 3Б!

Компьютер быстро определил мыслительный орган существа, эллиптическую структуру, которая висела в центре сложного сплетения нервов, мгновенно проанализировал структуру мозга и установил с ним прямой высокоскоростной информационный интерфейс, минуя все периферийные органы чувств существа.

Цивилизационный тест состоял из набора вопросов, выбранных случайным образом из огромной базы данных. Три правильных ответа считались проходными. Если форма жизни не давала правильных ответов на все три первых вопроса, тестировщик мог либо завершить тест и объявить, что испытуемый не соответствует требуемому уровню, либо мог продолжать задавать вопросы. Их могло быть сколько угодно, но наличие трех правильных ответов считалось положительным завершением теста.

– Цивилизационный тест на уровень 3Б, первый вопрос:

опишите малейшую частицу вещества, известную вам.

– Ди-ди, ду-ду-ду, ди-ди-ди-ди, – ответил шар.

– Неверно. Цивилизационный тест на уровень 3Б, второй вопрос: каково мнение вашей науки по поводу направленности движения термальной энергии сквозь материю? Можно ли обратить направление этого движения в обратную сторону?

– Ду-ду-ду, ди-ди-ди, ди-ди-ду-ду, – ответил шар.

– Неверно. Цивилизационный тест на уровень 3Б, третий вопрос: каково отношение длины окружности к ее диаметру?

– Ди-ди-ди-ди-ду-ду-ду-ду-ду, – ответил шар.

– Неверно. Цивилизационный тест на уровень 3Б, четвертый вопрос…

– Достаточно, – сказал Верховный архонт после десятого вопроса. – У нас слишком мало времени. – Он повернулся и подал знак адмиралу.

– Сингулярную бомбу к пуску! – приказал адмирал.

Если сильно упростить описание, то сингулярная бомба представляет собой объект, практически не имеющий размера, точку в пространстве, которая в бесконечное количество раз меньше атома. При этом она обладает массой: самые крупные сингулярные бомбы – в миллиарды тонн и даже самые мелкие – более десяти миллионов тонн. Бомба, покинувшая арсенал «Красного 69012», сначала приняла облик сферы диаметром в несколько тысяч метров, потом начала слабо светиться – излучение, генерируемое миниатюрной черной дырой, поглощало космическую пыль на своем пути. Эта миниатюрная черная дыра была не из тех, что образуются в результате коллапса звезд, она являлась крошечной моделью космологической сингулярности, образовавшейся в начале Вселенной и предшествовавшей Большому взрыву. И Углеродная федерация, и Кремниевая империя содержали флотилии кораблей, которые бороздили пустое пространство за галактическим экватором, собирая эти первичные черные дыры. Жители некоторых морских планет называли эти флотилии глубоководными траулерами. «Уловы» этих флотилий были одним из самых мощных видов оружия в галактике и единственным оружием, способным уничтожить звезду.

Сингулярная бомба сорвалась с направляющих и, ускоряясь под действием луча силового поля, устремилась от корабля к своей цели – звезде. Очень скоро насыщенная космической пылью черная дыра нырнула в огненную оболочку звезды. Подхваченная вихрем звездная материя со всех сторон устремилась к центру черной дыры и бесследно исчезла там. Взамен изливалось обильное излучение, и черная дыра теперь выглядела как

ослепительный шар света на поверхности звезды, бриллиант на опоясывающем ее невидимом колье. По мере того как черная дыра погружалась в недра звезды, сияние шара становилось все слабее, зато окружавший его вихрь увеличивался и охватывал уже сотню миллионов миль. В этом вихре свет шара рассеивался на калейдоскопические брызги, образуя нечто, походившее с того расстояния, на котором находился корабль, на отвратительное призматическое лицо. Мгновение спустя шар исчез, а за ним исчез и вихрь, хотя и не так быстро. Звезда, казалось, вернулась к своим первоначальным цвету и яркости. Это был эпицентр бури, последний момент тишины перед аннигиляцией. Ненасытная черная дыра опускалась к плотному центру звезды, пожирая все на своем пути. Менее чем за секунду она поглотила массу звездного вещества, превышающую сотни планет среднего размера. От черной дыры к поверхности звезды распространялось сверхсильное излучение. Некоторая его часть вырывалась наружу, но бóльшая оказалась заблокирована звездным веществом, добавив звезде столько энергии, что конвекция нарушилась и все звездные процессы вышли из равновесия. Цвет звезды начал меняться, сначала от красного к ярко-желтому, затем к ярко-зеленому, затем к глубокому сапфирово-синему и, наконец, к неприятному фиолетовому. Сила излучения черной дыры к тому времени уже на несколько порядков превышала излучение от самой звезды, и чем больше энергии вытекало из звезды в виде невидимого света, тем интенсивнее становился ее фиолетовый цвет – агонизирующий дух, парящий в просторах космоса. Всего за час продолжавшееся несколько миллиардов лет путешествие звезды подошло к концу.

Вспышка света, казалось, охватила всю Вселенную, а затем медленно угасла. Там, где только что была звезда, теперь находилась сфера с тонкой оболочкой, быстро расширяющаяся, как надуваемый воздушный шар. Это была поверхность звезды, выброшенная наружу взрывом. По мере расширения оболочка делалась прозрачной, и стало видно, как в центре зародилась вторая полая сфера, а затем и третья. Эти волны вещества походили на изящно раскрашенные стеклянные шары, расположенные один внутри другого, и даже самые маленькие из них имели площадь поверхности в десятки тысяч раз бóльшую, чем первоначальная площадь поверхности звезды. Первая волна в одно мгновение испарила оранжевую планету, хотя увидеть ее разрушение на таком великолепном фоне было невозможно. По сравнению с размерами расширяющегося звездного слоя планета была даже не точкой на поверхности шара, а пылинкой.

Ауры Высшего архонта и сенатора потемнели.

– Вам не нравится эта работа? – напрямик спросил адмирал.

– Еще одна разумная раса испарилась, как роса под солнечным светом.

– Вспомните о битве во Втором рукаве, ваше превосходительство, – более двух тысяч звезд вспыхнуло сверхновыми, сгорело сто двадцать тысяч обитаемых планет. Сентиментальность для нас – недопустимая роскошь.

Сенатор сделал вид, будто не заметил этой реплики, и прямо обратился к Верховному архонту:

– Результаты выборочных проверок планет случайным способом ненадежны. Признаки цивилизации могут находиться в любом месте поверхности планеты. Нам необходимо использовать еще и сканирование местности.

– Я обсуждал возможность такого подхода с Сенатом, – ответил архонт. – Чтобы создать надежный изолирующий пояс, необходимо уничтожить сотни миллионов звезд. По предварительным прикидкам, у десяти миллионов из них должны иметься планетные системы с примерно пятьюдесятью миллионами планет. Запас времени у нас очень мал; мы просто не в состоянии провести скрупулезное обследование каждой планеты. Единственное, что мы можем сделать, – это расширить поисковый луч, чтобы при случайном просмотре охватывать бóльшие участки поверхности… и молиться, чтобы цивилизации, которые могут там оказаться, равномерно распространялись по поверхности своих планет.

* * *

– Теперь мы рассмотрим второй закон Ньютона.

Он говорил насколько мог быстро, чтобы за короткое время, которое ему осталось, успеть рассказать детям как можно больше.

– Ускорение тела прямо пропорционально действующей на него силе и обратно пропорционально его массе. Чтобы понять это, нужно знать, что такое ускорение. Ускорение – это скорость, с которой скорость объекта изменяется с течением времени. Это понятие отличается от скорости – тело, которое движется быстро, необязательно *ускоряется*, а сильно ускоряющийся объект может двигаться совсем не быстро. Например, предположим, что предмет движется со скоростью 110 метров в секунду. Через две секунды его скорость будет 120 метров в секунду. Его ускорение составляет 120 минус 110, деленное на два… это пять метров в секунду – нет, пять метров в секунду в квадрате. Другой предмет движется со скоростью десять метров в секунду, но через две

секунды его скорость окажется уже тридцать метров в секунду. Его ускорение составляет тридцать минус десять, деленное на два… десять метров в секунду в квадрате. Второй предмет, как вы, наверно, заметили, не такой быстрый, как первый, но его ускорение больше! Я упомянул квадраты: квадрат – это просто число, умноженное само на себя…

Он с удивлением заметил, что внезапно стал очень ясно мыслить. Он знал, что это значит: если жизнь – свеча, то его жизнь сгорела до основания, а фитиль упал, расплавив последний кусочек воска, и пламя вспыхнуло в десять раз ярче, чем раньше. Боль, терзавшая его, прошла, и тело больше не казалось тяжелым; вообще-то, он почти не ощущал своего тела. Жизнь, с которой он расставался, казалось, вся сосредоточилась в мозгу, заставляя его яростно работать, чтобы передать все знания детям, собравшимся вокруг него. Мешала необходимость говорить: он знал, что у него очень мало времени. Ему представлялось, что знания, которые он накапливал всю свою жизнь, не так уж велики, но все они дороги ему – застряли в его мозгу, как маленькие жемчужины, и что, пока он говорил, хрустальный топор выбивал жемчужины из его мозга на пол, а дети торопливо подбирали их, как сладости в Новый год. Эта фантазия на миг наполнила его счастьем.

– Вы поняли? – тревожно спросил он. Зрение уже отказало ему, и он уже не видел собравшихся вокруг ребятишек, но все еще слышал их.

– Мы поняли! Учитель, отдохните, пожалуйста!

Он почувствовал, что его огонек начал гаснуть.

– Я знаю, что вы не поняли значения того, о чем я говорил, но все равно заучите это наизусть. Пусть не завтра, но когда-нибудь эти понятия обретут для вас смысл. *Ускорение тела прямо пропорционально действующей на него силе и обратно пропорционально его массе.*

– Учитель, мы поняли, правда, поняли! А теперь, пожалуйста, ну пожалуйста – отдохните!

Собрав последние крохи силы, он приказал:

– Повторите!

И дети сквозь слезы заговорили нараспев:

– Ускорение тела прямо пропорционально действующей на него силе и обратно пропорционально его массе. Ускорение тела прямо пропорционально действующей на него силе и обратно пропорционально его массе…

Несколько сот лет назад в Европе родился один из величайших умов мира, который записал эти слова и вернулся в прах. Теперь, в двадцатом веке, они звучали в глухой, заброшенной горной деревушке в исполнении хора детских

голосов, говоривших с резким сельским акцентом. Под звуки этого умиротворяющего гимна свеча учителя погасла.

Дети, собравшиеся вокруг его мертвого тела, зарыдали.

* * *

Номер цели: 500921473.
Абсолютное притяжение: 4,71.
Стадия эволюции: средняя часть главной последовательности.
Обнаружены девять планет.
Докладывал корабль «Синий 84210».

– Просто редчайшая планетная система! – воскликнул адмирал.

– О да! – согласился Верховный архонт. – Маленькие каменные планеты и газовые гиганты сочетаются в поразительной гармонии, и пояс астероидов искусно вплетен во все это, будто ожерелье. А самая удаленная планета, карлик, покрытый метановым льдом, символизирует завершение одного шага и начало следующего подобно заключительной ноте музыкальной каденции…

– Докладывает «Синий 84210». Приступаем к поиску жизни на планете номер один. Планета не имеет атмосферы, вращение медленное, очень большой перепад температур. Поисковый луч включен. Первый случайно выбранный участок: пусто. Второй участок: пусто… Третий участок: пусто. «Синий 84210» докладывает: на планете нет жизни.

– На солнечной стороне этой планеты можно плавить сталь, – заявил адмирал. – Можно было и не тратить на нее времени.

– Приступаем к поиску жизни на планете номер два. Планета имеет плотную атмосферу с мощным кислотным облачным покровом и практически одинаковую температуру повсюду. Поисковый луч включен. Первый случайно выбранный участок: пусто. Второй участок: пусто… Третий участок: пусто. «Синий 84210» докладывает: на планете нет жизни.

– У меня сильное подозрение, что на третьей планете жизнь найдется. Осмотрите тридцать случайно выбранных участков, – сказал Верховный архонт; четырехмерный коммуникатор мгновенно передал его реплику вахтенному офицеру «Синего 84210», находившегося в тысяче с лишним световых лет от флагмана.

– Ваше превосходительство, у нас очень плотный график, – заметил адмирал.

– Вы получили приказ, – непререкаемо ответил архонт.

– Так точно, ваше превосходительство.

– Приступаем к поиску жизни на планете номер три. Планета имеет атмосферу умеренной плотности; бóльшая часть ее поверхности покрыта океаном…

Первая вспышка луча системы поиска жизни накрыла кружок в глубине Азии диаметром около пяти километров. Даже при свете дня воздействие луча было видно невооруженным глазом – все неживые объекты в зоне действия поля делались прозрачными. Поле легло в горы Северо-Западного Китая; при свете дня наблюдатель увидел бы захватывающее зрелище: прозрачный горный хребет преломляет лучи солнца, а земля под ногами словно исчезла, разверзнув пропасть в глубины планеты. Живые организмы – люди, деревья, трава – при этом оставались непрозрачными, и их формы четко выделялись бы на хрустальном фоне. Однако этот эффект длился всего полсекунды, которые требовались лучу для калибровки, и зрители, скорее всего, подумали бы, что им это померещилось. Кроме того, на данном участке стояла ночь.

Точно в центре поля, сформированного лучом, находилась сельская начальная школа.

– Первый случайно выбранный участок… зеленый! Докладывает «Синий 82410»: на планете номер три цели 500921473 обнаружена жизнь!

Луч начал автоматически сортировать множество выявленных форм жизни, внося их в свою базу данных в порядке сложности и в соответствии с предположительной оценкой интеллекта. В верхней части списка оказалась группа форм жизни внутри квадратного укрытия. Луч сузился и сфокусировался на этом укрытии.

Изображение с корабля «Синий 84210» пришло в интеллектуальную ауру Верховного архонта. Тот спроецировал его на черный фон и мгновенно оказался внутри проекции деревенской школы. Система обработки изображений скрыла материальный объект, отделявший ограниченное пространство от внешнего, но находившиеся там формы жизни все же было трудно разглядеть, поскольку их тела были весьма похожи на раскинувшуюся вокруг желтую поверхность планеты с высоким содержанием соединений кремния. Компьютер удалил из поля зрения все неживые объекты, включая более крупное безжизненное тело, окруженное другими существами, и теперь существа как будто висели в пустоте. И все равно они оставались тусклыми и бесцветными, как пучок желтых растений. Этот вид определенно не обладал какими-либо примечательными

фенотипическими особенностями.

Межзвездный военный корабль «Синий 84210», размером равный земной Луне, находился за орбитой Юпитера и мог сейчас рассматриваться как дополнительная планета Солнечной системы. От него исходил четырехмерный луч, практически мгновенно перемещающийся в трехмерном пространстве. Почти не затратив времени, луч достиг Земли и миновал крышу спальни сельской школы. Там он просканировал находившихся внутри восемнадцать детей вплоть до элементарных частиц и с невообразимой скоростью передал огромное количество данных обратно в космос. Память главного компьютера «Синего 84210» превышала емкостью саму Вселенную; в одно мгновение там были созданы и сохранены цифровые копии детей.

Теперь эти восемнадцать детей плавали в бесконечной пустоте, цвет которой вряд ли можно было описать. Строго говоря, у нее вообще не было определенного цвета – во все стороны простиралась безграничная прозрачность. Дети инстинктивно попытались схватиться за кого-нибудь из находившихся рядом одноклассников, но руки проходили сквозь призрачные тела, не встречая никакого сопротивления. Они пришли в ужас. Компьютер обнаружил их страх, решил, что им для комфортного ощущения среды требуется что-то знакомое, и изменил цвет фона симуляции на близкий к небу их родной планеты. Дети сразу же увидели безоблачное, без солнца, темно-синее небо. Но земли под ногами у них не было, только бесконечная синева, такая же, как и наверху, и они были единственными существами в ней. Компьютер провел повторную оценку цифровых клонов детей и обнаружил, что они все еще паникуют. За стомиллионную долю секунды он понял причину: в то время как большинство форм жизни в галактике не боялось парения, эти существа отличались тем, что жили на поверхности планеты и не владели полетом. Компьютер добавил к модели земную гравитацию и грунт. Дети с изумлением обнаружили у себя под ногами чистую белую равнину, простирающуюся в бесконечность во всех направлениях и похожую на огромный лист писчей бумаги, так как ее пересекала аккуратная, правильная черная сетка. Сразу несколько детей присели на корточки, чтобы потрогать пол, и оказалось, что это самая гладкая поверхность, к которой им случалось прикасаться; кто-то попытался пройтись, но пол совершенно не имел трения, и от него невозможно было оттолкнуться. Школьники удивлялись, почему они не падают. Один из них снял башмак и толкнул его перед собой: башмак скользил с неизменной скоростью, и дети долго смотрели, как он удалялся по прямой, не замедляясь и не ускоряясь.

Они видели в действии Первый закон Ньютона.

По цифровой Вселенной разнесся мелодичный призрачный голос:

– Приступаем к цивилизационному тесту на уровень 3Б. Первый вопрос: пожалуйста, изложите основные принципы биологической эволюции на вашей планете. Является ли она результатом естественного отбора или спонтанных мутаций?

Дети совершенно не поняли, о чем их спросили, и недоуменно промолчали.

– Цивилизационный тест на уровень 3Б, второй вопрос: пожалуйста, расскажите вкратце об источниках энергии звезды.

Молчание.

…

– Цивилизационный тест на уровень 3Б, десятый вопрос: пожалуйста, назовите химический состав жидкости, составляющей океан вашей планеты.

Дети снова промолчали.

Башмак продолжал скользить к горизонту, вот он удалился настолько, что превратился в черную точку, а потом и вовсе исчез.

– Хватит! – сказал Верховному архонту адмирал, находившийся в тысяче световых лет от него. – Такими темпами мы никогда не закончим первую стадию проекта.

Аура Верховного архонта чуть заметно завибрировала, выражая согласие.

– Сингулярную бомбу к пуску!

Луч в мгновение ока перенес команду сквозь четырехмерное пространство на «Синий 84210», осуществлявший операцию в Солнечной системе. Слабо светящийся шар плавно скатился с длинной направляющей в носовой части корабля и начал, ускоряясь под действием невидимого силового поля, приближаться к Солнцу.

Верховный архонт, сенатор и адмирал сосредоточились на другом регионе изолирующего пояса, где было обнаружено несколько обитаемых планетных систем, на которых самой высшей формой жизни являлись безмозглые черви, ползающие в грязи. Вся область заполнилась вспышками взрывающихся звезд, явственно напоминая о битве во Втором рукаве.

Вскоре незначительная часть ауры Верховного архонта обособилась от общей массы и вернулась в Солнечную систему. Он услышал голос командира «Синего 84210»:

– Приготовиться покинуть радиус взрыва. Минус тридцать до скачка. Начать отсчет!

– Подождите немного. Через сколько времени сингулярная

бомба достигнет цели? – совершенно неожиданно для адмирала и сенатора спросил Верховный архонт.

– Приближается к орбите первой планеты. До соприкосновения около десяти минут.

– Значит, у нас есть еще минут пять для того, чтобы продолжить тест.

– Так точно, ваше превосходительство.

Вахтенный офицер «Синего 84210» запустил продолжение теста.

– Цивилизационный тест на уровень 3Б, одиннадцатый вопрос: каково соотношение между сторонами прямоугольного треугольника на плоскости в трехмерном пространстве?

Молчание.

– Цивилизационный тест на уровень 3Б, двенадцатый вопрос: какое положение занимает ваша планета по отношению к другим планетам вашей звездной системы?

Молчание.

– Ваше превосходительство, это бесполезно, – вмешался адмирал.

– Цивилизационный тест на уровень 3Б, тринадцатый вопрос: как движется тело, если к нему не приложены внешние силы?

И вдруг дети, жавшиеся друг к другу под бескрайним синим небом моделированной Вселенной, хором ответили:

– Всякое тело будет находиться в состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения до тех пор, пока к нему не будет приложена сила, которая заставит его изменить это состояние.

– Ответ верный. Цивилизационный тест на уровень 3Б, четырнадцатый вопрос…

– Подождите! – крикнул сенатор, прерывая вахтенного офицера, проводившего тест. – Следующий вопрос также касается эвристики в нерелятивистской механике. Разве это не нарушает правила тестирования? – обратился он к Верховному архонту.

– Поскольку вопрос имеется в базе данных, никакого нарушения не будет, – ответил вместо архонта адмирал. Он был не на шутку поражен тем, что столь непритязательная форма жизни смогла дать верный ответ, и сразу настроился на продолжение опроса.

– Цивилизационный тест на уровень 3Б, четырнадцатый вопрос: пожалуйста, скажите, как соотносятся силы двух взаимодействующих тел?

– Если на тело действует с какой-то силой другое тело, то на второе тело действует точно такая же сила, но в противоположном направлении.

– Ответ верный! Цивилизационный тест на уровень 3Б, пятнадцатый вопрос. Пожалуйста, охарактеризуйте взаимосвязь между массой и ускорением тела, на которое действует внешняя сила.

И дети снова ответили нестройным хором:

– Ускорение тела прямо пропорционально действующей на него силе и обратно пропорционально его массе.

– Ответ верный! Вы прошли тест, подтверждающий, что цивилизация третьей планеты звезды-цели 500921473 достигла уровня 3Б.

– Отклоните сингулярную бомбу!!! Взрыв отменяется!!! – Пока приказ передавался через гиперпространство на «Синий 8420», аура Верховного архонта яростно вибрировала.

Разгонный силовой луч длиной в несколько сотен миллионов миль, бывший до этого мгновения прямолинейным, начал отгибаться от Солнца, как ветка дерева, гнущаяся под тяжестью спелых плодов. Генератор силового поля на борту «Синего 84210» работал с предельной нагрузкой; его огромный радиатор засветился сначала темно-красным, а затем ярко-белым свечением. Новый вектор тяги луча начал влиять на траекторию сингулярной бомбы, отклоняя ее от цели. Однако она находилась уже внутри орбиты Меркурия, очень близко к Солнцу, и никто не был уверен, что генератор силового поля сможет изменить курс бомбы настолько, чтобы предотвратить столкновение. Вся галактика с замиранием сердца следила из гиперпространства, как расплывчатый темный шар менял направление движения, но при этом становился все ярче; это служило тревожным признаком того, что бомба вошла в насыщенное частицами околосолнечное пространство. Капитан держал руку на красной кнопке гиперпространства, чтобы успеть в последнее мгновение увести корабль из Солнечной системы, если столкновение все же произойдет. В конце концов бомба взорвалась, не дойдя до поверхности Солнца совсем чуть-чуть, всего несколько десятков миль, и, проносясь мимо, начала всасывать огромное количество вещества из атмосферы звезды. При этом бомба вспыхнула бело-голубым светом, и на мгновение показалось, что у Солнца появилась более яркая звезда-близнец, запертая на близкой двойной орбите; этому явлению предстояло стать непосильной вечной загадкой для жителей Земли. На обращенной к бомбе стороне огненной поверхности Солнца появилась темная полоса, сходная с кильватерной струей скоростного катера на спокойной воде, гравитация несущейся черной дыры поглотила солнечный свет, оставив на поверхности Солнца темный шрам в виде полумесяца, который быстро рос и затмил все солнечное

полушарие. Когда же бомба начала удаляться от Солнца, она потащила за собой огромный протуберанец – красивую огненную нить длиной в миллион миль. Кончик протуберанца яростно выбрасывал наружу, в космос, массу вращающихся плазменных вихрей.

Удаляясь от Солнца, сингулярная бомба постепенно темнела и вскоре исчезла в бесконечной вселенской ночи.

– Мы чуть не уничтожили цивилизацию на основе углеродных соединений, – сказал сенатор, испустив вздох облегчения.

– В этой пустыне – и вдруг цивилизация уровня 3Б! До сих пор не верится! – воскликнул адмирал.

– Да. Ни Углеродная федерация, ни Кремниевая империя не рассматривали эту область в своих планах расширения и освоения. Если эта цивилизация развивалась самостоятельно, это и впрямь неслыханная редкость, – сказал Верховный архонт.

– «Синий 84210», вам предписывается остаться в звездной системе и провести на третьей планете цивилизационный тест в полном объеме, – приказал адмирал. – Ваше первоначальное задание будет поручено другому кораблю.

* * *

С учениками деревенской школы, в отличие от их цифровых дубликатов, оказавшихся за орбитой Юпитера, не случилось ничего необычного. Они все так же плакали над телом учителя в спальне, освещенной лишь тусклыми свечами, и успокоились не скоро.

– Нужно сообщить взрослым, – сказала, всхлипнув, Го Цуйхуа.

– Зачем? – отозвался Лю Баочжу, глядя в пол. – Его никто в деревне и при жизни терпеть не мог. Зуб даю, они ему даже гроб не купят.

В конце концов дети решили, что сами похоронят своего учителя. Кирками и лопатами они стали рыть могилу на холме рядом со школой, и бриллиантово-ясные звезды молча смотрели с высоты на их работу.

* * *

Сенатор изучал результаты обследования, проведенного «Синим 84210», мгновенно преодолевавшие расстояние в тысячу световых лет.

– Цивилизация на этой планете вовсе не 3Б, – воскликнул он в изумлении, – а все 5Ж!

На голограмме адмиральского салона флагмана возникла зубчатая череда небоскребов.

– Они уже начали использовать атомную энергию и могут летать в космосе, используя двигатели на химическом топливе. Они даже добрались до спутника планеты.

– Каковы основные особенности их расы? – спросил адмирал.

– Не могли бы вы сформулировать конкретнее? – осведомился офицер «Синего 84210».

– Ну, скажем, насколько развита их наследственная память?

– У них вообще нет наследственной памяти. Они всю жизнь накапливают собственные, индивидуальные воспоминания.

– Какие методы передачи информации от особи к особи они используют?

– Очень примитивный и редко встречающийся способ. У них в теле имеется небольшой по размеру орган, который создает вибрации, распространяющиеся волновым образом в атмосфере планеты; она состоит в основном из азота и кислорода. Модулируя эти волны, они кодируют информацию. Для приема модулированных волн у них имеются отдельные органы – тонкие мембраны.

– И какую же скорость передачи данных обеспечивает этот способ?

– Примерно от одного до десяти бит в секунду.

– Что? – Все, находившиеся в салоне, дружно расхохотались.

– Именно так. Мы сами сначала не поверили, но многочисленные проверки подтвердили эти данные.

– Капитан, вы что, шутить с нами вздумали?! – взревел адмирал. – Вы пытаетесь убедить нас, что организмы, *вовсе* не имеющие наследственной памяти, передающие информацию посредством звуковых волн со скоростью *от одного до десяти бит в секунду,* способны создать цивилизацию уровня 5Ж? И что они достигли этого уровня исключительно собственными силами, без поддержки со стороны развитых цивилизаций?

– Так точно, ваше превосходительство.

– В таком случае они не могут передавать знания от поколения к поколению. А эволюционное развитие цивилизации невозможно без накопления знаний!

– У них существует класс особей, составляющий небольшую часть всего населения, равномерно распределенную по всей цивилизации. Они осуществляют функции посредников при передаче знаний между поколениями.

– Это совсем уже сказки!

– Вовсе нет, – возразил сенатор. – Такая концепция существовала в галактике в доисторические времена, но и тогда она представляла собой чрезвычайно редкое явление. Вряд ли о ней знает кто-нибудь, кроме историков эволюции цивилизаций тех звездных систем, в которых она наблюдалась.

– Говоря о «концепции», вы имеете в виду передачу знаний между поколениями конкретной расы?

– Совершенно верно. Такая особь именовалась «учитель».

– Учи-тель?..

– Архаичное слово, бывшее в ходу у нескольких давно не существующих цивилизаций. Настолько редкое, что даже не вошло в большинство старинных словарных баз данных.

Масштаб голографической проекции, транслируемой из Солнечной системы, изменился; теперь она изображала шар Земли, медленно вращающийся в космосе.

– Цивилизаций, которые развивались бы самостоятельно, очень мало, – сказал Верховный архонт, – а уж о таких, что своими силами достигли бы уровня 5Ж, на Млечном Пути вообще никто не слыхал, во всяком случае, в эпоху Углеродной федерации. Мы должны предоставить этой цивилизации возможность продолжать эволюцию без внешнего воздействия, а сами будем наблюдать за ней. Это позволит нам не только глубже понять древние, утраченные цивилизации, но и, возможно, расширить наши представления о путях галактической цивилизации в более широком смысле этого понятия.

– Я прикажу «Синему 84210» немедленно покинуть звездную систему и создать вокруг нее бесполетную зону радиусом сто световых лет, – сказал адмирал.

* * *

Кто-то из страдающих бессонницей в Северном полушарии, возможно, видел, как небольшая группа звезд начала чуть заметно трепетать, затем дрожь распространилась на звезды, расположенные вокруг этой кучки, и пробежала дальше по всему ночному небу; так по неподвижной воде разбегаются круги, если опустить туда палец.

Пространственно-временная ударная волна, вызванная гиперпространственным прыжком «Синего 84210», значительно ослабла, пока достигла Земли. Все часы на планете перескочили на три секунды вперед. Люди, ограниченные трехмерным пространством, не заметили этого возмущения.

– Жаль, – сказал Верховный архонт. – Без вмешательства

более развитой цивилизации они еще две тысячи лет будут ограничены субсветовыми скоростями и трехмерным пространством. Не раньше чем через тысячу лет они научатся использовать энергию аннигиляции материи и антиматерии. Еще две тысячи лет на то, чтобы освоить передачу и прием многомерных сообщений… а что касается гиперпространственных галактических путешествий, на это у них уйдет не менее пяти тысяч лет. И лишь через десять тысяч лет – это самое меньшее – они достигнут минимальных условий для вхождения в галактическое семейство углеродосодержащих форм жизни.

– Независимая эволюция такого рода имела место лишь в доисторическую эпоху галактики, – ответил сенатор. – Если наши записи о тех временах верны, мои далекие предки жили в глубинах океана морской планеты. Они жили и умирали там во тьме, их правительства образовывались и сдавали полномочия, а затем в какой-то момент они почувствовали жажду приключений. Они запустили летательный аппарат – плавучий прозрачный шар, который медленно поднимался к поверхности океана. На поверхности они оказались глубокой ночью. Путешественники в этом корабле стали первыми из моих предков, кто увидел звезды. Вы способны представить себе их чувства? Способны представить, каким великолепным и таинственным было для них это зрелище?

– Эта эпоха была исполнена страстей и стремлений, – подхватил Верховный архонт. – Планеты земного типа были для наших предков завершенным безграничным миром. Из своего дома в зеленых водах планеты или на ее пурпурных лугах они с благоговением смотрели на звезды. Таких чувств мы не испытывали уже десятки миллионов лет.

– Я испытываю их сейчас! – сказал сенатор, указывая на голографическое изображение Земли – сияющий голубой шар, над поверхностью которого плыли, струясь и вздымаясь, белые облака. У сенатора было такое чувство, словно он нашел жемчужину в глубинах океанского дома своих предков. – Такая маленькая планета, населенная организмами, живущими своей жизнью, лелеющими свои мечты, совершенно ничего не ведающими о нас и о раздорах и разрушениях, происходящих в их галактике. Им Вселенная должна казаться бездонным колодцем надежд и мечтаний. Это похоже на древнюю песню.

И он запел. Ауры всех троих стали единым целым, покрывшись рябью розовых волн. Он пел старую песню, дошедшую от забытых истоков цивилизации. Она звучала непривычно, таинственно, одиноко, но, когда эти звуки разнеслись через гиперпространство к сотням миллиардов звезд в галактике, бесчисленные существа услышали их и ощутили

первозданный мир и покой.

– Самое непостижимое в этом мире – то, что он постижим[40], – сказал Верховный архонт.

– Самое главное, что можно постичь, изучая Вселенную, – это ее непостижимость, – ответил сенатор.

* * *

К тому времени, когда дети закончили рыть могилу, на востоке уже брезжил свет. Они отнесли туда тело своего учителя на двери, которую сорвали с классной комнаты, и опустили вместе с ним в могилу две коробки мела и потрепанный учебник. А на холмике они положили большой плоский камень и написали на нем мелом: «Могила господина Ли».

Корявые иероглифы смоет первым же дождем, и довольно скоро местные жители забудут и о могиле, и о том, кто лежит в ней.

Краешек солнца вылез из-за холмов, бросив золотой луч на спящую деревню. Заросшая густой травой долина все еще лежала в тени, но в росинках уже ярко играли отблески зари. Одна-две птицы начали робко пробовать голоса.

Дети возвращались в деревню по узкой дороге. Вскоре их не по росту длинные тени рассеялись и пропали в бледной утренней туманной дымке, поднявшейся над долиной.

Им предстояло жить на этой древней бесплодной земле, но даже неизменная скудость урожаев не сможет изгнать надежду из их сердец.

Переселенцы во времени [41]

– Что впереди? – Тех, кто придет, я вовеки не встречу. – Что позади? – Древние люди меня не встречали. Думаю я: Небо с Землею бескрайни, бескрайни – И одиноко слезы роняю в глубокой печали.

Чэнь Цзыан. Песня, написанная, когда я поднялся на террасу в Ючжоу [42]

Отъезд

Открытое письмо ко всему человечеству.

Из-за невыносимого экологического и демографического давления правительство было вынуждено начать программу переселения во времени. Первая группа из 80 миллионов переселенцев во времени переедет на 120 лет.

* * *

Посол уходил последним. Он стоял на пустой площадке перед огромным холодильником, в котором находилось 400 000 замороженных людей. Еще 200 таких же сооружений было разбросано по всему миру. «С виду это больше всего походит на гробницу», – с содроганием подумал посол.

Хуа отказалась отправиться с ним. Она соответствовала всем требованиям к переселенцам и обладала вожделенной миграционной картой, но в отличие от тех, кто стремился к новой жизни в будущем, испытывала неразрывную привязанность к нынешнему, реальному миру. Она останется здесь, а посол в одиночку отправится в путешествие протяженностью в 120 лет.

Посол отбыл час спустя, утонув в жидком гелии, который заморозил его тело почти до абсолютного нуля, как и еще 80 миллионов людей, отправившихся под его руководством в перелет по трассе времени.

Путь

Мимо скользило недоступное для восприятия время, Солнце неслось по небу падающей звездой, рождения, любовь, смерти, радости, печали, потери, погони, борьба, неудачи и все прочее, что присуще внешнему миру, неслось мимо, как товарный поезд…

…10 лет… 20 лет… 40 лет… 60 лет… 80 лет… 100 лет… 120 лет.

Остановка 1: Темные века

На всем протяжении гиперсна при самой низкой температуре, какая только бывает в природе, сознание замерзало, как и тело, и потому само существование времени оставалось незаметным, пока посол не проснулся с ощущением, что система охлаждения вышла из строя и он оттаял, едва только его успели заморозить. Но гигантский плазменный дисплей атомных часов напротив сообщил ему, что прошло 120 лет, то есть полторы жизни, и что они сделались изгнанниками во времени.

Передовая группа из 100 человек проснулась на прошлой неделе, чтобы установить контакт. Ее капитан сейчас стоял перед послом, который еще не совсем пришел в себя и был не в состоянии говорить. Капитан же в ответ на вопрошающий взгляд лишь покачал головой и вымученно улыбнулся.

Глава правительства пришел прямо в зал управления морозильника, чтобы приветствовать прибывших. Он казался усталым и каким-то потрепанным (впрочем, точно так же выглядела и вся его свита), что немало изумило посла – тот никак не ожидал увидеть такое через 120 лет после своей прежней жизни. Посол вручил письменное обращение от правительства своего времени и передал приветствия своего народа. Глава государства был немногословен, но крепко пожал руку посла. Жест был таким же грубым, как и лицо правителя, и у посла возникло ощущение, что за прошедшее время положение изменилось не настолько сильно, как он себе представлял когда-то. Ему от этого стало теплее.

Но это тепло напрочь исчезло в тот же момент, когда он вышел из морозильника. Снаружи все оказалось черным: черная земля, черные деревья, черная река, черные облака. Автомобиль на воздушной подушке, в котором они ехали, поднимал клубы черной пыли. Колонна приближающихся танков образовала линию черных пятен, движущихся по дороге, а группы

вертолетов, совершенно бесшумно проносящиеся низко над головами, казались роем черных призраков. Землю будто опалило небесным огнем. Они миновали огромную яму размером с карьер из первой части жизни посла.

– Кратер.

– От… бомбы? – с великим трудом выговорил посол.

– Да. Килотонн, наверное, пятнадцать, – небрежным тоном бросил глава правительства, словно речь шла о совершенной мелочи.

Атмосфера встречи поколений, разделенных промежутком в век с лишним, делалась все более напряженной.

– И когда же началась война?

– Эта? Два года назад.

– Вы сказали «эта»?

– С тех пор как вы отбыли, их случилось несколько.

И правитель тут же сменил тему. Он был на полтора века моложе посла, но казался ему одним из тех пожилых современников, которых всегда можно было встретить на производственных предприятиях и сельскохозяйственных фермах; эти люди неизменно замечали любые имеющиеся трудности, не позволяя ни одной ускользнуть из поля зрения.

– Мы примем всех иммигрантов и позаботимся о том, чтобы они жили в мире.

– Возможно ли это вообще – в нынешних обстоятельствах? – Вопрос был задан кем-то из сопровождающих посла, который сам хранил молчание.

– Действующая администрация и весь народ сделают все возможное, чтобы обеспечить это. Таков наш долг, – сказал правитель. – Конечно, иммигранты со своей стороны должны приложить все силы для адаптации. Это может оказаться непростой задачей, учитывая существенные изменения, произошедшие за 120 лет.

– Какого рода изменения? – спросил посол. – Здравомыслия как не было, так и нет, люди все так же воюют, все так же истребляют друг друга…

– Вы видите только внешнюю сторону событий, – сказал генерал в полевой форме. – Взять, к примеру, войну. Ведь как в наши дни сражаются между собой две страны? Во-первых, они объявляют типы и количество всего своего тактического и стратегического оружия. Затем компьютер может определить итог войны, исходя из скорости возможного взаимоуничтожения. Оружие предназначено исключительно для устрашения и никогда не используется. Война – это компьютерное моделирование, по результатам которого определяют победителя и проигравшего.

– А как определяют показатели взаимного уничтожения?

– Этим занимается Всемирная организация по испытаниям оружия. Вот в ваше время существовала… э-э… Всемирная торговая организация…

– Войны столь же упорядоченны и планомерны, как и экономика?

– Война и есть экономика.

Посол посмотрел через окно машины на черный мир.

– Но, глядя в окна, трудно поверить, будто война – это всего лишь система уравнений.

Глава государства окинул посла тяжелым взглядом.

– Мы провели все расчеты, но не поверили их результатам.

– И поэтому начали войну в стиле вашего времени. «Настоящую» войну, – добавил генерал.

Правитель снова сменил тему:

– Сейчас мы направляемся в столицу, чтобы изучить проблемы, связанные с размораживанием иммигрантов.

– Отвезите нас назад, – сказал посол.

– Что?

– Отвезите нас назад. Вам совершенно ни к чему дополнительная нагрузка, да и время – это нельзя назвать подходящим для иммигрантов. Мы продвинемся немного дальше.

Летающий автомобиль вернулся к холодильнику № 1. Прежде чем проститься, глава правительства вручил послу книгу в прочной обложке.

– Хроника минувших 120 лет, – сказал он.

Затем чиновник ввел в зал мужчину 123 лет от роду, единственного, насколько было известно, человека этой эпохи, появившегося на свет до отбытия иммигрантов и сейчас настоявшего на встрече с послом.

– После вашего ухода так много всего произошло. Так много! – Старик достал два кубка того давнего времени и до краев наполнил их спиртным. – Мои родители тоже ушли вместе с вами, когда мне было три года. Они оставили мне эти чаши, чтобы я выпил с ними, когда они оттают. Но, увы, я их так и не увижу. И вы больше не увидите ни одного человека своего времени. Я последний.

Они выпили. Посол посмотрел в сухие глаза старика, и как раз в тот момент, когда он задавал себе вопрос, почему люди этой эпохи, кажется, разучились плакать, у старика выступили слезы. Он опустился на колени и сжал руки посла.

– Берегите себя, господин. «К западу от заставы Янгуань нет старых друзей»[43].

Прежде чем тело посла ощутило стремительное охлаждение в

жидком гелии, его распадающемуся сознанию внезапно явился образ Хуа. Она стояла на палых осенних листьях, а потом листья почернели и вместо них появилась надгробная плита. Ее ли могила это была?

Путь

Во внешнем мире, недоступное для восприятия, падающей звездой неслось по небу Солнце, и скользило мимо время…

…120 лет… 130 лет… 150 лет… 180 лет… 200 лет… 250 лет… 300 лет… 350 лет… 400 лет… 500 лет… 600 лет.

Остановка 2: Эпоха вестибюля

– Почему вы не разбудили меня в положенное время и так надолго затянули перемещение? – спросил посол, с изумлением глядя на атомные часы.

– Передовая группа мобилизовывалась пять раз с интервалом в столетие и в одну эпоху даже провела десятилетие без сна, но будить вас мы не стали, потому что ни в одном из случаев иммиграция не была возможна. Таково было ваше собственное распоряжение, – напомнил капитан передовой группы. Посол наконец-то понял, что капитан выглядит заметно старше, чем при их предыдущем разговоре.

– Продолжаются войны?

– Нет. С войнами покончено навсегда. И хотя в течение первых трех столетий состояние природы продолжало ухудшаться, двести лет назад началось постепенное восстановление. Последние две эпохи отказывали иммигрантам, но эта согласилась их принять. Окончательное решение остается за вами и комиссией.

В вестибюле морозильной камеры никого не было. Когда гигантская дверь с тяжелым рокотом распахнулась, капитан прошептал послу:

– Приготовьтесь к тому, что перемены гораздо серьезнее, чем вы себе представляете.

Первые шаги, которые посол сделал в новую эпоху, сопровождались навязчивыми звуками, похожими на перезвон на ветру какой-то древней музыкальной подвески. Глубоко в хрустальной почве под ногами он увидел игру света и теней. Твердый на вид хрусталь ощущался под ногами мягким, как ковер, и каждый шаг вызывал этот перезвон колокольчиков,

порождал концентрические цветные ореолы, расходящиеся от точки соприкосновения с поверхностью, как круги по спокойной воде. И такой вот, хрустальной, поверхность земли была повсюду, насколько хватал глаз.

– Этим материалом сплошь покрыта вся земля. Весь мир кажется искусственным, – сказал капитан и рассмеялся, увидев растерянное выражение лица посла, как бы говоря: погодите удивляться – это еще только цветочки! Посол же разглядел в хрустале свою собственную тень – или скорее тени, разбегающиеся во все стороны. Он поднял глаза…

Шесть солнц!

– Сейчас глубокая ночь, но ночь отменили двести лет назад. То, что вы видите, – это шесть зеркал на синхронизированных орбитах, отражающих солнечный свет на темную сторону земли. Каждое площадью в несколько сотен квадратных километров.

– А где горы? – Посол наконец-то понял, что не видит зубчатой линии гор на горизонте. Граница между землей и небом была прямой, будто ее провели по линейке.

– Их нет. Все сровняли. Все континенты теперь представляют собой плоские равнины.

– Почему?

– Понятия не имею.

Посол вдруг подумал, что шесть солнц точь-в-точь похожи на шесть ламп в вестибюле. Вестибюль! В голове у него начала складываться какая-то картинка. Он вдруг понял, что оказался в чистой эпохе. Нигде ни пылинки, даже пятнышка. В это трудно было поверить. Земля была голой, как огромный стол. И небо было таким же чистым, сияло ясной голубизной, хотя присутствие шести солнц уменьшило его прежнюю ширину и глубину, так что оно больше напоминало купол вестибюля. Вестибюль! Его смутная идея выкристаллизовалась: весь мир превратился в вестибюль. Устланный ковром из звенящего хрусталя и освещенный шестью подвесными лампами. Безупречная, изысканная эпоха, резко контрастирующая с предыдущей тьмой. И в хрониках кочевников во времени она получит название Эпохи Вестибюля.

– Они не сочли нужным явиться, чтобы приветствовать нас? – полуутвердительно заметил посол, окидывая взглядом широкую равнину.

– Нам пришлось самим оправиться в их столицу. Несмотря на внешнюю прилизанность, этот век равнодушен и лишен даже элементарного любопытства.

– Что они думают о нашей иммиграции?

– Они согласны принять нас лишь с тем условием, чтобы

мигранты жили в резервациях и не соприкасались с обществом. А где будут эти резервации – на Земле, или на других планетах, или же в космическом городе (который мы должны будем построить сами), – решать нам самим.

– Это совершенно неприемлемо! – яростно воскликнул посол. – Все мигранты должны влиться в общество и в жизнь этого времени. Мигранты не будут второсортными гражданами! Это основополагающий принцип переселения во времени.

– Невозможно, – ответил капитан.

– Это их позиция?

– И моя тоже. Но позвольте мне закончить. Вы только что оттаяли, ну а я живу в этой эпохе уже больше полугода. Поверьте, прошу вас, – жизнь гораздо изобретательнее, чем мы привыкли считать. Даже в самом буйном воображении вы не смогли бы представить себе и десятой доли того, что она собой нынче представляет. Первобытному человеку каменного века и то гораздо легче было бы понять нашу с вами эпоху!

– Мы учитывали такую возможность еще при разработке всей программы. Именно по этой причине среди мигрантов не было никого старше 25 лет. Мы приложим все силы, чтобы выучиться всему и адаптироваться к любой обстановке!

– Выучиться? – Капитан с улыбкой покачал головой. – У вас найдется книжка? – Он указал на багаж посла. – Какая угодно.

Сбитый с толку посол достал томик «Фрегата «Паллада» Ивана Александровича Гончарова, который начал читать перед отправлением и так и оставил на середине. Капитан взглянул на заглавие и сказал:

– Откройте наугад и назовите мне номер страницы.

Посол послушно раскрыл книгу на странице 239. Капитан с точностью до буквы рассказал о том, что штурман видел в Африке.

– Понимаете? Теперь учиться вообще не нужно. Они импортируют знания непосредственно в мозг, подобно тому, как мы копировали данные на жесткие диски. Человеческая память достигла невообразимого развития. А если и ее не хватит… Взгляните-ка. – Он достал из-за уха предмет размером со слуховой аппарат. – Это блок квантовой памяти, в котором можно сохранить все книги, возникшие на протяжении истории человечества, – или, если угодно, вообще все письменные памятники вплоть до последнего клочка бумаги для заметок. Мозг может извлекать отсюда информацию, как компьютер, и делать это намного быстрее, чем при использовании своей естественной памяти. Теперь понимаете? Я – вместилище всех человеческих знаний. Если захотите, вы тоже сможете получить

все это, и потребуется вам менее часа. Так что для них обучение, которое вы имели в виду, – таинственный, непостижимый древний ритуал.

– Значит, их дети с самого рождения обладают всеми знаниями человечества?

– Дети? – Капитан снова рассмеялся. – У них нет никаких детей.

– Как это – нет?

– Я разве не упомянул о том, что семьи давным-давно исчезли?

– Вы хотите сказать, что это последнее поколение?

– Концепции поколения теперь тоже не существует.

Изумление посла сменилось недоумением, но он попытался понять услышанное. И кажется, ему это в некоторой мере удалось.

– Из этого следует, что они живут вечно, да?

– Если какой-то орган тела выходит из строя, его заменяют новым. Если из строя выходит мозг, его информацию копируют и передают в трансплантат. После нескольких столетий таких замен от человека остается одна только память. Кто может сказать, молодые они или старые? Может быть, они считают себя старыми и именно поэтому не пришли знакомиться с нами. Конечно, они могут иметь детей, если захотят, путем клонирования или старомодным способом. Но мало кто это делает. Это поколение просуществовало более трехсот лет и будет точно так же существовать дальше. Вы способны представить себе, в какой степени это определяет форму быта их общества? Эрудиция, красота и долголетие, о которых мы мечтали, в эту эпоху достигаются без всякого труда.

– Послушать вас, так они создали идеальное общество. Но есть ли все же хоть что-нибудь, чего они желают, но не могут достичь?

– Ничего такого нет. Но именно потому что у них все есть, они всего лишились. Нам трудно это понять, но для них это серьезная проблема. Так что их общество далеко не идеально.

Растерянность посла сменилась задумчивостью. Шесть солнц двигались к западу и вскоре начали скрываться за горизонтом. Когда их осталось только два, взошла Венера, а потом с востока пробились лучи восходящего истинного Солнца. Его мягкий свет немного успокоил посла: по крайней мере, хоть кое-что во Вселенной оставалось неизменным.

– Пятьсот лет – не так уж много. Почему же перемены оказались столь значительными? – спросил он, обращаясь не столько к капитану, сколько ко всему мирозданию.

– Ускорение прогресса человечества. Скажем, пятьдесят лет прогресса в наше время соответствовали предшествовавшим пяти векам. А этим пяти векам, пожалуй, можно поставить в соответствие и пятьдесят тысяч. Вы все еще считаете, что мигранты смогут адаптироваться?

– И каков же конечный пункт этого ускорения? – недобро прищурившись, спросил посол.

– Не знаю.

– В полном своде человеческих знаний, которым вы обзавелись, нет ответа на этот вопрос?

– Если можно сказать, что пребывание в этой эпохе в чем-то меня убедило, так лишь в том, что мы вышли за пределы того времени, когда все можно было объяснить знанием.

– Ну что ж, едем дальше! – решил посол. – Возьмите этот чип с собой, ну и прибор для закачки знаний в мозги.

Перед тем как погрузиться в марево гиперсна, посол снова увидел Хуа – всего один взгляд через 620 лет, незабвенный, рвущий сердце в клочья взгляд; но в стремительном потоке времени этот взгляд маяком указывал ему дом. Ему снилось облако пыли, плывущее над хрустальной землей, – неужели именно такую форму сейчас приняли ее кости?

Путь

Во внешнем мире, недоступные для восприятия, падающей звездой неслось по небу Солнце, и скользило мимо время…

…600 лет… 620 лет… 650 лет… 700 лет… 750 лет… 800 лет… 850 лет… 900 лет… 950 лет… 1000 лет.

Остановка 3: Невидимая эпоха

Герметичная дверь холодильника с глухим рокотом открылась, и посол в третий раз переступил порог неведомого века. На сей раз он мысленно подготовил себя к совершенно новой эре, но обнаружил, что перемены не столь велики, как он себе представлял.

Землю все так же покрывал хрустальный ковер, все так же сияли в небе шесть солнц. Но впечатление от этого мира было совсем не тем, что он испытал в Эпоху Вестибюля. Прежде всего, хрустальный ковер казался мертвым; он все еще светился из глубины, но свет сделался тусклым, и шаги по нему уже не отдавались чистым звоном и не сопровождались великолепными

узорами на поверхности. Четыре из шести солнц потускнели, тусклый красный свет, который они излучали, лишь обозначал их положение, но нисколько не помогал освещать лежащий внизу мир. Самым заметным изменением оказалась пыль, тонким слоем покрывавшая весь хрусталь. Небо не было чистым, его сплошь затягивали серые облака, и горизонт уже не был прямой линией. Все это создавало ощущение, что вестибюль предыдущей эпохи опустел и в него начал вторгаться мир окружающей природы.

– Оба мира отказались принять мигрантов, – сообщил капитан, возглавлявший авангардную группу.

– Оба мира?..

– Видимый и невидимый миры. Видимый – тот, который мы знаем, хотя отнюдь не такой, что нам известен. Это примерно такие же люди, как и мы, хотя большинство из них изначально состоит не из органического вещества.

– На равнине, как и в прошлый раз, никого нет, – отметил посол, напряженно вглядывавшийся вдаль.

– Люди уже несколько сотен лет практически не ходят по земле. Смотрите. – Капитан указал вдаль и вверх, и посол разглядел сквозь пыль и облака неясные летающие объекты, на таком расстоянии казавшиеся лишь скоплением черных точек. – Возможно, это самолеты, а возможно, люди. Любая машина может быть чьим-то телом. Например, корабль в океане – тело, а управляющая им компьютерная память – копия человеческого мозга. У людей обычно есть по несколько тел, одно из которых похоже на наше. И это, хотя и самое хрупкое, считается у них самым важным, возможно, из-за своеобразной ностальгии.

– Нам что, сны снятся? – пробормотал посол.

– По сравнению с видимым миром невидимый все равно что сон.

– Я, кажется, понимаю, что это может представлять собой. Люди даже не заменяют тела машинами, а вовсе обходятся без них.

– Совершенно верно. Невидимый мир существует в суперкомпьютере, и каждый индивидуум – это особая программа для него.

Капитан указал вперед, на одиноко возвышавшуюся на горизонте вершину, сверкающую металлическим синим в свете искусственных солнц.

– Это континент невидимого мира. Помните маленькие чипы квантовой памяти, которые видели в прошлый раз? Эта гора состоит только из них. Не уверен, что вы в состоянии вообразить, какова мощность этого компьютера.

– Но что же представляет собой жизнь внутри машины, где

люди – всего лишь набор квантовых импульсов?

– Потому-то человек может делать все, что заблагорассудится, и создавать все, что пожелает. Можно построить империю с населением в сто миллиардов человек и царствовать в ней, или можно крутить тысячу любовных романов, или сражаться в десяти тысячах войн и погибнуть сто тысяч раз. Каждый является полновластным хозяином своего личного мира, где он могущественнее, чем бог. Можно создать даже свою собственную Вселенную с миллиардами галактик, содержащих миллиарды планет, каждая из которых может быть не похожей на любой другой мир, какой вы пожелаете, или даже такой, какой не рискнете пожелать. И не стоит тревожиться из-за того, что не хватит времени все это испытать. При компьютерных скоростях каждую секунду проходят столетия. Для тех, кто обитает внутри, единственное ограничение – собственное воображение. В невидимом мире воображение и реальность – это одно и то же. Все, что появляется в воображении, становится реальностью. Конечно, как вы сказали, реальность в квантовой памяти – это набор импульсов. Люди этой эпохи постепенно переселяются в невидимый мир, и сейчас их там больше, чем в видимом мире. Копия мозга может находиться в обоих мирах, но невидимый мир подобен наркотику. Никто из испытавших жизнь там не хочет возвращаться обратно. Наш мир с его заботами для них все равно что ад. Невидимый мир одерживает верх и постепенно берет под свой контроль всю реальность.

Словно лунатики в тысячелетнем забытьи, они, забыв о времени, смотрели на гору квантовой памяти и вернулись к реальности лишь после того, как истинное Солнце появилось на востоке, как неизменно делало на протяжении миллиардов лет.

– И что же будет дальше? – спросил посол.

– Будучи программой в невидимом мире, легко создать множество копий самого себя, а любые элементы своей личности, которые почему-то не нравятся – например, чрезмерные эмоциональность и ответственность, – можно ликвидировать или изъять про запас, на случай если они когда-нибудь понадобятся. И это еще не все. Можно разделить себя на несколько частей, представляющих различные аспекты вашей личности. Можно объединиться с кем-то еще, чтобы сформировать новое «я» из двух разумов и воспоминаний. Причем слиться можно не с одним, а с несколькими, с десятками, с сотнями людей… Но я лучше остановлюсь – от одного этого перечисления вполне можно спятить. В невидимом мире в любой момент может случиться все что угодно.

– А потом?

– Тут я могу только предполагать. Самые явные признаки указывают на исчезновение личности; все обитатели невидимого мира сольются в единую программу.

– Ну а после этого?

– Просто не знаю. Это философский вопрос, ну а я после стольких разморозок опасаюсь философии.

– А я напротив. Теперь я стал философом. Вы совершенно правы в том, что вопрос философский и искать ответ нужно с философских позиций. Вообще-то задуматься об этом следовало уже давно, но и сейчас еще не поздно. Конечно, философия – это туманная материя, но, по крайней мере для меня, в этом тумане имеется просвет, и на мгновение или, может быть, почти на мгновение я вижу, куда ведет этот путь.

– Пора завершать наше кочевье, – сказал капитан. – Чем дальше мы полезем, тем труднее будет мигрантам адаптироваться к новым условиям. В крайнем случае можно восстать и начать борьбу за свои права.

– Это невозможно. И в этом нет никакой нужды.

– Вы считаете, что у нас есть иной выбор?

– Конечно есть. Более того, этот выбор столь же очевиден, как солнце, что встает сейчас перед нами. Пригласите, пожалуйста, инженера.

Инженера разморозили вместе с послом, и сейчас он осматривал и ремонтировал оборудование. Ему приходилось просыпаться чаще всех, и теперь он из молодого человека превратился в старика. Когда совсем ничего не понимающий капитан привел его, посол спросил:

– Сколько времени проработают наши морозильники?

– Изоляция в отличном состоянии, и термоядерный реактор работает нормально. В Эпоху Вестибюля мы заменили все холодильное оборудование на их технологию и пополнили термоядерное топливо. Все двести морозильных камер без какой-либо замены оборудования или иного технического обслуживания прослужат 12 000 лет.

– Отлично. В таком случае установите на атомном будильнике окончательное назначение. Все вновь укладываются в гиперсон. И чтобы никто не просыпался, пока мы не прибудем в нужное время!

– И точка назначения…

– 11 000 лет от начала пути.

Снова Хуа вошла в распадающееся сознание посла. Она выглядела реальнее, чем когда-либо: ее длинные волосы развевались на холодном ветру, в больших глазах стояли слезы, и она звала его. Прежде чем погрузиться в пустоту

бессознательного состояния, он сказал: «Хуа, мы возвращаемся домой! Мы возвращаемся домой!»

Путь

Во внешнем мире, недоступном для восприятия, падающей звездой неслось по небу Солнце, и скользило мимо время…

…1000 лет… 2000 лет… 3500 лет… 5500 лет… 7000 лет… 9000 лет… 10 000 лет… 11 000 лет.

Остановка 4: Возвращение домой

На сей раз время казалось бесконечным даже в гиперсне. За долгую десятитысячелетнюю ночь, за сто веков ожидания, в сон погрузился даже компьютер, неустанно контролировавший работу двухсот суперфризеров, разбросанных по всему миру. За последнее тысячелетие начали выходить из строя его детали, один за другим закрывались бесчисленные сенсорные глаза, постепенно впадали в паралич нервы интегральных схем, термоядерный реактор почти прекратил выработку энергии, в результате чего несколько последних десятилетий морозильные камеры сохраняли абсолютный холод только благодаря изоляции. Затем температура стала повышаться, быстро достигнув опасного уровня, и жидкий гелий начал испаряться. Давление внутри камер гиперсна резко возросло, и казалось, что все скитальцы, совершившие путь длиной в 11 000 лет, вот-вот погибнут во взрыве, так и не узнав, что с ними произошло. Но затем последняя оставшаяся пара открытых глаз компьютера заметила время на атомных часах, и тиканье последней секунды вынудило его древнюю память послать слабый сигнал, включающий систему пробуждения. Импульс ядерного магнитного резонанса за долю секунды расплавил клеточную жидкость в телах капитана авангардной группы и сотни его подчиненных членов отделения от абсолютного нуля, а затем нагрел ее до нормальной температуры тела. Через день люди вышли из морозильной камеры. Еще через неделю они разбудили посла и всю миграционную комиссию.

Стоило тяжеленной двери холодильника чуть-чуть приоткрыться, как внутрь ворвался ветерок. Посол вдохнул наружный воздух; здесь пахло не так, как во время трех предыдущих пробуждений, – здесь пахло цветами. Пахло весной, пахло домом. Он практически не сомневался в том, что давным-

давно принял верное решение.

Посол и комиссия, приданная ему в помощь, первыми вступили в эпоху своего конечного назначения.

Земля, бесспорно, была землей, хоть ее и нельзя было толком рассмотреть сквозь зеленую траву, которая покрывала ее, насколько хватало глаз. Совсем рядом с дверью холодильника по ложу из россыпи камней изумительных цветов протекал ручей с абсолютно прозрачной водой, в которой лениво плавали непуганые рыбы. Двое молодых людей из авангардной группы прошлись босиком по размокшей почве, умыли лица, и ветерок разнес по ближней округе их радостный смех. С голубого неба, по которому плыли снежно-белые облака, смотрело только одно солнце. В зените, не шевеля крыльями, описывал круги орел, а вокруг перекликались птицы помельче. Горизонт снова замыкал поросший густым лесом горный хребет, исчезнувший много тысяч лет назад, в Эпоху Вестибюля…

После предыдущих трех эпох мир, открывшийся перед ним, показался послу довольно безликим, но именно эта безликость вырвала у него горячие рыдания. После странствия длиной в 11 000 лет ему – и всем им – она была позарез нужна, был позарез нужен мир, мягкий и теплый, как гусиный пух, к которому они могли бы приложить свои растерзанные, измученные умы.

На равнине, тянувшейся до самых гор, не было видно и следа человеческой жизни.

Капитан авангардной группы подошел и демонстративно встал перед послом и толпившейся за его спиной комиссией, пытавшимися осознать, что все они пережили Судный день человечества.

– Все кончено, – сказал он.

Все совершенно правильно поняли, что он имел в виду. Люди еще довольно долго стояли молча под священным голубым небом на зеленой траве и с деланым спокойствием осознавали реальное положение дел.

– Вы узнали причину? – спросил посол.

Капитан отрицательно покачал головой.

– Природные катаклизмы?

– Нет, природа здесь ни при чем. И войны тоже не было. Вообще никаких причин, которые могли бы прийти на ум…

– Останки?

– Никаких. Вообще ничего не осталось.

Члены комиссии собрались в кружок и принялись наскоро обсуждать обстановку.

– Может быть, признаки переселения в космос?

– Нет. Все ближайшие планеты вернулись к тому состоянию, какое было до их освоения человечеством. И никаких признаков, позволяющих предположить межзвездную миграцию.

– Совсем ничего не осталось? Ни крошки?

– Именно так. Ровным счетом ничего. Горы восстановлены из камня и грунта с океанского дна. Растительность и вообще природа отлично возродились, но никаких следов человеческого труда не видно. Имеются памятники древности, существовавшие хотя бы за век до того, что когда-то называлось «нашей эрой», а вот ничего более нового нет. Экосистемы самостоятельно существуют не менее пяти тысяч лет, а природа сходна с неолитической, хотя и не столь богата видами.

– Как могло случиться, что ничего не осталось?

– Во всяком случае, предшественники определенно не хотели ничего сообщать нам.

И все снова умолкли.

Тишину нарушил капитан:

– Вы ведь предвидели это, верно? – обратился он к послу. – И, несомненно, у вас есть соображения о причинах.

– Мы можем даже точно знать причины, но никогда не поймем их. Их корни лежат глубоко в философской области. Коротко говоря, достигнув высшей точки в своем медитативном бытии, они решили, что самым рациональным выбором будет небытие.

– Я в прошлый раз говорил вам, что боюсь философии.

– Ладно. Давайте тогда временно отбросим философию. – Посол сделал несколько шагов вперед и повернулся к комиссии: – Мигранты прибыли в пункт назначения. Приступайте к всеобщей разморозке!

Последний мощный энергетический всплеск 200 термоядерных реакторов позволил произвести импульс ЯМР, который разморозил 80 миллионов человек. На следующий день человечество вышло из морозильных камер и расселилось по континентам, которые оставались безлюдными в течение нескольких тысяч лет. На равнине перед морозильной камерой № 1 собрались десятки тысяч людей, перед которыми на большом балконе над входом стоял посол. Ближайшие слушали, что он говорил, и передавали его слова, и они, как круги на воде, расходились все дальше и дальше, до границ толпы.

– Сограждане! Мы намеревались переместиться на 120 лет, но оказались за 11 000 лет от момента старта. Вы сами все видите. Все, кто был до нас, исчезли, и от человечества остались только мы. Они ничего не оставили нам и в то же время оставили всё. Последние несколько дней мы искали хоть какое-нибудь

послание от них, хотя бы пару слов, но так ничего и не нашли. Вообще ничего. Может быть, им было нечего сказать? Отнюдь не так! Они все сказали своими деяниями. Голубое небо, зеленая трава, горы и леса, воссозданная природа – вот их прощальное послание нам. Посмотрите на зеленеющую землю – это наша мать. Источник нашей силы! Основа нашего существования и место вечного упокоения! Человечеству предстоит еще много ошибаться, предстоит одолевать пустыни невзгод и отчаяния, но если мы не порвем корни, связывающие нас с матерью-землей, то не исчезнем подобно им. Какими бы ни были трудности, жизнь и человечество все преодолеют. Сограждане, теперь это наш мир, и мы вступаем в новый круг человеческого бытия. Мы начинаем, не имея ничего, если не считать всего наследия человечества.

Посол вскинул над головой руку, держа двумя пальцами квантовый чип из Эпохи Вестибюля, содержавший в себе полный свод человеческих знаний. И вдруг он осекся и уставился на крошечную черную точку, быстро пробиравшуюся сквозь толпу. Когда она приблизилась, он разглядел черные волосы, которые видел бесчисленное количество раз в своих снах, и глаза, которые, как он считал, превратились в прах сто веков назад. Хуа не осталась в прошлом 11 000 лет назад, она все же пошла за ним и пересекла бесконечную пустыню времени по его следу. Когда они обнялись, небо, земля и человек стали единым целым.

– Да здравствует новая жизнь! – выкрикнул кто-то.

– Да здравствует новая жизнь! – раскатилось по просторной равнине. Над головами людей, весело распевая, кружились стаи птиц.

И конец всего стал началом.

1 апреля 2018 года [44]

И сегодня я опять не могу принять решение. Уже пару месяцев я еле волочу ноги, как будто бреду через болото по густому слежавшемуся илу. Я чувствую, что моя жизнь проходит в десятки раз быстрее, чем раньше, где «раньше» – это до того, как я придумал план, до того, как генетическое продление стало коммерческим предприятием.

Я смотрю вдаль из окна верхнего этажа офисного здания. Город расстилается подо мной, как кремниевая матрица, и я не более чем один из электронов, бегущих по его плотно уложенным дорожкам нанометровой ширины. Я действительно ничего особенного собой не представляю. Решения, которые я принимаю, не имеют большого значения. Как бы мне решиться… Но и сегодня, как и много раз раньше, решиться мне не удается. Колебания продолжаются.

Адрон снова приходит с опозданием; вместе с ним в офис врывается порыв ветра. На лице у него синяк. На лбу повязка, но он, кажется, полностью владеет собой. Голову он держит высоко, как будто демонстрирует медаль. Его стол напротив моего. Он садится, включает компьютер, затем пристально смотрит на меня, явно ожидая от меня вопроса. Однако меня не интересует, что с ним случилось.

– Ты смотрел телевизор этой ночью? – взволнованно спрашивает Адрон.

Он явно имеет в виду нападение «Справедливой жизни» на больницу в центре города, где находится крупнейший в стране Центр генетического продления. Два длинных черных шрама от копоти уродуют белоснежный фасад больницы, как будто по ухоженному, гладкому, как нефрит, личику красавицы мазнули испачканными сажей пальцами. Устрашающий вид. «Справедливая жизнь» – самая многочисленная и притом самая экстремистская из многих групп, выступающих против генетического продления. Адрон состоит в ней, но по телевизору я его не разглядел. Толпа у больницы бурлила, как океанский прилив.

– У нас только что прошло общее собрание. Ты же знаешь политику компании. Нет, конечно, ты можешь продолжать в том же духе, но потом не удивляйся, что будет не на что еды купить, – говорю я.

Генетическое продление – это разговорное сокращение названия «Технология продления жизни путем преобразования генов». Удалив те сегменты генов, которые отвечают за

биологические часы, управляющие старением, среднюю продолжительность человеческой жизни можно продлить до 300 лет. Эта технология начала коммерциализироваться пять лет назад. Поскольку дело очень дорогое, то программа стала источником социального возмущения, охватившего все нации и государства мира. В здешних краях генетическое продление для одного человека стоит столько же, сколько особняк. Очень мало кто может себе позволить такое.

– Плевать, – говорит Адрон. – Мне не прожить и сотни лет. И чего же я буду переживать из-за этого?

Он закуривает сигарету. Курение в офисе строго запрещено. Он ведет себя так, будто хочет показать, как мало его это волнует.

– Завидуешь. Зависть опасна для здоровья. – Я отмахиваюсь от дыма, который лезет в глаза. – В прошлом тоже очень много людей умирало, не дожив даже до старости, потому что у них не было денег на медицинское обслуживание.

– Это не одно и то же. Медицинское обслуживание может позволить себе практически любой. Но теперь девяносто девять процентов беспомощно смотрят на один процент, который забрал себе все деньги и благодаря этому доживет до трехсот. Я не боюсь признаться, что завидую. Именно зависть делает общество справедливым. – Он наклоняется ко мне из-за стола: – Ты так уверен, что не завидуешь? Присоединяйся к нам.

От пристального взгляда Адрона меня пробирает дрожь. На мгновение мне кажется, что он видит меня насквозь. Да, я хочу стать одним из тех, кому он завидует. Я хочу генетически продлить свою жизнь.

На самом деле денег у меня не так уж много. Мне за тридцать, но я пока ничего не добился в жизни. И работаю до сих пор на весьма низовой должности. Зато в финансовом отделе. Масса возможностей для хищения средств. Много лет я готовился и планировал, и теперь все на мази. Осталось щелкнуть мышкой – и пять миллионов, которые нужны мне для генетического продления, поступят на мой секретный банковский счет. Оттуда они будут переведены на счет Центра генетического продления. Как-никак это моя специальность. Я установил в лабиринте финансовой системы многослойный камуфляж. Пропажа денег обнаружится самое раннее через полгода. После этого меня уволят с работы, отдадут под суд, который лишит меня всего, что имею, я буду страдать от неодобрительных взглядов бесчисленного множества людей…

Но к тому времени я получу возможность прожить триста лет.

И все же я продолжаю сомневаться.

Я тщательно изучил законы. Хищение наказывается штрафом

в пять миллионов юаней и лишением свободы не более чем на двадцать лет. А через двадцать лет у меня все равно останется впереди двести с лишним лет полноценной жизни. Ну, и поскольку арифметика настолько проста, остается вопрос: неужели никто, кроме меня, не догадается провернуть подобное? Вообще-то, для того чтобы попасть в число генетически продленных, можно пойти на любое преступление, за исключением тех, что караются смертной казнью. Итак, много ли таких, как я, – которые подготовились к этой процедуре, но все еще колеблются? Как подумаю об этом, хочется начать прямо сейчас, но в то же время непроизвольно содрогаюсь.

Главная причина моего колебания – Цзянь Цзянь. И она вовсе не связана с вопросом «зачем?». До встречи с Цзянь Цзянь я не верил, что в мире есть любовь. После встречи с нею я не верю, что в мире есть что-то, кроме любви. Если я оставлю ее, какой смысл будет жить хоть две тысячи лет? На одной чаше весов жизни лежат два с половиной столетия жизни, на другой – боль от расставания с Цзянь Цзянь. И они практически уравновешивают друг друга.

Начальник отдела созывает совещание. По выражению его лица я могу догадаться, что оно посвящено не планированию работы. Скорее речь пойдет о каком-то определенном человеке. Конечно же, шеф начинает с того, что сегодня хочет поговорить о недопустимом поведении некоторых сотрудников. Я не смотрю на Адрона, но знаю, что его ждут неприятности. Шеф, однако, называет другое имя.

– Лю Вэй, согласно достоверным источникам, вы записались в IT-республику?

Лю Вэй кивает с выражением несломленной решимости, какое было у Людовика XVI, идущего к гильотине.

– Это не имеет никакого отношения к работе. И вовсе незачем противопоставлять работу моим личным свободам.

Шеф сурово покачал головой и ткнул пальцем в его сторону.

– В мире найдется очень мало такого, что не было бы связано с работой. Не стоит переносить свои юношеские идеалы, уместные для студента колледжа, на рабочее место. Если страна может позволить во всеуслышание осуждать своего президента прямо на центральной улице, это называется демократией. А вот если все перестанут слушаться своих начальников, то страна определенно рухнет.

– Виртуальная нация вот-вот будет признана.

– Признана? Кем? Организацией Объединенных Наций? Или мировыми державами? Пустые фантазии!

Произнося последнюю фразу, шеф кривил душой.

Территория, подвластная человечеству, разделена на две части. Одна часть – это континенты и острова планеты Земля. Другая часть – киберпространство. Эволюция последнего повторяет историю человечества, только идет в сто раз быстрее. Каменный век с его разобщенностью прошел в киберпространстве за несколько десятков лет, после чего сами собой возникли нации. Виртуальные нации формировались на двух основах. Первая – всевозможные системы электронных досок объявлений, собранные воедино. Вторая – массовые многопользовательские онлайн-игры. Виртуальные нации сходны устройством с традиционными – у них также имеются главы государств и законодательные органы. У них даже есть онлайн-вооруженные силы. А вот границы и гражданство у них определяются по-другому. Основными организующими принципами виртуальных наций являются убеждения, добродетели и профессии. Граждане каждой виртуальной нации разбросаны по всему миру. Виртуальные нации с общим населением более двух миллиардов человек создали виртуальную Организацию Объединенных Наций, сопоставимую с реальной. Это огромное политическое образование, которое пересекается с традиционными нациями.

IT-республика – это сверхдержава в виртуальном мире. Ее население, уже перевалившее за восемьдесят миллионов человек и продолжающее быстро расти, состоит в основном из IT-специалистов, а сама страна обладает огромным силовым потенциалом в противостоянии реальному миру и предъявляет к нему агрессивные политические требования. Я не знаю, какое гражданство у Лю Вэя. Говорят, что глава IT-республики – обычный сотрудник какой-то IT-компании. И наоборот, уже не одного главу реальной нации разоблачили как обычного гражданина нации виртуальной.

Шеф делает всем строгое предупреждение: никому недопустимо иметь второе гражданство. Он спокойно позволяет Лю Вэю пройти в кабинет президента и на этом заканчивает собрание. Но мы не успели встать с мест, как Чжэн Лили, которая, как всегда, слушала, не сводя глаз с экрана своего компьютера, издает оглушительный вопль. Случилось что-то ужасное. Все кидаются смотреть новости.

Я, даже не дойдя до стола, тоже прерываю обычную работу компьютера и переключаю его на новостной канал. Диктор программы новостей в ступоре. Он объявляет, что Организация Объединенных Наций проголосовала против резолюции 3617, то есть отвергла запрос IT-республики о дипломатическом признании, который перед этим поддержал Совет Безопасности. В ответ IT-республика объявила войну реальному миру и полчаса

назад начала атаку на мировые финансовые системы.

Я смотрю на Лю Вэя. Похоже, это его тоже удивило.

Картинка меняется на изображение большого города с высоты птичьего полета: улицы с высокими зданиями и транспортные пробки на них. Люди по одному выскакивают из машин, цепочками высыпают из зданий и обнимаются. То, что нам показывают, похоже на последствия сильного землетрясения. В кадре появляется большой супермаркет. Толпа наплывает, как прилив. Обезумев, люди хватают банки и пакеты с едой. Стеллажи трясутся, шатаются и падают, увлекая соседние, как песчаные отмели, разбитые приливной волной…

– Что происходит? – спрашиваю я в ужасе.

– Ты все еще не понял?! – кричит Чжэн Лили. – Больше нет ни богатых, ни бедных. Все остались без гроша. Теперь только воруй или помирай с голоду!!!

Конечно, я понимаю, но не смею поверить, что кошмар сделался реальностью. Монеты и бумажные деньги перестали циркулировать три года назад. Даже для покупки пачки сигарет в киоске на уличном тротуаре требуется устройство для считывания карт. Что такое богатство в наш тотально информационный век? В конечном счете, это не более чем цепочки импульсов и магнитных меток внутри компьютерной памяти. Что касается этого грандиозного офисного здания, то, если удалить электронные записи в соответствующих отделах, даже если компания имеет право собственности, никто того права не признает. Что такое деньги? Деньги ни хрена не стоят. Деньги – это всего лишь цепочка электромагнитных меток, даже мельче бактерий, и импульсов, которые могут бесследно исчезнуть в мгновение ока. Что касается IT-республики, то ее граждане – почти половина IT-работников в реальном мире. Так что технически стереть эти метки чрезвычайно просто.

Программисты, сетевые инженеры и администраторы баз данных из основного подразделения IT-республики. Они представляют собой новую инкарнацию промышленной армии XIX века в XXI веке с той лишь разницей, что физический труд с тех пор сменился умственным, который делается все изощреннее и сложнее. Они работают с кодом, расплывчатым, как густой туман, с невероятно сложным сетевым оборудованием и запутанным программным обеспечением. Подобно докерам двухсотлетней давности, они несут на своих спинах тяжелый груз. Они, как проститутки, спешат максимально использовать ночное время, чтобы вовремя выполнить свои задания.

Информационные технологии развиваются семимильными шагами. И у каждого, за исключением тех, кому посчастливилось

подняться на руководящую должность, знания и навыки быстро устаревают. Свежеиспеченные айтишники сыплются из университетов, как голодные термиты. Стариков (они на самом деле вовсе не старые, в основном лет тридцати с небольшим) вытесняют на обочину, заменяют и бросают на произвол судьбы. Новичкам, однако, не стоит обольщаться насчет своего будущего. Подавляющее большинство из них не имеет никаких долгосрочных перспектив… Этот класс получил новое название: технологический пролетариат.

Не говорите, что мы ничем не владеем. Мы близки к тому, чтобы переформатировать мир! Интернационал в новой, извращенной, форме.

Мысль поражает меня, как молния. О нет. Мои деньги, те, что еще не принадлежат мне, но купят мне более двухсот лет жизни, – неужели их тоже уничтожат? Но разве результат не будет таким же, если все переформатируют? Мои деньги, мое генетическое продление, мои мечты… У меня темнеет перед глазами. Я мечусь по офису, как обезглавленная курица.

Чжэн Лили разражается диким хохотом, и я останавливаюсь. Она продолжает хохотать, скрючившись, упершись руками в колени, совсем рядом со мной.

– С Днем дурака! Первое апреля! – говорит рассудительный Лю Вэй, бросая взгляд на сетевой коммутатор в углу офиса.

Офисная сеть не подключена к внешнему миру. Ноутбук Чжэн Лили стоит рядом с коммутатором, выступая в качестве сервера. Ах ты сука! Должно быть, ей пришлось немало потрудиться, чтобы разыграть эту первоапрельскую шутку, прежде всего отыскать эпизоды из новостей и смонтировать их. Впрочем, сляпать эти кадры мог бы и любой из штатных специалистов, успешно прикидывающихся серьезными людьми, с помощью 3D-моделирования. Это не так уж трудно.

Вроде бы никому больше шутка Чжэн Лили не показалась чересчур дерзкой. Адрон снова смотрит на меня с тем же выражением, что и раньше: «Ой, да ладно! Если все сделать правильно, у них волосы дыбом встанут. Чего тут бояться?» Он указывает пальцем вверх, подразумевая высшее начальство.

Я покрываюсь холодным потом и снова задаюсь вопросом: неужели он и впрямь видит меня насквозь? Однако сильнее всего меня пугает не это.

Действительно ли переформатирование мира – просто безумный бред экстремистов IT-республики? Действительно ли то, что нам только что показали по телевизору, всего лишь первоапрельская шутка? Долго ли еще выдержит волосок, на котором висит меч?

И словно вспыхивает яркий свет, разгоняющий тьму. Мои сомнения исчезают. Я принимаю решение.

Я прошу Цзянь Цзянь встретиться со мной сегодня вечером. Когда я вижу ее на фоне моря городских уличных фонарей, мое ожесточенное сердце снова смягчается. Она кажется нежной, как пламя свечи, которое может погаснуть от малейшего дуновения ветерка. Нет, я не в состоянии причинить ей боль! Когда она подходит ближе и я вижу ее глаза, чаша весов в моем сердце уже полностью склонилась в другую сторону. Зачем мне вообще эти двести с лишним лет – без нее? И разве можно верить банальной фразе, что, дескать, время лечит все раны? Будущее вполне может оказаться просто двумя столетиями непрерывного страдания. Меня, в сущности, чрезвычайно эгоистичного человека, любовь возносит на поднебесные высоты.

Однако Цзянь Цзянь заговаривает первой. Неожиданно я слышу от нее именно то, что приготовился ей сказать, слово в слово:

– Знаешь, я давно уже собиралась сказать тебе, но никак не могла решиться. Я думаю, нам следует расстаться.

– Почему? – спрашиваю я, совершенно ошарашенный.

– Пройдет много времени, а я все еще буду молода. А ты постареешь.

Я долго не могу понять, что же она имеет в виду. Но потом до меня доходит, что на самом деле означало выражение ее лица, разбившее мне сердце. Я-то было решил, что она видит меня насквозь или догадывается, что я собираюсь сделать. Меня раздирает смех. Сначала я сдерживаюсь, но он все же прорывается, и я уже хохочу в голос, запрокинув голову. Какой же я идиот! Я совершенно не думал о том, в какую эпоху мы живем и какие соблазны она раскрывает перед нами. Отсмеявшись, я чувствую облегчение. Даже тело ничего не весит, и меня может унести ветерком. И при этом я искренне рад за Цзянь Цзянь.

– Откуда у тебя столько денег? – спрашиваю я.

– Мне только-только одной хватит, – чуть слышно отвечает она и отводит глаза от моего взгляда.

– Я понимаю. Да это и неважно. Я имею в виду, что ведь и для одной тоже обойдется очень дорого.

– Папа немного подкинул. Ста лет вполне достаточно. Я и сама немного сэкономила. К тому времени должны набежать большие проценты.

Я ошибся в своих предположениях. Она не генетическое продление затеяла. Она хочет залечь в спячку. Так называют в просторечии гибернацию – еще одно из достижений биологии, недавно пущенное в коммерческий оборот. При температуре

около пятидесяти градусов ниже нуля специальные химические препараты и система искусственного кровообращения снижают метаболизм до одного процента от нормы. Тот, кто впадает в спячку на сто лет, состарится только на один год.

– Жизнь слишком утомительна и скучна. Я просто хочу сбежать, – говорит Цзянь Цзянь.

– Но удастся ли тебе снова сбежать через сто лет? К тому времени все твои научные заслуги будут никому не нужны. Придется приспосабливаться к совершенно новому обществу. Как ты думаешь – справишься?

– Со временем все меняется к лучшему. Если уж мне не удастся сразу снова впасть в спячку, можно будет заняться генетическим продлением жизни. К тому времени цены на него должны стать общедоступными.

На этом наш разговор с Цзянь Цзянь завершается, и мы расходимся в разные стороны. Возможно, через сто лет мы сможем встретиться снова, но я ничего ей не обещал. К тому времени она будет такой же, как сейчас, ну а мне будет уже более ста тридцати лет, и я неизбежно изменюсь.

С ее уходом мои колебания заканчиваются. Я достаю мобильный телефон, вхожу в систему онлайн-банкинга и немедленно перевожу пять миллионов на банковский счет Центра генетического продления. Время уже близится к полуночи, но, несмотря на поздний час, мне сразу же звонит директор Центра. Он говорит, что процедуры по улучшению моих генов могут начаться завтра. Если все пойдет благополучно, все закончится через неделю. Он по собственной инициативе подтверждает обязательство Центра хранить тайну. Когда все это только начиналось, личности новоявленных долгожителей не скрывали, и уже трое из них убиты.

– Вы не раскаетесь в своем решении, – говорит директор. – Ведь вы же получите не только два с лишним столетия жизни, но, может быть, и целую вечность.

Я понимаю, что он имеет в виду. Кто знает, какие технологии могут появиться через два века? Возможно, к тому времени научатся копировать сознание и память, создавать постоянные резервные копии, которые можно будет при желании вложить в новое тело. Возможно, мы научимся и вовсе обходиться без тел. Наши сознания будут, как боги, перемещаться по сети и познавать мир и Вселенную через бесчисленные сенсоры. Это действительно вечная жизнь.

Директор продолжает:

– Поистине, имея время, имеешь все. Будь у обезьяны достаточно времени, она, произвольно нажимающая клавиши

пишущей машинки, сможет напечатать полное собрание сочинений Шекспира. И как раз временем вы располагаете.

– Я? Не мы?

– Я не проходил генетического продления.

– Почему?

Следует продолжительная пауза, потом он говорит:

– Мир меняется слишком быстро. Слишком много возможностей, слишком много соблазнов, слишком много желаний, слишком много опасностей. У меня голова идет кругом при мыслях об этом. Когда все сказано и сделано, ты все тот же, каким был. Но не волнуйтесь. – И он слово в слово повторяет то, что недавно сказала Цзянь Цзянь: – Со временем все меняется к лучшему.

Сейчас я сижу в своей тесной квартирке и делаю запись в дневнике. Никогда прежде я не вел дневников. Но теперь я буду вести, потому что необходимо что-то оставить после себя. Время тоже позволяет любому лишиться всего, что имел. Я знаю. Я – не просто долгожитель. Тот человек, которым я стану через два века, наверняка будет совсем чужим. На самом деле, если хорошенько подумать, то, что я представлял себе сначала, очень сомнительно. Союз моего тела, памяти и сознания постоянно меняется. Я до расставания с Цзянь Цзянь, я до того как заплатил украденные деньги, я до разговора с директором, даже тот я, что был перед тем, как напечатал «даже», – все они уже разные люди. И от осознания этого мне становится легче.

Но я должен что-то оставить после себя.

В темном небе за окном предрассветные звезды источают свой последний бледный свет. В городе, залитом ярким морем уличных фонарей, звезды кажутся тусклыми. Я могу просто сделать вид, будто не замечаю их. Однако они являются символом вечности. Нынче ночью я не имею понятия о том, сколько существует таких, как я, сколько людей насчитывается в новом поколении, отправляющемся в путешествие. Хорошо ли, плохо ли, но мы будем первым поколением, которое по-настоящему прикоснется к вечности.

Пылающие недра [45]

Жизнь отца подошла к самому концу. Он даже дышал с большим трудом, тратя на каждый вздох больше усилий, чем мы – ворочая стокилограммовые стойки крепи в шахте. Лицо его сделалось совсем белым, глаза выпучились, а губы посинели от недостатка кислорода. Казалось, будто вокруг его шеи медленно затягивалась невидимая веревка, сводя все немудрящие надежды и мечты его тяжелой жизни к всепоглощающей жажде воздуха. Но легкие отца, как и у всех шахтеров с третьей стадией силикоза, представляли собой клубок пыльных черных кусков ретикулярных волокон, которые больше не могли передавать в кровоток кислород из вдыхаемого воздуха. Отец двадцать пять лет работал в шахте и все время понемногу вдыхал угольную пыль, собиравшуюся в эти сгустки, – крошечную часть того угля, что он добыл за свою жизнь.

Лю Синь стоял на коленях перед кроватью; его сердце разрывалось от этих тяжелых хрипов. Вдруг он уловил в хрипе какой-то иной отзвук и понял, что отец пытается говорить.

– Что, папа? Что ты хочешь сказать?

Взгляд отца уперся ему в лицо. Хрип со странным отзвуком прозвучал снова; на сей раз с бо́льшим усилием.

Лю Синь повторил свои вопросы, совсем уже срываясь на истерику.

Отец не попытался еще раз что-то сказать. Его надрывное дыхание сменилось тихим шелестом и почти сразу же прекратилось совсем. Мертвые глаза так же пристально смотрели на Лю Синя, будто требовали, чтобы он как угодно, но понял последние слова отца.

Лю Синь оцепенел. Он не видел, как мать по другую сторону кровати сползла на пол, лишившись чувств, не видел, как медсестра снимала носовые канюли, до последней секунды подававшие отцу живительный кислород. У него в мозгу гулким эхом отдавался все тот же невнятный хрип, каждый звук отпечатался в памяти, словно прорезанный резцом на шаблоне грампластинки. Несколько следующих месяцев он пребывал в трансе: отцовский хрип изо дня в день звучал в его сознании, терзая его, и в конце концов он и сам начал задыхаться. Чтобы вдохнуть воздух для поддержания своего существования, ему приходилось мысленно представлять весь этот процесс. А потом мать, сама давно страдавшая от продолжительной болезни, сказала ему: «Ты уже большой. Пора помогать семье. Бросай школу и иди в шахту, на отцовское место». Он без лишних слов

взял отцовский «тормозок» с обедом и зимним утром 1979 года отправился на работу, в шахту № 2, где еще недавно трудился отец. Черный зев колодца пялился на него, словно глаз, зрачок которого состоял из множества уходивших далеко в глубину и сливающихся в одно пятно взрывобезопасных фонарей. Это был отцовский глаз. Все тот же хрип с особой настойчивостью прозвучал в его голове, и на сей раз он сумел разобрать последние слова отца:

– Не лезь в яму…

Двадцать лет спустя

Лю Синю подумалось, что его «Мерседес» здесь не очень-то уместен. Слишком уж бросается в глаза. В округе выросло несколько высоких зданий, вдоль шоссе тянулись гостиницы и магазины, но на шахте все было уныло-серым.

На площади перед шахтоуправлением он увидел толпу народа. Пробираясь среди людей в робах и дешевых футболках, он ощущал, что его дорогое одеяние и туфли в тон к нему еще неуместнее, чем машина. Собравшиеся молча смотрели на него, и мурашки бежали по его коже под столькими взглядами, словно пронзающими насквозь двухсотдолларовый костюм известной фирмы.

За дверью ему сразу же попался навстречу Ли Миньшэн. Когда-то они учились в одном классе, а теперь он работал старшим инженером в геологоуправлении. Он был таким же тощим, как и в школьные годы, но теперь постоянная озабоченность избороздила его лицо морщинами, и казалось, что пачка бумаг, которую он нес под мышкой, неимоверно тяжела.

Они поздоровались, и Ли Миньшэн сразу перешел к делу:

– Шахта целую вечность не платит зарплату. Рабочие бастуют. – Он указал на собравшуюся толпу и, как и шахтеры, окинул Лю Синя заинтересованным взглядом.

– Здесь были хоть какие-то усовершенствования после того, как компания «Дацинь» отменила паровозы и добычу угля ограничили на два месяца?

– Кое-что делали, но потом все опять поворачивалось к худшему. Честно говоря, я не верю, что этой отрасли хоть что-то способно принести пользу. – Ли Миньшэн тяжело вздохнул и повернулся, чтобы уйти, словно что-то в этом кратком обмене репликами напомнило ему о неотложном деле. Но Лю Синь остановил его.

– Можно тебя попросить о помощи?

Ли Миньшэн принужденно улыбнулся.

– Еще тогда, в первой школе, ты постоянно голодал, но так и не взял ни одного талончика на питание, которые мы пихали тебе в ранец. Ну а нынче ты нуждаешься в помощи, наверное, меньше всех на свете.

– Нет, помощь мне действительно нужна. Ты не мог бы подобрать для меня угольный пласт? Совсем крохотный. Где-нибудь на три десятка тысяч тонн, не больше. И самое главное, он должен быть изолированным. Чем меньше контактов с другими пластами, тем лучше.

– Ну… это можно.

– Мне нужны материалы по пласту и геологии окружающей структуры. Чем детальнее, тем лучше.

– Это я тоже могу.

– Тогда поговорим после обеда, ладно? – предложил Лю Синь. Ли Миньшэн отвернулся, но Лю Синь снова остановил его: – Ты не хочешь узнать, что я задумал?

– Меня, как и всех остальных, волнует только одно: как выжить? – Он резко кивнул на дверь, где собрались рабочие, и зашагал прочь.

Поднимаясь по истоптанным ступеням, Лю Синь смотрел на высокие стены, на которых въевшаяся за много лет угольная пыль создала узоры, похожие на облака и горы. Большая картина «Председатель Мао на пути в Аньюань» висела на прежнем месте, и холст был относительно чистым, зато почерневшая рама выдавала возраст произведения. Почувствовав на себе пристальный взгляд нарисованного вождя, Лю Синь после более чем двадцатилетнего отсутствия наконец-то почувствовал себя дома.

Кабинет директора на втором этаже находился там же, где был двадцать лет назад. За прошедшее время дверь обили дерматином, но и он успел растрескаться. Лю Синь толкнул дверь и вошел. Директор взглянул на дверь, подняв поседевшую голову от расстеленного на столе большого чертежа-синьки. Присмотревшись, Лю Синь понял, что это схема подземных выработок. О горняках, собравшихся перед управлением, директор, похоже, вовсе не думал.

– Это вы руководите этим министерским проектом?[46] – спросил директор, мельком взглянув на вошедшего и тут же вернувшись к чертежу.

– Да. И проект этот долгосрочный.

– Понимаю. Мы сделаем все, что в наших силах. Но вы же знаете наше нынешнее положение? – Директор снова поднял голову и протянул руку. На его лице Лю Синь увидел ту же

усталость, что и у Ли Миньшэна, а пожав руку директору, он почувствовал, что два пальца на ней скрючены – память о давнишней аварии в забое.

– Обратитесь к моему заместителю Чжану – он у нас занимается всей наукой – и к главному инженеру Чжао. А у меня, простите, времени нет. Побеседуем, когда вы получите результаты. – Директор снова склонился к свисавшей со стола синьке.

– Вы знали моего отца. Вы были механиком в его бригаде, – сказал Лю Синь, добавив отцовское имя.

Директор кивнул.

– Твой отец был отличным рабочим. И бригадиром замечательным. – После того как Лю Синь упомянул отца, директор невольно сменил тон и разговаривал с ним теперь не как с чиновником «сверху», а как старший с младшим.

– Что вы думаете об угледобывающей промышленности? – спросил напрямик Лю Синь, чувствуя, что завладеть вниманием этого усталого занятого человека можно, только перейдя прямо к сути дела.

– О чем именно? – спросил директор, не поднимая головы.

– Угледобыча – традиционная и отсталая отрасль, находящаяся в неизбежном упадке. Она очень трудоемка, в ней жуткие условия труда, но низкая производительность. К тому же она отвлекает на себя массу транспорта… В Великобритании на ней держалась вся экономика, но десять лет назад там закрыли последнюю шахту!

– Мы не можем закрыться, – проговорил директор, не поднимая головы.

– Совершенно верно. Но мы можем измениться! Полностью изменить технологию добычи! В ином случае мы никогда не преодолеем всех этих трудностей, – сказал Лю Синь. Быстро шагнув к окну, он указал наружу: – Шахтеры… миллионы и миллионы шахтеров, не имеющих никакого шанса в корне изменить свой образ жизни. Я приехал…

– Ты бывал внизу? – перебил его директор.

– Нет, – признался Лю Синь и добавил, чуть помолчав: – Отец перед смертью запретил.

– А ты и рад стараться, – язвительно констатировал директор, снова склонившись к чертежу. Выражение его лица оставалось непроницаемым, но Лю Синь опять почувствовал те же самые мурашки. Ему сделалось жарко. В это время года в костюме с галстуком можно было находиться только в помещении с кондиционированным воздухом, а здесь кондиционера не было.

– Послушайте! У меня была цель. Та самая мечта, с которой

умер мой отец. Чтобы достичь ее, я поступил в колледж, потом, за океаном, получил докторскую степень… Я намерен в корне преобразовать угледобычу. Дать шахтерам возможность жить по-новому.

– Попроще, пожалуйста. У меня нет времени. – Директор ткнул рукой, указывая Лю Синю за спину, но он так и не понял, что имелось в виду – толпившиеся внизу рабочие или что-то еще.

– Я постараюсь говорить попроще. И как можно короче. Что из себя представляет нынешняя угольная энергетика? Уголь добывают в крайне тяжелых условиях, перевозят в место потребления, а там пропускают через газогенератор и получают коксовый газ, или на электростанции, где его измельчают и сжигают…

– Ближе к делу.

– Моя идея в том, чтобы превратить шахту в огромный газогенератор. Превращать уголь в коксовый газ прямо под землей, в пласте, а потом, применяя методы добычи нефти или природного газа, извлекать горючий газ и доставлять его в места назначения по трубопроводам. Он годится для топок электростанций – ведь они главные потребители угля. Шахты можно будет закрывать, и угольная промышленность станет совершенно новой, современнейшей отраслью, не имеющей никакого сходства с нынешней!

– Ты считаешь, что открыл что-то новое?

Лю Синь вовсе так не считал. Он знал также, что директор шахтоуправления, в 1960-х годах в Горном институте считавшийся очень многообещающим студентом и являющийся сейчас одним из верховных авторитетов всей страны в области угледобычи, никак не мог увидеть новаторства в том, что он сейчас говорил. Директор, естественно, знал, что технологию подземной газификации угля применяют и совершенствуют уже несколько десятков лет, и за это время бесчисленные лаборатории, в том числе принадлежавшие транснациональным компаниям, разработали и испытали множество катализаторов газификации. Но на протяжении почти всего века этот метод оставался лишь мечтой, и причина тому была проста: катализаторы оказывались намного дороже того газа, который добывался с их помощью.

– Кое-что. Я смогу осуществлять подземную газификацию угля без катализатора!

– И каким же образом? – спросил директор, отодвинув наконец синьку чертежа и, похоже, решив послушать, что он скажет дальше. Это уже было немалым достижением.

– Поджечь уголь.

Директор, не сводя глаз с Лю Синя, достал сигарету, молча закурил, а потом жестом предложил продолжать. Но у Лю Синя вдруг пропал энтузиазм. Он понял, что интерес директора вызван одной простой причиной – после многодневного непрерывного напряжения ему выпала минутка, когда можно было немного отвлечься. Бесплатно посмотреть клоунское представление. Но Лю Синь упрямо продолжал:

– Для извлечения газа на поверхности земли проделывается с помощью стандартного бурового оборудования несколько скважин. Они служат сразу для нескольких целей. Во-первых, через них в пласт подается множество датчиков. Во-вторых, через них поджигается подземный уголь. В-третьих, через них в пласт подается вода или пар. В-четвертых, туда же подается воздух, обеспечивающий горение. И в-пятых, отводится полученный газ.

Когда уголь загорается и вступает в контакт с паром, происходит следующая реакция: из углерода при взаимодействии с водой выделяются угарный газ, газообразный водород и углекислый газ. Затем некоторая часть углекислого газа, как известно, восстанавливается на раскаленной угольной поверхности до того же угарного газа, который во взаимодействии с водой превращается в углекислый газ и водород. В конечном результате получается горючий газ, сходный с водяным генераторным газом, горючая составляющая которого содержит пятьдесят процентов водорода и тридцать процентов окиси углерода. Это и есть, собственно, тот газ, который нам нужен.

Датчики ультразвуковыми сигналами передают на поверхность информацию о ходе горения и образовании горючего газа в любой точке пласта. По этим данным компьютер строит модель газогенерации в пласте, по которой мы через скважины контролируем ход процесса, следим за величиной очага горения и его силой. В частности, можно усиливать подачу воды через одни скважины, чтобы ослабить горение, или, напротив, подавать больше воздуха, чтобы интенсифицировать его. Все это делается автоматически, в соответствии с динамикой компьютерной модели, так что процесс постоянно оптимизируется неполным сгоранием угля в водяном пару для обеспечения максимальной производительности. Конечно, вас прежде всего заинтересует контроль за интенсивностью горения. Для этого можно просверлить ряд скважин в намеченном направлении его продвижения и подавать туда воду под давлением, чтобы сформировать противопожарный барьер. Если же уголь разгорится слишком сильно, для его блокировки предусмотрено цементирование под давлением; эта технология используется при

строительстве плотин.

За окном послышался какой-то шум, и директор отвлекся. Лю Синь отлично знал, что его рассказ и тем более то, что старый шахтер представляет себе, слушая его, сильно расходятся с его мечтой. Директор сразу недвусмысленно сказал, что понятие подземной газификации ему хорошо знакомо; более того, угольные залежи в последнее время поджигали по всему миру. Несколько таких участков имелось и в Китае. Год назад Лю Синь впервые увидел подземный огонь в Синьцзяне. Нигде, сколько видит глаз, ни травинки – ни в долине, ни на холмах, насыщенный серой воздух набегает горячими волнами, и перед глазами мутится, будто находишься под водой или словно весь окружающий мир поджаривают на вертеле. Ночью Лю Синь видел призрачные полосы багрового света, пробивавшегося через бесчисленные трещины в земле. Он подкрался вплотную, заглянул в одну из них, и у него перехватило горло от изумления. Перед ним будто разверзся вход в ад. Слабый свет пробивался откуда-то из самых дальних глубин, но этот жуткий жар явственно ощущался и здесь, наверху. Глядя на эти светящиеся полоски, извивающиеся под ночным небом, он ощущал Землю горящим куском янтаря, завернутым в тонкую кору. Айгул, смуглый коренастый уйгур, сопровождавший его, возглавлял единственную в Китае пожарную бригаду по тушению угольных пластов, и Лю Синь специально приехал туда, чтобы попытаться заманить Айгула в свою лабораторию.

– Вырваться отсюда мне будет непросто, – с сильным акцентом сказал Айгул. – Я ведь вырос, глядя на этот огонь, так что для меня он такая же неотъемлемая часть мира, как солнце или звезды.

– То есть этому огню столько же лет, сколько тебе?

– Нет, доктор Лю. Этот огонь горит с начала эпохи Цин[47].

Лю Синь застыл от изумления и тут же поежился, оттого что на него накатила во мраке очередная волна жара.

Айгул продолжал:

– Знаешь, доктор Лю, я скорее встану на твоем пути, чем соглашусь тебе помогать. Запомни – это не игра. Ты хочешь взять в союзники черта!

Между тем шум за окном нарастал. Директор встал, подошел к окну и сказал, повернувшись к Лю Синю:

– Молодой человек, честно говоря, я считаю, что шестидесяти миллионам, которые управление вложило в твой проект, можно найти лучшее применение. Сам видишь, что дел у нас очень много. Так что до встречи.

Лю Синь вслед за директором вышел из здания на площадь.

Сидящие на асфальте забастовщики гомонили заметно громче, а предводитель надсадно выкрикивал что-то, но Лю Синь не мог разобрать слов. Он вдруг разглядел на краю толпы кучку людей в креслах на колесиках. В наши дни редко увидишь несколько таких кресел одновременно, а уж чтобы в них находились хозяева… Каждый из сидевших в креслах горняков лишился ноги, а кто и обеих в результате несчастного случая.

Лю Синь почувствовал, что у него перехватывает дыхание. Он расслабил галстук, торопливо пробрался через толпу, нырнул в машину и поехал, сам не зная куда. В голове у него не было ни единой мысли. Проехав немного, он резко затормозил на вершине холма. В детстве он часто бывал здесь. Отсюда, с высоты птичьего полета, было отлично видно всю территорию шахты. Он вылез наружу и долго стоял неподвижно.

– Что-то ищешь? – раздался голос у него за спиной. Лю Синь оглянулся и увидел Ли Миньшэна. Тот тихонько подошел и остановился позади.

– Вон наша школа, – сказал Лю Синь, показывая на большое здание, где помещались вместе и начальные, и старшие классы. И школьный стадион казался непропорционально большим. Там, в этом школьном городке, они провели детство и юность.

– Еще помнишь что-нибудь? – устало спросил Ли Миньшэн и устроился рядом с ним на камне.

– Все помню.

– Поздней осенью, уже ближе к вечеру, небо затянуто и солнце чуть проглядывает. Мы тогда играли в футбол на этом поле, и вдруг все остановились и уставились на школу, на репродуктор на стене… Помнишь?

– Оттуда вдруг зазвучала траурная музыка, а потом прибежал босиком Чжан Цзюаньцзюнь и сказал, что Великий кормчий Мао умер…

– Мы обозвали его контрреволюционером и бросились колотить, а он кричал, что это правда, что он клянется Кормчим Мао. Мы все равно не поверили и потащили его в полицию…

– …Но в школьных воротах остановились, потому что та же мелодия звучала и на улице, и траурная музыка заполняла весь мир…

– И она так и играет у меня в голове больше двух десятков лет. А в наши дни ее звучание означает босоногого Ницше, который выбегает с криком: «Бог умер!» – Ли Миньшэн зашелся хриплым хохотом. – Я в этом просто уверен!

Лю Синь снова обернулся и вгляделся в друга детства.

– И когда же ты до этого дошел? Я тебя просто не узнаю!

Ли Миньшэн вскочил с камня, посмотрел в глаза Лю Синю и

ткнул пальцем в серый мир, лежавший у подножья холма:

– Когда же шахта до этого дошла? Ее-то ты хотя бы узнаешь? – И он снова тяжело опустился на камень. – Наши отцы в те дни были такими важными людьми! Взять хотя бы моего. Он был рабочим восьмого разряда[48] и зарабатывал 120 юаней в месяц. Во времена Кормчего Мао – 120 юаней!

Лю Синь не нашелся что сказать и, немного помолчав, попытался сменить тему:

– А как твоя семья? Жена… кажется, Шань… но, прости, не помню, как ее зовут.

Ли Миньшэн принужденно улыбнулся.

– Я уже и сам с трудом вспоминаю ее имя. В прошлом году она сказала мне, что едет в командировку, на работе взяла очередной отпуск, оставила дочь со мною и укатила. А через два месяца прислала мне письмо из Канады, что, дескать, не хочет и дальше гробить свою жизнь с грязным шахтером.

– Шутишь? Ты же чуть ли не главный инженер!

– А какая разница? – Ли Миньшэн махнул рукой. – Для нее разницы никакой. Мы все – грязные шахтеры. Ты же помнишь, как все мы стремились выбиться в инженеры?

– То были времена рекордных выработок. Мы носили отцам обеды. Тогда мы впервые попали в шахту. Как же там было темно! Я допытывался у отца и всех остальных: «Как вы узнаете, где проходит угольный пласт? Откуда вы знаете, где нужно бить штрек? И как вам удается на такой глубине прокладывать штреки с двух сторон так точно, что они сходятся?»

– А твой отец сказал: «Малыш, никто этого не знает, кроме инженеров». И когда мы поднялись на-гора, он показал на нескольких мужчин в таких же, как у него, защитных касках, стоявших около стенда с показателями бригад, и сказал: «Вот это и есть инженеры». Мы сразу заметили, что они другие. Шеи у них точно были почище.

– Ну, вот мы и исполнили свою детскую мечту. Славы, конечно, не добились, но, по крайней мере, честно выполняем свои обязанности, делаем кое-что полезное и имеем право сказать, что не предали самих себя.

– Прекрати! – неожиданно взорвался Ли Миньшэн и снова вскочил. – Да, я все это время выполняю свои обязанности. Я кое-чего добился. Ну а ты? Ты же витаешь в облаках! Неужели ты всерьез веришь, будто можешь вывести горняков из забоя? Превратить залежи угля в газовые месторождения? Допустим даже, что теория верна и все твои эксперименты пройдут успешно. И что из того? Ты просчитал хотя бы стоимость? И как ты собираешься прокладывать десятки тысяч километров

трубопроводов? Ты хоть понимаешь, что мы сегодня не вытягиваем оплачивать железнодорожные тарифы?

– Но ведь это долгосрочная программа. Через несколько лет или даже несколько десятков лет…

– Иди к черту! Мы не знаем, что будет через несколько дней, а ты несешь что-то о десятках лет. Я уже сказал: ты витаешь в облаках. Послушай, ты, сидя в чистеньком кабинетике старого пекинского института, можешь позволить себе мечтать, ну а я не могу. Я живу в реальном мире.

Ли Миньшэн отвернулся и добавил:

– Ах да, я пришел сказать, что директор велел всемерно помогать твоему эксперименту. Работа есть работа, и я буду ее выполнять. – И он, не оглядываясь, быстро зашагал прочь.

Лю Синь молча рассматривал шахту, где родился, где провел детство и юность, – ее высоченные копры, огромные шкивы на их верхушках, через которые перекинуты тросы, опускающие вниз, в непроглядную тьму, просторные клети, вереницы электровагонеток, разъезжающих туда и обратно через вход в шахту, где работал его отец, состав железнодорожных полувагонов – их всегда было столько, что он не мог сосчитать, – у здания угольного сепаратора кинотеатр и футбольное поле, где прошли лучшие мгновения его юности, огромная баня (ни у кого, кроме шахтеров, таких не было) – в ее бассейне, где вода всегда была окрашена угольной пылью, он научился плавать. Да, он научился плавать там, где не было не только морей и океанов, но даже захудалой речки. А дальше возвышался громадный усеченный конус отвала, где уже больше века накапливается пустая порода, выросший выше окружающих природных холмов; кое-где там вились дымки – это горела отсыревшая под дождем сера… Все черное от непрерывно оседающей угольной пыли. Это был цвет детства Лю Синя, да и всей его жизни. Он закрыл глаза, прислушался к звукам, доносившимся от лежавшей внизу шахты, и время, казалось ему, остановилось.

Отцовская шахта. Моя шахта

Ложбина находилась недалеко от шахты; днем было хорошо видно поднимающиеся оттуда дым и пар, ночью – электрическое зарево, а паровые свистки были слышны круглосуточно. Лю Синь, Ли Миньшэн и Айгул стояли посреди этой уединенной котловины. Поодаль, у подножия горы, пастух медленно гнал куда-то стадо тощих коз. Под этой котловиной и располагался тот небольшой изолированный пласт угля, который Лю Синь

намеревался использовать для своего эксперимента по подземной газификации. Ли Миньшэн и его инженеры из геологического отдела месяц раскапывали горы документов в своих архивах и все же отыскали то, что нужно.

– Это довольно далеко от области главных выработок, и поэтому геологическая проработка не слишком подробная, – пояснил Ли Миньшэн.

– Я как следует проработал материал. Из него ясно, что экспериментальный пласт находится самое меньшее в двухстах метрах от основного. Это приемлемо. Нужно браться за работу! – возбужденно воскликнул Лю Синь.

– Ты не специалист в шахтной геологии, а уж здешних реальных условий и подавно не знаешь. Выслушай мой совет: будь осторожнее. Подумай еще.

– Тут и думать нечего. Эксперимент начинать нельзя, – вмешался Айгул. – Я тоже проработал эти материалы. Они слишком обобщены. Разведочные скважины бурили слишком далеко одну от другой, да и делалось это еще в шестидесятые годы. Перед началом эксперимента необходимо повторить разведку и твердо убедиться в том, что пласт действительно независим. Мы с Ли набросали план разведки.

– Сколько времени эта разведка займет, по вашему плану? И сколько на нее потребуется дополнительных денег?

– При возможностях нашего отдела – не менее месяца. Стоимость работ мы не рассчитывали. Если навскидку… миллиона два.

– У нас нет ни времени, ни денег на это.

– Так подай запрос в министерство.

– В министерство? Там целая толпа бездельников спит и видит, как бы загубить этот проект! А начальству подавай результат, так что если я приползу назад и начну вымаливать еще времени и дополнительных денег, то всему делу конец. Я чувствую, что серьезных проблем здесь не будет, так почему бы не пойти на некоторый риск?

– Ты чувствуешь? Риск?! Только не в таком проекте! Доктор Лю, ты хоть понимаешь, где мы собираемся разжечь огонь? И это, по-твоему, «некоторый риск»?

Лю Синь, резко взмахнул рукой:

– Я принял решение! – И с этими словами пошел прочь.

– Инженер Ли, ты-то почему не пытаешься остановить этого безумца? Мы ведь оба видим, насколько это опасно, – сказал Айгул.

– Я буду делать то, что от меня требуется, – ледяным тоном ответил Ли Миньшэн.

* * *

В котловине работало сотни три человек. Это были не только физики, химики, геологи и горные инженеры, но и немало специалистов совсем иного профиля. Айгул возглавлял бригаду подземных огнеборцев из десяти человек, две бригады бурильщиков приехали с нефтяного месторождения Жэньшо в провинции Хэбэй, была и немалая группа инженеров и рабочих гидротехников, которым предстояло возвести подземные брандмауэры. Рядом с несколькими высокими буровыми установками помимо штабелей бурильных штанг громоздились горы мешков с цементом, ворочалась бетономешалка и завывал пульпонасос высокого давления, закачивавший под землю жидкий цементный раствор, рядом выстроились водяные и воздушные насосы, а по земле расстелилась паутина разноцветных труб.

За два месяца пласт окружили подземным цементным барьером в два с лишним километра длиной. Лю Синь решил использовать метод, применяемый для гидроизоляции основания плотин – цемент под большим давлением закачивался под землю и там, быстро твердея, превращался в огнестойкую стену. А внутри кольца пробурили чуть ли не сотню скважин, направленных точно в пласт. В каждую из них входила труба, разделявшаяся на поверхности на три ветки, связанные с тремя насосами – для подачи воды, пара или сжатого воздуха.

Завершились подготовительные работы выпуском «земляных крыс» – так в обиходе называли датчики горения, хотя эти необычные приборы, сконструированные лично Лю Синем, походили не на крыс, а на бомбы. У каждой двадцатисантиметровой крысы один конец корпуса был заострен, а на другом конце располагался колесный привод; она могла забуриться на сотню метров в сторону от скважины и самостоятельно достичь назначенной позиции. А там им предстояло измерять температуру и давление и передавать показания на поверхность при помощи инфразвука. Под землю пошло больше тысячи «крыс», причем половину выпустили за пределами брандмауэра, чтобы исключить возможность незамеченного прорыва огня.

В большой палатке Лю Синь стоял перед проекционным экраном, на котором отображались и периметр брандмауэра, и положение каждой «крысы», которое компьютер указывал согласно сигналам приборов. Мигающие точки плотно усеивали экран, придавая ему сходство с картой звездного неба.

Все было готово. Два массивных пусковых электрода,

напрямик подключенные проводами к красной кнопке, установленной в штабной палатке, где находился Лю Синь, были опущены в скважину на нужную глубину. Все рабочие и инженеры находились на местах и с нетерпением ждали начала собственно эксперимента.

– Доктор Лю, подождите. – За последнее время отношения Лю Синя с Айгулом стали более напряженными, и теперь огнеборец обращался к руководителю проекта строго официально. – Это страшное дело. Вы не знаете мощи подземного огня.

– Айгул, прекрати. Я ведь знаю, что ты не только сеешь уныние, но и постоянно жалуешься на меня в министерство. Хотя, если брать по справедливости, твой вклад просто неоценим, и без того, что ты сделал за последний год, я еще и близко не подошел бы к эксперименту.

– Доктор Лю, не выпускайте демона из-под земли!

– Ты что, всерьез думаешь, что мы можем сейчас дать задний ход? – Лю Синь улыбнулся, покачал головой и повернулся к Ли Миньшэну: – Как вы распорядились, мы шесть раз проверили все геологические данные. Проблем не нашли. Минувшей ночью закачали еще по одному цементному слою в нескольких потенциально ненадежных местах. – Он указал на несколько коротких линий с внешней стороны периметра на экране.

Лю Синь подошел к пусковому пульту и, уже поднеся пальцы к красной кнопке, приостановился и закрыл глаза, будто молился. Его губы зашевелились, но только Ли Миньшэн, стоявший совсем рядом, услышал, что он произнес всего одно слово:

– Отец…

Нажатие на кнопку не сопровождалось ни звуками, ни вспышкой. Котловина осталась такой же, как была. Но где-то глубоко под землей напряжение более двух тысяч вольт породило высокотемпературную электрическую дугу посреди пласта. На экране было видно, что в месте расположения электродов появилась красная точка, которая стала быстро увеличиваться в размерах, словно пятно красных чернил, расплывающееся на рисовой бумаге. Лю Синь пошевелил компьютерной мышкой, и на экране отобразилась модель процесса горения, составленная по показаниям «земляных крыс», – быстро растущий неправильный сфероид, вернее, даже луковица, каждый слой которой был изотермой. Насосы с ревом закачивали через скважины необходимый для горения воздух, и пламя распространялось стремительно, как из взорвавшегося газового баллона… Через час управляющий компьютер включил насосы, подающие воду, и пламя на экране моргнуло и съежилось, как сдувающийся воздушный шарик, однако горение продолжалось с той же силой.

Лю Синь вышел из палатки. Солнце скрылось за холмом; по темнеющей ложбине гулким эхом раскатывался грохот машин. Толпа в триста с лишним человек окружила торчавший вертикально мощный патрубок толщиной с нефтяную бочку. Лю Синя сразу заметили и пропустили к небольшой платформе у основания патрубка. На ней уже стояли два человека: один, увидев Лю Синя, принялся крутить огромный вентиль, а второй чиркнул зажигалкой и протянул ее ученому. Сначала газ чуть слышно шипел, рабочий крутил вентиль, звук становился все громче, и в конце концов вырывающийся из-под земли газ огласил долину хриплым ревом разъяренного гиганта. Три сотни взволнованных лиц со всех сторон смотрели на слабый огонек. Лю Синь опять зажмурился, еще раз прошептал:

– Отец… – поднес зажигалку к соплу и поджег первый в мире факел над скважиной коксового газа.

Громко хлопнуло, и в небо метров на двадцать взметнулся мощный огненный столб. Над самой горловиной сопла пламя было чисто-голубым, чуть выше обретало ослепительно желтый цвет, который далее постепенно темнел и превращался в красный. Рев сменился злобным шипением. Стоявшие поблизости попятились от жара. Свет факела озарил окружающие холмы; издалека он должен был смотреться как небесная свеча, сияющая над лёссовым плато.

Седовласый директор шахтоуправления протолкался сквозь толпу и пожал руку Лю Синю:

– Прими поздравление от косного, узколобого пережитка прошлого. Ты победил! Но, надеюсь, ты скоро погасишь этот огонь.

– Вы все еще не доверяете мне? Я не стану его гасить. Он будет гореть, чтобы его видели вся страна и весь мир!

– Так ведь мир уже видит. – Директор указал на кучку телерепортеров у себя за спиной. – Но ты ведь отлично знаешь, что есть места, где от твоего пробного участка до промышленной залежи всего двести метров.

– Но на этом опасном направлении мы заложили три огнезащитные стены. И держим наготове кучу высокоскоростных бурильных машин. Никаких проблем просто не может быть.

– Не знаю. Я просто опасаюсь, что дело обернется плохо. Конечно, вы все тут начальство, инженеры из министерства, и мне вмешиваться не по чину. Но, как известно, в любой неотработанной технологии кроется потенциальная опасность. Я не один десяток лет провел и в забое, и командуя шахтой и повидал разные опасности. И поэтому не могу не беспокоиться. Однако, – директор снова протянул руку Лю Синю, – я все равно с

радостью поздравляю тебя. Ты доказал мне, что надежда для угольной индустрии все еще существует. – Он еще раз указал на столб огня. – Твой отец был бы доволен.

В следующие два дня на подготовленных форсунках вспыхнули еще два факела. Теперь производительность экспериментального пласта в расчете на стандартное выходное давление достигла 500 000 кубометров в час – больше, чем давали бы пятьсот мощных угольных газогенераторов.

Область подземного горения находилась под непрерывным наблюдением компьютера, который ограничивал ее объем двумя третями экспериментального пласта. По требованию руководства шахты Лю Синь несколько раз демонстрировал управление огнем. Описав мышкой на экране компьютера кольцо вокруг огня, он щелчком кнопки заставлял его сжиматься. Тон воя насосов снаружи тут же менялся, и в течение часа пожар съеживался до указанного размера. Одновременно с опасной стороны, на перешейке между опытным участком и основной залежью, добавили еще две противопожарные завесы, каждая длиной по 200 метров.

Лю Синю, в общем-то, нечего было делать, разве что давать интервью СМИ и поддерживать деловые контакты с широким миром. Сюда, в ложбину рядом с шахтой, устремились представители крупнейших китайских и зарубежных компаний, даже «Дюпон» и «Эксон», желавшие обсудить перспективы капиталовложений и участие в проектах.

На третий день один из подземных пожарных пришел к Лю Синю и сказал, что их командир вот-вот свалится от усталости. За последние двое суток Айгул устроил своему подразделению целый ряд изматывающих учений. Он также по собственной инициативе заказал у Национального центра дистанционных измерений спутниковое время для слежения за температурой почвы в этой области. Все трое суток он вообще не спал и ночами бродил вокруг огнезащитного барьера, успевая за ночь как раз сделать круг.

Отыскав Айгула, Лю Синь увидел, что этот энергичный крепыш заметно похудел и глаза у него воспалились и покраснели.

– Я не в состоянии спать, – признался он. – Стоит закрыть глаза, как начинаются кошмары. Я вижу, как над землей повсюду вырастают столбы пламени, образующие целый огненный лес…

– Спутниковый контроль стоит бешеных денег. Хоть я и не вижу необходимости в таком наблюдении, но все равно благодарен тебе за осторожность. И в будущем мне без тебя не обойтись. Айгул, я все так же считаю маловероятным, что для

твоей команды найдется работа, но, когда имеешь дело с огнем, пожарные обязательно должны быть рядом. Ты устал. Съезди на несколько дней в Пекин, отдохни.

– Уехать сейчас? Вы в своем уме?

– Ты вырос прямо на подземном огне. Потому-то и боишься его так сильно. Пусть сегодня мы не в состоянии управлять таким обширным горением, как в Синьцзяне, но скоро и это будет нам по силам. Я намерен создать первый подземный газогенератор для коммерческого использования именно там, в Синьцзяне. Со временем мы укротим тот огонь, и на твоей родине вырастут роскошные виноградники.

– Доктор Лю, я вас уважаю. Потому и работаю с вами. Но вы слишком самоуверенны. А в том, что касается подземного огня, – и вовсе ребенок. – Айгул горько улыбнулся и побрел прочь, качая головой.

* * *

Несчастье случилось на пятый день. Солнце только-только взошло, и Лю Синь еще спал, когда его растолкал Айгул – совершенно запыхавшийся, с выпученными глазами и чуть ли не трясущийся, как в лихорадке. И в промокших от росы выше колен брюках. Он сунул под нос Лю Синю отпечатанную на лазерном принтере цветную фотографию, да так близко к глазам, что тому пришлось отодвинуть руку со снимком, чтобы рассмотреть его. Это оказалась псевдоцветная картинка, переданная спутником; Лю Синь совершенно не разбирался в этих абстрактных изображениях и поэтому лишь тупо смотрел на листок.

– Пошли! – рявкнул Айгул, явно забывший о демонстративной субординации, и за руку потащил Лю Синя из палатки.

Они рысцой поднимались на холм с северной стороны долины, и Лю Синь чувствовал все бóльшую и бóльшую растерянность. Во-первых, это самое безопасное направление, до большой залежи отсюда было не менее километра. Во-вторых, Айгул тащил его вверх по склону холма, а огнезащитное кольцо оставалось намного ниже. Что тут могло приключиться? Когда они оказались на вершине, Лю Синь открыл было рот, чтобы спросить, но не успел – Айгул показал в другую сторону, еще дальше. У Лю Синя отлегло от сердца, и он усмехнулся чрезмерной мнительности своего пожарника. Как раз в той стороне, куда указывал Айгул, находилась шахта, а между холмом, где они находились, и следующим лежал зеленый луг,

куда сбегал ровный склон. Вид казался совершенно безмятежным, особенно лужайка, но, присмотревшись, Лю Синь все же разглядел, что первое впечатление оказалось обманчивым: на одном почти идеально круглом пятне трава была темнее, чем вокруг, и заметить это можно было, только тщательно всмотревшись. Сердце у него оборвалось, и они с Айгулом побежали вниз, к этому темному пятну.

Добравшись туда, Лю Синь увидел, что трава пожухла и полегла на землю, но не засохла, а как будто сварилась. Он упал на колени и прижал руки к земле – почва была ощутимо теплой. А посреди круга в свете восходящего солнца он увидел вьющуюся струйку пара…

Сразу же начали экстренно бурить множество скважин, запустили в них больше тысячи «земляных крыс», и в конце концов Лю Синю пришлось признать ужасный факт: огонь перекинулся на главную залежь. Масштабы пожара на данный момент были неизвестны, поскольку максимальная скорость «крыс» под землей составляла около десяти метров в час. Однако очаг возгорания находился намного глубже экспериментального пласта, и тот факт, что его тепло дошло до поверхности земли, означал, что он действует довольно долго. То есть пожар, скорее всего, большой.

Странным было то, что экспериментальный пласт и большую залежь действительно разделяла тысяча метров земли и камня и эта преграда оставалась целой и невредимой – пожар разгорелся по другую сторону километрового природного брандмауэра, и кто-то даже высказал предположение, что этот огонь возник независимо от эксперимента. Но это был столь явный самообман, что даже автор идеи не поверил в нее. Ну а поспешные исследования помогли той же ночью установить истину.

От экспериментального пласта отходило восемь тоненьких – с полметра в узких местах – ленточек угля. Такие прослойки и впрямь очень трудно обнаружить. Пять из них обрубила противопожарная стена, но остальные три уходили вглубь и прошли под ее нижним краем. Две благополучно завершились в толще породы, а вот последняя протянулась на весь километр и соединилась с главной залежью. Все эти нитки представляли собой заполненные углем разломы в земле и имели многочисленные выходы на поверхность, через которые поступало вполне достаточно кислорода для горения. И ничтожная ниточка, связавшая экспериментальный пласт и залежь, сработала как бикфордов шнур.

Ни одна из этих прожилок не была отмечена в документах, которые представил Ли Миньшэн, да и вообще угольная геология

практически не упоминала такие длинные и узкие ленты. Мать-природа сыграла одну из столь любимых ею жестоких шуток.

– Мне некуда было деваться. У моей дочки уремия, и ей необходим постоянный гемодиализ. Этот проект обещал позарез необходимый мне заработок, и поэтому я не стал достаточно настойчиво возражать против твоих намерений… – Ли Миньшэн был бледен и упорно не смотрел Лю Синю в глаза.

Через сутки, так же рано утром, они стояли втроем на холме между двух подземных пожаров. Весь луг между холмом и шахтой был темно-зеленым, и на этом фоне выделялся бледно-желтым вчерашний круг пожухлой травы. Поднимавшийся от земли пар затуманивал вид недалекой шахты.

– Моя бригада из Синьцзяня с кучей снаряжения уже приземлилась в Тайюане и скоро будет здесь. Сюда спешат отряды со всей страны. Огонь, судя по всему, сильный и быстро распространяется.

Лю Синь долго молча смотрел на Айгула и в конце концов проговорил чуть слышно:

– Ты сможешь укротить его?

Айгул покачал головой.

– Тогда скажи хотя бы: надежда есть? Если запечатать всю вентиляцию или подать много воды и просто залить огонь…

Айгул снова покачал головой.

– Я занимаюсь этим всю жизнь, но подземный огонь все так же продолжает поджаривать мой город. Я уже говорил тебе, что по части подземного огня ты несведущ, как ребенок. Ты просто не знаешь, что это такое. Подземная глубина увертливее змеи, зловреднее призрака. И если она что-то решила, смертным не остановить ее. У нас под ногами невесть сколько высококачественного антрацита, который этот дьявол вожделел миллионы лет. Теперь ты освободил его и дал ему неограниченную силу и энергию. Этот пожар будет в сто раз страшнее, чем у меня в Синьцзяне!

Лю Синь схватил невысокого уйгура за плечи и встряхнул:

– Я тебя не о том спрашиваю! Скажи мне – есть надежда? Сколько у нас шансов? Умоляю!

– Ноль, – ответил Айгул и в очередной раз покачал головой: – Доктор Лю, в этой жизни тебе не удастся отмолить свои грехи.

* * *

Чрезвычайное совещание устроили в здании шахтоуправления. Участвовали в нем, естественно, и директор, и

начальники всех пяти шахт, и ведущие инженеры, и группа перепуганных чиновников из города, включая мэра. Прежде всего утвердили штаб чрезвычайной ситуации. Его возглавил директор шахтоуправления, а в состав вошли, помимо прочих, Лю Синь и Ли Миньшэн.

– И инженер Ли, и я сделаем все, что в наших силах, но напомню, что мы с ним преступники, – сказал Лю Синь. Ли Миньшэн сидел неподвижно, понурив голову.

– У нас не суд, и времени на следствие нет, – ответил директор. – Надо действовать и не отвлекаться на раздумья. Знаешь, кто это сказал? Твой отец. Давным-давно, когда я был механиком в его бригаде, я пропустил мимо ушей его указание и, чтобы увеличить выработку, расширил полосу проходки. В результате в лаву хлынула вода, и мы, больше двадцати человек нас было, оказались заперты в тупике. Фонари погасли, а зажигалкой чиркнуть никто не решался, боясь, во-первых, что в воздухе уже накопился газ и, во-вторых, что так они очень быстро изведут оставшийся кислород, потому что вода полностью перекрыла изгиб штрека. И, естественно, вокруг полная темнота, такая, что ладоней перед лицом не видно. И тут твой отец мне и говорит, что помнит: над нами проходит другой штрек и промежуток между ними совсем не толстый. А потом я слышу, что он начал колотить обушком по потолку. Тогда для нас отбойные молотки еще были в новинку, мы работали, как в старину, кирками. Мы все сообразили, чем он занят, и тоже принялись вслепую долбить потолок. Кислорода в воздухе быстро убавлялось, у нас головы начали кружиться, грудь перехватывать. И конечно же, тяжело было от темноты, полной темноты, какой никто из живущих на-гора даже представить не может, и нарушали ее только искры из-под клювов обушков. Было мучительно заставлять себя просто жить дальше, но твой отец вынуждал меня держаться. Он раз за разом повторял: «Надо действовать и не отвлекаться на раздумья». Не знаю, сколько времени мы долбили, но я уже почувствовал, что вот-вот потеряю сознание от нехватки кислорода, и тут кусок потолка рухнул, и мы чуть не ослепли от света взрывобезопасных ламп из дыры… Потом твой отец признался, что понятия не имел, какова толщина потолка над нами, но в той ситуации нам оставалось только одно: действовать и не думать, что да как. Чем больше времени проходило, тем крепче слова твоего отца врезались мне в память, и вот теперь я передаю их тебе.

Специалисты, срочно собранные со всей страны, набросали план борьбы с огнем. Рассматривалось всего три варианта. Первый – перекрыть поступление кислорода под землю. Второй –

закачивать под землю цемент, чтобы отрезать дорогу пламени. Третий – заливать огонь водой. Собственно, все три способа предполагалось применять совместно и одновременно, хотя неэффективность первого давно уже была доказана практикой. Бесчисленные вентиляционные ходы, по которым к огню подходит воздух, трудно было выявлять, а закупоривать найденные – еще труднее. Второй метод эффективен только в тех случаях, когда огонь на небольшой глубине, и, увы, цементная стена строится куда медленнее, чем распространяется подземный огонь. Третий метод, пожалуй, вселял самую большую надежду на успех.

Информацию о положении дел беспощадно блокировали, и борьбу с огнем вели втихомолку. Срочно доставленные с нефтяного месторождения Жэньшо мощные буровые вышки на глазах изумленных жителей провезли через шахтерский город, на холмах выставили армейское оцепление, в небе почти непрерывно барражировали вертолеты… жители не знали, что творится на шахте, и всяческие домыслы распространялись быстрее пожара.

Буровые выстроились в ряд примерно на линии, до которой дошел подземный огонь, и как только скважины были проделаны, сотня насосов начала подавать воду в горячие, дымящиеся отверстия. Для этого отключили водоснабжение не только шахт, но и всего города, что, конечно же, способствовало росту беспокойства населения. Но первые результаты обнадеживали: на большом экране командного центра появились темные пятна, расползающиеся от скважин на краю красного огненного пятна; это значило, что температура резко упала. И если бы эти пятна соединились, появилась бы надежда все же остановить пожар.

Но надежда лишь поманила и исчезла. Начальник буровой группы отыскал Лю Синя у подножья одной из своих вышек.

– Доктор Лю, на двух третях намеченных точек бурить нельзя! – прокричал он сквозь рев буровых и насосов.

– Шутите? Нужно как можно быстрее закачивать воду в огонь.

– Нет. Давление в обводненных участках растет слишком быстро. Если добавить хоть немного еще, участок рванет.

– Что за чушь?! Это не нефтяное поле, и тут нет подземных полостей с газом под давлением. Что тут может рвануть?

– Вы ничего не понимаете! Я прекращаю бурение и отвожу технику.

Лю Синь в ярости схватил его за грудки:

– Нет! Приказываю продолжать бурения. Никакого взрыва не будет. Вы меня слышите? Не будет!

Но не успел он договорить, как со стороны ближней вышки раздался громкий треск, и, резко обернувшись, они успели

увидеть, как взлетел, разваливаясь на две части, тяжеленный оголовок скважины и снизу ударил фонтан черной, с желтым отливом, жижи, поднявший над собой обломки бурового насоса. Немногочисленные наблюдавшие испуганно закричали. Между тем состав извергающегося фонтана быстро менялся, и жидкость светлела. Очень скоро она сделалась снежно-белой, и стало ясно, что подземный огонь превратил воду в сжатый пар. Лю Синь, как завороженный, смотрел на подхваченное фонтаном тело машиниста буровой, которое так и висело на вершине струи, медленно поворачиваясь в потоке. От еще троих инженеров, находившихся на платформе, не осталось и следа.

Дальнейшее оказалось еще страшнее. Голова белого дракона отделилась от земли и стала неторопливо подниматься в воздух, пока в конце концов белый пар не повис над вышкой, как беловолосый демон. Между демоном и дырой скважины не было ничего, кроме обломков вышки. Ничего, кроме ужасающего шипения. Некоторые молодые инженеры, решив, что опасность миновала, сделали несколько робких шагов вперед, но Лю Синь крепко схватил двоих за плечи и заорал:

– Куда?! Самоубийцы! Это же перегретый пар!

Присутствовавшие инженеры быстро поняли, что происходит, а вот другим пришлось растолковывать. Сам пар невидим; в виде привычного белого тумана мы видим микрокапли воды, образующиеся, когда пар охлаждается и конденсируется в воздухе. При высокой температуре и давлении водяной пар может нагреваться до 400–500 градусов Цельсия. Он остывает и конденсируется довольно медленно и потому-то принял видимую форму только над вышкой. Такой пар мало где применяется, разве что в турбинах высокого давления на электростанциях, работающих на ископаемом топливе, и в случае прорыва (такое хоть и редко, но бывает) он может за считаные минуты пробить кирпичную стену.

Они с ужасом смотрели, как мгновенно высохла вода на обломках вышки и как плавились, точно воск, проходившие по ней внатяжку толстые резиновые шланги. Адский пар с оглушительным грохотом хлестал покосившуюся конструкцию…

Продолжать закачивать воду было невозможно. И не просто невозможно, но и нельзя – теперь она только усиливала бы горение, а не усмиряла пламя.

Аварийный штаб собрался в 3-й шахте в околоствольном дворе ствола № 4, самого близкого к фронту огня.

– Пожар подходит к зоне добычи, – сказал Айгул. – Когда он туда прорвется, система стволов и штреков обеспечит неограниченное поступление воздуха и огонь, соответственно,

усилится… Таково текущее положение. – Он умолк и взглянул на директора шахтоуправления и присутствовавших начальников трех шахт, которые изо всех сил старались оттянуть нарушение самого строгого из запретов, какие только существуют у горняков, – произнести вслух самое страшное для сотен рабочих и их семей решение – о закрытии шахты.

– Какие условия в забоях? – ровным, спокойным голосом осведомился директор.

– Добыча и подъем продукции в восьми стволах идут в обычном режиме, – ответил начальник шахты, – но работу мы продолжаем, в общем-то, ради спокойствия.

– Прекращайте работы. Эвакуируйте людей – всех до одного. А потом… – Он несколько минут молчал, и эта пауза всем показалась неимоверно долгой.

– Запечатайте шахты, – в конце концов выговорил директор страшные слова.

– Нет! Так нельзя! – воскликнул Ли Миньшэн, даже не подумав о том, что ему-то лучше бы помолчать. – Запечатать шахты… да ведь… да ведь начнется хаос. И…

– Я вас понял, – перебил его директор, легко взмахнув рукой. Выражение его лица ясно говорило всем: «Я понимаю ваши чувства. И полностью их разделяю».

Ли Миньшэн опустился на землю и обхватил голову руками; его плечи тряслись от рыданий. Начальники и инженеры шахт молча стояли перед порталом. Широченный вход в шахту смотрел на них, как гигантский глаз, – точно так же, как смотрел на Лю Синя два десятка лет назад.

Аварийный штаб почтил столетнюю шахту минутой молчания. Завершил ее главный инженер шахтоуправления.

– Надо поднять на-гора как можно больше оборудования, – сказал он вполголоса.

– А после этого, – подхватил начальник шахты, – запускать туда взрывников.

Директор кивнул:

– Время не терпит. Начинайте работу. А я отправлю депешу в министерство.

– Нельзя ли привлечь военных саперов? – спросил секретарь партбюро. – Отпальщиков у нас мало, и если мы поставим во взрывные бригады проходчиков и что-нибудь случится…

– Я думал об этом, – ответил директор. – Но сейчас под рукой лишь один саперный взвод, а этого слишком мало. Кроме того, военные незнакомы с подземной спецификой.

* * *

Первым закрыли ствол № 4, ближайший к фронту огня. Поднявшись к выходу из шахты, проходчики увидели наскоро собранную бригаду отпальщиков численностью в добрую сотню человек, стоявшую возле груды отбойных молотков, кинулись расспрашивать, но те сами ничего не знали – им лишь велели приготовить инструмент. Но тут на шахтный двор въехала колонна машин, и все внимание переключилось на нее. На первом грузовике приехала группа вооруженных полицейских, которые тут же попрыгали наземь и принялись освобождать место для следующих автомобилей. Одиннадцать грузовиков остановились, с груза сняли покрывавший его брезент, и, увидев ровные штабеля аккуратных желтых деревянных ящиков, шахтеры остолбенели – все отлично знали, что это такое.

В каждом ящике находилось 24 килограмма взрывчатки АСДТ – аммиачной селитры, смешанной с дизельным топливом. На десяти грузовиках пятьдесят тонн. Последний грузовик, поменьше, привез несколько охапок бамбукового лыка, чтобы связывать ящики, и гору черных пластиковых мешков, в которых, как всем известно, хранились электродетонаторы.

Выбравшись из кабины одного из грузовиков, Лю Синь и Ли Миньшэн сразу увидели, как к ним направляется с рулоном чертежей под мышкой хмурый крепкий бородач, командир свежесформированной бригады подрывников.

– Что вы хотите заставить нас делать, инженер Ли? – спросил он, разворачивая чертежи.

Ли Миньшэн показал слегка трясущимся пальцем точку на плане:

– Три отпальные линии по тридцать пять метров длиной каждая. Точное расположение – на конкретных листах. В шпуры по 150 и 75 миллиметров закладывать соответственно, по 24 и 14 килограммов…

– Я спрашиваю: что вы пытаетесь сделать нашими руками?

Ли Миньшэн молча потупился под свирепым взглядом бригадира. А тот повернулся к толпе и крикнул:

– Братья, они хотят, чтобы мы взорвали выработки!

Толпа шатнулась вперед, и тут же вооруженные полицейские рассыпались полукругом, отгораживая автомобили от шахтеров. Но строй охраны тут же подался назад под нажимом волнующегося моря черных людей. Наступил момент неустойчивого равновесия. Повисла тишина, нарушаемая только шарканьем подошв и клацаньем взводимых затворов. И когда, казалось, должно было уже свершиться непоправимое, на подножку одного из грузовиков вскарабкались директор шахтоуправления и начальник шахты. Все внимание срезу

обратилось к ним.

– Я на шахте с пятнадцати лет вкалываю! А вы ее разрушить решили?! – заорал пожилой забойщик. Глубокие морщины на его лице были хорошо видны даже под толстым слоем угольной корки.

– На что нам жить, если вы шахту взорвете?

– Зачем ее взрывать?

– Жизнь на шахте и без ваших штучек тяжелая!

Толпа кипела, волны ярости, одна сильнее другой, прокатывались над морем черных лиц и сверкающих белых зубов. Директор молча ждал, и когда гнев, похоже, накалился до предела и ситуация явно грозила выйти из-под контроля, он заговорил:

– Посмотрите туда. – Он указал на небольшой бугор около входа в шахту. Он не кричал, даже вроде бы не повышал голоса, но сразу же укротил бурю, и все головы повернулись вслед за его рукой. – Мы все называем это Старинной угольной колонной, а вам известно, что сначала это была вовсе не колонна, а большой куб из угля? Больше ста лет назад, еще в эпоху Цин, губернатор Чжан Чжидун поставил его здесь, когда закладывал шахту. За прошедший век дожди и ветры превратили куб в колонну. Наша шахта за это столетие вытерпела так много дождей и непогод, так много трудностей и бедствий, сколько ни один человек не упомнит. Это вам не час и не год, товарищи. Это четыре, если не пять поколений! Мы не могли за столько времени ничему не научиться, а уж чему научились, то запомнили накрепко.

Директор вскинул руки навстречу морю шахтерских лиц.

– Небо не упадет!

Люди замерли на месте и, кажется, даже дышать перестали.

– Из всех китайских промышленных рабочих, из всего пролетариата ни у кого нет столь длинной истории, как у нас. Ни у кого в истории не было такого количества трудностей и невзгод, как у нас. И как, шахтеры, рухнуло наше небо? Нет! И доказательство – то, что все мы стоим тут и смотрим на эту старую угольную колонну. Наше небо не падает. Оно не упало прежде и не упадет никогда!

Трудности? Они нам не в новинку, верно, товарищи? Когда нам, шахтерам, было легко? Хоть у нас самих, хоть у наших предков вспомнится хотя бы один безмятежный день? Напрягите мозги: есть ли среди бесчисленных отраслей и профессий в Китае, да и во всем мире хоть одна тяжелее нашей? Нет. Просто нет. Так что нового в том, что возникла очередная трудность? Удивляться надо было бы, если бы дела шли тихо и гладко. Мы с вами держим и небо, и землю! И если б мы боялись трудностей, то уже

давным-давно вымерли бы.

Но общество и наука развиваются, и талантливые люди думают о том, как облегчить нашу жизнь. Уже и решение предложено, дающее надежду полностью изменить нашу жизнь, чтобы мы добывали уголь не в темных шахтах, а прямо под ясным небом! У горняков вскоре будет самая завидная работа на свете. И это не фантазия, а реальность. Не призываю верить мне на слово – просто посмотрите на огненные столбы, поднимающиеся над южной долиной. Да, была допущена прискорбная ошибка, что и привело к катастрофе. Немного позже мы разберемся в причинах до мелочей. А сейчас нужно понимать, что это, может быть, последняя серьезная трудность для шахтеров. Такой ценой дается светлое будущее. Нужно сплотиться и грудью встретить беду, как это делали многие поколения наших предков. Повторяю, небо не падает!

Толпа застыла в молчании. Лю Синь посмотрел снизу на стоявшего на подножке директора.

– Я знал отца, а теперь познакомился еще и с вами. Теперь можно спокойно умирать.

– Давай действуй и не отвлекайся на раздумья, – ответил директор, хлопнув Лю Синя по плечу, а потом тяжело спустился с подножки и крепко обнял его.

* * *

На следующий день после того, как начались работы по подготовке к взрыву в стволе № 4, Лю Синь и Ли Миньшэн шли по главной штольне; их шаги разносились в туннеле гулким эхом. Они миновали первую линию взрыва и в тусклом свете нашлемных фонариков хорошо видели ряд шпуров, густо пересекающих высокий потолок, и цветной водопад запальных шнуров, стекающихся к реке, проходившей посередине прохода.

– Я всю жизнь ненавидел шахту, – сказал Ли Миньшэн. – Ненавидел за то, что она сожрала мою юность. Но теперь понимаю, что мы с нею – одно. Ненавижу ли, люблю ли ее, но это вся моя молодость.

– Не нужно терзаться, – ответил Лю Синь. – Мы все же кое-что сделали в жизни. Пусть и не стали героями, но, по крайней мере, ввязались в драку.

Оба замолчали, сообразив, что говорят о смерти.

Тут к ним подбежал запыхавшийся Айгул.

– Инженер Ли, посмотри-ка туда! – воскликнул он, указывая на потолок. Закрепленный там брезентовый шланг со

свисающими через равные промежутки конусами подачи воздуха обмяк – на него больше не подавалось давление.

Ли Миньшэн побледнел:

– Что за черт?! Когда отключили вентиляцию?

– Два часа назад.

Ли Миньшэн заорал в рацию, и вскоре к ним присоединились начальник вентслужбы и двое инженеров.

– Инженер Ли, запустить вентиляцию невозможно. Все оборудование, что было внизу – моторы, компрессоры, взрывобезопасные выключатели и даже часть рукавов…

– Вам хоть понятно, что вы кретины? Самоубийцы! Кто вам приказал сотворить эту глупость? – заорал Ли Миньшэн, полностью утратив самоконтроль.

– Инженер Ли, придержите язык! Кто приказал? Директор прямо велел вытащить как можно больше оборудования перед обрушением шахты. Вы же сами были на митинге! Мы работали двое суток без остановок и подняли техники самое меньшее на миллион юаней. А теперь вы нас кроете последними словами? Зачем нужна вентиляция, если шахту вот-вот взорвут?

Ли Миньшэн тяжело вздохнул. Полную картину происходящего до сих пор не обнародовали, и это сплошь и рядом приводило к подобным организационным накладкам.

– А в чем проблема? – спросил Лю Синь, когда вентиляторщики ушли. – Разве вентиляцию не следовало в любом случае отключить? Нет подачи воздуха – значит, в шахту идет меньше кислорода.

– Доктор Лю, ты гигант в высокой теории, а в практике – полное ничтожество. И ничего не понимаешь в происходящем. Инженер Ли правильно сказал, что ты способен только витать в облаках! – После того как начался пожар, Айгул отбросил всякую вежливость в общении с Лю Синем.

Ли Миньшэн объяснил:

– Вся эта залежь сильно насыщена газом. Как только отключили вентиляцию, газ начал быстро накапливаться на дне шахты, и когда огонь дойдет туда, может случиться такой взрыв, что не только все наши завалы вышибет, но и образуются новые глубокие провалы, через которые пойдет кислород. Так что хочешь не хочешь, а придется прокладывать еще одну взрывную полосу.

– Инженер Ли, ведь даже две полосы, что выше, еще не готовы, а к третьей еще и вовсе не приступали. Огонь подходит к южным выработкам, и времени может не хватить даже на то, чтобы сделать запланированное.

– М-м… – нерешительно протянул Лю Синь. – Я… у меня есть

идея, которая может сработать, а может и не сработать.

– Ха! – презрительно хохотнул Айгул. – Доктор Лю не уверен в себе! Да разве было когда-нибудь такое, чтобы доктор Лю с кем-нибудь советовался перед тем, как принять решение?

– Я подумал, – продолжил Лю Синь, не обращая внимания на выпад, – что, может быть, стоит произвести подрыв на самом глубоком из запланированных уровней? Ведь можно же начать взрывать именно с него? В таком случае, если газ рванет на глубине, перед ним будет дополнительная преграда.

– Если бы это могло помочь, мы уже так и сделали бы, – ответил Ли Миньшэн. – Взрыв будет такой, что шахтные ходы заполнятся ядовитым газом и пылью, и после него работать внизу еще долго будет невозможно.

Подземный пожар распространялся быстрее, чем ожидалось. Аварийный штаб решил ограничиться взрывом только двух предусмотренных полос и приказал как можно быстрее эвакуировать из шахты всех, кто там находился. Дело шло к ночи. Собравшиеся под навесом разгрузочной площадки недалеко от входа в ствол решали, как произвести взрыв на наименьшем расстоянии, используя подъездной туннель, и вдруг Ли Миньшэн сказал, вскинув голову:

– Слышите?

Откуда-то из глубины донесся тяжелый рокот, как будто земля нескромно рыгнула. Через несколько секунд звук повторился.

– Это взорвался метан. Огонь добрался до шахты! – взволнованно воскликнул Айгул.

– Вроде бы рассчитывали, что это случится чуть подальше… – заметил кто-то.

Остальные промолчали. «Земляные крысы» Лю Синя выработали свой ресурс, и теперь приходилось руководствоваться лишь старыми методами, не позволявшими точно определить местонахождение и скорость распространения огня.

– Немедленно эвакуировать всех!

Ли Миньшэн схватил рацию, но, как ни кричал, ответа не было.

– Бригадир Чжан все волновался, как бы не разбить рацию во время работы, и, еще до того как отправить меня сюда, положил ее в кучу детонаторов. А там десяток отбойников одновременно строчит, так что, наверное, никто не слышит вызова, – сказал рабочий из бригады взрывников.

Ли Миньшэн подхватился и выскочил из закутка, где проводилось совещание, даже не надев каски. Было видно, как он подбежал к дрезине, сказал что-то мотористу, тот уступил ему

место, и инженер на предельной скорости погнал дрезину в штольню. Лю Синь успел еще увидеть, как Ли Миньшэн помахал ему рукой и широко улыбнулся – впервые за все эти дни.

Глубина еще несколько раз рыгнула, а потом все стихло.

– Как вы думаете, эти взрывы пережгли весь метан в шахте? – спросил Лю Синь у стоявшего рядом инженера. Тот смерил его недоуменным взглядом:

– Весь метан? Шутить изволите? Они, наоборот, вытряхнут из пласта еще больше метана.

И тут прогремел такой раскат грома, что небо содрогнулось, – будто сама Земля взорвалась прямо под ногами. Из горловины шахты ударило пламя. Воздушная волна вздернула Лю Синя в воздух, и мир завертелся вокруг него и подброшенных вместе с ним камней и деревяшек. На лету он увидел, что из огня вышвырнуло вагонетку – штольня выплюнула ее, как недожеванную яблочную кожуру. Он тяжело рухнул наземь, а вокруг сыпались камни, и ему казалось, что каждый камень густо измазан кровью. А под землей рокотали все новые и новые взрывы. Перед тем как потерять сознание, он увидел, что вместо огня из жерла штольни повалил густой дым.

Через год

Он шел, словно через ад. Небо закрывали тучи черного дыма, сквозь который изредка проглядывал едва видимый красный диск солнца. Трение висящих в воздухе пылинок насыщало дым статическим электричеством, которое то и дело разряжалось молниями, заливавшими голубым светом холмы, под которыми бушевало подземное пламя, и оставлявшими в памяти Лю Синя неистребимые отпечатки. Дым валил из провалов, испещривших холмы, и подножье каждого дымного столба сияло зловещим темно-красным светом от подземного огня. Выше дым постепенно чернел и извивающейся змеей устремлялся в небеса.

Дорога изобиловала колдобинами, а асфальт размяк настолько, что через каждые несколько шагов туфли Лю Синя ощутимо вязли в нем. Автомобили беженцев запрудили всю проезжую часть; все водители и пассажиры были в респираторах, хоть немного защищавших от удушливых сернистых испарений в воздухе и непрестанно летевшего, как снег, пепла, делавшего белым всё и вся. Порядок на дороге поддерживали вооруженные солдаты, а с вертолета, барражировавшего в дыму, через громкоговоритель призывали не поддаваться панике… Исход начался зимой. Предполагалось, что он займет год, но горение

внезапно усилилось, и темпы эвакуации пришлось резко увеличить. В городе началась паника. Намеченный суд над Лю Синем несколько раз откладывался, а нынче утром он вдруг обнаружил, что его камера открыта, а в тюрьме нет ни охраны, ни вообще кого-нибудь. Он беспрепятственно вышел, хоть и не был уверен, что поступает правильно.

Земля вдоль дороги была изрезана трещинами и язвами, заполненными той самой густой пылью, которая с каждым шагом взвивалась вокруг него. Над придорожным прудиком поднимался пар, а поверхность была сплошь покрыта трупами рыб и лягушек. Стояла середина лета, но нигде не было видно ни единого зеленого пятнышка. Пожухлую траву скрыл пепел. Деревья засохли, а некоторые из них дымились на корню; их ветки, превратившиеся в древесный уголь, вздымались к вечернему небу, как гротескные заломленные руки. Дым вырывался и из некоторых окон опустевших домов. Он увидел, как несметные полчища крыс, изгнанных из гнезд жаром, широкими волнами пересекают дорогу… Чем дальше в холмы он уходил, тем ощутимее становился этот жар, передававшийся от ступней по всему телу, тем менее пригодным для дыхания становился загрязненный воздух. Даже респиратор почти не помогал. Жар от огня распределялся неравномерно, и Лю Синь инстинктивно огибал самые раскаленные места. Выбор всегда находился. Там, где огонь подбирался вплотную, дома занимались пламенем, из которого время от времени слышались треск и грохот рушащихся конструкций… Он наконец-то добрался до главного входа в шахту, прошел мимо вертикального ствола, который теперь больше походил на дымоход камина; каркас все еще возвышавшегося над ним копра был раскален докрасна (некстати вспомнилось, что один из видов подземных проходов шахтеры называют «печь»). От яростного шипящего свиста у него мороз пробежал по коже, несмотря на невыносимую жару. Здание обогатительного участка было плотно окутано дымом, а кучи приготовленного к вывозу угля за нею горели уже давно и сейчас представляли собою колоссальный ком раскаленного кокса, над которым порхали языки пламени.

Здесь не было ни одной живой души. Ступни невыносимо жгло сквозь чуть не плавившиеся подошвы, телу, похоже, уже нечем было потеть, дышать было так трудно, что он ощущал себя на грани обморока, но, как ни странно, сознание оставалось совершенно ясным. Собрав до последней капли оставшиеся силы, он направился к окончательному месту назначения. Его манила горловина штольни, сиявшая алым подземным пламенем. Он все же добрался сюда. И улыбнулся.

Он повернул в сторону производственного корпуса. Над его крышей тоже курился дымок, но огня в нем определенно не было. Войдя в открытую дверь, он направился в длинную раздевалку. Озарявший комнату тусклый колеблющийся красный свет от бушевавшего в шахте огня как будто заставлял все приплясывать – в том числе и ряды шкафчиков для одежды. Он шел вдоль их длинной шеренги, читая номера, пока не отыскал тот, который был ему нужен. Он с детства запомнил тот случай, когда отца назначили старшим над самой никудышной бригадой забойщиков, с которой еще никому не удалось справиться. И его отца эта дерзкая молодежь поначалу встретила не то что в штыки, а даже с презрением. Причиной этому, как потом выяснилось, стал непривычно вежливый тон, которым он, впервые войдя с ними в раздевалку перед работой, попросил прибить на место оторванную дверцу шкафчика. На него даже не смотрели. Понять, что его вообще заметили, можно было лишь по нескольким грубым ругательствам. Отец не стал отругиваться, а также кротко попросил: «Дайте хоть гвозди, я сам прибью». Кто-то бросил ему несколько гвоздей, и тогда отец добавил: «И молоток». На сей раз никто и ухом не повел. Но внезапно все смолкли и с изумлением уставились на нового бригадира, а тот голой рукой, подушечкой большого пальца без видимых усилий взял и вдавил все гвозди в дерево. Обстановка сразу переменилась, и молодежь тут же повернулась к бригадиру и почтительно выслушала от него инструктаж… Шкафчик не был заперт, и, открыв его, Лю Синь увидел, что там до сих пор находится одежда. Он снова улыбнулся, на сей раз подумав, что прошло больше двадцати лет и, наверное, после отца здесь сменилось несколько владельцев, а гвозди, возможно, те же самые. Он снял с крючка робу и надел сначала штаны из толстого брезента, а потом такую же куртку. От спецовки, покрытой пятнами смазки, к которой особенно хорошо липла угольная пыль, исходил знакомый с детства резкий запах пота и машинного масла. Запах успокоил его и привел в чуть ли не блаженное состояние. Потом он обул тяжелые рабочие сапоги, взял каску, нашарил фонарь и прицепил его к каске. Батареи в шкафчике не оказалось; он открыл соседнюю дверцу и, конечно же, нашел там то, что нужно. Прицепив тяжелую коробку к поясу, он щелкнул выключателем и понял, что батарея разряжена. Неудивительно – все работы прекратились год назад. Впрочем, он помнил, где находится ламповая – прямо напротив раздевалки; мальчишкой он не раз смотрел, как работавшие там женщины заряжали батареи, заливая в банки дымящуюся серную кислоту. Сейчас он, конечно, не мог этого сделать – за дверью клубился желтый сернистый дым. Он благоговейно возложил на голову

каску с фонарем и подошел к густо покрытому пылью зеркалу. Там он увидел в пляшущем красном свете своего отца.

– Отец, я иду вниз, сменить тебя на рабочем месте, – сказал он, улыбаясь, и зашагал к дымящемуся зеву штольни.

Пилот вертолета вспоминал потом, что, пролетая на малой высоте над стволом номер два, где завершалась зона его патрулирования, он кого-то увидел на открытом месте – черный силуэт на красном фоне вырывающегося из-под земли пламени. Неизвестный, похоже, направлялся в шахту, но уже в следующий момент пилот увидел только красный огонь и ничего больше.

120 лет спустя

Дневник семиклассника

Предки наши, оказывается, были жуть какие тупые, да и жилось им несладко.

Спросите, с чего я так решил? Нас сегодня водили на экскурсию в Музей горного дела. И больше всего меня там поразило, что они добывали твердый уголь!

Прежде всего нас прикольно одели: на голову шлем, к которому приделан фонарь, соединенный проводом с какой-то прямоугольной штукой, привешенной к поясу. Я сперва подумал, что это компьютер (слишком здоровый, правда), но оказалось, что это аккумулятор для освещения. Такая здоровая батарея легко потянет автомобиль, а они к ней крохотную лампочку цепляли! А обуть велели высокие непромокаемые сапоги. Учитель сказал, что такой была в старину рабочая одежда у шахтеров, работавших в забое. Кто-то спросил, что такое «забой», а учитель сказал, что мы скоро сами все увидим.

Нас посадили в сцепленные одну за другой коробочки на колесах, стоявших на очень узких рельсах, вроде старинных поездов. Тащила коробочки отдельная машина, соединенная с подвешенным высоко над головой проводом. Весь этот поезд поехал, и вскоре мы оказались в огромной черной пещере. Там было очень темно, поскольку изредка подвешенные к потолку лампы почти ничего не освещали. Фонари, что были у нас на головах, тоже оказались слабыми – можно было ясно разглядеть разве что лицо соседа напротив. Там дул очень сильный ветер, прямо свистел в ушах. Анна завизжала; но она всегда визжит.

– Дети, сейчас мы спускаемся в шахту, – объявил учитель.

Мы ехали еще долго, но в конце концов поезд остановился, и мы вышли из довольно широкого туннеля в совсем узенький

боковой лаз, такой низкий, что, если бы не шлем, я насажал бы кучу шишек на голове. Фонари на шлемах светили, конечно, но все равно разглядеть толком ничего было нельзя. Анна и еще несколько девчонок стали кричать, что им страшно.

Но шли мы недолго, и скоро перед нами открылся довольно просторный зал. Потолок здесь поддерживало множество колонн. А на той стороне зала мелькало множество пятен света, испускаемого такими же фонариками, как наши. Подойдя ближе, я увидел, что там работало множество людей. Часть из них сверлила стену какими-то тяжелыми штуками с длинными сверлами. Учитель сказал, что они называются «отбойные молотки». Смешно! А другие большими металлическими лопатами насыпали какие-то черные куски в вагончики вроде тех, на которых мы приехали, только с высокими бортами, и еще в кожаные мешки. Вокруг них клубилась пыль, временами загораживавшая фигуры, и в ней были видны только пятна и лучи света.

– Дети, мы с вами сейчас находимся в так называемой рудной зоне. Вы видите, как в те старые времена люди работали в шахтах.

Несколько шахтеров направились в нашу сторону. Я знал, что это всего лишь голограммы, и не пошевелился. Двое из них прошли прямо сквозь меня, так что я смог хорошенько разглядеть их – и обалдел.

– Разве в Китае нанимали чернокожих для работы в шахтах?

– Чтобы получить ответ на этот вопрос, – сказал учитель, – нужно на деле испытать, что за воздух в рудной зоне. Учтите, это будет нелегко, так что сначала наденьте дыхательные маски, которые лежат у вас в сумках.

Мы надели маски, и учитель продолжил:

– Не забывайте, что это будет не голографическая проекция, а полная реальность.

В нашу сторону поплыло густое черное облако. В свете наших фонарей было видно, что оно состоит из крошечных сверкающих частиц. Тут Анна снова завизжала, на этот раз за нею завопили и другие девочки, а потом и кто-то из мальчиков! Облако рассеялось, и я повернулся к ним, хотел посмеяться над ними, но тоже ахнул – все были черными с ног до головы; белыми остались только лица, которые были укрыты масками. Тут раздался еще один крик, и у меня волосы встали дыбом – это был голос учителя:

– Сея! Боже мой, ты не надел маску!

Сея действительно не надел маску, и лицо у него было таким же черным, как у голографических изображений шахтеров.

– Вы на уроках много раз повторяли, что история нужна для того, чтобы понять и почувствовать, как жили люди прошлого. И я захотел по-настоящему почувствовать! – оправдывался он, сверкая зубами, которые на черном лице казались ослепительно белыми.

Где-то неподалеку взвыла сирена, и уже через минуту перед нами, грубо разрушив иллюзию прошлого, беззвучно остановилась каплевидная летающая машина. Оттуда поспешно выбрались два врача. За это время вентиляция полностью устранила настоящую угольную пыль, и в просторном зале клубились только голографические изображения ее облаков, так что белоснежные халаты врачей нисколько не испачкались. Они сразу подхватили Сею и понесли в машину.

– Мальчик, – сказал один из них, глядя ему прямо в глаза. – Твои легкие серьезно повреждены. Тебе придется не меньше недели пролежать в больнице. Твоих родителей мы предупредим.

– Погодите! – выкрикнул Сея, взмахнув дыхательной маской, которую так и держал в руке. – Неужели сто лет назад все шахтеры носили вот такие штуки?

– Закрой рот и отправляйся в больницу! – сердито перебил его учитель. – Ты очень дурно поступил!

– Но мы ведь точно такие же люди, как и наши предки. Почему же…

Сею запихнули в машину, не дав договорить.

– В нашем музее еще не было ничего подобного, – возмущенно сказал один из врачей и добавил, указав пальцем на учителя: – Вам придется за это ответить!

С этими словами он тоже влез в машину; она оторвалась от земли и упорхнула так же беззвучно, как и появилась.

– Продолжим экскурсию, – сказал расстроенный учитель. – Любая работа в шахте была связана с постоянной опасностью и требовала большого расхода физической энергии тела. Взять хотя бы эти металлические подпорки – они называются «крепь». После того как полезные ископаемые в этой области заканчивались, их обязательно полагалось убирать. Этот процесс назывался «разборка крепи».

Мы увидели рабочего с большим молотком. Он вышиб железную шпильку, и подпорка сложилась вдвое. Я и еще один мальчик попытались поднять другую опору, которая лежала на земле, но она оказалась ужасно тяжелой.

– Разбирать крепь было очень опасно, потому что земля над головой могла в любой момент обрушиться…

Над головами у нас что-то затрещало, я поднял голову и увидел в свете наших фонариков, что там, откуда только что убрали подпорку, появилась трещина. И не успел я податься в

сторону, как она резко увеличилась, прямо сквозь меня с громким треском упал большой кусок голографического камня. Все вокруг заволокла пыль.

– То, что вы сейчас видели, так и называется: «обрушение», – прозвучал рядом со мною голос учителя. – Будьте внимательны. Опасные камни падают не только сверху.

Не успел он договорить, как большой кусок каменной стены совсем рядом с нами накренился, отлетел вперед со своего места, как будто его толкнула сзади гигантская рука, и тут же рассыпался на много больших и маленьких обломков. На нас с грохотом и скрежетом обрушились голографические камни, а фонари вдруг погасли. Сквозь темноту и визг девчонок я снова услышал голос учителя:

– Это был прорыв метана. Метан – газ, который скапливается в угольных пластах и доходит до большого давления. Мы сейчас видели, что бывало, если эти каменные стены не могли выдержать такое давление и обваливались в проход.

Фонари снова включились, и все мы вздохнули с облегчением. Но тут я услышал другие странные звуки: то четкие и отрывистые, словно стук копыт бегущих лошадей, то протяжные и неразборчивые, как шепот великана.

– Смотрите, дети! А вот это уже прорыв воды.

Только мы успели сообразить, что значат эти слова, как из одного из боковых проходов недалеко от нас хлынул поток воды. Она очень быстро залила весь зал, где шла работа. Мутная вода сначала поднялась нам по колени, а потом и до пояса. Свет наших фонарей отражался в ней и рисовал на неровном потолке ежесекундно меняющиеся узоры. Мимо проплывали черные от угольной пыли деревянные брусья, шахтерские шлемы, коробки для обеда… Когда вода дошла мне до подбородка, я инстинктивно задержал дыхание. А потом вода накрыла меня с головой, и я видел только бурую муть, освещенную фонарем, и время от времени поднимавшиеся откуда-то из-под ног пузыри воздуха.

– У подземных затоплений может быть много разных причин. Но из-за чего бы они ни случались – из-за глубинных вод или из-за того, что шахта подошла слишком близко к наземному водоему, – они много опаснее, чем наводнения на поверхности земли, – сказал учитель, заглушая плеск.

Голографическая вода исчезла, и все стало таким, как было несколько минут назад. Тут я заметил какой-то странный предмет, похожий на большую металлическую жабу, раздувшую живот. Только непонятная штука была куда больше жабы и явно тяжелее. Я указал на нее учителю.

– Это взрывобезопасный электрический выключатель. Газ метан легко загорается и может взрываться, и поэтому сделали герметичный выключатель, который при соединении контактов не дает электрической искры, как обычные выключатели. Это сделано для того, чтобы избежать самой большой из известных шахтерам опасности, которую мы сейчас увидим…

Опять что-то сильно громыхнуло, но, в отличие от предыдущих случаев, звук как будто пришел откуда-то изнутри нас, вырвался сквозь барабанные перепонки наружу, мощными волнами прошелся по каждой клеточке организма, а потом нас обдало жаром, а вокруг вспыхнуло алое сияние, заполнившее каждый дюйм пространства в шахте. Но сияние тут же погасло, и все погрузилось в темноту.

– Очень мало кто мог рассказать о том, как на самом деле происходит взрыв метана, потому что выжить при этом практически невозможно, – гулко разносился в темноте бестелесный голос учителя.

– Но зачем, зачем им нужно было лезть в такие кошмарные места? – чуть не плача спросила Анна.

– Вот за этим, – ответил учитель и поднял к свету кусок черного камня, блестевший в луче всеми своими бесчисленными гранями. Вот тут я впервые увидел каменный уголь.

– Дети, мы с вами осматриваем типичную угольную шахту середины двадцатого века. В таких шахтах была кое-какая новая техника, например, гидравлические опоры крепи и так называемые врубовые машины, выкапывавшие уголь сразу на широкой полосе. Все это несколько улучшило условия работы горняков, но все равно угольные шахты оставались очень опасным, ужасным местом. До тех пор…

Дальше пошла скукотища. Учитель принялся рассказывать об истории газификации угля, которую начали применять восемьдесят лет назад, когда нефть практически кончилась и великие державы начали готовить войска для того, чтобы захватить оставшиеся месторождения. Земля была на пороге войны, но мир спасла подземная газификация… Мы все давно это знали, так что нам было скучно.

А потом мы осмотрели современную шахту. Ничего особенного, просто те же трубы, которые мы видим каждый день, идут из-под земли куда-то вдаль. Впрочем, я впервые побывал на центральном пульте управления и увидел голограмму горения. Ох и широко же горело! Нам показали нейтринные датчики и гравитационный волновой радар, отслеживающий подземное горение, и лазерные буры… тоже тоска, в общем.

Учитель рассказал нам историю шахты и сказал, что больше

ста лет назад она была уничтожена в результате вырвавшегося из-под контроля огня, который сам собой погас только через восемнадцать лет. Оказывается, в то время наш прекрасный город был пустыней, над которой к небесам поднимался густой дым. Ни одного жителя тогда не осталось. Было много версий о том, что стало причиной пожара. Кто-то утверждал, что он случился из-за подземного испытания оружия, а другие считали, что его устроил «Гринпис».

– Так что не нужно ностальгически тосковать по так называемым добрым старым временам, – говорил учитель. – Жизнь в то время была опасной и трудной. Но не стоит грустить из-за недостатков наших дней. Потому что и наши дни когда-нибудь назовут добрыми старыми временами.

В общем, предки наши были жуть какие тупые, и жилось им действительно несладко.

Поворотный пункт [49]

Сжатие Вселенной должно начаться за один час двадцать четыре минуты до восхода солнца.

Наблюдать его предполагается из конференц-зала крупнейшей астрономической аудитории страны. С космического телескопа, вращающегося по геосинхронной орбите, туда поступит изображение, которое будет проецироваться на гигантский экран размером с баскетбольную площадку. В данный момент экран пуст. Народу в зале присутствует немного, лишь те избранные, кто способен в полной мере оценить значение предстоящего события – светила теоретической физики, астрофизики и космологии. Все они сидят тихо и неподвижно, как Адам и Ева, которых Бог только-только сотворил из глины, но еще не успел вдохнуть в них жизнь.

Громадный экран не работает, и сотрудницы, отвечавшей за него, все еще нет на месте. Если она не успеет к началу, трансляцию с космического телескопа придется демонстрировать на маленьком экране, чуть больше настольного. Впечатление от исторического события будет бесповоротно испорчено.

В зал входит профессор Дин И.

Все присутствующие ученые тут же оживляются и одновременно, как по команде, встают. Подобного почтения не может вызвать у них никто и ничто, за исключением разве что самой Вселенной.

Как всегда, Дин И не удостаивает никого своим вниманием. Он не здоровается ни со всеми гостями, ни с кем-то из них по отдельности, не садится в приготовленное для него большое удобное кресло, а вроде бы бесцельно направляется в дальний угол конференц-зала. Там стоит застекленная витрина, где находится большая керамическая табличка, которой директор обсерватории очень дорожит. Это бесценная реликвия эпохи Западной Чжоу[50] – карта звездного неба, каким оно виделось невооруженному глазу летней ночью несколько тысяч лет назад. Претерпев разрушительное воздействие времени, карта теперь стала тусклой и нечеткой. Однако звездное небо за пределами здания по-прежнему яркое и чистое. Дин И достает из кармана куртки трубку и табак, спокойно набивает ее, раскуривает и затягивается. Это приводит всех в изумление, ведь у профессора хронический трахеит, он сам никогда раньше не курил, и никто не осмеливался курить рядом с ним. И вообще курение в обсерватории строго запрещено, а эта трубка дымит сильнее, чем десяток сигарет.

Однако профессор Дин может делать все, что ему заблагорассудится. Он создал единую теорию поля, о которой некогда мечтал Альберт Эйнштейн. Целый ряд выдвинутых на основе его теории масштабных предсказаний относительно космоса были подтверждены реальными наблюдениями. На протяжении трех лет целых сто суперкомпьютеров безостановочно прогоняли математическую модель единой теории поля и получили не укладывающийся в воображение результат: Вселенная, которая расширялась около четырнадцати миллиардов лет, через два года начнет сжиматься. Два года почти прошли, остался всего один час.

Голову профессора окутывает белесый дым. Он образует немыслимые узоры, напоминающие о непостижимых идеях, которые непрерывно порождает его мозг.

К Дин И почтительно приближается директор обсерватории.

– Профессор Дин, с минуты на минуту приедет губернатор. Нам с большим трудом удалось убедить его принять приглашение. Умоляю вас, надавите на него своим авторитетом, чтобы он увеличил финансирование. Вообще-то мы не хотели обременять вас этой просьбой, но обсерватория просто в плачевном положении. Правительство страны в этом году не может ничего дать нам. И мы можем надеяться только на власти провинции. А ведь мы же главная обсерватория страны. Вы только представьте, что с нами будет. Мы не можем оплатить даже электричество для радиотелескопа. Вместо того чтобы заниматься наукой, мы думаем, как выйти из положения. – Директор указывает пальцем на керамический рельеф, которым только что восхищался Дин И. – Если бы не запрет на торговлю памятниками старины, давно уже продали бы его.

В аудиторию входит губернатор со скромной – всего два человека – свитой. Усталость на лицах прибывших тянет нить обыденности в это потустороннее место.

– Прошу извинить. О, здравствуйте, профессор Дин. Приветствую всех. Простите за опоздание. Сегодня впервые за длительный период нет дождя. Но мы все равно опасаемся наводнения. Янцзы уже поднялась почти до рекордного уровня 1998 года.

Директор обсерватории поспешно произносит несколько высокопарных приветственных слов и подводит губернатора к Дин И.

– Думаю, для начала было бы хорошо, чтобы профессор Дин ознакомил вас с концепцией сжатия Вселенной… – говорит он, подмигивая Дин И.

– Наверно, лучше будет, если я сначала расскажу, как я

представляю себе это явление, а потом профессор Дин и все остальные смогут меня поправить. Началось с того, что Хаббл обнаружил красное смещение. Не помню, когда именно. Электромагнитное излучение галактик, которое мы фиксируем, смещено в сторону красного конца спектра. Согласно эффекту Кеплера, это означает, что галактики удаляются от нас. Из этого мы можем сделать следующий вывод: Вселенная расширяется. Другой вывод из этого же явления состоит в том, что около четырнадцати миллиардов лет назад Большой взрыв привел к возникновению Вселенной. Если общая масса Вселенной меньше некоторого значения, она будет продолжать расширяться вечно; если больше, то гравитация будет постепенно замедлять расширение, пока оно не прекратится, и в конце концов это движение остановится и обернется вспять. Первоначальные измерения количества вещества во Вселенной предполагали первый вариант. Затем было установлено, что нейтрино обладают массой. Более того, во Вселенной было обнаружено огромное количество не учитывавшейся ранее темной материи. В результате предполагаемая масса Вселенной оказалась значительно больше, и представление о грядущем изменилось в пользу второго варианта, согласно которому Вселенная будет расширяться все медленнее, пока наконец не начнет сжиматься. Все галактики Вселенной соберутся в едином центре тяжести. При этом из-за того же эффекта Кеплера видимый свет электромагнитного излучения звезд сдвинется к синему концу спектра, то есть возникнет синее смещение. Ну а единая теория поля профессора Дина позволила вычислить точный момент, когда расширение Вселенной сменится сжатием.

– Блестяще! – Глава обсерватории несколько раз льстиво хлопает в ладоши. – Мало кто из руководителей способен так разбираться в фундаментальной теории. Уверен, что и профессор Дин со мною согласится. – Он снова подмигивает Дин И.

– В общем, все верно. – Дин И медленно выбивает пепел из трубки на ковер.

– Да, да. Раз уж профессор Дин так считает… – На лице директора обсерватории расплывается радостная улыбка.

– Ровно настолько, чтобы показать поверхностность ваших знаний. – Дин И снова вытащил из кармана кисет.

Директор застывает на месте. Собравшиеся вокруг ученые заметно напрягаются.

– Я учился на физическом факультете, но это было тридцать лет назад, – с миролюбивой улыбкой отвечает губернатор. – С тех пор я все перезабыл. Боюсь, по сравнению с присутствующими здесь мои знания нельзя назвать даже поверхностными. Да что

там говорить, вряд ли я помню что-нибудь, кроме трех законов Ньютона.

– Но совершенно не понимаете их. – Дин И опять принимается разжигать заново набитую трубку.

Директор обсерватории качает головой, не зная, смеяться ему или плакать.

– Профессор Дин, мы с вами живем в двух совершенно разных мирах, – вздыхает губернатор. – Мой мир – чисто практический. Никакой поэзии, зато куча донельзя утомительных мелочей. Мы целый день суетимся, словно муравьи, и, как у муравьев, наш кругозор очень ограничен. Иногда, уходя из своего кабинета глубокой ночью, я останавливаюсь и некоторое время смотрю на звезды. Для меня это редкая роскошь. Ваш мир полон чудес и тайн. Ваши мысли простираются на сотни световых лет пространства и миллиарды лет времени. Для вас Земля – всего лишь пылинка во Вселенной. Для вас наша эпоха – всего лишь мгновение во времени, настолько короткое, что даже не поддается измерению. Можно подумать, что вся Вселенная существует для того, чтобы удовлетворить ваше любопытство и наполнить смыслом ваше существование. Честно говоря, профессор Дин, я вам искренне завидую. Я мечтал о такой жизни в молодости, но войти в ваш мир оказалось слишком сложно.

– Но вы можете побывать в нем сегодня. По крайней мере ненадолго. Увидеть вместе с профессором Дином и всеми нами величайший момент мироздания, – говорит директор обсерватории.

– Увы, не судьба. Еще раз прошу у всех прощения. Дамбы на Янцзы внушают опасения, и я должен лично проследить, чтобы не случилось беды. Но, прежде чем уйти, я хотел бы задать профессору Дину несколько вопросов. Возможно, вы сочтете их наивными и примитивными, но я много ломал над ними голову, но так и не разобрался. Первый вопрос. Мы узнаем, что Вселенная перешла от расширения к сжатию потому, что красное смещение сменится синим. И мы увидим это в свете всех галактик одновременно. Но ведь сейчас самая дальняя галактика, какую мы можем наблюдать, находится в четырнадцати миллиардах световых лет от нас. Из ваших расчетов следует, что сжатие начнется во всей Вселенной в один и тот же миг. Но разве в таком случае нам не придется ждать четырнадцать миллиардов лет, чтобы увидеть это синее смещение? Ведь даже перемены в свечении ближайшей звезды, Альфы Центавра, мы видим только через четыре года.

Дин И медленно выпускает клуб дыма, который плывет в воздухе, словно удаляющаяся спиральная галактика.

– Отлично. Вы все же кое-что понимаете. На уровне очень среднеуспевающего студента-физика. Да, мы увидим синее смещение у всех звезд Вселенной одновременно, а не с разрывом от четырех до четырнадцати миллиардов лет. Причина этому – квантовый эффект во вселенском масштабе. Его математическая модель очень сложна, да и вообще это, пожалуй, самая трудная для объяснения теория в физике и космологии. Я даже не буду пытаться объяснить ее вам. Однако первое откровение вы уже получили. Оно внятно предупреждает вас, что эффект от перехода Вселенной к сжатию будет куда сложнее, чем представляют себе люди. У вас есть еще вопросы? И кстати, вам нет необходимости так поспешно уходить. Ваши неотложные дела вовсе не настолько неотложны, как вам кажется.

– Согласен, на фоне всей Вселенной разлив реки Янцзы, по-видимому, недостоин даже упоминания. Но, профессор Дин, хотя загадочная Вселенная, по общему признанию, имеет свою привлекательность, проблемы реального мира по-прежнему стоят на первом месте. Мне и в самом деле нужно спешить. Благодарю вас, профессор Дин, за лекцию по физике. Надеюсь, все присутствующие сегодня увидят то, на что рассчитывали.

– Вы меня не поняли, – отвечает Дин. – Наверное, на борьбу с наводнением привлечено очень много рабочих.

– Но за ход и результат работы отвечаю я. Профессор Дин, я должен идти.

– Вы действительно ничего не поняли. Я имел в виду, что эти рабочие, должно быть, очень устали. Вы можете отпустить их.

Все замирают в растерянности.

– Что?.. Отпустить их? Зачем? Чтобы они могли посмотреть, как Вселенная начнет сжиматься?

– Те, кому это неинтересно, могут просто лечь спать.

– Профессор Дин, вы как-то несмешно шутите!

– Я нисколько не шучу. В том, что они делают, нет никакого смысла.

– Почему?

– Из-за предстоящего начала сжатия.

Губернатор долго не может найти ответ и в конце концов указывает на древнюю керамическую табличку с картой звездного неба, что выставлена в витрине.

– Профессор Дин, Вселенная расширяется уже страшно подумать сколько времени, но не так уж сильно меняется. То же и с расширением-сжатием. Место, которое человечество занимает в пространстве-времени, необычайно мало в масштабе Вселенной. Хоть я и преклоняюсь перед вашей теорией, но все же не верю, что начало сжатия хоть как-то скажется на человеческой жизни.

Больше того, мы не увидим его воздействия и через сто миллионов лет, даже если человечество просуществует столько.

– Через полтора миллиарда лет, – поправил его Дин И. – Раньше мы не сможем заметить перемен даже с самыми сильными и точными инструментами для наблюдения, какими располагаем сегодня. К тому времени Солнце уже погаснет. Так что вряд ли мы доживем.

– А на полное сжатие потребуется около четырнадцати миллиардов лет. Человечество – всего лишь капля росы на могучем древе Вселенной. Его существование настолько эфемерно, что оно ни в коей мере не способно воспринять этапы роста этого великого древа. Вы ведь не верите смехотворной болтовне в интернете о том, что при сжатии Земля сплющится, верно?

В аудиторию входит бледная молодая женщина с печальными глазами. Именно она отвечает за работу проектора для большого экрана.

Директор кидается к ней с возмущенными криками:

– Инженер Чжан, это никуда не годится! Разве вы не знаете, какое событие свершится с минуты на минуту?!

– У меня только что умер отец в больнице.

Директор сразу стихает.

– Простите… я не знал… Не могли бы вы взглянуть?..

Инженер ничего не отвечает. Усевшись за компьютер, предназначенный для управления показом на большом экране, она принимается разбираться в возникшей проблеме. Дин И, держа в зубах трубку, неторопливо направляется к ней.

– Если бы вы понимали суть и природу сжатия Вселенной, то не убивались бы об отце так сильно.

Слова Дин И приводят в негодование всех присутствовавших. Инженер вдруг вскакивает с места. Ее лицо вспыхивает от гнева, а из глаз капают слезы.

– Вы вообще человек? Может быть, по сравнению с вашей Вселенной отцы ничего не значат, но мой отец мне очень дорог. Как и любому нормальному человеку из нашего мира! А ваше сжатие – это всего лишь крошечное изменение частоты волны видимого света, который вовсе не потускнеет в ночном небе. Без навороченных приборов, которые усилят этот сигнал в десять тысяч раз, никто и не заметит этой перемены. А что ваше сжатие? Любой простой человек скажет: ничего! Какая разница, расширяется Вселенная или сужается? А вот отцы нам необходимы. Вы в состоянии это понять?

Тут до девушки доходит, на кого она кричит, она резко поворачивается и возвращается к своей работе.

Дин И вздыхает, качает головой и обращается к губернаторам:

– Да, как вы и сказали, два мира. Наш мир, – он рисует рукой в воздухе круг, охватывающий физиков и космологов, собравшихся в зале, и тычет пальцем в физиков, – минимальная размерность – десять квадриллионных миллиметра. – Палец перемещается на космологов. – Максимальная размерность – десять миллиардов световых лет. Это мир, который можно охватить лишь воображением. В вашем мире существуют разливы Янцзы, трудности с финансированием, живые и мертвые отцы… одним словом, практический мир. Но прискорбно то, что люди всегда стремятся разделить эти два мира.

– Но вы же сами видите, что они существуют раздельно, – отвечает губернатор.

– Нет! Элементарные частицы невообразимо малы, но мы состоим из них. Вселенная невообразимо велика, но мы находимся в ней. Любая перемена что в микроскопическом, что в макроскопическом мире затрагивает все и вся.

– Но как именно проявит себя сжатие, когда начнется?

Дин И внезапно закатывается хохотом. Это не просто нервный смех. В нем угадывается что-то мистическое. И всем почему-то делается очень страшно.

– Ладно, выпускник физического факультета. Расскажите, пожалуйста, что вы помните о взаимоотношении пространства-времени и материи.

И губернатор, как старательный студент, послушно говорит:

– Как следует из теории относительности и квантовой теории, на которых основана современная физика, пространство и время неотделимы от материи. Они не способны существовать обособленно. Абсолютного пространства-времени не существует. Время, пространство и материальный мир неразрывно связаны вместе.

– Отлично. Но кто действительно понимает смысл этого постулата? Вы? – Дин И задает этот вопрос сначала губернатору, потом оборачивается к директору обсерватории: – Вы? – Потом к женщине-инженеру, занятой своей работой: – Вы? – Он указывает на сгрудившихся в стороне лаборантов: – Вы? – И, наконец, широким жестом обводит группу знаменитых ученых: – Может быть, хотя бы вы? Нет, никто из вас этого не понимает. Вы воспринимаете Вселенную в понятиях абсолютного пространства-времени так же естественно, как ступаете ногами по земле. Абсолютное пространство-время и есть ваша земля. Вы не в состоянии оторваться от нее. Говоря о расширении и сжатии, вы уверены, что это просто-напросто звезды разбегаются и

собираются в кучку в абсолютном пространстве-времени.

Произнося эту тираду, он подходит к стеклянной витрине, открывает дверцу и вынимает бесценный рельеф, изображающий звездное небо. Легонько гладит пальцами поверхность таблички, любуясь ею. Директор обсерватории испуганно подставляет руки, чтобы подхватить сокровище. Старинный рельеф хранится в обсерватории более двадцати лет, и ничья рука еще не дерзала касаться его. Директор ждет, когда же почетный гость положит звездную карту на место, но он вместо этого с силой отбрасывает ее в сторону!

Бесценная древняя реликвия падает на ковер и разбивается на несчетное количество мелких осколков.

Атмосфера в зале буквально леденеет. Никто не может ни пошевелиться, ни что-то сказать, лишь Дин И, единственный подвижный элемент оцепеневшего мира, неторопливо расхаживает по помещению и вещает без остановки:

– Пространство-время и материя не просто неразделимы. Расширение и сжатие Вселенной как раз и являют собой пространство-время. Да, друзья мои, это и есть пространство-время!

У физика из рук падает стеклянная чашечка и разбивается со звуком, который кажется всем громоподобным. Физик потрясен отнюдь не тем, чем все остальные. Не варварски разбитым уникальным памятником древних науки и искусства, а последней услышанной фразой.

– Вы хотите сказать… – срывающимся голосом бормочет космолог, уставившись на Дин И.

– Да. – Дин И кивает и поворачивается к губернатору: – Теперь и до них дошло.

– Так вот что означает отрицательный временной параметр в расчетных результатах единой математической модели… – стонет физик.

Дин И кивает.

– Почему вы заранее не объявили об этом миру?! – гневно восклицает другой физик. – Это же полнейшая безответственность!

– А какой смысл? Это лишь вызвало бы всемирную панику. Разве мы в состоянии что-то противопоставить пространству-времени?

– Что все это значит?! – теряет терпение ничего уже не понимающий губернатор.

– Сжатие… – бормочет, словно во сне, директор обсерватории, известный астрофизик.

– Неужели сжатие Вселенной все-таки повлияет на

человечество?

– Повлияет? Нет, оно полностью изменит его.

– То есть как – изменит?

Ученые наперебой обмениваются какими-то заумными фразами, будто не слыша его вопроса.

– Да скажите же наконец хоть кто-нибудь, – впервые повышает голос не на шутку встревоженный губернатор, – что случится, когда свет перейдет в синее смещение и Вселенная начнет сжиматься?

– Время развернется, – кратко говорит Дин И.

– …Развернется? – недоуменно повторяет губернатор, переводя взгляд с директора обсерватории на Дин И и обратно.

– Время пойдет вспять, – поясняет директор.

Громадный экран включается. Перед присутствующими возникает величественное зрелище звездного неба. Чтобы момент начала сжатия был лучше виден, компьютер усилил эффект частотного сдвига излучения, выведя его в видимую область. Сейчас весь свет, излучаемый звездами и галактиками, кажется на экране красноватым, что говорит о том, что в нем присутствует красное смещение и, следовательно, Вселенная все еще продолжает расширяться. Но как только начнется сжатие, красный сменится синим. В углу экрана появляется табло обратного отсчета; он начинается со 150 секунд.

– Четырнадцать миллиардов лет время сопровождало расширение Вселенной, ну а теперь его движению осталось менее трех минут. А потом оно потечет в такт сжатию Вселенной. Время двинется вспять. – Дин И подходит к стоявшему в оцепенении директору лаборатории и указывает на разбитую керамическую таблицу. – Не переживайте из-за этой реликвии. Вскоре после того, как даст о себе знать синее смещение, эти осколки сольются вместе. Ваш амулет вернется в витрину, а потом, через много лет, – в землю, туда, где его нашли. Еще через несколько сотен лет он окажется в горне гончара, а вскоре после этого сделается комом глины в руках древнего астронома…

Он направляется к женщине-инженеру, только что потерявшей отца.

– И вам вовсе не стоит горевать по отцу. Он скоро вернется к жизни, и вы снова воссоединитесь. Раз отец так дорог вам, радуйтесь тому, что Вселенная как раз сейчас начнет сжиматься, потому что в сжимающейся Вселенной он проживет гораздо дольше вас. Он увидит, как вы, его дочь, покидаете этот мир. Да, мы, старики, только-только начинаем свой жизненный путь, а вы, молодежь, сразу вступаете в преклонные года. Которыми теперь будет детство. – Он поворачивается к губернатору: – Раз за время

вашего пребывания на должности Янцзы ни разу не выходила из берегов, значит, этого не случится впредь, потому что будущее в нынешнем понимании будет существовать всего сто секунд. Будущее сжимающейся Вселенной – это прошлое Вселенной расширяющейся. Ближайшее наводнение случится в 1998 году. Но тогда вы будете уже ребенком и ответственность за это ни в коем случае не понесете. Ну, вот, минута осталась. И сейчас совершенно неважно, кто есть кто. Никто уже никем не станет. Можно делать что угодно, не тревожась о будущем. Будущего больше нет. Что касается меня, я сейчас делаю то, что всегда хотел, но не мог, из-за трахеита. – Он запускает руку в карман, снова вынимает табак, раскуривает трубку и дымит с довольным видом.

На табло цифры 50.

– Не может быть! – кричит губернатор. – Это же нелогично! Время пойдет назад. Если все пойдет задом наперед, как вы говорите, значит, мы и говорить будем так же? Это ни в какие ворота не лезет!

– Вы привыкнете и к этому.

Табло: 40 секунд.

– Проще говоря, теперь все будет повторяться. История и жизнь станут полностью предсказуемыми и скучными.

– Ничего подобного. Вы будете жить в другом времени. Нынешнее прошлое станет для вас будущим. Сейчас мы в ближайшем будущем того времени. Помнить будущее никто не в состоянии. И как только красное смещение сменится на синее, ваше будущее станет неведомым. Вы не будете помнить ничего, что было с вами до того момента. Ничего.

Табло: 20 секунд.

– Не может быть!

– Вы очень скоро узнаете, что жизнь от старости к детству, от зрелости мышления к наивности не просто рациональна, а вполне естественна. Если кто-то заговорит о том, что время может идти в другую сторону, вы сочтете его безумцем. Осталось около десяти секунд. Совсем скоро Вселенная пройдет через необычную точку – миг, когда времени просто не будет. А потом мы окажемся в сжимающейся Вселенной.

Табло: 8 секунд.

– Не может быть! Не может, и всё!!!

– Хотите верьте, хотите нет… Сами узнаете.

Табло: 5, 4, 3, 2, 1, 0.

Цвет звезд во Вселенной сменился с тревожного красного на невыразительный белый…

…Время достигает той самой необычной точки…

…цвет звезд делается из белого красивым, умиротворяющим светло-синим. Свет передвигается в синюю область. Начинается сжатие.

…

…

еитажс ястеаничаН. ьтсалбо ююнис в яслунивдереп тевС. минис-олтевс мищюяровториму, мывисарк оголеб зи яслаледс дзевз тевц…

…икчот йончыбоен йомас йот олгитсод ямерВ…

…йылеб йыньлетизарывен ан огонсарк огонжоверт с яслинемс йоннелесВ ов дзевз тевЦ

Табло: 5, 4, 3, 2, 1, 0. 0,1,2,3,4, 5: олбаТ

етеанзу имаС. тен етитох, етьрев етитоХ…

!!ёсв и, тежом еН!ытыб тежом еН –

Табло: 8 секунд. днукес 8: олбаТ

йоннелесВ ясйещюамижс в ясмежако ым мотоп А. тедуб ен отсорп инемерв адгок, гим – укчот юунчыбоен зереч тедйорп яаннелесВ орокс месвоС. днукес итясед олоко ьсолатсО. мецмузеб оге ететчос ыв, уноротс юугурд в итди тежом ямерв отч, мот о тировогаз от-отк илсЕ. анневтсетсе енлопв…

Зеркало [51]

По мере углубления исследований человечество обнаруживает, что квантовые эффекты – это не более чем поверхностная рябь в океане бытия, тени возмущений, возникающих из-за более глубоких законов, управляющих работой материи. Когда эти законы начинают проявляться, постоянно меняющаяся картина реальности квантовой механики снова стабилизируется, вероятности снова заменяются детерминированными переменными. В этой новой модели Вселенной цепочки причинно-следственных связей, которые считались устраненными, снова всплывают на поверхность, причем яснее, чем прежде.

Слежка

В кабинете, украшенном знаменами Китайской Народной Республики и Коммунистической партии Китая, по разные стороны широкого стола сидели двое мужчин.

– Я знаю, что вы очень заняты, но все же обязан сообщить об этом. Честно говоря, я никогда не видел ничего подобного, – сказал сидевший спиной к двери, одетый в форменный китель с нашивками сотрудника полиции 2-го уровня[52]. Ему было около пятидесяти, черты его лица были жесткими и энергичными, а спину он держал прямо, будто шомпол проглотил.

– Если такие слова говорит ветеран-следователь с тридцатилетним опытом вроде вас, Сюйфэн, к ним необходимо прислушаться. – Большой Начальник говорил, не отрывая взгляда от красно-синего карандаша, который медленно крутил в пальцах, как будто стремился оценить качество заточки обоих грифелей. Он крайне редко смотрел на своих собеседников. За многие годы службы под его началом Чэнь Сюйфэн лишь трижды встретился взглядом с Большим Начальником. И каждый из этих случаев сопровождался серьезными переменами в жизни Чэня.

– Как только мы пытаемся что-то предпринять, объект неизменно уходит от нас. Он знает, что мы собираемся делать.

– Ну, с таким-то вы неоднократно сталкивались.

– Будь это обычным невезеньем или нашими ошибками – и говорить было бы не о чем. Мы даже всерьез заподозрили, что кто-то у нас сливает информацию.

– Лично я, зная ваш коллектив, не допускаю такой

возможности.

– Так оно и оказалось. Как вы и велели, мы максимально сократили число участников этого дела. В оперативной группе всего четыре человека, и всё полностью знают только двое. Но на всякий случай я решил созвать общее совещание и устроить всем что-то вроде очной ставки. Подготовку я поручил Ченьбину – вы его знаете, он из 11-го отдела, очень надежный; это он разрабатывал Сун Чена – и вот тогда это произошло.

Вы только не подумайте, товарищ начальник, что я пытаюсь шутить. Это чистая правда. – Чэнь Сюйфэн усмехнулся, как будто сам удивлялся собственным оправданиям. – Тогда-то он и позвонил. Наш объект позвонил мне на сотовый телефон! И сказал дословно следующее: «Не трудитесь собирать совещание – среди вас нет «кротов». И случилось это через тридцать секунд после того, как я отдал Ченьбину приказание собрать людей!

Карандаш, безостановочно крутившийся в пальцах Большого Начальника, замер.

– Конечно, можно предположить, что нас прослушивали каким-то устройством, но это невозможно. Я выбрал для разговора с Ченьбином совершенно неожиданное место – посреди концертного зала филармонии, когда там шла репетиция хора к концерту в честь Дня образования КНР. Чтобы услышать друг друга, нам приходилось говорить на ухо.

И подобные, с позволения сказать, шутки происходили с тех пор не раз. В общей сложности он звонил нам восемь раз, каждый раз по поводу того, о чем мы только что говорили или что сделали. Самое страшное, что он не только все слышит, но и все видит. Однажды Ченьбин собрался с обыском в дом родителей объекта. Он и еще один оперативник даже не успели выйти из управления, когда у него зазвонил телефон. Это оказался объект, и он совершенно беззаботным тоном сказал: «У вас, ребята, не тот ордер на обыск. Мои родители – люди очень осторожные. Они могут принять вас, ребята, за мошенников». Ченьбин достал бланк и убедился, что действительно взял не тот ордер.

Большой Начальник беззвучно положил карандаш на стол, явно ожидая от Чэнь Сюйфэна продолжения, но у того, похоже, иссяк заряд. Тогда Большой Начальник достал сигарету. Чэнь Сюйфэн тут же полез в карман кителя за зажигалкой, но там ее не оказалось.

И тут зазвонил один из двух стоявших на столе телефонов.

Чэнь Сюйфэн скосил глаза на определитель номера и чуть слышно шепнул:

– Это он.

Большой Начальник невозмутимо указал ему на телефон.

Чэнь нажал кнопку громкой связи, и раздался явно очень молодой, но усталый голос:

– Зажигалка у вас в портфеле.

Чэнь Сюйфэн взглянул на Большого Начальника и, не дожидаясь реакции, поднял с пола портфель-дипломат, открыл его, не увидел зажигалки и принялся рыться в содержимом.

– Она завалилась между страницами брошюры о реформе регистрации городских домохозяйств.

Чэнь Сюйфэн извлек брошюру. Зажигалка, громко клацнув, выпала на полированную столешницу.

– Хорошая у вас зажигалка. Французская, фирмы «Дюпон», белое золото – сплав с палладием, по тридцать бриллиантов на каждой стороне. Стоит… погодите, уточню… тридцать девять тысяч девятьсот шестьдесят юаней.

Большой Начальник сидел неподвижно, а Чэнь Сюйфэн, вскинув голову, окинул взглядом просторное помещение. Большой Начальник вел эту беседу не в своем постоянном кабинете, а выбрал наугад кабинет одного из руководителей рангом ниже, попросив того ненадолго оставить их там наедине.

Между тем объект продолжил демонстрацию своих возможностей:

– Большой Начальник, вы курите «Чунхва», и у вас в пачке пять сигарет. А вот «мевакора», от холестериновых бляшек, осталась всего одна таблетка; не забудьте послать секретаря в аптеку.

Чэнь Сюйфэн открыл лежавшую на столе пачку сигарет, Большой Начальник извлек из кармана блистер с таблетками. В обоих случаях объект оказался прав.

– Перестаньте гоняться за мною. Не только вы сейчас в непростом положении, но и я тоже. Я плохо понимаю, что делать дальше, – продолжал объект.

– Не могли бы мы встретиться лично, чтобы обсудить все это? – спросил Большой Начальник.

– Поверьте, это кончилось бы плохо для обеих сторон. – И в телефоне запищали гудки отбоя.

Чэнь Сюйфэн выдохнул. Теперь он получил неоспоримое подтверждение своим словам, а ведь недоверия со стороны Большого Начальника он опасался больше, чем выходок своего противника.

– Словно призрака увидел, – сказал он, тряхнув головой.

– Я не верю в привидения, а вот опасность определенно вижу, – ответил Большой Начальник и в четвертый раз за все время службы Чэнь Сюйфэна посмотрел ему прямо в глаза.

Заключенный и подследственный

В изоляторе предварительного заключения № 2, расположенном на окраине города, надзиратель ввел Сун Чена в камеру. Там уже находилось шесть человек, в основном преступники, осужденные на большие сроки лишения свободы.

Новичка встретили холодные взгляды. Как только охранник вышел и закрыл за собой дверь, к нему медленно подошел тощий низкорослый человечек.

– Здорово, свинина! – неожиданно громко выкрикнул он и, увидев растерянность Сун Чена, объяснил: – По местному закону, здесь есть Большой, Второй, Третий… А ты Свинина – самый мелкий. Ты только не надейся, что это по срокам поступления. – Он ткнул пальцем в сторону развалившегося в углу бородача. – Братец Бао всего три дня здесь, но сразу стал Большим. Ты небось на воле должность занимал важную, ну а здесь ты последняя шушера! – Он повернулся к бородатому: – Что скажешь, братец Бао, – как его прописать?

– Стереосистемой, – не задумываясь, бросил тот.

Еще двое зэков вскочили с коек. Они перевернули Сун Чена вниз головой, держа за икры, поднесли его к параше и медленно опустили, так, что он чуть не касался головой содержимого.

– А теперь пой! – велел тощий. – Это и называется «стереосистема». Спой что-нибудь душевное, вроде «Левая рука, правая рука».

Сун Чен петь не стал. Громилы, немного подождав, выпустили его, и он ухнул вниз, головой в чан.

Сун Чен поспешно вылез, и его тут же начало рвать. Он знал, что в преступном мире проделанное с ним называется «опустить». До него сразу дошло, что издевательская процедура была задумана кем-то заранее и теперь, в какую бы тюрьму он ни попал, его неизменно будет ждать презрение сокамерников.

Веселившиеся, глядя на его унижение, соседи по камере вдруг поспешно разбежались по своим койкам. Дверь открылась, и появился тот же самый надзиратель. С отвращением взглянув на Сун Чена, стоявшего на коленях перед парашей, он приказал:

– Живо умойся под краном. К тебе посетитель.

* * *

Поспешно умывшись, Сун Чен проследовал за надзирателем в просторное помещение, где ждал неожиданный посетитель. Он оказался очень молодым человеком с узким лицом,

взлохмаченными волосами и в очках с толстыми стеклами. В руке у него был огромный портфель.

Сун Чен сел на стул с отстраненным видом, не глядя на пришедшего. Вообще-то, и само разрешение на свидание, и тем более то, что встреча происходит здесь, а не в специальной комнате со стеклянной перегородкой, породили у него хорошие предчувствия. Однако первые же слова незнакомца заставили Суна удивленно вскинуть голову.

– Меня зовут Бай Бин, я инженер из Центра метеорологического моделирования. Я нахожусь под следствием по той самой причине, по которой пострадали вы.

Сун Чен пристально посмотрел на посетителя. Очень уж странно тот разговаривал – такие вещи следует говорить чуть слышным шепотом, но Бай Бин разговаривал в полный голос, как будто речь шла о чем-то таком, что ни в малейшей степени никого не интересовало.

Бай Бин, похоже, уловил его растерянность.

– Два часа назад я звонил Большому Начальнику. Он хотел поговорить со мною лично, но я отказался. Тогда за мной пустили слежку и сопровождали до самых дверей тюрьмы. Арестовывать меня не стали, потому что полицию заинтриговало мое намерение встретиться с вами. Они хотят узнать, что я вам скажу, и сейчас внимательно слушают наш разговор.

Сун Чен перевел взгляд с лица Бай Бина на потолок. Пришелец не вызывал у него доверия, да и, помимо всего прочего, его не интересовала возможная тема разговора. Ему грозила смертная казнь, и хотя закон сохранил ему жизнь, он был полностью сломлен. Его сердце было все равно что мертво. Его теперь просто ничего не могло заинтересовать.

– Я знаю всю правду, – сказал Бай Бин.

Тут Сун Чен все же невольно улыбнулся. Пусть чуть заметно, но все же. *Правды не знает никто, кроме них*. Но произносить вслух эти слова он не стал.

– Семь лет назад вы начали работать в провинциальной Комиссии по проверке дисциплины. Повышение получили только в прошлом году.

Сун Чен молчал, хотя уже начал злиться. Слова Бай Бина вновь пробудили воспоминания, от которых он все время старался уйти.

Громкое дело

В начале века Местное народное правительство Чжэнчжоу

начало политику назначения заместителями руководителей людей с высшим образованием и – предпочтительно – с ученой степенью. Этому примеру последовали многие другие города, а позднее ту же практику начали применять правительства провинций, даже отменив требования к году выпуска и предложив более высокие стартовые позиции. Это был отличный способ продемонстрировать миру широту взглядов и дальновидность кадровиков, хотя на деле привлекательная с виду концепция сводилась всего-навсего к политическому жесту. Кадровики действительно были дальновидны – они прекрасно знали, что этим умным, хорошо образованным молодым людям катастрофически не хватало политического опыта. И, вступив в незнакомую и безнравственную политическую сферу, они сразу же терялись в бюрократическом лабиринте, не имея ориентиров и почвы под ногами. В результате этой затеи значительная часть вакансий так и осталась незаполненной, а вот политические позиции кадровиков существенно укрепились.

Сун Чен, бывший тогда преподавателем права, соблазнился открывающимися перспективами и сменил уютный кампус на мир политики. Из коллег, выбравших тот же путь, никто не продержался дольше года; они побросали новые должности, совершенно упав духом и утратив прежние идеалы. А вот Сун Чен явился исключением. Он не только удержался в политике, но и немало преуспел.

Своими успехами он был обязан двоим людям. Одним из них был его институтский однокашник Лю Вэньмин. Он поступил на государственную службу еще на последнем курсе обучения; Сун Чен тогда готовился в аспирантуру. Благодаря привилегиям семейного происхождения и собственным самоотверженным усилиям он через десять лет стал самым молодым секретарем Комиссии по проверке дисциплины в стране, возглавив организацию, отвечающую за поддержание дисциплины в партии во всей провинции. Именно он посоветовал Сун Чену отказаться от книжной премудрости ради практики управления. Когда «простой ученый» только начинал работать, Лю не просто вел его за руку, а скорее помогал переставлять ноги, самым форменным образом обучал его ходить. Он обводил его вокруг ловушек и предательств, которые Сун Чен сам никогда не заметил бы, и вывел на ту самую дорогу, которая привела к сегодняшнему дню. Вторым был Большой Начальник… При мысли о нем сердце Сун Чена стиснул спазм.

– Вы не можете отрицать, что сделали выбор самостоятельно. Вас ведь никто к этому не подталкивал, верно?

Сун Чен кивнул. Да, ему предоставили выход из

сложившегося положения – можно сказать, широкий проспект с его именем, обозначенным большими светящимися буквами.

Бай Бин продолжал:

– Несколько месяцев назад вы встречались с Большим Начальником. Не сомневаюсь, что это событие вы хорошо запомнили. Вы посетили его на пригородной вилле на берегу Янцзы.

Выйдя из машины, вы увидели, что он ждет вас у ворот – редкая и высокая честь. Тепло пожав вам руку, он провел вас в гостиную.

Обстановка там на первый взгляд производит впечатление непритязательной простоты, но это ошибка. Старинная мебель из красного дерева стоит миллионы. Простенькая картина-свиток, висящая на стене, выглядит еще старше, если присмотреться, видно даже, что она повреждена насекомыми, но ведь это не что иное, как «Вид на реку Данхэ» кисти У Бина, художника династии Мин, купленная на аукционе «Кристи» в Гонконге за восемь миллионов гонконгских долларов. А чашка чая, который Большой Начальник лично заварил для вас? Эти листья получили пять звезд на Международном конкурсе чая и продаются по девятьсот тысяч юаней за полкило.

О да, Сун Чен помнил тот чай, о котором упомянул Бай Бин. Отвар сверкал зеленью наилучшего изумруда, в его прозрачном слое плыло несколько нежных листочков, наводивших на мысль о томных звуках струн гучжена, на котором играет какой-нибудь святой отшельник высоко в горах… Он даже вспомнил, что почувствовал тогда: «О, если бы мир за стенами дома мог быть таким прекрасным и чистым!» Апатия, словно чехлом накрывшая было его подавленные мысли, вдруг развеялась, и затуманенный разум вновь обрел четкость. Он уставился на Бай Бина широко раскрытыми от потрясения глазами.

Откуда ему все это известно? Вся эта история была тайной из тайн, и знало о ней не более четырех человек, считая самого Сун Чена.

– Кто вы такой? – Это были первые слова, которые Сун Чен произнес с тех пор, как вошел в комнату.

Бай Бин улыбнулся.

– Я ведь уже представился. Я самый обычный человек. Но признаюсь откровенно: не просто много знаю, а знаю все. Точнее говоря, имею возможности знать все. Потому-то они хотят избавиться от меня, как уже избавились от вас. – И он продолжил свой рассказ:

– Большой Начальник сидел рядом, положив одну руку вам на колено. И смотрел на вас с такой доброжелательной

симпатией, что любой нижестоящий просто растаял бы от блаженства. Насколько я знаю (а я, как вы помните, знаю все), он никогда еще и ни к кому не проявлял такой симпатии при общении. Он сказал вам: «Не волнуйтесь, молодой человек, мы все здесь товарищи. Что бы ни было, просто говорите честно и верьте, что получите такой же честный ответ. Мы всегда можем найти решение… у вас есть идеи, есть способности, есть чувство долга и чувство предназначения. Два качества, которые я назвал последними, в наши дни встречаются у молодых кадров так же редко, как оазисы в пустыне, и так же ценны. Вот почему у меня сложилось такое высокое мнение о вас. В вас я вижу отражение себя – каким я был когда-то».

Должен отметить, что Большой Начальник вполне мог говорить правду. На службе у вас было мало возможностей для общения с ним, но все же несколько раз вы нос к носу сталкивались с ним в коридорах Управления или где-то на митингах, и он всегда останавливал вас для того, чтобы немного побеседовать. А ведь он очень редко снисходил до рядовых сотрудников, особенно молодых. На это обратили внимание. Пусть он не помогал вам в работе какими-то конкретными словами или действиями, но и эти поступки весьма способствовали вашей карьере.

Сун Чен опять кивнул. Все это было ему прекрасно известно, и он высоко ценил поступки Большого Начальника. И все последние годы он думал о том, как бы отблагодарить благодетеля.

– Затем Большой Начальник поднял руку и не глядя подал какой-то знак. И тут же какой-то человек вошел и положил на стол толстую стопку бумаг. Вы должны были заметить, что это был не его обычный секретарь.

Большой Начальник положил ладонь на документы и сказал: «Проект, который вы только что завершили, как нельзя лучше демонстрирует ваши бесценные способности. Для сбора доказательств потребовалось широкое и скрупулезное расследование, но и документальное обоснование оформлено всеобъемлюще, подробно и надежно, а сделанные выводы неопровержимы. Трудно поверить, что вы сделали это всего за полгода. Партии было бы очень полезно иметь в Комиссиях по проверке дисциплины больше таких старательных и талантливых сотрудников, как вы…» Полагаю, рассказывать, что вы тогда думали и чувствовали, необязательно, да?

Да уж, в этом вовсе не было необходимости. Сун Чен никогда прежде не испытывал такого ужаса. При виде горы бумаг он сначала содрогнулся, как от удара током, а потом оцепенел.

– Все началось с расследования незаконного распределения государственных земель, которое вы начали по поручению Центральной Комиссии…

Вам на всю жизнь врезался в память случай, когда еще в детстве вы с двумя друзьями залезли в Стариковскую пещеру – так ее называют местные. Входной лаз был всего полметра высотой, и вам пришлось ползти на животе. Зато внутри оказался колоссальный зал, до потолка которого не доставали лучи ваших фонарей. И вы видели там лишь бесчисленную стаю летучих мышей, которые мелькали в свете фонарей. Каждый, даже чуть слышный, звук отзывался вдали громким раскатистым эхом. И у вас кровь стыла в жилах… Случившееся с вами можно описать такой метафорой: охотник отправился по следам зайца, а привели они его в логово даже не тигра, а непобедимого дракона. По мере того как ваше расследование углублялось, перед вами раскрывалась грандиозная коррупционная сеть, охватывающая всю провинцию, и каждая нить паутины вела в одном направлении, к одному человеку. И теперь совершенно секретный отчет о проверке дисциплины, который вы подготовили для Центральной Комиссии, находился у него в руках! В расследовании вы рассматривали всевозможные наихудшие сценарии, но тот, с которым вы столкнулись сейчас, вам и не снился. Это повергло вас в полную панику. Вам удалось выдавить из себя лишь наивную фразу: «Как это к вам попало?» Большой Начальник снисходительно улыбнулся и снова поднял руку для небрежного жеста. И вы сразу же получили ответ: в комнату вошел глава Комиссии Лю Вэньмин.

Вы встали с места и уставились на него яростным взглядом.

«Как… как ты мог? Как ты мог так нарушить все без исключения правила нашей организации?» Но Лю Вэньмин оборвал вас резким взмахом руки и еще яростнее закричал на вас: «Нет, это как *ты* мог!? Как ты посмел вести такое дело, даже не поставив меня в известность?»

«Я целый год замещал тебя, пока ты был на повышении квалификации в Центральной партийной школе, – огрызнулись вы. – Естественно, я не мог ничего сообщать туда – это было бы противозаконно!»

Лю Вэньмин сокрушенно покачал головой; у него был такой вид, будто он сейчас расплачется от отчаяния. «К счастью, я успел перехватить этот доклад… ты в состоянии хотя бы представить себе последствия? Сун Чен, твоя трагическая ошибка в том, что ты делишь мир на черное и белое, тогда как в реальности он всегда серый!»

Сун Чен медленно, с трудом выдохнул. Ему вспомнилось, как

он тупо смотрел на своего институтского друга, не в силах поверить, что тот мог сказать что-то подобное. Тот никогда раньше не высказывал подобных мыслей. Неужели ненависть к коррупции среди чиновников, которую он демонстрировал в их бесчисленных ночных беседах, непоколебимое мужество, которое он проявлял, когда они занимались бесчисленными деликатными делами, вызывающими давление со всех сторон, искренняя забота о партии и нации, которую он высказывал в бесчисленные рассветы после изнурительных ночных дежурств на работе… неужели все это было не чем иным, как лицемерием?

– Не сказать чтобы Лю Вэньмин прежде все время лгал. Скорее он просто никогда не раскрывал душу перед вами. Он вроде знаменитого торта «Запеченная Аляска» – горячее безе с ледяным мороженым. Горячая часть действительно горяча, а холодная холодна. Но Большой Начальник даже не взглянул на него, а, напротив, хлопнул ладонью по столу: «Какой еще серый?! Вэньмин, я ведь на самом деле терпеть не могу эту твою идеологию! Сун Чен проделал выдающуюся, безупречную работу. В этом отношении он куда лучше тебя!» Потом он повернулся к вам: «Молодой человек, вы поступили именно так, как должны были поступить. Если человек, особенно молодой, теряет эту веру и чувство долга, то сам он определенно никуда не годится. Я презираю таких!»

Пожалуй, эти слова поразили Сун Чена еще сильнее, чем все прочие события последних минут. Хоть они с Лю Вэньмином были ровесниками, Большой Начальник назвал *молодым* именно его, да еще и несколько раз повторил это. Подтекст был совершенно ясен: против меня ты еще жалкий щенок. В сложившемся положении Сун Чен не мог не признать, что это истинная правда.

– Ну а Большой Начальник продолжал: «И все же, молодой человек, вам бесспорно пора взрослеть. Это ясно из вашего доклада. На электролитическом алюминиевом заводе Хэньгуй действительно есть проблемы, и даже посерьезнее тех, что вы отметили в своем расследовании. Там замешаны не только местные чиновники; с ними активно сотрудничали в серьезных юридических нарушениях иностранные инвесторы. Как только делу будет дан ход, иностранцы заберут свои инвестиции. Крупнейшее в стране предприятие по электролитическому производству алюминия вскоре остановится. Бокситовые рудники Туншань, поставляющие в Хэньгуй алюминиевую руду, тоже окажутся в критическом положении. Дальше в цепочке стоит атомная электростанция Чэнлинь. Из-за энергетического кризиса последних нескольких лет ее построили с избыточной

мощностью, и почти весь этот избыток электроэнергии в настоящее время идет на алюминиевый завод. Прекратит работать Хэньгуй – почти наверняка обанкротится и АЭС Ченлинь. Утратит смысл существования химический завод Чжаосикоу, который поставляет обогащенный уран для Чэнлиня… Как следствие, пойдут прахом почти семьдесят миллиардов юаней государственных инвестиций, и от тридцати до сорока тысяч человек потеряют работу. Все эти предприятия расположены в ближнем пригороде столицы провинции – значит, жизненно важный для всей страны город мгновенно погрузится в хаос… И судьба Хэньгуя, на которой я столь подробно остановился, – это лишь малая часть проблемы. В деле фигурируют один руководитель провинциального уровня, три руководителя субпровинциального уровня, двести пятнадцать чиновников уровня префектуры, шестьсот четырнадцать чиновников уездного уровня и бесчисленное множество чиновников более низкого ранга. Обвиняемые так или иначе – но всегда тесно! – связаны с почти половиной наиболее преуспевающих крупных предприятий и наиболее перспективных инвестиционных проектов, имеющихся в провинции. Как только секрет раскроется, вся экономика и политическая структура провинции рухнут как подкошенные! И мы не знаем и не можем предсказать, какие еще худшие последствия может повлечь за собой столь масштабный и серьезный перелом. От политической стабильности и экономического роста, ради достижения которых так упорно трудилась наша провинция, ничего не останется. Пойдет ли это на пользу партии и стране? Молодой человек, вам пора отрешиться от образа мыслей ученого-юриста, требующего справедливости по закону, несмотря ни на что! Это безответственно. Человечество смогло продвинуться по пути истории до сегодняшнего дня лишь благодаря умению достигать равновесия, золотой середины между различными элементами. Отказ от равновесия и стремление к крайностям – признак крайней незрелости в политике».

Как только Большой Начальник умолк, заговорил Лю Вэньмин: «Дела с Центральной Комиссией я улажу. Тебе нужно лишь грамотно изъять все материалы у тех, кто работал по этому направлению. На следующей неделе я досрочно отпрошусь с курсов ВПШ, вернусь и помогу тебе…»

«Негодяй! – Большой Начальник неожиданно снова хлопнул по столу. Лю Вэньмин аж подпрыгнул от испуга. – Так вот как ты воспринял мои слова? Ты, наверное, решил, будто я пытаюсь заставить этого молодого человека отказаться от своих принципов и долга?! Вэньмин, ты знаешь меня много лет. Скажи

откровенно: неужели ты на самом деле считаешь, будто мне недостает партийного сознания и принципов? Когда ты в своем возрасте успел стать таким склизким? Это меня расстраивает». И он снова повернулся к вам: «Молодой человек, до сих пор вы поистине прекрасно справлялись со своей работой. Вот и впредь так же твердо преграждайте путь недобросовестному вмешательству и давлению и не давайте спуску коррумпированным элементам! Ведь и глазам, и сердцу больно смотреть на то, что они творят. Во имя народа, во имя справедливости – не щадите их! И пусть то, что я только что сказал, не заслоняет вам зрение. Я просто напоминал вам, как старый партиец, что нужно быть осторожным, чтобы избежать серьезных последствий, выходящих за рамки вашего прогноза. Но в одном я совершенно уверен – вы должны докопаться до сути этого ужасного дела о коррупции!» С этими словами Большой Начальник достал листок бумаги и торжественным жестом вручил его вам: «Мне кажется, это будет неплохой улов?»

Сун Чену было ясно, что готовится алтарь, на который возложат подобающие жертвы. Он пробежал взглядом список. Улов, как выразился Большой Начальник, был действительно неплох и по количеству, и по качеству. Такое дело о коррупции должно было бы потрясти своим размахом всю страну, и после его триумфального завершения Сун Чену была гарантирована всенародная слава выдающегося борца с коррупцией, светоча справедливости и добродетели.

Однако было совершенно ясно, что это всего лишь хитрость ящерицы, отбрасывающей свой хвост. Ящерица спасется от опасности, и через некоторое время хвост отрастет заново. Он видел, что Большой Начальник пристально смотрел на него, и в тот момент на самом деле подумал о ящерице, и его передернуло. Но Сун Чен знал также, что Большому Начальнику сейчас страшно и что страх на него нагнал не кто иной, как он, и от этого исполнился гордости. Из-за гордости он в тот момент переоценил свои силы, чему способствовал и тот невыразимый фактор, присутствующий в крови каждого идеалиста-ученого. Он сделал пагубный выбор.

– Вы встали со стула и обеими руками взяли со стола всю груду документов. И, прижимая их к груди, сказали Большому Начальнику: «В соответствии с Правилами внутреннего надзора КПК Секретарь Комиссии по проверке дисциплины имеет право проводить проверки партийных чиновников того же ранга. Согласно тем же правилам, эти документы не могут находиться в вашем распоряжении. Я забираю их».

Лю Вэньмин шагнул вперед, чтобы остановить вас, но

Большой Начальник легким прикосновением остановил его. Уже в дверях вы услышали, как ваш институтский друг чуть слышно прошипел вам в спину: «Ну, Сун Чен, это уже слишком!»

Большой Начальник проводил вас до машины. Когда вы уже взялись за ручку двери, он взял вас за локоть и медленно проговорил: «До скорой встречи, молодой человек».

Истинным значением этих слов было: «Если надумаешь сдаться – не тяни. У тебя очень мало времени». Но Сун Чен понял это с изрядным опозданием.

Большой взрыв

Сун Чен испуганно уставился на Бай Бина. Откуда он мог узнать все это – то, чего не мог знать никто?

– Кто вы такой, черт возьми?

– Ладно, на этом закончим с воспоминаниями. – Бай Бин взмахнул рукой, будто обрывая повествование. – Позвольте, я перейду к «как» и «почему» – это поможет заранее ответить на часть накопившихся у вас вопросов. Хм-м-м… вы знаете, что такое Большой взрыв?

Сун Чен недоумевающе уставился на Бай Бина – его мозги просто не успевали за сменой предмета разговора. В конце концов он все же отреагировал простейшим образом – чуть слышно рассмеялся.

– Ну, хорошо, хорошо, – сказал Бай Бин. – Понимаю, что мой вопрос был очень уж неожиданным. Но, прошу вас, поверьте, что все это у меня здесь, в голове. Чтобы действительно все прояснить, хочешь не хочешь – надо начинать с Большого взрыва. Это… как бы вам понятно объяснить… Давайте все-таки начнем с Большого взрыва. Уверен, что вы знаете хотя бы общий смысл этих слов.

Так вот, наша Вселенная возникла двадцать миллиардов лет назад в результате мощного взрыва. Люди обычно представляют себе Большой взрыв как огненный шар, возникший во тьме космоса, но это совершенно неверно. До Большого взрыва не было ничего, даже времени и пространства. Существовала только сингулярность, единственная точка неопределенного размера, которая быстро расширялась, образуя нашу сегодняшнюю Вселенную. Всё и вся, включая нас, возникло в результате расширения сингулярности. Это семя, из которого выросло все живое! За этим стоит чрезвычайно глубокая теория, и я сам не до конца понимаю ее, но для нас сейчас важно одно: с развитием физики и появлением «всеобщих теорий всего», таких, например,

как теория струн, физики взялись за выяснение структуры этой сингулярности и создание ее математической модели. Она отличается от ранее разработанных моделей на основе квантовой теории. Если мы сможем определить фундаментальные параметры сингулярности до Большого взрыва, то сможем определить и все в образовавшейся из нее Вселенной. Непрерывная цепь причин и следствий, проходящая через всю историю Вселенной… – Он вздохнул. – Нет, серьезно: как прикажете все это объяснить?

Бай Бин, конечно же, видел, что Сун Чен помотал головой, то ли ничего не понимая, то ли просто не желая слушать. Он сказал:

– Послушайте моего совета: постарайтесь не думать о тех страданиях, через которые прошли. Не хвастаясь и не прибедняясь, скажу: мне немногим лучше, чем вам. Я вам уже сказал, что я самый обычный парень, но теперь за мной идет охота, и я могу оказаться в гораздо худшем положении, чем вы, по одной той причине, что знаю все. У вас есть опора в том, что вы страдаете за свои убеждения и выполненный долг, а вот я… Мне просто самым диким образом не везет! Этого сраного невезения хватит на восемь перевоплощений, не меньше! Так что я вляпался еще хуже, чем вы.

Однако по унылому виду Сун Чена было ясно, что он думал: «Вляпаться хуже меня просто невозможно».

Фальсификация

Сун Чена арестовали за убийство через неделю после того, как тот побывал в гостях у Большого Начальника.

Надо признаться, он не сомневался в том, что против него будут приняты чрезвычайные меры. Использовать обычные административные и политические методы против человека, который так много знал и уже был готов к действию, было бы слишком рискованно. Но он и представить себе не мог, что его противник будет атаковать так быстро и так сокрушительно.

Жертвой стал танцор из ночного клуба по имени Ло Ло, и умер он в машине Сун Чена. Двери были заперты снаружи. В машине, как выяснилось, находились два разрезанных баллона жидкого пропана, которым заправляют зажигалки. Содержимое баллонов, естественно, мгновенно испарилось, и концентрация газа в салоне оказалась смертельной. Когда труп извлекли, он сжимал в кулаке искореженный сотовый телефон, которым явно пытался разбить стекло.

Полиция представила достаточно доказательств. У них

набралось два часа записей, доказывавших, что Сун Чен на протяжении последних трех месяцев состоял в предосудительных отношениях с Ло Ло. Самой компрометирующей уликой был телефонный звонок, который Ло Ло сделал в полицию незадолго до своей смерти.

> **Ло Ло:** Скорее! Скорее! Я не могу открыть дверь машины! Мне нечем дышать, голова раскалывается…
>
> **Полиция:** Где вы? Постарайтесь объясниться понятнее!
>
> **Ло Ло:** Сун… Сун Чен хочет убить меня… **[Конец записи]**

Затем полицейские раскопали на телефоне жертвы запись его короткого телефонного разговора с Сун Ченом.

> **Сун Чен:** Ну, раз уж дошло до этого, придется тебе порвать с Сюй Сюэпин.
>
> **Ло Ло:** Но зачем, братец Сун? У нас с сестричкой Сюй самые обычные отношения, какие бывают у мужчины и женщины. На наши дела они никак не повлияют. Черт возьми, из этого может быть толк.
>
> **Сун Чен:** Мне это не нравится. Не вынуждай меня к решительным мерам.
>
> **Ло Ло:** Братец Сун, оставь меня в покое. **[Конец записи]**

Дело было сфабриковано по наивысшему разряду. Причем фальсификация была идеальной в том смысле, что почти все улики по отдельности были реальными.

Сун Чен действительно имел с Ло Ло тайный контакт, который вполне можно было счесть предосудительным. Две записи были самыми настоящими, правда, вторая воспроизводилась с сильными искажениями.

Сун Чен встречался с Ло Ло, когда искал подходы к Сюй Сюэпин, генеральному директору Чантунгской группы, состоявшей в тесных финансовых связях со многими ключевыми фигурами коррупционной сети и наверняка знавшей всю подноготную о структуре и внутренних механизмах работы сети. Конечно, напрямую обращаться к ней не было смысла, но практически всю нужную информацию Сун Чен получил через Ло Ло.

Танцор снабжал Сун Чена информацией вовсе не из альтруизма или стремления к справедливости. По его мнению, мир годился разве что для того, чтобы задницу им подтирать. Он

пытался отомстить.

Этот провинциальный город, окутанный промышленным смогом и пылью, возможно, и находился в самом низу списка китайских городов сходного размера с не очень доходной экономикой, но в нем имелись едва ли не самые роскошные во всей стране ночные клубы. Молодые отпрыски семейств высокопоставленных пекинских политиков в столице должны были соблюдать определенные правила поведения – в отличие от богачей, вольных почти как угодно потакать своим прихотям. А «золотой молодежи» приходилось вечером пятницы садиться в машины и мчаться четыре-пять часов по шоссе в этот город, чтобы два дня и одну ночь предаваться экстравагантному гедонизму, а в воскресенье вечером гнать обратно в Пекин.

«Синяя волна», где работал Ло Ло, относилась к наивысшему из высших разрядов ночных клубов. Чтобы заказать песню, нужно было выложить не менее трех тысяч юаней, а «мартель» и «хеннесси», тоже по несколько тысяч за бутылку, еженощно распродавались ящиками. Но главной особенностью «Синей волны», которая, собственно, и прославила заведение, было то, что ее могли посещать исключительно женщины.

В отличие от своих коллег-танцоров, Ло Ло думал не о том, сколько платят его клиенты, а о том, что значит для каждого из них сумма этого вознаграждения. Если бы посетительница из числа иностранных служащих – «белых воротничков», зарабатывающая всего двести-триста тысяч юаней в год (в «Синей волне» такие посетители были редки и считались нищетой), дала ему несколько сотен, он спокойно взял бы. Но сестрица Сюй была не из этой категории. Ее миллиардное состояние за последние несколько лет подняло настоящую бурю не только к югу от Янцзы, но стремительно распространялось и на север, сокрушая в своем приливе всех конкурентов. Ее романчик с Ло Ло затянулся на несколько месяцев, после чего танцор получил отставку с прощальным подарком всего в четыреста тысяч.

Чтобы вновь попасть в фавор у сестрицы Сюй, потребовалось немало стараний; по словам Ло Ло, у какого-нибудь другого танцора от выпитого шампанского печень отвалилась бы. У какого-нибудь, но не у Ло Ло, который теперь был полон ненависти к Сюй Сюэпин. Когда на него вышел высокопоставленный чиновник Комиссии по проверке дисциплины, танцор преисполнился надежды отомстить богачке за унижение, и он пустил в дело все свои таланты, чтобы снова сойтись с сестрицей Сюй. Обычно она была неразговорчива даже с Ло Ло, но стоило ей выпить побольше или занюхать пару лишних «дорожек», как ее поведение менялось. Да и Ло Ло не

только слушал: в самые темные предрассветные часы, когда сестрица Сюй крепко спала рядом с ним, он тихо вылезал из постели, обшаривал ее портфель и ящики стола и фотографировал документы, которые были нужны Сун Чену.

Видеозаписи, которые полиция использовала, чтобы доказать связь Сун Чена с Ло Ло, были сделаны большей частью в главном танцевальном зале «Синей волны». Сюжет всегда начинался с симпатичных молодых парней, с энтузиазмом пляшущих на сцене, а затем камера переходила к сидевшим в полутемном зале роскошно одетым посетительницам, которые указывали на сцену и время от времени сдержанно улыбались. И завершали записи всегда Сун Чен и Ло Ло, сидевшие обычно в каком-нибудь дальнем углу и с совершенно интимным видом шушукавшиеся, почти соприкасаясь головами. Сун Чен всякий раз оказывался единственным мужчиной-посетителем в женском клубе, и не узнать его было нельзя…

И на это Сун Чену было нечего возразить. Как правило, ему удавалось встречаться с Ло Ло только в «Синей волне». В зале всегда царил полумрак, но тем не менее видеозаписи были очень четкими и не оставляли вероятности ошибки опознания. Такое качество съемки обеспечивали только камеры наивысшей светочувствительности, какие редко имеются у рядовых любителей. А это значило, что его «вели» с самого начала и что он сам – жалкий любитель по сравнению со своими противниками.

В тот день Ло Ло хотел доложить о своих новейших находках. Встретившись с Сун Ченом в клубе, танцор, против обыкновения, предложил поговорить в машине. Когда они сели туда, Ло Ло пожаловался, что нездоров, но если сейчас вернется в клуб, хозяин непременно погонит его на сцену танцевать. Так что он просто посидит и отдохнет в машине Сун Чена.

Сун Чен заподозрил, что Ло Ло перебрал наркотиков, но у него не было выбора. Нужно было возвращаться на службу и доделывать незаконченную с утра работу. Он поставил машину на стоянку перед Управлением, а когда вернулся через сорок минут, кто-то уже обнаружил там Ло Ло, задохнувшегося в пропановых испарениях. Двери оказались заперты, и Сун Чену пришлось открыть их ключом снаружи.

Немного позже близкий знакомый из полиции, тоже участвовавший в следствии, рассказал Суну, что замки дверей его машины совершенно точно в полном порядке. Никто их не портил, и этот факт полностью исключает вероятность существования постороннего убийцы. И вполне логично все решили, что Ло Ло убил Сун Чен. Хотя он-то знал, что существует

другое объяснение: Ло Ло принес эти злосчастные баллоны с собой.

Вот это и надломило Сун Чена. Он отказался от попыток защитить свое доброе имя – если кто-то пожертвовал собственной жизнью для того, чтобы оклеветать его, то спасения просто не могло быть.

Вообще-то, самоубийство Ло Ло не слишком удивило Сун Чена; он знал, что танцор недавно получил положительный результат анализа на ВИЧ. Но ведь кто-то убедил его не просто расстаться с жизнью, а сделать это так, чтобы заодно погубить и Сун Чена! Чем же могли на него повлиять? Неужели он вдруг соблазнился деньгами? Для кого-нибудь другого? Или дело было не в деньгах? Напугали? Но чем же его могли напугать так сильно, чтобы страх преодолел ненависть к Сюй Сюэпин? Сун Чен не надеялся когда-нибудь узнать это, зато с полной ясностью понимал и возможности врагов, и степень своей наивности.

В результате общественному мнению он был представлен в совершенно отвратительном виде: высокопоставленный сотрудник надзорного органа, сам по уши погрязший в коррупции и извращениях, с которыми должен был бороться, извращенец, живущий тайной жизнью, арестованный за то, что из ревности к женщине убил своего любовника. Даже сдержанность, которую он ранее проявлял в гетеросексуальных отношениях, теперь стала для общественного сознания еще одним доказательством его виновности. От его прежней жизни не осталось и следа. Если кому-то и случалось подумать о нем, то он представал в этих мыслях в образе раздавленного отвратительного вонючего жука.

Лишь тогда Сун Чен понял, что его былая уверенность в том, что он готов пожертвовать всем ради убеждений и долга, основывалась лишь на том, что он не понимал, что значит пожертвовать всем. Он, естественно, предполагал, что его в конце концов убьют, и лишь по ходу дела узнал, что для него придумали гораздо более жестокую кару, нежели смерть. Однажды полицейские привели его в собственный дом, где проводили обыск. Там находились его жена и дочь. Он потянулся к дочери, но девочка взвизгнула от отвращения и уткнулась лицом в руки матери, и они обе забились в угол. До того он лишь однажды видел у них такие выражения лиц – когда он утром обнаружил убитую мышь в мышеловке под шкафом и показал им…

– Ну, ладно, отложим пока Большой взрыв, сингулярность и прочие абстрактные материи. – Бай Бин неожиданной репликой прервал горькие размышления Сун Чена и положил на стол свой большой портфель. – Взгляните-ка на это.

– Это суперструнный компьютер, – сказал Бай Бин, похлопав портфель ладонью. – Я позаимствовал его или, если называть вещи своими именами, украл из Центра метеорологического моделирования. С его помощью я ускользаю от преследователей.

Сун Чен в еще большей растерянности уставился на портфель.

– Это очень дорогая штука; во всей провинции их всего две. Согласно теории суперструн, фундаментальные частицы материи – это не точечные объекты, а бесконечно тонкая одномерная струна, вибрирующая в одиннадцати измерениях. В настоящее время мы можем манипулировать этой струной для хранения и обработки информации по одному измерению – по длине. Вот эта теория и лежит в основе суперструнного компьютера.

По сравнению с суперструнным компьютером процессор и память привычного нам устройства – не более чем атом! Аналоги электрических схем – одиннадцатимерная микромасштабная структура из элементарных частиц. Эта многомерная субатомная матрица дала человечеству практически бесконечные возможности хранения и обработки информации. Сравнивать огромные сверхмощные вычислительные машины прошлого с суперструнными компьютерами – все равно что наши десять пальцев с этими самыми суперкомпьютерами. Суперструнный компьютер обладает максимальной теоретически возможной производительностью – он способен сохранять текущее состояние каждой фундаментальной частицы, существующей в известной Вселенной, и выполнять с ними операции. Другими словами, суперструнный компьютер может смоделировать всю Вселенную на атомном уровне для трех пространственных измерений и одного временного…

Сун Чен переводил взгляд с лица Бай Бина на портфель и обратно. Сейчас он, в отличие от первой части разговора, действительно слушал то, что говорил Бай Бин, – и внимательно слушал. Хотя, если уж по правде, он отчаянно искал хоть какого-то облегчения, а странная болтовня таинственного посетителя помогала оторваться от болезненных воспоминаний.

– Простите, что вновь и вновь возвращаюсь ко всем этим совершенно посторонним вещам – Большому взрыву и суперструнах. Наверняка вам кажется, что они никоим образом не связаны с реальностью, в которой мы обретаемся, но, если опустить это, я буду не в состоянии объяснить вам, что к чему. Но сейчас мы ненадолго остановимся на моей биографии. Я

инженер-программист, специализируюсь на программном обеспечении моделирования процессов. То есть вы создаете математическую модель и запускаете ее в компьютере, который производит симуляцию, то есть воспроизводит модель какого-либо объекта или процесса, происходящего в реальном мире. Я изучал математику, поэтому занимаюсь как алгоритмами создания моделей, так и собственно программированием. В прошлом я моделировал песчаные бури, эрозию почвы на лессовом плато, выработку энергии и тенденции экономического развития на северо-востоке и так далее. Сейчас я работаю над крупномасштабными моделями погоды. Я люблю свою работу. Честно говоря, очень увлекательно наблюдать за тем, как внутри компьютера живет и развивается часть реального мира.

Бай Бин посмотрел на Сун Чена, который давно уже смотрел на него не мигая. Похоже, что он действительно слушал с великим вниманием, и Бай Бин продолжил:

– Вы, вероятно, знаете, что за последние годы один за другим происходят мощные прорывы в области физики, очень похожие на то, что было в начале прошлого века. Сегодня нам не хватает только граничных условий для того, чтобы рассеять туман квантовых эффектов и точно предсказывать поведение элементарных частиц как по отдельности, так и в группе.

Обратите внимание: я упомянул группы. Группа из достаточного количества частиц означает макроскопическое тело. Другими словами, теперь мы можем создать математическую модель макроскопического объекта на атомном уровне. Такого рода моделирование называется цифровым зеркалом. Я приведу пример. Если мы используем цифровое зеркальное отображение для создания математической модели яйца – например, вводим статус каждого атома в яйце в базу данных модели – и запускаем процесс в компьютере, учитывая подходящие граничные условия, из виртуального яйца в памяти вылупится цыпленок. И виртуальный цыпленок в памяти будет полностью идентичен цыпленку, вылупившемуся из яйца в реальной жизни, вплоть до кончика каждого перышка! И подумайте дальше: что, если бы моделируемый объект был больше яйца? Размером с дерево, человека, многих людей. Размером с город, страну или даже всю Землю? – Бай Бин явно воодушевился и энергично размахивал руками. – Мне нравится думать о далеких перспективах. Мне до одержимости хочется довести каждую идею до предела. Потому-то я и задумался: а что, если объект, отражаемый в цифровом виде, – это вся Вселенная? – Он уже не контролировал себя. – Представьте себе – вся Вселенная! Боже мой, вся Вселенная в оперативной памяти! От сотворения до разрушения…

Вдруг Бай Бин прервал свой восторженный монолог, явно насторожился и встал. Дверь бесшумно отворилась, и вошли двое мрачных мужчин. Один из них, немного постарше на вид, повернулся к Бай Бину и поднял руки, явно требуя, чтобы тот повторил его движение. Из-под расстегнутого пиджака демонстративно торчала кожаная кобура. Бай Бин покорно поднял руки. Младший тщательно охлопал Бай Бина, взглянул на старшего, покачал головой, а потом взял со стола портфель и отставил в сторону.

Старший подошел к двери и сделал кому-то снаружи приглашающий жест. И в комнату вошли еще три человека. Первым – начальник городской полиции Чэнь Сюйфэн. Вторым – начальник Комиссии по проверке дисциплины Лю Вэньмин. И последним – Большой Начальник.

Младший достал наручники, но Лю Вэньмин покачал головой. Чэнь Сюйфэн коротко кивнул в сторону открытой двери, и двое агентов в штатском поспешно вышли. Один из них на ходу наклонился и отцепил от ножки стола какой-то маленький предмет, очевидно, микрофон подслушивающего устройства.

Исходное состояние

На лице Бай Бина не было никаких признаков удивления. Напротив, он безмятежно улыбнулся.

– Ну вот, вы наконец поймали меня.

– Точнее будет сказать, что вы намеренно влетели в расставленную сеть, – возразил Чэнь Сюйфэн. – Должен признать, что, если бы вы хотели убежать, нам пришлось бы очень здорово попотеть, ловя вас.

Лю Вэньмин с непонятным выражением взглянул на Сун Чена. Он как будто хотел что-то сказать, но одернул себя.

Большой Начальник медленно покачал головой и произнес со скорбной интонацией (и гораздо фамильярнее, нежели в прежних разговорах):

– Ах, Сун Чен, как же ты мог так низко пасть… – И он надолго замер, касаясь ладонями края стола, и даже глаза у него немного увлажнились. Никто не смог бы заподозрить, что печаль эта наигранная.

– Большой Начальник, я думаю, что нам тут лучше будет отбросить всякое притворство, – холодно сказал Бай Бин, глядя на него.

Большой Начальник не пошевелился.

– Ведь именно вы приказали разделаться с ним.

– Доказательства? – снисходительно бросил Большой Начальник, не двигаясь с места.

– После той встречи вы сказали ему… – Бай Бин указал на Чэнь Сюйфэна, – лишь несколько слов: «Сюйфэн, ты ведь понимаешь, что значит эта история с Сун Ченом, да? Так что потрудись подтолкнуть ее».

– И что же это доказывает?

– Конечно, для суда эти слова не значили бы ровным счетом ничего. С вашим умом и опытом вы никогда не позволите себе даже в самом тайном разговоре сказать впрямую что-то рискованное. А вот он, – Бай Бин снова указал на Чэнь Сюйфэна, – понял намек прямо и недвусмысленно. Он всегда отлично понимал вас с полуслова и даже раньше, чем вы выскажете свою волю. Поэтому он заранее приказал одному из своих подчиненных подготовить почву. Его зовут Ченьбин, и он один из самых компетентных сотрудников Управления. Вся интрига была великолепно сконструирована. Полагаю, рассказывать здесь о ее деталях нет необходимости.

Большой Начальник медленно повернулся, сел в кресло у большого стола, посмотрел в пол и сказал:

– Молодой человек, должен признать, что ваше внезапное появление было удивительным во многих отношениях. Как выразился наш шеф полиции, мы будто привидение узрели. – Он еще немного помолчал и продолжил с практически неподдельной искренностью в голосе: – Как насчет того, чтобы раскрыть нам, кто вы такой на самом деле? Если вы представляете центральные власти, то не сомневайтесь, мы окажем вам всю возможную помощь.

– Нет, я не имею к ним никакого отношения. Я уже говорил и повторю: я самый рядовой человек – именно такой, каким вы видите меня сейчас перед собой.

Большой Начальник кивнул. Было невозможно понять, как он воспринял слова Бай Бина – то ли успокоился, то ли, напротив, еще сильнее разволновался.

– Садитесь, садитесь все! – велел Большой Начальник, подкрепив свои слова жестом в сторону стоявших у стола Лю и Чена. Затем он придвинулся поближе к Бай Бину и проникновенно сказал: – Молодой человек, мне хотелось бы досконально разобраться в этом деле.

Тот кивнул.

– Именно этого я и хотел. Поэтому начну сначала.

– Нет, с самого начала не стоит. Мы внимательно выслушали все, что вы говорили Сун Чену. Лучше продолжайте с того места, на котором мы вас перебили.

Бай Бин немного растерялся, так как не мог вспомнить, на чем остановился.

– Модель всей Вселенной на атомном уровне, – напомнил Большой Начальник, но, поняв, что Бай Бин никак не соберется с мыслями, добавил: – Молодой человек, я сомневаюсь в осуществимости вашей идеи. Да, известно, что суперструнные компьютеры обладают очень большими по сравнению с тем, что было прежде, возможностями и технически позволяют осуществлять моделирование такого рода. Но учли ли вы проблему исходного состояния? Чтобы создать цифровое зеркало Вселенной, нужно начать моделирование с некой исходной точки… Другими словами, чтобы построить модель, которая представляет Вселенную на атомарном уровне, для формирования точки, с которой начинается моделирование, нужно будет ввести в компьютер параметры состояния каждого атома во Вселенной в этот момент, одного за другим. Возможно ли это? Это было бы невозможно даже с яйцом, о котором вы упомянули, а уж для Вселенной тем более. Количество атомов в одном яйце на порядки превышает количество яиц, когда-либо отложенных с начала времен. Это было бы невозможно даже для бактерии, состоящей, несмотря на крохотный размер, из невообразимого количества атомов. Но допустим, что, задействовав столь же невообразимые ресурсы и вычислительные мощности, мы все же определим начальное состояние небольшого объекта, такого как бактерия или яйцо, на атомном уровне, но как быть с граничными условиями для запуска симуляции? Например, температура наружного воздуха, влажность и так далее, необходимые для вылупления цыпленка из куриного яйца. Взятые на атомарном уровне, эти граничные условия также потребуют невообразимого количества данных, возможно, даже больше, чем сам моделируемый объект.

– Вы очень точно уловили технические проблемы. Я восхищен, – искренне сказал Бай Бин.

– Большой Начальник в студенческие годы считался экспертом в области физики высоких энергий. Как раз тогда Дэн Сяопин восстановил ученые степени, и их курс первым в Китае получил магистерские степени, – пояснил Лю Вэньмин, хотя никто его об этом не просил.

Бай Бин кивнул в сторону Лю Веньмина и снова повернулся к Большому Начальнику:

– Но вы не учли того, что существовал определенный момент времени, когда Вселенная была крайне проста, много проще и яйца, и бактерии, и любого из того, что существует в наши дни. Ведь количество атомов тогда было нулевым. Бытие не имело ни

размера, ни структуры.

– Сингулярность, предшествовавшая Большому взрыву? – произнес Большой Начальник, как только Бай Бин умолк. Он крайне редко позволял себе демонстрировать быстрый, подвижный ум, скрывающийся за внешней медлительностью и уравновешенностью.

– Именно так – сингулярность, предшествовавшая Большому взрыву. Теория суперструн уже позволила создать ее непротиворечивую модель. Так что остается лишь представить эту модель в цифровой форме и запустить на компьютере.

– Совершенно верно, молодой человек. Не вижу никаких изъянов в ваших рассуждениях. – Большой Начальник встал, шагнул к Бай Бину и легонько похлопал его по плечу, что было редчайшим проявлением наивысшего благоволения. Чэнь Сюйфэн и Лю Вэньмин, не понявшие ничего из сказанного, уставились на Начальника, не скрывая растерянности.

– Это тот самый суперструнный компьютер, который вы вынесли из исследовательского центра? – спросил Большой Начальник, указав на портфель.

– Украл, – поправил Бай Бин.

– Ха, какая разница. Насколько я понимаю, на нем и установлена программа цифрового зеркала Большого взрыва, да?

– Да.

– Не откажите продемонстрировать нам ее в действии.

Игра в Сотворение

Бай Бин кивнул, поставил портфель на стол и открыл его. Помимо монитора и проводов там находился какой-то цилиндр. Процессор суперструнного компьютера был размером всего с пачку сигарет, но для работы атомной схемы требовались сверхнизкие температуры, поэтому процессор приходилось держать погруженным в термос с жидким азотом. Бай Бин установил ЖК-экран вертикально, пошевелил мышкой, и компьютер мгновенно вышел из спящего режима. Экран засветился, как будто дремлющий глаз моргнул, и открылся простой интерфейс, состоящий только из выпадающего текстового поля и заголовка:

ВЫБЕРИТЕ ПАРАМЕТРЫ ДЛЯ НАЧАЛА СОТВОРЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ

Бай Бин щелкнул по стрелке рядом с выпадающим текстовым полем, и на экране появились столбцы данных, состоявшие из

внушительного числа элементов. Каждый ряд даже на вид значительно отличался от других.

– Свойства сингулярности определяются восемнадцатью параметрами. Технически существует бесконечное число возможных комбинаций параметров, но теория суперструн позволила установить, что число комбинаций параметров, которые могли бы привести к Большому взрыву, конечно, хотя их точное число до сих пор остается загадкой. Здесь у нас есть небольшая подборка из них. Давайте выберем один из них наугад.

Бай Бин выделил одну группу параметров, с экрана исчез весь текст, и на белом фоне появились два резко выделяющихся изображения кнопок.

СТАРТ СТОП

Бай Бин кликнул по «Старт». Экран сделался чисто-белым.

– Белизна означает отсутствие чего бы то ни было. Пространства еще не существовало, и времени еще не было. Самое настоящее ничто.

В левом нижнем углу экрана появилась красная цифра «0».

– Числа указывают, сколько времени продолжается эволюция Вселенной. Ноль указывает на то, что сформировалась сингулярность. Ее размер неопределим, и поэтому мы не видим ее.

Красные цифры стали стремительно меняться.

– Смотрите, сейчас начнется Большой взрыв.

В середине экрана возникла голубая точка, быстро выросшая в сферу, испускавшую чистое голубое сияние. Она росла и вскоре заполнила собой весь экран. Программа изменила масштаб, и шарик снова превратился в точку, но также быстро вырос на весь экран. Цикл многократно повторялся, как будто цветомузыка отбивала ритм какой-то высокопарной симфонии.

– Вселенная в инфляционной стадии расширяется со скоростью, многократно превосходящей световую.

Скорость роста сферы и, соответственно, частота изменения ее размера на экране постепенно замедлялись. По мере увеличения плотности энергии цвет шара менялся от голубого к желтому, затем к красному и стал темнеть. Масштаб перестал меняться, и сфера, сделавшаяся теперь черной, медленно росла на экране.

– Ну, вот, прошло десять миллиардов лет с Большого взрыва. На этот момент Вселенная находится в состоянии стабильной эволюции. Теперь давайте взглянем поближе. – Бай Бин пошевелил мышкой, шарик ринулся вперед, и весь экран мгновенно почернел. – Мы находимся во внутреннем

пространстве Вселенной.

– Тут ничего нет? – спросил Лю Вэньмин.

– Посмотрим, посмотрим… – С этими словами Бай Бин щелкнул правой кнопкой мыши и открыл сложное окно. Программа начала вычислять общее количество материи, имеющейся во Вселенной. – Ха, в этой Вселенной всего одиннадцать элементарных частиц. – Он извлек еще один пространный список с данными и внимательно прочитал его. – Десять частиц организованы в пять пар, вращающихся по взаимным орбитам. Однако половинки пар разделены расстоянием в десятки миллионов световых лет. Чтобы под взаимным влиянием сократить это расстояние на миллиметр, им потребуются миллионы лет. Последняя частица свободна.

– Одиннадцать фундаментальных частиц? Но после всего, что вы тут говорили… это же все равно что ничего! – удивился Лю Вэньмин.

– Как это – ничего? Имеется пространство диаметром в одиннадцать миллиардов световых лет. И время – десять миллиардов лет! Время и пространство как раз и есть истинные меры бытия! Вот этой, конкретной, Вселенной еще очень повезло. У многих Вселенных, смоделированных мною раньше, очень быстро исчезало даже пространственное измерение и оставалось только временное.

– Чушь какая-то! – фыркнул Чэнь Сюйфэн и отвернулся от экрана.

– Напротив, это очень интересно, – бодро возразил Большой Начальник. – Давайте посмотрим еще раз.

Бай Бин вернулся к начальным таблицам, выбрал другой набор параметров и запустил новый Большой взрыв. Процесс формирования новой Вселенной выглядел примерно так же, как и предыдущей, – расширяющаяся и тускнеющая сфера. Через пятнадцать миллиардов лет после сотворения сфера стала полностью черной: эволюция Вселенной стабилизировалась. Бай Бин переместил точку обзора внутрь. И даже Чэнь Сюйфэн, которого менее всех остальных интересовало происходившее, ахнул. Под бескрайней тьмой космоса во всех направлениях бесконечно простиралась серебристая поверхность. Маленькие разноцветные шарики украшали мембрану, как разноцветные капли росы, осевшие на огромное зеркало.

Бай Бин снова открыл меню анализа и сказал, быстро прочитав:

– Нам повезло. Эта Вселенная наделена широким разнообразием. Радиус – около сорока миллиардов световых лет. Половина объема – жидкость, а другая половина – пустое

пространство. Другими словами, эта Вселенная представляет собой огромный океан глубиной и радиусом в сорок миллиардов световых лет, на поверхности которого плавают твердые небесные тела! – Бай Бин переместил поле зрения ближе к поверхности океана, и стало видно, что его серебристая поверхность слегка колышется. На экране появилось небесное тело крупным планом. – Этот плавающий объект… сейчас найду… размером примерно с Юпитер. Ого, он вращается сам по себе! Не правда ли, горные хребты представляют собой потрясающее зрелище, когда входят и выходят из… давайте назовем это просто водой! Вы только посмотрите, как вода поднимается горными хребтами по орбите. И получается радужная дуга над поверхностью!

– Да, красиво, ничего не скажешь, но эта Вселенная не может существовать. Там все противоречит основополагающим законам физики, – сказал Большой Начальник, глядя на экран. – Ясно же, что масса жидкости в сорок миллиардов световых лет глубиной должна была давным-давно свернуться в черную дыру из-за гравитации.

Бай Бин покачал головой:

– Вы забыли о еще более основополагающем положении: это не наша Вселенная. Там свои собственные законы физики, ничуть не похожие на наши. И гравитационная постоянная, и постоянная Планка, и скорость света, и другие базовые физические константы там другие. И даже один плюс один там может не равняться двум.

Бай Бин, воодушевленный интересом Большого Начальника, продолжил демонстрацию и создал третью Вселенную. Однако при ближайшем рассмотрении на экране появилось хаотичное смешение цветов и форм. Бай Бин сразу же обратился к описанию:

– Это шестимерная Вселенная, поэтому мы просто не в состоянии наблюдать ее. На самом деле это самый распространенный случай, и нам просто повезло получить подряд две трехмерные Вселенные с первых попыток. Когда Вселенная остывает из своего высокоэнергетического состояния, вероятность того, что она будет ограничена в макроскопическом масштабе тремя доступными измерениями, составляет всего три одиннадцатых.

Проявилась четвертая Вселенная. К всеобщему изумлению, она предстала в виде бесконечной черной плоскости с бесчисленными яркими серебристыми линиями, пересекающими ее перпендикулярно. Прочитав аналитическое описание, Бай Бин сказал:

– Эта Вселенная противоположна предыдущей – у нее меньше измерений, чем у нашей – два с половиной измерения.

– Два с половиной?! – изумился Большой Начальник.

– Смотрите: видите, черная двумерная плоскость без толщины – внешнее пространство этой Вселенной. Его диаметр около пятисот миллиардов световых лет. Яркие линии, перпендикулярные плоскости, – это звезды в космосе. Их длина составляет сотни миллионов световых лет, но они бесконечно тонкие, поскольку одномерные. Вселенные с дробными измерениями встречаются редко. Я сейчас поясню, какие параметры привели к ее возникновению.

– Один вопрос, – перебил его Большой Начальник. – Вы сами задаете параметры Большого взрыва. Можно ли подобрать такие, чтобы получилась Вселенная, полностью идентичная, скажем, этой?

– Да, и процесс эволюции в ней будет идентичен. Все предопределяется в момент Большого взрыва. Видите ли, после того как физика выбралась из путаницы квантовых эффектов, во Вселенной снова обнаружилась изначальная причинно-следственная, детерминированная природа. – Бай Бин обвел взглядом всех сидевших за столом по очереди и серьезно сказал: – Пожалуйста, учтите эти слова. Они будут ключом к пониманию тех ужасов, которые мы увидим позже.

– Это поистине восхитительно, – вздохнул Большой Начальник. – Ощущать себя богом, быть превыше всего и всех, отчужденно наблюдать бытие со стороны… Давненько я не испытывал этих чувств.

– Именно так я себя и чувствовал, – согласился Бай Бин и, встав из-за компьютера, несколько раз прошелся взад-вперед по комнате, – и потому снова и снова играл в сотворение. Вновь и вновь я создавал Большие взрывы, их число перевалило за тысячу. Впечатляющее до благоговения чудо этого множества Вселенных невозможно передать словами. Наверно, так влияют на человека наркотики. Я подсел на сотворение миров и мог бы продолжать эти игры, никуда не вмешиваясь, и тогда мы с вами, наверно, даже не узнали бы о существовании друг друга. И наши жизни вращались бы по несоприкасающимся орбитам. Но… черт возьми… Год только начался, шел снег, в два часа ночи было очень тихо. Я решил запустить последний на тот день Большой взрыв. Суперструнный компьютер создал тысяча двести седьмую Вселенную – эту…

Бай Бин вернулся к компьютеру, прошелся по выпадающим меню и выбрал очередной набор параметров. Последовал Большой взрыв. Новая Вселенная росла, испуская яркое голубое свечение, которое, как обычно, быстро меняло цвета и потемнело до черноты. Бай Бин пошевелил мышкой и отметил в меню пункт

«Вселенная № 1207, девятнадцать миллиардов лет после сотворения».

На сей раз экран показал море сияющих звезд.

– Вселенная № 1207 имеет радиус в двадцать миллиардов световых лет и три измерения. Гравитационная постоянная равна 6,67 на 10–11, скорость света в вакууме – 300 000 километров в секунду. В этой Вселенной электрон имеет заряд 1,602 на 10–19. В этой Вселенной постоянная Планка равна 6,62… – Бай Бин наклонился к Большому Начальнику, не сводя с него леденящего взгляда. – В этой Вселенной один плюс один равняется двум.

– Это наша собственная Вселенная, – кивнул Большой Начальник. Он произнес эти слова очень спокойно, но его лоб покрылся потом.

Исследование истории

– Создав Вселенную № 1207, я потратил больше месяца на создание поисковой системы, основанной на распознавании форм и образов. Затем просмотрел астрономические ресурсы в поисках диаграмм геометрического расположения Млечного Пути относительно соседних галактик Андромеды, Большого и Малого Магеллановых Облаков и так далее. Поиск по структуре Вселенной дал мне более восьмидесяти тысяч совпадений. Затем я углубил поиск на выявление в этих результатах совпадения с внутренним расположением самих галактик. Без особых усилий удалось найти во Вселенной Млечный Путь. – На экране появилась серебристая спираль на фоне кромешной тьмы космоса. – Определить местонахождение Солнца было еще проще. Мы уже знаем его приблизительное местоположение на Млечном Пути… – Бай Бин мышкой выделил и перетащил в центр экрана маленький прямоугольник на конце одного рукава спирали. – Используя тот же метод распознавания образов, легко удалось определить в этой области местоположение Солнца. – На экране появилась блестящая светящаяся сфера, окруженная большим диском дымки. – О, планеты в Солнечной системе на данный момент еще не сформировались. Этот диск межзвездного мусора и есть то самое сырье, из которого они образуются. – Бай Бин переместил ползунок в нижней части окна. – А это меню перемещения во времени. – Он медленно потянул ползунок. Прошло двести миллионов лет; пылевой диск вокруг Солнца исчез. – Ну вот и сформировались девять планет. Здесь мы видим реальные расстояния и пропорции, не такие, что показывают в планетариях, поэтому для поиска Земли потребуется больше

усилий. Поэтому я буду использовать координаты, которые сохранил ранее. – Тут же на экране появилась зарождающаяся планета Земля в виде туманной серой сферы. Бай Бин прокрутил колесико мыши. – Давайте спустимся… Вот так. Сейчас мы примерно в десяти километрах над поверхностью. – Землю внизу все еще окутывала дымка, но на ней появилась сеть пересекающихся светящихся красных линий, похожих на кровеносные сосуды эмбриона. – Это реки лавы, – пояснил Бай Бин, продолжая двигать ползунок, отчего наблюдатели как бы спускались сквозь густой кислотный туман. Появилась коричневая поверхность океана, и точка обзора опустилась ниже, в мутную воду, где виднелось несколько пятнышек. Большинство из них было круглыми, но некоторые имели более сложную форму и определенно отличались от других взвешенных частиц тем, что двигались сами по себе, а не просто плыли по течению. – Свежесформировавшаяся жизнь, – сказал Бай Бин, указывая курсором на крошечные предметы. Затем точка наблюдения быстро поднялась обратно в космос, чтобы еще раз показать молодую Землю в полном объеме. После этого Бай Бин снова передвинул ползунок времени. Пролетели бесчисленные годы; густая дымка, покрывавшая поверхность Земли, исчезла, океан начал синеть, а суша – зеленеть. Затем огромный суперконтинент Пангея раскололся и развалился на части, как весенний лед. – Если хотите, можно посмотреть всю эволюцию жизни, все крупные вымирания и последовавшие за ними всплески жизни. Но давайте пока что сэкономим немного времени и пропустим их. Скоро мы увидим, какое отношение все это имеет к нашей жизни. – Четко очерченные древние континенты продолжали дрейфовать по экрану, пока наконец не появилась знакомая карта мира. Бай Бин изменил настройки ползунка и теперь продвигался во времени с меньшим шагом. Вот он остановил изображение. – Так… здесь появляются люди, – и осторожно сдвинул ползунок еще немного вперед. – А вот и цивилизация.

Бо́льшую часть далекой истории можно увидеть только в макромасштабе. Найти конкретные события непросто, а конкретных людей еще сложнее. Поиск исторических событий зависит прежде всего от двух параметров: местоположения и времени. Редко бывает, чтобы исторические записи достаточно четко передавали подробности событий. Но давайте все же попробуем. Приближаемся! – Произнося эту фразу, Бай Бин дважды щелкнул по участку рядом со Средиземным морем. Точка обзора с головокружительной скоростью устремилась вниз. Наконец показался пустынный пляж. На дальней стороне желтого песка виднелась первозданная оливковая роща.

– Троя в эпоху древних греков, – сказал Бай Бин.

– Значит… вы можете показать Троянского коня и всю осаду Трои? – возбужденно спросил Лю Вэньмин.

– Троянского коня не существовало, – холодно ответил Бай Бин.

Чэнь Сюйфэн кивнул:

– Истории такого рода сочиняли для детей. На реальной войне ничего подобного случиться не могло.

– Никакой Троянской войны не было, – сказал Бай Бин.

– Получается, что Троя погибла по какой-то другой причине? – с искренним на сей раз изумлением произнес Большой Начальник.

– Города под названием Троя никогда не существовало.

Остальные трое молча переглянулись.

Бай Бин указал на экран:

– Сейчас перед нами реальный вид побережья Трои в то время, когда, предположительно, происходила война. Заглянем на пятьсот лет вперед и назад… – Бай Бин осторожно передвинул мышку. Пляж на экране то появлялся, то исчезал в смене дня и ночи, и одновременно менялись очертания деревьев. В дальнем конце пляжа появилось несколько лачуг, рядом с которыми время от времени мелькали человеческие силуэты. Число лачуг росло и уменьшалось, но это поселение явно нельзя было назвать ничем иным, как деревней. – Видите ли, «великая Троя» существовала только в воображении поэтов-сказителей.

– То есть как это? – воскликнул Лю Вэньмин. – Есть же археологические доказательства, найденные в прошлом веке! Там откопали даже золотую маску Агамемнона.

– Золотая маска Агамемнона? Вот уж чушь! – резко хохотнул Бай Бин. – Что ж, по мере того как исторических записей становится больше и они делаются точнее, поиски исторических соответствий облегчаются. Давайте передвинемся поближе к нашему времени.

Бай Бин вновь поднял точку обзора в космос, откуда в поле зрения вмещалась вся планета. На этот раз он для перемещения не воспользовался мышкой, а ввел дату и географические координаты с клавиатуры. Из Средиземноморья они попали в Западную Азию. Вскоре на экране появился участок пустыни с рощицей красных ив и несколько человек, лежащих в их тени. Они были одеты в рваные одежды из грубой ткани, кожа загорела дочерна, длинные волосы слиплись в пряди от пота и пыли. Издалека их легко было принять за кучи мусора.

– Они находятся недалеко от мусульманской деревни, но в местности распространилась бубонная чума, и они боятся туда

идти, – сказал Бай Бин. Высокий худой мужчина сел и огляделся. Убедившись, что остальные крепко спят, он взял у соседа флягу-бурдючок из овчины и сделал глоток. Затем залез в потрепанную котомку другого соседа, вытащил оттуда лепешку, отломил треть и положил ее в свою сумку. А потом, удовлетворенный, снова лег.

– Я два дня просматривал этот эпизод на нормальной скорости и видел, что он пять раз воровал у попутчиков воду и три раза – пищу, – сказал Бай Бин, ткнув курсором в того, кто только что лег.

– Кто это?

– Марко Поло. Отыскать его было непросто. Из документов генуэзской тюрьмы я получил точное время и координаты его заключения там, отыскал его и перешел к тому морскому сражению, в котором он участвовал, чтобы добавить полезных подробностей. Затем я перепрыгнул пораньше и отыскал его здесь. Это территория бывшей Персии, сейчас окрестности иранского города Бам. Таким образом мне удалось сберечь немало сил.

– Получается, что это он по дороге в Китай. И вам, наверно, несложно будет проследить за ним и во дворце Хубилай-хана, – сказал Лю Вэньмин.

– Не бывал он в этом дворце.

– То есть он жил в Китае на положении простолюдина?

– Марко Поло вообще не бывал в Китае. Испугавшись дальней и опасной дороги, он несколько лет странствовал по Западной Азии, потом, в тюрьме, пересказал другу собранные слухи и легенды, а тот записал знаменитое повествование.

Слушатели опять переглянулись.

– Чем позже, тем легче находить конкретных людей и события. Давайте обратимся к новой истории.

Просторная полутемная комната. На большом деревянном столе расстелена карта – морская карта? – перед которой стояли несколько человек в военной форме эпохи Цин. Плохое освещение не позволяло разглядеть лица.

– Мы в штабе Бэйянского флота незадолго до начала 1-й китайско-японской войны. Как вы видите, идет совещание.

Кто-то говорил, но из-за сильного южного акцента и плохой акустики помещения трудно было разобрать слова. Бай Бин стал объяснять:

– Он говорит, что для целей береговой обороны, учитывая ограниченность финансов, целесообразнее купить на Западе много быстроходных торпедных катеров с паровым двигателем, чем несколько крупнотоннажных броненосцев. Каждый такой кораблик мог нести от четырех до шести пневматических торпед;

в результате образовалась бы скоростная атакующая сила, способная наносить удары с близкого расстояния и достаточно маневренная, чтобы уклоняться от огня японских пушек. Я обсудил эту тему с рядом военно-морских специалистов и военных историков. Они единодушно считают, что, если бы эта идея была реализована, Бэйянский флот взял бы верх на своем театре военных действий. Стратег поистине опередил свое время, первым в истории военно-морского флота обнаружив слабые стороны традиционной политики больших пушек и больших кораблей, и предложил принципиально новый путь развития.

– Кто это? – спросил Чэнь Сюйфэн. – Дэн Шичан?

Бай Бин качнул головой:

– Нет. Фан Боцян.

– Тот самый трус, что удрал в разгар битвы в Желтом море?

– Тот самый.

– Инстинкт подсказывает мне, что именно так оно и было на самом деле, – пробормотал Большой Начальник.

Бай Бин кивнул:

– Ваш инстинкт прав. И после этого эпизода я уже не мог, как вы выразились, чувствовать себя превыше всего и всех и равнодушно наблюдать за происходившим. Я всерьез захандрил. Чем больше я рылся в истории, тем больше убеждался, что практически вся она сфальсифицирована. Не менее половины тех благородных прославленных героев, которыми восхищается человечество, были презренными лжецами и интриганами, которые, пользуясь своими возможностями, присвоили себе, а то и выдумали достижения, описали их и таким образом возвысились. А две трети из тех, кто действительно боролся до конца за правду и справедливость, умерли ужасной и тихой смертью, всеми забытые в пыли истории, а репутация оставшейся трети была запятнана вечным позором, как, например, у Сун Чена. Лишь ничтожная часть осталась в памяти истории такой, какими они были, – куда меньше, чем надводная часть айсберга.

Лишь сейчас заслушавшиеся начальники вспомнили о Сун Чене, который все это время хранил молчание. Они увидели, что он бесшумно пошевелился, его глаза загорелись. Он был сейчас похож на поверженного воина, который воспрянул духом, чтобы снова встать, взять оружие и вскочить на свежего боевого коня.

Исследования настоящего

– В конце концов вы перешли к исследованию современного периода Вселенной № 1207, я правильно понимаю? – спросил

Большой Начальник.

– Совершенно верно, я настроил цифровое зеркало на наше время. – Говоря это, Бай Бин передвинул ползунок в самый конец шкалы времени. Точка обзора снова вернулась в космос. Зрелище голубой Земли внизу не особенно отличалось от того, что представало в древние времена. – Это наш сегодняшний день, отраженный в зеркале Вселенной № 1207. Несколько десятков лет наша провинция непрерывно экспортировала природные ресурсы и энергию; у нас так и не появилось ни одной развитой отрасли промышленности, кроме добычи полезных ископаемых и производства электроэнергии. Зато постоянно увеличивается загрязнение окружающей среды, бóльшая часть сельских районов все еще находится за чертой бедности, значительная безработица в городах, дела с правопорядком все хуже и хуже… Естественно, я хотел посмотреть, как наши лидеры и планировщики выполняют свою работу. Думаю, рассказывать вам о том, что я увидел, нет никакой необходимости.

– Ради чего вы все это делали? – спросил Большой Начальник.

Бай Бин горько улыбнулся и покачал головой.

– Уверяю вас, я не ставил перед собой высоких целей вроде той, что была, например, у него, – сказал он, указывая на Сун Чена. – Я ведь обычный парень, я с удовольствием занимался своими делами и больше всего на свете хотел бы спокойно прожить отведенные судьбой дни. Ну какое отношение имеют ко мне ваши аферы? У меня не было никакого желания связываться с вами, но… Я вложил так много труда в программное обеспечение для этой суперсимуляции и, естественно, хотел извлечь из него какую-то материальную выгоду. Поэтому я позвонил паре ваших людей, рассчитывая получить немного денег за молчание… – Он внезапно вспыхнул от негодования: – С чего вдруг такая острая реакция?! Почему понадобилось меня обязательно устранить?! Поделились бы деньгами тихонечко, и на этом все закончилось бы!.. Ну вот, я объяснил вам все с начала до конца.

Пять человек, сидевших за столом, погрузились в долгое молчание; при этом все не отрывали глаз от образа Земли на экране – цифрового зеркала настоящей Земли, в котором отражались и они.

– Вы действительно можете с помощью компьютера видеть все, что происходит в мире? – спросил Чэнь Сюйфэн, прервав затянувшуюся паузу.

– Да, все подробности истории и современности доступны компьютеру и, следовательно, для изучения всеми желающими. Извлекая соответствующую информацию из базы данных и

обрабатывая ее, можно наблюдать все что угодно, каким бы секретным оно ни было. База данных содержит цифровую копию всего мира на атомарном уровне, и оттуда, естественно, с одинаковым успехом извлекается любая ее часть.

– Вы можете это доказать?

– Без малейшего труда. Давайте сделаем так: вы выйдете из комнаты, сделаете, что в голову взбредет, и вернетесь сюда.

Чэнь Сюйфэн посмотрел на Большого Начальника, потом на Лю Вэньмина, встал со стула и вышел за дверь. Отсутствовал он недолго, вернулся уже через две минуты и без слов вопросительно взглянул на Бай Бина.

Бай Бин, тоже не говоря ни слова, передвинул мышку, так что поле обзора стало быстро сокращаться – только что посреди экрана висел голубой шарик, и вот уже плавно, без скачков, все поле зрения занял город. Еще несколько экономных движений пальцами – и появился изолятор предварительного заключения № 2, потом трехэтажное здание на его территории, в котором они сейчас находились. Вот поле обзора переместилось в дом, прошлось по пустому коридору второго этажа. Появились двое детективов в гражданском, сидящих на скамейке, потом Ченьбин, затягивающийся сигаретой. И напоследок наружная сторона двери этой самой комнаты.

– Сейчас симуляция настроена на отставание во времени от реального темпа событий на 0,1 секунды. Давайте отступим на несколько минут. – И Бай Бин, не дожидаясь ответа, передвинул движок влево.

Дверь открылась, и в коридор вышел Чэнь Сюйфэн. Двое полицейских вскочили; Чэнь жестом показал им, что все в порядке, и пошел по коридору. Поле обзора последовало за ним, будто кто-то шагал за его спиной и снимал на видеокамеру. Цифровое зеркало показало, как Чэнь Сюйфэн вошел в уборную, достал из кармана брюк пистолет, взвел затвор и сунул оружие обратно. На этом моменте Бай Бин приостановил воспроизведение и переместил точку обзора в несколько других положений, как будто показывал трехмерный мультфильм. Ну а Чэнь Сюйфэн вышел из уборной, и симулятор действительности проводил его в то же помещение, где его ждали прочие участники разговора.

Большой Начальник с каменным лицом смотрел на экран. Лю Вэньмин с усталым видом поднял голову, он смотрел на Чэнь Сюйфэна и мрачно сказал:

– Это и в самом деле впечатляет.

– Сейчас я продемонстрирую вам еще более впечатляющие возможности, – сказал Бай Бин и остановил изображение. –

Поскольку, как я уже говорил, Вселенная отражается в цифровом зеркале на атомарном уровне, в нем можно рассмотреть любую существующую деталь. Давайте, например, посмотрим, что лежит у шефа Чена в кармане пиджака.

Не включая движения на экране, Бай Бин пощелкал мышкой, навел поле обзора на правую сторону груди Чэнь Сюйфэна, открыл меню и стал что-то отмечать в нем. После нескольких щелчков материя, закрывавшая нагрудный карман, как бы растворилась, и стал виден лежавший в кармане сложенный небольшой листок бумаги. Нажав «Ctrl + C», Бай Бин скопировал предмет, затем запустил программу трехмерного моделирования и ввел в нее содержимое буфера обмена. Еще несколько щелчков, и бумажка развернулась, разгладилась и оказалась банковским чеком на предъявителя, да еще и не в китайской валюте, а на 250 000 долларов США.

– Теперь мы проследим этот чек до его источника. – Бай Бин свернул моделирующее приложение и вернулся к окну приостановленного видео. Он щелкнул правой кнопкой мыши по уже проявленному чеку в кармане пальто Чэнь Сюйфэна, а затем выбрал из списка опций команду «Trace». Бумажка осветилась, и неподвижный экран ожил. Время в ускоренном темпе потекло вспять; на экране Большой Начальник и его свита, смешно пятясь, выбрались из комнаты, потом из здания, а потом сели в машину. Чэнь Сюйфэн и Лю Вэньмин надели наушники, явно вслушиваясь в разговор Бай Бина и Сун Чена. А исследование траектории продолжалось; действие на экране непрерывно менялось, но мигающий флажок оставался в центре экрана в качестве объекта поиска и, казалось, тащил процесс от эпизода к эпизоду. Наконец чек выпрыгнул из кармана пальто Чэня и скользнул в маленькую корзинку, которая затем перескочила из руки Чэня в руку кого-то другого. В этот момент Бай Бин приостановил симуляцию.

– Я возобновлю демонстрацию отсюда, – сказал он, и события на экране потекли в нормальном направлении и с обычной скоростью. Вероятно, дело происходило в гостиной Чэнь Сюйфэна. Около двери стоял одетый в черный костюм мужчина средних лет, явно только что вошедший в комнату. Чэнь Сюйфэн сидел на диване.

– Шеф Чэнь, директор Вэнь прислал меня, чтобы еще раз передать, что он глубоко благодарен вам. Он хотел бы прийти лично, но решил, что не стоит мелькать слишком часто, чтобы не порождать ненужных слухов.

– Когда вернешься, скажи Вэнь Сюну, что теперь, когда он все же отмылся, ему следует вести себя безупречно. А если будет слишком зарываться, то сделает себе только хуже. И если выведет

меня из терпения, то пусть пеняет на себя!

– Да, конечно! Разве братец Вэнь может забыть ваш совет? В настоящее время он активно вносит свой вклад в развитие общества – построил четыре начальные школы в бедных районах, стремится активно участвовать в политике. Он уже избран делегатом Всекитайского собрания народных представителей от нашего города! – Говоря это, посетитель поставил корзину с фруктами на кофейный столик.

– Забери это! – потребовал Чэнь Сюйфэн, махнув рукой.

– Ну, что вы, шеф Чэнь! Мы никогда не позволили бы себе принести вам что-нибудь дорогостоящее. Мы ведь знаем, как вы строги насчет таких вещей. Всего лишь немного фруктов – от чистого сердца в знак нашей благодарности. Конечно, вы не могли видеть, что у директора Вэня слезы наворачиваются на глаза всякий раз, когда он упоминает вас. Представьте себе, он называет вас реинкарнацией наших любящих родителей!

Как только гость ушел, Чэнь Сюйфэн запер дверь и вернулся к кофейному столику. Высыпав из корзинки фрукты, он взял лежавший на дне чек и сунул его в карман пиджака.

Большой Начальник и Лю Вэньмин холодно смотрели на Чэнь Сюйфэна. Судя по всему, это явилось для них откровением. Вэнь Сюн был генеральным директором «Личэн-групп», огромной корпорации, занимающейся ресторанным обслуживанием, дальними путешествиями и многими другими услугами. Но прежде он возглавлял преступный синдикат, превративший город в важный узел на пути наркотрафика Юньнань – Россия. И начальный капитал «Личэн-групп» составили деньги, полученные от торговли наркотиками. Время шло, и уже расширяющийся легальный бизнес Вэнь Сюна стал оказывать все бóльшую поддержку его криминальной империи, которая тоже росла все быстрее. А в городе быстро увеличивалось число наркоманов, зато положение с общественной безопасностью, напротив, постоянно ухудшалось. И обеспечивал преуспевание Вэнь Сюна его тайный и почти всесильный покровитель Чэнь Сюйфэн.

– Вы брали дань в долларах? Несомненно, они должны были пойти вашему сыну, – беззаботно сказал Бай Бин. – Как-никак вы оплачиваете его обучение в американском колледже только из денег Вэнь Сюна… Кстати говоря, не желаете посмотреть, что он делает в данный момент на другой стороне планеты? Это очень просто. Сейчас в Бостоне полночь, но в предыдущие два раза, когда я за ним наблюдал, он еще не спал. – Не дожидаясь ответа, Бай Бин вздернул точку обзора в космос, развернул Землю на 180 градусов, а затем увеличил изображение Северной Америки. Сияющий огнями город на Атлантическом побережье и

многоквартирный дом в нем он нашел так быстро, что можно было не сомневаться: он делает это не впервые. Точка обзора вплыла в спальню, где предстала непристойная сцена: обнаженные желтокожий юноша и две проститутки, белая и черная.

– Что вы скажете, шеф Чэнь, насчет того, как сын тратит ваши деньги?

Утративший от ярости дар речи, Чэнь Сюйфэн положил монитор на стол экраном вниз.

Совершенно ошарашенные, зрители снова надолго умолкли. В конце концов заговорил Лю Вэньмин:

– Но почему вы так долго прятались и бегали? Неужели нельзя было найти более… традиционные пути для того, чтобы освободиться от этих затруднений?

– Вы имеете в виду обратиться в Комиссию по проверке дисциплины? Да, идея заманчивая. Я сам на первых порах склонялся именно к ней, но потом решил на всякий случай рассмотреть в зеркале руководство Комиссии. – Бай Бин поднял голову и в упор посмотрел на Лю Вэньмина. – Можете представить себе, что я увидел. Я совершенно не хотел себе такой судьбы, какая постигла присутствующего здесь вашего институтского друга. Оставались, правда, варианты: прокуратура или Бюро по предупреждению коррупции… Я не сомневаюсь, директор Го и шеф Чан рассматривают подавляющее большинство серьезных обвинений строго по закону, но небольшую часть очень осторожно обходят на цыпочках. Узнав то, что я мог бы им сообщить, они, несомненно, сразу же присоединились бы к вам в охоте на меня. Куда еще я мог податься? Обнародовать разоблачения через прессу? Уверен, что вы лучше меня знакомы с ключевыми фигурами средств массовой информации провинции. В конце концов, разве не они сочинили Большому Начальнику великолепную биографию? Разница между этими репортерами и проститутками состоит лишь в том, что они продают разные части тела. Все завязано в одну большую паутину, и ни к одной нити нельзя прикоснуться. Мне некуда было идти.

– Вы могли обратиться в Центральную Комиссию, – невозмутимо произнес Большой Начальник, внимательно наблюдавший за реакцией Бай Бина.

Тот кивнул:

– Действительно, это был, пожалуй, единственный выход. Но я же никто. И ни с кем не знаком. Я к Сун Чену-то отправился прежде всего для того, чтобы установить надежный контакт, и тут уже неважно, ловите вы меня или нет. – Бай Бин сделал паузу. –

Не стану скрывать, решение было непростым. Вы все – умные люди и отлично понимаете, как события будут развиваться дальше.

– Вы имеете в виду, что эта технология выйдет в широкий мир?

– Совершенно верно. Вскоре не останется ни одного клочка от того тумана, который издревле скрывал историю и реальность. Всё и вся, на виду и во тьме, прошлое и настоящее будет разоблачено и выставлено на свет дня. Из-за этого свет и тьма сойдутся в решающей битве, какой еще не знала история. Мир обрушится в хаос…

– Но в конце концов победит свет, – сказал Сун Чен, молчавший все это время. Он встал с места, подошел к Бай Бину и посмотрел ему в глаза:

– Знаете, откуда тени черпают свою силу? Она кроется в самой природе их закрытости. Но стоит им оказаться на свету, как их сила исчезает. Это можно видеть по большинству случаев коррупции. И ваше цифровое зеркало – это горящий факел, который разгонит тьму.

Большой Начальник переглянулся с Чэнем и Лю.

Снова повисла тишина. На экране суперструнного компьютера атомарное зеркало Вселенной отражало Землю, безмятежно парящую в космосе.

Вдруг Большой Начальник положил руку на плечо Бай Бина:

– Почему бы вам не передвинуть движок шкалы времени еще дальше вперед?

Бай Бин, Чэнь Сюйфэн и Лю Вэнмин с одинаковым недоумением взглянули на него.

– Если мы будем точно предсказывать будущее, то сможем изменить настоящее и контролировать ход будущего. Мы контролировали бы все – молодой человек, вам не кажется, что это возможно? Возможно, вместе мы сможем выполнить великую обязанность по формированию грядущей истории.

Поняв, о чем речь, Бай Бин страдальчески улыбнулся и покачал головой. Потом встал, подошел к компьютеру, щелкнул мышкой, перетащил ползунок шкалы времени за отметку «Настоящее» в будущее и сказал Большому Начальнику:

– Попробуйте сами.

Бесконечная рекурсия

Большой Начальник метнулся к компьютеру с такой скоростью, какой никто у него еще не видел – так голодный орел

мог бы упасть с неба на притаившегося на земле зайчонка, – и, умело двигая мышкой, отвел ползунок от отметки «Настоящее». Но как только отметка оказалась в области будущего, на экране появилось окно, извещающее об ошибке:

STACK OVERFLOW[53]

Бай Бин вынул мышку из пальцев Большого Начальника.

– Давайте-ка запустим отладочную программу и шаг за шагом посмотрим, в чем дело.

Программа симуляции вернулась в состояние, в котором находилась до возникновения ошибки, и начала выполняться строка за строкой. Когда реальный Бай Бин переместил ползунок через отметку «Настоящее», его копия в цифровом зеркале сделала то же самое. Отладочная программа немедленно увеличила изображение на компьютерном дисплее в зеркале симулятора, и все увидели, что на имитируемом экране следующая копия Бай Бина – уже двумя слоями ниже – точно так же передвинула ползунок. Затем дебаггер увеличил изображение на изображении изображения дисплея суперструнного компьютера на третьем уровне… И таким образом отладчик продвигался слой за слоем все глубже, и Бай Бин каждого слоя одинаково сдвигал ползунок за отметку «Настоящее» в бесконечном эффекте Дросте[54].

– Это рекурсия, прием программирования, при котором фрагмент кода вызывает сам себя. При нормальных обстоятельствах он находит свой ответ, пройдя конечное число слоев вниз, после чего ответ по цепочке вызовов выходит обратно на поверхность. Но здесь мы имеем дело с функцией, которая вызывает саму себя без конца и не способна в этой бесконечной рекурсии дойти до ответа. Ну, и поскольку ресурсы, используемые при каждом шаге рекурсии, программа сохраняет в стеке при каждом вызове, он неизбежно переполняется, что мы только что видели. В случае бесконечной рекурсии не хватает даже мощности суперструнного компьютера.

– Ах, – кивнул Большой Начальник.

– В результате, несмотря на то что развитие Вселенной было предопределено Большим взрывом, мы все равно не в состоянии узнать будущее. Это, вероятно, должно послужить некоторым утешением для тех, кто отрицает причинно-следственную связь и теорию детерминизма как таковую.

– А-ах… – снова кивнул Большой Начальник. Он долго, очень долго тянул этот звук.

Бай Бин обнаружил, что с Большим Начальником произошла странная перемена, как будто он лишился стержня. Он словно усох и покачивался всем телом, будто у него даже не было сил держаться прямо. Его лицо резко побледнело, он отрывисто и часто дышал. Вернувшись к креслу, он положил обе руки на подлокотники и опустился на сиденье так медленно и осторожно, словно боялся, что у него треснут кости.

– Молодой человек, вы уничтожили дело всей моей жизни, – сказал он после довольно продолжительной паузы. – Вы победили.

Бай Бин посмотрел на Чэнь Сюйфэна и Лю Вэньмина. Эти слова озадачили их ничуть не меньше, чем его. Зато Сун Чен стоял, гордо выпрямившись, и явно не боялся своих могущественных врагов; его лицо светилось радостью победы.

Чэнь Сюйфэн медленно встал и извлек пистолет из кармана брюк.

– Отставить, – сказал Большой Начальник, не повышая голоса, но с непререкаемой властностью. Пистолет в руке начальника полиции замер на уровне пояса. – Убери пушку, – продолжал Большой Начальник, но Чэнь не повиновался.

– В такой ситуации необходимо принимать решительные меры, – возразил он. – И стрельбу, и их смерть мы в наилучшем виде объясним сопротивлением при аресте и попыткой к бегству…

– Убери пушку, бешеный ты пес! – взревел Большой Начальник.

Рука Чэнь Сюйфэна с пистолетом опустилась и повисла вдоль тела. Он медленно повернулся к Большому Начальнику:

– Я не бешеный пес. Я верный пес, благодарный пес! Пес, который никогда не предаст вас, начальник! Такому человеку, как я, который шаг за шагом поднимался с самого низа и досконально усвоил, что правильно, а что нет, вы можете доверять так же, как отношению хорошей собаки к хозяину, который сделал ее такой, какая она есть. И, уж конечно, у меня не может быть интеллигентской склизкой изворотливости.

– Что вы хотите сказать? – вскочил на ноги давно сидевший в молчании Лю Вэньмин.

– Не прикидывайтесь, будто не понимаете! Я не из тех, кто решается сделать шаг вперед, только удостоверившись, что имеются два или три шага к отступлению. Куда мне деваться? И если я при таком повороте дел не позабочусь о себе, то никто этого за меня не сделает!

– Убивать меня бессмысленно, – спокойно сказал Бай Бин. – После этого цифровое зеркало немедленно станет общедоступным.

– Даже глупцу было бы ясно, что он должен был принять серьезные меры предосторожности. Вы очень уж разнервничались, – чуть слышно сказал Лю Вэньмин, склонившись к уху Чэнь Сюйфэна.

– Естественно, я понимаю, что у этого подонка хватило ума подстраховаться, но ведь у нас есть собственные технологические ресурсы. И если мы пустим в ход все, чем располагаем, нам, возможно, удастся начисто истребить всю технологию этого проклятого зеркала.

Бай Бин покачал головой:

– Это невозможно. Шеф Чэнь, мы ведь живем в эпоху интернета. Скрывать и распространять информацию легко, к тому же я обладаю преимуществом обороняющегося. Вы не сможете победить меня в моей игре, даже если задействуете своих лучших технических специалистов. Я могу даже рассказать вам, где спрятал резервные копии программного обеспечения цифрового зеркала и что предпринял, чтобы они вышли в неограниченный доступ в случае моей смерти, но и тогда вы не смогли бы ничего сделать. А уж скрыть и распространить параметры инициализации еще проще. Так что лучше и не пытайтесь.

Чэнь Сюйфэн медленно убрал пистолет в карман и сел на место, всем своим видом выражая отчаяние.

– Вы, наверно, полагаете, что пребываете сейчас в кульминационной точке истории? – прежним делано уважительным тоном обратился Большой Начальник к Сун Чену.

– В кульминационной точке истории пребывает правосудие, – торжественно ответил Сун Чен.

– Да уж, это цифровое зеркало уничтожит нас всех. Но его разрушительное действие скажется куда шире.

– Да, оно уничтожит все зло.

Большой Начальник медленно кивнул.

– Затем всю коррупцию и безнравственность, которые не дотягивают до уровня зла.

Большой Начальник снова кивнул:

– А в итоге оно уничтожит всю человеческую цивилизацию.

Его слова ошеломили всех остальных.

– Никогда еще перед человеческой цивилизацией не открывалось такого светлого будущего, – возразил Сун Чен. – Битва между добром и злом смоет всю грязь.

– А потом? – без нажима спросил Большой Начальник.

– А потом наступит великая эпоха зеркала. Все человечество

окажется перед зеркалом, в котором будет отлично виден любой поступок и от которого не укроется ни одно преступление. Каждый грешник неизбежно предстанет перед судом. Больше не будет тьмы, и солнечный свет озарит каждую щелку. Человеческое общество сделается чистым, как кристалл.

– Иными словами, общество умрет, – отрезал Большой Начальник и, подняв голову, посмотрел в глаза Сун Чену.

– Будьте любезны объяснить, – сказал тот с глумливой интонацией победителя, который глядит сверху вниз на побежденного.

– Представьте себе, что ДНК всегда реплицируется и наследуется с идеальной точностью, без ошибок в коде. Во что превратилась бы жизнь на Земле?

Сун Чен задумался, и за него ответил Бай Бин:

– В таком случае жизнь на Земле перестала бы существовать. Основа эволюции – как раз мутации, происходящие по причине ошибок в воспроизведении ДНК.

Большой Начальник кивнул:

– По тому же закону существует и общество. Его эволюция и жизнеспособность коренятся в бесчисленных побуждениях и желаниях, не укладывающихся в мораль, принятую большинством. Рыба не может жить в стерильно чистой воде. Общество, в котором никто никогда не нарушает этических норм, сознательно или по ошибке, на самом деле мертво.

– Ваша попытка оправдать свои преступления просто смешна, – презрительно бросил Сун Чен.

– Не очень-то, – возразил, к всеобщему изумлению, Бай Бин. Он несколько секунд помолчал, как бы набираясь решимости, а потом продолжил: – Честно говоря, была еще одна причина, по которой я не хотел делать программное обеспечение для зеркального моделирования общедоступным. Мне… мне тоже не очень нравится идея мира, вооруженного цифровым зеркалом.

– Вы так же, как и они, боитесь света? – спросил Сун Чен.

– Я самый рядовой обыватель и не причастен ни к какому теневому бизнесу, но ведь тот свет, о котором вы говорите, проявляется по-разному. Если кто-то среди ночи направит луч прожектора в окно вашей спальни, это будет называться световым загрязнением… Приведу пример из собственной жизни. Я женат всего два года, но уже испытал это на себе… если можно так выразиться, эстетическое переутомление. Поэтому я… связался со студенткой колледжа, которая стажируется у нас на работе. Жена, конечно, об этом не знает, и все довольны. В эпоху зеркала я не смог бы вести такую жизнь.

– Начнем с того, что такая жизнь аморальна и

безответственна! – гневно повысил голос Сун Чен.

– Но разве не все так живут? У кого не найдется какой-нибудь глубокой нехорошей тайны? В наши дни, если хочешь быть счастливым, так или иначе приходится хоть немного прогибаться. Много ли найдется людей, которые сияли бы такой же незапятнанной святостью, как вы? Если цифровое зеркало превращает всех в идеальных людей, которые не могут сделать ни шагу за рамки дозволенного, тогда… тогда что вообще остается, будь оно все проклято?

Большой Начальник рассмеялся, и даже Лю и Чен, лица которых все это время были мрачнее тучи, натужно улыбнулись. А Большой Начальник похлопал Бай Бина по плечу:

– Молодой человек, ваши аргументы, возможно, не особенно возвышенны, но вы мыслите гораздо глубже, чем наш ученый друг. – Он повернулся к Сун Чену и заговорил на сей раз фамильярно, как старший с младшим: – Мы оказались в совершенно безвыходном положении, так что можешь пока отрешиться от ненависти и жажды мести по отношению к нам. Ты же прекрасно разбираешься в социальной философии и, конечно, не настолько ограничен, чтобы считать, будто историю движут добродетель и справедливость?

Слова Большого Начальника, судя по всему, изрядно отрезвили Сун Чена. Он стряхнул с себя возбуждение победителя.

– Мой долг – карать зло, защищать добродетель и поддерживать правосудие, – сказал он после непродолжительной паузы уже гораздо более ровным тоном.

Большой Начальник кивнул с довольным видом.

– Ты не дал прямого ответа. Отлично, значит, ты все же не настолько ограничен.

Вдруг он содрогнулся всем телом, как будто кто-то окатил его холодной водой. Он вышел из навалившегося было оцепенения. Слабость прошла, жизненная сила, покинувшая его раньше, казалось, вернулась. Он встал, со строгим выражением лица застегнул воротничок, тщательно разгладил складки на одежде и с величайшей торжественностью сказал, обращаясь к Лю Вэньмину и Чэнь Сюйфэну:

– Товарищи, с сегодняшнего дня всё и вся получат отражение в цифровом зеркале. Поэтому прошу вас следить за своими действиями и постоянно думать о том, какое впечатление вы можете произвести на других.

Лю Вэньмин, стоявший с тяжелой думой на лице, тоже поправил одежду и тяжело вздохнул:

– Да, отныне нам придется жить под недреманым оком Неба.

Чэнь Сюйфэн повесил голову.

Большой Начальник оглядел всех по очереди.

– Что ж, мне пора идти. Завтра у меня напряженный рабочий день. – Он повернулся к Бай Бину: – Молодой человек, приходите ко мне в Управление завтра в шесть вечера. Возьмите с собой суперструнный компьютер. – Затем он повернулся к Чену и Лю: – Что касается вас двоих… делайте все, что должно. Сюйфэн, выше голову! Возможно, за нами и водятся непростительные грехи, но у нас нет причин так уж сильно стыдиться. По сравнению с тем, что сделали они, – он указал на Сун Чена и Бай Бина, – все, что мы натворили, – сущая мелочь.

Он открыл дверь и вышел с высоко поднятой головой.

День рождения

Следующий день для Большого Начальника действительно выдался очень напряженным.

Войдя в свой кабинет, он сразу же вызвал, одного за другим, ключевых чиновников, отвечающих за промышленность, сельское хозяйство, финансы, охрану окружающей среды и все прочее, чтобы проинформировать их о будущих задачах. Встречи были краткими, но все же Большой Начальник использовал свой богатый опыт, чтобы сосредоточиться на важных аспектах работы и проблемах, требующих внимания. Кроме того, благодаря его несравненным дипломатическим и ораторским навыкам каждый подчиненный уходил с твердой уверенностью, что это всего лишь очередной обыденный «разбор полетов». Никто из них не заметил ничего необычного.

В половине одиннадцатого утра, отослав последнего чиновника, Большой Начальник засел за меморандум по поводу экономического развития провинции и проблем, которые, по его убеждению, должны были возникнуть у крупных и средних предприятий провинции. Документ был небольшим, менее двух тысяч иероглифов, но в нем отразились десятилетия размышлений и опыта работы. Любой, знакомый с философией Большого Начальника, изумился бы, прочитав этот документ – он значительно отличался от всего, что он писал прежде. За долгие годы пребывания на вершине власти он впервые высказал мнение, не искаженное субъективными эгоистическими соображениями, исходящее исключительно из заботы об интересах партии и страны.

Он закончил писать, когда уже перевалило за полдень, и без обеда, выпив лишь чашку чая, перешел к дальнейшим делам.

Тогда-то и проявились первые признаки наступления эпохи

зеркала. Большому Начальнику сообщили, что Чэнь Сюйфэн застрелился в своем кабинете и что Лю Вэньмин, похоже, находится в трансе: то и дело проверяет пуговицу воротника и поправляет одежду, как будто опасается, что его в любой момент могут сфотографировать. На эти новости Большой Начальник отреагировал лишь улыбкой.

Эпоха зеркала еще не наступила, а вот тьма уже начала рассеиваться.

Затем Большой Начальник приказал Бюро по предупреждению коррупции немедленно собрать оперативную группу; в сотрудничестве с полицией и соответствующими департаментами финансов и торговли следовало немедленно изъять все записи и счета Торгово-коммерческой группы «Даси», принадлежащей его сыну, и корпорации «Бэйюань» – его невестке, и действовать в соответствии с законом. То же самое он предписал в отношении различных финансовых учреждений своих других родственников и близких друзей.

В половине пятого Большой Начальник начал составлять список имен. Он знал, что с наступлением эпохи зеркала по всей провинции будут уволены тысячи чиновников окружного и более высокого уровня. Первоочередной задачей было найти подходящих преемников на ключевые должности в каждой организации, и его предложения были представлены в списке, предназначенном для провинциального и центрального руководства. На самом деле этот список существовал в его сознании задолго до появления цифрового зеркала. Этих людей, которых он планировал отстранить, вытеснить из политической и хозяйственной жизни и, желательно, устранить.

Между тем часы отмерили полшестого, конец рабочего дня. Он чувствовал удовлетворение, какого не испытывал никогда прежде: по крайней мере, один день он провел по-человечески.

В кабинет вошел Сун Чен, и Большой Начальник вручил ему толстую стопку документов.

– Это те улики против меня, которые вам удалось получить. Вам следует как можно скорее передать их в Центральную Комиссию. Минувшей ночью я написал признание вместе с дополнительными доказательствами и добавил их сюда. Помимо просмотра и проверки результатов ваших расследований я также дополнил некоторые материалы, чтобы восполнить пробелы.

Сун Чен взял документы и сухо кивнул, не сказав ни слова.

– Через несколько минут придет Бай Бин с суперструнным компьютером. Вы должны сказать ему, что собираетесь сообщить своему начальству о программе «Цифровое зеркало». Чиновники из центра, рассмотрев этот вопрос со всех сторон, для начала

будут использовать его крайне осторожно. Поэтому ему следует заранее убедиться, что программное обеспечение не станет достоянием общественности. Это создало бы серьезные опасности и привело к неблагоприятным последствиям. Поэтому обязательно уговорите его удалить все резервные копии, будь то онлайн или где-либо еще, которые он сделал, чтобы защитить себя. Что касается параметров инициализации, если он сообщил их кому-либо еще, попросите его составить список имен. Он доверяет вам и последует вашему совету. Вы должны убедиться, что резервных копий не осталось.

– Мы так и собирались поступить, – ответил Сун Чен.

– А потом, – продолжил Большой Начальник, глядя в глаза Сун Чену, – убейте его и уничтожьте суперструнный компьютер. Тут-то вы вряд ли можете заподозрить, что я подбиваю вас на преступление в собственных интересах.

Сун Чен в первый миг опешил, а потом с улыбкой покачал головой.

Большой Начальник тоже улыбнулся.

– Ну что ж, я сказал все, что хотел. Дальнейшие события, как бы они ни пошли, не имеют ко мне никакого отношения. Зеркало записало все, что я сказал сейчас; возможно, когда-нибудь, в далеком будущем, кто-нибудь услышит мои слова.

Большой Начальник жестом отослал Сун Чена, откинулся на спинку кресла и медленно выдохнул, погрузившись в чувство облегчения и покоя.

* * *

Почти сразу же после ухода Сун Чена часы пробили шесть. И с последним ударом в кабинет вошел Бай Бин с портфелем, где находилось цифровое зеркало прошлого и настоящего.

Большой Начальник предложил ему сесть и, глядя на суперструнный компьютер, стоявший на столе, сказал:

– Молодой человек, у меня к вам просьба: не могли бы вы показать мне в вашем зеркале мою жизнь?

– Конечно, никаких проблем! – ответил Бай Бин и, открыв портфель, выложил на стол компьютер. Он запустил программу цифрового зеркала, установил время на «Настоящее» и точку обзора на кабинет. На экране в реальном времени появились оба присутствующих. Бай Бин навел курсор на Большого Начальника, щелкнул правой кнопкой мышки и запустил опцию обратного отслеживания.

Изображения на экране начали быстро меняться; так быстро,

что весь экран заполнило размытое пятно, в центре которого неподвижно, как центр мира, все время оставался объект трассировки – Большой Начальник. Впрочем, не так уж и неподвижно – его портрет тоже быстро мерцал и заметно молодел.

– Это поиск с отслеживанием в обратной хронологии. Программа распознавания изображений не может использовать ваш современный облик для идентификации ваших версий в более молодом возрасте, поэтому ей приходится шаг за шагом отслеживать возрастные изменения, чтобы отыскать начало.

Через несколько минут экран перестал мигать и показал новорожденного младенца с еще не омытым от родовой слизи личиком. Акушерка только-только взяла его с весов. Малыш не плакал и не смеялся, а смотрел широко открытыми очаровательными глазенками, впитывая впечатления от открывшегося ему нового мира.

Большой Начальник усмехнулся:

– Да, совершенно верно, это я. Матушка не раз говорила, что я открыл глаза, как только родился, – сказал он и улыбнулся во весь рот. Он явно притворялся беззаботным, пытаясь скрыть волнение, но на сей раз, в отличие от большинства других случаев, ему это не особенно удалось.

– Посмотрите сюда, – сказал Бай-Бин, указывая на строку меню под изображением. – Эти кнопки позволяют увеличивать масштаб и изменять ракурс. Это ползунок времени. Программа «Цифровое зеркало» продолжит двигаться вперед во времени, следуя за вами как за объектом поиска. Чтобы найти определенное время или событие, нужно делать почти то же самое, как вы в текстовом редакторе искали бы фрагмент документа с помощью полосы прокрутки. Сначала большими шагами во времени найдите приблизительное местоположение, затем более точной настройкой, передвигая ползунок влево или вправо и ориентируясь по тем эпизодам, которые вы сможете распознать. Найти можно все. Это примерно так же, как быстрая перемотка вперед и назад на DVD-плеере, хотя, конечно, чтобы воспроизвести этот диск с нормальной скоростью, потребуется…

– Я полагаю, примерно пятьсот тысяч часов, – сказал Большой Начальник, успевший прикинуть числа в уме раньше, чем Бай Бин. Он взял мышь и увеличил изображение. На экране появилась молодая мать на родильной койке и часть больничной палаты – прикроватная тумбочка и настольная лампа в простом стиле той эпохи, а также окно с деревянной рамой. Но его внимание особенно привлекло пятно красно-оранжевого света на стене. – Я родился вечером, примерно в то же время, что и сейчас.

Возможно, это последний луч заходящего солнца.

Большой Начальник подвел курсор к ползунку времени, и изображение снова быстро заскакало. Время устремилось вперед. При следующей остановке на экране появился маленький круглый столик, освещенный свисающей с потолка лампочкой без абажура. За столом его мать – скромно одетая, в очках – занималась с четырьмя детьми. Совсем маленький ребенок, трех или четырех лет (очевидно, он сам), неуклюже ел из маленькой деревянной миски.

– Моя мать была учительницей начальной школы. Ей нравилось заниматься дополнительно с неуспевающими учениками прямо у себя дома. Тогда она и меня пораньше забирала из садика. – Большой Начальник некоторое время наблюдал за происходящим на экране. Его детское «я» случайно пролило на себя кашу из миски. Мать поспешно встала и потянулась за полотенцем. Только после этого он передвинул ползунок дальше.

Время перепрыгнуло на несколько лет. Внезапно экран озарил алый свет пламени горна доменной печи, в его пляшущих вспышках мелькали силуэты нескольких рабочих в грязных асбестовых костюмах. Большой Начальник ткнул пальцем в одну из фигур:

– Это мой отец, доменщик.

– Вы можете изменить угол обзора, – напомнил Бай Бин и попытался забрать мышку из пальцев Большого Начальника, но тот мягко, но неуклонно удержал ее.

– Ни к чему. В тот год шла борьба за повышение выпуска продукции, постоянные сверхурочные, и рабочим часто носили еду из дома. И я носил. Тогда-то я впервые увидел отца на работе, как раз с этого ракурса. И его силуэт на фоне пылающего печного горна глубоко врезался мне в память.

И снова годы устремились вперед, следуя за ползунком времени, и остановились в ясный солнечный день. На фоне лазурного неба развевался алый флаг юных пионеров Китая. Мальчик в белой рубашке и синих брюках не отводил от него глаз, пока другие руки завязывали на его шее красный галстук. Правая рука мальчика взметнулась над головой в салюте, страстно заявляя всему миру, что он всегда будет готов бороться за дело коммунизма. Его глаза были ясны, как чистое голубое небо.

– В пионеры я вступил во втором классе начальной школы…

Время устремилось дальше, и появился другой флаг – Коммунистического союза молодежи Китая, – развевающийся на фоне мемориала павшим. Кучка подростков произносила клятву

флагу. Он стоял в заднем ряду, его глаза были ясны, как и прежде, но в них можно было разглядеть энтузиазм и целеустремленность.

– В комсомол меня приняли в первом классе средней школы.

Снова временной скачок. Появляется третий красный флаг – флаг Коммунистической партии Китая. Дело происходит в огромном актовом зале. Крупным планом возникают шесть юношей, произносящих клятву; лицо одного из них заполняет экран.

– В партию меня приняли на втором курсе института. – Большой Начальник указал пальцем на экран: – Посмотрите ему в глаза. Что вы там видите?

В этой паре юных глаз все еще можно было разглядеть ясность детства, пыл и страстное стремление вперед, присущее юности, но в них проглядывала новая, пока еще незрелая мудрость.

– Я чувствую, что вы были… искренним, – сказал Бай Бин, глядя в эти глаза.

– Так оно и есть. И с тех пор до нынешнего дня я помню каждое слово этой присяги. – Большой Начальник вытер глаза; это движение было настолько стремительным, что Бай Бин даже не заметил его.

Ползунок продвинулся вперед еще на несколько лет. На этот раз, похоже, он проскочил нужную точку, но после нескольких небольших уточнений на экране появилась дорожка под тенистыми деревьями. Посреди дорожки стоял молодой человек, глядевший на девушку, которая явно собиралась уйти. Девушка повернула голову, чтобы посмотреть на него в последний раз; ее глаза блестели от слез. Ее словно окружал ореол чистоты и непорочности. А потом она ушла, исчезла вдалеке между двумя рядами высоких тополей. Бай Бин деликатно встал и вознамерился отойти на несколько шагов, но Большой Начальник остановил его.

– Не беспокойтесь, с тех пор я ни разу не видел ее. – Он снял ладонь с мышки и отвел взгляд от экрана. – Ну вот и все, благодарю вас. Можете выключать компьютер.

– Не желаете посмотреть еще что-нибудь?

– Нет, я уже посмотрел все, что было достойно воспоминаний.

– Если хотите, мы можем отыскать ее прямо сейчас. Это будет очень легко.

– Не стоит. Уже поздно, вам пора идти. Я от всей души благодарю вас.

* * *

Как только Бай Бин ушел, Большой Начальник позвонил в охрану и попросил начальника смены зайти к нему в кабинет. Тут же примчался вооруженный полицейский, отдал честь и замер в ожидании.

– Вас ведь зовут… Ян, верно?

– У вас отличная память, товарищ начальник.

– Не беспокойтесь, я пригласил вас не по делу. Вдруг захотелось почему-то сказать вам, что сегодня у меня день рождения.

Охранник от удивления окончательно лишился дара речи.

Большой Начальник снисходительно улыбнулся.

– Можете идти. – Охранник отдал честь и собрался лихо повернуться на месте, как Большой Начальник остановил его: – Ах да, и оставьте мне ваше оружие.

Охранник замялся было, но все же вынул пистолет из кобуры, подошел к монументальному письменному столу, деликатно положил его на край, снова отдал честь и вышел.

Большой Начальник взял пистолет, вынул магазин и начал извлекать из него патроны, один за другим, пока не остался только один. Тогда он вставил магазин с последним патроном на место. Кто знает, кому следующему попадет в руки это оружие – может быть, его секретарю, а может быть, ночной уборщице. Незаряженное оружие в любом случае безопасней.

Положив пистолет на стол, он расставил извлеченные из него патроны в кружок, как свечи на юбилейном торте. Потом подошел к окну и несколько минут глядел поверх города на почти касавшееся горизонта солнце. Из-за густого промышленного смога, висевшего над городом, солнечный диск был окрашен в темно-красный цвет. Большой Начальник подумал, что он похож на зеркало.

Напоследок он отцепил от лацкана значок «Служим народу»[55] и приколол его на флаг провинции, стоявший на его столе между флагами Китая и КПК.

Потом он сел за стол и стал спокойно ждать последнего луча заходящего солнца.

Будущее

Поздно вечером Бай Бин вошел в главный компьютерный зал Центра метеорологического моделирования. Бай Бин сидел там в одиночестве и смотрел остановившимся взглядом на экран

суперструнного компьютера.

Сун Чен подошел к нему и похлопал по плечу:

– Бай, я уже договорился с вашим начальником. Вскоре прибудет специальный автомобиль, который отвезет вас в Пекин. Там вы передадите суперструнный компьютер сотруднику центрального аппарата и сделаете доклад группе экспертов. Ваше открытие настолько грандиозно, что заставить людей понять и поверить во все это будет нелегко. Так что вам придется запастись терпением для разъяснений и демонстраций… Бай Бин, что случилось?

Бай Бин слушал молча, даже не шевелился на кресле. На экране созданной компьютером зеркальной Вселенной плавала в космосе Земля. Контуры ледяных шапок изменились, и голубизна океана приобрела сероватый оттенок, но очертания материков не отличались от современных, во всяком случае, Сун Чен не заметил различий.

– Он был прав, – сказал Бай Бин.

– Что?

– Большой Начальник был прав. – Бай Бин медленно повернулся к Сун Чену и взглянул ему в лицо красными от усталости глазами.

– Вы что, провели минувшие сутки в размышлениях по этому поводу?

– Нет. Я обошел проблему рекурсии при обращении к будущему.

– Вы хотите сказать… цифровое зеркало теперь может производить еще и симуляцию будущего?

Бай Бин вяло кивнул.

– Но только очень отдаленного будущего. Нынче ночью я придумал совершенно новый алгоритм. Относительно близкое будущее он перескакивает, то есть обходит нарушение причинно-следственной цепочки, возникающее в результате того, что знание будущего изменяет настоящее. И я настроил зеркало прямиком на далекое будущее.

– Насколько далекое?

– Тридцать пять тысяч лет.

– И какое же общество будет на Земле? – спросил Сун Чен, осторожно подбирая слова. – Зеркало подействовало на него?

Бай Бин мотнул головой.

– К тому времени цифровое зеркало уже не будет существовать. И общества тоже не будет. И человеческая цивилизация уже исчезнет.

Сун Чен остолбенел.

На экране между тем точка обзора быстро приближалась к

планете и вскоре зависла над городом, окруженным пустыней.

– Это наш город. Он мертв, в нем уже две тысячи лет никто не живет.

Прежде всего бросилась в глаза строгая геометрическая упорядоченность мертвого города. Все здания представляли собой идеальные кубы, выстроенные аккуратными колоннами и рядами, а территория города образовывала идеальный квадрат. Только облака песчаной пыли, время от времени проносившиеся по квадратной сетке улиц, не позволяли принять город за абстрактную геометрическую фигуру из учебника.

Умело перемещая точку обзора, Бай Бин проник в комнату одного из кубических домов. Накопившиеся за бесчисленные годы песок и пыль плотно погребли все, что там находилось. Под окном пологая горка касалась подоконника. Большими и малыми буграми обозначались места, где остались мебель и бытовая техника. В одном углу торчало несколько конструкций, похожих на сухие ветви, – проржавевшая металлическая вешалка для одежды. Бай Бин скопировал часть изображения и вставил в другую программу, которая устранила толстый слой песка, обнажив проржавевшие до голых рам телевизор и холодильник, а также письменный стол. На столе лежала невесть когда повалившаяся фотография в рамке. Еще раз поиграв положением точки обзора, Бай Бин увеличил масштаб, и маленькая фотография заполнила весь экран.

Это оказался семейный портрет трех человек; они чрезвычайно похожи друг на друга – и одеждой, и лицами. Пол можно было определить только по длине волос, возраст – по росту. Одеты они были в одинаковые костюмы, похожие на знаменитый френч Мао, аккуратные, строгие и застегнутые до подбородка. Присмотревшись, Сун Чен все же обнаружил в чертах лиц далеких потомков некоторые различия. Эффект полного сходства усугублялся одинаковым выражением их лиц, какой-то деревянной безмятежностью, какой-то мертвой серьезностью.

– На всех фотографиях и видеозаписях, которые мне удалось найти в этой эпохе, у людей совершенно одинаковые выражения лиц. Я не видел никаких других эмоций, не говоря уже о слезах или смехе.

– Но как же они дошли до жизни такой? – испуганно спросил Сун Чен. – Наверно, стоит заглянуть в какие-нибудь учебники по истории, что ли?

– Уже заглядывал. История после нас двигалась примерно так: «Эпоха Зеркала начнется через пять лет. В первые лет двадцать цифровые зеркала будут использовать только правоохранительные органы, но уже в это время они существенно

повлияют на человеческое общество и вызовут в нем структурные изменения. Но уже вскоре зеркала проникли во все сферы личной и общественной жизни. Историки назвали этот период началом Эпохи Зеркала. На протяжении первых пяти веков новой эры человеческое общество все еще продолжало постепенно развиваться. Признаки полного застоя впервые появились в середине VI века Эпохи Зеркала. Застой начался с культуры, потому что человеческая природа теперь была чистой, как вода, и в ней не осталось ничего, что можно было бы изобразить и выразить. Исчезла литература, а затем и все гуманитарные науки. После них зашли в тупик наука и техника. Застой прогресса продолжался тридцать тысяч лет. История называет этот затянувшийся период Средними веками Света.

– А что случилось потом?

– Все очень просто и незатейливо. Ресурсы Земли истощились, все пахотные земли были утрачены из-за опустынивания. Между тем у человечества так и не возникло ни технологий для колонизации космоса, ни возможностей для добычи новых ресурсов. За последние пять тысяч лет все постепенно пришло в упадок… В ту эпоху, которую я вам показал, на всех континентах все еще оставались люди, но смотреть на их жизнь совсем не интересно.

– А-ах… – Сун Чен вздохнул точно так же, как Большой Начальник позавчера, и умолк. Лишь после продолжительной паузы он спросил дрожащим голосом: – И… и что же нам делать? Может быть, лучше будет уничтожить зеркало?

Бай Бин вытряхнул из пачки две сигареты и протянул одну Сун Чену. Свою он сразу же закурил, глубоко затянулся и выдохнул дым на три мертвых лица на экране.

– Я уже уничтожаю программу. Показал тебе, – он неожиданно перешел на приятельский тон, – и запустил уничтожение. Но, как бы мы ни поступили, это ничего не даст. Остается утешиться тем, что все грядущее никак не связано с нами.

– То есть цифровое зеркало создал кто-то еще?

– Теория и технология для этого существуют, и, согласно теории суперструн, количество осуществимых наборов параметров инициализации огромно, но все же ограничено. Стоит пойти по списку, и в конце концов обязательно наткнешься на наш… И через тридцать с лишним тысяч лет, до последних дней цивилизации, человечество все будет превозносить Ника Кристоффа и молиться на его память.

– Кто он такой?

– Согласно тем же учебникам истории, христианский

священнослужитель, физик, изобретатель программы цифрового зеркала.

Эпоха Зеркала

Пять месяцев спустя. Принстонский университет, Центр экспериментальной космологии.

Когда на одном из пятидесяти экранов появилось сияющее море звезд, все присутствующие ученые и инженеры разразились радостными возгласами. В зале стояли пять суперструнных компьютеров, каждый из которых имитировал десять виртуальных машин – в общей сложности пятьдесят наборов симуляций Большого взрыва, работающих днем и ночью. Эта недавно созданная виртуальная Вселенная имела номер 32 961.

Хранил невозмутимость лишь один внушительный на вид немолодой мужчина с густыми бровями и пронзительным взглядом, одетый в черный свитер, на фоне которого бросался в глаза большой серебряный крест, который он носил на груди. Осенив себя крестным знамением, он спросил:

– Гравитационная постоянная?

– 6,67 на 10–11!

– Скорость света в вакууме?

– 2, 998 на 105 километров в секунду!

– Постоянная Планка?

– 6, 626 на 10–34!

– Заряд электрона?

– 1, 602 на 10–19 кулонов!

– Один плюс один? – Он поднес к губам висевший на груди крест и благоговейно поцеловал.

– Ровно два! Профессор Кристофф, это наша Вселенная!

Ода «К радости»[56]

Концерт

Мысли о концерте, завершающем последнее заседание Организации Объединенных Наций, навевали тягостные чувства.

Злоупотребление возможностями организации, восходящее к вопиющим прецедентам начала века, достигло апогея; каждая из стран считала ООН инструментом для достижения своих целей и по возможности перетолковывала ее устав в своих интересах. Малые государства оспаривали авторитет постоянных членов Совета Безопасности, в то время как каждый постоянный член считал, что заслуживает большего авторитета в организации, которая в результате всего этого сама полностью утратила авторитет. Десятилетние усилия по ее спасению закончились ничем, и в конце концов все сошлись на том, что Организация Объединенных Наций и идеализм, который она олицетворяла, больше неприменимы к реальному миру. Пришло время избавиться от нее.

На заключительное заседание – фактически на торжественные похороны ООН – собрались главы всех государств. Заключительным пунктом программы предстояло стать концерту на лужайке перед зданием Генеральной Ассамблеи.

Он должен был начаться значительно позже заката, в самое чарующее время суток, когда день превращается в ночь и заботы реальности постепенно маскируются сгущающимися сумерками. Последние лучи заходящего солнца все еще позволяли видеть мир, и воздух на лужайке был насыщен ароматом распускающихся цветов.

Генеральный секретарь вышел на лужайку последним. На лужайке он встретился с Ричардом Клайдерманом[57], одним из солистов нынешнего вечера, и приветливо обратился к нему:

– Я неизменно восхищаюсь вашей игрой, – с улыбкой сказал он принцу мира пианистов.

Клайдерман, одетый в свой любимый белоснежный костюм, кажется, смутился.

– Если вы искренни, а не просто хотите польстить, то глубоко тронут. Однако я слышал, что кое-кто был недоволен моим участием в этом концерте.

Недоволен – это еще мягко сказано. Глава ЮНЕСКО, известный теоретик искусства, публично раскритиковал игру Клайдермана, заявив, что это «уровень уличного музыканта», а

его выступления – «кощунство по отношению к искусству пианизма».

Генеральный секретарь вскинул руку, останавливая собеседника.

– ООН не может идти на поводу снобизма отдельных музыкантов. Вы проложили мост от классической музыки к массам, тогда как мы ставили и ставим себе цель донести высшие идеалы человечества непосредственно до простого человека. Вот почему вас пригласили сюда сегодня вечером. Поверьте, когда я услышал вашу музыку в грязных, душных трущобах Африки, у меня возникло чувство, будто я, стоя в канаве, смотрю на звезды. Это было опьяняюще.

Клайдерман указал на собравшихся на лужайке лидеров государств:

– Здесь сложилась семейная обстановка.

Генеральный секретарь оглядел толпу.

– На этой лужайке, по крайней мере на нынешний вечер, мы осуществили утопию.

Он пересек лужайку и добрался до первого ряда. Вечер был чудесный. Генеральный секретарь рассчитывал отключить свое политическое шестое чувство и занять место как обычный слушатель, но ничего не вышло. Это чувство сразу же проанализировало ситуацию: председатель Китая, занятый беседой с президентом Соединенных Штатов, на мгновение поднял глаза к небу. Само мимическое движение было совершенно ничем не примечательным, но Генеральный секретарь заметил, что оно немного затянулось, возможно, всего на одну-две лишние секунды, но он это заметил. Когда Генеральный секретарь обменялся рукопожатиями с другими мировыми лидерами, находившимися поблизости, и сел, председатель Китая снова посмотрел на небо, подтвердив тем самым первое мимолетное впечатление. Вообще-то у государственных деятелей высшего ранга за каждым, даже самым мелким действием имеется некое содержание, и китайский лидер не стал бы сразу же повторно смотреть в небо, не появись у него для этого каких-то оснований. Президент США тоже это заметил.

– Огни Нью-Йорка затмевают звезды. Над Вашингтоном небо намного ярче, чем здесь, – сказал он.

Китайский председатель кивнул, но ничего не ответил.

Президент США продолжал:

– Я тоже люблю смотреть на звезды. На фоне непрерывных изгибов хода истории нашей профессии необходим неизменный эталонный ориентир.

– Этот ориентир – иллюзия, – сказал китайский председатель.

– Почему вы так считаете?

Вместо прямого ответа китайский председатель указал на только что появившееся в небе скопление звезд.

– Смотрите, вот Южный Крест, а это Большой Пес.

Президент США улыбнулся:

– Вот вы и подтвердили его непоколебимость. Десять тысяч лет назад первобытный человек увидел бы те же Южный Крест и Большого Пса, что и мы сегодня. Возможно, они даже придумали им эти названия.

– Нет, господин президент. На самом деле еще вчера небо было совсем другим. – Китайский председатель в третий раз воздел глаза к небу. Он держался вроде бы совершенно спокойно, однако сталь в его взгляде заставляла двоих соседей заволноваться. Они тоже уставились в то самое безмятежное небо, которое бессчетное количество раз видели над собой; казалось, там все было в порядке. Они вопросительно посмотрели на китайского председателя.

– Два созвездия, которые я только что упомянул, всегда можно было видеть только из Южного полушария, – сказал он, не указывая в небо и даже не поднимая глаз, и с задумчивым видом повернулся к горизонту.

Генеральный секретарь и президент США вопросительно посмотрели на него.

– Мы видим то небо, которое должно находиться с другой стороны Земли, – пояснил он.

Президент США чуть слышно ахнул, но тут же спохватился и сказал еще тише, почти шепотом:

– Вы, должно быть, шутите!

– Взгляните, что это? – сказал Генеральный секретарь и указал на небо, подняв руку лишь на уровень глаз, чтобы не встревожить окружающих.

– Луна, конечно, – ответил президент США, бросив вверх короткий взгляд. Но когда китайский председатель медленно покачал головой, он снова поднял глаза и, похоже, растерялся. На первый взгляд полукруглое пятно в небе выглядело как луна в первой четверти, но было голубоватым, как будто в ночи случайно застрял кусочек дневного неба. Президент США присмотрелся к голубому полукругу повнимательнее, выказывая наработанную острую наблюдательность. Подняв палец на фоне голубой луны, он посидел так несколько секунд и сказал: – Она растет.

Трое мужчин уставились в небо, уже не думая о том, что могут напугать окружающих. Главы государств, сидевшие в соседних креслах, заметили их движения и тоже стали

запрокидывать головы. Оркестранты, настраивавшие на открытой сцене свои инструменты, вдруг разом затихли.

К этому времени стало ясно, что синий полукруг – вовсе не луна, потому что его диаметр увеличился вдвое и стала видна и вторая часть тусклого синего цвета. А на более яркой половине можно было разглядеть детали: поверхность оказалась не однородно голубой, а имела коричневые пятна.

– Боже мой! Это же Северная Америка! – воскликнул кто-то. Он был прав. Можно было безошибочно различить знакомые очертания континента, который лежал прямо на границе между светлой и темной половинами. (Возможно, кому-то пришло в голову, что раздел проходит именно там, где они сейчас находятся.) Затем разглядели Азию, Северный Ледовитый океан и Берингов пролив…

– Это же… Земля!

Президент США опустил палец. Рост голубого шара в небе теперь был ясно виден и без всякого ориентира для измерения; теперь он, по меньшей мере, втрое превосходил Луну. Сначала сфера выглядела как быстро надувающийся в небе воздушный шар, но чей-то выкрик из толпы резко изменил впечатление:

– Она падает!

Эта реплика сразу дала происходящему какую-то относительно разумную интерпретацию. Так ли это было на самом деле или нет, но у всех зрителей сразу же появилось новое восприятие происходящего: из космоса на них стремительно неслась еще одна Земля! Приближающаяся голубая планета теперь занимала треть неба, и можно было разглядеть детали ее поверхности: коричневые континенты, покрытые горными складками, пятна облачного покрова, похожего на нетающий снег, с черными прожилками, обрисованными падающими на землю тенями. На Северном полюсе также было бело, но там имелось много блестящих участков – скорее лед, нежели облака. На фоне голубого океана лениво вращался по спирали белоснежный объект, наводивший на мысль о нежной красоте бархатного цветка в голубой хрустальной вазе – новорожденный ураган… Но когда огромная голубая сфера выросла и закрыла половину неба, восприятие наблюдателей почти одновременно изменилось.

– Боже! Мы падаем!

В мгновение ока все будто бы перевернулось. Сфера, заполнявшая половину неба, породила ощущение то ли высоты, то ли исчезновения почвы под ногами, и теперь людям казалось, что они устремились к другой Земле. А ее поверхность виделась совсем четко, и на темной стороне, недалеко от границы тени,

обладатели острого зрения могли разглядеть слабо светящуюся полосу огней городов Восточного побережья Америки, в которой самым ярким пятном выделялся Нью-Йорк, где они сейчас находились. Другая планета занимала уже две трети неба, и казалось, что две Земли вот-вот столкнутся. В толпе раздались крики, многие зажмурились.

И вдруг все стихло. Земля над головой больше не падала (или Земля, на которой стояли люди, больше не падала к ней). Сфера висела неподвижно, закрывая две трети неба, заливая землю своим голубым сиянием.

Из города отчетливо доносились звуки хаоса, но здесь, на лужайке, собрались обладатели самых крепких нервов на всей планете, как никто другой готовые к самым нештатным ситуациям, поэтому им удалось сдержать панику при виде кошмарного зрелища и более трезво подойти к происходившему.

– Это галлюцинация, – сказал Генеральный секретарь.

– Да, – ответил китайский председатель. – Будь это на самом деле, мы ощутили бы притяжение. К тому же мы находимся так близко к морю, что нас, несомненно, затопило бы приливом.

– Приливом дело не ограничилось бы, – вставил русский президент. – Гравитация попросту разорвала бы обе Земли в клочья.

– Законы физики не позволили бы двум Землям оставаться в неподвижности относительно друг друга, – сказал премьер-министр Японии и, повернувшись к председателю Китая, добавил: – Когда эта Земля только-только появилась, вы сказали, что в небе над нами находятся звезды Южного полушария. Могут ли эти два явления быть связаны между собой?

Японец откровенно дал понять, что подслушивал, но на данный момент всем это было безразлично.

– Не исключено, что скоро мы что-то узнаем, – сказал президент США. Он разговаривал по мобильному телефону; госсекретарь, стоявший рядом, сообщил остальным, что беседа идет с Международной космической станцией. Поэтому они сосредоточили свое ожидание на президенте, который внимательно слушал телефон, но почти ничего не говорил. Воцарилась тишина; люди, стоявшие на лужайке, в голубом свете той, другой Земли выглядели толпой призраков. Примерно через две минуты президент нажал кнопку «отбой», взобрался на стул и крикнул ожидающей толпе мировых лидеров:

– Все очень просто! Рядом с Землей появилось гигантское зеркало!

Зеркало

Это нельзя было описать никак иначе – только как огромное зеркало. Его поверхность идеально отражала и радиацию, и видимый свет без потери энергии или качества изображения. При взгляде с правильного расстояния Земля выглядела в нем как камень на доске для го площадью 10 миллиардов квадратных километров.

Получение предварительных данных не должно было составить для астронавтов «Эндевора» никаких трудностей, поскольку на борту находились и астрофизик, и чистый астроном, имеющие в своем распоряжении все доступное оборудование для проведения наблюдений, включая аппаратуру МКС, однако их минутная паника едва не привела орбитальный аппарат к гибели. МКС представляла собой полностью оборудованную наблюдательную платформу, но ее орбита не позволяла наблюдать объект, расположенный в 450 километрах над Северным полюсом почти перпендикулярно земной оси. Орбита же «Эндевора», проложенная для исследования озоновых дыр, проходила как раз над полюсами на высоте 280 километров; он летел точно между Землей и зеркалом.

Оказавшись между двумя Землями, астронавты испытали совершенно кошмарные ощущения – корабль как будто мчался по ущелью с неизмеримо высокими голубыми скалами. Пилот уверял, что это мираж вроде пространственной дезориентации, которую ему довелось испытать дважды за три тысячи летных часов на истребителе, а командир был убежден, что Земля на самом деле вдруг раздвоилась. Он приказал было скорректировать орбиту, чтобы компенсировать гравитационное притяжение второй планеты, хорошо, что астроном вовремя успел остановить его. Как только они оправились от первоначального потрясения и, наскоро проанализировав орбиту «шаттла», установили, что одна из двух Земель не имеет массы, они вздохнули с облегчением: если бы они внесли компенсационные коррективы, «Эндевор» превратился бы в падающую звезду над Северным полюсом.

Астронавты внимательно наблюдали за Землей, не имеющей массы. Визуальный осмотр показал, что орбитальный аппарат находился гораздо дальше от нее, чем от весомой Земли, но ее Северный полюс, казалось, мало отличался от полюса той Земли, что поближе, а то и вовсе был идентичен ему. Они увидели лазерные лучи, исходящие с обоих Северных полюсов, две длинные темно-красные змеи, медленно извивающиеся в одинаковых формах в одинаковых положениях. В конце концов они обнаружили единственную вещь, которой не было у более близкой Земли: над безмассовой Землей летел некий объект.

Визуально они определили, что он находится на орбите примерно в 300 километрах над ее поверхностью, но когда попытались более точно исследовать его орбиту с помощью бортового радара, оказалось, что луч будто отражался от сплошной стены на расстоянии ста с лишним километров. Безмассовая Земля и летающий объект находились на противоположной стороне этой стены. Наблюдая за объектом через окно кабины с помощью мощного бинокля, командир распознал другой космический челнок, летящий по низкой орбите над замерзшим арктическим паковым льдом и напоминавший мотылька, ползущего по синеватой стене. За окном кабины шаттла виднелась фигура, смотревшая в бинокль. Командир помахал рукой, и фигура помахала одновременно.

Так они установили, что это зеркало.

Они изменили курс и приблизились к зеркалу почти вплотную. С расстояния в три километра астронавты могли ясно видеть отражение «Эндевора» в шести километрах от себя; свечение его кормовых двигателей придавало ему форму ползучего светлячка.

Пора было человечеству познакомиться с зеркалом поближе, и для этого один из астронавтов вышел в открытый космос. Реактивные двигатели скафандра несли его в пространстве, выбрасывая струи белого пара. Осторожно отрегулировав тягу, он повис в десяти метрах от зеркала. Его отражение было удивительно четким, без каких-либо искажений. Зеркало висело неподвижно относительно Земли, астронавт же двигался по орбите с относительной скоростью в десять километров в секунду. И даже при этой головокружительной быстроте в зеркале вообще не было видно его движения. Это была самая гладкая, самая блестящая поверхность во Вселенной.

Пока астронавт тормозил, его реактивные двигатели довольно долго были направлены на зеркало, и белый туман бензольного топлива шел прямо на него. Во время предыдущих выходов в открытый космос всякий раз, когда эти пары соприкасались с «шаттлом» или наружной обшивкой МКС, там оставалось заметное пятно; он ожидал, что такой же след останется и на зеркале, вернее, при высокой относительной скорости он размажется в длинную узкую полосу вроде тех, какие он в детстве любил рисовать мылом на зеркале в ванной. Но он ничего не увидел. При соприкосновении с зеркалом туман рассеялся, и его поверхность осталась такой же чистой, как и была.

«Шаттл», находящийся на орбитальной траектории, должен был довольно быстро пролететь мимо зеркала, и поэтому

астронавту приходилось торопиться. Как только пар от двигателей остался позади, он, почти не соображая, что делает, достал из сумки с инструментами гаечный ключ и бросил его в зеркало. В следующую секунду и он сам, и его товарищи на борту «шаттла» окаменели от ужаса, осознав, что при столь большой относительной скорости железка ударит в зеркало с силой бомбы. Со страхом они смотрели, как гаечный ключ летит к зеркалу, и явственно представляли себе паутину трещин, которая в считаные мгновения, как мириады молний, разойдется от места удара по всей поверхности, а затем огромное зеркало разлетится на миллиарды сверкающих осколков, которые морем серебра повиснут в черноте космоса… Но, коснувшись поверхности, гаечный ключ бесследно исчез, а зеркало осталось таким же гладким, как и прежде.

Вообще-то понять, что зеркало не имело массы, было совсем нетрудно – будь оно физическим телом, оно попросту не смогло бы неподвижно парить над Северным полюсом Земли. (Возможно, точнее было бы сказать, учитывая относительные размеры, – это Земля плавала перед серединой зеркала.) Зеркало представляло собой не физическую сущность, а какое-то поле, что убедительно доказали контакты с паром топлива и гаечным ключом.

Аккуратно управляя двигателями и постоянно регулируя тягу, астронавт приблизился к зеркалу на расстояние полуметра и уставился прямо на свое отражение, в очередной раз поразившись его точности: идеальная копия, возможно, выполненная даже искуснее, чем оригинал. Он протянул к нему руку, и его рука и ее отражение почти соприкоснулись, разделенные менее чем сантиметром расстояния. Наушник молчал – командир не приказывал остановиться, поэтому он потянулся еще немного вперед, и его рука исчезла в зеркале. Он и его изображение теперь соприкасались запястьями, но он не чувствовал контакта с чем бы то ни было. Он убрал руку и внимательно посмотрел на нее. Перчатка костюма была совершенно невредима. Никаких следов вообще.

Между тем «шаттл» постепенно удалялся от зеркала; приходилось то и дело запускать его рулевые двигатели, чтобы держаться на прежней дистанции. Однако из-за траектории дрейф ускорялся, и вскоре такие корректировки должны были стать невозможными. Для второй встречи пришлось бы совершить полный круг по орбите, но кто знает, останется ли к тому времени зеркало на прежнем месте? И астронавт принял решение. Он включил двигатели и направился прямо в зеркало.

Его отражение стремительно выросло, заполнив ртутным пузырем все поле зрения поляризованной лицевой поверхности

шлема, не пропускавшей снаружи бóльшую часть излучений. Когда он коснулся головой зеркала, ему потребовалось сделать немалое усилие, чтобы не закрыть глаза. При соприкосновении он ничего не почувствовал, но в тот же миг все, что было перед глазами, исчезло, сменившись тьмой космоса и знакомым Млечным Путем. Он резко обернулся и увидел почти то же самое, но в пейзаже присутствовал он сам, вернее, его медленно удалявшееся отражение и струи пара из наспинных маневровых реактивных двигателей.

Он прошел зеркало насквозь, и обратная сторона оказалась тоже зеркальной.

Пока он приближался к зеркалу, наушник почти непрерывно верещал голосом командира, но на этой стороне умолк. Зеркало блокировало радиоволны. Хуже того, с этой стороны не было видно Землю. Окруженный одними лишь звездами, астронавт почувствовал себя изолированным в другом мире и оказался на грани паники. Он отрегулировал двигатели, и движение прочь от Земли прекратилось. В первый раз он прошел сквозь зеркало стоя, держа тело параллельно зеркалу, но теперь он сориентировался перпендикулярно, как будто нырял в него головой вперед. Непосредственно перед контактом он снизил скорость. Затем макушка его головы коснулась макушки его отражения, а затем он прошел сквозь зеркало и с облегчением увидел под собой голубую Землю и услышал в ухе голос командира.

Просунувшись до пояса, он вновь остановился, так, что нижняя половина его тела осталась в зазеркалье. Затем он изменил направление реактивного выхлопа и начал медленно отползать назад; пар от струй, проникавших с противоположной стороны зеркала, стекал с поверхности вокруг его головы, как туман, поднимающийся из озера, в котором плавает человек. Когда поверхность достигла его носа, он сделал еще одно поразительное открытие: зеркало прошло сквозь его шлем и заполнило объем между лицевой пластиной и его лицом. Он посмотрел вниз и увидел в возникшем внутри шлема полумесяце отражение своих расширенных от испуга зрачков. Без сомнения, зеркало проходило насквозь через его голову, но он ничего не чувствовал. Он снизил скорость до минимально возможной, не быстрее хода секундной стрелки, и продвигался миллиметр за миллиметром, пока зеркало не разделило его зрачки пополам и не исчезло. Все вернулось на круги своя: голубая сфера Земли с одной стороны, сверкающий Млечный Путь – с другой. Но этот знакомый мир сохранялся лишь секунду или две. Он не мог остановиться полностью, поэтому вскоре зеркало оказалось у него

перед глазами, и Земля исчезла, оставив только Млечный Путь. Над ним – простирающееся на сотни тысяч километров зеркало, загораживающее ему вид на Землю. Из-за острого угла часть отражавшихся звезд все же исказилась, превратившись в серебристые ореолы на поверхности зеркала. Он вновь переключил тягу и поплыл назад, и зеркало наползло ему на глаза, на долю мгновения исчезло, так, что он смог увидеть одновременно и Землю, и Млечный Путь, после чего галактика скрылась, и ореол на поверхности зеркала сделался голубым. Он несколько раз медленно двигался взад и вперед, и когда его зрачки улавливали виды с обеих сторон, ему казалось, что он проходит через мембрану между двумя мирами. Наконец ему удалось выдержать довольно продолжительную паузу с невидимым зеркалом в центре зрачков. Он широко раскрыл глаза, чтобы хоть мельком заметить линию, обозначающую его положение, но ничего не увидел.

– У этой штуки нет толщины! – воскликнул он.

– Может быть, оно толщиной всего лишь в несколько атомов, и ты просто не способен это увидеть. И вероятно, оно приближалось к Земле боком, поэтому его никто не увидел заранее. – Таковы были предположения экипажа «шаттла», наблюдавшего за изображениями, которые передавала телекамера на скафандре товарища.

Удивительным было то, что зеркало толщиной, возможно, всего в несколько атомов, но площадью более сотни Тихих океанов, оказалось настолько плоским, что его невозможно было разглядеть в продольной оси; с точки зрения классической геометрии оно представляло собой идеальную плоскость.

Абсолютная плоскостность объясняла и абсолютную гладкость. Это было идеальное зеркало.

На смену потрясению и испугу пришла растерянная подавленность. Появление зеркала сделало Вселенную совершенно непонятной и превратило людей в кучку новорожденных младенцев, брошенных в новом для них, непостижимом мире.

А потом зеркало заговорило.

Музыкант

– Я музыкант, – сказало оно. – Я музыкант.

Приятный мужской голос, разносящийся в пространстве, был слышен всем. В одно мгновение все спящие на Земле проснулись, и все те, кто бодрствовал, застыли, как статуи.

Зеркало продолжало:

– Я вижу, что внизу готовится концерт, зрители которого способны представлять цивилизацию планеты. Вы хотите поговорить со мной?

Национальные лидеры посмотрели на Генерального секретаря, который на мгновение растерялся.

– У меня есть что вам сказать, – продолжало зеркало.

– Вы можете слышать нас? – осторожно выговорил Генеральный секретарь.

Зеркало ответило немедленно:

– Конечно, могу. При желании я могу различить голос каждой бактерии в мире, находящемся передо мной. Я воспринимаю вещи совсем не так, как вы. Я могу наблюдать вращение всех атомов одновременно. Мое восприятие охватывает временные измерения. Я могу полностью проследить всю историю предмета или явления. Вы видите только срезы, я же вижу все.

– Каким образом мы слышим ваш голос? – спросил президент США.

– Я излучаю в вашу атмосферу суперструнные волны.

– Суперструнные волны?

– Вид сильного взаимодействия, осуществляющийся в атомном ядре. Они возбуждают вашу атмосферу, как гигантская рука, бьющая в барабан. И вы слышите меня.

– Откуда вы прибыли? – спросил Генеральный секретарь.

– Я – зеркало, дрейфующее во Вселенной. Место моего происхождения находится так далеко как во времени, так и в пространстве, что о нем бессмысленно говорить.

– Как вы выучили английский язык?

– Я уже сказал, что вижу все. Должен отметить, что я говорю сейчас по-английски лишь потому, что бóльшая часть собравшихся на этот концерт разговаривала на этом языке, а не из-за предположения, будто какая-то из этнических групп в лежащем подо мною мире превосходит какую-то другую. Это все, что я могу сделать, если на планете нет единого общего языка.

– У нас есть всемирный язык, но им мало пользуются.

– Ваш всемирный язык? Это не столько попытка достичь мирового единства, сколько классическое выражение шовинизма. Почему мировой язык должен быть латинским, а не основываться на какой-то другой языковой семье?

Этот вопрос взбудоражил мировых лидеров, которые сразу же принялись нервно перешептываться между собой.

– Мы поражаемся тому, насколько хорошо вы понимаете земную культуру, – честно сознался Генеральный секретарь.

– Я вижу все. Кроме того, досконально разобраться в пылинке

не составляет никакого труда.

Президент США посмотрел на небо и сказал:

– Вы имеете в виду Землю? Вы можете быть больше размером, но в космическом масштабе вы находитесь на том же уровне, что и Земля. Тоже пылинка.

– Вы меньше, чем пыль, – сказало зеркало. – Когда-то, давным-давно, я тоже был пылью, но теперь я просто зеркало.

– Вы отдельная личность или коллектив? – спросил китайский председатель.

– Этот вопрос не имеет смысла. Когда цивилизация проходит достаточно далеко по дороге времени, индивидуальное и коллективное исчезают.

– Зеркало – это присущая вам форма или одно из ваших многочисленных состояний? – спросил премьер-министр Великобритании.

Генеральный секретарь добавил:

– Другими словами, намеренно ли вы демонстрируете нам именно эту форму, чтобы нам было легче воспринять вас?

– Этот вопрос тоже бессмыслен. Когда цивилизация проходит достаточно далеко по дороге времени, форма и содержание исчезают.

– Мы не понимаем ваших ответов на два последних вопроса, – сказал президент США.

Зеркало промолчало.

Тогда Генеральный секретарь задал главный вопрос:

– Почему вы прибыли в Солнечную систему?

– Я музыкант. Здесь будет концерт.

– Отлично, – сказал Генеральный секретарь, подкрепив свою реплику кивком. – И слушателями будет человечество?

– Мои слушатели – вся Вселенная, и ничего страшного, если ближайший цивилизованный мир услышит мою игру даже через сто лет.

– Игру? Где же ваш инструмент? – спросил со сцены Ричард Клайдерман.

Они вдруг заметили, что отраженная Земля, покрывающая бо́льшую часть неба, начала быстро смещаться к востоку. Перемена оказалась устрашающей – небо словно рушилось, – и несколько человек на лужайке невольно закрыли голову руками. Вскоре край отражения опустился за горизонт, но практически в то же время все озарилось ослепительным светом. Когда к присутствующим вернулось зрение, они увидели солнце в самой середине неба, на том самом месте, где только что находилась отраженная Земля. Яркий солнечный свет освещал их окрестности под ярко-голубым небом, которое в мгновение ока

сменило черную ночь. Океаны отраженной Земли сливались с голубизной неба, и суша казалась на этом фоне клочьями облаков. Они в шоке уставились на произошедшую перемену, но затем слова Генерального секретаря пролили свет на произошедшую загадочную перемену:

– Зеркало повернулось.

Действительно, гигантское зеркало сдвинулось в пространстве, поймало в поле своего обзора Солнце и направило его отраженный свет на ночную сторону Земли.

– Как же быстро оно движется! – сказал китайский председатель.

Генеральный секретарь кивнул:

– Да… При таком размере его края должны перемещаться чуть ли не со скоростью света.

– Ни одно физическое тело не способно выдержать внутренних напряжений при таком повороте. Это именно поле, что нам совсем недавно продемонстрировал наш астронавт. Для полевой структуры перемещение с околосветовой скоростью вполне возможно, – сказал президент США.

И тут зеркало снова заговорило:

– Вот мой инструмент. Я играю на звездах. И сейчас мой инструмент – ваше Солнце!

Эти величавые слова заставили всех умолкнуть; люди долго молча смотрели на отраженное солнце, и лишь после продолжительной паузы кто-то с благоговением спросил, как на нем играют.

– Вы все знаете, что многие инструменты, на которых играют у вас, имеют звуковую камеру, тонкие стенки которой отражают и удерживают звуковые волны, позволяя им резонировать и превращаться в приятные звуки. В случае электромагнитных волн в качестве камеры выступает звезда – пусть у нее и нет видимых стен, но она имеет градиент скорости передачи сигнала, который отражает и преломляет волны, ограничивая их, благодаря чему возникает электромагнитный резонанс и воспроизводится красивая музыка.

– Как же звучит этот инструмент? – спросил Клайдерман, глядя в небо.

– Девять минут назад я сыграл на солнце несколько нот для настройки. Звук инструмента теперь передается со скоростью света. Конечно, это в электронной форме, но я могу в вашей атмосфере преобразовать его в звук с помощью суперструнных волн. Слушайте…

Все услышали несколько нежных продолжительных нот, напоминавших по звучанию фортепианные, но обладавшие

каким-то магическим воздействием, под которое сразу же попали все до одного.

– Что вы почувствовали, услышав эти звуки? – спросил Генеральный секретарь у китайского председателя.

– Как будто вся Вселенная – это огромный дворец, высотой в двадцать миллиардов световых лет. И звук заполняет его полностью.

– Разве можно продолжать сомневаться в существовании Бога, услышав эти звуки? – спросил президент США.

Китайский председатель посмотрел ему в глаза:

– Звук порожден реальным миром. И если он в состоянии издать такой звук, существование Бога еще менее важно для него.

Аккомпанемент

– Итак, концерт сейчас начнется? – спросил Генеральный секретарь.

– Да. Я жду, когда вступит аккомпанемент, – ответило зеркало.

– Аккомпанемент?..

– Аккомпанемент начал исполняться четыре года назад; он передается сюда со скоростью света.

Едва умолкли эти слова, как в небе произошла очередная пугающая перемена. Отраженные Земля и Солнце исчезли, сменившись танцующей яркой серебристой рябью, заполнившей весь небосвод; казалось, будто Земля погрузилась в огромный океан и люди смотрят на играющие в волнах отблески солнца, пылающего возле горизонта.

Зеркало объяснило:

– Я блокирую интенсивное излучение из космоса. Полностью отразить его я не могу, и вы видите небольшую часть, которая проходит сквозь меня. Излучение исходит от звезды, которая четыре года назад превратилась в сверхновую.

– Четыре года назад? Это же Альфа Центавра, – сказал кто-то.

– Совершенно верно. Проксима Центавра.

– Но ведь у этой звезды нет условий для превращения в сверхновую, – ровным голосом произнес председатель Китая.

– Условия были созданы мною, – холодно ответило зеркало.

Теперь стало ясно, что значили слова об аккомпанементе, начавшемся четыре года назад: зеркало имело в виду, что, выбрав Солнце в качестве своего инструмента, оно взорвало Проксиму Центавра для сопровождения сольной партии. Судя по «настройке», зеркало, очевидно, умело действовать через

гиперпространство и управлять пульсацией Солнца с расстояния в астрономическую единицу. Но было ли оно способно оказать такое же и даже более сильное воздействие на звезду, находящуюся в четырех световых годах, оставалось неизвестным. Взрыв Проксимы Центавра мог быть осуществлен одним из двух способов: из Солнечной системы через гиперпространство или путем телепортации в ее окрестности, детонации звезды и затем обратной телепортации. И то и другое действия были для землян проявлениями поистине божественной силы, но в любом случае свету от сверхновой потребовалось бы четыре года, чтобы достичь Солнца. Зеркало сказало, что музыка, которую оно исполняет, будет передаваться в космос электромагнитными волнами, так не следует ли из этого, что для этой сверхцивилизации скорость света – нечто вроде скорости звука для людей? И если световые волны – это их звук, то что же заменяет для них свет? Вряд ли человечество когда-нибудь сможет узнать это.

– Ваша способность манипулировать физическим миром устрашает, – признался президент США.

– Звезды – это камни в космической пустыне, самые обыденные предметы в моем мире. Иногда я использую звезды как инструменты, иногда как оружие, а иногда как музыкальные инструменты… Я превратил Проксиму Центавра в метроном, мало чем отличающийся от того устройства с грузиком, каким пользовались ваши предки. И я, и вы, чтобы расширить свои способности, используем самые обычные для наших миров предметы.

Но собравшиеся на лужайке не восприняли этой аналогии и отказались от попытки обсуждать с зеркалом технологические вопросы. Было ясно, что человечество не способно уразуметь их, точно так же как муравей не способен осознать устройство и работу МКС.

Между тем свет в небе начал понемногу тускнеть, подобно тому как солнечный свет над океаном сменяется лунным и сверхновая гаснет.

– Если бы зеркало не блокировало энергию сверхновой, Земля превратилась бы в мертвую планету, – сказал Генеральный секретарь.

К этому моменту рябь на небе исчезла, и господствующее положение в небе вновь заняло огромное отражение Земли.

– Но где же ритм? – спросил Клайдерман. Он сошел со сцены и теперь сидел среди мировых лидеров.

– Посмотрите на восток! – крикнул кто-то, и все увидели в восточном небе прямую, как шомпол, линию, которая разделила небеса на два отдельных изображения. Отраженная Земля с

отрезанным краем оставалась на западной стороне, а на востоке появилось сияющее звездное поле, которое, как знали многие из государственных деятелей, точно соответствовало Северному полушарию, а не являлось отражением южного неба. Между тем разделительная линия двигалась на запад, разворачивая звездное небо и стирая отраженную Землю.

– Оно улетает! – крикнул Генеральный секретарь. И они поняли, что так и есть: зеркало покидало пространство над Землей. Вскоре его край исчез за западным горизонтом, и государственные лидеры теперь стояли под звездами обычного неба. А зеркало больше не появилось, – возможно, улетело в окрестности своего музыкального инструмента – Солнца.

У всех полегчало на душе, когда мир снова стал знакомым – с прежними звездами, городскими огнями и запахом цветов на лужайке.

А потом вступил аккомпанемент.

Совершенно внезапно, без всяких переходов, наступил день; со светло-голубого неба, озарив землю, хлынул яркий солнечный свет. Но день продлился всего секунду и угас, вернулась новая ночь, и снова зажглись звезды и огни города. И эта ночь тоже длилась всего секунду, сменившись секундным днем, и опять наступила ночь. День, и снова ночь, день, ночь… будто сердечный пульс, или будто мир превратился в проектор, где переключаются два слайда.

Ритм задавала смена дня и ночи.

Они посмотрели вверх и увидели мигающую звезду, которая теперь была просто ослепительной, хоть и не имевшей ровно никакого размера, точкой света в космосе.

– Пульсар, – сказал китайский председатель.

Останки сверхновой, стремительно вращающаяся нейтронная звезда, обнаженная горячая точка на ее плотной поверхности, превращающая ее в космический маяк; при каждом обороте луч, испускаемый этой горячей точкой, пронизывает пространство и, проносясь через Солнечную систему, дарует Земле краткий миг дневного света.

– Осмелюсь напомнить, – сказал Генеральный секретарь, – что частота пульсаров куда выше. К тому же они не излучают видимого света.

– Высокая частота обусловлена тем, что нейтронная звезда сохраняет угловой момент бывшей звезды, – ответил, прикрывая глаза рукой и изо всех сил пытаясь приноровиться к сумасшедшему ритму мира, президент США. – Вероятно, зеркало каким-то образом умудрилось ослабить этот импульс. Что касается видимого света… Неужели вы считаете, что зеркало не

может этого сделать?

– Нужно учитывать еще кое-что, – сказал китайский председатель. – Нет никаких оснований полагать, что темп жизни всех существ во Вселенной такой же, как у человечества. Ритм их музыки может быть на совершенно другой частоте. Обычный ритм зеркала, например, может превышать даже тактовую частоту самых быстродействующих наших компьютеров.

– Да, – согласился президент США и кивнул. – Нет также никаких оснований полагать, что их и наш видимый свет относится к одному диапазону электромагнитного спектра.

– То есть вы считаете, что музыка зеркала адаптирована к возможностям человеческого восприятия? – недоверчиво спросил Генеральный секретарь.

Китайский председатель покачал головой:

– Не знаю. Но ведь она должна на чем-то основываться.

Мощный луч пульсара пронзал пустое небо, как жезл длиной в 4 триллиона километров, продолжая расти со скоростью света. На этом ее конце начался солнечный концерт, исполняемый на Солнце незримыми пальцами зеркала и со скоростью света передаваемый в просторы космоса.

Солнечная музыка

Шорох, похожий на радиопомехи в приемнике или бесконечный накат волн на песок, непроизвольно наводил на мысль о полной затерянности среди бескрайнего хаоса и беспорядка. Звук продолжался более десяти минут, не меняясь.

Всеобщее молчание нарушил президент России:

– Я же говорил, что мы не сможем понять их музыку.

– Слушайте! – вскинулся Клайдерман, указывая пальцем в небо, но все остальные далеко не сразу расслышали мелодию, которую давно уже уловил его тренированный слух. Простое сочетание всего двух нот, напоминающее тиканье часов. Эти сочетания повторялись через довольно продолжительную паузу. Затем подключилось другое созвучие из двух нот, и третье, и четвертое… парные музыкальные интервалы, непрерывно появляющиеся из хаоса, как светлячки в ночи.

Затем родилась новая мелодия, из четырех нот. Все повернулись к Клайдерману, который внимательно слушал и, кажется, что-то понимал. А четырехзвучные музыкальные фразы все множились и множились.

– Ну-ка! – вдруг воскликнул он, обращаясь к главам государств. – Давайте все мы постараемся запомнить такт из двух

нот. – Все мировые лидеры послушно напряглись, каждый выбрал такт из двух нот и сосредоточил умственную энергию на том, чтобы запомнить его. – Отлично, – сказал через некоторое время Клайдерман. – Теперь сосредоточьтесь на фразе из четырех нот. Но побыстрее, иначе музыка станет слишком сложной, и мы уже не сможем различить отдельные созвучия… Да, вот это. Кто-нибудь слышит то, на что я намекаю?

– Первая половина – это та пара нот, которую я запомнил! – объявил президент Бразилии.

– А моя пара – вторая половина! – подхватил премьер-министр Канады.

Стало ясно, что каждая музыкальная фраза из четырех нот состоит из двух предыдущих пар нот, по мере того как фразы из четырех нот множились, исполнение отдельных пар как будто прекращалось. Затем последовали фразы из восьми нот, аналогичным образом сформированные из наборов фраз по четыре ноты.

– Что вы слышите? – спрашивал Генеральный секретарь тех, кто сидел рядом с ним.

– Первобытный океан, озаряемый вспышками молний и отсветами извержений вулканов, и крохотные молекулы, слипающиеся в более крупные… конечно, это всего лишь игра моего воображения, – сказал китайский председатель.

– Не ограничивайте свое воображение Землей, – вмешался президент США. – Объединение этих молекул может происходить в туманности, светящейся звездным светом. А может быть, это вовсе не молекулы, а ядерные вихри внутри звезды…

Затем последовала пронзительная фраза из нескольких нот, которая повторялась, как яркая искра в тусклом хаосе.

– А вот это, мне кажется, изображает фундаментальную трансформацию, – сказал китайский президент.

Затем вступил новый инструмент – ровный струнный голос, похожий на скрипку, – который повторял нежную тень основной темы мелодии.

– Это уже прямой намек на деление, – сказал русский президент.

И тут же непрерывная мелодия скрипичного голоса стала плавно меняться, как мог бы, наверно, меняться свет, совершая криволинейное движение. Премьер-министр Великобритании повернулся к китайскому председателю:

– Позаимствую ваш образ: в этом океане уже что-то плавает.

В какой-то момент фоновая тема, о которой слушатели почти забыли, начала меняться. Вместо монотонного шума волн в ней теперь звучали неравномерные порывы шторма,

обрушивающегося на голую скалу, но быстро перешедшие в ровное унылое завывание ветра.

– Пловец попал в новую среду. На сушу, а может быть, и в воздух, – сказал президент США.

Затем все инструменты на короткое мгновение заиграли в унисон, исполнив стремительное крещендо, дошли до ужасающей громкости, наводящей на мысль о гигантской природной катастрофе, а затем оркестр резко смолк, и остался только одинокий шум прибоя. В него понемногу начали вплетаться парные созвучия, которые постепенно становились все сложнее; первая часть повторялась…

– Наверняка мы только что услышали великое вымирание, а теперь идет возрождение жизни.

После еще одного продолжительного и напряженного процесса океанский пловец отважился испытать другую среду обитания. Постепенно мелодия становилась величественнее и сложнее, а интерпретация тем – все разнообразнее. Одни представляли себе реку, несущуюся вниз по склону, другие – продвижение великой армии по обширной равнине, третьи видели вздымающиеся во тьме космоса туманности, захваченные вихрем черной дыры, но все сходились на том, что музыка выражала какой-то грандиозный, эволюционный процесс. Тема развивалась очень долго, незаметно прошел час, и лишь тогда она наконец начала меняться. Мелодия постепенно разделилась на две соперничающие части, которые дико врезались друг в друга или перепутывались…

– Классический стиль Бетховена, – заявил Клайдерман, который почти все время молчал, погрузившись в величественную музыку.

– Как будто флот пробивается сквозь громадные морские волны, – сказал Генеральный секретарь.

– Нет, – возразил президент США, мотнув головой. – Вы не правы. Ведь явно эти две силы, по существу, не отличаются одна от другой. Я думаю, что это битва, охватывающая целый мир.

– Постойте! – вновь потерял терпение японский премьер-министр. – Неужели вы всерьез считаете, что способны постичь совершенно чуждое искусство? Вряд ли ваше толкование этой музыки может чем-то отличаться от рассуждений коровы по поводу лиры.

– Я считаю, что в основе толкования ее сути мы правы, – ответил Клайдерман. – Математика и музыка – универсальные языки космоса.

– Думаю, это нетрудно будет выяснить, – сказал Генеральный секретарь. – Сумеем ли мы предсказать тему или стиль

следующей части?

– Я думаю, – сказал после минутного раздумья председатель Китая, – что следующим будет выражение религиозного восторга, а мелодия будет обладать строгой архитектурной красотой.

– Вы имеете в виду что-то наподобие Баха?

– Именно.

Так и случилось. Слушатели будто оказались в огромном храме, где отчетливо слышали эхо собственных шагов в этом великолепном пространстве, и преисполнились благоговейного трепета и даже страха перед всеобъемлющей силой.

Затем сложная мелодия резко упростилась. Темы второго плана исчезли, и в бесконечной тишине раздалась серия коротких, четких ударов: один, затем два, три, четыре… А затем один, четыре, девять и шестнадцать… далее следовали все более сложные серии.

– Это, вероятно, символизирует возникновение математики и абстрактного мышления, – предположил кто-то.

Потом музыка сделалась еще более странной. Отдельные фразы из двух и трех нот на скрипке одинаковой высоты, но разной продолжительности звучания; затем глиссандо, повышение, понижение, а затем снова повышение. Политики внимательно слушали, и когда президент Греции сказал: «Это… похоже на описание основных геометрических фигур», у всех сразу же возникло ощущение, что они наблюдают за треугольниками и прямоугольниками, проносящимися в пустом пространстве. Хроматические переходы наводили на мысли об округлых объектах, овалах и идеальных кругах… Мелодия медленно менялась по мере того, как отдельные ноты, разделенные паузами, переходили в отрезки хроматической гаммы, но прежнее впечатление плавающих геометрических фигур осталось, только теперь они плавали по воде и их правильные поначалу формы искажались…

– Раскрытие тайны времени, – сказал еще кто-то.

Следующая часть началась с ровного ритмического боя, который повторялся циклами, сходными с дневным-ночным ритмом пульсара. Музыка, казалось, совсем прекратилась, остался только бой, эхом отдававшийся в тишине, но вскоре к нему присоединилась другая партия ударных, чуть более быстрая. Затем добавлялись все новые и новые ударные в разных ритмах, пока наконец все не слилось в великолепное тутти. Но на временной оси музыка была постоянной, как огромная плоская стена звука.

Как ни удивительно, их интерпретация этой части оказалась единодушной: «Работа гигантской машины».

А потом вступила новая нежная мелодия: хрустальный звон, изменчивый и сказочный, который контрастировал с глухой стеной, служившей для нее фоном, словно серебряная фея запорхала над огромной машиной. Эта крошечная капля мощного катализатора вызвала в железном мире удивительную реакцию: постоянный ритм начал сбиваться, а валы и шестеренки машины стали ощущаться мягкими и резиновыми, пока весь хор не сделался легким и воздушным, как песенка феи.

Слушатели тут же принялись обсуждать новый музыкальный поворот:

– Машина обрела интеллект!

– Я считаю, что машины становятся все ближе к своим создателям.

Между тем в симфонии солнечной музыки началась новая часть, самая сложная по композиции и самая трудная для понимания. Сначала фортепианный голос одиноко сыграл мелодию, которую затем подхватила и продолжила непрерывно увеличивающаяся группа инструментов. Мелодия развивалась циклично, усложняясь с каждым разом.

Когда тема повторилась несколько раз, председатель Китая сказал:

– Я представляю это так: мыслитель стоит на острове в море, созерцая космос. Камера отъезжает назад, фигура мыслителя в кадре постепенно уменьшается, и когда в поле зрения оказывается весь остров, он уже представляется не более чем песчинкой. Камера между тем выходит за пределы атмосферы, и сам остров все уменьшается, и теперь в кадре вся планета, а остров – всего лишь пятнышко на ней. По мере того как камера удаляется в космос, в кадр вплывает вся планетная система, а затем видна только звезда, одинокий сияющий бильярдный шар на фоне черного как смоль неба, и теперь уже планета океанов превратилась в песчинку…

Президент США, внимательно слушавший его, поспешил развить образ:

– …Камера удаляется со скоростью света, и вдруг оказывается, что то, что в нашей системе величин представляется огромным и безграничным космосом, – всего лишь сверкающая звездная пыль, и когда в кадр попадает вся галактика, то звезда и ее планетная система вовсе не видны, даже как песчинка. А камера продолжает удаляться на невообразимые расстояния, и в кадре оказывается скопление галактик. Мы все так же видим сверкающую пыль, но теперь каждая из пылинок уже не звезда, а галактика…

– …и нашу галактику тоже уже не разглядеть, – подхватил

Генеральный секретарь. – Но где же конец?

Публика снова погрузилась в музыку, явно приближавшуюся к кульминации. Могучий разум музыканта вывел космическую камеру за пределы известного пространства, так что в кадре оказалась вся Вселенная, а скопление галактик Млечного Пути превратилось в пылинку. Слушатели напряженно ждали финала, но тутти оркестра внезапно оборвалось, оставив после себя только одинокое фортепиано (а может быть, и не фортепиано, а что-то похожее) – далекий и пустой звук.

– Возвращение к мыслителю на острове? – спросил кто-то.

Клайдерман покачал головой:

– Нет, мелодия совсем другая.

Тут снова мощно вступил космический хор, но почти сразу стих, сменившись соло фортепиано, которое довольно долго чередовало две мелодии.

Клайдерман внимательно слушал, и вдруг его осенило:

– Фортепиано играет обращенную тему оркестра!

Президент США кивнул:

– Пожалуй, точнее будет сказать, не «обращенная», а «отраженная». Космическое зеркало.

Произведение определенно приблизилось к развязке, и теперь отраженная мелодия в исполнении фортепиано звучала на фоне оркестра, заметно отставая от него, но тем не менее образуя изумительную гармонию.

Председатель Китая сказал:

– Это напоминает «серебряный» стиль архитектуры середины XX века, когда здания стали полностью покрывать зеркалами, чтобы избежать воздействия на окружающую среду. Считалось, что отражения позволяют достичь гармонии с окружающим миром, а также способствовать самовыражению.

– Да, – задумчиво ответил Генеральный секретарь. – Достигнув определенного уровня, цивилизация способна проявить себя через отражение в космосе.

Фортепиано резко переключилось на неотраженную тему и теперь играло в унисон с оркестром. Солнечная симфония завершилась.

Ода «К радости»

– Изумительный концерт, – сказало зеркало, которое, как оказалось, вовсе не улетело, а лишь повернулось так, что земляне не могли его видеть. – Благодарю всех, кто слушал музыку. А теперь мне пора уходить.

– Погодите! – вдруг воскликнул Клайдерман. – У нас есть просьба. Не могли бы вы сыграть на Солнце одно человеческое музыкальное произведение?

– Могу. И какое же?

Мировые лидеры задумались и стали переглядываться.

– Может быть, «Симфонию судьбы»[58] Бетховена? – предложил канцлер Германии.

– Нет, не надо «Судьбу», – возразил президент США. – Давно доказано, что человечество не в состоянии противостоять судьбе. Наше достоинство в том, что, даже зная, что судьбе противостоять невозможно и смерть все равно рано или поздно победит, мы все равно посвящаем отведенный нам ограниченный срок созданию прекрасного.

– В таком случае «Ода “К радости”», – сказал китайский председатель.

– Пойте все, – сказало зеркало. – А я подключу Солнце, чтобы передать вашу песню во Вселенную. Уверяю вас, звук будет отличным!

И более двухсот голосов запели Бетховенскую «Оду “К радости”»[59]. Их песня через зеркало попадала на Солнце, которое снова запульсировало, рассылая во все пределы космоса мощные электромагнитные волны.

…

Радость, пламя неземное,
Райский дух, слетевший к нам,
Опьяненные тобою,
Мы вошли в твой светлый храм.
Ты сближаешь без усилья
Всех разрозненных враждой,
Там, где ты раскинешь крылья,
Люди – братья меж собой[60].

…

Через пять часов песня покинет Солнечную систему. Через четыре года достигнет Проксимы Центавра, через десять тысяч покинет галактику, через двести тысяч достигнет ближайшего соседа галактики, Магелланова Облака. Через шесть миллионов лет песня дойдет до всех сорока с лишним галактик, имеющихся в скоплении, а через сто миллионов лет – до пятидесяти с лишним скоплений, образующих сверхскопление. Через пятнадцать миллиардов лет песня распространится по всей известной Вселенной и еще дальше, если Вселенная все еще будет расширяться.

…

Радость двигает колеса
Вечных мировых часов.
Свет рождает из хаоса,
Плод рождает из цветов.
С мировым круговоротом
Состязаясь в быстроте,
Видит солнца в звездочетам
Недоступной высоте.

…

Песня стихла, и на концертной лужайке воцарилась тишина. Мировые лидеры погрузились в размышления.

– Может быть, положение не настолько безнадежно, как мы считали, – нарушил молчание китайский председатель, – и нам все же стоит попытаться его исправить?

Президент США кивнул:

– Да. Мир не обойдется без ООН.

– Уступки и жертвы ничего не значат по сравнению с будущими бедствиями, которые они предотвращают, – сказал российский президент.

– Ведь мы имеем дело всего лишь с незаметной космической песчинкой. Все должно получиться без особого труда, – сказал премьер-министр Великобритании, глядя на звезды.

Среди глав государств не нашлось ни одного несогласного.

– В таком случае продолжим нынешнюю сессию ООН? – с надеждой в голосе спросил Генеральный секретарь.

– Конечно, нам придется провести консультации со своими правительствами, но уверен, что с этим не возникнет проблем, – сказал, улыбнувшись, президент США.

– Как бы там ни было, друзья мои, но сегодняшний день мы должны сохранить в памяти, – сказал Генеральный секретарь, даже не пытаясь скрыть восторг. – Так давайте еще раз споем все вместе.

Снова зазвучала «Ода “К радости”».

Зеркало, удалявшееся от Солнца со скоростью света, точно знало, что никогда не вернется сюда. За более чем миллиард лет существования музыкант ни разу не выступал ни перед кем повторно – точно так же, как пастух из числа людей никогда не бросит один и тот же камень дважды. На лету он прислушивался к отголоскам «Оды “К радости”», и по его идеально гладкой зеркальной поверхности пробегала едва заметная рябь.

– О, прекрасная песня!

Заградительные помехи полного спектра [61]

Посвящаю, с глубоким уважением, народу России, чья литература так сильно повлияла на мою жизнь.

Что касается выбора метода постановки электромагнитных помех в ходе боевых действий, то настоящее руководство рекомендует использовать выборочные частотно-целевые помехи, а не заградительные помехи в широком диапазоне одновременно используемых частот, поскольку последние также будут создавать помехи в том числе и дружественной электромагнитной связи, и электронной поддержке.

Руководство армии США по радиоэлектронной борьбе

5 января, Смоленский фронт

Сданный город уже исчез из виду. За одну ночь линия фронта отодвинулась назад на сорок километров.

Раннее утро заливало снежную равнину холодным, тусклым голубоватым светом. Вдалеке над уничтоженными целями поднимались черные столбы дыма. Ветра почти не было; дымы шли вверх прямо и так высоко, что казались тонкими нитями черной вуали, связывающими небо с землей. Подняв взгляд за дымами, Карина вздрогнула: светлеющее небо было затянуто плотной белой колючей на вид сетью, как будто сумасшедший великан густо исчеркал небосвод бессмысленными каракулями. Эти запутанные следы оставили полчища истребителей Военно-воздушных сил России и НАТО во время ожесточенной ночной битвы за контроль над воздушным пространством.

Одновременно всю ночь продолжались воздушные и ракетно-артиллерийские прицельные дальние удары. Стороннему наблюдателю бомбардировка не показалась бы очень уж

ожесточенной. Взрывы раздавались с интервалом в несколько секунд, а то и минут. Но Карина знала, что почти каждый взрыв означал попадание в какую-нибудь важную цель и порождал новые знаки препинания на черных страницах предыдущей ночи. К рассвету Карина совершенно не представляла себе, сколько сил осталось на оборонительных рубежах и уцелели ли оборонительные рубежи вообще. Более того, ей казалось, что только она одна и уцелела под натиском врага.

Взвод электронного сопротивления майора Карины был уничтожен шестью ракетами с лазерным наведением около полуночи. Она выжила по чистой случайности. БМП-2 с оборудованием для постановки радиопомех все еще горела; другие машины радиоэлектронной борьбы, из которых состояло подразделение, представляли собой груды почерневшего металла, громоздившиеся вокруг нее. Из воронки от бомбы, в которой пряталась Карина, уходило остаточное тепло, и зимний холод чувствовался все сильнее. Она заставила себя сесть, опираясь на руки. Ее правая рука коснулась чего-то и липкого, и осклизлого – вроде бы комка грязи, покрытого черным пеплом. Она вдруг сообразила, что это кусок плоти. Неведомо из какой части тела и тем более чьего тела. Во время смертоносной ночной атаки погибли старший лейтенант, два лейтенанта и восемь рядовых. Карину затошнило, но из желудка не вышло ничего, кроме горькой желчи. Она сунула руки в снег, пытаясь стереть кровь, но черновато-красные пятна быстро свернулись на морозе и оставались такими же яркими, как и раньше.

Уже полчаса стояла давящая тишина, явственно говорившая о том, что вот-вот начнется новая наземная атака. Карина прибавила громкость рации, прикрепленной к плечу, но в аппарате звучали только помехи. Внезапно в динамике прорвались, словно птицы, мечущиеся в густом тумане, несколько расплывчатых фраз:

«…докладывает шестая наблюдательная станция! На позиции 1437 в 12 часов тридцать семь эм-один-а-два выстроены на расстоянии в среднем шестидесяти метров друг от друга сорок одна БМП «Брэдли» в пятистах метрах позади авангарда эм-один-а-два; двадцать четыре эм-один-а-два и восемь «Леклерков» в настоящее время окружают позицию 1633 и уже поравнялись с отметкой 1437. Позиции 1437, 1633 и 1752, приготовьтесь вступить в бой с врагом!»

Карина подавила дрожь от холода и страха. Бинокль перестал плясать у нее в руках, линия горизонта выровнялась, и на его фоне теперь можно было различить снежные вихри, поднятые танковыми гусеницами.

И тут же моторы взревели за ее спиной. Мимо разбитой позиции ее взвода неслась навстречу врагу фаланга танков «Т-90», а с протянувшейся позади автострады съезжали все новые и новые танки. Но ревели не только танковые моторы. Подняв голову, Карина увидела, как в небе аккуратным строем, черной решеткой на мертвенно-белом рассветном небе, появилось множество вертолетов. Из выхлопных труб танков, миновавших воронку, в которой пряталась Карина, с тихим шипением повалил белый туман, быстро окутавший поле боя. Сквозь разрывы дымовой завесы она видела, как низко над землей пошли на запад русские вертолеты.

Залпы 125-мм танковых орудий слились в протяжный вой, и белый туман превратился в яростно мигающий розовый световой дисплей. Почти одновременно упали первые вражеские снаряды, и бело-голубые молнии их разрывов тут же перебили розовый свет. Карина, все так же лежавшая ничком на дне воронки, почувствовала, как земля сотрясается от частых ударов, похожих на барабанную дробь. Совсем близкий разрыв вскинул в воздух и обрушил ей на спину комья размятой земли. Среди взрывов она смутно слышала визг противотанковых ракет. Карина чувствовала, как эта какофония разрывает на части все ее нутро, а заодно и всю Вселенную, осколки которой рушатся в бесконечную бездну…

Пока Карина пребывала на грани потери сознания, танковая битва завершилась. Она длилась всего тридцать секунд.

Как только дым рассеялся, Карина увидела, что заснеженная равнина перед нею усеяна подбитыми русскими танками, превратившимися в огромные костры, увенчанные черным дымом. Она посмотрела дальше; даже без бинокля вдали была ясно видна такая же полоса уничтоженных танков НАТО – черные дымящиеся пятна на снегу. Но мимо их обломков в ее сторону уже неслись новые вражеские танки, окутанные снежными вихрями, взметаемыми гусеницами. Время от времени из снежной пелены, как черепахи, выпрыгивающие из волн, выглядывали свирепые широкие клиновидные головы «Абрамсов», и их гладкоствольные дула вспыхивали, как глаза. А над ними все еще продолжалась схватка вертолетов. Карина увидела, как неподалеку в воздухе взорвался «Апач». Прямо над ее головой, раскачиваясь, прошел «Ми-28», оставляя за собой след от утечки топлива, ткнулся в землю в нескольких десятках метров от нее и взорвался огненным шаром. Ракеты «воздух-воздух» малой дальности чертили низко над землей бесчисленные параллельные белые линии…

За спиной Карины что-то громыхнуло. Обернувшись, она

увидела, что у стоявшего поблизости поврежденного и сильно дымящегося «Т-90» открылся кормовой люк. Оттуда никто не выскочил, только высунулась рука. Карина поспешно выбралась из воронки, подбежала к танку, схватила руку и потянула. И тут внутри танка прогрохотал взрыв. Карина стояла сбоку от люка, но все же порыв раскаленного воздуха заставил ее отступить на несколько шагов. В руке у нее оказалось что-то мягкое и очень горячее: прожаренный насквозь кусок кожи, снявшийся с руки танкиста. Карина подняла голову и увидела, как из люка вырвалось пламя. Но и сквозь него было видно, что внутри уже творится ад в миниатюре. В тускло-красном прозрачном пламени она видела силуэт другого танкиста; он был неподвижен, хоть и слегка колебался в огненном мареве, как если бы она смотрела сквозь воду.

Поблизости дважды взвизгнули реактивные двигатели. Артиллерийский расчет спереди и слева от нее выпустил две последние противотанковые ракеты. Ракета с проводным наведением успешно уничтожила «Абрамс», а вот у радиоуправляемой ракеты противник заглушил сигнал, и она взяла вверх, промахнувшись мимо цели. Тем временем все шесть человек расчета уже покинули окоп и побежали к той самой воронке от бомбы, где только что находилась Карина, но тут же на них спикировал, растопырив угловатое шасси, вертолет «Команч», похожий на свирепого аллигатора. На землю легла длинная пулеметная очередь, взметнувшая стенку из снега и грязи, которая рухнула так же быстро, как и появилась. Очередь прошлась по кучке людей и положила сразу четверых. До воронки добрались только старший лейтенант и рядовой. Когда они оказались рядом, Карина разглядела, что у лейтенанта на голове танковый шлем; вероятно, в нем он и выпрыгнул из подбитого танка. Каждый тащил «РПГ».

Лейтенант спрыгнул в воронку и сразу же выстрелил в ближайший вражеский танк. Граната попала в лоб «M1A2», вызвав срабатывание его реактивной брони; звуки взрывов ракеты и динамической защиты странно смешались. Танк вырвался из облака дыма, обрывки реактивной брони свисали с его передней части, как рваная рубашка. Молодой рядовой все еще целился, гранатомет ходил в его руках вверх и вниз вслед за подскоками танка. Парень никак не мог решиться выстрелить. А танк находился уже всего в пятидесяти-сорока метрах от него и съехал во впадину в земле. Солдату ничего не оставалось, кроме как стоять на краю воронки и целиться вниз.

Его «РПГ» и 120-мм пушка «Абрамса» выстрелили одновременно.

Наводчик танка в отчаянии выстрелил бронебойной болванкой с обедненным ураном. Снаряд, имевший начальную скорость 800 метров в секунду, превратил верхнюю часть тела солдата в кровавые брызги. Несколько ошметков крови и мяса звонко шлепнули по стальной каске Карины. Она открыла глаза. Ноги солдата, только что торчавшие на краю воронки, как два черных пня, беззвучно скатились на дно ямы прямо к ее ногам. А от раздробленных останков его туловища на снегу остался радиальный узор из красных пятен.

Граната попала куда нужно, кумулятивный заряд пробил броню. Из-под днища повалил густой дым. Но стальное чудовище все так же перло вперед, оставляя за собой дымный хвост. И лишь когда до воронки оставалось явно меньше двадцати метров, внутри раздался взрыв, гусеницы остановились, и крышка командирского люка взлетела высоко вверх.

Сразу же через поле этого скоротечного боя прошла цепь натовских танков, сотрясая землю гусеницами; к воронке от бомбы никто не проявил интереса. Как только первая волна наступления прошла мимо, старлей схватил Карину за руку и, выпрыгнув из воронки, потянув за собой к уже изрешеченному пулями «газику». До следующей цепи бронетехники уже оставалось всего метров двести.

– Ложись здесь и притворись мертвой! – приказал старший лейтенант, совершенно забыв о всякой субординации. И Карина послушно легла на спину рядом с джипом и закрыла глаза. – С открытыми глазами будет правдоподобнее! – добавил самозваный командир и вдруг густо обмазал ее лицо чьей-то только-только остывшей кровью. Сам он тоже лег под почти прямым углом к Карине, так, что они чуть ли не соприкасались головами. Она лежала и широко открытыми глазами смотрела в небо, почти полностью затянутое дымом.

Всего через две или три минуты метрах в десяти от лежащих остановилась полугусеничная броневая машина пехоты «Брэдли». Из нее выскочили несколько американских солдат в бело-голубой зимней камуфляжной форме. Бо́льшая часть с оружием на изготовку выстроилась в боевой полукруг, а один направился к «газику». Карина увидела совсем рядом с лицом десантные берцы, облепленные снегом, рассмотрела даже эмблему 82-й воздушно-десантной дивизии на рукояти ножа, торчавшей из-за голенища. Американец нагнулся и посмотрел ей в лицо. Их взгляды встретились; Карина изо всех сил старалась придать глазам пустое и безжизненное выражение, а в голубых глазах американца явственно читался испуг.

– Oh, god! – чуть слышно воскликнул он. Карине оставалось

только гадать, имел ли он в виду участь красивой девушки с майорскими звездочками на плечах или ее перепачканное засохшей кровью и грязью лицо. Возможно, и то и другое. Он протянул руку и расстегнул ее воротничок. Тело Карины мгновенно покрылось гусиной кожей, рука незаметно двинулась ближе к висевшей на ремне расстегнутой кобуре с пистолетом, но американец всего-навсего снял с ее шеи шнурок с солдатским медальоном.

Ждать пришлось гораздо дольше, чем они рассчитывали. Мимо тянулись бесконечные колонны вражеских танков и бронемашин. Карине казалось, что ее тело уже превратилось в лед. В памяти почему-то всплыли строчки из старой песни. Она когда-то прочитала ее в книге об Александре Матросове: «А солдаты лежат на снегу/ Как на лебяжьей перине». В день защиты кандидатской диссертации она записала эти строки в свой дневник. В ту ночь тоже шел снег. Она стояла перед окном на одном из верхних этажей главного здания Московского университета; снег действительно походил на лебяжий пух, и сквозь снежную завесу мерцали огни тысяч окон столицы. На следующий день она вступила в армию.

Недалеко от них остановился джип, в котором сидели, курили и о чем-то разговаривали трое натовских офицеров. Но боевых машин на обширном поле уже не было видно. Карина и старший лейтенант прыгнули в «газик», рядом с которым так долго лежали, старлей включил зажигание, и они помчались по заранее намеченному маршруту. Позади них застрекотали автоматы; пули свистели над головой, одна разбила зеркало заднего вида. Машина резко повернула и въехала в горящее селение. Враги не стали преследовать их.

– Майор, вы ведь кандидат наук, верно? – спросил, не отвлекаясь от дороги, старший лейтенант.

– Откуда вы обо мне знаете?

– Я видел вас с сыном маршала Левченко.

Немного помолчав, старший лейтенант добавил:

– Сейчас маршальский сын находится дальше от войны, чем любой другой человек на свете.

– Вы что имеете в виду? Что-то определенное?

– Ничего. Так, брякнул, – даже не попытался выкрутиться он. Дальше они ехали в молчании. И Карина, и старший лейтенант отчаянно боялись оборвать последнюю ниточку надежды – что этот прорыв единственный на всем протяжении фронта.

5 января, околосолнечная орбита, борт «Вечного бурана»

Одиночество, в котором пребывал Миша, пожалуй, можно было бы сравнить разве что с ощущениями человека, находящегося в городе, где, кроме него, нет ни одного жителя.

«Вечный буран» и впрямь был размером с небольшой город. Составленная из множества модулей космическая станция вдвое превышала объемом самый большой транспортник; на ней могли одновременно жить пять тысяч человек. Когда станция вращалась вокруг продольной оси и центробежная сила имитировала притяжение, здесь даже тек журчащий ручей, наполнявший водой пруд, где можно было искупаться. Вообще-то «Вечный буран» являлся высшим достижением той созидательной экономии, которую российская космонавтика демонстрировала со времен станции «Мир». В основу его конструкции легла идея, согласно которой объединение в одной структуре всех функций, необходимых для исследования Солнечной системы, может потребовать огромных первоначальных капиталовложений, но в долгосрочной перспективе окажется абсолютно экономичным. Западные СМИ в шутку назвали «Вечный буран» швейцарским армейским ножом для космоса: он мог служить космической станцией, вращающейся на околоземной орбите, мог легко перемещаться и не только выходить на орбиту вокруг Луны, но и совершать исследовательские полеты к другим планетам. «Вечный буран» уже летал и на Венеру, и на Марс, и исследовал пояс астероидов. Благодаря его огромной вместимости и функциональности это было все равно что отправить в космос целый исследовательский центр. В области космических исследований у него было большое преимущество перед многочисленными, но мелкими западными космическими кораблями.

Когда разразилась война, «Вечный буран» готовили к трехлетней экспедиции на Юпитер. В связи с новыми обстоятельствами почти всю команду корабля, состоявшую в основном из офицеров ВВС, отправили на Землю, оставив за всех одного Мишу. Беда выявила главный недостаток «Вечного бурана» – с военной точки зрения он представлял собой легкодоступную цель, так как не имел ровно никаких средств и возможностей для обороны. Увы, конструкторы совершенно не приняли в расчет усиливавшуюся милитаризацию космоса.

«Вечному бурану» оставалось только прятаться. Но и отступить в отдаленные области Солнечной системы он не мог, потому что НАТО густо насытило орбиту Юпитера беспилотными космическими аппаратами. Они были мелкими, но – хоть с оружием, хоть без него – представляли смертельную опасность для огромного безоружного корабля.

Оставалось лишь нырнуть к самому Солнцу. Благодаря автоматической теплозащитной системе активного охлаждения – гордости «Вечного бурана» – корабль мог подбираться к Солнцу ближе, чем любое другое изделие человеческих рук. И сейчас «Вечный буран» достиг орбиты Меркурия, проходящей в пяти миллионах километров от Солнца и в ста миллионах километров от Земли.

Бо́льшую часть помещений корабля наглухо запечатали, но и то, что осталось в распоряжении Миши, поражало огромными размерами. Сквозь широкий прозрачный куполообразный потолок глядело Солнце – в три раза больше, чем на Земле. Миша отчетливо видел солнечные пятна и необычайно красивые протуберанцы, появляющиеся из пурпурной короны, и, случалось, даже гранулы, образованные конвекцией на поверхности. Безмятежность солнечного диска была иллюзорной. Солнце порождало яростный шторм частиц и электромагнитного излучения, и «Вечный буран» был всего лишь крошечным зернышком в бурном океане.

Тонкая, как паутинка, нить электромагнитных волн соединяла Мишу с Землей и извещала его о бедах того далекого мира. Только что ему сообщили, что центр управления полетами под Москвой уничтожен крылатыми ракетами и управление «Вечным бураном» осуществляется из запасного командного центра в Самаре. Последние новости об идущей на Земле войне он получал каждые пять часов и каждый раз думал о своем отце.

5 января, Генеральный штаб Вооруженных сил Российской Федерации

Маршалу Михаилу Семеновичу Левченко казалось, будто он смотрит на глухую стену, хотя в действительности перед ним находилась голографическая карта московского театра военных действий. И наоборот, когда он повернулся к большой бумажной карте, висевшей на стене, то увидел широту и глубину и ощутил пространство.

Всегда и при любых обстоятельствах он предпочитал традиционные карты. Он и сам не мог бы сказать, сколько раз ему приходилось искать какие-нибудь отметки в самом низу карты, для чего и ему самому, и штабным генералам и офицерам приходилось вставать на четвереньки; даже сейчас, подумав об этом, он чуть заметно улыбнулся. Вспомнил он и о том, как накануне военных учений сидел в своей палатке и скреплял листы только что полученных тактических карт клейкой лентой.

У него эта лента всегда путалась и липла не туда, куда следовало, а вот сын, даже в самый первый раз, когда попросил посмотреть, как проходят маневры, справлялся с этим делом куда лучше, чем кто-либо другой…

Поймав себя на том, что его мысли снова обратились к сыну, маршал решительно заставил себя вернуться к насущным проблемам.

На командном пункте находились лишь маршал и командующий Западным военным округом; последний непрерывно курил, прикуривая одну сигарету от другой. Оба рассматривали облака дыма, плавающие над голографической картой, с таким вниманием, будто это и было само поле отчаянного сражения.

– Натовцы стянули под Смоленск семьдесят пять дивизий. Линия боестолкновения – сто километров. Они прорвали нашу оборону во многих местах.

– А Восточный фронт? – спросил маршал Левченко.

– Как вам известно, бо́льшая часть нашей 11-й армии перешла на сторону правых. Силы правых теперь насчитывают двадцать пять дивизий, но их наступление под Ярославлем, несомненно, лишь разведка боем.

Земля содрогнулась от слабых отголосков дальнего мощного взрыва. Тени, тянувшиеся по всему просторному помещению от свисающих с потолка ламп, запрыгали.

– Пошли разговоры об отступлении в Москву, строительстве укреплений и баррикад и подготовке к уличным боям, наподобие тех мер, что были приняты семьдесят с лишним лет назад.

– Совершеннейшая глупость! Если мы свернем Западный фронт, НАТО обойдет нас с севера и соединится с правыми в Твери. В Москве паника начнется сама собой, даже без их усилий. У нас есть выбор лишь из трех вариантов: контратака, контрудар, контрнаступление.

Командующий округом тяжело вздохнул и молча уставился на карту.

– Я знаю, что у Западного фронта мало сил, – продолжал маршал, – и намерен для его укрепления перебросить армию с Восточного фронта.

– Что? Так ведь у нас и без того серьезные трудности с обороной Ярославля.

Маршал усмехнулся:

– Нынче у многих командиров беда в том, что они склонны рассматривать проблему только с военной точки зрения. Потому и не видят дальше беспросветной тактической ситуации. А вот скажите, глядя на карту: неужели у правых не хватает сил, чтобы

взять Ярославль?

– Я так не считаю. 14-я армия – отборная сила с мощной бронегруппировкой и низковысотными ударными силами. Продвигаться менее чем на пятнадцать километров в день, не испытывая при этом серьезного сопротивления, для них это… Такое впечатление, что они намеренно сдерживают темп.

– Совершенно верно, они смотрят и выжидают. А смотрят они на Восточный фронт! И если мы перехватим инициативу на Восточном фронте, они и дальше будут смотреть и выжидать. Возможно, даже пойдут на сепаратные переговоры о перемирии.

Командующий округом давно уже держал в руке очередную сигарету, но не закуривал, а, похоже, совершенно забыл о ней.

– Предательство армии на Восточном фронте действительно было для нас как нож в спину, но некоторые командиры увидели в этом предлог для того, чтобы перейти к пассивной стратегии. Это продолжаться не должно и не будет! Конечно, нельзя не признать, что тех сил, которые мы сегодня имеем в Московском регионе, недостаточно для того, чтобы полностью переломить положение. Наша надежда на резервы из Кавказского и Уральского округов.

– Ближайшим соединениям Кавказского округа потребуется не меньше недели, чтобы подготовиться к перебазированию и добраться до места. А если учесть соотношение сил в воздухе, то и еще дольше.

5 января, Москва

Карина и старший лейтенант на том же многострадальном «газике» въехали в город уже в четвертом часу дня. Только что объявили воздушную тревогу, и на улицах не было ни души.

– Майор, я уже тоскую по своему «Т-90»! – вздохнул старший лейтенант. – Я закончил курсы командиров бронетехники и примерно тогда же расстался со своей девушкой. Зато, когда прибыл в часть и увидел этот танк, мое сердце снова воспарило. Я положил руку на броню, и она оказалась гладкой и теплой, как девичья кожа. Ха, да что там девушки!.. Вот она, настоящая любовь для мужчины! А не далее как сегодня утром моя любовь словила ракету «Мистраль». – Он снова вздохнул. – Возможно, до сих пор горит.

В это время они услышали сливающиеся в частую дробь разрывы на северо-западе – несомненно, это была ковровая бомбардировка, уже весьма редкое явление в современной воздушной войне.

А лейтенант заново переживал утреннюю драму:

– Полминуты не прошло, а танковой роты как не бывало.

– Враг потерял не меньше, – ответила Карина. – Я сразу же тщательно изучила поле боя. Потерь с обеих сторон было примерно поровну.

– Я думаю, что где-то один к одной и двум в их пользу, – уточнил танкист. – А вот по вертолетам, наверно, хуже, но вряд ли больше, чем единица к одной и четырем десятым.

– Но в таком случае преимущество должно было остаться на нашей стороне. Ведь у нас было определенно больше техники. Почему же верх взяли они?

Танкист оторвал взгляд от дороги и посмотрел на Карину:

– Майор, ты же специалист по радиоэлектронной войне! Неужели не понимаешь? Все ваши игрушки – системы управления и связи пятого поколения, боевые трехмерные дисплеи, симуляторы динамической ситуации, оптимизатор плана атаки, да что угодно – отлично смотрелись в имитационных сражениях. Но в реальных боевых условиях я видел на экране только две надписи: «ОШИБКА СВЯЗИ» и «НЕ УДАЛОСЬ ВОЙТИ В СИСТЕМУ». Взять, к примеру, сегодняшнее утро. Я понятия не имел, что происходит спереди и на флангах. Я получил только один приказ: «Вступить в бой с врагом». Ах, если бы мы оставили хотя бы половину сил во втором эшелоне, враг не прорвался бы через наши позиции. Вероятно, так было на всем фронте.

Карина знала, что в только что закончившемся сражении с обеих сторон сошлось, пожалуй, больше десяти тысяч танков и тысяч пять вертолетов.

За этим разговором они доехали до Арбата. Еще совсем недавно популярная пешеходная улица была совершенно пуста; витрины многочисленных антикварных магазинов и художественных салонов были заложены грудами мешков с песком.

– Моя стальная любовь вела себя лучше некуда. – Старший лейтенант вновь вернулся к утреннему бою – «Челленджер» я подбил, это как пить дать. Но мне так хотелось завалить «Абрамс», понимаешь? «Абрамс»…

Карина перебила его, указав на вход в один из магазинов:

– Здесь умер мой дедушка.

– Но сюда вроде бы никаких бомб не попадало.

– Это случилось двадцать лет назад – мне было всего четыре года. Зима в тот год выдалась жутко морозная. Отопление отключили, в комнатах на стены намерз лед. Я сидела, прижавшись к телевизору, чтобы хоть немного согреться, и слушала, как президент обещал «дорогим россиянам» теплую

зиму. А я была голодная, замерзла и плакала.

Дедушка смотрел на меня, молчал, молчал, а потом придумал. Он взял свою военную медаль, которой очень дорожил, и мы с ним отправились сюда, на Арбат. Здесь тогда была толкучка, где можно было продать все что угодно, от водки до политических убеждений. Какому-то американцу приглянулась дедушкина медаль, но давал он за нее всего сорок долларов. И все время насмехался, дескать, ордена Красной Звезды и Красного Знамени вообще ничего не стоят, а вот за орден Богдана Хмельницкого он дал бы сто долларов, за орден Славы – сто пятьдесят, за орден Нахимова – двести и двести пятьдесят – за орден Ушакова. «*Орден Победы самый дорогой, но у вас его быть не может, его давали только генералам».* Но орден Суворова тоже ценный, и он заплатил бы за него четыреста пятьдесят долларов… Дедушка слушал, слушал и ушел. Мы брели по Арбату, а мороз все крепчал. А потом силы дедушки кончились. Уже почти стемнело. Он сел на ступеньку вон того антикварного магазина и велел, чтобы я шла домой одна. На следующий день его нашли там замерзшим насмерть; одна рука у него была в кармане, а в ней он сжимал медаль, которую заслужил собственной кровью. Глаза у него были открыты, и он до самой смерти смотрел на город, который полвека назад спас от танков Гудериана…

5 января, Генеральный штаб Вооруженных сил Российской Федерации

Маршал Левченко впервые за неделю покинул подземный бункер, где находился командный пункт. Он шел под густым снегопадом и пытался разглядеть хотя бы намек на солнце, которое, судя по времени, уже должно было наполовину скрыться за снеговыми шапками, венчавшими верхушки сосен. А мысленно он представлял себе маленькую черную точку, медленно пересекающую оранжевый закатный диск: «Вечный буран», внутри которого находился его сын. Ни одного отца во всем человечестве не разделяло с сыном такое большое расстояние.

Назначение, которое получил его сын, породило множество неприятных слухов на родине, а уж как изощрялись на этот счет враги за границей!.. «Нью-Йорк таймс» напечатала на первой полосе самым броским кеглем: «Лучше всех укрывшийся дезертир». Ниже размещался большой фотопортрет Миши с подписью: «В то время, когда коммунистический режим агитирует триста миллионов россиян за кровавую бойню против

«захватчиков», сын их маршала бежал с войны на борту единственного в стране крупного космического корабля. Он пребывает в полной безопасности в шестидесяти миллионах миль от поля боя – в отличие от большинства своих сограждан».

Но маршал Левченко не принимал эту шумиху близко к сердцу. После того как Миша окончил школу и до завершения аспирантуры практически никто из тех, с кем ему приходилось иметь дело, не знал, кто его отец. Руководство космической программы приняло решение оставить Мишу на корабле лишь потому, что он занимался математическим моделированием звездных процессов. Пребывание «Вечного бурана» в предельной близости к Солнцу давало уникальную возможность для его исследований; к тому же космическим комплексом нельзя было управлять исключительно дистанционным методом: на борту обязательно должен был находиться хотя бы один человек. Генеральный директор программы узнал о семейном положении Миши только постфактум, из западных СМИ.

С другой стороны, признавал это маршал Левченко или нет, но в глубине души он и впрямь надеялся, что его сын сможет остаться в стороне от войны. Дело было не только в кровных узах; маршал Левченко всегда чувствовал, что его сын не предназначен для войны – возможно, наименее предназначен для нее из всех людей на свете. Хотя и знал, что заблуждается: есть ли на свете хоть кто-нибудь, предназначенный для войны?

Кроме того, можно ли было утверждать, что Миша предназначен для звезд? Он любил звезды, посвятил свою жизнь их исследованию, но сам он был полной противоположностью звезде. Он больше походил на Плутон, тихую и холодную карликовую планету, вращающуюся в своей далекой пустоте, вне поля зрения мира смертных. Сдержанный характер и хрупкая фигура Миши наводили на мысль о женственности, но маршал Левченко, опять же в глубине души, точно знал, что этого свойства у его сына нет. Девушки боялись одиночества, а вот Мише оно нравилось. Одиночество было для него пищей и воздухом.

Миша родился в Восточной Германии, и день его рождения оказался самым черным днем в жизни маршала. В тот вечер он, тогда еще всего лишь майор, стоял с несколькими солдатами в почетном карауле перед советским военным мемориалом в парке Тиргартен – советские воины в последний раз за сорок лет отдавали долг памяти павшим соотечественникам. А перед ними издевательски ухмылялась кучка офицеров в форме Западной Германии, торчали несколько неряшливых, неуклюжих немецких полицейских, державших на поводках волкодавов – они должны

были заменить советский караул, – бритоголовые неонацисты скандировали: «Красная Армия, убирайся домой!» Он видел рядом полные слез глаза командира роты и солдат и сам ничего не мог с собой поделать: у него тоже от слез все расплывалось перед глазами.

К ночи он вернулся в опустевшую казарму. Назавтра оставшейся группе военных предстояло отправиться в СССР. И тут ему сообщили о рождении Миши и о том, что его жена умерла из-за осложненных родов.

После возвращения домой ему тоже жилось трудно. Как и у еще четырехсот тысяч военных и ста двадцати тысяч гражданского персонала, никакого жилья в СССР у них не было, и он, с младенцем Мишей, жил во времянке из профнастила, где зимой было очень холодно, а летом нестерпимо жарко. Его сослуживцы брались за что угодно, чтобы прокормиться: кое-кто продавал бандитам казенное оружие, а кто-то танцевал стриптиз в ночных клубах. Ну а он не изменял честной солдатской службе, и Миша потихоньку рос среди всех этих трудностей. Он мало походил на других детей; казалось, что у него была врожденная способность к терпению, потому что он имел свой собственный мир.

Еще школьником начальных классов Миша научился спокойно ночевать в одиночестве в своей маленькой комнате наконец-то полученной отцом квартиры. Сначала Левченко думал, что мальчик читает, но случайно узнал, что его сын подолгу стоит неподвижно перед окном и смотрит на звезды.

«Папа, я люблю звезды. Я хотел бы всю жизнь смотреть на них», – сказал он отцу.

На свой одиннадцатый день рождения Миша впервые попросил у отца подарок – телескоп. До того он рассматривал звезды в полевой бинокль Левченко. С тех пор телескоп сделался единственным Мишиным другом. Он мог торчать на балконе и рассматривать звезды до тех пор, пока не заалеет восток. Случалось, что отец и сын смотрели на звезды вместе. Маршал всегда норовил навести телескоп на самую яркую из звезд, а сын недовольно качал головой: «Папа, это же неинтересно. Это Венера, а Венера – планета. Я люблю только звезды».

Мише не нравилось ничего из того, чем увлекались сверстники. Живший по соседству толстый мальчик, сын начальника штаба десантников, стащил у отца пистолет и в игре случайно прострелил себе ногу. Сыновья другого генерала из Главного штаба больше всего любили ездить с отцом на стрельбище и там палить из всех видов оружия. Но это обычное для мальчиков пристрастие к оружию, казалось, полностью

обошло Мишу стороной. В этом он, по общему признанию, на мальчика похож не был.

Отсутствие у сына интереса к оружию чем дальше, тем сильнее тревожило Левченко. Дошло до того, что он совершил поступок, которого до сих пор стыдился: однажды он как бы случайно положил свой пистолет Макарова на письменный стол сына. Вернувшись из школы, Миша сразу же вышел из своей комнаты с пистолетом. Он держал его совершенно по-женски, осторожно сжимая пальцами ствол. Аккуратно положив оружие перед отцом, он спокойно сказал: «Папа, ты смотри, пожалуйста, куда кладешь свои вещи».

Что касается будущего Миши, то маршал не собирался устраивать его за сына, не считаясь с его мнением. Он не походил в этом отношении на других генералов, твердо решивших, что их сыновья и дочери пойдут по их пути в армию. Но ведь Миша на самом деле совершенно не воспринимал отцовскую профессию.

Маршал Левченко не был вспыльчивым, хотя, командуя армиями, не раз резко отчитывал даже генералов перед тысячами солдат. Однако он никогда не выходил из себя из-за Миши. Миша молча и уверенно шел по избранному им пути, не давая отцу повода для беспокойства. Что еще важнее, Миша, казалось, родился с необычайной отстраненностью от мира, которая временами вызывала у Левченко нечто вроде благоговения. Как будто он небрежно бросил семечко в цветочный горшок, и из него неожиданно проросло редкое и экзотическое растение. И он день за днем наблюдал, как росло это растение, тщательно оберегал его и ожидал, когда оно расцветет. Его надежды оправдались. Его сын теперь был самым известным астрофизиком в мире.

Пока он отдыхал, раздумывая, солнце полностью скрылось за сосновым лесом, белый снег, покрывавший землю, стал бледно-голубым. Маршал Левченко собрался с мыслями и вернулся в подземный командный пункт. К тому времени прибыли все участники предстоящего совещания, в том числе высокопоставленные генералы и офицеры из командования Западного и Кавказского военных округов.

Больше всего оказалось представителей радиоэлектронных войск в самых разных званиях, от генералов до капитанов, только что прибывших с поля боя. В зале заседаний уже шли горячие споры между ними и командирами наземных войск Западного фронта.

– Мы точно определили изменение направления вражеской атаки, – сказал генерал-майор Фелитов из Таманской дивизии. – У наших танков и поддерживающей авиации не было проблем с маневренностью. Но связь попросту не работала. Система

управления и связи оказалась практически парализована! За два года силы радиоэлектронной борьбы очень сильно разрослись – от батальона до дивизии, от дивизии до корпуса, в их развитие вложили больше денег, чем в любые традиционные вооружения. А что получили в результате?!

Один из генерал-лейтенантов, командовавших радиоэлектронной борьбой в регионе, взглянул на Карину. Как и большинство других офицеров, явившихся сюда прямо с передовой, она была одета в перепачканную и опаленную камуфляжную форму, на наскоро умытом лице еще виднелись следы крови.

– Вот, майор проделала серьезную исследовательскую работу в области радиоэлектронной борьбы. Генеральный штаб прикомандировал ее для наблюдения как раз за действиями радиоэлектронных войск. Возможно, она, как грамотный очевидец, сможет лучше объяснить произошедшее.

Молодые офицеры из ученых, такие как Карина, как правило, не тушевались перед высоким начальством и смело рубили правду-матку. Их часто использовали в качестве рупоров для нелицеприятных высказываний, и данный случай не был исключением.

Карина поднялась со стула:

– Товарищ генерал, дело обстоит совсем не так, как вы говорите. По сравнению с расходами НАТО на эти цели наши – просто мелочь.

– А как насчет электронного противодействия? – продолжил атаку генерал-майор. – Враги могут подавить нашу связь, а мы их подавить способны? Наша система управления и связи только мешала, зато натовская работала так, будто у нее колеса смазали.

Карина криво улыбнулась:

– Что касается подавления связи противника… товарищ генерал, возможно, вы не в курсе, но именно на вашем участке, именно ваши подчиненные под угрозой расстрела заставили ваше собственное подразделение радиоэлектронной борьбы выключить оборудование!

– Так-так… Что, говорите, там случилось? – осведомился маршал Левченко. Лишь сейчас собравшиеся генералы и офицеры заметили, что командующий давно уже вошел и тихонько слушает, стоя в сторонке.

Кто-то из генералов поспешно скомандовал: «Смирно!», маршал бросил: «Вольно» и попросил продолжать.

– Дело в том, – начал объяснять генерал-майор, – что нашим системам управления и связи собственные средства радиоэлектронной борьбы вредили больше, чем натовские!

Сквозь натовские помехи нам удавалось передавать *отдельные* сообщения. А вот как только наши электронщики включили свои подавители, мы полностью оглохли и ослепли!

– Вы не учитываете того, что точно так же ослеп и оглох противник! – возразила Карина. – С теми средствами радиоэлектронного противодействия, которые имеются в распоряжении нашей армии, это единственно возможная стратегия. В настоящее время НАТО уже широко внедрило такие технологии, как скачкообразная перестройка частоты, широкополосный случайный сигнал, системы адаптивной нуллификации, пакетная передача и быстрая перестройка частот[62]. Наши прицельные помехи по конкретным частотным областям были совершенно бесполезны. Единственным действенным методом оставался полный спектр заградительных помех.

– Майор, – перебил ее полковник из 5-й армии, – НАТО тоже использует прицельные помехи, причем способно оперировать очень узкими полосами диапазона. Но ведь и в наших системах связи, управления и так далее все, что вы перечислили, заложено с самого начала. Почему же они могут так эффективно подавлять наши системы?

– Все очень просто. На каких операционных системах построены наши системы управления и связи? «Unix», «Linux» и даже «Windows 2010». А на каком «железе»? «Intel» и «AMD»! Получается, что мы пытаемся натравить собак, которых натовцы приставили сторожить нас, на их же хозяина! Именно поэтому противник может без труда вычислить, скажем, схемы скачкообразной перестройки частоты в трансляции разведдонесений и использовать для их глушения более многочисленные и более эффективные программные атаки. Незадолго до начала конфликта Главное командование предлагало широко внедрить операционную систему российского производства, но встретило серьезное сопротивление в своих же войсках. Ожесточеннее всех возражала как раз ваша дивизия…

– Да, да, примерно так оно и было. Но сегодня мы собрались для решения именно этой проблемы, – перебил маршал Левченко. – Так что хватит болтовни, и начинаем работать!

Как только все расселись перед экраном цифрового боевого симулятора, маршал Левченко подозвал одного из штабных офицеров, молодого, длинного и тощего майора с узкими щелочками прищуренных глаз, как будто его ослепило яркое освещение зала и глаза никак не могли приноровиться к нему.

– Позвольте представить майора Бондаренко. Его самая заметная особенность – сильная близорукость. И очки он носит не

такие, как большинство его товарищей по несчастью. У них линзы вставлены в оправу, а у него наложены на оправу. Они, понимаете ли, толще дна чайной чашки! Но не далее как сегодня утром очки разбились, когда майор в своей машине попал под бомбежку. Потому-то мы и не видим их сегодня. И насколько я понимаю, контактных линз он тоже лишился, да?

– Товарищ маршал, это случилось не сегодня, а пять дней назад, под Минском. И зрение мое стало таким лишь полгода назад – иначе меня не приняли бы в Академию имени Фрунзе, – невозмутимо ответил майор.

Никто не мог понять, почему маршал представил офицера именно таким образом; несколько человек на всякий случай хихикнули.

– Как только началась война, – продолжил маршал, – события показали, что, хотя мы и несем боевые потери, наше воздушное и наземное вооружение не сильно уступает вражескому. А вот в области радиоэлектронной борьбы мы неожиданно провалились. Как только что справедливо отметила майор-радиоэлектроник, в недавнем прошлом можно отыскать немало причин, приведших нас к этому положению, но мы здесь собрались не для того, чтобы указывать друг другу на былые ошибки. Мы должны признать, что в этой ситуации перехватить стратегическую инициативу в войне можно, лишь изменив положение в радиоэлектронной борьбе в нашу пользу! Прежде всего отметим, что противник обладает преимуществом в этой области, возможно, подавляющим преимуществом. А также то, что эффективный стратегический план мы можем выработать только с учетом аппаратных и программных возможностей нашей армии. План предполагает в предельно короткий срок уравнять наши и натовские возможности в области радиоэлектронной борьбы. Полагаю, вы все думаете, что это невозможно – наше военное планирование с конца прошлого века основывалось на предположении, что возможны лишь локальные войны. Мы действительно мало анализировали перспективы вторжения такого могущественного врага, с каким столкнулись сейчас на всех фронтах. И в столь тяжелой ситуации просто обязаны мыслить совершенно по-новому. Результаты такого мышления продемонстрирует разработанная Генеральным штабом новая стратегия радиоэлектронной борьбы, которую я вам представлю.

Верхний свет выключился, экраны компьютеров и тактического симулятора потемнели, тяжеленные взрыво- и радиоционнозащитные двери плотно закрылись. В зале воцарилась полная темнота.

– Я выключил освещение, – раздался в темноте голос

маршала.

С минуту все пребывали в темноте и тишине.

– Как вы себя чувствуете? – осведомился маршал.

Никто не ответил. Полный мрак давил на офицеров так тяжко, будто они находились на морском дне. Даже дышать было трудно.

– Генерал Андреев, скажите, что вы ощущаете?

– Точно то же самое, что на фронте в последние несколько дней, – ответил командующий 5-й армией. В темном зале тихо засмеялись его словам.

– Думаю, все остальные согласны с ним, – сказал маршал. – Просто уверен в этом! Только представьте себе: в наушниках одни лишь помехи, на экранах – колышущаяся белая заливка, а у вас ни малейшего представления о том, до кого дошли и дошли ли вообще ваши приказы, и о том, что творится на поле боя. То же самое чувство! Темнота давит так, что дыхание спирает!

Но такое ощущение присуще не всем. Майор Бондаренко, как вы себя чувствуете?

Голос майора прозвучал откуда-то из угла:

– Не так уж плохо. У меня и при ярком свете все в глазах расплывалось.

– Может быть, вы даже какое-то преимущество перед остальными ощущаете?

– Так точно. Вы, может быть, слышали о том, что, когда в Нью-Йорке отключилось электричество, слепые выводили из небоскребов множество зрячих.

– Но и ощущения генерала Андреева вполне понятны. Он ведь Соколиный Глаз, непревзойденный стрелок, вроде того героя старинного романа, а когда выпьет, открывает следующие бутылки, стреляя метров с десяти-пятнадцати и отбивая горлышки пистолетной пулей. Вы же не делали секрета из этого своего развлечения, верно? Но интересно, если прямо сейчас устроить дуэль между ним и полуслепым майором Бондаренко, кто из них выживет?

В темном помещении вновь наступила мертвая тишина – офицеры обдумывали сказанное.

Лампы снова зажглись, и все сразу зажмурились – причем большинство не от внезапного перехода от полного мрака к яркому свету, а скорее от потрясения от сказанного маршалом.

Маршал Левченко поднялся со стула:

– Полагаю, я достаточно внятно объяснил принципы новой стратегии радиоэлектронной борьбы нашей армии: крупномасштабное заградительное подавление с использованием полного спектра помех. Что касается электронной связи, то мы

сделаем так, что глухи и немы станем не только мы, но и вражеская сторона!

– Так ведь наши собственные системы боевого управления полностью перестанут работать! – с искренним испугом воскликнул кто-то.

– Но и натовские тоже! Если уж нам никуда не деться от слепоты, то пусть и враг ослепнет. Если мы оглохнем, пусть и он оглохнет. Только так мы уравняемся с противником в возможностях радиоэлектронной борьбы. Таков главный принцип нашей новой стратегии.

– Но как нам быть? Передавать приказы с посыльными на мотоциклах?

– Если дороги плохие, пусть ездят на лошадях, – отмахнулся маршал. – По предварительным расчетам, такого рода заградительные помехи полного спектра накроют по меньшей мере семьдесят процентов боевой сети связи НАТО, а это означает, что их система боевого управления будет полностью выведена из строя. Одновременно бесполезным станет от пятидесяти до шестидесяти процентов дальнобойного оружия противника. Лучший пример – ракета со спутниковым наведением «Томагавк». Как вы знаете, система наведения ракет сильно изменилась с прошлого века. Раньше ракеты управлялись в основном бортовой системой обзорно-сравнительной навигации, которую мы называем термином нашего противника – ТЕРКОМ, в ней главным прибором был малогабаритный радиолокационный высотомер, но теперь она используется лишь на завершающей стадии полета, а движение по курсу осуществляется по данным GPS. «General Dynamics» и «McDonnell Douglas Corporation» сочли это большим шагом вперед, но американцы слишком полагаются на электромагнитное управление из космоса. Как только мы нарушим передачу данных GPS, «Томагавк» ослепнет. Дальнобойное оружие НАТО едва ли не целиком и полностью зависит от GPS. Своими мерами мы заставим врага изменить тактику и вступить в традиционное сражение, в котором сможем полностью использовать наши сильные стороны.

– Все же сомневаюсь я в этом, – с тревогой сказал командующий 12-й армией, присланный с Восточного фронта. – Я даже не уверен, что при таких условиях – при отсутствии оперативной связи – дивизия сможет благополучно добраться с востока до Западного фронта.

– Доберется в лучшем виде, – ответил маршал Левченко. – Такое расстояние не было бы препятствием даже для войск Кутузова во время войны с Наполеоном. Я не сомневаюсь, что и

сегодня российская армия вполне способна совершать подобные перемещения, не пользуясь беспроводной связью! Это американцы неисправимо избалованы современным оборудованием, а не мы. Я знаю, что, когда по всему театру военных действий начнется электромагнитное затемнение, всем нам будет очень страшно. Но следует все время помнить, что врагу будет в десять раз страшнее, чем нам!

* * *

Провожая взглядом Карину, выходившую из зала среди прочих офицеров в камуфляжной полевой форме, маршал почувствовал, что к его сердцу подступает тревога. Она возвращалась на фронт, в подразделение, находящееся прямо в центре участка, напротив которого стояла самая мощная атакующая группировка противника, насыщенная ударным вооружением. Вчера, во время пятиминутного сеанса связи с сыном, находящимся на расстоянии ста миллионов миль, маршал сказал ему, что у Карины все в порядке. И уже на следующее утро она лишь чудом вернулась с поля боя.

Миша и Карина познакомились во время военных учений. Как-то вечером маршал ужинал в обществе сына. За едой они, как правило, молчали. С портрета в рамке на них смотрела покойная жена и мать. Неожиданно Миша нарушил тишину:

– Папа, у тебя ведь завтра день рождения, пятьдесят один год. И я хочу сделать тебе подарок. Знаешь, посмотрел на телескоп, которому радуюсь и сейчас, как в тот же день, когда получил его от тебя, и пришло в голову.

– Как насчет того, чтобы уделить мне несколько дней для спокойного общения?

Сын поднял на отца вопросительный взгляд.

– У тебя есть собственная любимая работа, чему я очень рад. Но, думаю, любому отцу хотелось бы, чтоб сын лучше понимал ту деятельность, которой отец посвятил свою жизнь. Что ты скажешь насчет того, чтобы поехать вместе со мною на большие учения?

Миша улыбнулся и кивнул. Он очень редко улыбался.

Это были крупнейшие полевые учения российской армии с начала века. Миша не проявил особого интереса к потоку бронированных машин, грохочущих мимо них по шоссе в ночь перед началом условных военных действий; выйдя из вертолета, он сразу же юркнул в штабную палатку, чтобы раньше отца склеить скотчем только что доставленные оперативные карты. На следующий день Миша не проявил ни малейшего интереса к

происходившему. Маршал Левченко ожидал этого. Но затем произошел один случай из тех, о которых вроде бы можно только мечтать.

На утро было запланировано атакующее развертывание танковой дивизии. Миша сидел вместе с несколькими представителями местных гражданских властей на площадке с северной стороны от наблюдательного пункта. НП находился на изрядном удалении от движущейся техники, вообще-то его следовало располагать еще дальше, но командование постаралось удовлетворить неиссякаемое любопытство гражданских.

Небо затмила армада бомбардировщиков «Ту-22», дождем посыпались тяжелые авиабомбы, и вершина недалекого холма взорвалась, превратившись в подобие извергающегося вулкана. Только тогда чиновники поняли разницу между фильмами и реальным полем боя. Когда земля задрожала и над полем загремели гулкие раскаты, они съежились в складных креслах, закрыли головы руками, а кто-то даже с криком заполз под стол. Но маршал обратил внимание, что только Миша сидел с прямой спиной, с тем же холодным выражением на лице, спокойно наблюдая за ужасным вулканом, а вспышки взрывов то и дело сверкали на стеклах его солнцезащитных очков. И у Левченко на сердце потеплело. *Как ни крути, сынок, в твоих жилах течет солдатская кровь!*

Вечером отец с сыном гуляли по округе. Сколько видел глаз, долины и пригорки были густо усыпаны звездами – фарами бронетехники. В воздухе все еще витал слабый запах порохового дыма.

– Сколько все это стоит? – спросил Миша.

– Только прямые расходы – около трехсот миллионов рублей.

Миша вздохнул:

– Наша группа просила триста пятьдесят тысяч на разработку третьего поколения модели звездной эволюции. Не дали, сказали: дорого.

Тогда-то маршал Левченко и сказал сыну то, что давно намеревался:

– Наши с тобой миры очень далеки друг от друга. Ближайшая из твоих звезд находится в четырех световых годах от нас, верно? Все эти звезды не имеют никакого отношения к армиям и войнам на Земле. Не стану утверждать, что много понимаю в том, чем ты занимаешься, но все равно очень горжусь тобой. Но как военный я просто хочу, чтобы мой сын ценил мою собственную профессию. Какой отец не испытал бы величайшего счастья, рассказывая своему сыну о своих достижениях? Но тебе никогда не нравилась моя работа, хотя на самом деле она – основа и защита той

профессии, которую выбрал ты. Без армии, достаточно сильной и большой, способной обеспечить безопасность страны, фундаментальные научные исследования, подобные твоим, были бы невозможны.

– Ты все перевернул с ног на голову, папа. Если бы все люди были такими, как мы, и тратили всю свою жизнь на изучение Вселенной, они поняли бы ее красоту, красоту, которая скрывается за ее необъятностью и глубиной. И тот, кто действительно понимал врожденную красоту космоса и природы, никогда бы не стал воевать.

– Это предельный уровень наивности. Если бы красота действительно могла спасти мир, то войн просто не было бы!

– Как ты думаешь, легко ли человечеству понять такую красоту? – Миша указал на ночное небо – море сияющих звезд. – Посмотри на звезды. Все знают, что они красивы, но многие ли улавливают глубочайшие нюансы их красоты? Все эти бесчисленные небесные тела потрясают грандиозностью превращения из туманности в черную дыру, немыслимым ужасом взрывной силы. Но известно ли тебе, что эти колоссальные процессы можно описать всего лишь несколькими изящными уравнениями? Математические модели, созданные на основе уравнений, способны почти идеально предсказать все, что делается со звездой. Эти математические модели на порядок, если не несколько, точнее тех, что описывают тоненькую атмосферу нашей собственной планеты.

Маршал Левченко кивнул:

– В это я охотно верю. Говорят, что человечество больше знает о том, что происходит на Луне, чем на дне земных океанов. Но, увы, всеобъемлющая красота природы, космоса все же не способна предотвратить войны. Вряд ли кто-нибудь понимал ее лучше, нежели Эйнштейн, но разве не он консультировал создание атомной бомбы?

– Эйнштейн мало чего достиг во второй половине жизни, прежде всего потому, что смешал науку с политикой. Я не хочу идти по тому же пути. Но, папа, когда потребуется, я выполню свой долг.

Миша оставался с отцом на учениях еще пять дней. Маршал не знал, когда его сын познакомился с Кариной; когда он впервые увидел их вместе, они уже общались как добрые знакомые и говорили о звездах, о которых, как выяснилось, Карина знала довольно много. Узнав, что совершенно «зеленая», не получившая даже полноценного военного образования молодая девушка носит майорские звезды за диссертацию, маршал немного расстроился, но, в общем, она произвела на него прекрасное первое

впечатление.

Увидев Мишу и Карину вместе во второй раз, маршал Левченко уже ощутил, что между ними определенно возникла взаимная симпатия. Его удивила тема их разговора: радиоэлектронная война. Они стояли возле танка, а маршал сидел в «газике», что называется, за углом. Похоже, они были всерьез увлечены обсуждаемой темой и нисколько не беспокоились, что их рассматривали со всех сторон.

Маршал услышал слова Миши:

– …Твой отдел целиком и полностью уперся в программное обеспечение высокого уровня – сети связи и управления, вирусные программы, «цифровое поле боя» и тому подобное. А вы не думаете, что таким образом можете превратить стальной меч в безобидную жестянку? – Карина удивилась, и Миша продолжил: – Вы думали о фундаменте, на котором все это выстроено? О физическом уровне, лежащем в самом низу протокола, в котором, согласно модели взаимосвязи открытых систем, этих уровней семь? В гражданских сетях информации и связи могут использоваться и волоконная оптика, и стационарные лазеры, и тому подобное. Но в военной сети связи и управления терминалы постоянно и быстро перемещаются, их расположение непредсказуемо, и поэтому связь с ними может поддерживаться только электромагнитными волнами. А ты ведь сама отлично знаешь, что электромагнитные волны перед помехами – все равно что свежий ледок под ногой…

Маршал был потрясен. Он не обсуждал эти вопросы с Мишей, его сыну никогда в голову не приходило сунуть нос в отцовские секретные документы, но сейчас Миша буквально слово в слово излагал те самые мысли, до которых он сам доходил годами!

Слова Миши произвели на Карину еще большее впечатление. Она даже скорректировала направление собственных исследований и создала устройство для постановки электромагнитных помех под кодовым названием «Наводнение». Прибор располагался на бронемашине и мог одновременно излучать сильные электромагнитные помехи в диапазоне от 3 килогерц до 30 гигагерц, заглушая все электромагнитные сигналы связи за пределами миллиметрового радиодиапазона.

Сразу после первого же испытания оружия на одной из сибирских баз на командование налетел целый рой протестующих чиновников. «Наводнение» прервало всю электромагнитную беспроводную связь в близлежащем городе: перестали работать сотовые телефоны, пейджеры, телевизоры и радиоприемники. Так при испытании ракетного двигателя в окрестных домах ударная волна вышибает стекла. Местные власти заявили о якобы

астрономических убытках из-за остановки финансовых потоков и падения акций.

Эффект от действия «Наводнения» был схож с электромагнитной бомбой, в которой взрывом создается в одноразовой проволочной катушке мощный электромагнитный импульс. «Наводнение» распространяло близкие по силе импульсы непрерывно, поэтому управлять им можно было только дистанционно и его экипаж должен был носить защитное снаряжение от микроволнового излучения, если находился менее чем в двух километрах от установки.

По поводу нового электромагнитного оружия и в Главном управлении вооружений, и в командовании Радиотехнических войск начались ожесточенные дебаты. Многие считали, что у него нет практической ценности и что использовать его в ходе локального боестолкновения – все равно что применить ядерную бомбу в уличной драке, уничтожая и чужих, и своих. Но маршал добился-таки, чтобы «Наводнение» пустили в серию. Было изготовлено двести единиц нового оружия. Теперь Главное командование отводило ему центральное место в новой стратегии радиоэлектронной войны.

Левченко не на шутку удивился тому, что его сын увлекся девушкой-офицером. Сначала он предположил, что Мише просто безразлична профессия Карины. Но позднее Миша несколько раз приглашал Карину домой. В первый раз она надела красивое платье, но маршал случайно услышал, как Миша попросил ее в следующий раз надеть форму. Следовательно, первоначальная теория маршала была ошибочна. И вот теперь до него окончательно дошло, что Миша обратил внимание на Карину потому, что она была армейским офицером. Левченко-старший снова испытал то самое ощущение, что возникло у него в то утро на учениях. И простые майорские звездочки на погонах Карины теперь казались ему неожиданно красивыми.

6 января, Московский театр военных действий

Мощное электромагнитное волнение, быстро набиравшее силу над полем боя, превратилось наконец в неодолимый тайфун. После войны люди вспоминали: даже вдали от линии фронта, в горных селах, домашние животные вроде бы ни с того ни сего дергались и волновались; в городах с повсеместным затемнением вокруг подвесных проводов возникали искрящиеся ореолы, наведенные мощной электромагнитной индукцией.

* * *

Бронетанковый корпус из состава 12-й армии, переброшенной с Восточного фронта на Западный, находился на марше. Командующий, генерал-лейтенант, стоял возле «газика» на обочине дороги и с удовлетворением наблюдал, как его войска проносятся мимо, взметая тучи снежной пыли. Воздушная активность противника была гораздо ниже ожидаемой, и его войска передвигались и в светлое время суток.

Прямо над головой пронеслись три ракеты «Томагавк», заполнив окрестности басовитым ревом реактивных двигателей. Мгновение спустя вдалеке раздались три взрыва. Стоявший рядом с генерал-лейтенантом корреспондент, по привычке не вынимавший из уха наушник, от которого не было никакого толку, так как в нем не было слышно ничего, кроме скрежета статических помех, повернулся в сторону взрыва и вскрикнул от удивления. Генерал что-то буркнул насчет того, что нечего волноваться по пустякам, но тут и адъютант с должным почтением предложил ему взглянуть туда. Пребывавший в хорошем настроении генерал повернул голову и тоже чуть не ахнул вслух. Конечно, «Томагавки» не отличались идеальной меткостью, но чтобы все три взорвались в чистом поле да еще и в добром километре друг от друга… такое и впрямь случалось нечасто.

* * *

На высоте пять километров в пустом небе неслись два «Су-27». Только что они в составе полной эскадрильи истребителей сошлись над морем в воздушной схватке с группой натовских «F-22» и в суматохе боя оторвались от остальных. В обычных условиях подразделение без труда собралось бы вместе, но сейчас радио не работало. Воздушное пространство, которое раньше казалось таким маленьким, просто тесным для скоростного истребителя, теперь представлялось бескрайним, как космос. Искать потерянных товарищей было все равно что иголку в стоге сена. Чтобы общаться по радио хоть между собой, ведущий и ведомый были вынуждены летать крыло к крылу, как в пилотажной группе.

– Неопознанный объект слева вверху, азимут 220, высота 30! – доложил ведомый. Ведущий посмотрел туда. Недавний снегопад омыл зимнее небо чистой голубизной, и видимость была превосходной. Два самолета устремились вверх, чтобы выяснить,

кто им попался. Предполагаемая цель летела в том же направлении, что и они, но гораздо медленнее, и истребители быстро догнали ее.

Увиденное потрясло их, словно гром среди ясного неба.

Это оказался натовский самолет дальнего обнаружения «Е-4А». Вообще-то увидеть его истребителю противника так же нереально, как и собственные уши без зеркала. «Е-4А» способен держать под наблюдением территорию до миллиона квадратных километров и всего за пять минут осуществлять полное сканирование наблюдаемой площади. Он способен обнаруживать летающие цели за 2000 километров от обороняемой зоны, обеспечивая таким образом предупреждение за сорок с лишним минут. Он способен разделять до тысячи электромагнитных сигналов на расстоянии от тысячи до двух тысяч километров, обнаруживать и идентифицировать в ходе каждого сканирования две тысячи целей любой природы хоть на суше, хоть на море, хоть в воздухе. Самолет дальнего обнаружения не нуждается в эскорте из боевых машин, потому что своими всевидящими очами может заблаговременно разглядеть любую опасность и без труда ускользнуть от нее.

Поэтому ведущий, естественно, прежде всего подумал, что это ловушка. Но, как ни всматривались оба пилота в окружающий простор, они видели только холодное чистое небо. И ведущий решил рискнуть:

– «Шаровая молния», «Шаровая молния». Атакую. Прикрывай азимут 317, но не уходи из поля зрения!

Как только ведомый отвернул в указанном направлении, откуда вероятнее всего можно было ожидать засады, ведущий дал форсаж и потянул ручку на себя. Оставляя за собой черный выхлоп, «Су-27» устремился к все еще находившемуся немного выше АВАКСу[63], как атакующая кобра. Лишь теперь «Е-4А» обнаружил близкую опасность и стал поворачивать на юго-восток в попытке уйти. Во время виража он обильно сыпал из хвоста магниевые тепловые гранулы, предназначенные для обмана ракет с тепловым наведением, оставляя за собой след из маленьких огненных шариков, как будто кусочки души самолета вырывались из смертной оболочки. АВАКС перед истребителем так же беспомощен, как велосипед, пытающийся обогнать мотоцикл. В этот момент ведущий решил, что приказ, который он отдал ведомому, был эгоистичным с его стороны. Можно было бы записать сбитую машину на обоих.

Поднявшись немного выше «Е-4А», он некоторое время разглядывал его, вернее, любовался будущей добычей. Бледно-голубой радиолокационный купол на крыше «Е-4А» был

прекрасен в своих изгибах, очарователен, как рождественское украшение; широкое белое шасси походило на жирную жареную утку на блюде: соблазнительно, но настолько красиво, что трудно решиться прикоснуться к ней ножом и вилкой. Но инстинкт подсказывал летчику, что больше тянуть нельзя. Сначала он выпустил очередь из 20-мм пушки, разбив обтекатель, и посмотрел, как обрывки радиолокационной антенны AN/PY3 производства фирмы «Westinghouse» разлетелись по небу, подобно серебряному рождественскому конфетти. Затем отрубил пушкой крыло и, наконец, нанес смертельный удар двуствольной пушкой с частотой вращения 6000 оборотов в минуту, разрезав фюзеляж уже кувыркающегося и падающего «Е-4А» надвое.

«Су-27» заложил нисходящий вираж, провожая стремительно падающие обломки. Пилот видел, как экипаж и какое-то оборудование вываливались из остатков фюзеляжа, словно шоколадные конфеты из коробки, как несколько парашютов расцветают на фоне неба, и вспомнил недавний бой, вспомнил, как его товарищ пытался спастись из сбитого самолета. Тогда «F-22» намеренно сделал три захода почти вплотную к парашюту и добился своего: под реактивной струей купол закрылся. Он видел, как его товарищ камнем упал вниз и исчез на белом фоне земли.

Он подавил в себе желание сделать то же самое и вернулся к ведомому. Затем они на предельной скорости покинули место боя.

Они все еще подозревали подвох.

* * *

6 января не только эти два самолета отстали от своих подразделений. Вооруженный ударный вертолет «Команч» из 1-й кавалерийской дивизии[64] армии США летел, не имея какой-либо цели в поле зрения, но его пилот, лейтенант Уокер, был совершенно спокоен. Ну, не так чтобы совершенно. Еще совсем недавно он летал на «Апачах» и еще не до конца приноровился к «Команчу» – как-никак это был другой тип ударного вертолета, предусматривающий еще и перевозку войск, поступивший на вооружение лишь в конце прошлого века. Его раздражало и отсутствие педалей, и гарнитура с бинокулярным дисплеем, установленным на шлеме, не такая удобная в использовании, как монокулярный прицел «Апача». Но сильнее всего его раздражало то, что непосредственно перед ним сидел носовой стрелок капитан Хейни.

– Ты должен раз и навсегда уяснить свое место, лейтенант, – сказал ему Хейни при их первой встрече. – Я – мозг, управляющий этим вертолетом. А ты всего лишь шестеренка в его моторе и будешь вести себя как шестеренка! – Уокеру это пришлось совсем не по нраву.

Он вспомнил встречу с почти столетним ветераном Второй мировой войны, отставным военно-морским летчиком, которого однажды привезли на их базу. Заглянув в кабину «Команча», старик только головой затряс. «Ну, детки… – сказал он. – Я когда-то летал на «Мустанге», так у него панель управления была проще, чем у современной микроволновой печи, и это была самая лучшая панель управления из всех, которыми мне довелось пользоваться!» Он вдруг хлопнул стоявшего рядом Уокера по заднице. «Наши поколения пилотов различаются тем, что мы были рыцарями неба, а вы – операторы компьютеров».

Уокер стремился стать рыцарем неба. И как раз сейчас ему выдался шанс. Русские сегодня ставили просто яростные помехи, из-за которых все электронные системы вертолета – система интеграции боевых задач, система анализа целей, вспомогательная система выявления и классификации целей, система отображения обстановки в реальном времени, система распределения ресурсов и все прочее – попросту отказались работать! Бесперебойно работали лишь два 1000-сильных двигателя T800. Обычно Хейни высматривал цели с помощью своих электронных игрушек, но сегодня капитан, обычно командующий без передышки, заткнулся вместе с ними.

И стоило ему об этом подумать, в наушниках внутренней связи раздался голос Хейни:

– Внимание, я вижу цель! Вроде бы слева и впереди, возможно, у того холмика. Там, похоже, броневик… вероятно, вражеский. Ты… заход выбирай по обстановке.

Уокер чуть не рассмеялся вслух. Ну и сукин же сын! Еще вчера он сказал бы: «Я обнаружил цель на азимуте 133. Семнадцать танков 90-й серии, двадцать один 89-й серии с мотопехотным охранением движутся по азимуту 391 со средней скоростью 43,5 километра в час и средней дистанцией 31,4 метра. Выполняй оптимизированный план атаки AJ041, заходи с азимута 179 под вертикальным углом 37 градусов». А сегодня? «Вроде бы бронеавтомобиль… похоже… рядом с холмиком…» *Кому, черт возьми, ты все это говоришь? Я давным-давно все разглядел! Теперь, Хейни, предоставь дело мне, потому что ты бесполезен. Это моя битва, за неимением электронного акселерометра ускорение я буду определять собственной задницей и стану настоящим рыцарем! Этот «Команч» в моих руках будет*

сражаться, как его тезка из дикого индейского племени.

«Команч» устремился к открытой цели и выпустил все шестьдесят две 27,5-дюймовые ракеты «Хорнет». Уокер проводил восхищенным взглядом рой пчел с огненными жалами, которые, радостно жужжа, устремились к цели и окутали врага морем огня. Но, сделав разворот, чтобы проверить результаты атаки, он понял: что-то не так. Солдаты на земле даже не пытались прятаться. Они стояли в снегу, яростно махали руками и, похоже, бранили его на чем свет стоит.

Уокер подлетел ближе и отчетливо разглядел опознавательные знаки уничтоженного броневика: три концентрических круга – синий в центре, белый посередине, красный снаружи. Настроение Уокера резко изменилось: ему вдруг показалось, что он попал в ад. Он тоже начал браниться:

– Сукин ты сын! Совсем ослеп, что ли?

Впрочем, ему хватило ума улететь, пока французы не опомнились и не начали стрелять по вертолету.

– Б… ты такая! Небось думаешь, как бы свалить на меня вину в военном суде? Так вот, сухим из воды ты не выйдешь! Определение целей – твоя обязанность, верно?

– Может быть… может быть, нам еще удастся исправить ошибку, – промямлил Хейни (куда делся весь командирский голос?). – Вон, смотри, другая группа, прямо напротив…

– Да пошел ты… – огрызнулся Уолкер.

– Это уж точно враги! Смотри, они же ведут перестрелку с французами!

Этот аргумент убедил Уокера. Он направился к новой цели и увидел, что вражеские силы состояли в основном из пехоты, вроде бы даже без бронетехники. Это действительно подтверждало предположение Хейни. Уокер выпустил свои последние четыре ракеты «Хеллфайр», потом установил двуствольную пушку Гатлинга на 1500 оборотов в минуту и открыл огонь. Он всем телом чувствовал, как через шасси передается приятная вибрация пулемета, и с удовольствием смотрел, как разрывы взметают снег, подкрашенный землей в цвет перца с солью, над цепочкой солдат противника. Но тут интуиция опытного боевого пилота предупредила его об опасности. Он обернулся и увидел, что слева от него, в кузове открытого джипа, стоит солдат и наводит на него ручную ракетную установку. Уокер в отчаянии хлопнул по кнопке выброса магниевых тепловых гранул и рванул машину назад, пытаясь ускользнуть, но было уже поздно. Ракета прочертила в воздухе короткий белый дымный след и попала в «Команч» прямо под носом.

Очнувшись от кратковременного забытья, вызванного взрывом, Уокер обнаружил, что вертолет рухнул в снег. Напрягая все силы, он выбрался из задымленной кабины и оперся на дерево, аккуратно срезанное винтом на уровне его пояса. Лишь тогда он оглянулся и увидел на искореженном переднем сиденье жуткое месиво, оставшееся от капитана Хейни. А посмотрев вперед, увидел, что к нему мчится группа солдат с автоматами. И черты их лиц были определенно славянскими.

Дрожа всем телом, Уолкер вытащил из кобуры пистолет и бросил на снег перед собой. Потом достал лежавший в другом кармане англо-русский словарик и принялся старательно выговаривать заранее заученные фразы:

– Мой положить оружие. Мой есть военнопленный. В Женевской конвенции…

Тут ему врезали прикладом по голове и тут же ногой в живот. Но, даже корчась на снегу, он хохотал. Пусть его изобьют до полусмерти, но живым точно оставят. Он успел разглядеть на форме солдат эмблемы польской армии.

7 января, Минск, полевой командный пункт сил НАТО

– Позовите сюда этого чертова врача! – взревел генерал Тони Бейкер.

Долговязый тощий военврач почти вбежал в комнату.

– Объясните, что происходит! – рявкнул Бейкер. – Вы уже дважды возились с моим протезом, а зубы все так же вибрируют!

– Я никогда не видел ничего подобного, сэр! Может быть, это зубной нерв? Не возражаете, если я сделаю вам анестезирующий укол?

– Дайте мне ваши протезы, сэр, – неожиданно вмешался стоявший поблизости штабной майор. – Я знаю, в чем там дело.

Бейкер вынул протез изо рта и положил на подставленную майором бумажную салфетку.

Во всех опубликованных биографиях генерала было написано, что он лишился двух передних зубов, когда его танк подбили иракцы во время Войны в Заливе[65]. Один только Бейкер знал, что это совсем не так. В Ираке он сломал нижнюю челюсть, а зубы ему выбили раньше.

Это произошло на авиабазе Кларк на Филиппинах во время извержения вулкана Пинатубо, когда в мире, казалось, не осталось ничего, кроме вулканического пепла. Пеплом было небо, пеплом была земля, воздух тоже был пеплом. Даже С-130 «Геркулес», на борт которого он и еще несколько человек –

последние из военного персонала базы – собирались погрузиться, был покрыт толстым слоем белого пепла. А в серой дали то разгорался, то угасал тусклый красный свет магмы.

Но эта филиппинка, вольнонаемная из штаба базы, все-таки выследила его. Базу закрыли, сказала она, и у нее больше нет работы. Ее дом погребен под пеплом. Как они будут жить – она и ребенок у нее в животе? Она повисла на его руке и умоляла взять с собой в Америку. Он сказал, что это невозможно. Тогда она сняла туфлю на высоком каблуке и ударила его по лицу, выбив два зуба.

«Где ты сейчас, дитя мое? – задумался Бейкер, глядя в окно на заснеженный город. – Прозябаешь вместе с матерью в трущобах Манилы? А ведь твой отец воюет и за тебя тоже. Как только в России после войны придет к власти демократическое правительство, авангард НАТО окажется у границ Китая, а Субик-бей и Кларк снова станут тихоокеанскими военно-морскими и военно-воздушными базами Америки и будут жить еще лучше, чем в прошлом веке. Для тебя найдется там работа! А если ты девочка, то, может быть, подцепишь там себе американского офицера, как это сделала твоя мать. (Как же ее звали? Ах да, точно – Элен… У нее было какое-то другое имя, на местном языке, но Бейкер всегда называл ее Элен.) Но самое главное, что под давлением НАТО китайцы могут просто отдать вам, ребята, то, о чем вы так давно мечтаете: прекрасные острова Спратли в Южно-Китайском море. Я видел их с воздуха: белоснежные кораллы, окружающие коричневый песок, как глаза в синем море. Дитя, это глаза твоего отца…»

Тут вернулся майор. Генерал отвлекся от праздных размышлений, взял вставные зубы с той же салфетки, сунул их в рот, несколько секунд прислушивался к своим ощущениям, а потом изумленно взглянул на майора:

– Как вам это удалось?

– Сэр, протезы вибрировали из-за электромагнитного резонанса.

Бейкер недоуменно уставился на офицера.

– Сэр, это чистая правда. Вам, конечно, доводилось и прежде попадать под сильное электромагнитное излучение, например около радаров, но эти колебания не совпадали с собственной резонансной частотой ваших протезов. А теперь, когда пространство заполнено мощными электромагнитными волнами всех частот, нашлась подходящая и для ваших зубов. Я там кое-что переделал, чтобы собственная частота стала намного выше. Вибрировать они все равно будут, но вы этого больше не почувствуете.

Майор ушел, а взгляд генерала Бейкера упал на старинные часы, стоящие рядом с экраном, на который выводилась цифровая карта боевых действий. Часы представляли собой фигуру Ганнибала верхом на слоне, а на постаменте была выгравирована надпись «Всегда победоносный». Раньше часы находились в Голубой комнате Белого дома, но когда президент заметил, что взгляд генерала снова и снова устремляется в их сторону, он лично поднял часы с места, где они стояли сто с лишним лет, и подарил ему со словами: «Боже, спаси Америку, генерал. Теперь вы – Бог для всех нас».

Бейкер долго размышлял, а потом медленно проговорил:

– Передайте всем частям, что наступление приостанавливается. Все пригодные для этого воздушные силы пустите на поиск и уничтожение источников помех, которые ставят русские.

8 января, Генеральный штаб Вооруженных сил Российской Федерации

– Противник остановил наступление, но вы все равно недовольны, – обратился маршал Левченко к командующему Западным военным округом, только что вернувшемуся с фронта.

– А чему тут радоваться? НАТО бросило всю свою авиацию на уничтожение наших постановщиков помех. И, знаете ли, не без успеха.

– Ну, а на что же вы рассчитывали? – спокойно спросил маршал. – Наши действия застали врага врасплох, но он, естественно, отыскал путь противодействия. Постановщиков помех, испускающих сильное электромагнитное излучение во всех частотах, не так уж трудно отыскать и уничтожить. Но, к счастью, нам удалось заставить врагов на некоторое – и довольно продолжительное – время практически прекратить боевую активность.

– И все же дела могут сложиться хуже, чем мы предполагали, – возразил командующий округом. – Не исключено, что прибывающая с Кавказа армия не успеет развернуться до того, как мы утратим инициативу в электронном сражении.

После ухода командующего округом маршал повернулся к цифровой карте прифронтовой местности и подумал о Карине, которая прямо сейчас могла находиться под массированным огнем противника, а от нее его мысли перешли к Мише.

Однажды Миша вернулся из института с лицом, изрядно

разукрашенным синяками и ссадинами. Впрочем, отец уже знал, что его сын оказался единственным пацифистом и однокашники поколотили его.

– Я всего лишь сказал, что война – это не шутка и не следует рассуждать о ней так легко, – объяснил Миша отцу. – Но неужели действительно невозможно достичь мира с Западом на разумных условиях?

Маршал ответил на это таким резким тоном, каким никогда еще не говорил с сыном:

– Ты не можешь не понимать, что как сын своего отца ты волей-неволей находишься на особом положении. Если угодно, молчи, когда затрагивается эта тема, но впредь не говори вслух ничего подобного.

Миша кивнул.

После небольшой паузы Левченко сказал:

– На выборах победила Российская коммунистическая партия.

Миша посмотрел на отца и сказал без всякого выражения:

– Давай ужинать.

Вскоре Запад объявил новое правительство России нелегитимным. Туполев собрал альянс крайне правых сил и развязал гражданскую войну. Маршал ничего не рассказывал об этом Мише. Каждый вечер отец с сыном, как обычно, ужинали вместе и по большей части молчали. Затем в один прекрасный день Миша получил предписание, упаковал то немногое, что хотел взять с собой, и покинул дом. Через два дня «челнок» доставил его на «Вечный буран», находившийся на околоземной орбите.

А еще через неделю разразилась полномасштабная война. Беспрецедентно мощные вражеские силы вторглись в Россию с неожиданного направления, намереваясь разорвать огромную страну на части.

9 января, околосолнечная орбита, «Вечный буран» проходит мимо Меркурия

Из-за высокой скорости «Вечный буран» не смог выйти на орбиту вокруг Меркурия, а только пронесся мимо обращенной к Солнцу стороны. Это был первый случай, когда человечество наблюдало поверхность Меркурия с близкого расстояния невооруженным глазом.

Миша видел скальные обрывы в два километра высотой, змеящиеся на сотни километров над равнинами, изрытыми огромными кратерами. Он видел Равнину жары, впадину

диаметром 1300 километров, которую планетологи ничтоже сумняшеся назвали «Странной местностью». Странность как таковая проявляется не столько здесь, сколько в пятне такого же размера на диаметрально противоположной стороне Меркурия. Ученые предположили, что в Меркурий ударил огромный метеорит и мощные ударные волны, пройдя сквозь планету по прямой, создали практически одинаковые ландшафты в обоих полушариях. Но Миша наблюдал и нечто такое, что до него не видел еще никто. В частности, оказалось, что поверхность Меркурия покрыта блестящими крапинками. Когда же он увеличил изображение на экране, у него перехватило дух.

Это были озера ртути, каждое площадью с тысячу квадратных километров.

Он представил себе, как в долгий меркурианский день стоит на берегу озера при жаре 1800 градусов по Цельсию… О, какое это было бы зрелище! Никакой ветер не способен поколебать поверхность ртутного озера. А на Меркурии практически нет атмосферы и, следовательно, не может быть бурь. И поэтому зеркальные равнины с идеальной точностью отражали бы одновременно и солнечный диск, и Млечный Путь.

Миновав орбиту Меркурия, «Вечный буран» должен был и дальше двигаться в сторону Солнца до тех пор, пока будет выдерживать активная система охлаждения, работающая от отдельного термоядерного реактора. Солнечное пекло стало бы самой надежной защитой для корабля – ни один натовский аппарат не мог бы существовать в таких условиях.

Любуясь бесконечным космосом и думая о войне, терзающей его родную планету, находившуюся в сотне миллионов километров, Миша вновь и вновь вздыхал, сетуя на неразумность человечества.

10 января, Смоленский фронт

Глядя на неторопливо приближавшуюся цепь пехотинцев, Карина отчетливо понимала, почему враг, расправившись с другими излучателями, не разгромил издали ее позицию вместе с пунктом управления. Он хотел захватить аппаратуру в целости и сохранности.

Вертолетная эскадрилья из трех «Команчей» и четырех «Блэкхоков» легко отыскала ее укрытие. Из-за того что «Наводнение» генерировало мощнейшие электромагнитные импульсы, управлять излучателем можно было лишь дистанционно, по оптоволоконному кабелю. Натовские пилоты

проследили этот кабель вплоть до пункта управления Карины – единственного на этом участке заброшенного склада.

«Блэкхоки», доставившие более сорока пехотинцев, приземлились в паре сотен метров от здания. Вместе с Кариной были капитан и старший сержант. Сержант, услышав рев моторов, высунулся за дверь, и в тот же миг снайпер с одного из вертолетов снес ему полчерепа. После этого враги стреляли довольно вяло, явно опасаясь повредить драгоценные приборы. Только поэтому Карина и капитан еще некоторое время сопротивлялись.

А теперь автомат капитана, короткие очереди которого хоть немного ободряли ее душу, умолк. Взглянув налево, она увидела, что капитан уткнулся лицом в снег возле пня, за которым некоторое время укрывался, и вокруг головы уже растекается алый ореол.

Карина находилась перед складом, за наскоро сооруженным прикрытием из нескольких сложенных мешков с песком. Под ногами у нее лежали восемь автоматных рожков, под раскаленным стволом автомата шипел снег, густо запорошивший импровизированный бруствер. Каждый раз, когда Карина открывала огонь, враги, находившиеся перед нею, умело залегали, пули взметали снег перед ними, а второе крыло изогнувшейся полукругом цепи сразу же подскакивало чуть ближе. Но вот у Карины осталось всего три рожка. Она начала стрелять одиночными, но ее наивная хитрость только дала понять врагам, что у нее заканчиваются боеприпасы. У них прибавилось наглости. Когда Карина в следующий раз перезаряжала оружие, что-то звучно чиркнуло по мешку и сильно ударило ее в правый бок. Боли не было, только быстро распространяющееся онемение и ощущение жара от крови, стекающей по телу. Она терпела, яростно расстреливая остатками патронов. Когда же она потянулась за последним рожком, пуля пробила ей предплечье. Рожок упал на землю. Кисть руки повисла на уцелевшей полоске кожи. Карина покинула свою огневую точку и поспешила к двери склада, оставляя за собой тонкий кровавый след на снегу. Когда она открывала дверь, еще одна пуля пронзила ее левое плечо.

* * *

Капитан Ретт Дональдсон из флотского спецназа «Морские котики» осторожно приближался к двери ветхого складского здания. Двое морских пехотинцев следовали за ним. Переступив через труп русского сержанта, капитан пинком распахнул дверь и

ворвался внутрь. В помещении оказалась лишь молодая женщина-офицер.

Она сидела рядом с целью их рейда – оборудованием дистанционного управления системой «Наводнение». Сломанная рука девушки беспомощно висела, с нее капала кровь, собравшаяся уже в лужицу у нее под ногами. Здоровой рукой девушка поправляла прическу, глядя на свое отражение на выключенном экране дисплея. Как ни странно, она встретила незваных американских гостей, наставивших на нее сразу несколько стволов, улыбкой, как бы приветствуя их.

Дональдсон выдохнул с облегчением, но спокойно вдохнуть у него не получилось – девушка, на погонах полевой формы которой он рассмотрел по одной звездочке средних размеров, отняла руку от волос, взяла какой-то темный яйцевидный предмет, лежавший рядом с клавиатурой, и выразительно покачала им перед собой. Дональдсон с одного взгляда узнал боеприпас объемного взрыва; такие маленькие гранаты делали для того, чтобы бросать их вручную с вертолетов. Взрыв ее осуществлялся сложно, в два приема: первый взрыв, происходивший в полуметре от земли по сигналу лазерного дальномера, выбрасывал облако взрывчатого газа, а затем срабатывал детонатор, вызывавший объемный взрыв. И капитан никак не мог выбраться из радиуса этого взрыва, даже будь он стрелой в полете.

Поэтому он взялся за увещевания и сказал, выставив вперед согнутую в локте руку раскрытой ладонью вверх – традиционный жест демонстрации миролюбия:

– Не волнуйтесь, мэм майор. Не стоит принимать поспешных решений, руководствуясь эмоциями. – Он махнул рукой подчиненным, и те опустили стволы автоматов в пол. – Поверьте, ваши ранения не так опасны, как вам кажется. Вы получите наилучшую медицинскую помощь. Вас будут лечить в лучших госпиталях Германии, а потом вы вернетесь домой при первом же обмене пленными.

Майор снова улыбнулась, и это придало Дональдсону уверенности.

– Право, такое *варварство* вовсе ни к чему. Ведь у нас цивилизованная война. Еще двадцать дней назад, когда мы перешли русскую границу, я твердо знал, что все будет работать гладко, как хорошие часики. За это время мы практически уничтожили ваши огневые силы. А немногочисленные очаги такого вот сопротивления – не более чем салют в честь этого славного похода. Как хорошие часики, верно? Так что вовсе ни к чему…

– Я могу напомнить вам о еще более гладком начале войны, – перебила его майор на безупречном английском языке. Ее обворожительным голосом могли бы говорить небеса, он мог бы заставить пламя погаснуть, а железо – расплавиться. – Это происходило на прекрасном пляже, где росли пальмы, между которыми были растянуты приветственные плакаты. Красивые девушки с распущенными длинными, до пояса, волосами, в шуршащих на ходу шелковых брюках ходили среди молодых солдат и украшали их венками и гирляндами красно-розовых цветов и застенчиво улыбались изумленным мальчикам… Вы знаете, что это была за высадка?

Дональдсон растерянно мотнул головой.

– Восьмое марта 1965 года, девять утра. Американские морские пехотинцы высадились на Китайский пляж в Дананге. Так началась ваша Вьетнамская война.

Дональдсон почувствовал себя так, будто его голышом окунули в снег. Наигранного спокойствия как не бывало; его дыхание участилось, а голос задрожал:

– Нет, майор, вы несправедливы. Мы почти никого не убиваем, убивают в основном они. – Он указал в окно на висевшие низко над заснеженной землей вертолеты. – Этим занимаются пилоты, а еще больше – джентльмены с космических баз, которые на своих компьютерах управляют ракетами. Но все они тоже хорошие люди. Ведь их цели – просто красивые маленькие цветные значки на экране. Нужно нажать кнопку или щелкнуть мышью, немного подождать – и значок исчезнет. Все они – цивилизованные люди. Уверяю вас, они не злые, им не *нравится* причинять другим людям боль или делать с ними еще что-нибудь нехорошее… Вы меня слушаете?

Майор кивнула и еще раз улыбнулась. И кто там говорил, что боги смерти должны быть уродливыми и страшными?

– У меня есть девушка. Она пишет диссертацию доктора философии в Мэрилендском университете. Она такая же красивая, как вы, правда, участвует в антивоенном движении… – *Зря я не послушал ее*, – вдруг подумал Дональдсон. – Вы меня слушаете? Скажите что-нибудь, прошу вас.

Майор в последний раз одарила врага своей обворожительной улыбкой:

– Капитан, я выполняю свой долг.

* * *

В подразделении из резерва российской 104-й

мотострелковой дивизии никто не знал, что они находились в полукилометре от пункта управления излучателем «Наводнение». Сначала там услышали негромкий взрыв и увидели, как маленький домик-склад, одиноко торчавший посреди обширных пустых полей, окутался облаком белого тумана. И сразу же земля сотряслась от в сто раз более сильного грохота. На месте домика возник огромный огненный шар, пламя, окутанное черным дымом, поднялось высоко, превратившись в огромное грибовидное облако, похожее на цветок жизненной силы, распускающийся на просторах между небом и землей.

11 января, Генеральный штаб Вооруженных сил Российской Федерации

– Я и сам знаю, чего вы хотите. Так что не тратьте слов понапрасну, говорите прямо, – сказал маршал Левченко командующему Кавказской армией.

– Я хочу, чтобы электромагнитное подавление, которое вели последние двое суток, продлили еще на четыре дня.

– Вам наверняка известно, что семьдесят процентов наших радиоподавляющих устройств уничтожено вместе с личным составом. Я не могу гарантировать вам даже четырех часов!

– В этом случае наша армия не сможет вовремя прибыть на позиции. Авиаудары НАТО страшно мешают маневрировать большими силами.

– Боюсь, если так, то единственный выход – застрелиться. Враги прут на Москву. Они уже на тех же рубежах, которых семьдесят лет назад достиг Гудериан.

– Москва выстоит, – чуть слышно сказал командующий Кавказской армией, выходя от маршала.

12 января, Московский оборонительный рубеж

Командир Таманской дивизии генерал-майор Фелитов точно знал, что его линия обороны выдержит не более одной атаки.

Интенсивность вражеских авиаударов и дальнобойных обстрелов постепенно возрастала, а российское воздушное прикрытие неуклонно уменьшалось. У дивизии осталось мало танков и боевых вертолетов; последняя битва будет вестись в основном по старинке – на силе мышц и духа.

Волоча загипсованную ногу, перебитую осколком, опираясь, как на костыль, на карабин Симонова, взятый у штабного

солдата, генерал-майор вышел из блиндажа. Как он и ожидал, новые траншеи оказались неглубокими, что было естественно, поскольку в строю почти не осталось солдат, не имеющих хотя бы легких ранений. Но, к его удивлению, перед окопами стояли аккуратные брустверы высотой около полуметра.

Из чего же можно было так быстро сложить брустверы? Тут генерал увидел, что из заснеженной кучи торчит что-то, похожее на ветку. Подковыляв поближе, он понял, что это побелевшая, окоченевшая человеческая рука.

Увиденное привело его в бешенство. Обернувшись, он схватил сопровождавшего его полковника за грудки:

– Ах ты сукин сын! Тебя кто надоумил строить укрепления из убитых солдат?

– Я, – невозмутимо сказал шедший третьим начальник штаба дивизии. – И не надоумил, а прямо приказал. Мы пришли на новые позиции уже затемно, а тут, на пахотных полях, строить вовсе не из чего.

Несколько секунд они стояли, молча глядя друг на друга. Лицо начальника штаба было исчерчено неровными ручейками замерзшей крови, сочившейся из-под повязки на лбу.

Впрочем, пауза длилась недолго. Кивнув полковнику, командиры медленно пошли по траншее с бруствером, сложенным из жизни, юности, надежд. Генерал, все так же опираясь левой рукой на карабин, правой поправил шапку и отдал честь ужасному брустверу. Командир дивизии в последний раз проводил смотр своим павшим бойцам.

Они прошли мимо еще живого солдата с оторванными ступнями. Кровь из кое-как перевязанных обрубков перемешалась со снегом и землей в красновато-черную грязь, которая уже успела превратиться в лед ужасного вида. Раненый полусидел, держа в руке противотанковую гранату.

– Вот «Абрамс» подъедет, а я ему, товарищи генералы, гранату в гусеницу и суну, – сказал он с ухмылкой на бледном, как окружающий снег, лице.

Холодный ветер нес мелкую поземку и завывал, будто исполнял древнейшую на свете боевую песнь.

– Если я погибну раньше, подложи и меня в эту стену, – сказал командир дивизии. (Они с начальником штаба давно уже были на «ты», общаясь наедине.) – И впрямь лучшего места для упокоения не найти.

– Ничего, уложат, если и не совсем рядом, то неподалеку, – отозвался начштаба, прославившийся нерушимым спокойствием.

12 января, Генеральный штаб Вооруженных сил Российской

Посыльный доложил маршалу Левченко, что его хочет видеть генеральный директор Российского космического агентства – дело срочное, связанное с Мишей и электронной битвой.

Маршал вздрогнул, услышав имя своего сына. Он уже слышал, что Карина погибла в бою, и не мог представить себе, что еще, кроме погибшей девушки, может связывать Мишу с электронной битвой, происходившей за сто с лишним миллионов километров от него. В общем, Мишу сейчас Земля не должна была интересовать ни в малейшей степени.

Генеральный директор вошел в сопровождении нескольких своих подчиненных и без предисловий передал Левченко трехдюймовый лазерный диск.

– Маршал, это ответ, который мы получили от «Вечного бурана» час назад. Позже космонавт добавил, что это не личное сообщение и что он надеется, что вы сообщите его содержание всем, кого оно может касаться.

Голос, доносившийся с неимоверного расстояния, из самого центра Солнечной системы, слышали все, кто находился в оперативном отделе.

«Из долетающих до меня сообщений о ходе войны я узнал, что, если электромагнитное подавление не удастся продержать еще три-четыре дня, мы можем проиграть войну. Папа, если это правда, я могу дать тебе это время.

Ты всегда думал, что звезды, которые я изучаю, не имеют ничего общего с устройством реального мира, и я тоже так раньше думал. Но, похоже, мы оба ошибались.

Может быть, помнишь, как я говорил тебе, что звезда, хоть и генерирует огромную энергию, по сути своей относительно простая и элегантная система. Возьмем, к примеру, наше Солнце. Оно состоит всего из двух простейших элементов: водорода и гелия; его поведение определяется балансом всего лишь двух механизмов: ядерного деления и гравитации. В результате его активность легче смоделировать математически, чем природные процессы на нашей Земле. Накопленные к настоящему времени данные наблюдений Солнца позволили построить чрезвычайно точную математическую модель, к которой я тоже приложил руку. Используя эту модель, мы можем точно предсказать процессы на Солнце, и это позволяет нам создать просто крошечное возмущение, которое тем не менее быстро и серьезно нарушит равновесное состояние внутри Солнца. Технически это сделать очень легко: массой «Вечного бурана» нанести точный удар по поверхности Солнца.

Вероятно, ты скажешь, что это глупость, что это все равно что кинуть камешек в море. Нет, папа, такое сравнение в корне ошибочно. То, о чем говорю я, больше похоже на песчинку, попавшую в глаз.

Математическое моделирование говорит, что Солнце пребывает в чрезвычайно тонко настроенном и не очень стабильном состоянии энергетического равновесия. При правильной адресации небольшое возмущение вызовет цепную реакцию, которая, распространяясь от поверхности на значительное расстояние в глубину звезды, нарушит локальное равновесие. Есть зафиксированные прецеденты, последний из которых произошел в начале августа 1972 года. Тогда мощное, но сильно локализованное возмущение породило грандиозный электромагнитный импульс, который сильно повлиял на Землю. Компасы на самолетах и судах не знали, куда показывать, междугородная беспроводная связь полностью вышла из строя, вместо обычных сияний в высоких широтах в небе развевались ослепительные красные полотнища, в деревнях на коньках крыш, трубах и столбах мерцали электрические ореолы, как в центре грозы. И все это продолжалось более недели. Общепринятая в настоящее время теория утверждает, что причиной этого стало падение на поверхность Солнца небесного тела, даже меньшего по массе, чем «Вечный буран».

Такие явления, безусловно, происходили много раз, но большинство из них случилось еще до того, как человечество изобрело беспроводную связь, и поэтому они остались незамеченными. Кроме того, поскольку их причины были чисто случайными, нарушения равновесия не были оптимальными по силе и площади.

Но место удара «Вечного бурана» будет тщательно рассчитано, и поэтому созданные им возмущения окажутся сразу на несколько порядков больше, чем в упомянутом мною природном примере. Солнце выбросит в космос мощное электромагнитное излучение на всех частотах, от самой высокой до самой низкой. Кроме того, мощное рентгеновское излучение, генерируемое солнцем, сильно воздействует на ионосферу Земли и заблокирует коротковолновую радиосвязь, целиком и полностью зависящую от этого слоя.

Во время помех беспроводная связь за пределами миллиметрового радиодиапазона по большей части выйдет из строя. Эффект будет несколько ослабевать ночью, но в светлое время суток он даже превзойдет те помехи, которые вы ставили в предыдущие двое суток. По расчетам, возмущения продлятся неделю.

Папа, мы с тобой не раз говорили, что живем в разных, далеких один от другого мирах. Потому мы с тобой всегда общались меньше, чем хотелось бы. Но теперь наши миры слились воедино. Мы боремся за одну и ту же цель, которой я горжусь. Папа, как и все твои солдаты, я жду твоего приказа».

– Доктор Левченко сказал все верно, только кое-что не упомянул, – добавил генеральный директор. – В прошлом году мы послали зонд, который произвел мелкомасштабное столкновение с Солнцем в соответствии с расчетами, основанными на математической модели. Эксперимент подтвердил предсказания модели возмущения. Доктор Левченко и его исследовательская группа даже выдвинули гипотезу, что этот метод можно будет когда-нибудь использовать для изменения климата Земли в будущем.

Маршал Левченко вышел в соседнюю комнату и снял трубку с красного телефонного аппарата прямой связи с президентом. После непродолжительного разговора он вернулся в оперативный отдел.

В исторических трудах встречаются незначительные различия в описаниях этого момента. Кто-то утверждает, что маршал заговорил сразу, другие – что он с минуту стоял молча. Но текст произнесенной фразы все передают одинаково:

– Скажите Мише – пусть действует по своему плану.

12 января, околосолнечная орбита, борт «Вечного бурана»

Как только Миша внес последние коррективы в траекторию и ориентацию «Вечного бурана», все десять двигателей деления атомных ядер включились и из всех сопел вырвались струи плазмы длиной в сотни километров.

Перед «Вечным бураном» вздымался от поверхности Солнца огромный и красивый солнечный протуберанец – поток перегретого водорода. Составлявшие его потоки извивались, как длинные ленты невесомой материи под струей вентилятора, и плыли высоко над огненным морем Солнца, непрерывно перемещаясь и меняясь, как сказочный пейзаж. Нижние концы этих лент были прикреплены к поверхности Солнца и образовывали гигантские врата.

«Вечный буран» медленно и величественно прошел через триумфальную арку высотой 400 000 километров. Впереди появилось еще несколько протуберанцев, каждый из которых был одним концом прикреплен к Солнцу, а другим уходил в глубины космоса. «Вечный буран», мигая голубыми огнями двигателя,

пронесся сквозь них, как светлячок между горящими деревьями. Затем синие огни медленно потускнели. Двигатели остановились. Траектория «Вечного бурана» была тщательно рассчитана; дальше ему предстояло двигаться в строгом соответствии с законом всемирного тяготения.

Когда космический корабль вошел в корону – самый внешний слой атмосферы Солнца, ее сияние сразу же окрасило черный фон космоса в пурпур. Внизу была хорошо видна хромосфера Солнца, мерцающая бесчисленными иглообразными структурами; их обнаружили еще в XIX веке, и они представляли собой струи раскаленного газа, исходящие с поверхности звезды. Из-за них атмосфера Солнца походила на пылающий луг, где каждый стебель травы был высотой в тысячи километров. Под пылающей равниной лежала солнечная фотосфера – море бесконечного огня.

На последних кадрах, переданных с «Вечного бурана», люди видели, как Миша поднялся на ноги перед экраном гигантского монитора. Он нажал кнопку, чтобы откинуть крышку, защищавшую снаружи прозрачный купол, и перед ним развернулось великолепное море огня. Он хотел воочию увидеть мир своих детских грез. Открывшийся вид искажался и рябил; это плавилось изоляционное стекло полуметровой толщины. Вскоре стеклянный барьер превратился в слой прозрачной жидкости. Будто человек, никогда не видевший моря и с восторгом встречающий океанский ветер, Миша раскинул руки, чтобы приветствовать раскаленный до 6000 градусов ураган, который с ревом ворвался на мостик корабля. На самых последних секундах трансляции, перед тем как камера и передающее оборудование расплавились, можно было разглядеть, как тело Миши загорелось, тонкий факел растворился в море солнечного огня…

О том, что происходило дальше, можно было только строить предположения – но практически безошибочные, основанные на строгих научных данных. Расправленные панели солнечных батарей «Вечного бурана» и выступающие детали корпуса должны были расплавиться первыми и, повинуясь поверхностному натяжению, превратиться в серебристые шарики жидкости на поверхности космического корабля. Когда «Вечный буран» пересек границу между короной и хромосферой, начал таять уже корпус и в хромосфере, на глубине 2000 километров, полностью расплавился. Шарики жидкого металла собрались в огромную серебристую каплю, безошибочно ныряющую к цели, которую заблаговременно рассчитали расплавившиеся к тому времени компьютеры. А далее, повинуясь свойствам солнечной атмосферы, у капли вырастет и протянется на сотни метров огненный хвост, цвет которого будет меняться от бледно-голубого

в начале до желтого и великолепного оранжевого в конце.

И вскоре этот прекрасный феникс безвозвратно канет в огненный океан.

13 января, планета Земля

Мир человечества вновь сделался таким, каким был до Маркони.

Едва стемнело, в небе заплясали великолепные сияния, которыми можно было любоваться даже в экваториальных широтах.

Глядя на телевизионные экраны, заполненные белым шумом, большинство жителей Земли могло лишь догадываться о том, как складывается положение на той огромной территории, где бушевала война.

13 января, Московский театр военных действий

Генерал Бейкер оттолкнул командира 82-й парашютно-десантной дивизии и еще парочку офицеров, пытавшихся затащить его в вертолет, и поднял бинокль, чтобы продолжить наблюдение за горизонтом, где впереди грохотал русский фронт.

– Дистанция 4000 метров! Боеприпас № 9, замедленного действия! Огонь!

По грохоту артиллерии за спиной Бейкер мог точно сказать, что из всей артиллерии в строю остались только 105-мм реактивные гранатометы, да и тех не более трети.

Час назад немецкий танковый батальон – последнее из уцелевших подразделений бронетехники – предпринял поразительно дерзкую попытку контратаки. Поначалу результаты казались обнадеживающими: на расстоянии восьми километров натовские танки успешно били по русским и немало уничтожили – примерно вполовину своей численности. Но превосходство противника было подавляющим, и немецкие танки просто исчезли под ревущим стальным потоком русской армии, как роса под полуденным солнцем.

– Дистанция 3500 метров! Огонь!

Малокалиберные ракеты зашипели на лету, и перед цепью русских танков взметнулся барьер из земли и огня. Но это было все равно что оползень с речного берега перед разливом половодья: земля – очень недолговечное препятствие перед неумолимыми водами.

Как только поставленная разрывами эфемерная завеса рассеялась, из густого дыма снова появилась русская техника. Бейкер разглядел, что она идет плотно, будто на параде. Еще несколько дней назад атака в таком строю была бы самоубийством, но теперь, когда почти вся авиация, дальнобойная артиллерия и управляемые ракеты НАТО были просто не способны действовать, эта тактика стала вполне рациональной. Максимальная концентрация бронетехники, безусловно, обеспечивала прорыв оборонительных порядков противника.

Бейкер предполагал, что эти самые порядки устроены весьма хаотично. В условиях полного паралича электромагнитной аппаратуры было практически невозможно быстро и точно определить направление главного вражеского удара. Он также ничего не знал о действиях обороняющихся подразделений. В отсутствие беспроводной связи скоординировать их боевую работу было бы чрезвычайно сложно.

– Дистанция 3000 метров! Огонь!

– Генерал, вы искали меня?

В траншее появился французский командующий генерал-лейтенант Руссель. Его сопровождали только французский подполковник и пилот вертолета. Как ни странно, одет он был не в камуфляж, а в парадную форму не только с ярко сверкающими генеральскими звездами, но и с несколькими рядами начищенных медалей на груди. Поэтому и стальная каска на голове, и автомат на ремне за плечом казались неуместными.

– Мне сообщили, что Французский легион покинул укрепления на нашем левом крыле и отступил.

– Так точно, мой генерал.

– Генерал Руссель, за нашими спинами ведет отступление семисоттысячная группировка НАТО. Успех их прорыва из вражеского окружения зависит от стойкости нашей обороны!

– Зависит от стойкости *вашей* обороны.

– Потрудитесь объяснить вашу реплику.

– Вам самому придется много что объяснить! Вы скрывали от нас реальное стратегическое положение. Вам с самого начала было известно, что русские правые, считавшиеся нашими союзниками, ищут возможности для сепаратных переговоров о прекращении огня на Восточном фронте Москвы!

– Как главнокомандующий силами НАТО я имел на это право. Генерал, я полагаю, вы также четко осознаете возложенную на вас и ваши войска обязанность следовать отданным приказам.

Молчание.

– Дистанция 2500 метров! Огонь!

– Я выполняю приказы только президента Французской республики.

– Я не верю, что вы могли в последние дни получить приказ на этот счет.

– Я получил его полгода назад, во время приема в честь Национального дня[66] в Елисейском дворце. Президент лично дал мне указания о том, как должны действовать французские армейские части, если обстоятельства сложатся так, как сегодня.

Бейкер в конце концов вышел из себя:

– Ублюдки! Вы ничуть не изменились со времен де Голля![67]

– Ну-ну, не стоит так волноваться. Если вы решите принять бой, я останусь с вами, отпустив своих подчиненных. Мы будем сражаться и с честью примем смерть на этой заснеженной равнине. Ведь именно здесь полегла и армия Наполеона. Так что нам нечего будет стыдиться, – сказал Руссель и похлопал по сложенному прикладу автомата «FAMAS» (естественно, французского производства).

Молчание.

– Дистанция 2000 метров, огонь!

Бейкер медленно повернулся к стоявшим рядом с ним строевым командирам:

– Передайте мои слова американским солдатам, защищающим эти рубежи: когда появилась наша армия, мы воевали, не полагаясь на компьютеры. Наша армия состояла из фермеров. Когда-то мы сражались на Окинаве с японцами в джунглях, прорывая траншею за траншеей. В Кхешани мы лопатами отбивали гранаты, которые бросали в нас северовьетнамские солдаты. Еще раньше, одной холодной зимней ночью, наш великий Вашингтон лично повел своих босоногих солдат через ледяной Делавэр, чтобы творить историю…

– Дистанция 1500 метров, огонь!

– Приказываю уничтожить документы и материальные запасы…

– Дистанция 1200 метров, огонь!

Генерал Бейкер надел каску, поправил бронежилет и расстегнул кобуру с пистолетом. Гранатометы молчали – прислуга закладывала боеприпасы в стволы. Затем прогремели разрывы.

– Солдаты! – крикнул Бейкер, глядя на русские танки, развернувшиеся перед ним во всю ширь кругозора, словно завеса, за которой скрывается сама смерть. – Штыки примкнуть!

Солнце то исчезало, то вновь проглядывало сквозь густой дым над полем боя, и на заснеженную равнину, где бушевала ожесточенная битва, ложились прихотливые узоры света и тени.

Море сновидений [68]

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

Низкотемпературный художник

Низкотемпературного художника привлек сюда Фестиваль искусств льда и снега. Пусть идея была абсурдной, но с тех пор как океаны высохли, Янь Дун постоянно думал об этом. И сколько бы лет ни прошло, эпизод появления низкотемпературного художника с неизменной ясностью воспроизводился в памяти.

В тот момент Янь Дун стоял перед своей собственной только что законченной ледяной скульптурой. Его окружали искусно вырезанные ледяные скульптуры других мастеров. Вдалеке над снежным полем возвышались сверкающие в лучах зимнего солнца полупрозрачные небоскребы и замки. Эти произведения искусства были весьма недолговечными. Скоро этот сверкающий мир превратится в пруд чистой воды, тревожимой весенним ветерком. Всегда грустно было смотреть, как они тают, но этот процесс заключал в себе много невыразимых тайн. Возможно, это и было настоящей причиной глубокой преданности Янь Дуна снежному и ледяному искусству.

Янь Дун оторвал взгляд от своей работы и решил больше не смотреть на нее, пока судьи не назовут победителей. Он вздохнул, посмотрел на небо. Тогда-то он и увидел впервые низкотемпературного художника.

Сначала он решил, что это самолет, за которым тянется белый инверсионный след, но летящий предмет двигался намного быстрее самолета. Вот он описал в воздухе большую дугу. След пара, похожий на меловую черту, прочертил крюк в голубом небе. А потом летящий предмет внезапно остановился высоко в воздухе прямо над Янь Дуном. След пара постепенно сокращался от хвоста к голове, как будто летающий вдыхал его обратно.

Пока след был виден, Янь Дун пристально рассматривал его. Он заметил в начале белой ленты мерцание и сразу же решил, что там есть что-то, отражающее солнечный свет. Затем он разглядел, что это было: маленький пепельно-серый сфероид. Вскоре он понял, что сфероид лишь кажется маленьким, потому что находится далеко. А теперь он рос с молниеносной быстротой. Вернее, падал с огромной высоты туда, где стоял Янь Дун.

Окружавшие, поняв это, кинулись врассыпную. Янь Дун тоже пригнулся и побежал, петляя и огибая ледяные скульптуры.

Но тут на землю легла гигантская тень. Янь Дун почувствовал, что кожу у него на голове стянуло от страха. На мгновение кровь будто застыла в его жилах. Но удар, которого он ожидал, не состоялся. Все метавшиеся вдруг остановились. Теперь они ошалело смотрели вверх. Он тоже задрал голову. Гигантский сфероид висел в сотне метров над головами. Вообще-то он был не совсем сфероидом, как будто пар, выброшенный во время его высокоскоростного полета, изменил свою форму. Половина, обращенная в ту сторону, куда он летел, была гладкой, блестящей и круглой. На другой половине рос большой пучок волос, отчего аппарат становился похожим на комету с подстриженным хвостом. Он был массивным, более ста метров в диаметре, и казался холмом, подвешенным в воздухе. Все находящиеся на земле почти явственно ощущали чудовищную тяжесть этого тела.

Как только сфероид остановился, воздух, приводивший его в движение, ударил в землю, взметнув быстро расширяющееся кольцо снега и грязи. Говорят, что, когда люди прикасаются к чему-то, неожиданно оказывающемуся холодным, как кубик льда, оно кажется таким горячим, что они с криками отдергивают руки. Именно это ощутил Янь Дун, когда на него обрушилась воздушная масса. Несомненно, то же самое почувствовал бы и обитатель известного своими пронизывающими морозами северо-востока. К счастью, воздух быстро рассеялся, иначе все, кто находился внизу, окоченели бы. Тем не менее практически у всех открытые участки кожи оказались так или иначе обморожены.

Лицо Янь Дуна онемело от внезапного холода. Он поднял глаза, внимательно изучая поверхность сфероида. Тот состоял из полупрозрачного пепельно-серого вещества, хорошо известного Янь Дуну: льда. Этот подвешенный в воздухе объект представлял собой гигантский ледяной ком.

Как только ветер утих, Янь Дун, к своему изумлению, разглядел, что вокруг огромного ледяного шара, белея на фоне голубого неба, порхают сверкающие на солнце, необыкновенно чистые крупные снежинки. Однако эти снежинки были видны только на определенном расстоянии от сфероида. Отплывая чуть дальше, они сразу растворялись в воздухе. Они образовали снежное кольцо вокруг сфероида, как если бы сфероид был уличным фонарем, освещающим несущийся мимо снег.

И вдруг сфероид заговорил.

– Я низкотемпературный художник! – отчетливо сообщил чистый мужской голос. – Я низкотемпературный художник.

– Гигантский ком льда – это вы? – заорал Янь Дун.

– Вы не можете разглядеть мою истинную форму. Ледяной шар, который вы видите, создан моим морозным полем из влаги в воздухе, – ответил низкотемпературный художник.

– А снежинки?

– Это кристаллы кислорода и азота, содержащиеся в воздухе. Ну, и вдобавок сухой лед, образующийся из двуокиси углерода.

– О, ваше морозное поле настолько мощное!

– А вы как думали?! Это все равно что бесчисленные крошечные ручки, крепко держащие бесчисленные крошечные сердца. Поле останавливает движение всех молекул и атомов, оказывающихся в его досягаемости.

– И при этом поднимает в воздух гигантский ледяной шар?

– Это поле совсем другого рода – антигравитационное. Мне очень нравятся инструменты, которые вы все используете для обработки льда. Они просто восхитительны. Эти лопаточки, скребки и стамески разных форм. Не говоря уже о лейках и паяльных лампах. Восхитительно! У меня тоже есть набор крошечных инструментов для создания произведений искусства при низких температурах. Это различные типы силовых полей. Не так много инструментов, как у вас, но работают они очень хорошо.

– Вы тоже создаете ледяные скульптуры?

– Конечно. Я ведь уже сказал: я низкотемпературный художник. Ваш мир почти идеально подходит для ваяния скульптур из снега и льда. Я был просто потрясен, узнав, как долго они здесь сохраняются. И с восторгом заявляю, что мы коллеги.

– Откуда вы прилетели? – спросил скульптор, стоявший рядом с Янь Дуном.

– Из очень далекого места, из мира, для вас непостижимого. Но он совсем не так интересен, как ваш. Я изначально сосредоточился исключительно на искусстве и не контактировал с другими мирами. Однако, увидев выставки, подобные этой, увидев так много коллег, я испытал желание вступить с вами в общение. Но, честно говоря, очень немногие из низкотемпературных работ, которые я вижу под собой, заслуживают того, чтобы называться произведениями искусства.

– Почему? – спросил кто-то.

– Они чрезмерно реалистичны, слишком много внимания уделяется форме и деталям. А ведь во Вселенной нет ничего, кроме пространства. Так называемый реальный мир – это всего лишь свалка искривленных пространств. Как только вы это поймете, то увидите, насколько ваши собственные работы наивны и примитивны. Однако… хм… в этой работе определенно что-то

есть.

Как только голос затих, снежинки, облачком окружавшие ледяной шар, как будто потекли вниз через невидимую воронку, образовав тонкую нить, которая протянулась сквозь воздух к вершине ледяной скульптуры Янь Дуна и начала растворяться. Янь Дун встал на цыпочки и осторожно протянул руку в перчатке к снежинке. Когда до нее осталось совсем немного, его пальцы снова почувствовали то же самое странное жжение. Он поспешно отдернул руку, но она успела окоченеть.

– Вы указываете на мою работу? – спросил Янь Дун, растирая замерзшие пальцы другой рукой. – Я… я не пользуюсь традиционными методами. То есть не вырезаю скульптуру из готовых глыб льда. Я построил конструкцию из нескольких больших мембран. На дне этой формы долго кипела вода, образующийся пар поднимался вверх и примерзал к мембране, образуя сложный кристалл. Как только лед стал достаточно толстым, я удалил мембраны, и в результате получилось то, что вы видите.

– Отлично! Очень интересно! Замечательно передает красоту холода. И что вдохновило вас на эту работу?..

– Оконное стекло! Не знаю, будет ли понятно вам мое описание: когда просыпаешься в суровую зимнюю ночь незадолго до восхода солнца, затуманенный взгляд падает на оконное стекло, затянутое кристаллами. Они отражают темно-синий первый свет раннего рассвета, как будто они – продолжение сна, который я видел ночью…

– Да, да, понимаю! – Снежинки вокруг низкотемпературного художника танцевали, складываясь в живые узоры. – Я вдохновлен! Я хочу творить! Я должен творить!

– Вон там, недалеко, находится река Сунхуа[69]. Вы можете выбрать любой блок льда или…

– Что?! Ваш подход к искусству жалок, как бактерия. Неужели вы считаете, будто моя форма низкотемпературного искусства имеет что-то общее с вот этим? Тут вовсе нет того льда, который мне нужен.

Стоявшие на земле ваятели ледяных скульптур недоуменно взирали на инопланетного низкотемпературного художника.

– В таком случае вам придется… – начал было Янь Дун, но космический пришелец перебил его:

– Я отправлюсь на океан.

Заготовка льда

Вдоль береговой линии на высоте пяти километров летела огромная армада самолетов. История человечества еще не видела столь пестрого сборища летательных аппаратов. Тут были самолеты всех типов, начиная от гигантских реактивных «Боингов» и заканчивая легкими частными машинами, похожими на комариков. Все крупные агентства новостей мира отправили сюда своих корреспондентов, оснастив их средствами воздушного передвижения. Не отставали от них исследовательские и, конечно, правительственные организации. Эта хаотичная воздушная армада следовала за коротким следом густого белого пара, как стадо овец, опасливо спешащих за пастухом. След тянулся за низкотемпературным художником, который непрерывно поторапливал пристроившиеся ему в хвост самолеты, потому что из-за них ему приходится чуть ли не ползти. (Для того, кто способен как угодно прыгать сквозь пространство-время, даже лететь со скоростью света – все равно что ползать.) Он безостановочно жаловался, что задержка убивает его вдохновение.

Журналисты, набившиеся в самолеты, поначалу засыпали низкотемпературного художника вопросами по радио, но тот не пожелал ответить ни на один. Его интересовал только разговор с Янь Дуном, который летел в «Харбине Y-12», арендованном Центральным телевидением Китая. Так что вскоре репортеры притихли и просто внимательно слушали диалог двух художников.

– Ваш дом находится в пределах Млечного Пути? – спросил Янь Дун. «Харбин Y-12» летел ближе всех к низкотемпературному художнику. Оттуда был хорошо виден летящий ледяной шар, периодически появляющийся в начале следа белого пара, который образовался из кислорода, азота и углекислого газа в атмосфере, конденсирующихся при сверхнизких температурах вокруг ледяного шара. Иногда и самолет случайно задевал клубы белого тумана; тогда окна самолета сразу же покрывал толстый слой инея.

– Мой дом не входит ни в одну галактику. Он расположен в обширном пустом пространстве, разделяющем галактики.

– На вашей планете должно быть очень холодно.

– У нас нет планеты. Низкотемпературная цивилизация возникла в облаке темной материи. Этот мир действительно очень холодный. Жизнь с трудом наскребла немного тепла из окружающей среды, близкой к абсолютному нулю. Она впитывала каждую кроху излучений, долетавших от далеких звезд. Как только низкотемпературная цивилизация научилась перемещаться на дальние расстояния, мы тут же отправились на

ближайшую теплую планету на Млечном Пути. В этом мире нам, чтобы жить, приходилось поддерживать низкую температуру, поэтому мы на этой теплой планете стали низкотемпературными художниками.

– Низкотемпературное искусство, о котором вы говорите, занимается созданием скульптур изо льда и снега?

– О нет. Нет. Использование температуры, которая намного ниже среднемировой температуры, для воздействия на мир с целью создания художественных эффектов – это лишь часть низкотемпературного искусства. Лепка изо льда и снега – это разновидность низкотемпературного искусства, подходящая для вашего мира. Здесь температура льда и снега считается низкой. В мире темной материи она была бы высокой. Ну, а в мире звезды низкотемпературным материалом считалась бы лава.

– Кажется, у нас есть что-то общее в том, какое искусство считать красивым.

– В этом нет ничего необычного. Так называемое тепло – это всего лишь краткий эффект столь же краткого спазма, возникшего после рождения Вселенной. И прекращается он в одно мгновение, как свет после заката. Энергия рассеивается. Только холод вечен. Красота холода – единственная непреходящая красота.

– Значит, вы утверждаете, что Вселенная неизбежно придет к тепловой смерти? – прозвучал чей-то голос в наушнике, торчавшем в ухе Янь Дуна. Позднее он узнал, что вопрос задал физик-теоретик, летевший в одном из самолетов немного позади.

– Это не имеет отношения к нашей теме. Мы будем говорить только об искусстве.

– Океан уже под нами! – сообщил Янь Дун, посмотрев в иллюминатор, где медленно отползала назад извилистая береговая линия.

– Впереди лежит самая глубокая часть океана. Там лучше всего будет заготавливать лед.

– И откуда же возьмется этот лед? – спросил Янь Дун, недоуменно разглядывая лежавший внизу бескрайний голубой простор.

– Лед будет везде, куда явится низкотемпературный художник.

* * *

Низкотемпературный художник летел еще около часа. Янь Дун в очередной раз посмотрел вниз через иллюминатор и увидел все ту же водную поверхность. И в тот же миг самолет

резко взмыл вверх, и скульптор чуть не лишился сознания от перегрузки.

– Эй, мы чуть не впилились в него! – крикнул пилот.

Оказалось, что низкотемпературный художник резко остановился в воздухе. Никак не ожидавшие этого следующие самолеты веером рассыпались в разные стороны.

– Черт возьми! Для этой заразы инерции вовсе не существует. Он просто взял и остановился, даже не снижая скорости. По всем законам природы от такого торможения лед должен был бы разлететься на куски, – сказал пилот Янь Дуну, проворно разворачивая самолет. Вся воздушная эскадра сделала то же самое. А ледяной шар, величественно вращаясь, висел в воздухе. Он обильно производил кислородные и азотные снежинки, но сильный ветер высоты сразу же уносил их прочь, и казалось, что вокруг шара развеваются длинные белые волосы.

– Я приступаю к творчеству! – объявил низкотемпературный художник и, не дожидаясь ответа Янь Дуна, внезапно рухнул прямо вниз, как будто разжалась гигантская невидимая рука, которая держала его в воздухе. Он свободно падал, все быстрее и быстрее, пока не исчез на синем фоне океана, оставив лишь хрупкую нить атомов, тянущуюся к воде из ниоткуда. Над поверхностью моря взметнулось кольцо белых брызг. Когда же оно опало, вокруг разошлась высокая волна.

– Ну вот, космический пришелец покончил с собой, кинувшись в океан, – сказал пилот Янь Дуну.

– Не смешите людей! – возразил Янь Дун, вызывающе утрируя свой северо-восточный акцент, и свирепо взглянул на пилота: – Спуститесь немного. Ледяной шар вот-вот выскочит на поверхность.

Но ледяной шар не всплыл. Там, куда он рухнул, в океане появилась белая точка. Она быстро превратилась в диск. Самолет снизился, и Янь Дун наблюдал происходившее в подробностях.

Белый диск оказался белым туманом, образовавшимся над океаном. Его облачко быстро расширялось, и вскоре вся видимая художнику из продолжавшего снижаться самолета поверхность воды покрылась густыми белыми испарениями. Вдруг раздался странный и очень громкий шум, перекрывший рев моторов самолета. Этот шум походил на раскаты грома и одновременно наводил на мысли о разламывающихся равнинах и рушащихся горах.

Самолет кружил низко над морем. Янь Дун внимательно всматривался сквозь туман в поверхность океана. Свет, отражающийся от нее, был мягким, иным, чем несколько мгновений назад, когда от игры золотых бликов было больно

глазам. Цвет воды стал насыщеннее. Бурные волны становились все ровнее и глаже. И в следующий момент он испытал потрясение, осознав, что волны стали твердыми и неподвижными.

– О небеса! Океан замерз!

– Ты с ума сошел! – Пилот от возмущения забыл о вежливости и гневно обернулся к пассажиру.

– Сам посмотри!.. Эй, ты все еще снижаешься? Хочешь сесть на лед?!

Пилот потянул ручку на себя. В глазах у Янь Дуна снова потемнело. Он услышал, как пилот бормочет:

– Э-э… Нет… Вот же, черт, как странно… – Вид у него был такой, будто он спит наяву. – Я не снижался. Это океан, нет, лед поднялся прямо к нам!

И тут раздался голос низкотемпературного художника:

– Немедленно уберите свой летательный аппарат с дороги. Не преграждайте путь поднимающемуся льду. Если бы в летающей машине не было моего коллеги, я просто пустил бы лед прямо на вас. Когда я творю, не выношу помех вдохновению. Улетайте на запад, на запад, на запад. Так будет ближе к краю.

– Краю? Краю чего? – спросил ничего не понимающий Янь Дун.

– Ледяного куба, который я делаю.

Самолеты метнулись стаей перепуганных птиц, одновременно набирая высоту и разворачиваясь в ту сторону, которую указал низкотемпературный художник. Белый туман, образовавшийся из-за перепада температуры, рассеялся, и внизу до горизонта простиралось темно-синее ледяное поле. Самолет изо всех сил лез вверх, но ледяное поле поднималось еще быстрее, нагоняя и «Харбин Y-12», и все остальные самолеты.

– Проклятье, за нами сама Земля гонится! – выкрикнул пилот.

Как ни надрывался мотор, но ледяное поле быстро подлезало под самолет. Вот уже темно-синие неподвижные волны замелькали под самыми крыльями.

– Делать нечего, придется садиться на ледяное поле. Да где ж это видано – приземляться на наборе высоты?

Едва успел он договорить, как «Харбин Y-12» пересек границу ледяного поля. Под фюзеляжем мелькнул ровный край. Внизу снова появился океан, волны которого играли солнечными бликами. Примерно то же самое видит пилот истребителя в момент отрыва от палубы авианосца, не считая того, что этот «авианосец» был высотой в несколько километров!

Янь Дун резко обернулся. Позади медленно удалялся огромный темно-синий утес с чрезвычайно ровной поверхностью.

Утес оказался очень длинным – увидеть одновременно два его конца было невозможно. Подножие утеса упиралось в воду; там, где на него набегали волны, образовался белый срез. Через несколько секунд он исчез, и на его месте явилась ровная поверхность. Гигантский айсберг отделился от океана и продолжал подниматься быстрее и быстрее. «Харбин Y-12» между тем снижался и вскоре оказался посередине между айсбергом и морем. Янь Дун видел еще одно ледяное поле. Только находилось оно не под ним, а над ним и казалось необыкновенно, угнетающе темным куском неба.

Когда ледяная глыба поднялась еще выше, Янь Дун наконец собственными глазами увидел, что низкотемпературный художник сделал именно то, что намеревался: гигантскую глыбу льда в форме прямоугольного параллелепипеда. Теперь эта темно-синяя глыба висела над головой, занимая две трети неба. Высоко в небе на плоской грани пучком ослепительных молний играл солнечный свет. На фоне этого гигантского задника медленно поднимались несколько самолетов, напоминающих воробьев, кружащих перед небоскребом. Их и разглядеть-то можно было, лишь хорошо присмотревшись. Позднее радиолокационные измерения позволили установить, что ледяная глыба представляла собой совершенно правильный, сильно вытянутый прямоугольный параллелепипед шестидесяти километров в длину, двадцати километров в ширину и пяти километров в высоту.

Ну а гигантская глыба льда продолжала подниматься, постепенно уменьшаясь, и через некоторое время ее видимый размер смог наконец уложиться в рамки человеческого сознания. На океане лежала ее неимоверная тень. Когда же она сдвинулась, людям открылось поистине ужасающее зрелище, какого планета не знала за все время своего существования.

Самолеты летели в длинном узком каньоне, пустоте, оставшейся в океане после того, как оттуда вынули гигантский блок льда. По обе стороны вздымались стены морской воды в пять километров высотой. Никогда еще люди не видели воду в таком состоянии – в форме высоченных жидких утесов! У их подножия ярились стометровые волны, а вершины рушились на глазах наблюдателей. Стены, покрытые рябью, неуклонно сходились, сохраняя строго вертикальное положение, и ущелье неуклонно сужалось.

Происходящее походило на зеркальное отражение того катаклизма, который Моисей некогда совершил в Красном море.

Янь Дуна особенно изумляло то, насколько медленно все это происходило. Очевидно, причиной замедленности был масштаб.

Ему случалось бывать на водопадах Хуангуошу. Там тоже казалось, что вода падает медленно. А ведь утесы из морской воды, вздымавшиеся перед ним, были на два порядка больше этих водопадов. Но и времени, чтобы насмотреться на сегодняшнее неповторимое чудо, у него было достаточно.

Тень, отбрасываемая глыбой, полностью исчезла. Янь Дун поднял голову. Видимый размер ледяного параллелепипеда уже не превышал размером удвоенного диска полной луны. Для неба не так уж заметно.

Два невообразимых водяных утеса сходились, и котловина сжималась, превращаясь в ущелье. Затем две стены длиной в десятки километров и высотой в пять тысяч метров столкнулись. Между морем и небом разнесся громкий глухой удар. Провал в океане на том месте, откуда была изъята ледяная глыба, безвозвратно исчез.

– Но это ведь не сон, правда? – спросил сам себя Янь Дун.

– Будь это сон, все обошлось бы хорошо. Смотри! Смотри!

Пилот ткнул рукой вниз. Там, где только что сошлись два утеса, океан отнюдь не успокоился – там, их реинкарнацией, поднялись две волны длиной с исчезнувшую впадину и разошлись в противоположных направлениях. С высоты эти волны не производили особого впечатления, но из научных измерений потом стало ясно, что их высота превышала двести метров. При близком взгляде они походили на два движущихся горных хребта.

– Цунами? – спросил Янь Дун.

– Да. И, пожалуй, такое, какого мир еще не видел. На побережье будет катастрофа.

Янь Дун посмотрел вверх и не смог рассмотреть в голубом небе ледяную глыбу. Радар сообщил, что она уже стала спутником Земли.

* * *

Весь остаток дня низкотемпературный художник извлекал из Тихого океана и отправлял на орбиту вокруг Земли точно такие же ледяные кирпичи. Сотни кирпичей.

В ночном полушарии каждые пару часов можно было видеть на небе проплывающее скопление мерцающих точек. От настоящих звезд, на фоне которых они двигались, они отличались тем, что, если пристально посмотреть, можно было различить форму каждой точки. Все они представляли собой небольшие параллелепипеды, каждый из которых был ориентирован по-своему и вращался вокруг своей оси. В результате они по-разному

отражали солнечный свет и мерцали с разной скоростью. Люди долго и безуспешно пытались подобрать метафору для этих маленьких космических тел. В конце концов один из репортеров придумал сравнение, которое сочли удовлетворительным: горсть хрустальных костяшек домино, рассыпанных космическим гигантом.

Диалог двух художников

– Нам нужно поговорить, – сказал Янь Дун.

– Именно для этого я и пригласил вас сюда, но говорить я согласен только об искусстве, – ответил низкотемпературный художник.

Янь Дун стоял на гигантской глыбе льда, подвешенной в воздухе на высоте пяти тысяч метров. Он прибыл сюда по приглашению низкотемпературного художника. Вертолет, доставивший его, стоял в стороне. Его винты продолжали вращаться, и он был готов взлететь в любой момент. Со всех сторон простиралась до горизонта ледяная равнина, поверхность которой отражала ослепительный солнечный свет. Слой голубого льда под ним казался бездонным. Небо на этой высоте было чистым и бескрайним. Дул сильный ветер.

Это была одна из пяти тысяч гигантских глыб льда, которые низкотемпературный художник извлек из океанов. За минувшие пять суток он замораживал и переправлял на орбиту из океанов в среднем по тысяче блоков в день. Заморозив очередной блок в Тихом или Атлантическом океане, художник поднимал его в воздух, чтобы добавить во все увеличивающееся число сверкающих «космических костяшек домино». Вдоль океанского побережья по всему миру не осталось ни одного крупного города, который не пострадал бы многократно от цунами. Однако чем дальше, тем реже происходили эти катастрофы, и причина этого была проста: уровень воды на планете понизился.

Мировой океан постепенно превращался в ледяное кольцо, вращающееся по орбите вокруг Земли.

Янь Дун топнул по твердой ледяной поверхности.

– Такая огромная глыба… Как вам удается заморозить ее в одно мгновение? Да еще и настолько равномерно, что блоки не только не трескаются, но и получаются совершенно однородными. Какую силу вы используете, чтобы отправлять их на орбиту? Все это находится за пределами не только нашего понимания, но даже воображения.

– Это ерунда, – ответил низкотемпературный художник. – В

творческом процессе мы сплошь и рядом уничтожаем звезды! Но разве мы не договорились обсуждать только вопросы искусства? С точки зрения искусства между мной, создающим искусство своими методами, и вами, со своими лопатками и скребками для вырезания ледяных скульптур, не такая уж большая разница.

– Попав на орбиту, ледяные блоки оказываются под прямым и сильным излучением солнца. Почему они не тают?

– Я покрыл каждый ледяной блок слоем чрезвычайно тонкой, прозрачной, светофильтрующей мембраны. Она пропускает в лед только холодный свет, частоты которого не генерируют тепло. А все частоты, которые генерируют тепло, отражаются. Поэтому глыба льда не тает. Но на подобные вопросы я отвечаю в последний раз. Я не собираюсь отвлекаться от работы для разговора о таких скучных вещах. Или мы с этого момента обсуждаем только искусство, или вам лучше уйти. И мы уже не будем коллегами и друзьями.

– В таком случае скажите, сколько льда вы намерены извлечь из океанов? Этот-то вопрос напрямую касается проблемы создания произведения.

– Естественно, я возьму все, что есть. Я уже говорил вам о моем замысле; так вот, мне хотелось бы воплотить его идеально. Я предполагал взять лед со спутников Юпитера, если земных океанов окажется недостаточно, но это слишком хлопотно. Так что обойдусь тем, что есть.

Ветер трепал волосы Янь Дуна. Он то и дело приглаживал их. От холода, царившего на этой высоте, его пробирала дрожь.

– Искусство много значит для вас?

– Искусство – это всё.

– Но… но ведь в жизни есть что-то еще. Например, нам все еще приходится работать, чтобы выжить. Я – инженер Чанчуньского оптического института и искусству могу уделять лишь ограниченное свободное время.

Голос низкотемпературного художника рокотал из глубины льда, и от вибрации подошвам ног Янь Дуна было щекотно.

– Выжить… Ха! Это просто подгузник вашей младенческой цивилизации, который нужно сменить. Погодите немного, и жить для вас будет так же просто, как дышать. Мы уже забыли, что было такое время, когда нам требовалось прилагать усилия, чтобы выживать.

– А как же социальные и политические отношения?

– У зарождающихся цивилизаций всегда обнаруживается такая неприятная проблема, как существование отдельных личностей. Со временем отдельные личности сливаются в единое целое. И тогда уже нет ни общества, ни политики как таковых.

– А как насчет науки? Ведь наука какая-то должна быть? Разве может цивилизация не стремиться понять Вселенную?

– Этой ерундой тоже занимаются только совсем молоденькие цивилизации. Если немного покопаться, становится ясно все вплоть до малейших деталей. Вы скоро узнаете, что Вселенная настолько проста, что даже наука не нужна.

– Итак, остается одно лишь искусство?

– Да. Искусство остается для цивилизации единственным смыслом существования.

– А вот для нас это вовсе не единственный смысл. Мы хотим выжить. Несколько миллиардов людей на этой планете, под нами, и еще больше представителей других видов хотят выжить. Вы же хотите высушить наши океаны, превратить нашу живую планету в бесплодную пустыню, обрекая нас всех на смерть от жажды.

Из глубины льда поднялась волна смеха. И снова он щекоткой отозвался в подошвах ступней Янь Дуна.

– Коллега, послушайте, как только бурный прилив моего творческого вдохновения немного стих, я обратился к вам, чтобы поговорить об искусстве. Но вы все время переводите разговор на ничего не значащие банальности. Я глубоко разочарован в вас. Стыдитесь! Я возвращаюсь к работе.

– Да будут прокляты твои предки! – взорвался Янь Дун, потеряв наконец терпение, и пошел браниться на северо-восточном диалекте.

– Это что, грубости? – безмятежно осведомился низкотемпературный художник. – У нашего вида одно и то же тело взрослеет и проходит эволюционный путь. Так что никаких предков нет. Что касается странного тона при общении с коллегой… – Он засмеялся. – Я понимаю. Вы завидуете. У вас нет моих способностей. Вы способны создавать искусство только на уровне бактерий.

– Но вы не так давно сказали, что хотя мы используем в искусстве разные инструменты, но существенной разницы между нами нет.

– Теперь я уже так не считаю. Сначала я решил, что встретил настоящего художника, но он оказался жалкой посредственностью, болтающей о высыхании океанов, экологической катастрофе и других мелочах, не имеющих ничего общего с искусством. Слишком плоско, слишком тривиально, знаете. Художники не могут быть настолько привержены банальности.

– И все равно да будут прокляты ваши предки!

– Как вам будет угодно. Я возвращаюсь к работе. Уходите.

В тот же миг Янь Дун почувствовал, что стал тяжелее, и

грузно сел на скользкий лед. Сверху налетел порыв ветра. Ледяная глыба снова начала подниматься. Он вскарабкался в вертолет, и машина с трудом переползла через ближайший край ледяной глыбы, чуть не разбившись из-за смерча, порожденного движением искусственного айсберга.

Переговоры между человечеством и низкотемпературным художником закончились полной неудачей.

Море сновидений

Янь Дун стоял в белом мире. Почву под его ногами и окружающие крутые и коварные горы покрывал серебристо-белый плащ. Ему казалось, что он в заснеженных Гималаях. На самом деле он находился в их совершенной противоположности. Это было самое низкое место на Земле – Марианская впадина, являвшаяся когда-то самой глубокой частью Тихого океана. Белое вещество, покрывающее все вокруг, было не снегом, а минералами, которые когда-то делали воду соленой. Когда морская вода замерзала, эти минералы выделялись и откладывались на дне. Бывали места, где слой этих отложений достигал ста метров.

За последние сто дней низкотемпературный художник полностью извел воду Мирового океана. Он переместил на орбиту даже ледники Антарктиды и Гренландии.

А теперь он, милостиво забыв о размолвке, пригласил Янь Дуна посмотреть, как он будет завершать свою композицию.

* * *

В ущелье впереди лежала поверхность голубой воды. Синева была чистой и глубокой. Это казалось еще более трогательным среди множества белоснежных горных вершин. Последний океан на Земле был не больше озера Дяньчи в провинции Юньнань. Его давно уже не тревожили огромные волны, лишь легкая рябь морщила воду, как могло бы быть на каком-нибудь уединенном водоеме далеко в горах. Этот последний океан питали три реки – три случайно сохранившиеся великие реки, змеившиеся по просторам обнажившегося дна. Сегодня это были самые длинные реки на Земле. Но когда люди добрались сюда, они увидели всего лишь узкие ручейки.

Янь Дун подошел к берегу океана. Остановился на краю белого пляжа. Опустил руку в чуть заметно колышущееся море.

Вода была настолько насыщена солью, что волны казались густыми. Легкий ветерок сразу высушил руку Янь Дуна, одев ее в перчатку из белой соли.

Воздух пронзил резкий визг, очень хорошо знакомый Янь Дуну. Это, разрывая воздух, скользил к земле низкотемпературный художник. Янь Дун почти сразу разглядел его в небе. Он пребывал все в той же форме ледяного шара, но, поскольку вернулся прямо из космоса и не успел долго полетать в атмосфере, был намного меньше, чем при первой встрече. Люди всевозможными способами следили за ледяными глыбами, выходящими на орбиту, пытаясь заметить, как космический скульптор покидает их, но пока безуспешно. Лишь после входа в атмосферу, когда вокруг него начинал образовываться непрерывно растущий ледяной шар, его можно было разглядеть и безошибочно определить его местоположение.

Низкотемпературный художник не дал себе труда поприветствовать Янь Дуна. Ледяной шар упал в середину последнего океана, взметнув высокий водяной столб. И сразу же началось знакомое зрелище: облако белого тумана, распространяющегося из того места, где шлепнулся в воду космический пришелец. Белый туман быстро покрыл весь остаток океана. Вода с громким треском превращалась в лед. И снова туман рассеялся, обнажив замерзшую поверхность «океана». На сей раз – не так, как на протяжении всего долгого времени, – водоем застыл целиком. Там не осталось ни капли жидкой воды. И на льду сейчас не было замерзших волн. Она была гладкой, как зеркало. Все время, пока замерзало это ничтожное озерцо, Янь Дун ощущал, как в лицо тянет холодным ветерком.

Последний замерзший кусочек океана начал подниматься. Сначала он осторожно оторвался от земли всего на несколько сантиметров. Между краем ледяного поля и белым соляным пляжем пробежала длинная черная щель, куда сразу же устремился воздух, заполняющий вновь созданное пространство. Соль, подхваченная поднявшимся ветром, засыпала ноги Янь Дуна. Подъем озера стремительно ускорялся. В мгновение ока последние капли океана оказались на весу. Столь быстрый подъем огромного предмета породил сильные, хаотичные порывы ветра. Вихрь взметнул в ущелье белый столб. Янь Дун выплюнул соль, попавшую ему в рот. Она оказалась вовсе не соленой, как он ожидал. Она была немыслимо горькой на вкус – точь-в-точь как реальность, с которой столкнулось человечество.

Последний океан не был параллелепипедом. Его дно в точности повторяло контуры морского дна. Янь Дун провожал его глазами, пока он не превратился в маленькую точку света,

которая растворилась в могучем ледяном кольце.

С Земли оно виделось шириной примерно с Млечный Путь, пересекающий небо с востока на запад. В отличие от колец Урана и Нептуна, кольцо не образовывало плоскости, перпендикулярной или параллельной поверхности Земли. Оно больше походило на состоящий из двухсот тысяч ледяных глыб широкий пояс света в космосе. И пояс этот полностью окружал Землю. С Земли можно было отчетливо разглядеть каждую глыбу льда. Даже форма была видна невооруженным глазом. Некоторые из них вращались, в то время как другие, казалось, висели неподвижно. Двести тысяч точек света, часть которых мерцала, часть нет, образовали величественную небесную реку, торжественно текущую по небу Земли.

В течение суток яркость и цвет ледяного кольца то и дело поразительно менялись.

Особенно впечатляющими эти перемены были на рассвете и закате. Тогда ледяное кольцо постепенно меняло цвет с оранжево-красного у самого горизонта на темно-красный, затем на темно-зеленый и темно-синий, являя собой нечто вроде радуги в космосе.

В дневное время ледяное кольцо обретало ослепительный серебристый цвет и походило на фоне голубого неба на огромную алмазную реку, текущую по голубой равнине. А наиболее эффектным оно становилось, когда закрывало солнце, создавая затмение. Солнечный свет преломлялся в массивных ледяных глыбах, и в небесах начиналось странное и великолепное шоу фейерверков.

Продолжительность затмения зависела от того, пересекало кольцо путь солнца или следовало параллельно ему. Так называемые параллельные затмения случались, когда солнце некоторое время следовало вдоль ледяного кольца. Каждый год случалось одно полное параллельное затмение – солнце от восхода до заката следовало над ледяным кольцом, и в этот день ледяное кольцо казалось поясом из серебряного пороха, выпущенного в небо, где яростно полыхал зажженный на восходе ослепительный огненный шар. Когда же солнце садилось на западе, зрелище было настолько великолепным, что мало кто мог найти слова, чтобы передать его. Пожалуй, точнее всего подходила незамысловатая фраза: «Сегодня Бог по небу прогулялся».

И все же наиболее чарующее зрелище ледяное кольцо являло ночью. Оно было в два раза ярче полной луны. Его серебристый свет заливал всю Землю. Это выглядело так, будто все звезды Вселенной выстроились в ряд, чтобы торжественно пройтись по

ночному небу. В отличие от Млечного Пути, в этой могучей реке звезд можно было отчетливо разглядеть каждую звездочку строгой четырехугольной формы, и половина этих собранных в тугую ленту звезд мерцала. Мерцание ста тысяч звезд создавало рябь, которая вздымалась, как будто ее подгонял шторм, и из-за этого звездная река казалась разумным целым…

Прорезав атмосферу резким визгом, низкотемпературный художник в последний раз вернулся из космоса. Над головой Янь Дуна повис ледяной шар, вокруг которого плотно сгустилось собственное кольцо из снежинок.

– Я закончил. И что вы скажете? – спросил он.

Янь Дун долго молчал, а потом выговорил всего два слова:

– Я сдаюсь.

Он действительно сдался. Однажды он смотрел на ледяное кольцо три дня и три ночи подряд, не ел и не пил все это время, пока не потерял сознание. Как только к нему вернулись силы, чтобы встать с постели, он вышел на улицу и снова стал рассматривать ледяное кольцо. Он чувствовал, что может смотреть на него вечно и все равно не насмотрится. От зрелища ледяного кольца он иногда впадал в растерянность, а иногда испытывал неописуемое счастье – то счастье, которое испытывает художник, встречаясь с высшей красотой. Он был полностью покорен этой необъятной красотой. Вся его душа растворилась в ней без остатка.

– Признайтесь как художник художнику: теперь, когда смогли видеть и оценить такую работу, вы все еще рассчитываете соревноваться со мною? – спросил низкотемпературный художник.

– Если честно – нет, – совершенно искренне ответил Янь Дун.

– Так что вам остается лишь смотреть. Вы определенно не способны создать такую красоту. Вы слишком тривиальны.

– Да. Я слишком тривиален. Мы слишком тривиальны. Ну а как иначе? Мы должны поддерживать свою жизнь, жизнь детей и жен.

Янь Дун опустился на толстый слой соли, покрывавший землю, и в печали обхватил голову руками. Это была та глубокая печаль, которая возникает, когда художник видит красоту, которую не способен создать, когда он понимает, что никогда не сможет преодолеть свои ограничения.

– А как насчет названия всего этого произведения? Может быть, назвать его… Кольцом мечты? Что скажете?

Янь Дун ненадолго задумался и покачал головой:

– Нет, оно порождено морем, вернее, создано из моря. Нам даже в снах не могло пригрезиться, что в море скрывается не

только та красота, к которой мы привыкли, но еще и такая. Лучше будет назвать кольцо… Море сновидений.

– Море сновидений… отлично, просто отлично. Так мы его и назовем: Море сновидений.

Тут-то Янь Дун вспомнил о возложенной на него задаче.

– Я хотел бы спросить: не могли бы вы, перед тем как расстанетесь с нами, вернуть Море сновидений в его прежнее состояние? Снова сделать его обычным морем?

– Чтобы я самолично уничтожил свое произведение? Это же смешно!

– В таком случае можно ли будет нам самим восстановить наши моря?

– Конечно, можно. Просто верните весь этот лед на планету, и все станет как было прежде.

– Но как же нам это сделать? – спросил Янь Дун, подняв голову. И все человечество вместе с ним замерло, ожидая ответа.

– А я откуда знаю? – равнодушно бросил низкотемпературный художник.

– Еще один вопрос. Как коллеги, мы хорошо знаем, что срок существования произведений из снега и льда всегда очень невелик. И Море сновидений…

– Море сновидений тоже проживет недолго. Светофильтрующая мембрана со временем распадется и перестанет отражать тепло. Но эти ледяные кубики будут таять совсем не так, как ваши ледовые скульптуры. Процесс будет куда более эффектным и величественным. Ледяные блоки начнут испаряться. Внутреннее давление разорвет мембраны. Каждый блок превратится в маленькую комету, и все кольцо затянется серебряным туманом, который постепенно рассеется в пространстве. Ну а Вселенной останется ждать появления моей следующей работы в каком-нибудь отдаленном мире.

– И когда случится это превращение? – дрожащим голосом поинтересовался Янь Дун.

– Светофильтрующая мембрана утратит эффективность… как вы тут время считаете?.. лет через двадцать. О, мы опять говорим о чем угодно, только не об искусстве! Тривиальность, хуже того, пошлость! Ладно, коллега, прощайте навсегда. Наслаждайтесь красотой, а я вас покидаю.

Ледяной шар взмыл в воздух и быстро исчез в небе. Его отбытие сопровождали все крупные астрономические организации; они сошлись на том, что шар устремился строго перпендикулярно к плоскости эклиптики. Удалившись от Солнца на тринадцать астрономических единиц, он разогнался до половины скорости света и вдруг исчез, как будто протиснулся в

невидимую дыру. Исчез и не вернулся.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

Памятник и волновод

Засуха продолжалась уже пять лет.

За окном вагона проносилась иссохшая земля. Стояла середина лета, и нигде не было ни клочка зелени. Все деревья засохли. Землю покрывали трещины, похожие на черную паутину. Все было усыпано песком, который частые суховеи все время переносили с места на место. Янь Дун мог поклясться, что несколько раз видел вдоль железнодорожных путей трупы людей, умерших от жажды, но это могли быть и просто обломанные сухие ветки деревьев, не представляющие собою ничего страшного. Этот суровый, засушливый мир резко контрастировал с серебристым Морем сновидений, парящим высоко в небе.

Янь Дун облизнул пересохшие губы. Он не мог заставить себя отхлебнуть воды из фляжки. Это был четырехдневный паек всей его семьи. Жена всучила ее ему на вокзале. Вчера товарищи по работе бастовали, требуя, чтобы им платили водой. На рынке все меньше и меньше ненормированной воды. Даже богатые не могут ничего купить… Его вдруг хлопнули по плечу. Он повернулся к соседу.

– Эй, да ведь ты же тот самый коллега-скульптор, верно?

Переговоры с низкотемпературным художником прославили Янь Дуна. Поначалу его хвалили за старательность и чуть ли не величали героем. Но после отбытия пришельца положение изменилось. В народе пошли пересуды, что, дескать, это он на Фестивале искусств льда и снега вдохновил низкотемпературного художника на новое творение и что, если бы не он, ничего не случилось бы. Большинство, конечно, понимало, что это полная чушь, но очень уж приятно было иметь козла отпущения. Таким образом он оказался в глазах людей провокатором, убедившим простодушного пришельца показать, что тот может. К счастью, впоследствии появилось много других поводов для беспокойства. О нем постепенно забыли. Однако, как выяснилось, не все, и сейчас его узнали, хоть он и был в темных очках.

– Предложи-ка мне выпить водички, – прохрипел сосед. С его растрескавшихся губ свисали два клочка сухой кожи.

– Вы что, хотите ограбить меня?

– Веди себя разумно, а не то я крикну, кто ты такой.

Янь Дун покорно отдал нахалу свою фляжку. Тот опустошил

ее в один глоток. Все, кто видел происходящее, в изумлении уставились на него. И даже проводник, проходивший по проходу, остановился, не веря своим глазам. Такой расточительности просто нельзя было не удивиться. Так в Океанскую эпоху (такое название само собой присвоилось времени, предшествовавшему появлению низкотемпературного художника) смотрели бы, пожалуй, на богача, которому подают обед за сто тысяч юаней.

Сосед вернул пустую флягу Янь Дуну, похлопал его по плечу и сказал полушепотом:

– Не бери в голову. Все равно скоро все кончится.

Янь Дун отлично понял, что нахал имел в виду.

* * *

На улицах столицы теперь редко можно было увидеть автомобиль. А те немногие, которые пока ездили, были переоборудованы под воздушное охлаждение. Использование обычных автомобилей с жидкостным охлаждением строго запрещалось. К счастью, китайское отделение Всемирной кризисной организации прислало за ним машину – в противном случае он просто не смог бы добраться до его офиса. Не смог бы, и все. По дороге он видел, что песчаные бури засыпали все дороги желтым песком. А вот пешеходов попадалось очень мало. Обезвоженным людям было слишком уж опасно находиться на жарком сухом ветру.

Мир походил на выброшенную на берег рыбу, которая все еще хватает ртом воздух, которым не способна дышать.

Добравшись до Всемирной кризисной организации, Янь Дун сразу же представился начальнику отделения. Тот отвел его в просторный зал и сказал, что тут размещается та самая группа, в которой он будет работать. Янь Дун посмотрел на дверь помещения. На ней, в отличие от всех остальных, не было таблички с названием подразделения. Начальник бюро пояснил:

– Это секретная группа. Все, что делается здесь, строго конфиденциально. Чтобы избежать нежелательной огласки, которая могла бы вызвать даже массовые волнения, мы назвали это подразделение группой «Монумент».

Войдя в зал, Янь Дун обнаружил, что все присутствующие выглядят довольно эксцентрично. Кто-то щеголял непомерно длинными волосами, а у некоторых головы были выбриты наголо, несколько человек были одеты в строгие костюмы, совершенно нехарактерные для этих трудных времен, а на ком-то не было ничего, кроме шорт. Одни казались подавленными, в то время как

другие, напротив, были ненормально возбуждены… На длинном столе посреди зала выстроилось множество моделей странной формы. Янь Дун не мог догадаться, для чего они могли быть предназначены.

Глава отделения представил вновь прибывшего, и начальник группы энергично встряхнул руку Янь Дуна:

– Добро пожаловать, господин Ледяной скульптор! Вы наконец-то получите возможность подробнее рассказать о вдохновении, которое вы получили от инопланетянина. Конечно, на сей раз вам придется работать не со льдом, раз вы не можете использовать лед. Мы хотим создать скульптуру, которая будет существовать вечно.

– Зачем? – недоуменно осведомился Янь Дун.

Руководитель группы посмотрел на главу отделения, потом снова на Янь Дуна.

– Неужели вы еще не поняли? Мы хотим воздвигнуть памятник человечеству.

Янь Дун растерялся еще сильнее.

– Надгробный памятник, – пояснил стоявший поблизости художник. Он был длинноволос, одет в какое-то тряпье и сразу наводил на мысль о декадансе. В одной руке он держал полупустую бутылку гаоляновой водки, к которой, видимо, постоянно прикладывался, поскольку был явно навеселе. Спиртное осталось с Океанской эпохи и теперь стоило намного дешевле воды.

Янь Дун растерянно посмотрел по сторонам.

– Но… но ведь мы еще живы.

– Так ведь, если ждать, пока помрем, мы точно ничего не успеем, – ответил начальник отделения. – Нужно готовиться к худшему и, значит, думать загодя.

Руководитель группы кивнул.

– Это будет итоговое произведение человеческого искусства, и оно должно стать величайшим. А что может быть для художника выше, чем участие в подобном творении?

– Вообще, фигня все это… И даже хуже, – пробурчал длинноволосый, взмахнув бутылкой. – Надгробные памятники ставят для потомков, чтобы им было где помянуть нас. А у нас потомков не останется, так за каким… спрашивается, нам громоздить это надгробье?

– Будьте осторожнее в выражениях. Речь идет о монументе, и только о монументе, – с важным видом поправил его руководитель группы и со смехом повернулся к Янь Дуну: – Однако идею он выдвинул весьма впечатляющую. Он предложил, чтобы каждый житель нашего мира пожертвовал по зубу, из

которых будет собрана гигантская таблица. Если на каждом зубе выгравировать по одному слову, мы таким образом уложим на таблице самую подробную историю человеческой цивилизации. – Он указал на модель, похожую на белую пирамиду.

– Это просто кощунство по отношению к человечеству! – выкрикнул один из бритоголовых. – Ценность человечества заключается в его мозгах, а он хочет увековечить наши рудиментарные зубы!

Лохматый отхлебнул из бутылки.

– Зубы… зубы отлично сохраняются.

– Подавляющее большинство человечества все еще живо, – повторил Янь Дун.

– Но долго ли оно проживет? – сказал длинноволосый художник. Его речь неожиданно сделалась внятной. – Раньше бывали дожди – теперь их нет. Реки высохли. Уже три года как мы не видим урожаев. Девяносто процентов фабрик прекратили производство. И надолго ли нам хватит запасов еды и воды?

– Вот ты, шишка на ровном месте! – без всякого почтения заявил бритоголовый, указав пальцем на руководителя группы. – Уже пять лет тут ошиваешься, а все еще не достал с орбиты даже одного кубика льда.

Начальник расхохотался.

– Если бы это было так просто! Спустить на землю один кубик мы, с современными технологиями, можем без особого труда. Поднатужившись – сотню. Если из кожи вылезем – осилим тысячу. А вот сбросить обратно все двести тысяч блоков льда, которые сейчас крутятся вокруг Земли, – совсем другой вопрос. Если использовать нашу, так сказать, конвенционную технику, один ракетный двигатель сможет затормозить и заставить войти в атмосферу один ледяной блок. То есть нам придется построить невесть сколько многоразовых космических ракет и снова и снова запускать их в космос. Это же колоссальный инженерный проект! А если учесть наш уровень технического развития и доступные ресурсы, то выяснится, что бóльшая часть препятствий на его пути попросту непреодолима. Мы же должны будем при этом спасти экосистему Земли, верно? Но если мы начнем прямо сейчас, нужно будет сбросить половину блоков за четыре года – по двадцать пять тысяч за год. На это уйдет больше ракетного топлива, чем человечество за год тратило бензина в Океанскую эпоху! Вот только это будет совсем не бензин. Это жидкий водород, жидкий кислород, азотноватый ангидрид, несимметричный диметилгидразин и тому подобное. Чтобы все это произвести, понадобится в сотни раз больше энергии и природных ресурсов, чем для производства бензина. Уже по

одному этому план нереален.

Длинноволосый кивнул.

– Говоря высокопарно, Судный день не за горами.

– Вовсе не обязательно, – возразил руководитель. – У нас ведь имеются еще и кое-какие неконвенционные технологии. Это вселяет некоторую надежду. И мы работаем в этом направлении, однако просто обязаны готовиться к худшему.

– Именно поэтому я и приехал сюда, – вставил Янь Дун.

– Чтобы готовиться к худшему? – не без ехидства уточнил длинноволосый.

– Нет, потому что некоторая надежда все же остается. – Он повернулся к руководителю бюро: – Вы пригласили меня сюда, исходя из каких-то своих соображений, но я приехал, руководствуясь собственными. – Он указал на непомерно объемную дорожную сумку. – Проводите меня, пожалуйста, в сектор восстановления океанов.

– Да что тебе там делать? – изумился бритоголовый художник. – Там заседают ученые и инженеры.

– Моя основная специальность – прикладная оптика. – Янь Дун посмотрел куда-то в пространство, за спины художников. – И я способен не только грезить наяву тут, вместе с вами, но и делать что-то полезное.

* * *

Янь Дун был настойчив, и руководитель группы «Монумент» все же отвел его в сектор восстановления океанов. Там царило совсем другое настроение. Все деловито сидели за компьютерами. Посреди зала возвышался питьевой фонтанчик, и ученые могли пить, когда хотели. Поистине королевская щедрость! Но вряд ли следовало этому удивляться – ведь именно на этих людей мир возлагал наибольшие надежды.

Янь Дуна представили начальнику сектора – впрочем, его должность именовалась «ведущий инженер», – и он без предисловий сказал:

– Я привез проект уничтожения ледяного кольца.

Раскрыв сумку, Янь Дун достал оттуда белую трубу в руку толщиной и цилиндр метровой длины. Затем подошел к окну, выходившему на солнечную сторону, высунул цилиндр за окно и встряхнул. Цилиндр развернулся наподобие зонтика с зеркальным покрытием на вогнутой стороне – точь-в-точь параболический рефлектор для солнечной печи. Трубу Янь Дун присоединил к отверстию на дне параболоида и сориентировал

рефлектор так, чтобы солнечный свет сфокусировался на ее конце. Из другого ее конца вырвался тонкий луч света, падавший на пол ослепительно ярким пятном. Поскольку труба стояла не перпендикулярно полу, пятно имело форму вытянутого овала.

– Этот световод сделан из новейшего оптоволокна, – пояснил Янь Дун, – с очень малым коэффициентом затухания. Рабочая оптическая система, конечно, должна быть гораздо больше. Впрочем, в космосе параболический рефлектор даже всего двадцати метров в диаметре может создать на другом конце световода точку с температурой выше трех тысяч градусов.

Янь Дун посмотрел по сторонам. Его демонстрация отнюдь не произвела того эффекта, на который он рассчитывал. Инженеры удостоили его конструкцию лишь беглого взгляда и без единого слова вернулись к своим экранам. Лишь после того как от антистатического покрытия пола поднялась струйка дыма, один из сидевших поблизости подошел к нему и осведомился:

– Что это вы делаете? Впрочем, сомневаюсь, чтобы температура была достаточно высокая.

И он отодвинул световод назад, убрав его грань из фокуса параболического отражателя. Светящееся пятно на полу осталось, но сразу же потемнело и остыло. Янь Дун даже удивился тому, как ловко этот человек управлялся с устройством, которое только что впервые увидел.

Ведущий инженер тоже указал на световод:

– Собирайте свое оборудование и выпейте воды. Мне сказали, что вы приехали на поезде. Неужели железная дорога с Чанчунем еще работает? Вас наверняка мучает жажда.

Янь Дун горел желанием разъяснить суть своего изобретения, но ему действительно очень хотелось пить. А после услышанного пересохшее горло так перехватило, что он не смог выдавить ни звука в ответ.

– Вы молодец! Весьма толковый проект, – сказал ведущий инженер, подавая Янь Дуну стакан с водой. Тот осушил его одним глотком и растерянно посмотрел на начальника:

– Вы хотите сказать, что кто-то уже предложил такое решение?

Ведущий инженер рассмеялся.

– Похоже, что вы, за общением с инопланетянами, стали недооценивать интеллектуальные способности своих сородичей. А ведь с того самого момента, когда низкотемпературный художник запустил на орбиту первый блок, множество народу думает о том, как исправить положение. И предложили множество вариантов. Например, вместо рефлектора предлагали использовать солнечные батареи. Или не волноводы, а провода и

электронагревательные элементы. Преимущество такого подхода в том, что это оборудование проще производить и транспортировать. А недостаток – меньшая, чем у световодов, эффективность. В общем, мы пять лет исследуем этот вопрос. Технология уже продумана до мелочей. И необходимое оборудование по большей части готово.

– Тогда почему же вы еще не начали действовать?

– Если применить этот метод, Земля потеряет двадцать один процент своей воды, – вмешался один из инженеров. – Либо во время движения в виде испаренного пара, либо во время входа в атмосферу в результате высокотемпературной диссоциации.

Ведущий инженер повернулся к нему:

– Вы, наверно, еще не знаете: американцы буквально только что смоделировали процесс на компьютере. Уже в ионосфере и ниже водород, выделяющийся при высокотемпературной диссоциации, сразу же вступит в реакцию с окружающим кислородом и образует воду. Мы слишком завысили расчетные потери в этом процессе. Общий их объем составит не более восемнадцати процентов. – Он повернулся к Янь Дуну: – Но ведь и это очень много.

– Я так понимаю, что у вас есть план, позволяющий вернуть из космоса всю воду?

Ведущий инженер покачал головой:

– Это можно сделать только с помощью двигателя ядерного синтеза. Но пока что мы не в состоянии добиться управляемости этого процесса.

– В таком случае почему вы еще не действуете? Ясно же, что, если и дальше тянуть, Земля останется без единой капли воды.

Собеседник кивнул:

– Да. Мы долго сомневались, но уже решили начать. Очень скоро Земля вступит в бой за собственную жизнь.

Восстановление океанов

Янь Дун остался в секторе восстановления океана ответственным за проверку качества выпускаемых световодов. Пусть эта должность была не из важнейших, он все равно радовался тому, что участвует в работе.

Проект по восстановлению океанов вступил в активную фазу через месяц после того, как Янь Дун приехал в столицу.

Всего за неделю со всех космодромов мира в космос вышли восемьсот тяжелых ракет-носителей, доставивших на орбиту пятьдесят тысяч тонн груза. Затем с североамериканского

космодрома поднялись двенадцать «шаттлов», на которых находилось в общей сложности триста астронавтов. Ракеты направлялись в основном по одной и той же взлетной траектории, и поэтому их инверсионные следы над каждой пусковой площадкой сливались в один, не успевая рассеяться. С орбиты все это походило на паутинки, тянущиеся в космос со всех континентов.

Эти массовые запуски увеличили сразу на порядок космическую активность человечества, но ведь оно по-прежнему пользовалось лишь технологией двадцатого века. Зато люди поняли, что если в существующих условиях весь мир сплотится и предпримет масштабную, хоть и рискованную, акцию, то ему по силам будет все что угодно.

Янь Дун, как и почти весь мир, наблюдал в прямом телеэфире, как на ледяной блок устанавливали первую тормозную двигательную систему.

Чтобы упростить дело, для первого опыта спуска с орбиты выбрали несколько блоков, не вращавшихся вокруг своей оси. Три астронавта высадились на льдину и выгрузили оборудование: похожее на артиллерийский снаряд устройство, способное забуриться в лед, три световода, трубу-дюзу и три сложенных параболических рефлектора. Земляне впервые смогли реально осознать, насколько велики ледяные параллелепипеды, заброшенные в космос. Казалось, будто три человека вступили в хрустальный мир. При ярком свете солнца ледяное поле под их ногами казалось необъятным.

А вокруг, вблизи и вдали, висели в черном небе точно такие же хрустальные миры. Часть из них продолжала вращаться вокруг своей оси. И все эти вращающиеся и невращающиеся глыбы льда сверкали, переливались и отражали солнечный свет. Вокруг стоявших на льду астронавтов шла непрерывная головокружительная пляска светотеневых узоров. Чем дальше, тем меньше казались глыбы, образующие кольцо, но при этом они как будто сходились все ближе и ближе и в конце концов будто сливались в тонкий серебряный пояс, который изгибался и скрывался за краем Земли. А ближайшая глыба находилась всего в трех тысячах метров. Она вращалась вокруг малой оси, и у людей замирали сердца; они ощущали себя муравьями, любующимися небоскребом, который вдруг спятил и принялся выделывать кульбиты. Сила притяжения должна была довольно скоро заставить эти куски льда столкнуться. Тогда светозащитные мембраны порвались бы, льдины рассыпались, а ледяное крошево быстро испарилось бы и исчезло под лучами солнца. В кольце уже случилось два таких столкновения. И для первого опыта по спуску

льда на планету выбрали один из тех блоков, которым грозило скорое разрушение.

Сначала один из астронавтов включил буровое устройство. Крошки льда полетели из-под сверла и закружились в космосе искрящимся вихревым конусом. Буровая головка прорвала невидимую светофильтрующую мембрану и начала погружаться в лед. Сбоку отверстие, уходившее в глубь льда, казалось мутно-белой полосой. Как только бур достиг предписанной глубины, установка переместилась на новое место и просверлила еще одно отверстие. Всего их было сделано четыре; они пересекались в одной точке глубоко во льду. В три отверстия астронавты вставили по световоду, а в четвертое, более широкое, проделанное по направлению орбитального движения глыбы, трубу-сопло. Затем астронавты через специальные тонкие патрубки загерметизировали быстротвердеющей пеной пустоты в скважинах, куда входили световоды. И наконец, они раскрыли параболические отражатели. Отражатели, бесспорно, являлись одним из немногочисленных новейших технических решений, использовавшихся на начальном этапе возрождения океана; большей частью, как отметил начальник сектора при первой встрече с Янь Дуном, применялась техника двадцатого века. А отражатели были чудом, созданным с помощью нанотехнологий. В сложенном виде каждый занимал всего кубический метр, ну а развернутый превращался в параболоид диаметром в пятьсот метров. Три отражателя походили на три серебряных листа лотоса, выросших на глыбе льда. Астронавты отрегулировали каждый световод так, чтобы его приемник совпадал с фокусной точкой отражателя.

Глубоко во льду, там, где встречались скважины, вспыхнул яркий свет. Казалось, будто крошечное солнце озарило внутри ледяной глыбы диковинное зрелище мифических масштабов – косяк серебристых рыб, танцующие морские водоросли, дрейфующие вместе с волнами… Все, что было заморожено за считаные секунды, сохранилось таким, каким было при жизни. Даже струйки пузырьков, вырвавшихся изо рта рыб, были четкими и отчетливыми. В ста с лишним километрах, внутри другой отвоевываемой у космоса ледяной глыбы, солнечный свет, переданный введенными вглубь световодами, обрисовал гигантскую черную тень. Это был синий кит длиной более двадцати метров! Лед, не так давно бывший земным морем, должен был вскоре вернуться к своему прежнему состоянию.

А в глубине этой глыбы сияние несколько ослабло, затуманенное паром. Когда же пар рассеялся, точка превратилась в ярко-белый шар, увеличивавшийся в размерах по мере того, как

таял лед. Вскоре давление достигло заданного уровня, поток пара сорвал крышку с сопла и вырвался наружу. Не имея никаких препятствий на своем пути, пар образовывал острый конус, постепенно рассеивался и в конце концов исчезал в солнечном свете. Впрочем, часть пара попала в тень другой ледяной глыбы и сконденсировалась в ледяные кристаллы, казавшиеся роем мерцающих светлячков.

Таким образом, тормозные двигатели были установлены и запущены на первой партии из ста блоков льда. Для таких массивных объектов тяга была довольно слабой, поэтому льдинам предстояло пробыть на орбите от пятнадцати дней до месяца, прежде чем они замедлятся настолько, чтобы начать спуск в атмосферу. Как только орбитальная скорость каждой глыбы достаточно снижалась, астронавты снова высаживались на нее и извлекали световоды и отражатели. Ведь для того чтобы вернуть на Землю все двести тысяч блоков, это оборудование нужно было использовать не по одному разу, а как можно больше.

С вращающимися блоками дело обстояло куда труднее. Двигательная система должна была сначала остановить их вращение и лишь потом начинать торможение.

Ледяные метеоры

В составе группы сотрудников Кризисного комитета Янь Дун прибыл на равнину на тихоокеанском шельфе, чтобы наблюдать за падением первого роя ледяных метеоров.

То, что несколько лет назад было океанским дном, теперь представляло собой белоснежный простор, отражавший ослепительно яркий солнечный свет. Без темных очков невозможно было открыть глаза. Вроде бы это зрелище должно было заставить Янь Дуна вспомнить о снежных полях родного северо-востока, но он даже не подумал о тех местах, потому что здесь было жарко, как в аду, – около пятидесяти градусов по Цельсию. Горячий ветер поднимал соленую пыль, которая больно жалила лицо. Вдалеке виднелся танкер на сто тысяч тонн, перевозивший нефть. Гигантский корпус, накренившись, лежал на земле. Винт высотой в несколько этажей и руль полностью ушли в слой соли. Еще дальше виднелась непрерывная цепь белых гор. Этот подводный горный хребет никогда прежде не представал человеческим глазам. Янь Дун вдруг вспомнил прочитанное когда-то неизвестно чье двустишье:

Открытое море – суша для лодки,

и горько рассмеялся. Он вместе со всем человечеством переживший трагедию неведомого еще масштаба все же продолжал воспринимать мир как художник.

И тут раздались радостные крики. Янь Дун задрал голову и уставился туда же, куда указывали все. В серебряном кольце льда, пересекавшем небо, появилась яркая красная точка. Вот она отделилась от кольца. Вот превратилась в огненный шар. Вот за огненным шаром потянулся белый инверсионный след. Этот инверсионный след – полоска пара – становился все длиннее и гуще, все плотнее, все белее. Вскоре огненный шар раскололся на десять частей, каждая часть продолжала раскалываться, и за каждым маленьким кусочком тянулся свой длинный белый инверсионный след. Эта паутина следов заполнила половину неба, как будто там нарисовали белую рождественскую елку с маленькой яркой лампочкой на кончике каждой ветки…

За первым метеором последовали следующие. Они врывались в атмосферу с грохотом, сотрясавшим землю, как раскаты весеннего грома. Следы первых падений понемногу рассеивались, но тут же появлялись новые. Они исчертили небо сложной белой сетью. На Землю вернулось несколько триллионов тонн ее воды.

По большей части ледяные метеоры распадались и испарялись в полете, но один большой кусок льда рухнул на землю километрах в сорока от того места, где стоял Янь Дун. Грохот сотряс всю равнину. Над возвышавшимися на горизонте горами поднялось огромное грибовидное облако. Водяной пар сверкал белизной под жаркими солнечными лучами. Довольно скоро его подхватило ветром, и он превратился в первое облачко на удручающе чистом небосводе. Таких облаков становилось все больше и больше, и вот уже одно из них закрыло солнце, которое пять лет беспрепятственно обжигало землю. Вот они затянули все небо. Янь Дун ощутил лицом и легкими приятную свежесть.

Ну а облачность становилась все гуще и темнее. В тучах вспыхивали алые огоньки – может быть, молнии, а может быть, новые ледяные метеоры, летящие к Земле.

И начался дождь! Разразился такой ливень, какие нечасто случались и в Океанскую эру. Янь Дун и все остальные, до единого, как дети, с возбужденными криками носились под хлещущими струями. Они чувствовали, как дождь размягчал очерствевшие души. Но это продолжалось недолго, после всплеска радости люди поспешили укрыться в машинах и вертолетах, потому что первые дожди, вымывавшие из воздуха

всю накопившуюся пыль, должны были быть просто ядовитыми.

Дождь продолжался до самых сумерек. За это время во впадинах океанской равнины появилось немало луж. Сквозь разрывы туч время от времени пробивались золотые мерцающие лучи солнца, как будто Земля наконец открыла глаза.

Янь Дун вместе со всей толпой бежал по густой соленой грязи, направляясь к ближайшей такой впадинке. Он зачерпнул в пригоршню немного воды, вернее, густой соленой жижи, и плеснул ею себе в лицо. Почувствовав, как этот рассол смешался со слезами, он прошептал:

– Океан, наш океан…

ЭПИЛОГ

Десять лет спустя

Янь Дун, закутанный в потрепанное, слишком большое для него теплое пальто, шел по льду реки Сунхуа. На плече у него висела сумка с инструментами, которые он берег пятнадцать лет, – разнообразные ножи и лопатки, молоток и ковшик для поливания. Время от времени он сильно топал по льду, чтобы убедиться, что река действительно замерзла. Вода вернулась в Сунхуа уже пять лет назад, но замерзла она впервые за это время, и лед, похоже, должен был продержаться до лета.

Из-за многолетней засухи, а также потенциальной энергии множества ледяных метеоров, преобразовавшейся в тепло при их прохождении через атмосферу, глобальный климат оставался жарче, чем до явления космического пришельца. Но на заключительном этапе восстановления океана с орбиты сбросили самые большие ледяные глыбы, которые разваливались на более крупные осколки. Большинство из них не растаяло в воздухе, а рухнуло на землю. При этом было разрушено несколько городов и поднялось много пыли, которая экранировала солнечное тепло. По всему миру быстро понижалась температура. Земля вступила в новый ледниковый период.

Янь Дун посмотрел на ночное небо. Звездный пейзаж был таким же, как в годы его детства. Ледяное кольцо исчезло. Можно было различить лишь немногочисленные небольшие ледяные глыбы, почему-то не спущенные с орбиты – их нетрудно было узнать по быстрому движению на фоне звезд. Море сновидений снова превратилось в настоящие моря. Но это великолепное произведение искусства, его жестокая красота и кошмар, вызванный его созданием, навсегда останутся в коллективной

памяти человечества.

Многолетняя операция по восстановлению океана завершилась, но климат Земли теперь будет куда более суровым, чем прежде. Для восстановления экосистемы потребуется много веков. В обозримом будущем существование человечества будет чрезвычайно трудным. Трудным, но все же возможным. Большинство людей было радо и этому. Действительно, эпоха ледяного кольца заставила человечество научиться довольствоваться малым – но не только этому, но и чему-то еще более важному.

Всемирная кризисная организация намеревалась сменить название и впредь именоваться Космической организацией по поиску воды. Она уже рассматривала другой великий инженерный проект: человечество намеревалось полететь к далекому Юпитеру и еще более далекому Сатурну и привезти на Землю лед с их спутников и колец, чтобы восполнить те восемнадцать процентов, что были безвозвратно потеряны в ходе Проекта по восстановлению океана. Сначала предполагалось использовать ту же самую технологию перемещения ледяных глыб. Но, увы, в таком отдалении от Солнца его свет был слишком слаб. Тягу, необходимую для доставки фрагментов колец Сатурна, можно было получить, только используя для испарения льда энергию ядерного синтеза. Что касается воды с лун Юпитера, то для ее получения требовались еще более крупные и сложные технологии. Уже звучали предложения вытащить из глубокого гравитационного колодца Юпитера его спутник Европу, отбуксировать к Земле и сделать вторым спутником. Таким образом Земля получила бы гораздо больше воды, чем те восемнадцать процентов, и ее экосистема превратилась бы в великолепный рай. Естественно, это было делом далекого будущего. Никто из живых не надеялся увидеть это при жизни. Однако эта надежда заставляла людей, невзирая на нелегкую жизнь, чувствовать счастье, которого они никогда раньше не испытывали. Это было самое ценное, что человечество получило от эпохи ледяного кольца: возвращение на Землю Моря сновидений заставило человечество осознать свою собственную силу, научило его мечтать о том, что оно раньше не дерзало даже видеть во сне.

Янь Дун увидел впереди, на льду, группу людей и, оскальзываясь на каждом шагу, направился к ней. А они, завидев его, поспешили навстречу. Кто-то упал, но тут же поднялся и заторопился за остальными.

– Здорово, дружище! – Человек, бежавший первым, крепко обнял Янь Дуна. Тот узнал его. Это был один из судей

многочисленных фестивалей и конкурсов ледовых и снежных скульптур, которые были так популярны до Эпохи кольца. Янь Дун некогда дал себе зарок никогда не разговаривать с судьями из жюри, потому что на предпоследнем фестивале они присудили главный приз молодой скульпторше, несомненно, за милое личико и прекрасную фигуру, а вовсе не за художественные достоинства произведения.

В следующее мгновение он узнал и остальных. В большинстве это были его старые знакомые, ледовые скульпторы из времен, предшествовавших Эпохе кольца. Как и все без исключения в эти дни, они были обряжены в ветхие одежды, а кое-кто даже в лохмотья. Годы и страдания выбелили волосы у них на висках. Янь Дун почувствовал себя так, будто вернулся домой после многих лет скитаний.

– Я слышал, что скоро состоится новый Фестиваль искусств льда и снега? – вопросительным тоном произнес он.

– Конечно. А для чего еще мы тут собрались бы?

– Я подумал… Времена такие тяжелые…

Янь Дун поплотнее запахнулся в свой балахон. Он оделся как можно теплее, но все равно то и дело поеживался и притопывал по льду коченеющими ногами. Остальные вели себя точно так же: ежились и приплясывали, словно нищие, выпрашивающие милостыню в морозный день.

– Да, времена тяжелые – ну и что из того? Неужели в тяжелые времена следует отказываться от искусства? – стуча зубами, выговорил пожилой скульптор.

– Да ведь искусство – единственный смысл существования человечества, – бросил кто-то.

– Да что там, у меня множество причин, одна другой важнее, – повысив голос, заявил Янь Дун.

Все расхохотались и вдруг умолкли, погрузившись в воспоминания о десяти с лишним годах по-настоящему тяжелых времен. Каждый перебирал, одну за другой, причины, побудившие его вернуться к давнему творчеству. Так или иначе, они из счастливцев, переживших ужасную катастрофу, вновь стали художниками.

Янь Дун достал из сумки бутылку гаоляновой водки. Все с удовольствием согрелись, отхлебывая по глотку и передавая бутылку соседу. Потом разожгли костер на широком берегу реки и долго грели у огня бензопилу, пока она не соизволила завестись на лютом морозе. Потом опять сошли на замерзшую реку. Пила со злобным ревом вгрызалась в лед. Белые крошки летели в стороны. И вскоре они оттащили в сторону первый блок мерцающего, как бы флуоресцирующего льда из реки Сунхуа.

Поэтическая туманность [70]

ИИ с двумя своими спутниками пересекал на яхте Южную Пасифиду. Целью этого путешествия, предпринятого во имя поэзии, был Южный полюс. Чтобы добраться туда, им потребуется несколько дней, а потом нужно будет преодолеть земную кору и увидеть Поэтическую туманность.

Нынче и небо, и море были ясными. Казалось, ради стихотворчества мироздание одело планету в стекло. Посмотрев вверх, можно было с редкой ясностью разглядеть в небе Североамериканский континент. На огромном, охватывающем весь мир куполе, если смотреть из Восточного полушария, он выглядел пятном отвалившейся штукатурки на стене.

Да, человечество теперь обитало внутри Земли. Точнее говоря, человечество обитало внутри Воздуха, потому что Земля представляла собой воздушный шар. Из планеты выскребли все содержимое, оставив лишь тоненькую – в сотню километров – корочку. Материки и океаны остались на прежних местах, только перевернулись и теперь смотрели внутрь шара. И атмосфера тоже осталась – но внутри. И океаны липли к внутренней поверхности сферы. Полая Земля продолжала вращаться, но смысл этого движения был совсем иным – оно создавало притяжение. Естественное притяжение тоненькой скорлупки – земной коры – было очень слабым, почти неощутимым, поэтому «гравитацию» на Земле приходилось создавать центробежной силой, возникающей при вращении. Но эта «гравитация», естественно, действовала очень неравномерно. Сильнее всего она ощущалась на экваторе, где была в полтора раза сильнее прежней, земной. По мере увеличения широты притяжение постепенно уменьшалось, а на полюсах была невесомость. На той широте, где сейчас находилась яхта, притяжение составляло 1 g по прежней шкале, но И И так и не смог вызвать в себе ощущения, будто стоит на старой твердой Земле.

В центре полой Земли висело крошечное Солнце, создававшее в мире день и ночь. Яркость его свечения плавно изменялась по двадцатичетырехчасовому циклу от наивысшей яркости до полной темноты. В определенные ночи на поверхность изливался даже холодный лунный свет. Но он исходил из одной точки, и увидеть круглую полную луну было невозможно.

Из троих пассажиров яхты двое вообще-то людьми не были. Один, с говорящим именем Большезуб, был динозавром. При каждом движении его десятиметрового тела яхта опасно раскачивалась, вызывая раздражение у того, кто декламировал

стихи, стоя на носу, – высокого тощего человека, облаченного в архаичный просторный халат по моде эпохи Тан. Ветер развевал его длинные снежно-белые волосы и бакенбарды. Он походил на висящий между морем и небом иероглиф, начертанный самым высокопарным из стилей китайской каллиграфии.

Это был создатель нового мира, великий поэт Ли Бай.

Дар

Вся история началась десять лет назад, когда Пожирающая империя завершила разграбление Солнечной системы, продолжавшееся два века. Динозавры, впервые покинувшие Землю в незапамятном прошлом, погрузились на мир-кольцо диаметром пятьдесят тысяч километров и отправились в сторону созвездия Лебедя. Пожирающая империя также взяла с собой 1,2 миллиарда человек, чтобы разводить их в качестве пищевого скота. Однако, достигнув орбиты Сатурна, мир-кольцо вдруг начал сбавлять скорость, а затем, хоть это и казалось совершенно невероятным, повернул обратно, во внутреннюю часть Солнечной системы.

Через неделю по времени мира-кольца после того, как Пожирающая империя легла на возвратный курс, эмиссар Большезуб вылетел с кольца на своем космическом корабле, похожем на старинный дровяной кипятильник, и привез в кармане человека по имени И И.

– Ты будешь подарком! – сообщил Большезуб, глядя в черную бездну, разворачивавшуюся за иллюминатором. От его ухающего голоса у И И дребезжали все кости.

– Кому? – заорал И И из кармана, запрокинув голову. В прорезь он видел только нижнюю челюсть динозавра, похожую на здоровенную скалу, торчащую над краем обрыва.

– Тебя преподнесут богу! Бог прибыл в Солнечную систему. Поэтому и империя вернулась.

– Настоящему богу?

– Их раса владеет невообразимыми технологиями. Они преображаются в сгустки чистой энергии и могут в мгновение ока переноситься с одного конца Млечного Пути на другой. Так что они самые настоящие боги, и с этим не поспоришь. Если нам удастся приобщиться к сотням их сверхпродвинутых технологий, Пожирающей империи гарантировано блестящее будущее. Мы уже на финальном этапе этой наиважнейшей миссии. Тебе следует понравиться богу!

– Но почему вы выбрали меня? У меня же низкосортное

мясо, – сказал И И. Ему было хорошо за тридцать. В Пожирающей империи ценили нежное, белое, молодое мясо, а он был старым и невкусным.

– Бог не ест букашек, а только собирает их. А я слышал от скотоводов, что ты очень необычный. Наверное, у тебя много учеников, да?

– Я поэт. И до последнего времени преподавал классическую литературу людям в загонах. – И И с трудом выговорил слова «поэт» и «литература» – в языке пожирателей они относились к числу самых редко используемых.

– Дурацкое, никчемное времяпрепровождение. Скотоводы закрывают глаза на эти занятия только потому, что какой-то странный духовный эффект от них улучшает вкус мяса… Как я заметил, ты очень высокого мнения о себе и мало замечаешь остальных. Интересно было бы узнать, откуда у пищевого скота берутся такие повадки.

– Все поэты такие! – И И выпрямился в кармане во весь рост и, хоть и знал, что Большезуб не смотрит на него, гордо вскинул голову.

– Твои предки участвовали в Войне в защиту Земли?

И И мотнул головой:

– Мои предки в ту эпоху тоже были поэтами.

– Самая бесполезная порода букашек. Насколько я знаю, она всегда была редкой на Земле.

– Они жили в мире самого сокровенного самоуглубления, куда не доходили перемены, происходящие во внешнем мире.

– Бесстыдство… О, мы уже почти приехали.

Услышав это, И И все же высунул голову из кармана. В широкий иллюминатор прямо по курсу были видны два сверкающих белых объекта, плавающих в космосе, – квадрат и сфера. Когда космический корабль поравнялся с квадратом, тот на мгновение пропал из виду. В этом, впрочем, не было ничего удивительного, поскольку квадрат практически не обладал толщиной. Теперь перед кораблем маячила идеальная сфера. И она, и квадрат сияли ровным, мягким белым светом, так хорошо распределенным, что невозможно было выделить ни единой неровности, ни единого заметного места. Они выглядели так, будто их извлекли из компьютерной базы данных, – два подчеркнуто лаконичных выражения совершенно абстрактных концепций в беспорядочной Вселенной.

– И где же бог? – спросил И И.

– Эти два геометрических объекта, конечно. Боги любят простоту и порядок.

Когда они приблизились вплотную, И И увидел, что квадрат

величиной примерно с футбольное поле. Космический корабль опустился дюзами вниз, но пламя не оставило на поверхности никакого следа, как будто ракета была всего лишь иллюзией. И все же И И ощутил притяжение объекта, и сотрясение, с которым космический корабль соприкоснулся с его поверхностью, было вполне реальным.

Большезуб явно уже бывал здесь; он без колебаний вышел наружу. У И И сердце зашлось, когда он увидел, что динозавр решительно повернул рукоятки по обе стороны выходного люка, даже не закрыв воздушный шлюз, но против его ожидания воздух не вырвался в космос с яростным ревом. Когда Большезуб покинул корабль, И И ощутил, как в карман, где он сидел, хлынул свежий воздух, и, высунувшись, почувствовал лицом прикосновение ласкового прохладного ветерка. Это была какая-то сверхпередовая технология, не доступная ни людям, ни динозаврам. Ее применение – вот так, между делом, – ошеломило И И и вошло ему в сердце, пожалуй, даже сильнее, чем когда-то человечество поразило первое столкновение с пожирателями. Он посмотрел вверх. Сфера плавала точно над головой на фоне сияющего Млечного Пути.

– Каким подарочком ты хочешь порадовать меня на сей раз, эмиссар? – спросил бог на языке пожирателей. Его негромкий голос как будто доносился невесть откуда, из бездны дальнего космоса. Тогда И И впервые узнал, что грубая речь динозавров может звучать приятно для слуха.

Большезуб запустил коготь в карман, подцепил И И и поставил его на пол. И И ощущал ногами эластичную поверхность.

– Уважаемый бог, – сказал Большезуб. – Я слышал, что вы коллекционируете мелкие организмы из различных звездных систем, и поэтому привез вам эту забавную мелочь – человека с Земли.

– Меня интересуют только *безукоризненные* организмы. Зачем же ты привез мне это мерзкое насекомое? – сказал бог. Сфера и плоскость дважды мигнули; возможно, это было выражением неудовольствия.

– Вы знаете об этой расе? – в изумлении вскинул голову Большезуб.

– Не сказать чтобы много, но кое-что слышал о ней от различных путешественников, побывавших в этом рукаве галактики. Как ни коротка эволюция этих организмов, но на них успели немало насмотреться, и у всех вызывали отвращение вульгарность их мыслей, низость их поступков, беспорядочность и гадостность их истории. Ни один из посетителей не пожелал

снизойти до контакта с ними; скорее уж думали, не уничтожить ли их планету. Выброси это поскорее.

Снова подхватив И И, Большезуб закрутил массивной головой в поисках места, куда бы выбросить его.

– Дезинтегратор сзади тебя, – подсказал бог. Большезуб обернулся и увидел, что за его спиной в идеальной плоскости открылось небольшое круглое отверстие. Внутри мерцал бледно-голубой свет.

– Вы слишком низкого мнения о нас! Человечество создало замечательную цивилизацию! – изо всех сил заорал И И на языке пожирателей.

Сфера и плоскость снова дважды мигнули. Бог издал два холодных смешка.

– Цивилизацию? Эмиссар, объясни этому насекомому, что такое цивилизация.

Большезуб поднял И И на уровень своих глаз; человек отчетливо слышал, как что-то басовито похрустывало, когда глазные яблоки гиганта двигались в орбитах.

– Козявка, в этой Вселенной общепринятая единица измерения уровня цивилизации – это количество измерений, которые ей доступны. Чтобы вообще считаться цивилизацией, нужно уметь пользоваться хотя бы шестью. Наш глубокоуважаемый бог владеет одиннадцатью. Пожирающая империя в лабораторных экспериментах прикоснулась к четвертому измерению, и нас пока что считают лишь примитивным, нецивилизованным племенем Млечного Пути. Ну а вы в глазах бога ничуть не лучше мхов и лишайников.

– Выброси эту гадость! – нетерпеливо потребовал бог.

Завершив презрительную тираду, Большезуб направился к разверзнутой пасти дезинтегратора. И И отчаянно дергался. Из его одежд вывалились и разлетелись бесчисленные листочки исписанной белой бумаги. Из сферы вырвался тонкий, как игла, луч света и уперся в один из листков, который тут же неподвижно застыл в воздухе. А луч стремительно пробежал несколько раз по его поверхности.

– Эй, подожди! Что это такое?

Большезуб остановился, небрежно держа подцепленного одним когтем за шиворот И И прямо над жерлом дезинтергатора, и повернулся к сфере.

– До… домашние задания моих учеников! – с трудом выговорил И И, болтаясь в гигантской лапище динозавра.

– Эти угловатые символы очень интересны, и матрицы, которые они образуют, также весьма занимательны, – сказал бог. Тот же луч стремительно просканировал остальные листочки,

которые к тому времени успели упасть на пол.

– Это знаки ки… китайской письменности. Тут записаны классические китайские стихи.

– Стихи?! – воскликнул бог и погасил свой исследовательский лучик. – Эмиссар, думаю, ты понимаешь язык этих насекомых?

– Конечно, глубокоуважаемый бог. До того как Пожирающая империя съела Землю, мы довольно долго прожили в их мире. – Большезуб поставил И И на пол рядом с дезинтегратором, наклонился, поднял один из листочков, поднес его к глазам и стал вглядываться, с трудом разбирая мелкие значки. – Это можно перевести примерно так…

– Прекратите! Вы извратите и содержание, и форму! – закричал И И. Он даже руками замахал, стараясь прервать динозавра.

– Это почему же? – спросил явно заинтересовавшийся бог.

– Потому что этот вид искусства можно воплотить только на классическом китайском языке. Даже при переводе их на другие человеческие языки стихи настолько меняются, что теряют бо́льшую часть своего смысла и красоты.

– Эмиссар, у тебя ведь имеется этот язык в компьютерной базе данных? Пришли мне релевантную информацию, а заодно и все имеющиеся у тебя сведения об истории Земли. Воспользуйся тем же самым каналом связи, который мы наладили при прошлой встрече.

Большезуб рысью побежал в корабль и кинулся к компьютеру, приговаривая:

– Классического китайского языка у нас тут нет, но ничего, сейчас загрузим из сети империи. Задержечка будет, задержечка…

Через открытый люк И И видел, как в глазищах динозавра отражался неровно мерцающий свет экрана.

К тому времени, когда Большезуб вылез из корабля, бог уже начал декламировать с безупречным современным китайским произношением записанное на листочке стихотворение:

– Бай жи и шань цзинь,
Хуан хэ жу хай лю,
Юй цюн цянь ли му,
Гэн шан и цэн лоу.

– Как быстро вы учитесь! – воскликнул И И.

Бог промолчал, как будто ничего не слышал.

Большезуб взялся за перевод:

– Здесь рассказывается о том, что звезда скрылась за горами, возвышающимися над поверхностью движущейся по орбите планеты. Поток жидкости под названием Желтая река течет по направлению к океану. Ах да, и река, и океан заполнены химическим соединением, состоящим из одного атома кислорода и двух атомов водорода. И если кто-то захочет увидеть дальше, ему придется подняться на верхнюю поверхность искусственного сооружения.

Бог снова промолчал.

– Глубокоуважаемый бог, вы не так давно соизволили посетить Пожирающую империю. Пейзаж там почти идентичен пейзажу того мира, который описала козявка, сочинившая это стихотворение, – горы, реки и моря, так что…

– Так что, о чем рассказывается в стихотворении, я понял, – перебил его бог. Сфера внезапно переместилась и оказалась точно над головой Большезуба. И И подумал, что это больше всего похоже, будто динозавра рассматривает гигантский глаз без зрачка. – Но не почувствовал ли ты кое-что еще?

Большезуб недоуменно покачал головой.

– Там есть нечто, так сказать, скрытое за прямым содержанием этого простого элегантного набора угловатых символов.

Большезуб, похоже, еще сильнее растерялся, и бог продекламировал еще одно классическое стихотворение:

– Цянь бу цзянь гу жэнь,
Хоу бу цзянь лай чжэ,
Нянь тянь ди чжи ю ю,
Ду цан жань эр ти ся.

Большезуб кинулся переводить:

– А здесь говорится, что, когда смотришь перед собой, не видишь тех козявок, живших на планете в далеком прошлом. А оглянувшись назад, не видишь козявок, которые только будут когда-нибудь жить на планете. Тогда ты понимаешь, что время и пространство безмерно велики и остается только плакать.

Бог задумался.

– «Плакать» – совершать единственный физиологический процесс, который служит у козявок для выражения печали. При этом их органы зрения…

– Ты все еще ничего не чувствуешь? – перебил его бог. Сфера опустилась еще ниже и уже почти касалась вытянутой морды Большезуба.

Динозавр решительно мотнул головой:

– Глубокоуважаемый бог, я не думаю, что тут может быть что-то спрятано. Всего лишь простенький пустой стишок.

Бог прочитал еще несколько стихотворений подряд. Все они были короткими и простыми, но все же содержали в себе какую-то духовную составляющую, которая далеко выходила за пределы того, что излагали слова. Он продекламировал «Плыву в Цзянлин», «Размышления тихой ночью» и «Пожелание доброго пути Мэн Хаожаню возле Башни Желтого журавля» Ли Бая, «Снег над рекой» Лю Цзунъюаня, «Башни Желтого журавля» Цуй Хао, «Весенний рассвет» Мэн Хаожаня и многое другое.

– У Империи пожирателей имеется множество исторических эпических поэм длиной в миллионы строк. Мы с радостью преподнесем их вам, глубокоуважаемый бог! По сравнению с ними стишки этих козявок так же примитивны и жалки, как и их технологии…

Сфера неожиданно покинула свое положение над мордой Большезуба и совершила какой-то легкомысленный вираж.

– Эмиссар, я знаю, что твой народ больше всего на свете желает узнать: «Пожирающая империя существует уже восемь миллионов лет. Почему же ее технология замерла на уровне атомного века?» Так вот, теперь я знаю ответ на этот вопрос.

Большезуб уставился на сферу горящими глазами.

– Глубокоуважаемый бог, этот ответ имеет для нас жизненно важное значение! Позвольте…

– Глубокоуважаемый бог! – крикнул И И, высоко подняв руку. – У меня тоже есть вопрос. Позвольте и мне сказать!

Большезуб сверкнул на него глазами так, что стало ясно: ему больше всего на свете хочется одним глотком покончить с наглой козявкой. Но бог сказал:

– Я все так же презираю земных насекомых, но несколько наборов ваших символов заслужили для тебя это право.

– У всех ли рас Вселенной существует искусство?

Висевшая впереди и сверху сфера вдруг мелко, но редко завибрировала, как будто кивая.

– Да. По правде говоря, я как раз занимаюсь исследованием и коллекционированием искусств в межгалактических масштабах. В своих путешествиях я встречал у многочисленных цивилизаций самые разные искусства. Большинство из них воплощается в громоздких, тяжеловесных малопонятных конструкциях. Но чтобы вот так, используя минимум символов, собранных в маленький и хитроумно построенный набор, охватить такие богатые сенсорные слои и тонкий смысл, все время действуя в соответствии с буквально садистически строгими формальными правилами и схемами рифмовки… Надо сказать, что такого я еще не видел…

Эмиссар, можешь теперь выбросить насекомое.

Большезуб снова подцепил И И когтями.

– Вы, как всегда, правы, глубокоуважаемый бог, его надо выбросить. В центральной сети Пожирающей империи хранится весьма обширный свод информации о человеческой цивилизации. Все эти ресурсы теперь скопированы в вашу память. Ну а эта козявка все равно вряд ли знает что-нибудь, кроме нескольких стишков. – Эту фразу он произнес, направляясь вместе с И И к дезинтегратору.

– И бумагу тоже выброси, – приказал бог. Большезуб поспешно вернулся и принялся свободной лапой поднимать с пола листочки. Тут И И, стиснутый несокрушимыми когтями, снова заорал:

– О бог, сохрани эти листы с древними стихами человечества как экспонат! Ты ведь нашел непревзойденное искусство и сможешь распространить его во Вселенной!

– Погоди! – снова остановил бог Большезуба. И И повис прямо над жерлом дезинтегратора, ощущая жар, испускаемый голубым пламенем. Сфера в очередной раз проплыла в воздухе и остановилась в нескольких сантиметрах перед его лбом. И И подумал, что громадный глаз без зрачка впервые рассматривает его, как немного раньше – Большезуба, и ощутил давление этого взгляда.

– Непревзойденное? – расхохотался Большезуб. – Неужели ты, жалкое существо, даже сейчас, перед лицом могущественного бога, можешь верить в те глупости, о которых болтаешь? Это же смешно! Что осталось от вашего так называемого человечества? Ничего у вас на Земле не осталось! Даже то, что вы называли наукой, почти забыто. Однажды за обедом я спросил человечка, которого собирался съесть, из чего были сделаны атомные бомбы, которые людишки использовали, пытаясь обороняться от нас. И он ответил: они были сделаны из атомов!

– Ха-ха-ха!.. – Бог расхохотался почти одновременно с Большезубом; сфера завибрировала так энергично, что растянулась в эллипсоид. – Определенно, это самый точный из возможных ответов. Ха-ха-ха…

– Глубокоуважаемый бог, от этих грязных козявок не осталось ничего, кроме нескольких крошечных стишков! Ха-ха-ха…

– Но их невозможно превзойти! – провозгласил И И, выпятив грудь, насколько позволяли державшие его когти.

Колебания сферы прекратились, и она произнесла чуть ли не интимным шепотом:

– Технология способна превзойти все что угодно.

– Они не имеют никакого отношения к технологии. Это

квинтэссенция духовного бытия людей. Их невозможно превзойти!

– Ты так говоришь, букашка, только потому, что никогда не видел истинной мощи технологии. Жалкая мелкая букашка. Ты ничего не видел. – Бог говорил чуть ли не ласковым тоном, как любящий отец мог бы вразумлять малолетнего сына, но И И содрогнулся от пронзившего все его тело леденящего холода. – Взгляни на Солнце, – велел бог.

И И повиновался. Они находились в вакууме между орбитами Земли и Марса. Ослепительное сияние Солнца заставило его сильно прищуриться.

– Какой твой любимый цвет? – спросил бог.

– Зеленый.

Едва успел он произнести это слово, как Солнце сделалось зеленым. Оттенок завораживал; Солнце напоминало кошачий глаз, парящий в пустоте космоса. Под его пристальным взглядом вся Вселенная выглядела странной и зловещей.

Большезуб содрогнулся, непроизвольно разжал когти и выронил И И на пол. Когда и к человеку, и к динозавру вернулась способность здраво соображать, они обратили внимание на еще более невообразимый факт: свету, чтобы дойти от Солнца сюда, потребовалось бы более десяти минут, и все же изменение произошло мгновенно.

Через полминуты Солнце вернулось в свое прежнее состояние, и от него снова пошел бриллиантово-белый свет.

– Видишь? Вот что такое технология. Это сила, позволившая моей расе превратиться из моллюсков, копошащихся в океанском иле, в богов. Технология же сама по себе – истинный Бог. И мы все преданно поклоняемся ему.

И И поморгал полуослепшими глазами.

– Но этот бог не в состоянии превзойти вершины искусства. У нас тоже имеются боги, они живут в нашем сознании. Мы поклоняемся им, но не допускаем мысли, будто они способны написать такие стихи, как у Ли Бая или Ду Фу.

Бог холодно рассмеялся.

– Просто невыносимо упрямое насекомое, – сказал он И И. – От этого ты делаешься еще противнее. Но я, пожалуй, просто чтобы убить время, быстренько превзойду твое искусство расстановки значков.

И И тоже рассмеялся.

– Это невозможно. Прежде всего, вы не человек и поэтому не способны испытывать те чувства, которые знакомы человеческой душе. Для вас человеческое искусство – всего лишь цветок, выросший на каменной глыбе. И одолеть это препятствие вам не

поможет никакая технология.

– Технологии так же просто преодолеть это препятствие, как тебе – щелкнуть пальцами. Дай мне твою ДНК.

И И растерялся.

– Дай богу один волос со своей головы! – рявкнул на него Большезуб. И И поспешно вскинул руку и вырвал волос, который невидимая сила тут же выхватила у него из пальцев и втянула в сферу. Через несколько секунд волосок выпал оттуда и плавно опустился на пол. Судя по всему, бог взял всего лишь микроскопический кусочек вещества из оболочки корня.

Затем сфера вспыхнула мягким белым светом и постепенно просветлела. Ее заполняла прозрачная жидкость, в которой пробегали цепочки пузырьков. Затем И И разглядел в середине комочек размером с куриное яйцо, окрашивающий бледно-красным проходивший сквозь него солнечный свет, будто сам светился изнутри. Этот комочек рос прямо на глазах. И И понял, что это свернувшийся колечком эмбрион с плотно зажмуренными выпирающими глазами и перекрещенной красными кровеносными сосудами огромной по сравнению с тельцем головой. И этот эмбрион стремительно рос. В конце концов крохотное тельце развернулось и принялось плавать по-лягушачьи внутри сферы. Жидкость постепенно мутнела, так что проходящий сквозь нее солнечный свет обрисовывал лишь нечеткий силуэт, который продолжал увеличиваться и в конце концов сделался плавающим человеком. Тогда сфера вновь сделалась непрозрачной, и из нее на пол выпал голый мужчина.

Клон И И неуверенно поднялся на подкашивающиеся ноги; его мокрая кожа блестела в солнечном свете. Он был длинноволос и длиннобород, однако на вид ему было самое большее немного за сорок. Он был похож на И И только худобой.

Клон застыл в неудобной позе, глядя куда-то вдаль, будто вовсе не замечал Вселенной, в которой только что появился. Сфера над его головой стала меркнуть и, перестав светиться, вдруг бесследно исчезла. Но почти сразу же И И заметил, как начало светиться что-то другое, и понял, что это глаза клона. Если в первые секунды взгляд «новорожденного» был откровенно туп, то теперь он наполнился поистине божественной мудростью. Тут И И откуда-то стало ясно, что бог наверняка должен был скопировать в клонированное тело всю его память.

– Холод… значит, это и есть холод? – По белой платформе пронесся ветерок. Клон дрожал, обхватив руками костлявые плечи, но говорил он с неподдельными интересом и удивлением. – Это холод! Это боль, безукоризненная, безупречная боль, ощущение, которое я искал среди звезд, пронизывающее,

словно десятимерная струна, протянутая сквозь время и пространство, прозрачное, как алмаз чистой энергии в сердце звезды, ах… – Он распростер тощие руки и вскинул голову к Млечному Пути. – Цянь бу цзянь гу жэнь, хоу бу цзянь лай чжэ, нянь юй чжоу чжи… – Тут его так затрясло, что зубы застучали, и он перестал комментировать в стихах свое рождение и побежал к дезинтегратору греться.

Все так же дрожа, клон сунул руки прямо в люк, туда, где играло голубое пламя, и сказал, повернувшись к И И:

– Вообще-то, я всегда поступаю именно так. Изучая и коллекционируя искусство какой-нибудь цивилизации, я всегда загружаю свое сознание в организм какого-нибудь из ее представителей, обеспечивая тем самым полное понимание искусства.

Пламя внутри дезинтегратора внезапно стало намного ярче. И пол вокруг люка тоже залил разноцветный свет, так что И И показалось, что вся плоскость – это лист матового стекла, плавающий в море огня.

– Дезинтегратор превратился в синтезатор, – шепнул Большезуб, немного наклонившись к И И. – Бог осуществляет преобразование энергии в вещество. – Увидев, что И И не понял сказанного, он раздраженно добавил: – Идиот! Он делает всякие вещи прямо из энергии; такое только богу под силу!

Внезапно из синтезатора вылетела какая-то белая масса, на мгновение зависла в воздухе и начала разворачиваться на лету. Это была одежда. Клон поймал ее, не дав опуститься на пол, и быстро оделся. И И увидел, что это свободный белый шелковый, с лаконичной отделкой из широкой черной полосы по краям халат в стиле эпохи Тан. И, невзирая на то что несколько минут назад клон выглядел просто жалко, сейчас, в халате, он стал подобен небесному мудрецу. И И, хоть и видел все своими глазами, никак не мог поверить, что это роскошное одеяние сделано всего-навсего из голубого пламени.

А синтезатор уже выдал другой предмет. Что-то черное вылетело из люка и громыхнуло по полу, как камень. И И метнулся туда и поднял предмет. Ладно, зрение могло и обмануть, но осязание не ошибалось – он держал в руке тяжелую каменную тушечницу, которая к тому же была холодна как лед. Рядом с ним на пол брякнулось что-то еще; И И поднял небольшой черный брикетик. Тут уж никаких сомнений быть не могло – это тушь! Далее последовали несколько кисточек, футляр для них, лист снежно-белой тутовой бумаги (бумага из огня!) и несколько декоративных, старинных на вид статуэток. Последний предмет оказался самым большим – старомодный письменный

стол! И И с помощью Большезуба торопливо поставил его на ножки и разместил на столешнице все созданное раньше.

– Энергии, которая потребовалась на создание всего этого, хватило бы, чтоб обратить в пыль целую планету, – шепнул Большезуб немного дрожащим голосом.

Клон подошел к столу, удовлетворенно кивнул, увидев, как на нем все расположено. Погладил одной рукой только что просохшую бороду.

– Я – Ли Бай.

И И внимательно осмотрел клона.

– Вы имеете в виду, что хотите стать Ли Баем, или действительно считаете, что вы – это он?

– Я Ли Бай, без всяких оговорок. Ли Бай, который превзойдет Ли Бая!

И И рассмеялся и покачал головой.

– Ты все еще сомневаешься во мне?

И И кивнул.

– Охотно признаю, что ваша технология намного превосходит все, что я способен постичь. Она укладывается разве что в человеческие представления о магии и божественных деяниях. Вы поразили меня даже в области искусства и поэзии. Несмотря на непомерный культурный, пространственный и временной разрыв, вам удалось ощутить потаенные нюансы классической китайской поэзии… Но понять Ли Бая – это одно, а превзойти его – совсем другое. Я остаюсь при своем убеждении, что вы имеете дело с непревзойденным произведением искусства.

На лице клона – Ли Бая – мелькнула и тут же пропала непонятная усмешка. Он ткнул пальцем в сторону стола, рявкнул: «Разотри тушь!», отвернулся и направился к краю плоскости. Остановившись на самом краю, он уставился на Млечный Путь и погрузился в раздумья, неторопливо поглаживая бакенбарды.

И И взял стоявший на столе исинский глиняный кувшин, капнул воды в углубление тушечницы и принялся тереть край бруска туши о камень. Ему никогда в жизни не доводилось этим заниматься, и он неловко скреб тушь о камень, стачивая уголки. Глядя, как густеет и темнеет жидкость, И И думал о том, что сейчас находится на расстоянии полутора астрономических единиц от Солнца, на бесконечно тонкой плоскости, в бескрайнем космическом пространстве. (И даже в то время, когда эта плоскость создавала вполне материальные вещи из чистой энергии, удаленный зритель воспринял бы ее как не имеющую объемного измерения.) Это была парящая в пустоте Вселенной сцена, на которой динозавр, человек, выращенный этими самыми динозаврами как домашний скот, который они пожирали заживо,

и технологический бог в старинной одежде, намеревающийся превзойти Ли Бая, импровизировали затейливую театральную пьесу. И И покачал головой и почти незаметно рассмеялся.

Решив, что тушь готова, И И выпрямился и остановился рядом с Большезубом. К тому времени ветерок на плоскости совсем утих. Ровно светили Солнце и Млечный Путь; казалось, что Вселенная замерла в предвкушении.

Ли Бай неподвижно стоял на краю плоскости. Воздух над нею практически не рассеивал свет, и фигура не имела полутонов. Если бы не движения руки, продолжавшей неторопливо оглаживать бакенбарды и бороду, ее можно было бы принять за каменное изваяние.

И И и Большезуб терпеливо ждали. Безмолвно текло время. Тушь на лежавшей на столе кисти начала подсыхать. Солнце плавно перемещалось по небу; от стола и космического корабля тянулись длинные тени, а расстеленный на столе белый лист бумаги казался частью плоскости.

В конце концов Ли Бай повернулся и медленно направился к столу. И И поспешно вновь смочил кисть тушью и обеими руками поднес ее поэту, но Ли Бай жестом отстранил его и снова застыл, глядя на лежавший на столе белый лист бумаги. В его взгляде появилось какое-то новое выражение.

И И с тайным злорадством понял, что это растерянность и тревога.

– Мне нужно еще кое-что. Это… хрупкие предметы. Приготовьтесь поймать их. – Ли Бай указал на синтезатор. Приугасшее в нем пламя вновь взметнулось. Едва успели человек и динозавр кинуться к раскрытому люку, как язык пламени выкинул оттуда что-то круглое. Большезуб ловко поймал предмет на лету. Оказалось, что это большой глиняный кувшин. Следом из голубого пламени вылетели три чаши внушительных размеров. Две И И сумел подхватить, но третья упала и разбилась. Большезуб отнес кувшин на стол, аккуратно вынул из горлышка пробку – и оттуда хлынул сильный приятный запах. Большезуб и И И недоуменно переглянулись.

– В базе данных Пожирающей империи оказалось не так уж много документов о виноделии у людей в ту пору, когда они жили на Земле, так что не уверен, что сделал то, что нужно, – сообщил Ли Бай и жестом указал И И: «Попробуй!»

Тот взял чашу, налил туда немного из кувшина и отхлебнул. Через горло в желудок сразу хлынуло резкое тепло. Он кивнул:

– Это вино. Правда, более крепкое, чем то, что пьем мы для улучшения вкуса мяса.

Ли Бай указал на вторую чашу: «Налей!» – и, дождавшись,

пока Большезуб наполнит ее до краев, поднял и опорожнил одним глотком. После этого он отвернулся и снова направился к краю площадки, немного покачиваясь на ходу. Снова он остановился на краю и снова уставился на звезды, только на сей раз ритмично раскачиваясь всем телом, словно для него звучала какая-то не слышная больше никому мелодия. Но простоял он так недолго и вскоре вернулся к столу, спотыкаясь на каждом шагу. И И предупредительно подал ему кисть, но он отшвырнул ее в сторону.

– Налей! – потребовал Ли Бай, указав взглядом на пустую чашу…

Через час Большезуб бережно поднял Ли Бая когтистыми лапами и уложил на расчищенный стол, но тот сразу же повернулся и скатился на пол, бормоча при этом что-то на языке, непонятном ни динозавру, ни человеку. Его уже несколько раз вырвало разноцветной массой (хотя никто из двоих присутствовавших при этом не мог сообразить, когда же он успел поесть), при этом он испачкал свой роскошный халат. Через пятна рвоты просвечивал белый свет пола, и получалось нечто вроде абстрактной картины. Губы Ли Бая были черны от туши: осилив четвертую чашу, он все же попытался что-то начертать на бумаге, но в результате просто стучал по столу кисточкой с комком засохшей туши на конце, а потом сунул этот самый комок в рот и попытался размягчить его, как ребенок на первом уроке каллиграфии.

– Глубокоуважаемый бог… – несмело позвал его Большезуб.

– Вьяаакаааа… кьяваааа, – заплетающимся языком отозвался Ли Бай.

Большезуб выпрямился, покачал головой, вздохнул и сказал И И:

– Пойдем отсюда.

Мы пойдем другим путем

Ферма, на которой жил И И, располагалась на экваторе Пожирающей империи. Пока планета находилась во внутренней части Солнечной системы, здесь была красивая, с пышной растительностью, степь между двумя реками. Когда же Пожиратели достигли орбиты Юпитера, началась суровая зима, степь скрылась под снегом, реки замерзли. Людей, которых разводили на этой ферме, переселили в подземный город. Но вскоре после того, как пришел вызов от бога и империя легла на возвратный курс, Солнце вновь стало пригревать и началась

весна. Лед на реках быстро растаял, и степь снова зазеленела.

В хорошую погоду И И в одиночестве жил в несуразном шалаше, который собственноручно построил на берегу реки, возделывал понемногу землю и радовался жизни. Обычному человеку такого ни за что не разрешили бы, но поскольку было признано, что его просветительские лекции по классической литературе благотворно влияют на вкус человеческого мяса, скотовод не препятствовал этому.

Прошло два месяца после того, как И И познакомился с Ли Баем. Приближался час заката, солнце уже коснулось идеально ровной линии горизонта планеты Пожирающей империи, где сходились две реки, в которых пылало отражение заходящего солнца. Ветерок доносил в шалаш отдаленные слабые звуки пения – в степи шло веселье. И И сидел один и играл сам с собой в вейци[71].

Подняв голову, он увидел, что по берегу реки к нему приближаются Ли Бай и Большезуб. Ли Бай заметно изменился с первой встречи: отросшие волосы были взлохмачены, борода стала еще длиннее, а лицо сильно загорело на солнце. На левом плече он нес котомку из грубой дерюги, а в правой руке держал большую бутыль из тыквы. Его щегольской халат превратился в грязную тряпку, плетенные из соломы шлепанцы были сношены почти до дыр. И И казалось, что теперь он гораздо больше похож на человека.

Ли Бай подошел к столику, на котором стояла доска для вейци, и, как обычно, не глядя, поставил тыкву и потребовал: «Чашу!» И И вынес из шалаша две деревянные чаши, Ли Бай откупорил тыквенную бутыль, разлил по чашам вино и вынул из котомки бумажный сверток. Развернув его, И И обнаружил кусок жареного мяса. Оно было уже нарезано и источало аппетитнейший аромат. Не удержавшись, он взял ломтик и принялся жевать.

Стоявший в нескольких метрах Большезуб молча наблюдал за ними. Он знал из прежнего опыта, эта парочка сейчас снова начнет рассуждать о поэзии, а ему этот предмет не был знаком и нисколько не интересовал его.

– Восхитительно! – сказал И И, одобрительно кивнув. – Это мясо тоже сделано прямиком из энергии?

– Нет. Я давно уже веду естественный образ жизни. Ты, может быть, и не знаешь, но довольно далеко отсюда есть пастбище, где разводят самых настоящих земных коров. Я сам готовлю мясо по рецепту «шаньси пинъяо». В нем есть одна хитрость. Когда маринуешь мясо, нужно добавить… – Ли Бай наклонился и заговорщицки прошептал в ухо И И: – Мочу.

И И недоуменно взглянул на него.

– Нужно собрать человеческой мочи и выпарить ее, чтобы остался белый осадок. Он-то и делает мясо красным, сочным и нежным, не позволяет жиру вытапливаться, а тощим частям – делаться жесткими.

– Моча… Но ее-то вы делаете из чистой энергии? – с надеждой спросил И И.

– Я тебе только что сказал: я веду естественный образ жизни. Мне потребовалось немало времени, чтобы собрать мочу на нескольких человеческих фермах. Это старинный кулинарный рецепт, правда, он вышел из употребления задолго до разрушения Земли.

И И только-только успел проглотить мясо и теперь поспешно схватил чашу с вином, опасаясь, что, если сразу не запьет вином съеденное, его вырвет.

Ли Бай ткнул пальцем в тыкву.

– По моему указанию Пожирающая империя построила несколько виноделен, уже способных изготавливать многие из некогда знаменитых на Земле вин. Вот это самая настоящая настойка чжуэцин из гаоляновой водки на листьях бамбука.

И И только сейчас почувствовал, что вино в его чаше сильно отличается от того, которое Ли Бай приносил раньше. Оно было рубиново-зеленым и оставляло сладкое травяное послевкусие.

– Похоже, вы действительно освоили человеческую культуру, – с чувством похвалил он Ли Бая.

– Это еще не все. Я также много занимался самоусовершенствованием. Как ты знаешь, в Пожирающей империи много мест, очень похожих на те, которые Ли Бай видел на Земле. Я созерцал горы и воды, услаждал зрение живописными ландшафтами, пил вино при лунном свете, декламировал стихи на горных пиках, даже имел несколько романтических приключений на разных человеческих фермах…

– Значит, вы наверняка уже готовы показать мне свое поэтическое творчество?

Ли Бай выдохнул и поставил чашу. Потом встал и, волнуясь, обошел вокруг стола.

– Да, я написал несколько стихотворений и уверен, что ты восхитишься ими. Ты, конечно, признаешь, что я замечательный поэт, лучше и тебя, и твоего пращура. Но я не хочу показывать тебе стихи, потому что уверен еще и в том, что ты скажешь, что я не смог превзойти Ли Бая. И я… – Он отвел взгляд, посмотрел вдаль, на померкшее сияние заходящего солнца, и на лице его были растерянность и даже боль. – Я и сам так думаю.

Пение умолкло; танцы в степи кончились. Люди спешили к

обильному ужину. Стайка девушек пробежала к реке, чтобы поплескаться на мелководье у берега. Их головы украшали венки, а тела, словно туманом, были окутаны тонкой газовой материей, которая, насквозь просвечивая в лучах заката, создавала умопомрачительное зрелище. И И показал на одну из них, оказавшуюся ближе всех к его шалашу:

– Разве она не прелестна?

– Конечно, прелестна, – ответил Ли Бай, не понимая, к чему клонит И И.

– А теперь представьте себе, что вы вскрываете ее тело острым ножом, извлекаете все органы до единого, выколупываете глаза из орбит, достаете мозг, отрезаете одну от другой каждую мышцу и частицу жировой ткани в соответствии с их положением и функцией, собираете в два пучка ее кровеносные сосуды и нервы. А в завершение представьте, что вы стелете большое белое полотнище и раскладываете на нем все эти части согласно принципам анатомии. Она и тогда будет казаться вам прелестной?

– Разве можно говорить о таких вещах, когда мы выпиваем? Это отвратительно! – сказал, нахмурившись, Ли Бай.

– Что же здесь отвратительного? Разве это не та самая технология, которой вы поклоняетесь?

– Что ты хочешь сказать?

– Ли Бай видел природу так же, как вы сейчас видите девушек на берегу. Зато с точки зрения технологии природа – это совокупность грамотно организованных элементов, пятнающих кровью белое полотнище. Вот и получается, что технология – это антитеза поэзии.

– И что же ты хочешь мне предложить? – осведомился Ли Бай, поглаживая бороду.

– Я до сих пор уверен, что вы не сможете превзойти Ли Бая, но могу указать вам точку правильного приложения энергии. Технология затуманила вам глаза, она закрывает от вас красоту природы. Следовательно, вам нужно прежде всего позабыть все свои сверхвысокие технологические знания. Уж если вы смогли пересадить в эти вот мозги всю свою память, то, несомненно, сможете изъять оттуда ее часть.

Ли Бай переглянулся с Большезубом, и оба расхохотались.

– Глубокоуважаемый бог, я с самого начала предупреждал вас, что эта козявка очень хитра, – сказал динозавр. – Малейшая неосторожность, и вы угодите в расставленную им ловушку.

– Ха-ха-ха! Он действительно хитер, но в то же время очень забавен, – ответил Ли Бай динозавру, а потом, вновь повернувшись к И И, сказал с холодной насмешкой: – Ты что,

действительно решил, что я пришел сюда, чтобы признать поражение?

– Вы не смогли превзойти вершину человеческой поэзии. Это факт.

Ли Бай резким движением вскинул палец и указал на реку:

– Сколькими путями можно попасть на берег?

И И несколько секунд недоуменно смотрел на Ли Бая.

– По-моему… путь только один.

– Ошибаешься. Путей два. Я могу пойти в эту сторону, – Ли Бай указал прочь от реки, – пройти через всю Пожирающую империю, выйти к реке с другой стороны и переправиться на этот берег. Я могу даже обогнуть по дороге Млечный Путь и все равно попасть туда. С нашими технологиями – как нечего делать. Технологии могут всё! Так что я решил пойти вторым путем!

И И долго обдумывал услышанное, растерянно покачивая головой.

– Да, вы обладаете божественной технологией, это бесспорно, однако я не в состоянии придумать другого пути, который позволил бы превзойти Ли Бая.

Новый Ли Бай поднялся на ноги.

– А ведь это так просто! Превзойти Ли Бая можно двумя способами. Первый – написать стихи, которые будут лучше, чем у него. Второй – написать все возможные стихи!

И И растерялся еще сильнее, а вот Большезуб, стоявший рядом, похоже, осознал, о чем речь.

– Я напишу все возможные пяти- и семисложные четверостишья. Ведь Ли Бай писал в основном этими размерами. Кроме того, я собираюсь записать все возможные лирические стихотворения в обычных размерах! Неужели не понимаешь? Я собираюсь составить все возможные сочетания китайских иероглифов, которые соответствовали бы главным стихотворным размерам!

– Потрясающе! Поразительная, невероятная идея! – взревел Большезуб, позабыв о достоинстве, которое постоянно старался демонстрировать.

– Это трудно? – наивно осведомился И И.

– Еще как! Немыслимо трудно! Самый большой компьютер Пожирающей империи мог бы считать до самой смерти Вселенной, но все равно не справился бы с такой работой.

– Не может быть, – скептически заметил И И.

– Еще как может! – Ли Бай, явно довольный собой, кивнул своим словам. – А вот если использовать квантовую технику, до которой вам так же далеко, как отсюда до Пекина пешком, вычисления можно выполнить в приемлемые сроки. Таким

образом, я напишу все возможные стихи, включая те, которые были написаны в прошлом, и, что еще важнее, всё, что может быть написано в будущем! И в этом своде наверняка окажутся произведения, превосходящие наилучшие работы Ли Бая. Фактически я положу конец искусству поэзии. Как только я завершу работу, любой поэт, до конца существования Вселенной, будет всего лишь плагиатором. Поэтическое творчество сведется к поиску в моих неисчерпаемых запоминающих устройствах.

Большезуб неожиданно испустил гортанный рык, и восхищение во взгляде, который он не отрывал от Ли Бая, сменилось потрясением.

– В неисчерпаемых… запоминающих устройствах?.. – повторил он. – Глубокоуважаемый бог, вы хотите сказать, что намерены… *сохранить* все стихи, которые сочинит квантовый компьютер?

– Подумай сам: какой смысл творить, чтобы уничтожать результаты творчества сразу после их создания? Конечно, сохраню всё! Это будет элемент вклада моей расы в искусство Вселенной!

Потрясенное выражение морды Большезуба сменилось ужасом. Он простер мощные передние лапы с огромными когтями и даже задние подогнул, как будто собирался рухнуть на колени перед Ли Баем, и возопил:

– Глубокоуважаемый бог! Не надо! Не делайте этого!

– Что вас так напугало? – изумленно спросил И И.

– Дурак! Неужели ты не знаешь, что атомную бомбу делают из атомов? И запоминающее устройство тоже будет сделано из атомов, и его погрешность хранения данных не может превышать атомный уровень. Ты ведь не знаешь, что такое атомный уровень хранения данных, верно? Это значит, что все книги, написанные твоим человечеством, можно уместить на кончике иглы! Не пару книжонок, которые ты сохранил, а все книги, существовавшие до того, как мы сожрали Землю!

– Да, звучит очень впечатляюще. Я слышал когда-то, что в чашке воды содержится столько же атомов, сколько в земных океанах таких же чашек с водой. Значит, ему нужно будет написать все эти стихи, – И И указал на Ли Бая, – и спрятать их в кончике иглы.

Большезуб буквально кипел от ярости; ему пришлось несколько раз пройтись взад-вперед, и лишь после этого он смог ответить:

– Ладно… Тогда скажи мне: сколько богу потребуется символов, чтобы по одному разу записать все пяти- и семисложные четверостишья и стихи в других самых

распространенных размерах?

– Не так уж много, не более двух-трех тысяч. Классическая поэзия – самая лаконичная из форм литературного искусства.

– Так вот, козявка, я уже говорил, что ты глупец, и повторю это снова! Сейчас я покажу тебе твою лаконичность… – Большезуб подошел к столу и указал когтем на игровую доску: – Как ты называешь эту дурацкую игру?.. Ах да, вейци. Сколько на доске пересечений?

– Девятнадцать линий по вертикали и столько же по горизонтали, значит, получается… триста шестьдесят одно пересечение.

– Отлично! На каждом пересечении может стоять черная шашка, белая шашка или не стоять никакой шашки. То есть три возможных состояния. Таким образом, можно представить себе каждое дискретное состояние игры как использование трех символов для написания стихотворения из девятнадцати строк и триста шестьдесят одного символа.

– Какой интересное сравнение!

– Ну, а теперь подсчитаем, сколько стихотворений можно написать таким размером, используя все возможные сочетания трех символов? Не мучайся, я сам тебе скажу: три в триста шестьдесят первой степени или… секундочку… десять в сто семьдесят второй степени!

– Это… это много?

– Дурак! – в третий раз выкрикнул Большезуб. – Во всей Вселенной всего… гр-р-р-р-а-ах! – От злости он даже утратил дар речи.

– Сколько? – все с тем же растерянным видом спросил И И.

– Десять в восьмидесятой степени атомов. Ты, безмозглая козявка…

Лишь сейчас И И действительно удивился:

– Вы хотите сказать, что для того, чтобы сохранить все стихи, которые сочинит его квантовый компьютер, по одному стихотворению в каждом атоме, придется потратить все атомы Вселенной, и все равно они не уместятся?

– Даже и половина не уместится. Останется еще стихов на десять в девяносто второй степени атомов. В запоминающих устройствах, которые научились делать вы, жалкие земные козявки, для того чтобы сохранить одно такое стихотворение, потребуется больше атомов, чем всех вас существует на свете. Что касается нас… хранение информации с емкостью один атом на бит находится в состоянии лабораторных исследований…

– Ну вот, эмиссар, ты и продемонстрировал свою близорукость и недостаток воображения, которые и являются

одной из главных причин медленного развития технологий Пожирающей империи, – сказал со смехом Ли Бай. – Используя квантовое запоминающее устройство, основанное на принципе квантовой суперпозиции, можно уложить все эти стихи в довольно-таки ограниченный объем. Конечно, квантовые запоминающие устройства не очень стабильны. Чтобы сохранить собрание стихов навечно, их следует продублировать с помощью более традиционных методов хранения информации. И все же расход материи будет совсем незначительным.

– Сколько? – односложно спросил Большезуб с таким видом, будто ожидал, что у него вот-вот лопнет сердце.

– Примерно десять в пятьдесят седьмой. Действительно, мелочь.

– Это же… это ровно столько, сколько атомов в Солнечной системе!

– Совершенно верно – считая все планеты, вращающиеся вокруг Солнца, и, конечно, Пожирающую империю.

Заключительную фразу Ли Бай произнес совершенно непринужденно, однако И И она поразила, словно гром среди ясного неба. А вот Большезуб, похоже, сразу успокоился, как будто после долгого мучительного ожидания возможной беды услышал именно то, чего ожидал и боялся больше всего.

– Может быть, вы для этого преобразуете энергию в вещество? – спросил Большезуб.

– Ты должен представлять себе, сколько энергии потребуется, чтобы создать такое количество вещества. Это не под силу даже нам. Так что воспользуемся имеющимся.

– Опасения его величества были оправданны, – пробормотал Большезуб.

– Да, да, – бодро подхватил Ли Бай. – Я еще позавчера поставил императора пожирающих в известность об этом. Великая империя мира-кольца будет использована для еще более великой цели. Динозавры будут гордиться своей участью.

– Глубокоуважаемый бог, вы, несомненно, узнаете, как отнесется к вашему намерению Пожирающая империя, – мрачно сказал Большезуб. – Но у меня есть еще одно соображение. По сравнению с Солнцем масса Пожирающей империи очень мала. Так есть ли необходимость в уничтожении цивилизации, эволюционировавшей миллионы лет, ради того, чтобы получить совершенно незаметную горстку отходов?

– Я полностью понимаю твою озабоченность. Но ты не можешь не знать, что для того, чтобы погасить, остудить и разобрать на мелкие части Солнце, требуется очень много времени. Квантовые вычисления начнутся раньше, и нам

необходимо где-то сохранять стихи, которые будут получаться, чтобы обеспечить компьютеру свободную оперативную память и возможность продолжать вычисления. Поэтому без вещества планет и Пожирающей империи при изготовлении запоминающих устройств просто не обойтись.

– Это я понимаю, глубокоуважаемый бог. Но у меня есть еще один, наверное, последний вопрос: так ли необходимо сохранять все результаты? Почему бы не добавить аналитическую программу, которая отсеивала бы все стихи, не заслуживающие того, чтобы оставаться навечно? Насколько я знаю, классическая китайская поэзия следовала очень строгим правилам. Если удалить все стихи, не соответствующие этим формальным ограничениям, объем результатов многократно сократится.

– Формальные ограничения? Ха! – Ли Бай яростно мотнул головой. – Оковы для вдохновения, и ничего больше. До эпохи Северной и Южной династий классическая поэзия не знала подобных правил. Даже в эпоху Тан, когда получили распространение так называемые цзиньтиши, «новые стихи» с регламентацией последовательности тонов, многие мастера игнорировали эти правила и создавали выдающиеся произведения в свободном стиле бяньтиши. Так что я не стану принимать в расчет эти формальные ограничения.

– Но зато вам все равно придется принимать во внимание содержание стихов, верно? Можно заранее сказать, что девяносто девять процентов сочинений будут представлять собой натуральный мусор. Какой смысл хранить массу случайно сгенерированных последовательностей символов?

– Мусор? – Ли Бай пожал плечами. – Ты не первый в истории берешься судить о качестве или значении стихов. Хотя это не под силу ни мне и ни одному живому существу. Рассудит только время. Множество стихов не получили признания, когда были написаны, а намного позже их стали считать шедеврами. Многие шедевры нынешнего времени и будущего в далеком прошлом были бы признаны никчемными. Я собираюсь написать все стихи, которые были написаны когда-либо, пишутся сейчас и будут написаны в будущем. Кто знает, что всемогущее время сочтет наилучшим через триллионы лет?

– Но это же абсурдно! – Большезуб взревел так, что из травы взлетела целая стая перепуганных птиц. – Если опираться на базу данных по этим смешным китайским закорючкам козявок-людишек, то ваш квантовый компьютер первым делом выдаст:

а а а а а
а а а а а а

а а а а
а а а а ай

– Осмелюсь поинтересоваться: есть ли шанс, что всемогущее Время сочтет *это* шедевром?

– Зачем же ждать решения всемогущего Времени? – торжествующе воскликнул И И. – И сейчас можно смело сказать, что это доподлинный шедевр! Первые три строки и четыре первых знака четвертой – это возглас восхищения – ах! – живого существа при виде величия Вселенной. А завершающий знак – это кульминация, в которой поэт, узревший безбрежность Вселенной, единым вздохом неизбежности выражает мизерность жизни перед бесконечностью времени и пространства.

– Ха-ха-ха!.. – Ли Бай гладил бакенбарды, пытаясь прикрыть ладонью улыбку. – Отличное стихотворение, да, букашка И И, действительно отличное стихотворение. – Он взял тыквенную бутыль и налил И И вина.

Большезуб поднял могучую лапу и ткнул И И так, что тот отлетел прочь.

– Проклятая, мерзкая козявка. Я знаю, что ты сейчас радуешься. Но не забывай, что, когда погибнет Пожирающая империя, твоя раса тоже не выживет.

И И скатился почти до самой воды, там некоторое время отлеживался и лишь потом сумел на четвереньках доползти до своего шалаша. Лицо его было перемазано грязью, но он не просто ухмылялся, а хохотал, счастливо хохотал, превозмогая боль:

– Ха-ха-ха, вот это штука! Мироздание непредсказуемо! С ним ни… не соскучишься! – выкрикивал он, напрочь забыв обо всех правилах поведения.

– Эмиссар, у тебя есть еще вопросы? – спросил Ли Бай. Большезуб отрицательно покачал головой. – В таком случае завтра я принимаюсь за дело. Послезавтра на квантовом компьютере заработает программа, которая создаст полный свод человеческой поэзии. Одновременно придется гасить Солнце и демонтировать планеты и Пожирающую империю.

Большезуб выпрямился и торжественно объявил:

– Глубокоуважаемый бог, Пожирающая империя за ночь завершит подготовку к сражению.

– Отлично, просто отлично, – весело кивнул Ли Бай. – Значит, следующие несколько дней будут нескучными. Но прежде чем браться за дела, давайте допьем вино, – и собственноручно разлил остатки по чашам. Потом посмотрел на реку, в этот час

окутанную тьмой, и произнес, смакуя каждое слово: – Действительно, замечательное стихотворение. Ха-ха-ха, самое первое, и уже замечательное.

Полный свод поэзии

Программа для создания полного свода поэзии была очень проста. На человеческом языке программирования Си она состояла бы не более чем из пары тысяч строк и тоже очень скромного по размеру приложения в виде набора китайских иероглифов. Как только в находившийся на орбите Нептуна квантовый компьютер – колоссальный прозрачный конус, плавающий в вакууме, – была загружена программа, он приступил к работе.

И только теперь Пожирающая империя узнала, что Ли Бай был всего лишь одним из представителей своей сверхразвитой цивилизации. До сих пор динозавры считали, что любое общество, доросшее до такого технологического уровня, должно давно уже существовать в виде единого сознания; такими были все пять высокоразвитых цивилизаций, с которыми им доводилось встречаться за десять миллионов лет. А вот раса Ли Бая все так же состояла из отдельных особей, чем, вероятно, объяснялась и их редкостная восприимчивость к искусству. Как только началось сотворение свода поэзии, в Солнечную систему из самых разных мест отдаленного космоса начало прибывать все больше и больше соплеменников Ли Бая, которые тут же подключались к изготовлению запоминающего устройства.

Люди, жившие в Пожирающей империи, не видели ни квантового компьютера в космосе, ни прибытия многочисленных богов. Для них процесс сотворения полного свода поэзии выражался всего лишь в увеличении и сокращении количества солнц в космосе.

Через неделю после начала работы программы стихотворчества боги успешно погасили Солнце, доведя его излучение до нуля. Но из-за прекращения ядерного деления внутри Солнца внешний слой звезды стремительно распался, и она превратилась в новую звезду, снова осветив темноту. Только теперь Солнце сияло в сто раз сильнее, чем прежнее; поверхность Пожирающей империи заволокло дымом от горящих трав и деревьев. Новую быстро погасили, но через некоторое время она опять вспыхнула. Так продолжалось довольно долго – звезда вспыхивала только для того, чтобы погаснуть, и гасла для того, чтобы снова разгореться, как будто Солнце было кошкой с

девятью жизнями и упрямо сопротивлялось, тратя их одну за другой. Но боги имели большой опыт по уничтожению звезд. Они терпеливо раз за разом гасили очередные новые, пока материя, насколько это было возможно, не превратилась в более тяжелые элементы, необходимые для создания накопителя. Солнце погасло навсегда лишь после одиннадцатой вспышки.

Это случилось через три земных месяца с начала создания полного свода поэзии. Но уже на этапе третьей вспышки в космосе появились другие звезды. Они по очереди росли и уменьшались, разгорались и угасали в разных местах ближнего космоса. Какое-то недолгое время их было сразу девять. Это боги демонтировали планеты, и высвобождалась их энергия. Позже, когда Солнце сравнялось яркостью с любой из видимых звезд, отыскать на небосводе вновь созданные звезды стало практически невозможно.

Пожирающую империю демонтировали через пять недель после начала работы стихотворческой программы. Предварительно Ли Бай сделал империи предложение – боги могли перенести всех динозавров в некий мир по другую сторону Млечного Пути. Теми местами заправляла цивилизация, далеко не доставшая до уровня богов и не способная конвертировать чистую энергию в материальные предметы, но все же намного опережавшая в развитии динозавров. Там динозавров могли бы разводить как домашний скот, и они прекрасно жили бы на всем готовом, владея собственным скотом – людьми. Но динозавры гневно отвергли предложение и предпочли погибнуть, но не сломаться.

Тогда Ли Бай предложил иной вариант: чтобы людям позволили вернуться на их родную планету. Вообще-то Землю тоже демонтировали, и почти все ее вещество ушло на создание записывающего устройства. Однако боги сохранили небольшую часть, которой должно было хватить на тонкую скорлупу для полой Земли, размером соответствующей оригиналу, но в сотни раз меньше массой. Вообще-то говорить, что полая Земля – это Земля, лишенная внутреннего вещества, было бы неверно, потому что тонкий слой хрупких камней, покрывавший планету изначально, не годился для сферической оболочки. Материал для нее, вероятно, взяли из ядра планеты. Кроме того, тонкая, как бритвенное лезвие (в космических масштабах), но невероятно прочная оболочка была дополнительно укреплена сетью, которая окутывала сферу, как градусная сетка глобус. Нити для нее сделали из нейтрония, полученного при коллапсе Солнца.

К всеобщему изумлению, Пожирающая империя не только сразу приняла это предложение Ли Бая и разрешила всем людям

покинуть мир-кольцо, но и вернула все взятые при разграблении Земли морскую воду и воздух. Боги восстановили внутри полой Земли континенты, практически неотличимые от изначальных, океаны и атмосферу.

А потом началась страшная битва по защите мира-кольца. Пожирающая империя воздвигла против богов заслоны из ядерных ракет и гамма-лучей, но могущественные враги их попросту не заметили. Боги задействовали какую-то неодолимую невидимую силу, которая стала раскручивать гигантское кольцо до тех пор, пока центробежная сила не разорвала его на куски. И И в это время находился в пути к полой Земле и с начала до конца наблюдал за гибелью Пожирающей империи с расстояния в двенадцать миллионов километров.

> *Кольцо распадалось очень медленно, как во сне. На смоляно-черном фоне космоса огромный мир рассеялся, как кусочек молочной пенки на кофе; осколки по краям медленно погружались во тьму, словно растворяясь в пространстве, и появлялись вновь только при спорадических вспышках взрывов.* (Из «Пожирателей».)

Великая агрессивная и жестокая цивилизация, возникшая некогда на Земле и покинувшая ее задолго до появления человеческого рода, погибла. И И с искренней скорбью оплакивал ее. Уцелело лишь несколько динозавров, вернувшихся на Землю вместе с человечеством. Среди них был и эмиссар Большезуб.

В обратном путешествии на Землю большинство людей пребывало в подавленном настроении, но совсем не по той причине, что была у И И. На возрожденной родной планете им предстояло пахать и сеять, как говорила одна древняя книга, «в поте лица своего есть хлеб свой». За время их пленения динозаврами люди привыкли к тому, что хозяева удовлетворяли все их потребности, обленились, презирали труд, и будущее представлялось им худшим из кошмаров.

Но И И верил, что у Земли есть будущее. Неважно, сколько трудностей лежит впереди, – в конце концов люди вновь станут людьми.

Поэтическая туманность

Путешествие за поэзией привело сначала на берег Антарктиды.

Притяжение здесь было уже слабым; волны лениво накатывались на берег, словно в медленном танце. При малой

силе тяжести каждый удар волны вздымал на высоту в несколько десятков метров тучу брызг, а там силы поверхностного натяжения собирали их в шары и шарики размером от футбольного мяча до дождевой капли, которые опускались так медленно, что можно было рукой рисовать в воздухе кольца вокруг каждого такого шара. Они еще и отражали лучи микросолнца, так что, как только И И, Ли Бай и Большезуб оказались на берегу, их окутало яркое сияние.

Благодаря вращающим силам Земля получилась немного растянутой по оси, что и помогло Северному и Южному полюсам сохранить прежний морозный климат. Выпадавший при слабом притяжении снег образовывал пушистые сугробы, которые в самых мелких местах доходили до пояса человеку, а в самых глубоких полностью накрывали даже такого гиганта, как Большезуб. Но даже провалившись с головой, можно было нормально дышать! Этот невесомый снежный пух плавными белыми холмами покрывал весь Антарктический континент, создавая неповторимый ландшафт.

И И со своими спутниками разместился в большом – с учетом размера и веса Большезуба – снегоходе, и они направились к Южному полюсу. Снегоход мчался, как глиссер, взрывая снежный пух пушистыми браздами.

Через сутки они оказались на Южном полюсе, местонахождение которого было отмечено высокой хрустально прозрачной пирамидой, воздвигнутой в память о Войне в защиту Земли, случившейся двести лет назад. На ее гранях не было ни надписей, ни изображений. Просто кристалл, возвышающийся над воздушным, как пена, снегом на оси вращения земного сфероида и безмолвно сверкающий в солнечном свете.

Отсюда был виден весь мир. Континенты и океаны окружали яркое маленькое солнце, так что казалось, будто оно встает из вод Северного океана.

– Неужели это маленькое солнце будет светить вечно? – спросил И И у Ли Бая.

– По меньшей мере до тех пор, пока новая земная цивилизация не разовьется до создания нового солнца. Это всего лишь миниатюрная белая дыра.

– Белая дыра? Это черная дыра наоборот? – спросил Большезуб.

– Да, она связана через червоточину с черной дырой, вращающейся вокруг звезды в двух миллионах световых лет отсюда. Дыра втягивает свет звезды, а выходит он здесь. Получается нечто вроде световодного кабеля, протянутого через гиперпространство.

Вершина монумента обозначала южное начало оси Лагранжа, линии с нулевой гравитацией длиной в 13 000 километров между Северным и Южным полюсами полой Земли, получившей свое название в память о существовавшей до нападения Пожирателей точке Лагранжа между Землей и Луной, где небесные тела взаимно гасили притяжение друг друга. Люди предполагали в будущем запустить на лагранжеву ось несколько спутников. По сравнению с теми проблемами, которые приходилось решать при космических запусках людям прошлого, дело было просто плевым: доставить спутник на какой-нибудь тележке к Северному или Южному полюсу и хорошенько пнуть ногой.

Пока они осматривали памятник, подъехал еще один снегоход, даже больше, чем у них, и оттуда высыпала толпа юных туристов. Оказавшись в снегу, они сразу же подпрыгнули и полетели в воздухе вдоль лагранжевой оси, изображая собой спутники. Отсюда было хорошо видно множество мелких черных точек, словно пунктиром, обозначавших саму ось, – туристы с легкими летательными аппаратами дрейфовали в полосе отсутствия притяжения. Если бы не солнце, помещенное точно посередине оси, можно было бы долететь без остановки до Северного полюса. Уже было несколько случаев, когда из-за неисправности реактивных ранцев туристы улетали к Солнцу и гибли. Вернее, гибли они, далеко не долетев до светила – просто испарялись на лету.

И выйти в космос из полой Земли тоже было очень просто. Нужно было всего лишь прыгнуть в одну из пяти глубоких шахт, расположенных на экваторе (их называли Земными воротами), и падать (лететь?) сотню километров сквозь оболочку, а затем, подчиняясь центробежной силе, отправиться прямиком в космос.

И И и его спутникам, чтобы увидеть Поэтическую туманность, тоже предстояло миновать подобную шахту, но они выбрали Антарктические земные ворота. Здесь не действовала центробежная сила, и они, вместо того чтобы с разгона вылететь в космос, должны были всего лишь достичь наружной поверхности полой Земли. Облачившись на контрольной станции в космические скафандры, предназначенные для невесомости, они вошли в стокилометровую шахту (хотя при отсутствии притяжения ее следовало бы называть туннелем) и полетели по ней. Движение здесь было куда медленнее, чем на экваторе, и выхода они достигли только через полчаса.

Наружная поверхность полой Земли была совершенно пуста. Здесь не было ничего, кроме перекрещивающихся полос нейтрония, наглядно рисовавших на сфере градусную сетку географических координат. На Южном полюсе меридианы

сходились. Выйдя из Земных ворот, компания оказалась на небольшом плато, от которого во все стороны разбегались скреплявшие Землю полосы, похожие на длинные хребты невысоких гор.

Подняв глаза к небу, они увидели Поэтическую туманность, находившуюся теперь на месте Солнечной системы – маленькую, всего в сотню астрономических единиц диаметром, спиральную галактику, очень похожую по строению на Млечный Путь. Полая Земля находилась в окраинной части одной из ее ветвей, примерно как Солнце находилось на настоящем Млечном Пути. Разница заключалась в том, что орбита Земли проходила не в той же плоскости, в какой вращалась Поэтическая туманность, что позволяло видеть галактику в плоскости, а не только сбоку, как в случае с Млечным Путем.

Поэтическая туманность испускала серебристый свет, которого хватало даже на то, чтобы рисовать на земле тени стоявших фигур. Впрочем, судя по всему, туманность не светилась, а скорее флуоресцировала под действием космических лучей. Потоки излучения были неравномерны, и поэтому в разных частях Поэтической туманности неожиданно вспыхивали разноцветные световые полотнища. Они колыхались, и переливающееся многоцветье катилось по небу, светящиеся массы часто пробивались сквозь Поэтическую туманность, их разноцветный свет катился по небу, будто там играли в светящейся воде сияющие киты. Изредка, когда всплески космической радиации оказывались особенно сильными, туманность светилась ярче и становилась совсем не похожа на космический объект. Тогда все небо выглядело поверхностью залитого лунным светом моря, каким она видится из-под воды.

Вращение Земли и туманности происходило не синхронно, и Земля время от времени оказывалась в промежутке между спиральными рукавами. В это время с планеты можно было видеть ночное небо, и звезды, и, что особенно впечатляло, поперечный разрез Поэтической туманности. Огромные массивы, похожие на земные кучевые облака, вздымались над спиралевидной плоскостью, мерцая серебристым светом, трансформируясь в великолепные формы, которые будоражили человеческое воображение, как будто принадлежали к пейзажу, явившемуся во сне какому-то сверхразвитому сознанию.

И И отвел взгляд от Поэтической туманности и поднял из-под ног очень тонкую хрустальную пластинку размером с пол-ладони. Такие пластинки валялись повсюду и сверкали, как осколки чистого льда зимой. И И поднял пластинку над головой, где клубилась Поэтическая туманность. Если смотреть прямо,

пластинка была прозрачной, но стоило лишь немного наклонить ее, как на поверхности появлялось отражение туманности в радужных ореолах. Это был чип квантовой памяти. Одной миллионной доли процента ее объема с запасом хватило бы для того, чтобы сохранить всю письменную информацию, созданную человечеством за время своего существования. Поэтическая туманность состояла из 1040 таких единиц и содержала весь свод поэтических произведений в трех размерах. На ее создание ушло все вещество Солнца, и девяти главных планет, и, конечно, Пожирающей империи.

– До чего же величественное произведение искусства! – искренне вздохнул Большезуб.

– Да, оно прекрасно по сути своей – туманность в миллиард километров в поперечнике, содержащая все возможные стихи. Но она еще и великолепна на вид! – воскликнул И И, тоже глядя в небо. – Даже я готов начать поклоняться технологиям.

Ли Бай звучно, протяжно вздохнул. Он в последнее время почему-то пребывал в подавленном настроении.

– Ох, вы как будто поменялись точками зрения. Я же определил возможность применения технологий в искусстве. И… – он вдруг всхлипнул, – потерпел полную неудачу.

– Что вы такое говорите?! – И И указал на висевшую над головой Поэтическую туманность: – Ведь тут собраны все возможные стихи, значит, наверняка есть произведение, превосходящее стихи Ли Бая, и, вероятно, не одно!

– Они ведь недоступны мне! – Ли Бай топнул ногой, и его подбросило на несколько метров вверх. Повиснув там, он сжался в клубок, спрятав голову в колени, и в этой позе зародыша долго спускался под действием еле ощутимого притяжения земной оболочки. – В самом начале создания свода я немедленно взялся за составление программы, которая анализировала бы получающиеся стихи. И технология снова столкнулась с непреодолимым препятствием на пути постижения искусства. Я по-прежнему не знаю, как написать программу, которая анализировала и оценивала бы поэзию. – Он указал вверх, на Поэтическую туманность: – Действительно, с помощью могучей технологии я создал полный свод поэзии. Но я так и не могу найти в нем… увы…

– Неужели душа и сущность разумной жизни действительно недоступны для технологий? – громко спросил Большезуб, обращаясь к Поэтической туманности над своей головой. После всего, что ему довелось пережить в последнее время, он ударился в философию.

– Поскольку в Поэтической туманности наличествуют все

возможные стихотворения, то, естественно, какая-то часть их описывает все наше прошлое и все наше будущее, возможное и невозможное. Букашка И И наверняка нашел бы стихотворение, описывающее ощущения, которые он испытал однажды ночью тридцать лет назад, когда подстригал ногти, или меню его обеда, который состоится через двенадцать лет. Эмиссар Большезуб тоже может найти стихотворение, в котором описывается цвет определенной чешуйки на его ноге через пять лет…

Произнося последние фразы, Ли Бай наконец-то опустился наземь и вынул из своих одеяний две пластинки, слабо мерцавшие в свете Поэтической туманности.

– Это мой дар каждому из вас – и вам обоим. Квантовый компьютер произвел поиск по вашим именам в Поэтической туманности и отыскал несколько квадриллионов стихотворений, в которых описываются ваши возможные будущие жизни. Конечно, это лишь крохотная часть стихов, в большей или меньшей степени посвященных вам. Сам я прочел только несколько десятков из них. Больше всего мне понравилось семисложное четверостишье, описывающее романтическую встречу И И с очаровательной деревенской девушкой на речном берегу…

– Надеюсь, что после того, как я покину вас, люди и оставшиеся динозавры смогут поладить, а человечество наконец-то сумеет примириться с самим собой. Вот если кто-нибудь взорвет что-то атомное и проделает дырку в скорлупе полой Земли, это будет настоящей проблемой… Хорошие стихи, имеющиеся в Поэтической туманности, так и не принадлежат никому. Надеюсь, люди сумеют написать что-то из них.

– А что потом случилось со мною и деревенской девушкой? – с неподдельным любопытством спросил И И.

Ли Бай, озаренный серебристым светом Поэтической туманности, усмехнулся:

– Вы жили долго и счастливо.

Мыслитель [72]

Солнце

Он до сих пор отчетливо помнил, что почувствовал тридцать четыре года назад, когда впервые увидел астрономическую обсерваторию горы Сиюнь. Он ехал в машине «Скорой помощи», и как только они миновали перевал, вдали показалась самая высокая вершина массива Сиюнь. Отражавшие золотой свет заходящего солнца сферические крыши зданий, под которыми скрывались телескопы, казались жемчужинами, инкрустированными в горный пик.

Он только что окончил медицинский институт, получив специальность нейрохирурга, и сейчас был интерном и ассистентом главного хирурга. Его срочно отправили в обсерваторию, чтобы спасти приглашенного ученого-исследователя из Англии, который упал во время прогулки. Увы, обширная травма головы оказалась слишком серьезной, и пострадавший был нетранспортабелен. Потому-то с машиной «Скорой помощи» и прислали нейрохирурга, который просверлил черепную кость и откачал немного крови, чтобы уменьшить отек мозга. Теперь нужно было выждать, пока состояние пациента стабилизируется, чтобы его можно было перевезти в больницу на операцию.

Он смог отойти от больного лишь поздней ночью. Дожидаться, пока больной придет в нужное состояние, и переносить его в машину предстояло санитарам, врач же, чисто из любопытства, решил рассмотреть поближе стоявшие вокруг яйцевидные корпуса. В лунном свете астрономический городок наводил его на мысли о Стоунхендже, и хотелось отыскать в расположении зданий какой-то потаенный смысл. Побуждаемый некоей мистической силой, так и оставшейся для него загадкой на протяжении всей долгой жизни, он подошел к ближайшей обсерватории, открыл дверь и вошел внутрь.

В помещении было темно, лишь слабо светились многочисленные маленькие лампочки приборов. Ему показалось, что он перешел из-под звездного неба с яркой, почти полной луной под звездное небо с совсем крохотным, почти невидимым серпиком. Лишь узкий лучик лунного света проникал в проем купола и падал на гигантский астрономический телескоп, частично очерчивая его контуры серебряными линиями. Такой телескоп был бы вполне уместен на городской площади в

качестве абстрактной скульптуры.

Чуть ли не на цыпочках он подкрался к основанию телескопа и разглядел в слабом свете скопище каких-то механизмов. Устройство оказалось куда сложнее, чем он представлял себе. Он поискал глазами окуляр, но тут от двери донесся приятный женский голос:

– Это солнечный телескоп. У него нет окуляра.

Со стороны двери к нему приближалась хрупкая фигурка женщины в белом лабораторном халате, походившая на перышко, неспешно летящее в лунном свете. Это сходство усугублял ветерок, как будто сопровождавший незнакомку.

– Прежние модели солнечных телескопов выводили изображение на специальный экран. А теперь мы используем компьютерный монитор… Доктор, вы, похоже, не на шутку заинтересовались.

Он кивнул:

– Обсерватория – это нечто сакральное и очень сложное. Я испытываю здесь какие-то необычные и довольно приятные ощущения.

– В таком случае почему же вы занялись медициной? О, простите, это неуместно и грубо…

– Но ведь медицина – это отнюдь не сумма тривиальных навыков. Она тоже бывает причастна к сакральному, как, например, моя специальность – нейрохирургия.

– О! Значит, вы берете скальпель, обнажаете мозг и видите там мысли?

Он смотрел на ее улыбающееся лицо в слабом отсвете луны и неожиданно представил себе зрелище, которого никогда не видел, – солнечный свет, падающий из телескопа на экран. Первые яростные вспышки сменились нежным великолепием, заставившим его сердце сбиться с ритма. Он тоже улыбнулся, надеясь, что она заметит его улыбку.

– Ну, если вам так угодно… Но подумайте вот о чем: нечто, напоминающее шляпку большого гриба, которую легко удержать на ладони, оказывается богатой и разнообразной вселенной. С определенной философской точки зрения эта вселенная даже величественнее, чем та, которую наблюдаете вы. Ваша Вселенная простирается на десятки миллиардов световых лет, и все же было установлено, что она конечна. Моя вселенная бесконечна, потому что бесконечна мысль.

– Увы, мысли бесконечны далеко не у всех, но ваши, доктор, действительно не знают границ. Что касается астрономии, то она не столь сакральна и возвышенна, как вы считаете. И несколько тысяч лет назад на берегах Нила, и несколько сотен лет назад во

время долгих морских путешествий это был чисто практический навык. Астрономы того времени часто тратили годы на то, чтобы отмечать на звездных картах положение тысяч звезд. Вся жизнь уходила на перепись звезд. Ну а в наши дни реальная работа по астрономическим исследованиям уныла, скучна и бессмысленна. Например, я изучаю мерцание звезд. Я веду бесконечные наблюдения, делаю заметки, продолжаю наблюдения, делаю новые и новые заметки. В этом определенно нет никакой сакральности или возвышенной сложности.

Он удивленно вскинул брови:

– Мерцание звезд? То самое, которое мы видим невооруженным глазом? – Она беззвучно рассмеялась, и он тоже со смехом тряхнул головой. – О, конечно же, я знаю, что это всего лишь рефракция в атмосфере.

– И тем не менее это довольно точная метафора. Если отбросить стабильный уровень и выявлять только колебания энергии, то действительно будет казаться, будто звезды мерцают.

– Из-за солнечных пятен?

Она сделалась серьезной:

– Нет, это флуктуация общей энергии звезды. Примерно так же, как бывает с обычной электрической лампой: она мигает не потому, что вокруг вьются мотыльки, а из-за колебаний напряжения в сети. Конечно, колебания энергии мерцающей звезды настолько незначительны на общем фоне, что обнаружить их можно только путем чрезвычайно точных измерений. Впрочем, будь они сильнее, мы давно уже сгорели бы в одной из вспышек Солнца. Исследование этих мерцаний – один из способов понять глубинную структуру звезд.

– И удалось уже что-нибудь открыть?

– Открытий нам еще ждать и ждать. На сегодня мы изучали мерцание только одной, самой доступной для наблюдения звезды – Солнца. Наблюдение может продолжаться годами, а потом мы постепенно перейдем и к другим звездам… Так что, прежде чем сделаем какие-либо открытия и придем к какому-то выводу, на измерения какого-то параметра Вселенной можно потратить и десять, и двадцать лет. Это тема моей диссертации, но я думаю, что работать над нею я буду еще долго, возможно, всю жизнь.

– Получается, что вы все же не считаете астрономию скучной?

– То, чем я занимаюсь, по-моему, прекрасно. Войти в мир звезд – все равно что войти в безграничный сад. Нет двух одинаковых цветов… Может быть, эта аналогия покажется вам странной, но именно так я это ощущаю.

Она непроизвольным жестом указала на стену. Там висела картина – совершенно абстрактная, просто широкая, волнистая

линия, проходящая от края до края. Заметив, на что он смотрит, она сняла картину со стены и протянула ему. Толстая волнистая линия оказалась мозаикой из разноцветных камешков, в изобилии имевшихся в этих местах.

– Очень мило, но что здесь изображено? Горный хребет, который виден отсюда?

– Наши самые недавние измерения мерцания Солнца выявили большую интенсивность, и вообще в этом году флуктуации были особенно выразительными. Это кривая энергии, излучаемой при мерцании. Знаете, на прогулках я всегда собираю здесь камешки и из них…

Но его куда сильнее очаровал другой изгиб. Слабый свет приборных ламп освещал одну сторону ее тела. Все остальное растворилось в окружающей тени. Как будто умелый художник провел на листе тонкой белой специальной бумаги изящную каллиграфическую линию тушью. Некая духовность, пронизывающая эту плавную кривую, наполняла и идеально белую бумагу жизненной силой и содержанием… В городе за горами, где он жил, миллион, а то и больше хорошеньких молодых женщин, словно мириады молекул, вовлеченных в броуновское движение, непрерывно гонялись за внешними эффектами и тешили собственное тщеславие, не оставляя себе ни минуты передышки для размышлений. Но кто мог бы подумать, что на этой горе, о которой большинство горожан имеет самое смутное представление, живет нежная и тихая женщина, которая подолгу смотрит на звезды…

– Вы способны увидеть во Вселенной и явить человечеству такую красоту. Вот это настоящая редкость и к тому же везенье.

Он понял, что невежливо уставился на собеседницу, и отвел взгляд. Потом вернул ей картину, но она легонько подтолкнула ее обратно.

– Оставьте ее себе на память, доктор. Профессор Уилсон – мой научный руководитель. Спасибо, что спасли ему жизнь.

Через десять минут «Скорая помощь» удалилась в лунную ночь. По пути он медленно осознавал, что же именно оставил и получил сегодня на горе.

Первый раз

Женившись, он полностью отказался от попыток противиться времени. Однажды он перевез вещи из своей квартиры в ту, которую теперь делил с женой. А те, что не годились для совместного использования двумя людьми, он отнес в свой

кабинет в больнице. Небрежно перебирая их, он нашел мозаику, сделанную из цветных камешков. Увидев многоцветную кривую, он вдруг понял, что со времени поездки на гору Сиюнь прошло уже десять лет.

Альфа Центавра А

Группа молодых сотрудников больницы отправилась на весенний пикник. Он придавал значение этой поездке еще и потому, что почти наверняка не получил бы приглашения туда и на будущий год. На сей раз организатор поездки с самого начала напустил туману – плотно задернул занавески на всех окнах автобуса и потребовал от всех по прибытии угадать, где они находятся. Тому, кто первым даст правильный ответ, был обещан приз. Он понял, куда они попали, как только вышел из автобуса, но промолчал.

Перед ним возвышался самый большой пик горы Сиюнь, сверкавший на солнце жемчужинами куполов.

Дождавшись, пока кто-то, явно наобум, верно назовет место, он сказал организатору поездки, что хочет подняться в обсерваторию навестить знакомых, и зашагал пешком по круто поднимавшейся вверх извивающейся дороге.

Он сказал почти правду, за исключением разве что того, что женщина, имени которой он даже не знал, не была штатной сотрудницей обсерватории. Наверняка ее давно уже нет здесь. Он даже не собирался заходить внутрь, просто хотел оглядеть то место, где десять лет назад его душа, горячая, сухая и яркая, как Солнце, превратилась в нить лунного света.

Час спустя он добрался до вершины горы и белых перил обсерватории. Краска на них потрескалась и выцвела. Он молча рассматривал теснившиеся на небольшой площадке корпуса. Место мало изменилось. Он быстро нашел куполообразное здание, в которое когда-то входил, сел на каменный блок, лежавший в траве, закурил сигарету и зачарованно уставился на железную дверь здания. Из глубин памяти всплыла сцена, которую он так долго лелеял: полуоткрытая железная дверь в луче лунного света, похожего на воду, и легкое перышко, вплывающее в комнату…

Он был настолько погружен в это давнее воспоминание, что не удивился, когда произошло чудо: железная дверь обсерватории действительно открылась. На солнечный свет выплыло то самое перышко, которое когда-то соткалось из лунного света. Женщина быстрым шагом прошла, почти пробежала, в другую

обсерваторию. Он видел ее не более двадцати секунд, но знал, что не ошибся.

Через пять минут они встретились.

При ярком освещении она оказалась именно такой, какой он ее себе представлял. Он не удивился этому. А ведь прошло уже десять лет. Ну, не должна была она выглядеть точно так же, как та женщина, едва освещенная несколькими лампочками приборов и луной. Он был озадачен.

Она была приятно удивлена, увидев его, но не более того.

– Знаете, доктор, я посещаю все обсерватории, работающие по моей теме. В этом году я приехала сюда всего на полмесяца. И почти сразу снова встретила вас. Это, наверно, судьба!

Небрежно брошенная последняя фраза подтвердила его первоначальное впечатление: увидев его снова, она не почувствовала ничего, кроме удивления. Но все же узнала его, хотя прошло целых десять лет. В этом он находил какое-то утешение.

Для начала они перекинулись несколькими словами насчет судьбы того ученого-англичанина, из-за травмы которого он приехал сюда впервые. И лишь потом он осведомился:

– Вы все еще занимаетесь мерцанием звезд?

– Да. Два года я наблюдала за мерцанием Солнца, а потом перешла к другим звездам. Вы наверняка понимаете, наблюдение за другими звездами требует методов, не имеющих ничего общего с теми, какими мы изучаем Солнце. Проект не получил тогда нового финансирования и прервался на много лет. Мы возобновили его – и то в объеме, далеком от предусмотренного, – лишь три года назад. Сейчас мы наблюдаем только двадцать пять звезд. Но их все прибавляется.

– Вы, наверно, сделали много новых мозаик?

Улыбка, которую он когда-то увидел при лунном свете, многократно всплывавшая из глубин его памяти за минувшие десять лет, теперь появилась на солнце.

– Неужели вы помните?! Да, каждый раз, бывая на горе Сиюнь, я собираю красивые камешки. Пойдемте, я вам покажу!

Она повела его в обсерваторию, где они впервые встретились. Войдя, он сразу увидел гигантский телескоп. Неизвестно, тот самый ли, что стоял тут десять лет назад, а вот компьютеры, которые его окружали, были явно новыми. Они-то не могли просуществовать так долго. На высокой изогнутой стене висели уже знакомые ему мозаики самых разных размеров, изображавшие волнистые кривые. Все они были разной длины. Некоторые были нежны, как море. Другие были, напротив, грубыми, как ряд высоких башен, беспорядочно соединенных

вместе.

Переходя от картинки к картинке, она рассказывала, какие волны порождены какими звездами.

– Эти мерцания мы называем мерцаниями типа А. Они встречаются не так часто, как другие типы. Разница между мерцаниями типа А и другими типами не только в том, что их энергетические флуктуации на порядок, а то и несколько более выражены, но и математика их кривых несравненно элегантнее.

Он растерянно покачал головой.

– Интересно: все ученые, занятые фундаментальными науками, всегда говорят об элегантности математики. Я думаю, это у вас, что называется, пунктик. Например, вы все уверены, что уравнения Максвелла невероятно элегантны. Когда-то я пытался разобраться в них, но так и не смог понять, в чем их элегантность…

Как и десять лет назад, она сразу сделалась серьезной.

– Их элегантность сродни элегантности кристалла – очень твердые, идеально чистые и совершенно прозрачные.

Неожиданно он узнал одну из мозаик.

– О, вы сделали ее копию! – И, увидев недоумение на ее лице, пояснил: – Это же тот самый график мерцания Солнца, который вы подарили мне десять лет назад.

– Но… вовсе нет. Это график мерцания типа А звезды Альфа Центавра А. Мы наблюдали ее… э-э… в прошлом октябре.

Он нисколько не сомневался в том, что она искренне озадачена его словами, но был совершенно уверен в том, что сказал. Слишком хорошо он знал этот график. Более того, он мог бы безошибочно назвать цвет и форму каждого камня, из которого состояла кривая. Он не хотел рассказывать ей, что, пока он не женился в прошлом году, эта мозаика всегда висела у него на стене. Каждый месяц обязательно выпадало несколько ночей, когда лунный свет падал в окно, и он мог разглядывать мозаику, лежа в постели. Он молча пересчитывал камешки, из которых слагалась кривая. Его взгляд ползал по ней, как жук. Обычно он засыпал, пройдя путь в одну сторону и дойдя до середины обратно. В сновидениях он продолжал гулять по этой кривой, порожденной Солнцем, как будто переступал с одного цветного камня на другой, иного цвета, чтобы пересечь реку, берегов которой никогда не увидит…

– Вы можете отыскать график мерцания Солнца десятилетней давности? Точнее, 23 апреля.

– Конечно.

Она с легким недоумением посмотрела на него, явно удивленная тем, что он так точно назвал ту дату. Подойдя к

компьютеру, она вывела на экран волновой график мерцания Солнца, а следом – Альфы Центавра, мозаичная копия которого висела на стене, ошеломленно уставилась на экран.

Графики совпали в точности.

Не выдержав ее долгого молчания, он предположил:

– Может быть, эти две звезды имеют одинаковую структуру и потому и мерцают одинаково? Вы ведь когда-то сказали мне, что мерцание типа А отражает глубинную структуру звезды.

– Они обе принадлежат к главной последовательности и относятся к спектральному классу G2, но их структуры определенно неидентичны. Но главное в том, что, даже если структуры звезд совершенно идентичны, мы все равно этого не увидим. Это как с баньяновыми деревьями. Вы когда-нибудь видели два абсолютно одинаковых дерева? Чтобы такие сложные графики действительно идеально перекрывались – это все равно что отыскать два больших баньяновых дерева, где даже самые дальние от ствола ветви будут совершенно одинаковыми.

– А что, если это действительно два больших баньяновых дерева, оказавшихся совершенно одинаковыми? – попытался утешить ее он, зная, что несет чепуху.

Она чуть заметно покачала головой. Потом подумала еще о чем-то и замерла на месте. В ее взгляде почему-то удивление смешалось с испугом.

– Боже мой! – воскликнула она.

– В чем дело?

– Вы… вам не кажется, что это может быть связано со временем?

Он, как ни странно, стразу сообразил, что она имела в виду.

– Насколько мне известно, Альфа Центавра А – это ближайшая к нам звезда. До нее всего лишь… четыре световых года.

– 1,3 парсека, 4,25 световых года, – машинально поправила она. Видно было, что она все еще не отошла от изумления, и даже последняя фраза прозвучала так, будто ее устами говорил кто-то другой.

Теперь все было ясно: два идентичных мерцания произошли с разницей в восемь лет и 6 месяцев, как раз столько времени требуется свету, чтобы он мог совершить круговое путешествие между двумя звездами. Через 4,25 года, когда свет мерцающего Солнца достиг Альфы Центавра А, последняя стала мерцать точно таким же образом, и ровно через такое же время мы увидели мерцание Альфы Центавра.

Она присела к компьютеру и занялась вычислениями, приговаривая себе под нос:

– Даже если не делать поправку на ошибку регрессии, вводящую разброс в несколько лет, результат все равно удовлетворительный.

– Простите, что я встревожил вас необдуманными словами. Впрочем, это все равно невозможно проверить, поэтому не стоит так волноваться.

– Говорите, невозможно проверить? Я не стала бы так решительно это утверждать. Свет мерцающего Солнца распространяется в космосе. Что, если через определенное время еще какая-нибудь звезда ответит ему таким же мерцанием?

– Следующая, после Альфы Центавра, ближайшая звезда?..

– Звезда Барнарда. 1,81 парсека, но она слишком тусклая. Мы просто не можем измерить ее. Следующая – Вольф-359, 2,35 парсека – тоже тусклая и тоже недоступна для измерения. Потом идет Лаланд-21185, 2,52 парсека – и она тусклая. И, наконец, Сириус.

– Ну, уж Сириус-то, насколько я понимаю, достаточно ярок для любых измерений. И каково расстояние до него?

– 2, 65 парсека, как раз 8,6 световых лет.

– Свет от того мерцания Солнца распространяется уже десять лет. Туда он уже добрался. Что, если Сириус уже подмигнул в ответ?

– Но это мерцание мы увидим лишь еще через семь лет. – Она вдруг встрепенулась, будто очнулась от грез, и рассмеялась. – Помилуйте, о чем я думаю! Это же смешно!

– Значит, вы, как астроном, считаете эту идею смешной?

Она посмотрела ему в глаза.

– А что еще можно о ней сказать? Вот вы, нейрохирург, – как вы отреагируете, если кто-нибудь начнет доказывать, что мысли рождаются не в мозгу, а, скажем, в сердце?

Он не нашелся что ответить на это. Она взглянула на часы, и он понял, что пора уходить. Она не уговаривала его остаться, но довольно долго провожала его по дороге, которая вела вниз с горы. Он подумал было попросить телефонный номер, но удержался, понимая, что для нее он просто незнакомец, вторично попавшийся ей на пути спустя десять лет после первой, столь же случайной встречи.

Они попрощались, и она направилась обратно к обсерватории. Горный ветерок развевал полы ее белого лабораторного халата. Неожиданно в нем пробудилось то же самое чувство, которое он испытал при их прощании десять лет назад. Солнечный свет, казалось, превратился в лунный. То ли легкое перышко удалялось, чтобы исчезнуть, то ли тонула в воде рисовая соломинка, которую отчаянно хотелось схватить. Он

понял, что хочет сохранить эту неощутимую, как паутинка, связь, возникшую между ними. Почти инстинктивно он крикнул ей в спину:

– А если через семь лет вы увидите, что Сириус действительно замигал точно так же?..

Она остановилась, повернулась и ответила с улыбкой:

– В таком случае встретимся здесь!

Второй раз

После женитьбы его жизнь в корне изменилась, а после рождения ребенка – снова, и еще сильнее. Фигурально выражаясь, он пересел с ленивого почтового поезда жизни на экспресс и теперь с бешеной скоростью мчался вперед, без остановок проскакивая бо́льшую часть платформ. Он отупел от дорожной скуки, закрыл глаза, больше не обращал внимания на неменяющийся пейзаж и в конце концов уснул. Однако, как и у многих других людей, спящих в поезде, крошечные часики в глубине его сердца продолжали тикать. Он проснулся в ту самую минуту, когда добрался до места назначения.

Однажды ночью его жена и ребенок крепко спали, а он никак не мог заснуть. Повинуясь какому-то таинственному порыву, он накинул одежду и вышел на балкон. В ярко освещенном городе было трудно разглядеть на небе звезды. Он все же искал что-то – но что? Прошло немало времени, прежде чем сердце подсказало: он ищет Сириус. Он даже вздрогнул от этой мысли.

Прошло семь лет. Близилось время давным-давно назначенной встречи – до нее оставалось всего два дня.

Сириус

Накануне выпал первый снег в этом году. На дорогах было скользко. Такси не смогло преодолеть последний отрезок дороги. Ему снова пришлось пешком взбираться на вершину горы Сиюнь.

По дороге он не раз спрашивал себя, в здравом ли он вообще рассудке. Бесспорно, вероятность того, что она придет на встречу, была равна нулю. По одной очень простой причине: ну, не мог Сириус мерцать так же, как Солнце семнадцать лет назад. За последние семь лет он изучил немало литературы по астрономии и астрофизике. Ему было стыдно за ту нелепость, которую он ляпнул семь лет назад. Спасибо, что она не рассмеялась тогда ему в лицо. Сейчас-то он ясно понимал, что она, просто из

вежливости или пожалев его, сделала вид, будто приняла его слова всерьез. За прошедшие семь лет он много-много раз размышлял над обещанием, которое она дала при расставании. И чем дальше, тем сильнее он ощущал в ее словах насмешку…

За прошедшее время астрономы перешли в основном от наземных телескопов на космические, расположенные на околоземной орбите. Обсерватория горы Сиюнь закрылась четыре года назад. Здания переделали в коттеджи. В межсезонье здесь практически не бывало людей… И что ему там делать? Он остановился. Прошедшие семь лет взяли свое. Он уже не мог с былой легкостью подняться на гору. У него возникло было сомнение в том, что стоит подниматься на вершину, но после секундного колебания он все же пошел дальше.

Он так долго ждал – так почему бы сегодня не завершить путь, по которому вела его мечта?

Увидев белую фигурку перед бывшей обсерваторией, он решил, что это галлюцинация. Женщина в белой ветровке почти сливалась с фоном заснеженной горы. И едва он успел разглядеть ее, она побежала к нему навстречу. Она походила на перышко, летящее над снежным полем. Он же окаменел от изумления и стоял так, пока она не оказалась рядом. А она хватала ртом воздух и никак не могла отдышаться, чтобы заговорить. Она почти не изменилась, если не считать того, что коротко остригла свои длинные прежде волосы. Семь лет – это совсем немного. По сравнению со временем жизни звезд это нельзя считать даже мгновением, и она изучала звезды.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

– Доктор, прежде всего должна сказать, что не очень-то надеялась увидеть вас сегодня. Я и сама-то приехала в основном из чувства долга, поскольку обещала, а может быть, и хотелось.

– Знаете, я тоже.

– Я даже… даже дату наблюдения чуть не упустила из виду. Вообще-то, я никогда по-настоящему не забывала ее, лишь задвинула куда-то в самые глубокие тайники памяти. А несколько ночей назад все это вдруг всплыло в голове…

– И у меня тоже.

Тут они оба умолкли и долго молчали, прислушиваясь к ветру, который шумел между деревьями, порождая в горах негромкое эхо.

В конце концов он не выдержал и спросил чуть дрожащим голосом:

– Неужели Сириус показал такое же мерцание?

– График его мерцания точно совпадает с кривой, которую дало Солнце семнадцать лет назад, и с кривой Альфы Центавра А

семилетней давности. И случилось это точно в предсказанный срок. Мерцание наблюдал космический телескоп «Конфуций-3». Это никак не может быть ошибкой.

Они снова надолго умолкли. Ветер то тише, то громче рокотал в кронах деревьев. Звук метался среди гор, заполняя пространство между землей и небом. Казалось, какая-то сила гудела по всей Вселенной, как глубокий и мистический хор… Он не мог сдержать озноб. Она, очевидно, испытывала такое же ощущение; во всяком случае, заговорила она так энергично, будто желала избавиться от своих страхов:

– Но эта ситуация, вернее, этот странный феномен не укладывается в рамки наших общепринятых теорий. Чтобы предъявить его научному сообществу, потребуется провести гораздо больше наблюдений и собрать доказательную статистику.

– Я понимаю. Следующая звезда, доступная для наблюдения, – это?..

– Это мог быть Процион в Малом Псе, но пять лет назад он внезапно потускнел и сейчас непригоден для измерения. Возможно, его закрыло облачко космической пыли. Так что остается Альтаир из созвездия Орла.

– И каково же расстояние до него?

– 5,1 парсека, 16,6 световых лет. Семнадцатилетнее мерцание Солнца как раз добралось до него.

– Значит, нам придется ждать еще семнадцать лет?

– Жизнь человеческая коротка и безысходна.

Ее последние слова затронули какие-то глубинные струны в его сердце. Его глаза, высушенные досуха зимним ветром, вдруг наполнились слезами.

– Увы, это так. Жизнь человеческая действительно коротка, и итог ее предопределен раз и навсегда.

– Но, по крайней мере, у нас пока остается немалый шанс еще раз встретиться по этому случаю.

Он озадаченно уставился на нее. Она что, действительно уже строит планы на семнадцать лет вперед?! Быть того не может!

– Извините. Это все очень неожиданно. Мне нужно немного подумать.

Ветер сбрасывал зачесанные назад волосы ей на лоб. Она то и дело поправляла их. Она словно заглянула в его сердце и понимающе рассмеялась.

– Конечно. Я дам вам свой телефон и электронный адрес. Можно поддерживать контакт, если будет желание.

Он тяжело вздохнул, как вздохнул бы пароход, заблудившийся в тумане и наконец-то обретший спасительный свет маяка на берегу. Его сердце заполнилось счастьем, но

смущение не позволяло признаться в этом самому себе.

– Но… Позвольте, я провожу вас донизу?

Она со смехом покачала головой и указала за спину, на куполообразный коттедж, переделанный из корпуса, где когда-то стоял телескоп.

– Я останусь здесь на некоторое время. Не волнуйтесь. Тут есть и электричество, и хорошая компания. Здесь постоянно живут лесники… Мне и впрямь нужны тишина и покой, много тишины и покоя.

На этом они распрощались. Он зашагал вниз по покрытой снегом дороге. Она долго стояла на вершине горы Сиюнь и смотрела ему вслед. Они оба настраивались на семнадцать лет ожидания.

Третий раз

Вернувшись в третий раз с горы Сиюнь, он внезапно осознал, что его жизнь близится к концу. Вряд ли у них обоих осталось больше семнадцати лет. Свет ползал по огромной и пустынной Вселенной медленно, как улитка. Жизнь была достойна упоминания не в большей степени, чем грязь.

Они поддерживали связь первые пять лет из семнадцати. Они обменивались электронными письмами, иногда звонили друг другу, но ни разу не встретились. Она жила в другом городе, далеко-далеко. А потом каждый из них сосредоточился на достижении вершины своей жизни. Он стал знаменитым специалистом по нейромедицине и главой крупной клиники. Ее включили в Международную академию наук. У каждого из них находилось все больше и больше забот. К тому же он понимал, что неуместно тратить время самого, пожалуй, выдающегося астронома современности на обсуждение слишком уж похожей на миф, а то и сказку вещи, которая связывала их вместе. Поэтому они постепенно все больше и больше отдалялись друг от друга. К середине семнадцатилетнего интервала они полностью прервали контакт.

Однако он не волновался. Он знал, что между ними существует нерушимая связь – свет с Альтаира, несущийся на Землю сквозь огромное пустынное пространство. Они оба молча ждали, когда он прибудет.

Альтаир

Они встретились на горе Сиюнь темной ночью. Каждый из них спешил прийти пораньше, чтобы не заставлять другого ждать, и в результате оба поднялись на вершину около трех часов утра. Они легко могли бы подняться сюда на своих летающих автомобилях, но совершенно сознательно, не сговариваясь, припарковали их у подножия горы и поднимались пешком. Очевидно, им хотелось и в некоторой степени воспроизвести былое.

Гору Сиюнь десять лет назад объявили природным заповедником, и теперь она являлась одним из немногочисленных диких мест, оставшихся на Земле. Старая обсерватория и коттеджи превратились в руины; их успели обвить виноградные лозы. Среди этих руин они и встретились при свете звезд. Он недавно видел ее по телевизору, поэтому знал, как время сказалось на ее внешности. Эта ночь выдалась безлунной, и он мог как угодно представлять себе ее, но чувствовал, что это та же самая женщина, что предстала перед ним в лунном свете тридцать четыре года назад. Звездный свет, отражавшийся в ее глазах, заставлял его сердце таять от воспоминаний.

Она заговорила первой:

– Давайте не будем сразу говорить об Альтаире, ладно? Я уже несколько лет веду исследовательский проект, занимающийся именно измерением передачи мерцания типа А между звездами.

– О! Я был уверен, что вы побоитесь развивать это открытие. Или попросту выкинете его из головы.

– Ну что вы, разве так можно? Нужно смотреть правде в глаза: что-то такое существует. Во Вселенной, которую описывает классическая теория относительности и квантовая физика, не счесть непостижимых странностей. За несколько лет наблюдений мы обнаружили, что передача мерцания типа А между звездами является универсальным явлением. В любой данный момент его можно наблюдать у бесчисленного количества звезд. Оно распространяется через соседние звезды. Инициировать мерцание или склонить, а может быть, спровоцировать другие звезды к подобным действиям может любая звезда. Все пространство словно пруд, покрытый рябью от кругов, которые порождают дождевые капли… Ну как? Впечатляет?

– Я уже ничего не понимаю. Наблюдение за обменом мерцаниями между четырьмя звездами заняло более тридцати лет. Так как же?..

– Ну, вы ведь умный человек. Не может быть, чтоб вы сами не додумались.

– Пожалуй… разве что в таком роде: установить наблюдение за несколькими звездами, расположенными рядом друг с другом.

Например, звезды A и B находятся на расстоянии десяти тысяч световых лет от Земли, но всего в пяти световых годах друг от друга. Таким образом, нам хватит всего пяти лет, чтобы наблюдать мерцание, которое они передали десять тысяч лет назад.

– Вот, я не зря хвалила ваш ум! На Млечном Пути сотни миллиардов звезд. И подобных комплектов можно отыскать сколько угодно.

Он рассмеялся. Точно так же, как и тридцать четыре года назад, она смотрела в ночи, как он смеется.

– Я принес вам подарок.

С этими словами он открыл дорожную сумку и достал оттуда странную штуковину размером с футбольный мяч. На первый взгляд она походила на беспорядочно скомканную рыболовную сеть. Сквозь крошечные отверстия проникали иголочки звездного света. Он включил фонарик, и стало видно, что предмет состоял из бесчисленного количества крошечных шариков размером с рисовое зернышко. К каждому шарику присоединялось разное количество палочек, таких тонких, что они были почти невидимы, и эти палочки соединяли шарики между собой. Все это вместе образовало чрезвычайно сложную сетевидную систему.

Он выключил фонарик, нащупал в темноте выключатель у основания сооружения и нажал на него. Вспышка, показавшаяся в темноте ослепительной, распалась на стремительно перемещающиеся яркие точки, рассыпавшиеся по всему сооружению, как будто там сидели в крошечных полых стеклянных шариках десятки тысяч светлячков. Вот вспыхнул один шарик, и тут же его свет распространился на соседние. В любое мгновение какая-то часть крошечных шаров зажигала начальную точку света или распространяла свет, создаваемый другим шариком. Она наглядно увидела свою собственную аналогию: пруд во время дождя.

– Это модель распространения мерцания среди звезд? О, какая красота. Да разве… неужели вы все это предвидели?!

– Я предполагал, что распространение мерцания среди звезд – универсальное явление. Конечно, это была просто интуитивная догадка. Вот только это не модель распространения звездного мерцания. В нашем университете ведется ряд исследований мозга, одно из которых использует технологию молекулярного позиционирования трехмерной голографической микроскопии для изучения распространения сигналов между нейронами. Это всего лишь модель распространения сигнала в коре правого полушария головного мозга, хотя и очень небольшой ее части.

Она не могла оторвать взгляда от огоньков, танцующих в

сфере.

– Это сознание?

– Да. Точно так же, как работа компьютера сводится к перебору немыслимого количества нулей и единиц, так и сознание – всего лишь продукт огромного количества простых связей между нейронами. Иными словами, сознание – это то, что происходит, когда между узлами распространяется огромное количество сигналов.

Они молча смотрели на искрящуюся звездами модель мозга. А во вселенской бездне, которая окружала их, сотни миллиардов звезд, плавающих на Млечном Пути, и сотни миллиардов звезд за пределами Млечного Пути обменивались между собой и передавали все дальше бесчисленные мерцания типа А.

– Уже почти светает, – как бы невпопад сказала она. – Давайте дождемся зари.

Они сидели рядом на цоколе обрушившейся стены и смотрели на стоявшую перед ними модель мозга. Мигающий свет оказывал гипнотический эффект. Она незаметно задремала.

Мыслитель

Она летела над огромной, бескрайней серой рекой. Это была река времени. Она летела против течения, к источнику времени. В космосе плавали галактики, похожие на ледниковые морены. Она летела быстро. Один взмах крыльев переносил ее сразу на сто с лишним миллионов лет. Вселенная сжималась. Галактики сползались все ближе друг к другу. Радиационный фон резко повышался. Когда до истока остался лишь миллиард лет, морены галактик начали таять в море энергии, быстро распадаясь на свободные частицы. А потом частицы превращались в чистую энергию. Пространство начало излучать свет, поначалу темно-красный. Казалось, она скользит в кроваво-красном энергетическом море. Яркость света быстро росла и переходила от темно-красного к оранжевому, а затем к пронзительному чисто-голубому. Казалось, она летит в гигантской трубе неонового света. Частицы материи уже растаяли в энергетическом море. Пронзая ослепительное пространство, она увидела, как границы Вселенной изгибаются в сферическую поверхность, как будто сжимается гигантская ладонь. Вот Вселенная сжалась до размеров большой гостиной. Она висела в самой середине, ожидая прибытия странной частицы. Наконец все погрузилось в кромешную тьму. Она знала, что уже находится внутри странной частицы.

В следующий миг нахлынул ледяной холод, а потом она обнаружила, что стоит на просторной белой равнине. Над ней простиралась безграничная черная пустота. Чисто белую землю покрывал гладкий слой прозрачной, липкой жидкости. Она пошла вперед, к берегу ярко-красной реки. Поверхность реки была затянута прозрачной мембраной, под которой стремились красные воды. Она оторвалась от земли и взмыла в небо. Неподалеку кровавая река разветвлялась на множество рукавов, образуя сложную сеть потоков. Она поднималась все выше. Кровавые реки становились тоньше, превращаясь просто в линии на белой земле, которая все так же простиралась до горизонта. Она полетела вперед. Появилось море черного цвета. Но, оказавшись над ним, она поняла, что оно не черное. Оно лишь казалось черным, потому что было глубоким и совершенно прозрачным. Глазам открылись горные хребты на обширном морском дне – хребты из цветного хрусталя простирались радиально от центра моря до берега… Она продолжала подниматься и невесть как долго не смотрела вниз. А посмотрев, увидела всю Вселенную разом.

Вселенная оказалась гигантским глазом, который спокойно взирал на нее.

* * *

Она внезапно проснулась. Ее лоб был мокрым. Она не могла понять, пот это или роса. Он не спал и так же сидел рядом, молча глядя на нее. В стоявшей перед ними на траве модели мозга иссякла батарейка. Звездный свет, пронизывавший его, погас.

Над ними светились те же звезды, что и прежде.

– О чем «он» думает? – спросила она, прервав молчание.

– Сейчас?

– В эти тридцать четыре года.

– Мерцание, которое начало наше Солнце, могло быть просто примитивным нервным импульсом. Такое случается постоянно. Большинство из них подобно комарикам, которые порождают на пруду практически незаметную и ни на что не влияющую рябь. Реальное ощущение могут нести только те импульсы, которые распространяются по всей Вселенной.

– То есть мы потратили целую жизнь и увидели в «нем» только один мерцающий импульс, который «он» не мог даже почувствовать? – не очень вразумительно сказала она, как будто все еще пребывала во сне.

– Мы вряд ли увидели бы проявление хотя бы одного из «его»

реальных ощущений, даже если бы потратили на наблюдения всю продолжительность человеческой цивилизации.

– Жизнь человеческая коротка и безысходна.

– Воистину – жизнь человеческая коротка и безысходна.

– Воистину глубокомысленная одинокая личность.

– Что? – Он вскинул на нее недоуменный взор.

– О, я сказала «он», имея в виду и всеобщность, и небытие. «Он» – это все. Думает, а может быть, видит сны. Но о чем эти сны…

– Давайте постараемся не вдаваться в философию! – Он махнул рукой, как будто отгонял муху или пылинку.

Ей в голову вдруг пришла неожиданная мысль. Она слезла с остатков стены.

– Согласно теории Большого взрыва, которой придерживается современная космология, пока Вселенная расширяется, свет, излучаемый из определенной точки, никогда не сможет широко распространиться по Вселенной.

– Иными словами, у «него» никогда не будет и не может быть хотя бы одного реального ощущения.

Ее взгляд был устремлен куда-то бесконечно далеко. Она долго молчала, прежде чем бросить короткую реплику:

– А у нас?

Ее вопрос заставил его погрузиться в воспоминания. Между тем в лесах горы Сиюнь защебетали первые птицы. На восточном горизонте появилась светящаяся полоска.

– У меня было, – уверенно сказал он.

Да, у него было реальное ощущение. Это случилось тридцать четыре года назад мирной лунной ночью на этой самой горной вершине. Легкая, как перышко, гибкая фигура в лунном свете, глаза молодой женщины, глядящей на звезды… Мерцание в его мозгу быстро распространилось по всей вселенной его разума. С тех пор это мерцание ни на миг не затухало. Вселенная, заключенная в его мозгу, превосходила великолепием заполненную звездами внешнюю Вселенную, которая расширяется уже почти четырнадцать миллиардов лет. Хотя внешняя Вселенная безмерно огромна, наука в конце концов установила, что она конечна. А вот мысль – бесконечна.

Небо на востоке быстро светлело, и россыпь звезд таяла в этом свете. Стали проявляться грубые очертания горы Сиюнь. На самой высокой вершине этого массива, возле увитых лозой руин обсерватории, два почти шестидесятилетних человека напряженно смотрели на восток, ожидая, когда над горизонтом поднимется ослепительно яркая мозговая клетка.

notes

Примечания

1

Вообще-то, и рабочие муравьи, и муравьи-солдаты всегда самки. Самцов у муравьев очень мало, и активного участия в жизни муравейника они не принимают. Но раз уж в русском языке «муравей» мужского рода, то здесь будет и так и так. – *Примеч. пер.*

2

Традиционная японская циновка татами имеет два строго определенных размера: 95,5 × 191 см или 88 × 176 см.

3

Тай – самая южная из пяти священных гор Китая, находится в провинции Шаньдун.

4

鯨歌, 1999 г.

5

微观尽头, 1987 г.

纤维, 2001 г.

7

使, 2000 г. Первое издание в журнале «Короли НФ», 11/2001 г.

8

命运, 11 мая 2011 г., перевал Нянцзы.

9

混沌蝴蝶, 11 июля 1999 г.

10

Перевод С.Я. Маршака.

11

Перевод Е. Барашкова, М. Нахмансон.

12

Объединенное авиационное командование Воздушно-космических сил НАТО (Allied Air Command – AIRCOM).

13

Объединенные вооруженные силы НАТО на Южно-Европейском театре военных действий (Allied Forces, Southern Europe); Южно-Европейская тактическая группа сухопутных войск США.

ЕАМ – метеорологическая служба Европейского командования ВВС США; NM – Национальная метеорологическая служба США.

15

Имеются в виду ракеты с лазерным наведением и ракеты с теленаведением.

16

Подразумеваются крылатые ракеты «Томагавк».

17

Радар «Тамара» – радиолокационная система чехословацкого производства эпохи Варшавского договора, использующая уникальный метод пассивной локации. Станции «Тамара» были способны обнаруживать истребители-стелс «F-117» и «B-2», и поэтому пилоты авиации НАТО панически боялись оказаться в зонах их действия.

18

Удача (*исп.*).

19

朝闻道, 26 сентября 2001 г., перевал Нянцзы.

20

Перевод И.И. Семененко.

21

光荣与梦想, 7 марта 2003 г., перевал Нянцзы.

22

Хутун – тип средневековой китайской городской застройки, микрорайон.

23

«Windows» – окна – название самой популярной в мире компьютерной программной среды, разработанной фирмой «Microsoft», созданной Биллом Гейтсом.

24

Дубль-трап – одновременная стрельба по парным мишеням (дуплет), вылетающим из траншеи по угонным траекториям, почти параллельным друг другу.

25

Рассказ был написан до Олимпийских игр 2004 г. в Афинах. В действительности соревнования по марафонскому бегу среди мужчин и женщин, проходившие на той самой трассе, что и в первых Олимпийских играх современности, проводились раздельно. Результаты победителей – 2:10:55 (мужчины) и 2:26:20 (женщины).

26

Президентская медаль свободы – высшая награда США для гражданских лиц, которой награждаются за существенный вклад в обеспечение национальной безопасности страны или за достижения в общественной и культурной жизни.

27

人生, 2010 г., первая публикация в авторском сборнике Лю Цысиня «Море снов», 2015 г.

28

У. Шекспир. Венецианский купец. Пер. О. Сороки.

29

圆, 17 февраля 2013 г.

30

Действие рассказа происходит в Эпоху воюющих царств, когда на территории Китая располагалось несколько независимых государств: Цинь, Ци, Чу, Вэй, Чжао, Янь и Хань. В результате продолжительных войн государство Цинь при правителе (ване) Ин Чжэне одержало полную победу, покорило остальные шесть государств и объединило Китай под властью династии Цинь. Ин Чжэн вошел в историю под именем Цинь Шихуанди, первый император Китая.

31

Чи – китайская мера длины. В разные времена ее величина различалась; в эпоху Цинь чи – 23,1 см.

32

Боши – ученый (*кит.*).

33

Цунь – 3,33 см.

Ли – китайская мера длины; в эпоху Цинь составляла 406,8 м.

35

Ван Цзянь – один из четырех великих полководцев, участвовавших в кампаниях циньского вана Ин Чжэна против шести других царств. Исторический Ван Цзянь разгромил государства Янь (откуда был родом Цзин Кэ), Чжао и Чу. – *Прим. авт.*

36

Впервые опубликован под названием 乡村教师 в журнале «Мир научной фантастики» в Чэнду, 2000 г.

37

Ли – традиционная китайская мера длины; в настоящее время равна 500 метрам (1640 футов).

38

Форма выкупа невесты в некоторых сельских районах Северо-Западного Китая; как ясно из названия, предполагает денежное возмещение зятем тех мук, которые перенесла мать, рожая дочь. (*Прим. авт.*)

39

Перевод Вл. Рогова.

Альберт Эйнштейн. Физика и реальность.

41

Впервые опубликован под названием 时间移民 в «Jiangsu Phoenix Literature and Art Publishing House», Нянцзы, 2014 г.

42

Перевод Л.Н. Меньшикова.

43

Строка из стихотворения Ван Вэя, поэта эпохи Тан: «Провожаю Юаня Второго на службу в Аньси».

44

Первая публикация под названием «2018–04–01» в журнале «Esquire China», Пекин, 2009 г.

45

Первая публикация под названием 地火 в «Science Fiction World», Чэнду, 2000 г.

46

Министерство угольной промышленности Китая было упразднено в 1998 г. Часть его функций была передана Государственному управлению угольной промышленности.

47

Династия Цин правила в Китае с 1644 по 1912 г.

48

В Китае еще в 1950-х гг. была принята квалификационная тарифная сетка рабочих профессий, в которой 8-й разряд был наивысшим.

49

Впервые опубликован под названием 坍缩 в журнале «Мир научной фантастики», Чунцин, 1999.

50

Династия, правившая в Древнем Китае в период ок. 1045–771 до н. э.

51

Первая публикация под названием 镜子 в «Мире научной фантастики», Чэнду, 2004 г.

52

Соответствует званию старшего лейтенанта в полиции Российской Федерации.

53

Переполнение стека – ошибка, возникающая при попытке поместить в стек больше элементов, чем это позволяет выделенное для него место. При отсутствии аппаратного контроля стека это вызывает затирание части кода программы или области данных.

54

Эффект Дросте – техника размещения рекурсивного изображения: внутри изображения размещается его уменьшенная копия, внутри которой уменьшенная копия предыдущего изображения, и так далее – теоретически до бесконечности (на практике до пределов допустимого качества изображения).

55

«Служим народу» – политический лозунг и неофициальный девиз Китайской Народной Республики, появившийся на самой заре образования государства; цитата из речи Мао Цзэдуна.

56

Начат в 2001 г., опубликован как 欢乐颂 в журнале «The Novoland Fantasy», Чэнду, 2005 г.

57

Французский музыкант, первый из известных западных пианистов гастролировавший в Китае (в 1992 году), неизменно входит в число виднейших исполнителей классической музыки всего мира.

58

В Китае Пятая симфония Бетховена известна под названием «Симфония судьбы».

59

«Ода “К радости”» (музыка Л. Бетховена, стихи Ф. Шиллера) в 1972 году была принята в качестве официального гимна Совета Европы, а с 1985 года – Европейских сообществ (Европейского союза с 1993 года).

Перевод И. Миримского.

61

Впервые опубликован под названием – 全频带阻塞干扰 в журнале «Science Fiction World», 2001 г., Чэнду.

62

Упрощенное разъяснение терминов радиоэлектронной войны. Скачкообразная перестройка частоты: случайное или псевдослучайное переключение несущих частот передатчика в соответствии с шаблоном, встроенным в приемник. Широкополосный псевдослучайный сигнал (с расширенным спектром и кодом прямой последовательности) – при этом методе передаваемый сигнал распределяется в широком диапазоне частот, что затрудняет подслушивание и постановку помех. Система адаптивной нуллификации: способность антенной решетки обнулять сигналы от поставленных противником помех, что позволяет ей поддерживать связь с дружественными антеннами в других направлениях. Пакетная передача характеризуется сочетанием очень высокой скорости посылки сигналов данных и очень короткого времени передачи (поэтому и называется также импульсной передачей) в расширенном частотном диапазоне. Быстрая перестройка частоты: постоянное и очень частое изменение частоты передаваемого сигнала, позволяющее преодолевать поставленные помехи.

63

АВАКС – русифицированная аббревиатура англоязычного термина AWACS (Airborneearly Warningand Control System – Авиационная система раннего предупреждения и управления).

64

1-я кавалерийская дивизия армии США является на самом деле бронетанковой, но сохраняет за собой название, под которым была создана в 1921 г.

65

Война в Заливе (Вторая война в Персидском заливе) – вооруженный конфликт между Многонациональными силами (МНС) и Ираком за освобождение и восстановление независимости Кувейта в период со 2 августа 1990 года по 28 февраля 1991 года. Известна также под кодовым названием «Буря в пустыне».

66

Национальный день Франции – главный праздник страны; отмечается ежегодно 14 июля. В России больше известен как День взятия Бастилии.

67

В 1966 году президент Франции генерал де Голль вывел свою страну из состава военной организации НАТО, что серьезно ослабило позиции Запада в «холодной войне» против СССР и других стран социалистического лагеря.

68

Первая публикация как 梦之海 в «Science Fiction World», Чэнду, 2002 г.

По-русски эта река именуется Сунгари.

70

Первая публикация как 诗云 в «Science Fiction World», Чэнду, 2003 г.

71

В России эта игра больше известна под японским названием «го».

72

Первая публикация как 思想者 в «Science Fiction World», Чэнду, 2003 г.